

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

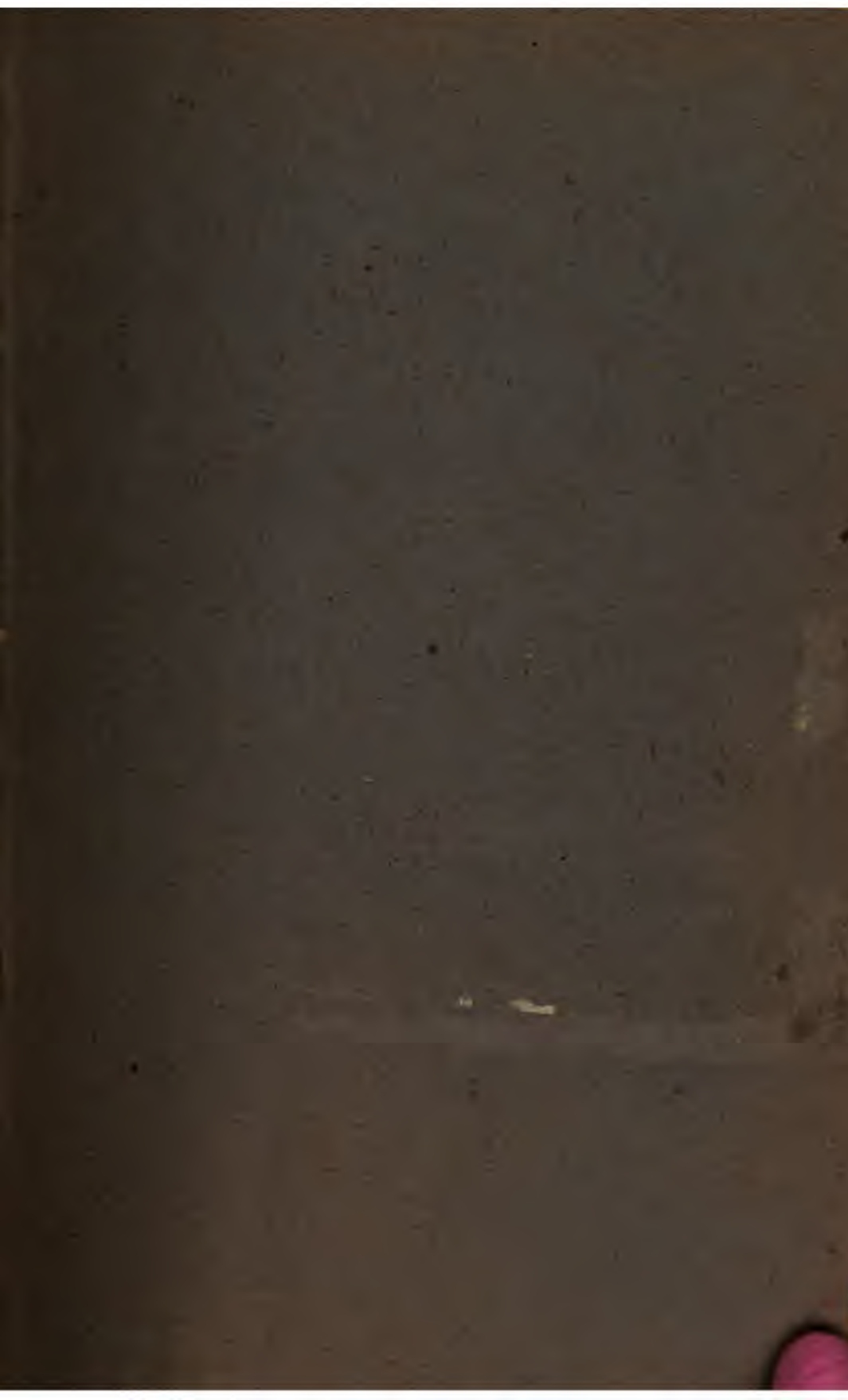
1908

PSlav 620.5 ($\frac{1901}{2}$)

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

1909

PSLan 620.5 (1901/2)

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

1877

5980

05

Р 89

ФЕВРАЛЬ.

1901.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лесселя, д. 3.

№ 4477 ж. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

100 1070 Δ

Plar 620.5 ($\frac{1901}{2}$)

✓

61*2

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Софья Пушкирева. Повѣсть. <i>Бориса Гегидзе</i> . I—XII.	5— 36
2. Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ. <i>В. И. Семевскаго</i> . Окончаніе	37— 79
3. Налетѣла гроза. Стихотвореніе. <i>О. Чюминой</i>	79
4. Моховъ. Очеркъ <i>А. Погорѣлова</i>	80—100
5. По Финляндіи. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. <i>Э. З.</i> Окончаніе	101—125
6. Островъ. Романъ <i>Р. Уайтинга</i> . Переводъ съ англійскаго <i>З. Н. Журавской</i> . Продолженіе	126—169
7. Свиданіе. Стихотвореніе. <i>П. Я.</i>	170—172
8. Медовыя рѣки. Очерки. IV. Перекати-поле. <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка</i> . Окончаніе	173—186
9. Сибирскіе рассказы. Государевы ямщики. I. Станочники.—II. Микеша.—III. Отчаянный человѣкъ на Титаринскомъ станкѣ.—IV. По рѣкѣ. <i>В. Г. Короленко</i>	187—219
10. Король Клондайка. Романъ. <i>Р. Озіа-Тюренна</i> . Переводъ съ французскаго <i>В. К.</i> Продолженіе	220—256
11. Пересмотръ судебныхъ уставовъ. I. Мѣстный судъ. <i>Д. Л.</i>	1— 19
12. Наша корпоративная ученость и профессиональная гуманность конца вѣка. <i>М. Ладыженскаго</i>	20— 39
13. Новыя книги: С. Н. Сигма. Петербургскіе негативы. — Н. Маклецова. Революціонеръ.—А. И. Косоротовъ. Забитая калитка. Вавилонское столпотвореніе.—Г. Т. Сѣверцовъ. На паровозѣ жизни.—Е. Войничъ. Оводъ. — М. Ватсонъ. Джузеппе Джусти.—А. О. Быкова. Рассказы изъ исторіи Англіи.—Г. О. Розенцвейгъ. Изъ залы суда.—Масарикъ. Философскія и соціологическія основанія марксизма.—В. П. Лит-	

(См. на оборотѣ).

	виновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи.—В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . .	39—63
14.	Матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченко. И. А. . . .	63—73
15.	Изъ Англіи. <i>Діонео</i>	74—102
16.	Литература и жизнь. Продолженіе о книгѣ г. Бердяева съ предисловіемъ г-на Струве и о себѣ самомъ.—Кончина В. А. Манасеина. Н. К. Михайловскаго	102—124
17.	Политика. Политическая эволюція XIX в. С. Н. Южакова	124—147
18.	Хроника внутренней жизни. I. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1901 г.—II. Правительственное сообщеніе и частныя вѣсти о голодѣ.—Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—III. Циркуляръ министра юстиціи.—Приостановка газеты «Новости Дня». —Сообщеніе «Финляндской газеты». —Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Поправка	147—175
19.	Крестьянскій вопросъ. А. Пъшехонова	175—181
20.	Наша текущая жизнь. (Журнально-газетное обозрѣніе). «Жизнь», ноябрь и декабрь, 1900 г.—«Міръ Божій», декабрь 1900 г. и январь 1901 г.—«Вѣстникъ Европы», декабрь 1900 г. и январь 1901 г. (Разбитое зеркало литературы: мелочи беллетристики.—Новыя вѣянія среди «русскихъ учениковъ: метафизическое опьяненіе и исканіе вѣчнаго.—Зигзаги критическаго Пегаса) В. Г. Подарскаго	182—198
21.	Замѣтка. П. Батина	198—201
22.	Объявленія	202—204

Продолжается приемъ подписки на 1901 годъ

(IX-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой.	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка:

при подпискѣ 5 р.	} или {	при подпискѣ 3 р.
и къ 1-му іюля 4 р.		къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ и Петербургѣ **безъ доставки** (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ) допускается разсрочка 8-ми рублей по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ за слѣдующую книжку по іюль включительно

Книжные магазины, библиотeki, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к., а также въ разсрочку **не принимается.**

1908

PSlav 620.5 ($\frac{1901}{2}$)

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

5980
05
Р 89

ФЕВРАЛЬ.

1901.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

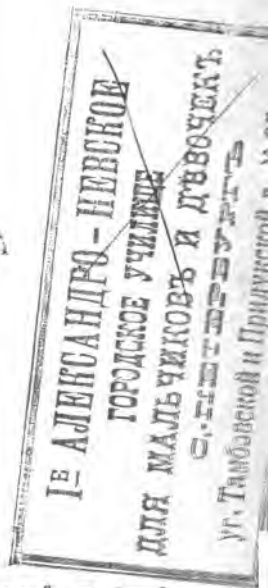
Пл. Лассаля, д. 3.

№ 4477 ж. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений

• 2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, ул. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., уничтожены.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОФЬЯ ПУШКАРЕВА.

Повѣсть.

Warum willst du dich von uns Allen
Und unsrer Meinung entfernen,
Ich schreibe nicht euch zu gefallen,
Ihr sollt was lernen.

Goethe.

I.

Каждый смотреть на міръ со своей точки зрѣнія и то, что кажется одному обыкновеннымъ и скучнымъ, для другого часто является прелестнымъ.

Для четырнадцатилѣтней Сони Любимовой все было прекрасно на дѣтскомъ рождественскомъ вечерѣ, куда она пріѣхала въ первый разъ въ своей жизни. Красота этого дня, начавшаяся еще рано утромъ, когда она стала завивать себѣ волосы въ клочки газетъ и примѣрять платье, все время усиливалась и усиливалась, и когда Соня пріѣхала въ клубъ, она попала точно въ особое сказочное царство.

Раздѣвшись въ уборной, приколовъ бантики и расправивъ волосы, съ вѣромъ въ тонкихъ рукахъ, одѣтыхъ въ бѣлыя перчатки, Соня съ мамой вышли въ аванъ-залъ. Было какъ разъ во время — самый разгаръ танцевъ. Аванъ-залъ былъ полонъ народу, взрослыми и въ особенности дѣтьми. Ото-всюду слышался говоръ, смѣхъ, и все это походило на жужжаніе улья. Пройдя въ главный залъ и скользя неувѣренно по блестяще-гладкому полу маленькими ножками, обутыми въ темныя съ помпонами туфли, и стараясь не разъединиться съ мамой, она остановилась около толпы не танцующихъ, полукругомъ плотно облежавшей залъ. Два кадета, увидавъ ее, потѣснились и посмотрѣли на нее сверху, когда она проходила. Она вышла впередъ, въ кругъ, гдѣ танцевали, и остановилась.

Вся огромная зала была залита свѣтомъ, исходившимъ

изъ переливавшихся огнями люстръ, привѣшенныхъ къ потолку. Было такъ свѣтло, что она даже на мигъ зажмурилась. Сотни мальчиковъ и дѣвочекъ, начиная съ самыхъ маленькихъ въ разноцвѣтныхъ рубашечкахъ, панталончикахъ, голубыхъ и розовыхъ платицахъ, гимназистовъ въ синихъ съ серебряными галунами мундирчикахъ, кадетовъ съ краснымишитыми золотомъ воротниками и кончая взрослыми барышнями и офицерами съ звенѣвшими шпорами, все это танцовало, кружилось, сіяло и смѣялось. Маленькіе неуклюже перебирали ножками, стараясь не сбиться съ такта, съ серьезными лицами, старшіе скользили легко, плавно, точно плыли. И все это вертѣлось, и все это несло къуда-то, и все было счастливо и прелестно.

„Какъ прекрасно, какъ хорошо здѣсь“ — была первая невыраженная словами мысль Сони. — „Нужно также мнѣ, какъ всѣ эти мальчики и дѣвочки, вертѣться, сіять и быть счастливой“. Она подумала это и улыбнулась мамѣ, точно говоря: ну а когда-же мнѣ начинать?

Высокая полная дама, стоявшая вблизи, обернулась и, увидавъ Анну Семеновну, подошла къ нимъ.

— И вы здѣсь, — сказала она, здороваясь съ Анной Семеновной. — Вывезли дочку.

— Да, въ первый разъ, — сказала Анна Семеновна. — А вы тоже съ дочкой?

— Нѣтъ, съ сыномъ. Стою и люблюсь, какъ онъ танцуетъ, — сказала, смѣясь, полная дама. — Нѣтъ, право, онъ очень хорошо танцуетъ. Такой кавалеръ. Вы его не знаете? Вотъ онъ, вотъ здѣсь, посмотрите.

Одна пара, дѣвочка въ нѣжно-сиреновомъ платьѣ и красивый пятнадцатилѣтній мальчикъ — гимназистъ, проплыли скоро-скоро около нихъ. Дѣвочка, опутивъ глаза, смотрѣла на свои быстро мелькавшія ножки и прижималась къ кавалеру. Гимназистъ смѣялся и говорилъ ей что-то.

— Сережа, — громко окликнула полная дама, когда они были близко отъ нея.

— Ахъ, мама, — сказалъ гимназистъ, увидавъ мать и, улынувшись счастливой дѣтской улыбкой, исчезъ уже въ толпѣ. Полная дама провожала его глазами.

— А вы что-же стоите? — сказала она Аннѣ Семеновнѣ.

— Кавалера нѣтъ. — Надо съ кѣмъ-нибудь познакомиться, — отвѣтила Анна Семеновна.

— Вотъ что! Пустяки какіе... Вотъ, позвольте, сейчасъ Сережа подойдетъ ко мнѣ. Тогда будетъ кавалеръ для Сони. Хочешь, Соня?

Соня улыбнулся ей. Она тоже смотрѣла на промелькнувшую пару и проводила ее глазами.

„Какъ хорошо-бы танцовать съ нимъ, какъ эта дѣвочка въ сиреновомъ платьѣ“, — подумала она. Она была совсѣмъ какъ очарованная. Она такъ перенеслась въ этотъ сказочный міръ, глядя на танцующихъ, что совсѣмъ забыла о себѣ, и очнулась только, когда ее громко кто-то позвалъ.

— Соня, Соня... Вотъ тебѣ кавалеръ, — услышала она и обернулась. И, обернувшись, она не повѣрила тому, что увидѣла: тотъ прекрасный гимназистъ, что сейчасъ промелькнулъ передъ ней и съ которымъ она пожелала танцовать, стоялъ передъ ней и, улыбаясь, смотрѣлъ на нее темными счастливыми глазами.

— Это мой сынъ, Сережа, танцуйте съ нимъ, — сказала полная дама, улыбаясь.

— Здравствуйте, — проговорилъ гимназистъ, на скоро пожимая ея тонкую руку. — Позвольте васъ просить на вальсъ.

И не спрашивая ея согласія, онъ наклонился къ Сонѣ, увѣренно и осторожно обнялъ ее, а другой рукой коснулся ея нѣжныхъ дрожащихъ пальцевъ. И сейчасъ-же Соня, сама не сознавая, что надо дѣлать, невольно, подъ звуки музыки, стала выдѣлывать па. Все закружилось и поплыло мимо нихъ. Но Соня не смотрѣла ни на кого, а опустивъ глаза, невольно прижималась къ кавалеру.

Какъ хорошо, — сказалъ ей гимназистъ, когда они прошли одинъ туръ и дѣлали другой. — Не правда-ли?

— Да, — прошептала Соня.

— Вы часто бываете здѣсь?

— Нѣтъ, я въ первый разъ.

— О, такъ вамъ должно быть весело, — сказалъ онъ, поворачивая къ ней раскраснѣвшееся веселое лицо. — А я такъ очень часто... Вы здѣшней гимназистъ?

— Да.

— Я васъ никогда не видалъ... И я здѣшней... Это хорошо.

— Да, мегсі, — сказала Соня. Они остановились.

Голова у нея кружилась и все вертѣлось — „Что со мной? Гдѣ я?“ — думала она, идя подъ руку съ гимназистомъ къ Аннѣ Семеновнѣ и смотря на быстро мелкавшія передъ ней пары...

Кончился вальсъ. Наступилъ перерывъ, въ продолженіе котораго всѣ гуляли подъ руку и разговаривали... Часть вышла въ гостиныя. Шумъ и разговоры усилились. Сыграли первую ригурнель кадрили. Всѣ забѣгали, засуетились, перевязывали стулья по двое бѣлыми платками. Многіе сѣли на мѣста.

Соня сидѣла въ гостиной и была въ отчаяніи.

Ее никто не пригласилъ на кадрили. Всѣ ея подруги были уже приглашены и ходили, разговаривая, подъ руку со своими кавалерами. Но ея никто не зналъ. Всѣ ходили,

суетились, заботились о себѣ и не обращали на нее вниманія... Сначала еще была надежда. Но время шло и надежды танцевать кадрили дѣлалось меньше... Когда сыграли ригурнель, Соня поняла, что все пропало, и сидѣла убитая. Когда кто-нибудь проходилъ, Соня съ тайной надеждой смотрѣла на него. „Возьмите меня. Я такъ хорошо одѣта, я хорошо танцую и я такая хорошенькая. Вамъ будетъ интересно со мной. Возьмите“, — говорилъ этотъ взглядъ... Но всякій, посмотрѣвши на нее, только проходилъ мимо.

„Всѣ счастливы и всѣ танцуютъ, а я нѣтъ. Боже мой, отчего это на меня такое несчастье?! Чѣмъ хуже я другихъ, Зины, Кати... Боже мой, ты вѣдь все можешь, сдѣлай такъ, чтобы я танцевала“, — думала Соня. Ей было больно и стыдно. Ей казалось, что всѣ знаютъ, что ее не пригласали, и всѣ потому смотрятъ на нее и смѣются. Ей было теперь все равно и неинтересно: и свѣтъ, и музыка, и танцы, и веселіе всѣхъ. „Ну, теперь все кончено. И зачѣмъ я пріѣхала сюда! И зачѣмъ всѣ радуются, когда такъ скучно“, — думала она. Около нея пробѣжали подъ руку офицеръ съ барышней, улыбаясь.

Прошелъ высокій толстый кадетъ, высоко и браво неся впереди себя стулъ. Онъ взглянулъ на Соню и, какъ показалось ей, презрительно улыбнулся. — „Какой ты гадкій. Какъ я тебя не люблю“, — подумала Соня. Она готова была заплакать. Заиграли вторую ригурнель. Все кончено — сейчасъ начнутъ кадрили... Соня встала и пошла въ уборную. Ей хотѣлось убѣжать отъ всѣхъ, скрыться, чтобы никто не видѣлъ ея позора.

— Позвольте васъ просить... Вы не танцуете? — раздался знакомый голосъ сзади нея.

Шибко, шибко забилося сердце... Радость охватила ее. Она обернулась: Сережа Истоминъ, съ которымъ она танцевала вальсъ, стоялъ около и смотрѣлъ, ожидая ея отвѣта.

— Да, танцую... конечно... идемъ, — сказала Соня, сама не сознавая, что она говоритъ. Она знала только то, что ея несчастье кончилось, что она будетъ танцевать, какъ всѣ. Все сразу измѣнилось для нея. Все сдѣлалось мило и прекрасно. Она подала ему руку и они пошли въ залъ.

„Какъ я рада, какъ мнѣ весело, какъ все прелестно“, — думала она, входя въ залъ подъ руку съ такимъ красивымъ, славнымъ кавалеромъ.

Кадриль началась.

Вездѣ, во всемъ, бываетъ своя высшая точка. Для Сони этимъ зенитомъ счастья на этомъ радостномъ вечерѣ была кадриль. Начиная съ того времени, когда всѣ въ первой фигурѣ, взявшись за руки, плавно побѣжали впередъ, и кончая тѣми разнообразными фигурами, какія были въ концѣ

шестой, когда всѣ, раскраснѣвшіеся, счастливые, точно носились по всему залу — все это было прелестно, счастливо, свѣтло. Сережа смѣялся, шутилъ и смѣшилъ Соню. Визави ихъ былъ тотъ самый толстый кадетъ, который, какъ показалось Сонѣ, смѣялся надъ ней. Теперь онъ сразу сдѣлался милымъ для Сони. Въ пятой фигурѣ, „вояже“, они вчетверомъ, взявшись за руки, сильнѣе всѣхъ скользили по паркету, налетали на другихъ, толкали ихъ и хохотали.

Толстый кадетъ топалъ ногами на всю залу и смѣшилъ Соню. Вся зала была усыпана танцующими дѣтми въ разноцвѣтныхъ балльныхъ платьицахъ и мундирчикахъ. Ярко сіяли и переливались люстры. Какъ золото, горѣли вычищенные трубы музыкантовъ. Громко и радостно играла музыка. Вездѣ былъ говоръ, оживленіе, радостныя лица. Все было молодо, счастливо и прекрасно. Вездѣ былъ свѣтъ.. Но лучше и красивѣе всѣхъ для Сони былъ ея кавалеръ. Соня все время смѣялась и разговаривала съ нимъ, смотря на него радостными, влюбленными глазами. Зерно нѣжнаго чувства, незамѣтно для нея, было посеяно въ ней и все разрасталось.

II.

Соня Любимова—Софья Николаевна, какъ ее звали вполсѣдствіи—была дочь статскаго совѣтника Николая Яковлевича Любимова и его жены Анны Семеновны. Николай Яковлевичъ окончилъ гимназію въ 40-хъ годахъ, но не попалъ въ университетъ и, не имѣя никакихъ средствъ, поступилъ на службу мелкимъ чиновникомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя никакихъ блестящихъ качествъ, однимъ трудомъ и долгою службой добиваются довольно видныхъ должностей съ окладомъ въ 2—3 тысячи рублей. Николай Яковлевичъ, благодаря родственнымъ отношеніямъ съ губернаторомъ, получилъ эту должность довольно скоро, до 40 лѣтъ. Онъ зналъ, что эта должность была для него предѣльною и, такъ какъ она была достаточно почетна и матеріально обезпечена, онъ и не сталъ желать чего нибудь большого и жить, какъ живутъ чиновники его круга, пріятно, прилично и, главное, такъ, что всѣ его сослуживцы уважали его.

Когда Николаю Яковлевичу было 32 года, онъ женился. Сдѣлалъ онъ этотъ важный шагъ въ жизни не потому, чтобы влюбился въ Анну Семеновну—кромѣ далекаго дѣтства, онъ ни въ кого не влюблялся—и не потому, чтобы хотѣлъ имѣть себѣ друга въ жизни. Николай Яковлевичъ женился по тому

простому расчету, что нельзя жить всю жизнь безъ жены, холостякомъ, и что рано или поздно всѣ женятся. Выборъ его былъ вполне удаченъ. Анна Семеновна Звѣрева происходила изъ дворянскаго рода, ей было тогда 18 лѣтъ, и она была какъ разъ то, что нужно: не особенно умна и не глупа, не богата, но и не бѣдна. Лицо ея нравилось Николаю Яковлевичу... И Николай Яковлевичъ женился на ней.

Дальнѣйшая супружеская ихъ жизнь была опять таки какъ разъ то, что нужно. Николай Яковлевичъ и въ молодые годы не волновался „высокими мечтами“ и тому подобными „юношескими глупостями“, а когда женился, сталъ жить вполне солидно, разумно, хорошо. Большихъ радостей и непріятностей не было, за то были радости небольшія, но вѣрныя. День ихъ опредѣлялся чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, гуляньемъ и сномъ, а цѣлая жизнь опредѣлялась полученіемъ ордена, постами, праздниками, поѣздками на дачу. И живя такимъ образомъ, они знали, что устроили свою жизнь хорошо и „какъ слѣдуетъ“.

Были у нихъ дѣти: два мальчика и одна дѣвочка. Мальчики умерли еще младенцами, а дѣвочка осталась жива и была названа Соней.

Дѣтство Сони протекло очень обыкновенно, какъ и вообще вся ея жизнь. Это время дѣтства казалось Сонѣ, когда она была ребенкомъ, мало счастливымъ и худшимъ, чѣмъ остальная ея будущая жизнь, которою живутъ взрослые и о которой она тогда очень мечтала. Въ сущности же, это было такое же дѣтство и отрочество, какъ дѣтство и отрочество тысячъ другихъ женщинъ, безцвѣтное и тепличное... И, не смотря на это, оно было въ дѣйствительности самое лучшее и счастливое время ея жизни.

Самое раннее ея дѣтство было, какъ и у всѣхъ почти дѣтей: няня, прогулки съ ней въ общественный садикъ, игры съ другими дѣтьми, приходившими туда же, песочныя котлеты и домики, серсо и мячъ. Были чистыя минуты, когда она молилась о завтрашней погодѣ и о здоровьѣ папы и мамы, няни и бабушки, были свѣтлыя радости, когда была хорошая погода и еще когда бывала именинницей. Были горести такія же чистыя, какъ и радости, когда пропадалъ мячикъ, умирала кошечка или ее наказывали, оставляя безъ третьяго блюда. Главное же, было хорошо потому, что въ это время не было эгоизма, отравлявшаго всю послѣдующую жизнь. Это было время, когда весь міръ былъ обращенъ къ Сонѣ одною свѣтлою стороною и казался ей безграничнымъ счастьемъ, когда она любила всѣхъ, потому что не умѣла еще не любить. Слезы и радости эти рѣдко повторялись въ жизни и даже потомъ были совершенно забыты.

Когда Соня стала подростать, Анна Семеновна занялась ея воспитаніемъ. На воспитаніе это, какъ всегда бываетъ, вліяли привычки и взгляды того круга взрослыхъ людей среди которыхъ жили ея родители. То, что казалось этому кругу хорошимъ, то тщательно развивалось. То же, что окружающимъ казалось дурнымъ, даже если оно и не казалось такимъ Николаю Яковлевичу и Аннѣ Семеновнѣ, тщательно уничтожалось, какъ что-то дѣйствительно гадкое. Николай Яковлевичъ и Анна Семеновна, какъ и многіе люди, давно разучились думать и дѣлать по-своему. И чѣмъ менѣе они считали что-нибудь разумнымъ и понятнымъ, тѣмъ болѣе они настаивали на выполненіи этого.

Главной заботой Анны Семеновны было то, чтобы дѣвочка была весела, здорова и красива, чтобы у нея красиво лежали волосы и были перевязаны красивой ленточкой. Главной радостью было то, что дѣвочка была хорошенькой, веселила ее и всѣ ею восхищались. Главною мыслью было то, чтобы ея Соня была какъ можно счастливѣе въ жизни, даже если это счастье основывалось на несчастьи другихъ. И путь для этого въ дѣтствѣ для Сони при ихъ средствахъ былъ такой: учиться въ гимназіи, быть здоровой, веселой и, главное, хорошенькой свѣтской барышней, не утруждая себя никакими мыслями изъ тѣхъ, которыя называются серьезными, думать, что все въ мірѣ прекрасно и что нужно жить весело и быть такою же барышней, какъ всѣ ея подруги и какъ приличествуетъ дѣвочкѣ хорошаго дома. Взгляды Николая Яковлевича были такіе же. Такіе же были и у всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Восьми лѣтъ ее стали учить. Мысль о томъ, чтобы умѣть читать, какъ взрослые, восхищала ее раньше. Но когда Соню принялись учить русской и французской грамматикѣ, классамъ и разрядамъ чиселъ, она впервые почувствовала отвращеніе къ чтенію, которое сохранила на всю жизнь. Къ десяти годамъ она поступила въ Маріинскую гимназію, каждый день аккуратно учила уроки и аккуратно забывала то, что учила, до экзаменовъ. Къ экзаменамъ это все подзабывалось, выравнивалось, выкладывалось передъ учителями,* сидѣвшими за зеленымъ столомъ, и потомъ забывалось и оставляло одно лишь смутное воспоминаніе. Цѣль ученія была простая, легкая и разумная: впитать въ себя, какъ губка, то, чему учать въ гимназіи, получить, однимъ словомъ, дипломъ и образованіе, потому что всѣ благородныя барышни дѣлають это. Надо преодолѣть все и узнать, что такое вѣра, надежда христіанскія, благодать искупляющая и предваряющая, церковь, какъ невидимое общество святыхъ, Фридрихъ Барбаросса, крестовые походы, удѣльная система и Ричардъ Львиное сердце, ученіе о трехъ перпендикулярахъ, дву-

гранные углы и равенство призмъ, котель Папина и электричество и многое другое, что написано въ учебникахъ,—чтобы умѣть поговорить въ обществѣ кое-о-чемъ и... затѣмъ ужъ нечего знать. Ученіе кончено—какъ хорошо! А затѣмъ уже можно выходить замужъ.

И въ этомъ взглядѣ на сущность женскаго ученія сходились и Соня, и ея подруги, и Анна Семеновна съ Николаемъ Яковлевичемъ, и всѣ другіе родители, и тѣ, кто такъ или иначе думалъ о воспитаніи дѣвочекъ, и гимназическое начальство—и потому взглядъ этотъ былъ твердъ, вѣренъ и неоспоримъ.

Самая гимназическая жизнь Сони была также очень обыкновенна: маленькіе романы, ухаживаніе за учителями, разговоры о секретахъ и танцы въ свободное время въ гимназін. Дома: кромѣ ученія уроковъ, занятія музыкой, вышиванія, прогулки съ мамой по городу—безъ мамы ее не отпускали, что считалось неприличнымъ—и сонъ, укрѣпляющій десятичасовой сонъ. Иногда приходили къ ней подруги, устраивали игры, танцы, иногда она уходила въ гости. И такъ текла ея жизнь, спокойная, женская, пріятная.

Соня была очень хорошенькая и это было, по мнѣнію Анны Семеновны и всѣхъ знакомыхъ, большимъ счастіемъ. По мнѣнію же Сони,—это было и счастіемъ, и несчастіемъ. Несчастіемъ это казалось ей въ ея дѣтствѣ, когда она сама не придавала значенія своему лицу, но когда Анна Семеновна и Николай Яковлевичъ придавали ему большое значеніе. Ее хотѣли сдѣлать вполне хорошенькой и приучали ко всему „нарядному и изящному“: къ красивымъ, но неудобнымъ платьямъ, къ придающимъ таліи граціозность корсетамъ. И это ей не нравилось въ дѣтствѣ. Но время шло и мало-по-малу она стала привыкать къ этому, и ея платье и бездѣлушки, которыя казались ей прежде такими ненужными, стали ее интересовать. Въ нихъ открылась для Сони новая невѣдомая ей прелесть. И чѣмъ болѣе она выросла, тѣмъ болѣе тайныхъ и новыхъ прелестей открывали ея платья и красота лица. Прѣжде ей было неловко, когда знакомые Анны Семеновны и Николая Яковлевича говорили ей, что она хорошенькая. Ей хотѣлось тогда убѣжать отъ нихъ и спрятаться куда-нибудь. Теперь ей это стало пріятно и льстило ей. Ей стали нравиться поклоненіе, успѣхъ на вечерахъ и зависть этому успѣху ея подругъ. Она стала долго просиживать передъ зеркаломъ и замѣчать, что ей къ лицу. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе она стала сознавать силу своей красоты и больше любить все то, что было связано съ красотой.

Въ этомъ возрастѣ отрочества и юности было одно дѣйствительно хорошее. И это было—первая любовь.

Соня была тогда въ IV классѣ. Это было то время, когда она приготовлялась душой и тѣломъ сдѣлаться дѣвушкой, но еще не была ею—время особой, только этому времени свойственной прелести полу-ребенка. Переходъ къ той Сонѣ, которой она сдѣлалась потомъ, назрѣвалъ, но не совершался, и потому все, что въ ней было хорошаго, инстинктивно вырывалось наружу. Это была пора, когда она болѣе всего сопротивлялась взглядамъ родителей и, стараясь не думать о своемъ лицѣ, невольно стала отгадывать его красоту. Она была тогда особенно эксцентрична. То ей хотѣлось быть мальчикомъ и бѣгать, какъ они, то она, сама не зная отчего, стыдилась ихъ.

Какъ уже мы видѣли, она познакомилась со своей первой любовью — Сереей Истоминымъ на Рождествѣ въ клубѣ. Они условились видаться и, насколько было возможно для Сони, видались. Были у нихъ прогулки, катанія на конькахъ вмѣстѣ, объѣтыя и даже поцѣлуи. И все это было отлично отъ того, что окружало Соню, и было невинно и исполнено той свѣтлой и нѣжной прелестью, которая только бываетъ у невинныхъ, влюбленныхъ первою любовью дѣтей. Окончилось все это просто: Сереежа перешелъ въ другую гимназію, и они разстались надолго... навсегда.

Воспоминаніе объ этой любви долго жило въ душѣ Сони. Около того же времени въ ней постепенно совершился поворотъ отъ прежней Сони къ новой, свѣтской и изящной барышнѣ. Она сама не знала, когда и какъ это произошло. Но когда это произошло, она дѣлалась новой съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сѣмена, которыя такъ долго и тщательно сѣяли окружавшіе ее,—принялись и стали быстро расти.

Она, наконецъ, усвоила себѣ тотъ взглядъ, что она создана для веселой богатой жизни и что главное для женщины—красота.—На мужчинъ она стала смотрѣть, какъ на особаго существа, совсѣмъ отличнаго отъ женщинъ, какъ на „кавалеровъ“. Съ ними нужно было совсѣмъ иначе держаться и единственно возможное отношеніе молодой дѣвушки къ мужчинамъ было отношеніе легкой игры, ухаживанія, флирта. Было неприлично выходить къ молодому мужчине иначе, какъ нарядно одѣтой и въ корсетѣ. Было дурно одной вечеромъ гулять съ мужчиной. И для того, чтобы говорить съ ними, были особые предметы разговора, особый способъ и особый, неизяснимый и непонятный для того, кто его не знаетъ, языкъ. Это называлось правилами приличія и знаніемъ обществѣнности, и всему этому скоро Соня научилась.

Было еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи одно увлеченіе у Сони и это была ея послѣдняя чистая любовь. Это—любовь къ Катенькѣ Бекманъ, ея подругѣ по классу. Катя

была славная, дѣвушка подростокъ со свѣтлыми порывами и мечтами. Не смотря на то, что онѣ во многомъ были полныя противоположности, а можетъ быть именно потому, онѣ очень сошлись. Катенька не то, чтобы ясно знала, въ чемъ было благо, и вслѣдствіе этого знанія стремилась къ нему, но она всѣмъ существомъ своимъ какъ бы чувствовала его значеніе и въ томъ была особенная прелесть. Вездѣ, гдѣ она появлялась, она распространяла атмосферу счастья, смѣха, невинности. Этотъ прелестный подростокъ тайлъ въ себѣ безконечныя возможности духовной жизни.

Соня съ первой встрѣчи почувствовала къ Катѣ особое, непонятное ей влеченіе. Видѣть Катю, сидѣть около нея, брать ее за руки и разговаривать было для Сони высшимъ счастьемъ. Скоро онѣ сошлись троємъ: Катя, Соня и еще одна гимназистка, Вѣра Троицкая. Въ классѣ ихъ звали неразлучными.

Вѣра Троицкая была миловидная брюнетка, дочь помѣщика, веселая, свѣтская барышня. Она совмѣщала въ себѣ и часть тѣхъ качествъ, какія были въ Сонѣ, любовь къ свѣтской жизни и элегантность, и стремленіе къ добру и веселости, какія были у Кати, и потому сошлась съ обѣими.

Это время дружбы было свѣтлымъ лучомъ въ послѣднихъ гимназическихъ годахъ Сони. Сколько было счастливыхъ минутъ и часовъ, которые онѣ проводили вмѣстѣ, сколько безконечныхъ разговоровъ, сколько сладкихъ мечтаній о будущемъ. Все было свѣтло, ярко и счастливо.

Семнадцати лѣтъ Соня кончила гимназію, побывала въ послѣдній разъ на актѣ, выслушала рѣчи начальника и начальницы, обмѣнялась карточками съ учителями, съ подругами и расплакалась, прощаясь съ Катей и Вѣрой, которыя уѣзжали въ другіе города. Онѣ обѣщали переписываться и никогда не забывать другъ друга...

То, что для Сони составляло въ продолженіе многихъ отроческихъ лѣтъ столь сильное желаніе, въ чемъ она видѣла цѣль всего ученія и достиженіе чего казалось ей такимъ огромнымъ счастьемъ—кончить гимназію, и стать взрослой, то, наконецъ, случилось.

III.

Еще въ послѣднихъ классахъ гимназіи, а тѣмъ болѣе по окончаніи ея, главной мечтой и заботой Сони было выйти замужъ за того, кто ей понравится. Къ этому главному условію Соня присоединяла остальное, менѣе важное, хотя и очень пріятное: хорошее состояніе и хорошую карьеру у мужа. Для

Анны Семеновны и Николая Яковлевича, какъ людей, знающихъ жизнь, главная забота была въ томъ, чтобы Соня сдѣлала хорошую партію.

Въ тотъ годъ, когда Соня кончила гимназію, дѣла Любимовыхъ съ матеріальной стороны были особенно плохи. Они уже прожили небольшое приданое Анны Семеновны, и имъ приходилось дѣлать долги, чтобы поддержать ту приличную и комфортабельную жизнь, къ которой они привыкли. По этой причинѣ и еще потому, что наступило самое важное время, когда Сонечку нужно было выдавать замужъ, они стали дѣлать долги, чтобы казаться болѣе состоятельными, чѣмъ были. Для этого служили выѣзды съ дорого стоющими нарядами, для этого хорошая квартира, для этого пріемные дни, на которые звалась молодежь и которые обходились въ 20—30 рублей.

На вечерахъ этихъ всѣмъ было скучно: хозяйевамъ и гостямъ. И тѣмъ, и другимъ все это давно надоѣло. Но, не смотря на это, всѣ устраивали вечера и собирались другъ къ другу, потому что такъ было принято. Называлась это *jours fixes*.

У Любимовыхъ бывало человѣкъ 10—15. Нѣсколько пожилыхъ людей, товарищей Николая Яковлевича, которые все время играли въ винтъ, двѣ-три пожилыхъ дамы, которыя сидѣли весь вечеръ съ хозяйкой, разговаривали и скучали. Молодежь играла въ игры: индюшку, мнѣнія, разговаривала, танцевала и вообще проводила время такъ, какъ проводятъ время на всѣхъ вечерахъ такого рода. Потомъ подавали ужинъ, вино и всѣ расходились.

Изъ всей этой мужской молодежи въ первый же годъ выдѣлились не то, чтобы женихи, но такіе молодые люди, которые могли сдѣлать предложеніе Сонѣ, ухаживали за ней, — однимъ словомъ, по мнѣнію Анны Семеновны и Николая Яковлевича, могли быть смѣло названы кандидатами въ женихи Сонѣ. Ихъ было трое... почти трое.

Одинъ изъ нихъ былъ путеецъ, Путиловъ, красивый мужчина съ большими бѣлокурыми усами. Онъ строилъ мостъ недалеко отъ города и потому, что онъ былъ инженеръ, — получилъ выгодное назначенье, сорилъ деньгами и всѣ маменьки ухаживали за нимъ. Анна Семеновна считала его самымъ лучшимъ, пріятнымъ и желанныхъ женихомъ для Сони.

Вторымъ былъ Быковъ, Иванъ Ѳеодоровичъ — Jean, какъ его звали — секретарь вновь открытаго въ городѣ суда, милый, воспитанный Быковъ, сынъ Ѳеодора Ильича, богатаго уѣзднаго предводителя. Этотъ Быковъ, помимо своихъ другихъ достоинствъ, имѣлъ одно очень важное: онъ былъ „незамѣнимъ въ обществѣ“. Нужно ли было устроить интересную

игру, развеселить барышень, придать оживленіе разговору,—Быковъ былъ мастеръ на всѣ руки, и его обожали всѣ дамы. Впрочемъ, онъ не ухаживалъ за Соней и ничѣмъ не выдѣлялъ ее отъ другихъ барышень—это была его черта: ухаживалъ одинаково за всѣми... но для Анны Семеновны и Николая Яковлевича онъ всетаки былъ кандидатомъ въ женихи для Сони, хоть-бы потому, что былъ женихомъ вообще. Третій кандидатъ былъ Овчининъ, офицеръ. Это былъ собственно кандидатъ не серьезный. Онъ, правда, могъ сдѣлать предложеніе и хотѣлъ сдѣлать—онъ былъ влюбленъ въ Соню,—но не удовлетворялъ условіямъ обезпеченности. Онъ былъ, такъ сказать, кандидатомъ въ запасъ, на случай, если не...

Всѣ эти три жениха, а въ особенности Путиловъ и Быковъ, были въ особенномъ почетѣ у Николая Яковлевича и Анны Семеновны, выражавшемся въ хорошемъ винѣ за ужиномъ, милой, почти родственной любезности и частомъ приглашеніи „бывать за просто“. Оба, зная это, дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. И это обстоятельство показывало, по общему мнѣнію, ихъ высокую порядочность и воспитаніе.

Среди этихъ пріемовъ, да вечеровъ въ клубѣ, да театральныхъ представленій, какъ дорога среди шоссеиныхъ столбовъ, текла жизнь Сони. Теперь, когда она кончила гимназію, ей совсѣмъ некуда было дѣвать время. Она вставала въ 9 часовъ, пила чай, одѣвалась и такъ время проходило до полудня. Въ 12 она завтракала, отправлялась по лавкамъ и, если ничего не нужно было купить, она просто смотрѣла новую матерію, полученную изъ столицы. Придя домой, она иногда читала романы, чтобы убить время. Въ эти часы къ нимъ приходили знакомые запросто или съ визитомъ, а если никого не было, Соня вышивала или работала съ машиной.

Такъ шло время. Наступалъ обѣдъ. Послѣ обѣда, часовъ въ 6, она опять шла гулять съ Анной Семеновной. Вечеромъ же, если никого у нихъ не бывало и сами они не отправлялись куда-нибудь, было скучно. Тогда Соня играла на рояли и старалась какъ можно раньше лечь спать. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Такъ прошелъ годъ.

IV.

Среди этого однообразнаго сѣраго фона перваго года послѣ гимназій, какъ лучъ свѣта среди тьмы, только одно было ярко и сильно—чувство радости отъ физической красоты и все то, что было связано съ нею. Какъ лѣтній цвѣтокъ, Соня съ каждымъ мѣсяцемъ становилась все лучше и лучше. Надежда успѣха и блистанія среди мужчинъ, лелѣянная еще

въ гимназіи, начинала сбываться. На вечерахъ, куда она выѣзжала, около нея всегда была толпа кавалеровъ. Мужчины ухаживали за ней, говорили комплименты и цѣловали ей руки. Она была рада этому и горда успѣхомъ. Ей нравилось, когда она, немного поднявъ голову, шурша платьемъ, декольте, съ голыми прекрасными руками вступала въ залъ, помахивая вѣеромъ, и проходила среди почтительно уступавшихъ ей дорожку и провожавшихъ ее взглядами мужчинъ. Она замѣчала ихъ и ей была непріятна ихъ циничность и въ то же время пріятно, что любятъся ею. Она—еще такъ недавно дѣвочка-гимназистка, на которую никто не обращалъ вниманія, она теперь знала, что всѣ эти взрослые люди, пожелаей только она, сейчасъ подойдутъ, будутъ говорить ей комплименты и радоваться тому, что она съ ними пройдетъ. Она, какъ пчелка на солнцѣ, грѣлась въ этомъ успѣхѣ.

„Какъ хорошо, что я такъ прелестна, — думала она иногда сама съ собою.—Какъ важно для женщины быть красивой. Неправда то, что Вѣра мнѣ говорила, будто красота не главное, а есть какія-то высшія цѣли въ жизни. Вотъ она главная моя цѣль. Я ее чувствую, я ее знаю. Сіять своей красотой, наслаждаться, быть окруженной мужчинами и потомъ быть любимой, да... любимой, и любить его—вотъ счастье! Всегда, во всю мою жизнь я буду ставить выше всего красоту. И я буду счастлива всегда. Какъ хорошо, что я красива, какъ хорошо“...

Приходили мужчины, садились около нея, любовались ею и своими словами и отношеніемъ подтверждали, что она права. Она говорила съ ними, смѣялась, кокетничала и наслаждалась.

V.

Но ни это счастье успѣха, ни поклоненіе мужчинъ, ни вся безпечная свѣтская жизнь не могли затмить двухъ тяжелыхъ сторонъ дѣвической жизни Сони. Это—отсутствіе свободы и денегъ.

Первое въ особенности было тяжело. Какъ всякому живому существу, ей хотѣлось зависѣть только отъ себя самой, подчиняться только своимъ взглядамъ и самой распоряжаться своимъ временемъ. Но этого-то у нея, какъ и у всѣхъ ея подругъ, не было. Сколько бы она ни выросла, какой бы ни становилась развитой и опытной, все равно она не могла прибавить себѣ самостоятельности ни на одну іоту, и была подъ вѣчнымъ контролемъ у родителей. Они, всегда только они одни говорили: сдѣлай то-то и то-то,—то прилично и можно молоденькой дѣвушкѣ, а этого нельзя. И всегда ока-

зывалось нельзя то, что было пріятно и съ точки зрѣнія Сони разумно, и всегда было можно то, что тяжело. Изъ за попытокъ къ этой свободѣ были столкновенія, были слезы. Но ни ссоры, ни слезы эти, ничто не могло измѣнить дѣла. Она похожа была на бѣлку въ клѣткѣ, которая можетъ бѣжать все только въ одномъ направленіи. Кузень Петя, студентъ, рассказывалъ ей часто о своихъ шалостяхъ съ товарищами, и всегда Сонѣ было завидно и досадно слушать его.—„Петѣ все возможно, и онъ свободенъ, хотя онъ моложе меня, а мнѣ нельзя“.—Она чувствовала себя во власти родителей, какъ звѣрекъ въ сѣткѣ.

Другая темная сторона этого года жизни Сони было отсутствіе своихъ денегъ и полная зависимость въ этомъ отношеніи отъ родителей. Нужно ли было купить новую шляпу, или выбрать матерію на платье, или поѣхать на извозчикѣ, за всѣмъ этимъ приходилось обращаться къ папѣ. Николай Яковлевичъ, хотя никогда не отказывалъ ей въ деньгахъ, но, видимо, былъ недоволенъ. Онъ старался скрыть, но Соня чувствовала это и это было ей непріятно. Сегодня, завтра все обращаться, все просить, и такъ всегда и вѣчно, чувствовать себя какъ бы ребенкомъ, не имѣющимъ ничего своего, въ восемнадцать лѣтъ, съ стремленіемъ къ самостоятельности—все это мучило Соню и часто заставляло ее думать о томъ какъ, наконецъ, измѣнить все это.

И на вопросъ, все чаще и сильнѣе требовавшій разрѣшенія, на жгучій вопросъ, какъ сдѣлать, чтобы быть свободной и имѣть свои деньги—былъ одинъ только отвѣтъ: выйти замужъ.

Соня раньше, какъ многія дѣвушки, имѣла о замужествѣ свое особое представленіе. Ей казалось, что жизнь замужнихъ женщинъ исполнена какой-то особой, необъяснимой, ей только свойственной прелести. И она слегка мечтала о ней и хотѣла выйти замужъ, навеселившись вдоволь сначала. Теперь же, когда она поняла, что только въ замужествѣ она можетъ найти деньги и свободу и что все веселье дѣвичей жизни есть только одинъ обманъ, она больше, чѣмъ когда нибудь, захотѣла быть замужней. Нужно было какъ можно скорѣе выйти замужъ и нельзя было ждать, когда представится тотъ, кого полюбишь. И она нечувствительно для себя отбросила свое первое требованіе: выйти за любимаго человѣка. Ища богатаго мужа, она стала смотрѣть на всѣхъ мужчинъ, съ кѣмъ встрѣчалась, только съ этой точки зрѣнія. И всѣ подруги, и родныя, и знакомыя, желавшія ей добра, одобряли этотъ ея взглядъ.

VI.

Въ клубѣ былъ семейный вечеръ. Собралось много народу и было очень оживленно. Оркестръ игралъ кадрили. Дирижеръ-артиллеристъ, высокій блондинъ, окончивъ шестую фигуру, весь потный и красный, съ измученнымъ лицомъ, обмахиваясь платкомъ, бѣгалъ по залѣ, звеня шпорами, и кричалъ танцующимъ окончательно охрипшимъ голосомъ, по-французски, эволюціи новой, имъ придуманной фигуры. Но отъ того ли, что его не было слышно или всѣ устали и никто не обращалъ вниманія на его слова, никто не слушался и вышелъ безпорядокъ. Одни должны были поднять руки и во время не подняли, другіе не сдѣлали должное *chaine* и зашли не туда, куда нужно было. Все смѣшалось, спуталось и всѣ, наконецъ, остановились, смѣясь этому безпорядку и отчаянію дирижера.

Соня танцевала съ дирижеромъ. Ей было весело. Она чувствовала, что она сегодня хороша и была довольна этимъ и тѣмъ, что она танцуетъ съ дирижеромъ у всѣхъ на виду, и радовалась своему обычному успѣху и блистанію красоты. Когда кончилась кадрили и она вышла изъ уборной, гдѣ, взглянувъ на зеркало и полюбовавшись собой, она слегка напудрила лицо, она пошла отыскивать Анну Семеновну и нашла ее въ столовой за чайнымъ столомъ. Анна Семеновна сидѣла не одна. Около нея были съ правой стороны толстый отставной военный генералъ, давнишній знакомый, и слѣва какой-то незнакомый Сонѣ мужчина, среднихъ лѣтъ, въ пенснэ, съ сухимъ выраженіемъ лица.

— Ну, что, натанцовалась?—сказала ей Анна Семеновна, когда она подошла.—Устала? Хочешь чаю? Садись. Да, вѣдь ты не знакома,—прибавила она, видя, что господинъ всталъ,—Николай Александровичъ Пушкаревъ. Новый гость въ нашемъ городѣ...

Соня сѣла около Пушкарева и стала обмахиваться вѣеромъ.

— Устала,—сказала она, улыбаясь матери.

— Да?—проговорила Анна Семеновна, не смотря на нее и слушая внимательно генерала. Соня стала снимать перчатку съ лѣвой руки и оглядывала проходящихъ. Снявъ перчатки и положивъ свои полныя прелестныя руки на столъ, она стала медленно прихлебывать чай. Анна Семеновна, воспользовавшись тѣмъ, что генералъ остановилъ на минуту свою рѣчь, обернулась къ ней и, взглянувъ на нее любящимъ взглядомъ, сказала:

— Гдѣ же ты своего кавалера оставила?

— Онъ занятъ, бѣдный, дирижерствомъ. Совсѣмъ измучился,—сказала Соня, улыбаясь.

— Ну ничего. Тебя Николай Александровичъ не откажется занять,—сказала Анна Семеновна тѣмъ тономъ, который былъ понятенъ только Сонѣ и говорилъ ей: ну, вотъ тебѣ новый кавалеръ.

Николай Александровичъ сдѣлалъ утвердительное движеніе, которое должно было показать, что онъ всѣмъ сердцемъ принимаетъ это предложеніе. Но, не смотря на это, онъ продолжалъ молчать. Когда это молчаніе стало длиться слишкомъ долго, такъ что сдѣлалось неловко, Соня, удивляясь въ душѣ этому странному невѣжливому молчанію, сама завязала тотъ легкій салонный разговоръ, вести который ей было такъ легко и привычно.

— Вы недавно въ нашемъ городѣ? — спросила она, не поворачиваясь къ нему, но глядя разсѣянно вдаль.

— Три дня только.

— И долго думаете пробыть?

— Право, не знаю. Это будетъ зависѣть отъ многихъ обстоятельствъ,—произнесъ онъ, не подымая глазъ и смотря на ея полную руку, игравшую ножомъ.—Какъ мнѣ понравится.

— Если такъ,—сказала Соня, чуть улыбаясь и чувствуя, что она по своей привычкѣ начинаетъ оживляться разговоромъ,—то вы, вѣроятно, скоро уѣдете. Веселья вы здѣсь не найдете.—Она стала смотрѣть на лицо Николая Александровича. Она такъ углубилась въ это разсматриваніе, что не слыхала его отвѣтовъ и, чтобы не дать замѣтить это, улыбнулась этому отвѣту неопредѣленной улыбкой.

Они замолчали. И снова молчаніе сдѣлалось настолько долгимъ, что оба почувствовали его неприличіе и старались найти предметъ разговора.

— Отчего вы не танцуете?—спросила первая Соня, переводя на слова первую попавшуюся ей мысль.

— Я не умѣю, т. е. не умѣю хорошо, а плохо танцовать, по моему, не стоить.

— Вотъ пустяки! Кто здѣсь хорошо танцуетъ? Всѣ какъ-нибудь.

— Я совсѣмъ не умѣю,—сказалъ Николай Александровичъ.

Они замолчали. Соня взяла виноградъ и, ощипывая ягоды длинными красивыми пальцами, сидѣла такъ, какъ будто она была очень занята своимъ дѣломъ.

— Я васъ оставляю. Пойду посмотрѣть съ генераломъ, какъ танцуютъ,—сказала Анна Семеновна.

Это „васъ“ ни для кого не было замѣтно и не могло быть замѣтно, но для Сони оно было исполнено особаго опредѣ-

леннаго смысла. И Соня, смотря на Анну Семеновну, улыбнулась этому смыслу.

Анна Семеновна и генераль ушли. И сейчас же Соня почувствовала, что надо было скорѣе приводить въ исполненіе это „вась“.

— Вы любите танцы? — спросилъ вдругъ самъ Николай Александровичъ. Этотъ вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Соня смутилась. Она думала о томъ, что вотъ теперь ей снова приходится смотрѣть на этого молодого чловѣка, какъ на многихъ другихъ раньше, какъ на возможнаго жениха. И въ этомъ смыслѣ было это „вась“. И глядя на него, она испытывала сложное чувство непріятности и какой-то удовлетворенной радости въ одно и то же время.

— Да, очень, — сказала она, отвѣчая на вопросъ Николая Александровича.

— Счастливицы вы, женщины, въ этомъ отношеніи, — сказалъ оживленно Николай Александровичъ: — мы, мужчины, обыкновенно лишены этого удовольствія.

— Кто же вамъ мѣшаетъ?

— Какъ вамъ сказать; мы отвыкли отъ этого. Я говорю про штатскихъ. Посмотрите, — большинство не танцуетъ, военные...

— Военные лучше васъ, — перебила Соня. И улыбнувшись ему и блестя глазами, добавила: — по крайней мѣрѣ въ танцахъ.

— Въ танцахъ — пожалуй, вы правы. Это ихъ единственно неотъемлемыя достоинства.

— Вы не любите военныхъ?

— А вы?

— Я? — сказала Соня, смотря на него широко-раскрытыми блестящими глазами, какъ будто удивляясь, какъ можно спрашивать объ этомъ. — Я? да, я люблю ихъ. — Она засмѣялась. Нѣтъ, вы не можете понять, какой смѣшной вопросъ вы мнѣ задали! — сказала она сквозь смѣхъ. — Развѣ можно ихъ не любить?

— Если бы я былъ женщиной, то я бы тоже предпочиталъ ихъ штатскимъ. Мы хороши — простите за откровенность — какъ мужья, но не какъ кавалеры.

— Нѣтъ, это неправда. Я шучу. Я заступлюсь за васъ, если вы не умѣете сами за себя заступиться, я лично, — она подняла глаза и остановила взоръ на Николаѣ Александровичѣ, — стала бы охотнѣе танцевать со штатскими, чѣмъ съ военными.

Она полуобернулась къ нему, чтобы взять ножикъ, и красота ея плечъ поразила Николая Александровича. Онъ смотрѣлъ и любовался ихъ бѣлизной, ихъ округленностью, ласкав-

шею глазъ, изяществомъ линіи поворота шеи и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ идетъ между плечъ продольный манящій разрѣзъ—смотрѣлъ на все это влюбленными въ это тѣло глазами и не хотѣлъ, и не могъ оторваться, точно красота ихъ заворожила его.

— Да... развѣ такъ,—медленно, какъ будто что-то припоминая, произнесъ онъ, когда Соня обернулась и нарушилось очарованіе.—Но во всякомъ случаѣ вы предпочли бы танцовать съ военнымъ, чѣмъ разговаривать со штатскимъ?

— Смотря съ кѣмъ,—сказала она, взглянувъ прямо на него и дразня его этими словами. Она вдругъ встала. Грудь ея колыхалась, и ея обнаженность жгла его.—„Да очень, очень красива“,—мысленно сказалъ онъ себѣ.

— Идемте ходить,—предложила она. И они пошли въ залъ. Зеркало отразило ихъ вмѣстѣ, его сухую высокую фигуру во фракѣ и ея стройное, въ бальномъ платьѣ, молодое, мѣстами обнаженное тѣло и ея прелестную съ взбитыми по модѣ волосами голову. Глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ, и глаза Николая Александровича сказали то, чего не могли сказать губы.

— Вы говорите: смотря съ кѣмъ. Ну... а если бы со мной?.. Признайтесь, вы бы предпочли танцовать съ кѣмъ-нибудь, чѣмъ ходить со мной,—засмѣялся непріятно и натянуто Николай Александровичъ.

— Я васъ такъ мало знаю,—отвѣтила уклончиво Соня.

— И потому предпочли бы танцовать, — закончилъ онъ полу-шутя, полу-серьезно.

— Вы хотите, чтобы я вамъ доказала, что нѣтъ.

— Я увѣренъ, что вы не докажете, — сказалъ онъ, чувствуя, что ему ужасно хочется другого.

— Ну, хорошо. Давайте пари, — сказала она, улыбкой показывая, что она исполняетъ его желаніе.

— О чемъ?

— О чемъ хотите... Впрочемъ, нѣтъ. Если вы проиграете, вы должны въ наказаніе сидѣть со мной цѣлый вечеръ,—сказала она, думая про себя, что какъ ни непріятно, но все же нужно дѣлать это важное и понятное для нея дѣло. „Выйти замужъ—свобода, счастье... влюбить его и выйти“,—проносилось въ ея головѣ.

— Дайте вашу руку, — сказала она. — Пойдемъ.

Они пошли и оживленно разговаривали, пробираясь въ гостиную среди другихъ паръ. Около нихъ ходили, смѣялись, шумѣли, и вездѣ было шуршаніе платьевъ, блескъ туалетовъ и обнаженныхъ тѣлъ, тихія слова, улыбавшіяся лица и вездѣ яркій, рѣжущій глаза свѣтъ.

VII.

Быль третій часъ ночи. Музыканты играли безконечную кадрили-монстръ.

По четыремъ стѣнамъ зала сидѣли длинными рядами танцюющіе: фраки, мундиры смѣнялись женскими бальными платьями. Но не смотря на этотъ поздній часъ, виѣшнее, кажущееся веселіе не уменьшалось, и съ еще большимъ стараніемъ скользили танцюющія пары, еще болѣе покраснѣли лица и обмахивались вѣерами и платками отъ жары. Было очень душно, и какая-то тонкая пыль носилась въ воздухѣ.

Въ одной изъ гостиныхъ, мягко освѣщенныхъ цвѣтными фонарями, сидѣли на мягкихъ креслахъ съ кривыми ножками Соня и Николай Александровичъ и разговаривали о томъ, о чемъ часто говорятъ мужчина и женщина—о любви. Въ гостиной было уютно и тихо и всѣ звуки бала, долетавшіе сюда, таяли здѣсь. Изрѣдка проходили пары—и на минуту нарушали ихъ уединеніе.

— Любовь—это такая серьезная вещь для насъ, женщинъ, и такая ничтожная для мужчинъ, — говорила Соня, смотря внизъ на свои маленькія ножки въ бѣлыхъ туфелькахъ, положенныя одна на другую.

— Но почему же только для васъ? Развѣ мы не любимъ? Нѣтъ, мнѣ скорѣе кажется наоборотъ. Это мы, мужчины, способны искренно любить. Я не знаю, лучше ли это, или хуже, но это такъ.

— Нѣтъ, не говорите этого. Вы не правы. Когда женщина любитъ, она вся отдается любимому человѣку, она о немъ только думаетъ, а мужчина... а мужчина... Я, право, не знаю, какъ мужчина... — сказала Соня, засмѣявшись. И когда она засмѣялась, съ ней засмѣялось все: и носъ, и губы, и, главное, большіе, прекрасные, наивно-смотрѣвшіе на него глаза.

— Мужчина не отдается женщинѣ. Онъ беретъ ее и даетъ ей себя, свою силу, власть, — сказалъ Николай Александровичъ, пораженный красотой ея смѣха.

— Власть, какую власть?

— Власть души, ума.

— Ума? — переспросила машинально и удивленно, какъ бы не довѣряя значенію его словъ, Соня. Ей вспомнился при этихъ словахъ кузенъ Петя, и она сейчасъ перевела, по привычкѣ не думать, эту мысль на слова:—Вотъ интересно, какую это власть ума передать своей женѣ мой двоюродный братъ Костя,—сказала она, улыбаясь и какъ бы сдерживаясь, чтобы не разсмѣяться.

— Вы думаете, я пойманъ? Это исключенія.

— Они такъ часты.

— Вы находите?

— Не знаю.

— Какъ не знаете?

— Такъ, не знаю... Однако уже вальсъ играютъ,—сказала Соня разсѣянно, прислушиваясь къ звукамъ музыки.

— Вы хотите танцовать?

Соня улыбнулась.

— Нѣтъ, вѣдь я ваша плѣнница. Нѣтъ, не хочу...—и когда она это сказала, сейчасъ же подумала о томъ, какъ скучно сидѣть съ этимъ человѣкомъ и какъ пріятно было бы потанцовать немного. Но она всѣми силами старалась показать, что ей весело и интересно говорить съ Николаемъ Александровичемъ. Она такъ привыкла къ этому постоянному обману, что, какъ хорошій актеръ, иногда позволяла себѣ шалость, отступленія отъ строгости роли, потому что сознавала въ себѣ власть, когда нужно, снова возвратиться къ игрѣ. И теперъ она, сдѣлавъ эту шалость, не слушала его.

— Если вы находите этотъ плѣнъ для васъ стѣснительнымъ, то вы можете прекратить его,—проговорилъ, краснѣя, Николай Александровичъ.

— Не хочу. Мнѣ съ вами вовсе не скучно.

— Но и не весело.

— Посмотрите, какая хорошенькая!... — сказала Соня, не отвѣчая ему и указывая вѣеромъ на одну барышню, шедшую по залу.—Не правда ли?

Она подняла при этомъ плечи и повела шеей, какъ будто придерживая спустившееся съ плечъ платье. Она обернулась нѣсколько въ профиль и опять, какъ раньше, маленькія горѣвшія уши и нѣжный контуръ ея шеи поразили Николая Александровича неожиданной прелестью. Ему вдругъ страшно захотѣлось приложить губы къ атласу этихъ плечъ, и онъ ничего не слышалъ, смотрѣлъ и не понималъ.

— Вы не слушаете, — сказала Соня, поворачиваясь къ нему.

Декольте ея было низко, и онъ видѣлъ разрѣзъ ея груди, видѣлъ, какъ она колыбалась при дыханіи и словно нарочно дразнила его... И ему захотѣлось, какъ животному, обладать этой красотой, цѣловать ее, наслаждаться.

— Нѣтъ, да, такъ... — сказалъ онъ, самъ не понимая, что говорить.

— „Я понимаю тебя: ты любишься мною. Ну любуйся и знай, что все это можетъ быть твоимъ“, — говорила она, ея взглядъ, улыбка.

— Послушайте, такъ вы всетаки находите, что одни вы,

мужчины, способны искренно любить?—сказала Соня, окончивъ свою шалость и теперь снова возвращаясь къ своей роли.

— Вы не можете судить правильно о женской любви... Вы... простите, я буду говорить прямо — вы, конечно, никого еще не любили. И это понятно, вы такъ молоды,—сказалъ Николай Александровичъ, одушевляясь разговоромъ.

— Я?..—произнесла Соня, останавливая на немъ свои глаза и будто удивляясь его вопросу, — зачѣмъ вамъ это знать?

— Простите, но это не простое любопытство. Это... Впрочемъ, не отвѣчайте, если не хотите. Я такъ спросилъ, невольно...

— Почему вы знаете, быть можетъ, я была влюблена. Этого не говорятъ. Вотъ вы бы не сказали, если бы я у васъ спросила объ этомъ.

— Нѣтъ, отчего же, я бы сказалъ. Что тутъ такого?

— Ну скажите...

— Вы хотите этого?

— Ну да, хочу... Ну, я жду... Что-жъ вы?..

— До сихъ поръ... нѣтъ.

— До... сихъ... поръ, — медленно повторила Соня.—Ну а теперь?... — Соня смѣло взглянула на него.

— „Теперь ты мнѣ нравишься“—такъ явственно сказали его глаза, что она не стала настаивать на отвѣтѣ и замолчала. Они сидѣли другъ противъ друга, смотрѣли и не находили больше словъ. То, что нужно было сказать,—уже сказано, то, что нужно было дѣлать, принадлежало будущему. Оба они чувствовали, что, не смотря на незначительность разговора, между ними установилась какъ-то особая неизъяснимая связь. И оба не понимали, какъ и когда это случилось.

IX.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался смѣхъ и отдѣльные громкія слова. Запущршала и отдернулась портьера, и Анна Семеновна съ другой дамой вошла въ гостиную. Дама эта была извѣстная всему городу Nadine Безбѣдова, одна изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ неудачныхъ въ поискахъ за ениками старыхъ дѣвъ.

Nadine Безбѣдова принадлежала къ тому разряду взрослыхъ дѣвицъ, которыя, обладая отъ природы недурной наружностью и хорошимъ приданымъ, тѣмъ не менѣе не нравятся мужчинамъ и никакъ не могутъ выйти замужъ. Она стала выѣзжать съ 17-ти лѣтъ, чтобы сдѣлать партію, и пропускала ни одного вечера, ни одного развлечения. Все, самое модное, красивое изъ новостей женскаго туалета, прежде

всего было на Nadine. Но, не смотря на все это, Nadine, выѣзжавшая уже 12 лѣтъ и сильно подурнѣвшая, все такъ же безуспѣшно стремилась къ своей цѣли и не только не примирилась со своей судьбой, но теперь на каждаго мужчину смотрѣла лишь, какъ на возможнаго жениха.

Увидавъ Соню и Николая Александровича вмѣстѣ, она улыбнулась, по привычкѣ думая, что ея улыбка такъ же красива, какъ и раньше, и пошла къ нимъ.

— Ахъ, Соня, вы здѣсь. Я васъ ищу, а вотъ вы куда забрались... — говорила она, показывая желтые зубы, — очень рада. Вы прѣзжайте? — сказала она, когда ей представили Николая Александровича.

— Да, я недавно здѣсь... — отвѣтилъ Пушкаревъ.

— И надѣюсь, не будете скучать. Мы... — она взглянула на Соню, — мы сумѣемъ развеселить васъ. Это наша обязанность. Ну, рассказывайте намъ, какъ вамъ понравился нашъ городъ? — проговорила она, садясь и, очевидно, готовясь веселить Николая Александровича.

— Я слишкомъ мало знакомъ съ нимъ, — сказалъ Николай Александровичъ. И слово за слово они завязали разговоръ.

Анна Семеновна взглянула на Пушкарева и на Соню. Соня тоже, посмотрѣла на нее. Ихъ взоры встрѣтились и сказали другъ другу то, чего не могли вымолвить губы.

— Ну что, тебѣ весело? — спросила громко Анна Семеновна. — „Ужъ не скучаешь ли ты съ нимъ и не хочешь ли танцевать? Какъ знаешь, но это будетъ очень глупо“, — говорили ея глаза.

— Да, очень, — отвѣтила Соня и взглядъ ея тоже сказалъ: „Мнѣ скучно, но я знаю, для чего это нужно. И я исполню это“.

Анна Семеновна обратилась къ Nadine:

— Пойдемте, Надежда Осиповна. Мнѣ еще вамъ нужно кое-что сказать. Мы не dokonчили разговора.

— Нѣтъ, подождите. Мы dokonчимъ это потомъ. У насъ начался такой интересный разговоръ съ Николаемъ Александровичемъ, — сказала Nadine. Она боялась, что ей не дадутъ поговорить съ этимъ новымъ мужчиной, быть можетъ, въ послѣдствіи ея женихомъ.

— Мы сейчасъ придемъ, Надежда Осиповна. Тогда вы наговоритесь. Теперь только на минутку, — сказала, стараясь быть спокойной, Анна Семеновна.

Nadine не обернулась къ ней, и въ ея взглядѣ было столько рѣшимости ни за что не выпустить на этотъ разъ кавалера, что Анна Семеновна поняла, что ей не удастся долго оставить Николая Александровича съ Соней наединѣ. Она вздохнула и сѣла.

— Такъ вы, значить, утверждаете, что счастье въ жизни

создается нами,—говорила Nadine, теперь все забывъ, кромѣ разговора съ Пушкиревымъ.—Нѣтъ, я никогда не соглашусь съ этимъ. По моему, счастье зависитъ отъ случая.

Анна Семеновна и Соня сидѣли и смотрѣли другъ на друга молча. Nadine весело болтала. Николай Александровичъ отвѣчалъ нехотя и смотрѣлъ на Соню. Когда это стало продолжаться слишкомъ долго, Анна Семеновна еще разъ вздохнула и съ видомъ готовности на все встала и подошла къ Nadine.

— Такъ пойдемте, Надежда Осиповна. Вы мнѣ не отдали еще мои вещицы, а я сейчасъ уѣзжаю,—произнесла она такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Nadine поняла, въ свою очередь, что разговору приходитъ конецъ.

— Сейчасъ, два слова,—обернулась она къ Аннѣ Семеновнѣ, хватаясь какъ утопающій за соломенку. Но въ это время Николай Александровичъ всталъ, подошелъ къ Сонѣ и заговорилъ съ нею.

Анна Семеновна посмотрѣла на Nadine.—„Вы видите, онъ самъ къ ней идетъ“,—говорилъ ей взгляды. Nadine подошла къ Николаю Александровичу и подала ему руку.

— До свиданія, надѣюсь еще увидаться. Я съ большимъ удовольствиемъ съ вами бесѣдовала,—сказала она, все улыбаясь.

Когда онѣ ушли, Соня посмотрѣла имъ вслѣдъ и вдругъ ей сдѣлалось непріятно и отъ обращенія съ Nadine, и отъ того, что она увлекаетъ Николая Александровича, не любя его, и что она унижаетъ себя этимъ. Она вспомнила другой вечеръ, когда она выѣзжала въ первый разъ, гдѣ все было такъ хорошо и свѣтло—она вспомнила все это и вздохнула.

— О чемъ вы?—спросилъ Николай Александровичъ.

— О чемъ?...такъ ничего...о прошломъ.

— Что жъ, оно было развѣ такъ интересно?—спросилъ насмѣшливо Николай Александровичъ.

— Очень.

— И вы бы желали возвратить его?

„Поздно, поздно теперь раскаиваться,—подумала Соня, отвѣчая себѣ на какой-то вопросъ.—Нужно не думать, но дѣлать то, о чемъ думала давно“.—Ахъ, вы спрашиваете...—сказала она, спохватившись.—Да, конечно, желала бы, впрочемъ... не знаю.

— Но вы не сказали, нравится ли вамъ кто-нибудь теперь?—спросилъ Николай Александровичъ, вопросительно взглянувъ на нее и потомъ опуская свой взоръ на полъ.

Соня ничего не отвѣтила. Она чувствовала такую неприязнъ и легкое отвращеніе къ тому, съ кѣмъ она принудила себя говорить нѣсколько часовъ, такъ ей захотѣлось кончить эти

разговоры и, главное, такъ было стыдно за себя, что она не могла себя принуждать больше и встала.

— Вы куда?—спросилъ Николай Александровичъ.

— На минутку въ уборную,—сказала она, уходя.

— Такъ вамъ никто не нравится?—повторилъ настойчиво Николай Александровичъ, вставая.

Она опять ничего ему не сказала и даже не обернулась. Шурша шелковой юбкой, она быстро шла по гостиной. Николаю Александровичу были видны ея покатыя, красивыя плечи, сильно обнаженные сзади, и прядь тонкихъ волосъ, поднятыхъ надъ шеей къ прическѣ. И эти волосы, и плечи, и мускулистая, словно выточенная, шея раздражающе дѣйствовали на него. Онъ смотрѣлъ, какъ она шла, здоровая, изящная, красивая и какъ она исчезла въ уборной.

„Конечно...“—сказалъ онъ мысленно себѣ, отвѣчая на какой-то возникшій въ его умѣ вопросъ. Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и, нахмурившись, отвернулся и сталъ ходить назадъ и впередъ.

Теперь—кто ей теперь нравится, какъ бы я желалъ это знать. Какъ бы я хотѣлъ быть имъ,—подумалъ онъ. Онъ прошелся нѣсколько разъ.—Какъ она молода и прекрасна. Неужели это то?—подумалъ онъ, ощущая въ себѣ новое неуяснимое чувство какого-то счастья, жизни, сумасшествія.—Быть не можетъ.—Онъ сказалъ это себѣ, но въ глубинѣ души почувствовалъ, что *это* уже совершилось, и ему оно было приятно и страшно. И онъ не сталъ больше объ этомъ думать, а сѣлъ въ кресло и сталъ припоминать ее, ея слова, движенія, радуясь чему-то приятному, что было уже въ нихъ, и тому, что это приятное и прекрасное сейчасъ снова, лишь она войдетъ, начнется. Онъ облокотился на столъ рукой и шепталъ про себя: „какъ хорошо, хорошо“!..

X.

Войдя въ уборную, Соня подошла къ зеркалу, посмотрѣла на себя спереди, полуобернулась, поправила ленточку и улыбнулась себѣ. Идти назадъ къ Николаю Александровичу она не хотѣла. Послѣ долгаго разговора съ нимъ, который она вела безъ всякаго удовольствія, она испытывала радость освобожденія отъ узъ, связывавшихъ ее. Она прошла нѣсколько разъ по уборной, подошла къ двери, которая выходила въ аванъ-залъ, и стала смотрѣть на проходящихъ. Хорошенькій, очень молодой, только что выпущенный изъ училища офицеръ, знакомый Сонѣ, вошелъ въ столовую, блестя золочеными украшениями новаго сюртука. Увидѣвъ Соню, онъ

улыбнулся и, звеня шпорами и скользя въ тактъ доносившимся звукамъ вальса, подбѣжалъ къ ней.

— Пойдемте танцовать, Софья Николаевна,—издали закричалъ онъ ей веселымъ молодымъ голосомъ, сжимая ей крѣпко руку, когда подошелъ ближе.

Соня покачала головой.

— Что, вы не хотите?.. Почему?

— Такъ, не хочется.

— Да не можетъ быть! Вотъ удивительно, чтобы молоденькая барышня не хотѣла танцовать. И вдобавокъ такая хорошенькая,—сказалъ онъ просто и прямо, глядя на нее добрыми смѣющимися глазами, увѣренный въ томъ, что нельзя сердиться на его комплименты.—Вотъ ни за что не повѣрю, идемте, право, а?..

Если бы кто-нибудь изъ мужчинъ сказалъ Сонѣ то, что сказалъ этотъ офицеръ, то Соня бы разсердилась. Но съ этимъ молоденькимъ веселымъ офицеромъ у Сони съ перваго же дня знакомства установились такія простыя отношенія, что Соня не могла себѣ представить, какъ бы она стала сердиться на него, до того онъ былъ простой, добренькій офицеръ. И не только съ Соней—со всѣми барышнями онъ былъ въ такихъ простыхъ, дружественныхъ отношеніяхъ, такъ что его даже не считали мужчиной, а просто кавалеромъ для танцевъ.

— Какой вы странный!.. Мнѣ не хочется,—сказала Соня, невольно улыбаясь ему.

— Вотъ, улыбаетесь. Навѣрно шутите, ха, ха! Не повѣрю, ни за что не повѣрю, хотя убейте. Un tour вальса Хорошо? Валу руку,—говорилъ онъ, засыпая Соню вопросами.

— Я, право, не знаю...—сказала Соня, сдаваясь. Ей очень хотѣлось потанцовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ было нелѣпо заставлять Николая Александровича такъ долго ожидать себя. Эти чувства боролись въ ней. И первое естественное чувство дѣлать то, что хочется, какъ всегда, побѣдило.—„Что изъ того, что я разъ пройдуся. Вѣдь не пьяница же я, въ самомъ дѣлѣ“,—подумала она и, подавъ руку офицеру, пошла въ залъ.

Сдѣлавъ два тура, съ закружившеюся немного отъ танца головой, она снова вошла въ уборную. Въ уборной передъ зеркаломъ стояла подруга Сони по гимназіи, Лиза Куломзина, недурненькая брюнетка, уже вышедшая замужъ и скоро уѣзжавшая въ другой городъ.

— Что, танцевала?—сказала Лиза, не оборачиваясь и видя Соню въ зеркалѣ.

— Да, немного... прелесть,—проговорила Соня, испытывая волнуящее пріятное ощущеніе нѣги и головокруженія, которое она всегда испытывала во время танцевъ.

— Я тоже танцевала. Жара какая. Мужъ тащить домой, а я не хочу.

— Останься.

— Да... а ты?

— Елизавета Алексѣевна... Софья Николаевна. Мы за вами!..—раздались голоса.

Въ двери уборной стояли два офицера: одинъ—тотъ, съ которымъ Соня только что танцевала, другой—постарше. Они смотрѣли на уборную, не отваживаясь туда войти, но вмѣстѣ съ тѣмъ показывая своимъ видомъ, что, если понадобится, они войдутъ туда и сдѣлаютъ это неприличіе съ такой милой шаловливостью, что на нихъ нельзя будетъ сердиться.

— Что это, господа. Какъ не стыдно, точно дѣти. Дамы одѣваются, а они входятъ,—притворно сердито сказала Лиза.

— Pardon, Елизавета Алексѣевна, но уже сейчасъ кончаютъ вальсъ. Насилу упросилъ дирижера продолжить на пять минутъ только для васъ.

— А то опоздаемъ...—смѣясь, замѣтилъ офицеръ постарше.

— Ну развѣ поэтому только,—сказала Лиза, выходя.—А ты, Соня, пойдешь?

— Не знаю,—колебалась Соня.

— Идемъ, что ты!..—сказала Лиза.

— Идемте, Софья Николаевна, а то я безъ васъ не уйду. Стану на колѣни и не уйду,—сказалъ молоденькій офицеръ.

— Ну хорошо,—согласилась Соня, рѣшивъ, что можно еще потанцевать и что она затѣмъ приметъ за исполненіе скучной обязанности. Она положила руку въ изогнутую кольцомъ руку кавалера и пошла въ залъ, испытывая съ новой силой прелесть освобожденія хотя на минуту отъ неприятныхъ узъ.

— Pardon, pardon,—закричалъ ея кавалеръ, расталкивая толпу, стоявшую у входа, беря Соню за талію и раскачиваясь, дѣлая первыя па вальса. Въ глазахъ Сони закружились предметы и лица съ увеличивающеюся быстротой, и все это окунулось въ волны бѣлаго рѣжущаго глаза свѣта.

XI.

На слѣдующій день, въ воскресенье, Николай Александровичъ сдѣлалъ Любимовымъ визитъ. Его хорошо приняли, оставили пить кофе и просили бывать запросто. Онъ сталъ бывать не слишкомъ часто, но и не рѣдко, а именно столько, сколько слѣдовало, чтобы не дать повода говорить о себѣ въ городѣ и чтобы получить удовольствіе. Пробывши въ городѣ три недѣли и установивши съ Соней дружественныя, какъ онъ говорилъ, отношенія, а на самомъ дѣлѣ влюбившись въ

нее, Николай Александровичъ уѣхалъ. Передъ отъѣздомъ наканунѣ, онъ былъ у Любимовыхъ и сказалъ Сонѣ, что снова пріѣдетъ и надѣется ее видѣть.

Хотя между ними ничего не было произнесено, тѣмъ не менѣе Соня ясно понимала, что значило это ухаживаніе. И по характеру этого ухаживанія, и по тѣмъ разговорамъ, какіе они вели, а главное,—по тому особенному оттѣнку, который былъ во всѣхъ этихъ разговорахъ и отношеніяхъ, она женскимъ чутьемъ своимъ знала, что Николай Александровичъ влюбленъ въ нее и сдѣлаетъ ей предложеніе. Она знала, что теперь, когда онъ уѣхалъ, ей нужно было обдумать, выйдетъ ли она за него замужъ или нѣтъ, чтобы потомъ, когда онъ сдѣлаетъ ей предложеніе, прямо сказать ему объ этомъ, и что вопросъ этотъ такъ важенъ, что важнѣе его ничего не было въ ея жизни. Но, не смотря на всю необходимость рѣшенія, сколько она ни думала объ этомъ, она ни къ чему не пришла и не могла отвѣтить ни такъ, ни иначе на тотъ вопросъ, который она задавала теперь себѣ.

Соня не только не была влюблена въ Николая Александровича, но даже не любила его. Онъ былъ ей безразличенъ и даже потому, что ухаживалъ за ней и былъ влюбленъ, былъ ей скорѣе непріятенъ. Соня много разъ представляла себѣ его лицо съ сѣрыми небольшими глазами, его носикъ и улыбку восхищенія передъ ней, его худую фигуру... представляла живо, какъ она должна будетъ цѣловать это лицо и, что еще болѣе было противно, какъ она должна будетъ принадлежать ему, и въ эти минуты она чувствовала, что не можетъ выйти за него замужъ.

Но приходили иныя минуты, когда она забывала это на время, и мысль ея начинала вращаться въ томъ, что можетъ дать ей замужество. Никогда, какъ теперь, не рисовались предъ нею такъ ясно и заманчиво всѣ тѣ хорошія стороны брачной жизни, о которыхъ она думала прежде. Отказаться отъ этихъ мечтаній теперь, когда она могла такъ скоро пріобрѣсти свободу и деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ радости легкой и пріятной жизни,—отказаться теперь отъ всего этого—казалось ей слишкомъ труднымъ. Никогда еще въ теченіе двухъ лѣтъ этой надоѣвшей ей дѣвической жизни, съ одними и тѣми же интересами, вечерами, знакомыми, съ одной и той же пустотой и скукой, она не испытывала такого желанія обновить жизнь и пріобрѣсти то, что составляло прелесть положенія богатой замужней дамы. И тогда-то, въ такія минуты отступали назадъ, какъ утренніе туманы предъ солнцемъ, значеніе любви въ бракѣ, некрасивое лицо и фигура Николая Александровича и отвращеніе къ нимъ.

Лиза Куломзина, прїѣхавшая прощаться съ Соней передъ своимъ отъѣздомъ въ другой городъ, поздравляла ее.

— Представь себѣ, что тебя въ городѣ всѣ уже повѣнчали съ Пушкаревымъ!—говорила она, весело щебеча какъ птичка въ гостиной Любимовыхъ. — Что жъ, я очень рада, если такъ это будетъ. Ты знаешь, онъ изъ нашего города, Пушкаревъ. Я его хорошо знаю. Онъ такой завидный женихъ: у него фабрика и положеніе на службѣ прекрасное. Ты выйдешь за него, прїѣдешь къ намъ и будемъ вмѣстѣ жить. Вотъ прелесть! Я очень рада.

Выдавать замужъ и женить было страстью Лизы, и она отдавалась этой страсти всецѣло.

— Нѣтъ, Лиза. Что ты!.. Я и не думаю вовсе выходить за него замужъ. Онъ мнѣ не такъ нравится,—сказала Соня, краснѣя и чувствуя, что она кривитъ душой, говоря это *не такъ*.

— Ахъ, какая ты глупая, Соня!—разсердилась Лиза.—Не говори мнѣ, пожалуйста, про эти институтскія нѣжности. Я говорю тебѣ, что Пушкаревъ имѣетъ состояніе и хорошую карьеру. Онъ пойдетъ далеко. Ты будешь съ нимъ счастлива. Ни-ни, не возражай,—сказала она, приставляя къ губамъ Сони свою руку.—Неужели ты выйдешь замужъ за какого-нибудь голыша? *Fi donc!* я съ тобой тогда не знакома,—засмѣялась она.—Нѣтъ, право, брось эти глупости о любви и выходи замужъ...—самое лучшее!

Соня вздохнула. Она сама такъ часто повторяла себѣ всѣ эти доводы въ пользу брака и они самой ей казались столь значительными. Но когда Лиза кончила, Соня вспомнила, какъ тяжело выходить за нелюбимаго человѣка.

— Ахъ, Лиза, Лиза! Какъ тяжело выходить замужъ, не любя,—сказала она и опять вздохнула.

— Вотъ вздоръ,—проговорила рѣшительно Лиза.—Никогда не повѣрю этой глупости. Это только въ романахъ пишутъ: любовь, любовь, а въ жизни все иначе дѣлается. Посмотри на меня. Развѣ я любила Дмитрія, когда выходила за него? И развѣ я несчастлива? Нѣтъ, не говори мнѣ эти глупости. Будешь любить потомъ. А теперь мой хорошій совѣтъ—выходи,—сказала она, вставая, чтобы уѣхать.

Соня знала, что эти слова были убѣжденіемъ не одной только Лизы. Это было убѣжденіе всѣхъ, начиная съ ея родителей и кончая подругами и знакомыми. Соня видѣла, какъ внимательно относились къ Николаю Александровичу Анна Семеновна и Николай Яковлевичъ, и знала значеніе этой внимательности, знала, что они желали этого брака и боялись, что Соня откажется отъ него. Они желали этого не только потому, чтобы пристроить дочь и что ей пора была

выходить замужъ, но потому, что это было счастье,—выйти замужъ за самостоятельнаго, да еще съ карьерой человѣка. Если же имъ и приходила въ голову мысль, что Соня не любитъ Николая Александровича и нехорошо выходить замужъ не любя, то они старались не думать объ этомъ. Какъ не хорошо, когда въ этомъ для Сони было счастье, когда такъ много выходило замужъ не любя и были счастливы, когда стерпится—слюбится... Какъ не хорошо?

Все кажется сильнымъ лишь тогда, когда переживаешь, а то, что пережито, кажется незначительнымъ.

Такъ Николаю Яковлевичу въ молодые годы казалось нехорошимъ и труднымъ жениться на той, кого онъ не любилъ. Теперь же, когда онъ состарился и не могъ испытать этого чувства, это обстоятельство казалось ему такимъ ничтожнымъ. Онъ думалъ, что если бы онъ былъ Соней, то онъ, не колеблясь, вышелъ бы замужъ за Пушкарёва. И онъ считалъ, что и она должна думать и дѣлать то же.

XII.

Въ февралѣ на масляницѣ Николай Александровичъ прѣхалъ снова. Въ первый же вечеръ—это было у Никитиныхъ—лишь только онъ увидѣлъ Соню онъ улучилъ время и сказалъ ей, что хочетъ о чемъ-то съ ней поговорить.

Съ замираніемъ сердца, ни о чемъ не думая, Соня пошла за нимъ. Они пришли въ залъ. Никого не было. Соня сѣла на кресло. Николай Александровичъ сѣлъ подлѣ нея. Такъ они просидѣли молча нѣкоторое время. Николай Александровичъ волновался, краснѣлъ, смотрѣлъ на Соню, и въ этомъ взглядѣ была просьба помочь ему. Но Соня молчала и ожидала со страхомъ того, что онъ скажетъ.

— Софья Николаевна,—прервалъ онъ, наконецъ, молчаніе страннымъ дрожащимъ голосомъ.—Вы, быть можетъ, догадываетесь, что я хочу у васъ просить.

Онъ поднялъ на нее глаза, какъ бы ожидая, не скажетъ-ли она что-нибудь ему. Но Соня по прежнему молчала. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Я люблю васъ. Я хочу быть вашимъ мужемъ. Согласны-ли вы быть моей женой?—поправился онъ, беря ее за руку. Рука его дрожала.

Соня молчала и, пока онъ говорилъ, смотрѣла внизъ на цвѣты ковра. Но, когда онъ взялъ ее руку, она вздрогнула, подняла и остановила на немъ свои прекрасные темные глаза. Взоръ ихъ выражалъ растерянность и смущеніе. Она покраснѣла.—„Боже, Боже мой, что я скажу ему?“—думала она.

Увидавъ растерянный и испуганный взглядъ ея глазъ, всю ея смущенность и замѣшательство, Николай Александровичъ самъ еще больше смутился. Онъ подумалъ, что это смущеніе потому, что ей неловко сказать „нѣтъ“, что все пропало, и что вотъ сейчасъ онъ услышитъ отказъ. И онъ сжался, ожидая этого удара. Такъ они просидѣли нѣкоторое время. Но удара не было, и Николай Александровичъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на Соню. Она все сидѣла въ томъ же положеніи, противъ него, смущенная и еще больше прелестная въ этомъ смущеніи. И какъ человѣкъ, который знаетъ, что ударъ неизбеженъ, все же стремится хотя на время отдалить его, такъ Николай Александровичъ, хотя и зная что все потеряно, невольно сказалъ:

— Я не прошу у васъ сейчасъ отвѣта. Подумайте. Я приду къ вамъ завтра утромъ, и тогда вы мнѣ отвѣтите. Не говорите мнѣ теперь ничего, но позвольте мнѣ надѣяться.

Онъ всталъ, попрощался съ ней, и не смотря на просьбы хозяевъ, сейчасъ же уѣхалъ.

„Выйти или нѣтъ? Да или нѣтъ?“ — думала Соня весь вечеръ.

Ночью, оставшись одна въ своей комнатѣ, Соня рѣшила окончательно обдумать это. Она раздѣлась и въ одной нижней юбкѣ долго сидѣла передъ зеркаломъ съ двумя зажженными свѣчами по обѣ стороны. Но она не смотрѣла въ зеркало. Она думала о немъ.

„Что я могу, что я должна ему сказать?“ — думала она. Теперь, въ особенности теперь, ей почему-то вдругъ сдѣлалось жалко знакомаго ей круга, гдѣ она жила столько лѣтъ, всѣхъ прежнихъ привычекъ и даже вещей ихъ дома. Все было мило и дорого. Прежде ей все это надоѣло и было противно, и она считала, что счастье въ будущемъ. Теперь же вдругъ все сдѣлалось прекрасно, а того невѣдомаго хорошаго, что казалось ей въ будущемъ и что манило ее туда, теперь вдругъ не стало. Не было таинственности и прелести новаго, чуть отгадываемаго міра, но было очень определенное и непріятное: Николай Александровичъ со всей своей некрасивой фигурой и жизнь съ этимъ человѣкомъ, непріятнымъ ей.

„Я не люблю, да, я не люблю его“, — думала она, стараясь мысленно представить его себѣ какъ можно явственнѣе и узнать, насколько онъ ей непріятенъ. И тѣмъ болѣе рельефно она представляла его со всей некрасивостью его фигуры и лица, со взглядомъ восхищенія передъ ней, тѣмъ взглядомъ, который болѣе всего въ немъ былъ противенъ ей, тѣмъ сильнѣе она чувствовала, что онъ ей непріятенъ, и что она не можетъ любить его и жить съ нимъ. Она теперь такъ живо почувствовала это, что чуть не вадрогнула.

„Нѣтъ, нѣтъ — сказала она. — Остаться такъ годъ, два, хоть три. Все лучше, чѣмъ это“. — И когда она это сказала, она почувствовала, какъ это ужасно и невозможно. — „Три года такой однообразной жизни, — шепталь ей кто-то. — Опять вѣчная нужда въ деньгахъ, опять исканіе жениховъ и отсутствіе свободы. И главное, опять такая же знакомая гадость и скука. Три года? Нѣтъ, не надо, не хочу. — Такъ какъ же? — прошептала она. — Неужели бросить это и выйти? Выйти... — Она присидѣла такъ нѣсколько секундъ. Ей показалось, что кто-то говорилъ ей. Она стала прислушиваться. „Да, выйти“ — услышала она. — „Кто это сказалъ?“ невольно спросила она себя. „Ахъ да, это я сама себѣ сказала“, — отвѣтила она себѣ и улыбнулась этому. Она облокотилась рукой о столъ и задумалась. Воображеніе представляло ей будущее: наряды, богатство, счастье и еще что-то неопредѣленное, розовое, прекрасное. Она такъ ясно почувствовала все это у себя, что ей казалось, что она не Соня Любимова, но что она вышла замужъ, что она г-жа Пушкарёва. Воображеніе рисовало ей жизнь веселой и заманчивой. Главное же хорошо было то, что не было Николая Александровича. Онъ куда-то исчезъ и былъ забытъ и не тревожилъ Соню, а безъ него было все хорошо.

„Ну, конечно, — машинально сказала она, отвѣчая на какой-то возникшій передъ ней вопросъ. — Ну да, бросить эту жизнь. Выйти замужъ и быть счастливой. Да, да, быть счастливой!“ — И вдругъ мысли ея перенеслись въ ту далекую пору, когда она была маленькой дѣвочкой, гимназисткой. Она вспомнила свои игры, няню, любовь Истомина, Катю. Она невольно сравнила съ той свою теперешнюю жизнь. И эта жизнь показалась ей невыносимой.

„Ну, конечно“, — повторила она еще разъ. Она встала, задула свѣчи и легла въ постель, но скоро не могла заснуть. Опять возникъ передъ ней рой воспоминаній. Она думала о дѣтствѣ, о томъ балѣ, гдѣ она познакомилась съ Истоминнымъ, о счастья подруги Лизы, о Николаѣ Александровичѣ. Наконецъ, все это перепуталось, провалилось куда-то, и она заснула.

Утромъ, на слѣдующій день, она сидѣла въ своей комнатѣ, когда пришла горничная и сказала, что барыня просить ее выйти въ залъ. — „Это онъ“, — подумала Соня, и невольно сердце ея забилося и ей сдѣлалось страшно. Проходя по столовой, она встрѣтилась съ матерью.

— Соня, мой другъ, это онъ пришелъ... Онъ просить твоей руки, — сказала Анна Семеновна и, прижавъ платокъ къ глазамъ, заплакала.

Соня остановилась. Когда Анна Семеновна поплакала не-

много, она отняла платокъ отъ лица, отерла глаза и сказала:

— Иди, иди скорѣй! Все зависитъ отъ тебя.

И въ томъ взглядѣ, которымъ она посмотрѣла на Соню, было такъ много женской безпомощности и вмѣстѣ съ тѣмъ желанія, чтобы это свершилось, и сознаніе того, что она ничего не можетъ сказать объ этомъ Сонѣ, и страхъ, что „этого“ не будетъ. Взглядъ этотъ былъ жалокъ и непріятенъ Сонѣ, и онъ просилъ ее о томъ, что она давно уже рѣшила.

Она отворила дверь и вошла въ залъ. Николай Александровичъ сидѣлъ на диванѣ, свѣсивъ голову. Когда она вошла, онъ поднялъ голову и, увидавъ ее, быстро всталъ. Онъ былъ блѣденъ и смущенъ. И онъ былъ жалокъ теперь Сонѣ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но Соня подошла и первая подала ему руку. Онъ посмотрѣлъ на нее и, прочтя въ ея глазахъ то, чему онъ въ глубинѣ души вѣрилъ и не вѣрилъ и чего онъ такъ сильно желалъ, поцѣловалъ ея руку и пробормоталъ что-то вродѣ того, что онъ посвятить ея счастью свою жизнь.

Они стояли другъ противъ друга и молчали. Николай Яковлевичъ вошелъ въ залъ на цыпочкахъ и, увидавъ счастливое лицо Николая Александровича, понялъ, что то, что случилось, случилось хорошо. Онъ подошелъ къ Николаю Александровичу, обнялъ его и всхлипнулъ.

Потомъ было все такъ, какъ всегда бываетъ. Были заботы о приданомъ, хожденія по магазинамъ за покупками, поздравленія знакомыхъ и поздравленія подругъ, завидовавшихъ ей въ глубинѣ души. Все было хорошо и прилично, какъ у всѣхъ порядочныхъ людей. Даже свадьба была по новому: вечера не устраивали. Это было старо. Послѣ бракосочетанія въ гимназической церкви—это была аристократическая церковь, и на ней особенно настаивала Анна Семеновна—былъ обѣдъ для шаферовъ, родственниковъ и лучшихъ знакомыхъ. Послѣ обѣда и шампанскаго молодые со всѣми уѣхали на вокзалъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ N, гдѣ служилъ Николай Александровичъ.

Борисъ Гегидзе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVIII в.

IV.

Волостныя общины черносошныхъ крестьянъ.

Въ XVIII в. генеральное межеваніе на сѣверѣ европейской Россіи было произведено только въ губерніяхъ Вологодской и Олонецкой. Мы приводили выше свидѣтельство С. А. Щепотьева, что во многихъ губерніяхъ сѣверной Россіи, напр. въ Вологодской, Олонецкой и др., до 70-хъ гг. XIX в. существовали волостныя общины, и что составлявшія ихъ деревни всегда были „однопланными“, т. е. составляли одну межевую дачу, и потому имѣли одинъ планъ. Въ Яренскомъ и Никольскомъ уѣздахъ Вологодской губ., какъ видно изъ „Экономическихъ примѣчаній“, составляющихъ результатъ генеральнаго межеванія и хранящихся въ московскомъ Межевомъ Архивѣ, очень часто дача этого межеванія совпадала съ предѣлами волости. Такъ отдѣльныя дачи по генеральному межеванію составляли въ Никольскомъ уѣздѣ „деревни“ или „села и деревни“ слѣдующихъ волостей Никольской, Вохомской, Халежской, Енанской, Килченской, Кичменской, Шарженской и Сараевской. Въ наименьшей изъ этихъ дачъ, Килченской волости, было всей земли 7.543 дес., въ наибольшей, Вохомской—213.493 дес. Въ Яренскомъ уѣздѣ волости или погосты *) были меньшаго размѣра. Тутъ мы находимъ, впрочемъ, существованіе волостныхъ угодій и внѣ одной дачи. Такъ, напр., въ одной дачѣ Ленской волости заключалось 3.890 дес., но, кромѣ того, отмежевана отдѣльно пожня этой волости въ 76 дес. Въ Тотемскомъ уѣздѣ также находимъ „писцовую пожню Кулавской волости“, „пожню черносошныхъ крестьянъ Кулавской волости“. Отдѣльную дачу составляетъ здѣсь также Толшемская волость (43.417 дес.) и Рождественскій погостъ (1.945 дес.). Въ

*) «Съ деревнями» или «село съ деревнями», или «Ляльская волость—село Ляльское съ деревнями».

Красноборскомъ уѣздѣ отдѣльно отмежеваны дачи двухъ Устьянскихъ волостей: „Устьянской Чадромской волости, село Чадромское съ деревнями“ (всей земли 120.367 дес.) и „Устьянская Шангольская волость, погоста Орловскаго съ деревнями“ (30.406 дес.); напротивъ, Устьянская Никольская волость была размежевана на двѣ дачи; особую дачу составляя погостъ Дмитріевскій съ деревнями. У Устьянской-Дмитровской волости (вѣроятно, то же, что Дмитріевскій погостъ) были отдѣльно отмежеванные отхожіе сѣнные покосы. У Черевковской волости (село Черевково съ деревнями) были отдѣльно отмежеваны два острова „съ пожнями Черевковской волости черносошныхъ крестьянъ“. У другихъ волостей этого уѣзда были отдѣльно отмежеванные пожни въ нѣсколько десятковъ и болѣе сотни десятинъ. Въ Лальскомъ уѣздѣ той-же губерніи мы находимъ „отхожій черный лѣсъ къ селу Алексѣевскому съ деревнями“ (396 дес.), „пожню Угецкой волости черносошныхъ крестьянъ“, отхожій наволочекъ Андреевской волости черносошныхъ крестьянъ.

Эти факты доказываютъ справедливость слѣдующихъ словъ г. Щербины въ его статьяхъ объ общинѣ: „Въ Вологодской губ. можно найти прямыя указанія на то, что въ концѣ XVIII столѣтія волостныя общины были повсемѣстнымъ явленіемъ въ этой губерніи. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, видѣ эти общины были занесены въ межевые планы генеральнаго размежеванія земель... По преданіямъ, нѣкоторыя общины Сольвычегодскаго уѣзда, напр. Козьминская, Метлинской волости, — носили сложный характеръ уже назадъ тому, по крайней мѣрѣ, 200 лѣтъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сложныя общинно-земельныя формы достигаютъ поразительно грандіозныхъ размѣровъ. Такъ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, состоящемъ почти исключительно изъ сложныхъ общинно-земельныхъ формъ, нѣкоторыя общины насчитываютъ десятки входящихъ въ составъ ихъ деревень. Упомянутая выше Козьминская община состоитъ изъ 40 деревень, Холмовская община, Черевковской волости — изъ 48, Черевковская и Ляховская той-же волости — изъ 80 деревень слишкомъ каждая, а Великосельская, составляющая въ административномъ отношеніи 3 общества и 1 волость, насчитываетъ цѣлыхъ 163 деревни, *связанныя между собою общими земельными отношеніями*“ *).

*) Щербина. «Земельная община». «Русск. Мысль» 1880, № 7, стр. 106—107. Въ Олонецкой губ. среди владѣній государственныхъ крестьянъ мы встрѣчаемъ особенно крупныя дачи, нерѣдко болѣе 100.000 десятинъ. Такъ, напр., огромныя дачи погостовъ мы находимъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ: Семчезерскій погостъ съ выставками государственныхъ крестьянъ, занималъ 208.541 дес., Выгозерскаго погоста деревни «владѣнія государственныхъ крестьянъ» — 570.795 дес., Ребельскій погостъ даже 738.795 дес. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ отмѣтимъ, какъ примѣръ волостного владѣнія, «полуостровъ на р. Свири, владѣнія Острѣченскаго погоста государственныхъ крестьянъ».

Директоръ экономіи Архангельскаго намѣстничества въ одномъ изъ своихъ предписаній крестьянамъ 1786 г. упоминаетъ объ „общественныхъ волостныхъ угодьяхъ“. Эти угодья состояли изъ луговъ, лѣсовъ *) и, наконецъ, рыбныхъ ловель **). Были и общественные выгоны: еще въ XVII в. въ нѣкоторыхъ волостяхъ нынѣшней Архангельской губ. упоминаются: „мірская поскотина“, „животинный выпускъ всѣхъ волостныхъ крестьянъ“.

Мы видѣли, что въ Вологодской губ. встрѣчались волости, занимавшія пространство болѣе 200.000 дес., т. е. 2.000 кв. верстъ. Если-бы такое пространство занимало правильный четырехугольникъ, оно могло-бы имѣть 40 верстъ въ одномъ и 50 верстъ въ другомъ протяженіи. Въ нынѣшней Сибири есть волости, занимающія, очевидно, не меньшее пространство: такъ огромная Пелымская волость (Туринскаго округа, Тобольской губ.), вытянутая лентою вдоль р. Тавды, имѣетъ длину изъ конца въ конецъ болѣе 150 верстъ. По отношенію пользованія землею она распадается на „сотни“ (сельскія общества) и „десятки“ (селенія ***)).

Точно также въ прошломъ столѣтіи на сѣверѣ Россіи огромныя волостныя территоріи, составляющія одну дачу генеральнаго межеванія, распадались на части. Въ этомъ отношеніи многое выясняетъ сравненіе данныхъ генеральнаго межеванія съ крестьянскими наказами въ Екатерининскую законодательную комиссію. Такъ, напр., огромная Вохомская волость, Никольскаго уѣзда, Вологодской губ. (въ которой во время генеральнаго межеванія было 2.012 дворовъ или 6.435 душъ мужскаго пола крестьянъ), лежавшая во время созванія екатерининской комиссіи въ Южской трети Устюжскаго уѣзда, Великоустюжской провинціи, состояла изъ нѣсколькихъ погостовъ, такъ что отъ „Вохомскихъ волостей“ было составлено 8 наказовъ ****). Эти восемь частей Вохомской волости, вѣроятно, и составляли восемь поземельныхъ общинъ, соотвѣтственныхъ сотнямъ нынѣшней Пелымской волости,

*) Пользованіе лѣсомъ не всегда было, однако, неограниченнымъ, какъ видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ наказа въ комиссію уложенія крестьянъ Царевской волости, Тотемскаго уѣзда: «чтобъ соблаговолено было намъ, крестьянамъ, подѣ посѣвъ хлѣба, гдѣ отыщутся, рубить чащи, на черномъ лѣсу въ своихъ дачахъ между волостями на своей половинѣ.» Просьбы о дозволѣніи расчистки земель особенно часто встрѣчаются въ наказѣ Яренскаго уѣзда.

**) См. ниже изложеніе дѣла объ общихъ оброчныхъ рыбныхъ ловляхъ двухъ погостовъ Олонецкаго уѣзда.

***) Кауфманъ. «Крест. община въ Сибири», стр. 25—26.

****) Отъ Вочевскихъ Починковъ (наказъ подписалъ сотскій, слѣдовательно эти Починки составляли одну сотню), отъ Спасскаго погоста (въ числѣ подписавшихъ были сотскіе), отъ Флоровскаго погоста (черносошныхъ крестьянъ было всего 32 дома, подписалъ наказъ священникъ), отъ Троицкаго, отъ Вознесенскаго, отъ Николаевскаго погостовъ, отъ Луптужскихъ Починковъ, Рождественскаго погоста (черносошныхъ крестьянъ было всего 46 домовъ) и отъ Черновскихъ Починковъ.

Тобольской губ.; очевидно, онѣ имѣли и общія всей волости волостныя угодья, почему и были обмежеваны въ одну дачу. Халезская волость, того же Никольскаго уѣзда, составлявшая одну дачу генеральнаго межеванія, подала нѣсколько отдѣльныхъ наказовъ. Черносомные крестьяне Кичменской волости, того же уѣзда, подали два наказа: отъ Спасскаго стана, гдѣ былъ сотскій, и отъ Благовѣщенскаго прихода, гдѣ мы находимъ трехъ сотскихъ; экономическіе же крестьяне этой волости (т. е. принадлежавшіе прежде монастырямъ) участвовали въ составленіи общаго наказа отъ всѣхъ экономическихъ крестьянъ Южской трети Устюжскаго уѣзда. Въ деревняхъ Сараевской волости, того же Никольскаго уѣзда, было во время генеральнаго межеванія 814 душъ; они подали въ екатерининскую комиссію два наказа: отъ Никольскаго прихода, гдѣ былъ сотскій, и отъ Троицкаго стана, въ которомъ по третьей ревизіи было 570 душъ и гдѣ также встрѣчаемъ сотскаго. Слѣдовательно, эта волость, распадалась вѣроятно, на двѣ сотни *). Ратмеровская волость Усольскаго уѣзда, Великоустюжской провинціи, въ 1760 г. была расположена въ двухъ разныхъ „четвертяхъ“ этого уѣзда: Лальской и Луской; въ первой изъ нихъ лежали Рождественскій станъ этой волости и Верхняя полуволость Архангельскаго стана (въ послѣдней былъ сотскій), въ Луской же четверти находились Верхняя полуволость Викторовскаго прихода и Ильинскій станъ (въ обоихъ было по одному сотскому). Объ Ильинскомъ станѣ въ наказѣ замѣчено, что онъ тянулся на 20 верстъ въ длину и 10 въ ширину. Очевидно, и здѣсь сотни этой волости имѣли извѣстную хозяйственную обособленность: во время генеральнаго межеванія черносомные крестьяне Викторовскаго стана, Ратмеровской волости имѣли особую пустошь въ 100 дес. Волости меньшаго объема составляли, повидимому, одну сотню: таковы, напр., Гамская волость, Яренскаго уѣзда (по генеральному межеванію 3.191 дес.), Наволоцкая волость, того же уѣзда (4.108 дес.). У обоихъ этихъ волостей, какъ видно изъ ихъ наказовъ, были въ то время въ общемъ владѣніи съ другими волостями земли съ ними смежныя. Въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., во время генеральнаго межеванія, особую большую дачу составляла Толшемская волость (2.174 души мужскаго пола); отъ нея въ екатерининскую комиссію было подано четыре наказа **).

*) Въ Южской трети Устюжскаго уѣзда въ 1760 г. было Быкокурскій станъ, раздѣлявшійся на Нижній и Верхній концы. Черносомные крестьяне этого стана подали одинъ наказъ отъ Нижняго конца этого стана Задвинской половины и другой—отъ Верхняго конца Николаевскаго и Георгіевскаго погоста. Экономическіе крестьяне этого стана подали одинъ наказъ отъ обоихъ концовъ.

**) 1) Отъ Лобановскаго стана (гдѣ былъ сотскій), 2) отъ Никольскаго станка (гдѣ былъ пятидесятскій), 3) Верхней половины (гдѣ былъ сотскій) и 4) Макыловскаго улуса.

волости, Красноборскаго уѣзда, во время генеральнаго межеванія представляли нѣсколько дачъ; во время же екатерининской коммиссіи, когда они числились въ Устюжскомъ уѣздѣ, отъ нихъ было подано 13 наказовъ отъ разныхъ погостовъ и волостей.

Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, составляющихъ результатъ генеральнаго межеванія (такъ наказываемыя „экономическія примѣчанія“), подобно тому, какъ и въ наказахъ, встрѣчаются указанія на общія земельныя владѣнія не только крестьянъ одной волости, но и двухъ или трехъ смежныхъ волостей. Такъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губ. отдѣльно обмежевана „пожня Окологородной и Нижнеединской волостей“; въ этомъ же уѣздѣ: „въѣзжій лѣсъ владѣнія Мольской и Стрѣleckой волостей черносошныхъ крестьянъ“ (16.129 дес.). Въ Красноборскомъ уѣздѣ той же губ. 3 волости: Кивокурская, Ракульская и Вершинская, или Среднепогоская были обмежеваны въ одну дачу (76.690 дес.), кромѣ того, въ отдѣльную дачу обмежеваны были „пожни Кивокурской и Ягрыжской волостей черносошныхъ крестьянъ“. Въ этомъ же уѣздѣ отдѣльно обмежевана небольшая „пожня Пермгорской, Драповановской Кулиги *) и Раковской волостей“ (всего 23 дес.). Въ томъ же уѣздѣ двѣ особыя дачи составляли „отхожіе сѣнные покосы Устьянской Никольской волости и деревни Плоской съ деревнями государственныхъ черносошныхъ крестьянъ“ **). То же было и въ Олонецкой губерніи во время генеральнаго межеванія: такъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ особую дачу составляли „отхожіе сѣнные покосы Павловской волости и деревни Бодухиной государственныхъ черносошныхъ крестьянъ“.

Во время генеральнаго межеванія, какъ и въ 60-хъ гг. XVIII в. (что видно изъ наказовъ), были въ общемъ владѣніи земли и у крестьянъ разныхъ наименованій, а такъ же у крестьянъ съ одной стороны, и купцовъ и мѣщанъ — съ другой. У черносошныхъ крестьянъ было много общихъ дачъ съ экономическими въ уѣздахъ—Великоустюжскомъ, Сольвычегодскомъ, Лальскомъ и Красноборскомъ; съ частными владѣльцами—въ тѣхъ же уѣздахъ и, кромѣ того, въ Тотемскомъ. Въ Тотемскомъ и Красноборскомъ уѣздахъ у крестьянъ были общія владѣнія и съ отдѣльными лицами изъ купцовъ и мѣщанъ ***). Общія дачи у черносошныхъ крестьянъ съ экономическими были и въ Олонецкой губ. (въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Повѣнецкомъ). Въ Повѣ-

*) Въ коммиссіи уложенія отъ «Драповановыхъ Кулигъ» былъ особый наказъ отъ имени сотскаго и крестьянъ.

**) Среди этихъ сѣнныхъ покосовъ были и пашни.

***) Въ вѣдомости второй половины прошлаго столѣтія о Николаевской Матигорской волости, Двинскаго уѣзда, Архангельской губ., между прочимъ, сказано: «лѣсныхъ дачъ по обѣ стороны большой дороги съ живущими въ той же волости Архангельской округи съ экономическими крестьяны владѣнія вообще состоитъ длинника на 10 и поперечника то же на 10 верстахъ».

непкомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ огромную дачу (529.543 дес.): „Сумскій острогъ съ волостями Кележмой, Шижной, Вирмой, Надвоицкой, Нюхоцкой и деревнями... экономического вѣдомства и государственныхъ крестьянъ“.

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ черносомные крестьяне имѣли общія владѣнія не только съ экономическими, но и съ обѣльными крестьянами. Укажемъ, напр., на Шуйскій погостъ „съ выставками и деревнями государственныхъ черносомныхъ... и экономического вѣдомства и обѣльныхъ крестьянъ“ *), на „деревни государственныхъ черносомныхъ и обѣльныхъ крестьянъ“ Толвуйскаго погоста **). Въ Олонецкой губ. были также общія владѣнія купцовъ, мѣщанъ, экономическихъ и государственныхъ черносомныхъ крестьянъ ***). Въ Олонецкомъ уѣздѣ *все* погосты черносомныхъ крестьянъ состояли въ общихъ дачахъ съ владѣніями купцовъ и мѣщанъ, такъ, напр., „погостъ Олонецкій, Никольскій то жъ, г. Олонца купцовъ и мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ“. Всего въ этихъ погостахъ и деревняхъ „общаго владѣнія“ купцовъ, мѣщанъ и черносомныхъ крестьянъ Олонецкаго уѣзда было во время генеральнаго межеванія 10.425 душъ мужскаго пола, въ томъ числѣ 2.763 купцовъ и мѣщанъ, т. е. около 27%.

Генеральное межеваніе не разбило на отдѣльныя части общія владѣнія крестьянъ, жившихъ даже въ разныхъ уѣздахъ. Въ „Экономическихъ примѣчаніяхъ“ Петрозаводскаго уѣзда находимъ слѣдующую огромную дачу: „Острѣчинскаго погоста выставки и деревни государственныхъ черносомныхъ и Вытегорскаго уѣзда прежде бывшаго Варламіева Хутыня монастыря, а нынѣ экономического вѣдомства Рыбарецкой волости крестьянъ“ (249.135 дес.).

Пашенныя земли черносомныхъ крестьянъ не передѣлялись: по крайней мѣрѣ, на это нѣтъ никакихъ указаній въ ихъ наказахъ. Покося, находившіеся во владѣніи отдѣльныхъ деревень, назывались „печищными“ отъ слова печище—деревня. Указанія

*) Черносомные крестьяне этого погоста были приписаны къ заводу въ Петрозаводскѣ, ставили дрова и уголья и возили руду, а экономическіе крестьяне вносили подушныя подати и оброкъ деньгами.

**) Черносомные крестьяне были приписаны къ тому же заводу. Укажемъ еще два примѣра волостныхъ угодій: «островъ Толвуйскаго погоста и Вырозерской волости черносомныхъ и обѣльныхъ крестьянъ»; «островъ, на которомъ Сѣногубская выставка съ деревнями государственныхъ черносомныхъ и обѣльныхъ крестьянъ».

***)) Такъ, напр., въ Вытегорскомъ уѣздѣ: «деревня Назарова мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ» (6 дворовъ, 22 души мужскаго пола, 49 дес.); «пустошь владѣнія г. Вытегры мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ». Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ: деревня «владѣнія приписныхъ къ г. Повѣнцу купцовъ, мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ» (11.508 дес., 1 дворъ, 3 души мужскаго пола); «Шуискаго погоста деревни... общаго владѣнія приписныхъ къ городу Петрозаводску купцовъ, мѣщанъ государственныхъ и бывшаго Большаго Тихвина монастыря, а нынѣ экономического вѣдомства крестьянъ» (84.305 дес.).

на пещищные покосы мы находимъ въ нѣсколькихъ наказахъ крестьянъ Великоустюжскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ. Пещищные покосы называются иногда въ наказахъ также „крѣпостными“ въ отличіе отъ оброчныхъ, т. е. взятыхъ въ аренду у казны. Земли, принадлежавшія отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, назывались „повытками“ или „участками“; передѣловъ такихъ земель не только не было, но крестьяне, какъ видно, не находили даже возможнымъ приступить къ нимъ, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ участки были записаны за каждымъ дворомъ отдѣльно. Для сравненія упомянемъ о томъ, что даже во второй половинѣ XIX в. сибирскіе крестьяне сомнѣвались въ своемъ правѣ самостоятельно производить передѣлы земли.

Послѣдствіемъ свободного перехода поземельныхъ участковъ было развитіе имущественнаго неравенства, а также уменьшеніе количества земли, находившейся въ распоряженіи крестьянъ той или другой волости, такъ какъ путемъ заклада и продажи значительная часть крестьянскихъ земель очутилась въ рукахъ купцовъ и посадскихъ сосѣднихъ городовъ (см. выше), а также разныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ лицъ.

Мы видѣли, что въ дворцовыхъ волостяхъ были довольно крупныя землевладѣльцы. Что и у нѣкоторыхъ черносошныхъ крестьянъ были значительныя участки земли, видно изъ свидѣтельства Крестинина въ его книгѣ „Опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа на сѣверѣ“ (1785 г.). „Частныя деревни *), состоящія изъ пашенной и сѣнокосной земли *частныхъ* владѣльцевъ **), обрабатываемыя единою крестьянскою семьею, раздѣляются въ двинскихъ волостяхъ на пять статей. Въ первой статьѣ считаются пашни, обсеиваемыя 20 и 25 мѣрками или полчетвертями ячменя ***), и пожни, отъ 600 до 800 кучъ производящія сѣна“... (стр. 38). У такихъ владѣльцевъ было не менѣе нѣсколькихъ десятковъ десятинъ.

Какъ видно изъ „Экономич. Примѣч.“, въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., одна деревня черносошнаго крестьянина была

*) Слово «деревня» тутъ употреблено въ смыслѣ участка пахотной и сѣнокосной земли.

**) Слово «частныя владѣльцы» имѣетъ, вѣроятно, одно значеніе съ терминомъ «деревенскіе владѣльцы», которые въ наказахъ въ екатерининскую комиссію иногда прямо выдѣляются изъ числа остальныхъ крестьянъ. Такъ въ наказѣ Усольскаго у., Двинской четверти Пачезерской волости числилось въ общемъ количествѣ, «состоящихъ въ крестьянскому перечню изъ крестьянъ деревенскихъ владѣльцевъ—46 душъ, бобылей, неимѣющихъ пахотныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ—54 чел..., затѣмъ имѣется достальныхъ въ пахотѣ крестьянъ—215 душъ».

***) По свидѣтельству Пошмана, автора описанія Архангельской губ., составленнаго въ 1802 г., на десятину ячменя сѣяли тамъ отъ 1 до 2 четвертей; если принять въ среднемъ 1½ четверти, то 10—12 четвертей могли быть посѣяны на 7—8 дес. пахотной земли.

обмежевана даже въ особую дачу *). На земляхъ нѣкоторыхъ черносошныхъ крестьянъ жило по нѣскольку десятковъ половниковъ.

Въ виду стѣсненія въ земельныхъ угодьяхъ черносошныя волости просили въ своихъ наказахъ отобрать у деревенскихъ владѣльцевъ изъ купцовъ, мѣщанъ, канцелярскихъ служителей и крестьянъ земли, находившіяся у нихъ „какъ на оброкѣ, такъ и владѣмыя ими по купчимъ, закладнымъ и другимъ сдѣлкамъ, и поверстать въ достатокъ десятины общества на души“. Такую просьбу мы встрѣчаемъ въ одномъ наказѣ Тотемскаго уѣзда. Крестьяне Орловскаго уѣзда, Вятской губ., просили отобрать отъ купцовъ и крестьянъ рыбныя ловли, бортныя угодья и деревни и передать ихъ во владѣніе крестьянъ по числу душъ. Крестьяне Хлыновскаго уѣзда, кромѣ того, просили запретить купцамъ брать въ залогъ крестьянскія земли.

Мѣстами созрѣло уже сознаніе, что раздѣленію на души слѣдуетъ подвергнуть и тѣ земли, которыя находились во владѣніи всѣхъ крестьянъ. Такое желаніе выражено въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ Мольской волости, Тотемскаго уѣзда, изъ котораго видно, что Тотемская воеводская канцелярія уже предлагала крестьянамъ „поверстку земли“, но „большетяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовыя свои вотчины“. Крестьяне Мольской волости просили пустить въ передѣлъ оброчныя земли. Изъ „Экономическихъ примѣчаній“ видно, что „казенныхъ оброчныхъ дачъ“ было особенно много во время генеральнаго межеванія въ Вологодской губ., въ уѣздахъ Лальскомъ и Тотемскомъ, а въ Олонецкой губ.—въ Пудожскомъ и Олонецкомъ.

Мы увидимъ ниже, какое важное значеніе имѣло постепенное смѣшеніе оброчныхъ земель съ тяглыми крестьянскими въ эволюціи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ. Теперь же укажемъ, что не только въ Мольской волости, Тотемскаго уѣзда, но и въ другихъ мѣстахъ крестьяне хлопотали объ окончательномъ присоединеніи этихъ оброчныхъ земель къ ихъ тяглымъ землямъ. Такъ, напр., въ наказѣ Ракульской волости, Двинской трети, Великоустюжскаго уѣзда, указывая на нерѣдкій въ прирѣчныхъ мѣстностяхъ сѣвера сносъ земель водою съ одного мѣста на другое, крестьяне просили: „Написанныя по прежнимъ писцовымъ книгамъ... съ оброкомъ мѣста, за кѣмъ бы сторонними изъ какого оброка отъ переобработки ни состояли, выложивъ изъ оброка и не дѣлая продажи, какъ нынѣшнюю межевою инструкціею о настоящихъ оброчныхъ земляхъ, т. е. не въ дачахъ къ деревнямъ состоящихъ, узаконено, утвердить въ вѣчность же къ тѣмъ дерев-

*) «Деревня Корякова черносошнаго крестьянина Оомы Карандашева» — дворовъ—2, душъ м. п.—8, всей земли—230 дес., въ томъ числѣ пахотной 35 дес., сѣнокосу—12 д., лѣсу—132 д. и неудобной—49 д.»

нямъ вмѣсто сносныхъ земель, по которымъ дачею и въ дачахъ состояли“.

Во владѣніи крестьянъ были не только оброчныя земли, но и оброчныя рыбныя ловли, притомъ эти послѣднія могли находиться даже въ общемъ владѣніи двухъ погостовъ. Между двумя погостами Сунской волости, Олонецкаго уѣзда, Кижскимъ и Шуйскимъ (приписанными къ Петровскимъ заводамъ), возникъ споръ относительно пользованія рыбными ловлями по р. Сунѣ, которыми они сообща владѣли еще въ XVII в. Сенатская контора въ 1762 г. рѣшила дѣло такимъ образомъ, что владѣть этими рыбными ловлями должны крестьяне обоихъ этихъ погостовъ, а оброчныя деньги платить по тягламъ *). Крестьяне Шуйскаго погоста остались недовольны этимъ рѣшеніемъ и не подчинились ему, какъ видно изъ челобитной крестьянъ Кижскаго погоста (1763 г.), въ которой они говорятъ, что жители Шуйскаго погоста „насильствомъ своимъ въ той Сунѣ рѣкѣ не по числу съ тягла душъ рыбу ловятъ и берутъ себѣ половину, а Кижскаго погоста той Сунской волости крестьянъ на число... 260 душъ рыбы ловить не допускаютъ и на оное число душъ въ уловѣ рыбы чинятъ убытки и производятъ драки, отчего опасно, дабы не учинили смертнаго убивства“. Жители же Шуйскаго погоста ссылались на опредѣленіе бергъ-коллегіи 1747 г., которымъ предписано рыбными ловлями крестьянамъ этихъ обоихъ погостовъ владѣть по старинѣ пополамъ и оброкъ платить сообща, почему они и платили половину его. Споръ этотъ былъ переданъ на рѣшеніе канцеляріи Петровскихъ заводовъ, которое намъ неизвѣстно.

V.

Постановленія межевой инструкціи 1766 г. о земляхъ черносошныхъ крестьянъ. — Поземельныя отношенія олонекскихъ государственныхъ крестьянъ и предложеніе ввести у нихъ передѣлы.

Очень важное значеніе въ исторіи землевладѣнія на сѣверѣ имѣла межевая инструкція 1766 г. Напомнимъ главнѣйшія постановленія ея, относящіяся къ государственнымъ черносошнымъ крестьянамъ. Этою инструкціею было предписано: 1) если какіе-либо государственные крестьяне послѣ Уложенія на Вяткѣ и въ другихъ уѣздахъ изъ своихъ тяглыхъ земель, деревенскихъ участковъ и всякихъ угодій отдали въ поминовленіе по умершимъ и вкладомъ въ архіерейскіе дома, въ монастыри и къ церквамъ, а также продали, заложили и уступили воеводамъ, канцелярскимъ служителямъ и церковнопричетникамъ, монастырскимъ служкамъ

*) Въ Кижскомъ погостѣ было 260 ревизскихъ душъ, а въ Шуйскомъ только 62 души.

и другимъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ, въ подушный окладъ, или если кому изъ ихъ земель отдано канцеляріею вслѣдствіе исковъ, то всѣ такія земли безденежно возвращать по прежнему къ землямъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. 2) Если какіе-либо крестьяне государственныхъ черносошныхъ волостей, расчищая вновь земли въ тѣхъ же волостяхъ и деревняхъ, написанныхъ за ними въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, селились особыми дворами отъ села или деревни, и *подъ видомъ собственныхъ своихъ* продали и заложили разныхъ чиновъ людямъ, а нѣкоторымъ и по искамъ отданы отъ канцеляріи, и приобрѣвшіе эти земли поселили крестьянъ изъ государственныхъ волостей и деревень въ качествѣ половниковъ, и они записаны за ними по ревизіи изъ платежа податей, „и оными государственными землями съ крестьянами владѣютъ такъ, какъ и настоящіе вотчинники“, всѣ такія земли и угоды отбирая примежевывать къ государственнымъ землямъ. 3) Проданные и заложенные отъ государственныхъ крестьянъ посадскимъ людямъ тѣхъ городовъ и отъ посадскихъ крестьянамъ всякіе деревенскіе участки и печищныя земли, хотя и межевать „къ общественнымъ всего жительства селеніямъ“, но надлежащее разсмотрѣніе и утвержденіе по даннымъ на эти земли купчимъ и закладнымъ, производить тѣмъ учрежденіямъ, чью обязанность это составляетъ, причѣмъ слѣдуетъ утверждать такія земли лишь за тѣми посадскими и государственными крестьянами тѣхъ же, а не другихъ городовъ, кому онѣ будутъ „законно принадлежать“ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а не по какимъ-либо другимъ указамъ и опредѣленіямъ. 4) Съ изданія межевой инструкции какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ имѣющимся за ними въ поморскихъ городахъ недвижимыхъ имѣній „до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія, никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою не продавать и не закладывать, и въ иски, также по векселямъ и за долги не отдавать, а кто и отдастъ, то даннымъ крѣпостямъ, закладнымъ записямъ и отдачамъ быть не дѣйствительнымъ“. 5) Земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, наслѣдникамъ и женамъ не дѣлать, и по наслѣдству дочерямъ и въ приданыя выходящимъ замужъ за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ въ другія селенія не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ онѣ будутъ примежеваны. 6) Если послѣ какихъ-либо государственныхъ крестьянъ не останется сыновей, а только дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ своихъ женъ, то эти земли отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а имѣющіяся за этими послѣдними въ

ихъ прежнихъ селеніяхъ оставлять жителямъ этихъ селеній *).

Указанныя въ межевой инструкціи мѣры имѣли цѣлью очистить волости государственныхъ черносошныхъ крестьянъ отъ постороннихъ владѣльцевъ и, такъ сказать, собрать во едино разсыпанную хранину крестьянскаго владѣнія землями, которыя окончательно признавались казенною собственностью **). Межевая инструкція не вводила передѣловъ земли, но, прекращая продажу и закладъ земель не только постороннимъ, но и среди крестьянъ одной и той же волости, она подготовляла почву для введенія передѣловъ. Правда, продажа земель крестьянами долго еще не прекращалась, и въ 1768 г. сенату пришлось подтвердить, чтобы черносошные крестьяне не совершали купчихъ крѣностей на земли, но администрація начинаетъ постепенно все псѣе сознавать, что единственный выходъ изъ земельной неурядицы крестьянъ сѣвера Россіи состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворить просьбы малоземельныхъ и ввести передѣлы земли. Послѣ изданія межевой инструкціи на эту мысль прежде всего навели поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ Олонецкой губ., приписанныхъ къ тамошнимъ казеннымъ заводамъ.

Правительство обратило вниманіе на бытъ этихъ крестьянъ, вслѣдствіе волненія, происходившаго среди нихъ въ 1769—1771 гг. ***). Комиссія, посланная для ихъ усмиренія и состоявшая изъ генералъ-маіора Махотина, Ржевскаго, Толбузина и Матвѣева, въ экстрактѣ, представленномъ сенату въ сентябрѣ 1771 г., говорить: „Приписные къ заводамъ крестьяне... земли для хлѣбопашества къ селеніямъ въ поляхъ и лѣсахъ имѣютъ довольныя“; кромѣ того, въ лѣсахъ всякій имѣетъ возможность занимать мѣста на „пожоги“. Но комиссія нашла, что крестьяне свои участки въ поляхъ „продають и закладываютъ между собою и постороннимъ, живущимъ въ ихъ селеніяхъ разнаго званія людямъ, а сами... бросаю дома, бродятъ по разнымъ мѣстамъ; нѣкоторые-жъ изъ нихъ, самовольно записавшіеся и разными магистратами незаконно причисленные въ купечество, живутъ на прежнихъ своихъ участкахъ и по давнему безпорядку всѣхъ изъ нихъ владѣютъ пашенными землями безъ раздѣленія на тяглы, но яко вотчинники по наслѣдствамъ, о которыхъ происходятъ только

*) П. С. З. т. XVII, № 12, 659, гл. XX.

**) Еще введеніе оброчной подати въ 1722—24 гг. съ государственныхъ крестьянъ (черносошныхъ, половниковъ и однодворцевъ) показывало ясно, что правительство считаетъ населенныя ими земли казенною собственностью, П. С. З. т. VI, № 3894, 3994, т. VII, 4390. «Аграрная политика XVIII в.»,—говоритъ г. Миллюковъ, стала «инстинктивно, можетъ быть, на вѣрный путь *націонализации крестьянской земли*». «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» («Рус. Мысль» 1890, № 5, стр. 213).

***) Объ этомъ волненіи см. мою статью въ «Древней и Новой Россіи» 1877 г., №№ 6 и 7.

междоусобія, слѣдствія и суды, продолжающіеся чрезъ многіе годы“.

Въ Петрозаводской канцеляріи производилось множество тяжбныхъ дѣлъ, тянувшихся многіе годы, о пашенныхъ земляхъ, сѣнокосахъ и другихъ угодьяхъ: 1) о насильномъ завладѣніи наслѣдственными землями крестьянами, посадскими, церковниками и прочими разночинцами и 2) о неотдачѣ послѣ срока на выкупъ земель, заложенныхъ отцами, матерями и родственниками истцовъ. Такія дѣла производились въ заводской канцеляріи, „разбирая ихъ какъ настоящихъ вотчинниковъ родословными росписями со взятіемъ иногда пошлинъ“ еще съ того времени, какъ была перепись въ Олонецкомъ уѣздѣ въ 1628 и 1629 гг. „Крестьяне обоего пола“, по словамъ комиссіи, привыкшіе „къ тяжбамъ, отставъ отъ домостроительства и прочей своей должности, едино только за тѣми дѣлами таскаются, одни безъ всякаго разума, а по привычкѣ только къ ябедѣ, другіе-жъ хотя бы, казалось, и правильно, но по неминуемому продолженію письменнаго производства, а иногда, не имѣя чѣмъ заплатить... пошлинъ, терпятъ неудовольствіе и, лишась участковъ, разбрелись по разнымъ мѣстамъ“.

Комиссія считала необходимымъ признать слѣдующія мѣры: 1) на основаніи межевой инструкціи 1766 г. земли обмежевать къ селеніямъ „порознь по волостямъ и деревнямъ“. 2) На основаніи той же инструкціи, у постороннихъ, которые какимъ бы то ни было образомъ завладѣли землями, ихъ отобрать и по прежнему причислить къ селеніямъ, а кто незаконно покупалъ у крестьянъ государственныя земли или бралъ въ закладъ, тѣмъ вѣдаться въ деньгахъ судомъ съ продавцами и закладчиками. 3) смѣшавъ всѣ крестьянскія земли и угодья, „раздѣлить поря-
дочно на тяглы по душамъ и по имуществу, а съ того уже быть какъ раскладамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и заводскимъ работамъ, родословія жъ и наслѣдства ихъ отрѣшить, продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить“ и впредь ихъ запретить. 4) Комиссія предлагала допустить ежегодные частныя передѣлы земель: „Какъ хозяйственное между крестьянъ распоряженіе требуетъ ежегодно въ подушныхъ платежахъ уравниванія такового, что на иного за умершихъ и по другимъ случаямъ убылыхъ прибавлять, съ иного-жъ уменьшать,—то при такихъ случаяхъ съ перваго раздѣленія участковъ нѣкоторымъ свое сдавать, а другимъ изъ платежа временнаго на себя снимать не запрещать“, а если какой-либо крестьянинъ „по скудости и по другимъ обстоятельствамъ полнаго принадлежащаго ему участка овладѣть и съ онаго платежа и работъ снести не можетъ, такъ-вые міромъ приписывать къ другимъ имущимъ, а его до времени оставлять на томъ тяглѣ, каковое понестъ въ силахъ, и расклады такъ-вые предоставить *на общее самихъ же ихъ мірское управ-*

неніе... чрезъ что и всякихъ уже нынѣшнихъ вредныхъ своихъ лишатся тяжёбъ“. А если бы „частію нѣкоторой земли завладѣлъ кто изъ постороннихъ, тогда искать уже о томъ, гдѣ надлежитъ, не самолично по наслѣдству мужику или бабѣ, но отъ правительства или отъ волости *по общественнымъ вѣдомства своего земель крѣпостямъ*. А что между крестьянскими селеніями живутъ перешедшіе изъ города Олонца посадскіе, равно-жъ изъ заводскихъ крестьянъ записавшіеся въ купечество... то въ разсужденіи, чтобъ вольность поселенская состояла безъ помѣшателства“, коммиссія предлагала выслать ихъ для жительства въ города на основаніи межевой инструкціи (Арх. Мин. Юст.).

Въ концѣ 1771 г. сенатъ поручилъ Саймонову собрать свѣдѣнія о купцахъ, которые, поселясь въ волостяхъ, приписанныхъ къ заводамъ, „пользуются между крестьянами владѣльческимъ правомъ“,—изъ какихъ они городовъ, почему живутъ въ приписныхъ селеніяхъ, имѣютъ-ли крѣпости на земли, которыми владѣютъ, отъ такихъ-ли людей получили ихъ, которые имѣютъ право продажи и сами имѣютъ-ли право покупать земли и владѣть ими. По собраннымъ о купцахъ и мѣщанахъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ приписныхъ къ Петровскимъ заводамъ волостяхъ и погостахъ ихъ жило 99 человекъ, въ томъ числѣ записавшихся въ купечество или мѣщанство изъ приписныхъ крестьянъ 28, изъ поповскихъ дѣтей 2 и такихъ, которые объявили, что они не помнятъ, изъ какихъ были ихъ дѣды и отцы, а они живутъ, какъ ихъ дѣды и отцы изстари,—69 чел. *).

Въ объясненіяхъ, поданныхъ деревенскими владѣльцами, нѣкоторые изъ нихъ писали, что „они живутъ въ тѣхъ между крестьянами селеніяхъ на наслѣдственныхъ дѣдовъ и отцовъ ихъ родственныхъ земляхъ“, а также на доставшихся по закладнымъ письмамъ и духовнымъ завѣщаніямъ. Они не знаютъ, „изъ какихъ“ были ихъ дѣды и отцы, но старожилы увѣряютъ, что, когда устраивались здѣсь Петровскіе заводы, ихъ предки были уже посадскими, но, однако же, исполняли заводскія работы. **) Живущіе въ Кижскомъ погостѣ заявляли, что ихъ прадѣды были записаны въ посадъ до заведенія еще первыхъ Петровскихъ заводовъ, „по отдаленности города Олонца, изъ живущихъ въ той трети госу-

*) Деревенскіе владѣльцы въ Олонцкихъ приписныхъ волостяхъ представили слѣдующіе документы на проданныя и отданныя въ закладъ земли: 1 «духовная», записанная у «крѣпостныхъ дѣлъ» въ Олонцкой воеводской канцеляріи, 10 крѣпостей, записанныхъ въ канцеляріи Петровскихъ заводовъ, 8—при земскихъ избытхъ, и кромѣ того, нигдѣ не записанныхъ: разныхъ закладныхъ писемъ 167 (въ томъ числѣ 7-ми живущихъ въ Петровскомъ погостѣ купцовъ), 1 «духовная», 2 приданныхъ и приемныхъ записей, 6 векселей; да, сверхъ того, владѣютъ обільные крестьяне, какъ и купцы, по закладнымъ письмамъ, которыхъ представлено 21, экономическіе крестьяне по 2-мъ.

**) Срав. наказъ жителей города Олонца. «Сборн. Истор. Общ.». т. 107, 1900 г., стр. 445.

дарственныхъ крестьянъ, и... между приписными крестьянами жительство имѣютъ для всякихъ случающихся въ уѣздѣ казенныхъ службъ“, въ которыя и выбираются по указамъ, присылаемымъ изъ Олонецкаго магистрата, „и понынѣ исправляютъ всѣ городовыя тягости равно съ живущими въ городѣ Олонцѣ“. А относительно своихъ земель они заявили, что „сидятъ они на природныхъ, искони вѣчныхъ, владѣнія означенныхъ прадедовъ и отцовъ ихъ, а не на другихъ какихъ и не на крестьянскихъ, ибо тѣ ихъ земли еще предками и самими ими, съ трудомъ ихъ и со употребленіемъ великаго ихъ капитала были расчищаемы изъ пустыхъ, дикихъ и каменистыхъ боровъ, также и на дикихъ болотныхъ мѣстахъ съ проведеніемъ глубокихъ каналовъ“. На земли же они „никакихъ крѣпостей не имѣютъ“, и земли эти въ случаѣ казенныхъ недоимокъ, по указамъ Олонецкаго магистрата, и въ казну отписываются и публично съ аукціона продаются, и на то даются отъ магистрата на владѣніе оныхъ выписи, и на тѣхъ земляхъ они прежними писцами положены по генеральной ревизіи, и тѣ земли за ними утверждены, а въ которые годы того показать не могутъ. А по какимъ законамъ пользуются владѣльческимъ правомъ... они сами точно за маломѣніемъ грамотъ и за неимѣніемъ указныхъ справокъ показать не могутъ“. За недостаткомъ своихъ земель они брали также земли въ закладъ у государственныхъ крестьянъ впредь до выкупа и съ обязательствомъ платежа за нихъ подушной подати или оброка, но и крестьяне такъ же брали въ закладъ земли посадскихъ, и все это дѣлалось съ вѣдома канцеляріи Петровскихъ заводовъ, въ которой съ 1728 по 1738 г. производилась и записка крѣпостей съ платежомъ указныхъ пошлинъ, а затѣмъ крѣпости записывались въ Олонецкой воеводской канцеляріи. Деревенскіе владѣльцы просили или оставить у нихъ земли во владѣніи по прежнему, или приказать крестьянамъ возратить взятые подъ земли деньги.

На основаніи какого закона канцелярія Петровскихъ заводовъ записывала крѣпости крестьянъ на земли,—разъяснено не было. Что касается записи въ Олонецкой воеводской канцеляріи, то посадскіе ссылались на именныя указы 1701, 1703, 1720, 17 (18) іюня 1731 *) и 23 мая 1744 г.

Канцелярія олонцкихъ Петровскихъ заводовъ въ донесеніи въ бергъ-коллегію въ январѣ 1778 г., согласно съ мнѣніемъ слѣдственной комиссіи 1771 г., заявила, что она считаетъ необходимымъ всѣ земли, деревенскіе участки и сѣнные покосы, кому бы они ни принадлежали, — посадскимъ-ли, или государ-

*) П. С. З. т. IV, № 1850, 1927, VI, № 3521, VIII, № 5783. Этими указами устанавливались правила записи крѣпостей въ городахъ или въ селѣхъ и деревняхъ, но въ нихъ ничего не говорилось о томъ, кто можетъ продавать и покупать земли.

ственнымъ крестьянамъ, — размежевать между ними „по числу ихъ тягла“ и причислить къ тѣмъ селеніямъ, къ которымъ они прилегли, а крѣпости на тѣ земли, закладныя, духовныя и векселя, данныя отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, „потому болѣе, что они, живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна, многое время и въ малой цѣнѣ заложеными въ большомъ количествѣ участками пользуясь, свои деньги чрезъ продукты давно уже возвратили...“; да и впредь продавать, закладывать и духовными и тому подобными письмами укрѣплять запретить. Если же кто изъ купцовъ пожелаетъ остаться въ деревнѣ съ обыкновеннымъ крестьянскимъ тягломъ и нести всю мірскую тягость вмѣстѣ съ крестьянами, не исключая и заводской работы (съ этимъ условіемъ изъ крестьянъ и записывались въ купечество), то въ этомъ имъ не препятствовать; въ противномъ же случаѣ по размежеваніи земель вывести ихъ для поселенія въ города. Бергъ-коллегія одобрила это предложеніе, и сенатъ въ 1781 г. приказалъ его исполнить *).

VI

Попытка передѣла земель въ Олонецкой губерніи въ 1785 г.

Въ 1778 г. имп. Екатерина II, приказала остановить продажу свободныхъ земель **), очевидно, для того, чтобы предварительно надѣлить малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Затѣмъ 3 мая 1783 г. данъ былъ именной указъ генераль-губернаторамъ о доставленіи въ сенатъ соображеній относительно надѣленія землею крестьянъ, имѣвшихъ въ ней нужду. Сенаторы кн. М. М. Щербатовъ и Масловъ, окончивъ ревизію Ярославской губ., донесли сенату, что „крестьяне, частью государственные и экономическіе, не имѣютъ довольныхъ земель, а другіе, хотя и имѣютъ, но къ хлѣбопашеству не удобныя“. Это донесеніе напомнило сенату, что еще не всѣ генераль-губернаторы исполнили указъ 3 мая 1783 г. Поэтому въ 1785 г. было подтверждено, между прочимъ, олонецкому и архангельскому генераль-губернатору Тутолмину „о всѣхъ казенныхъ селеніяхъ землями скудныхъ, сдѣлавъ въ разсужденіи удовольствія ихъ общее положеніе, доставить въ правительствующій сенатъ“.

Нужно замѣтить, что еще ранѣе, въ 1784 г., экспедиція директора экономіи петербургской казенной палаты, завѣдывавшая въ то время Олонецкимъ краемъ ***), сдѣлала распоряженіе объ

*) Арх. Горн. Деп., дѣла бергъ-коллегіи; П. С. З. т. XXI, № 15,203.

**) П. С. З., т. XX, № 14801.

***) Въ 1781 г. Олонецкая область была отчислена отъ Новгородскаго къ Петербургскому намѣстничеству, а въ 1784 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи особой Олонецкой губ., которая, вмѣстѣ съ Архангельскою, была подчинена особому генераль-губернатору.

уравниені пашенныхъ земель и покосовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Пудожскомъ погостѣ, это предписаніе было исполнено въ томъ-же году: крестьяне раздѣлили между собою поровну пахотныя земли и покосы.

Когда олонецкая казенная палата узнала изъ предложенія Тутолмина отъ 25 іюня 1785 г. о требованіи правительства, чтобы селенія, чувствующія недостатокъ въ землѣ, были надѣлены ими, экспедиція директора экономіи *) уже была завалена жалобами крестьянъ на малоземелье: у иныхъ земли вовсе нѣтъ, у другихъ очень мало, несмотря на то, что они по двумъ ревизіямъ платятъ подати; причина этого заключается въ присвоеніи земель прочими крестьянами по купчимъ, закладнымъ, завѣщаніямъ, въ видѣ приданого и посредствомъ насильственного захвата. Во многихъ селеніяхъ они пользуются такими землями, не допуская остальныхъ къ разрабатыванію удобныхъ мѣстъ, считая ихъ своею собственностью. Поэтому экспедиція директора экономіи, по полученіи предложенія Тутолмина, сдѣлала 30 іюня распоряженіе о раздѣленіи между крестьянами всѣхъ земель поровну. Вотъ текстъ этого приказа экспедиціи:

«Къ прекращенію нужды терпящихъ крестьянъ поднесъ въ худомъ и пристрастномъ раздѣленіи старостами земель, экспедиція долгомъ своимъ поставляетъ для общей пользы... единожды навсегда приказать раздѣлить оныя... на каждую ревизскую душу, полагая тутъ» (тутъ, т. е. въ счетъ назначенныхъ межевою инструкціею 15 дес.) «строеніе хоромное, огуменное, огородъ и сѣнокосъ, но какъ здѣсь поднесъ не всѣ селенія еще обмежеваны, то и вѣрнаго количества пахотной земли узнать нельзя, для чего разровнять токмо поровну, держась десятинной-же мѣры. А какъ есть селенія, кои имѣютъ малое число душъ, а большое количество земли, а другія—большое количество душъ, но малое земли, то, не отдѣляя деревню отъ деревни, полагать въ общій раздѣлъ не токмо подъ однимъ старостомъ находящіяся, но стараться между собою и съ прикосновенными селеніями держаться сего уравниенія. А гдѣ положеніе мѣстъ каменисто, такъ что особенныхъ полей сдѣлать нельзя, и крестьянская пашня состоитъ въ разныхъ мѣстахъ, то и тамъ стараться разровнять поровну, дабы всякій, имѣя безобидный по семейству своему участокъ земли, могъ быть доволенъ... Сіе уравниеніе земли начать съ полей, приуготовленныхъ къ посѣву оzymaго хлѣба, дабы не потерять времени посѣва, а по снятіи хлѣба оставшія оба поля и сѣнокосы разровнять такъ, чтобы каждый уже на будущій годъ надежнее могъ прилагать трудъ во удобреніи, будучи увѣренъ, что оная земля отнынѣ навсегда останется въ пользу его потомства, наблюдая притомъ и то, буде у кого есть земли, обработанныя за полями изъ лѣсовъ и болотъ, чтобы оставались за ними, ибо на сіе употребленъ ихъ собственный трудъ, но въ поляхъ уже участіе ихъ должно быть только въ случаѣ недостатка по душамъ, состоящимъ въ ихъ семействѣ; буде-жъ захотятъ и оныя въ общій раздѣлъ пустять, то оставить на ихъ волю; да и всѣхъ при раздѣлѣ стараться не удалять отъ прежнихъ полосъ, ими владѣемыхъ, а развѣ въ случаѣ излишества то отрѣзывать. Что-же касается до земель пашенныхъ и сѣнокосовъ, проданныхъ и

*) Въ 1775 г., съ изданіемъ учрежденій о губерніяхъ, чернососинные крестьяне поступили по дѣламъ «домостроительнымъ и казеннымъ» въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ, главный членъ которыхъ (послѣ вице-губернатора) носилъ названіе директора экономіи.

заложенныхъ крестьянами другъ другу, то онѣя отобрать въ волостныя земли, запрети навсегда дѣлать такое злоупотребленіе изъ государственной земли, данной на единое хлѣбопашество, а дабы не быть вовсе обиженными тѣмъ, кои платили или ссужали деньгами, сказать, чтобы они расположили на разные времена возвращеніе денегъ своихъ, представя притомъ, чтобы всякій уменьшилъ платежъ, потому что, нѣсколько лѣтъ владѣвъ землей, пользовался ея произрастеніемъ; получившіе-же тѣ деньги должны на міру дать обязательство съ заплаатою оныхъ, расчисля такъ, чтобы не разстраивалось состояніе каждаго, и не остановило-бъ казенныхъ податей. Если-же живущіе въ селеніяхъ купцы и мѣщане заложенные и проданныя имъ крестьянскія земли похотятъ на такомъ-же основаніи возвратитъ, то сіе не возбраняетъ, а паче способствовать къ обращенію паки земли въ казенное вѣдомство. А потому все сіе предоставляется безпристрастному мірскому суду... По раздѣленіи-жъ земли, пашенной и сѣнокоса, всѣхъ безъ изыятія крестьянъ принудитъ землю, данную имъ для пашни, обсеять и чтобы впустѣ ничего не лежало. И сколько на каждаго земли и сѣнокоса достанется и озимаго хлѣба къ будущему году посѣяно будетъ, — въ экспедицію прислать немедленно при рапортахъ вѣдомости, приобща притомъ мірской приговоръ съ засвидѣтельствованіемъ священника, что все общество раздѣломъ довольно; а при самоличномъ обозрѣніи директоръ экономіи не оставитъ изслѣдовать, все-ль сіе въ точности исполнено, и ослушники будутъ отосланы для наказанія къ суду».

Такимъ образомъ, олонецкая экспедиція директора экономіи предписывала отобрать, хотя и за извѣстное вознагражденіе, земли, проданныя и заложенные крестьянами другъ другу, для купцовъ же и мѣщанъ такое возвращеніе земель крестьянамъ было не обязательно. Передѣлъ земель должно было произвести не только въ деревняхъ, находящихся подъ управленіемъ одного старосты, но и вмѣстѣ съ сосѣдними селеніями, слѣдовательно въ цѣлой волости, составляющей болѣе или менѣе обширную группу селеній, а иногда, можетъ быть, даже и между сосѣдними волостями. Экспедиція директора экономіи представляла себѣ дѣло такимъ образомъ, что земля, разъ раздѣленная между крестьянами поровну, затѣмъ останется въ потомственномъ владѣніи каждаго семейства, но, разумѣется, послѣ того, какъ были отобраны и причислены къ волостнымъ владѣніямъ земли, проданныя и заложенные другъ другу крестьянами, неодинаковое размноженіе различныхъ семей повело-бы со временемъ къ новымъ уравнивательнымъ передѣламъ.

Когда этотъ приказъ о раздѣлѣ земель былъ полученъ въ Шуйскомъ погостѣ, Петрозаводскаго уѣзда *), то государственные крестьяне Погоскаго десятка, деревень Верхняго Бѣсовца, Погоской, Вонжемской и Кроновской, и экономическіе крестьяне деревни Верхняго Бѣсовца подали заявленіе въ экспедицію директора домоводства, что живущіе въ Шуйскомъ погостѣ купцы вѣдомства петрозаводскаго магистрата и разные люди (въ томъ числѣ помѣщикъ Головачевъ, священникъ и дьяконъ) „владѣютъ

*) Къ сѣверу отъ Петрозаводска, на берегу Онежскаго озера; жители Шуйскаго погоста были приписаны къ Петровскимъ заводамъ.

ихъ собственными въ поляхъ и заполькахъ пашенными землями и сѣнными покосами безъ всякаго по крестьянству платежа“, и просили отъ этихъ купцовъ состоящихъ у нихъ во владѣніи писцовыя крестьянскія земли, вслѣдствіе недостатка земель, „отобрать и пустить въ общій между крестьянами раздѣлъ“, а за отданныя нѣкоторыми изъ нихъ въ закладъ купцамъ земли и покосы они готовы были возвратить имъ деньги.

Относительно купеческихъ земель въ указѣ сената 7 апрѣля 1783 г. было предписано: „крѣпости на земли, данныя отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, потому что они, живя при тѣхъ селеніяхъ издавна многое время и пользуясь оными, чрезъ продукты свои деньги уже возвратили“. Но именнымъ указомъ, даннымъ въ маѣ 1785 г. вслѣдствіе доклада олонеккаго и архангельскаго генераль-губернатора Тутолмина, было повелѣно: „Какъ многіе изъ мѣщанъ и купцовъ имѣютъ земли, долгое время за ними во владѣніи бывшія, трудами ихъ обработанныя и чрезъ то уже, такъ сказать, собственностью ихъ учинившіяся, то по сему уваженію всемилостивѣйше позволяемъ въ двугодичный срокъ имѣющимъ земли продать оныя по ихъ доброй волѣ или дворянству, или и поселянамъ вѣдомства директора домоводства“.

Казенная палата, получивъ отъ экспедиціи директора экономіи свѣдѣнія о просьбѣ крестьянъ Шуйскаго погоста, сообщила о ней въ іюлѣ олонеккому намѣстническому правленію съ просьбою „по званіямъ людей, присвоившихъ земли казенныхъ крестьянъ, гдѣ слѣдуетъ, приказать разобрать“ и увѣдомить, какія земли должны быть опять обращены въ коронное вѣдомство, чтобы экспедиція директора экономіи, „зная одинъ разъ навсегда, что принадлежить по праву крестьянину и что купцу и мѣщанину, могла удобнѣе извѣстное число земли раздѣлить по крестьянамъ“, а затѣмъ остальное обратить въ пользу казны.

Многіе крестьяне сочувствовали уравнительному передѣлу земли, и онъ съ успѣхомъ производился въ волостяхъ, но мѣстами противъ него протестовали болѣе богатые крестьяне, а также деревенскіе владѣльцы изъ купцовъ. Было упомянуто выше, что въ Пудожскомъ погостѣ передѣлъ былъ произведенъ еще въ 1784 г. на основаніи приказа экспедиціи директора экономіи петербургской казенной палаты. Большинство крестьянъ было довольно передѣломъ и засѣяло хлѣбомъ доставшіяся имъ земли. Недоволенъ былъ главнымъ образомъ крестьянинъ Костинъ (имѣвшій „великое множество“ земли, которая при передѣлѣ была у него отобрана и раздѣлена между малоземельными) и еще нѣсколько крестьянъ. Цѣлый годъ они не начинали хлопотать относительно возвращенія земли, но, наконецъ, Костинъ обратился въ вытегорскій нижній земскій судъ съ жалобою, будто крестьяне насильно завладѣли его землею. Олонеккое намѣстническое правленіе еще въ январѣ 1785 г. предписало этому суду, чтобы раз-

дѣлъ земли, начавшійся въ 1784 г. по приказу петербургской экспедиціи директора экономіи, не производить „впредь до генеральнаго по всей губерніи обозрѣнія и разсмотрѣнія земель... и быть спокойными“, а потому лѣтомъ 1785 г., земскій судъ предписалъ возвратить Костину и нѣсколькимъ другимъ крестьянамъ покосы и пашни вмѣстѣ съ хлѣбомъ, засѣяннымъ новыми владѣльцами *). Но крестьяне, считая это требованіе незаконнымъ, не захотѣли исполнить его, и староста Пудожскаго погоста донесъ олонеккой экспедиціи директора домоводства о распоряженіи земскаго суда, пояснивъ при этомъ, что если земля будетъ возвращена Костину, то крестьяне совершенно разорятся, и просить защитить ихъ. Кромѣ того, крестьяне отправили въ Петрозаводскъ двухъ „мірскихъ посыльщиковъ“, чтобы просить экспедицію отдать имъ обратно во владѣніе отведенную ими землю съ посѣяннымъ хлѣбомъ. Экспедиція послала 26 іюня приказъ пудожскому старостѣ, чтобы земля, отобранная у крестьянъ по указу земскаго суда, была снова возвращена тѣмъ, кому досталась по мірскому раздѣлу. Затѣмъ 21 іюля экспедиція вновь предписала старостѣ, чтобы онъ въ раздѣлѣ земель между крестьянами поступилъ на основаніи даннаго во всѣ волости отъ экспедиціи приказа, „не смотря ни на какое усиліе“. Такимъ образомъ, крестьяне очутились между двухъ огней, потому что нижній земскій судъ (учрежденіе полицейское) предписывалъ противящихся его указамъ доставить ему „для отсылки къ должному сужденію“.

Въ виду неповиновенія крестьянъ нижній земскій судъ самъ отправился въ Пудожскій погостъ, но не могъ заставить исполнять его требованія крестьянъ, которые ссылались на приказъ экспедиціи директора экономіи. Тогда земскій судъ послалъ рапортъ губернатору Г. Р. Державину съ жалобою на то, что пудожскіе крестьяне не только сами упорствуютъ, но и другимъ даютъ поводъ къ отнятію земель другъ у друга, и что при раздѣлѣ земли въ деревнѣ Каракульской одинъ крестьянинъ ранилъ топоромъ десятскаго и его брата.

26 іюля 1785 г. Державинъ пріѣхалъ въ Пудожскій погостъ, обращенный въ г. Пудожъ, для осмотра только что открытыхъ здѣсь присутственныхъ мѣстъ. Онъ нашелъ тамъ членовъ вытегорскаго нижняго земскаго суда, которые стали обвинять крестьянъ въ самоуправствѣ и ослушаніи полиціи, а экспедицію директора экономіи въ возбужденіи беспорядковъ между крестьянами. Державинъ воспользовался этимъ дѣломъ для сведенія личныхъ счетовъ. Онъ находился въ открытой враждѣ съ генераль-

*) Указами земскаго суда старостамъ Пудожскаго погоста въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, велѣно было отобрать земли у 24 крестьянъ, возвратить ихъ 8 крестьянамъ.

губернаторомъ Тутолминымъ *), враждовалъ и съ чиновниками ему близкими, въ числѣ которыхъ былъ и директоръ экономіи Ушаковъ. Державинъ приказалъ нижнему земскому суду объявить крестьянамъ какъ Пудожскаго погоста, такъ и вообще Вытегорскаго уѣзда, чтобы они нынѣшній раздѣлъ земли по приказамъ экспедиціи директора экономіи „оставили до будущаго генеральнаго по всей губерніи о земляхъ разсмотрѣнія“ и остались бы при владѣніи земель, какія они имѣли до 1784 г., а кто имѣетъ право на возвращеніе земель, къмъ либо захваченныхъ насильно, тѣ жаловались бы капитанъ-исправнику. Въмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ предписалъ всѣ приказы экспедиціи директора экономіи относительно отбирания земель у тѣхъ, кому онѣ были отданы нижнимъ земскимъ судомъ, и приказы экспедиціи директора экономіи относительно раздѣленія земель, посланные въ государственныя и экономическія селенія, отобрать отъ старостъ и доставить въ намѣстническое правленіе, чтобы они не служили поводомъ къ раздору между крестьянами и неповиновенію указамъ намѣстническаго правленія. Державинъ предложилъ также нижнему земскому суду, произведя слѣдствіе, „учинить свой приговоръ и смирить ослушниковъ и самоуправщиковъ по мѣрѣ данной ему власти“, а именно, зачинщиковъ неповиновенія указамъ нижняго земскаго суда и тѣмъ, которые были на сходѣ и совѣтѣ, чтобы послать посыльщиковъ въ экспедицію директора экономіи съ жалобою на указъ намѣстническаго правленія, въ земской избѣ при сходѣ высѣчь батогами и отослать, за неимѣніемъ смирительнаго дома, въ Петрозаводскъ, на Александровскіе заводы въ работу на мѣсяць, а тѣхъ, которые были не такъ виновны и „были только по глупости послѣдователями“ зачинщиковъ, наказывать батогами или палками по усмотрѣнію суда и обязать подписками, что впредь будутъ слушаться и повиноваться. Повѣнченому нижнему земскому суду Державинъ предложилъ объявить крестьянамъ Шуйскаго погоста, чтобы они оставались спокойными при прежнихъ своихъ владѣніяхъ, какъ было до 1784 г., за исключеніемъ тѣхъ, у кого „полюбовнымъ мірскимъ приговоромъ“ земли уже прежде раздѣлены; то же объявить и другимъ крестьянамъ Повѣнецкаго уѣзда, если они будутъ обращаться съ просьбою по раздѣлу земель въ нижній земскій судъ. 29 іюля Державинъ предложилъ и намѣстническому правленію сообщить олонецкой казенной палатѣ, чтобы она приказала экспедиціи директора экономіи отобрать по всей губерніи всѣ данные ея приказы относительно раздѣленія земель, если только этотъ раздѣлъ „въ которомъ либо селеніи полюбовно между крестьянами безъ всякихъ споровъ не оконченъ, и не прислано о томъ въ

*) См. «Записки Державина» въ его «Сочиненіяхъ», изд. съ примѣч. Я. Грота, т. VI, 1871 г., стр. 563—577.

экспедицію рапортовъ“. Державинъ утверждалъ, будто-бы во время обозрѣнія имъ Петрозаводскаго и части Вытегорскаго уѣздовъ онъ примѣтилъ „вездѣ почти народное другъ на друга негодованіе, отъ раздѣленія земель между поселянами возрождающееся. Во всякомъ почти жителствѣ приступили къ нему крестьянскими толпами и требовали его разсмотрѣнія. Трудившіеся съ проливіемъ своего пота и обработавшіе своимъ иждивеніемъ и своими руками землю хлѣбопашцы жаловались, что у нихъ отняли или отнимаютъ не токмо полевые, но даже и запольные ихъ распахки никогда не прилежавшіе къ трудамъ тунейдцы, или тѣ, которые, обращаясь въ другихъ промыслахъ, никогда не радѣли удобрять земель своихъ и велятъ, вмѣсто обработанныхъ ими загоновъ, распахивать заросшія или совсѣмъ новыя нивы“. Но Державинъ не могъ скрыть, что, напротивъ, другіе крестьяне жаловались на то, что „большесемейные и зажиточные крестьяне взяли въ свое владѣніе всѣ земли и ничего имъ на пропитаніе и на платежъ государственныхъ податей не оставили“. Тѣмъ не менѣе, откровенно становясь на сторону богатыхъ крестьянъ, Державинъ обвинялъ бѣдныхъ въ желаніи воспользоваться чужимъ добромъ. Напротивъ, директоръ экономіи Ушаковъ, имѣя въ виду приведенныя Державинымъ жалобы бѣдныхъ крестьянъ на притѣсненія отъ богатыхъ, замѣтилъ, что бѣдныхъ „воплъ можетъ быть болѣе праведенъ, нежели тѣхъ, коимъ пресѣкаются пути неправо присвоеннаго владѣнія земель“.

Тенденціозное отношеніе Державина къ вопросу о передѣлѣ земли *) видно и изъ того, что директоръ экономіи, послѣ разсылки приказовъ объ уравнительномъ раздѣлѣ земли, объѣзжалъ ввѣренныя ему селенія и, по возвращеніи, донесъ казенной палатѣ, что вездѣ, гдѣ онъ былъ, раздѣлъ земли шелъ „съ довольнымъ успѣхомъ“. По поводу огорченій богатыхъ крестьянъ онъ справедливо замѣчаетъ: „нельзя, чтобы тѣ, кои заграбили все разными наслѣдствами не въ одной, а въ двухъ или трехъ деревняхъ землями, были сему раздѣлу земель довольны, также и воспользовавшіеся закладами и прочими... присвоеніями, кои симъ раздѣломъ прекращались, однако-же и отъ тѣхъ сопротивленія было не видно“. По словамъ Ушакова, „гдѣ онъ успѣлъ быть, тамъ совершенная была тишина, и ничего иного не могъ найти, какъ

*) Въ своихъ мемуарахъ, перечисляя главные мѣры, принятые имъ въ Олонецкой губерніи, Державинъ говоритъ: «Наконецъ, пресѣченъ родъ крестьянскаго возмущенія (?), происшедшаго по поводу приказовъ экономіи директора Ушакова, яко-бы по указу 1783 г., которымъ велѣно надѣлать крестьянъ равными участками, разумѣется, пустопорожнихъ земель, но онъ вмѣсто того велѣлъ пахотныя, отбѣравъ у однихъ, давать другимъ; а какъ въ Олонецкой губерніи обработываніе земель весьма дорого становится по непроходимымъ почти болотамъ, дремучимъ лѣсамъ и по чрезвычайной завалкѣ камнями, то лишнюю удобренную пахоту и произвели не только всеобщій ропотъ, но и самое другъ на друга возстаніе» (?!). «Сочиненія Державина», т. VI, 577.

охотное повиновение тѣмъ болѣе, (что) отягощенные податями и нерѣшимостью ихъ о земляхъ тяжбъ изъ давнихъ лѣтъ получали на мѣстѣ удовольствіе, коимъ они, изнурены будучи, совершенно оживотворялись“. Въ Вытегорскомъ уѣздѣ, въ Оштинскомъ погостѣ съ волостями крестьяне (4,000 душъ), бывшіе въ такомъ-же „неустройствѣ“, въ три дня во время пребыванія тамъ директора экономіи раздѣлились спокойно и были совершенно довольны, тѣмъ болѣе, что „уравненіе податей, наносныхъ душъ съ симъ раздѣломъ сопряжено было не по десяткамъ, коимъ прежде отягощались, а по всей волости“. Свое довольство раздѣломъ они единогласно подтвердили въ присутствіи вытегорскаго капитанъ-исправника, но тотъ, совершенно для нихъ неожиданно, объявилъ имъ приказъ Державина, чтобы они остались при томъ, какъ владѣли до 1784 г. Повинуясь этому повелѣнію, крестьяне Оштинскаго погоста „при томъ-же неравенствѣ и прежнемъ безпорядкѣ остались, ибо тѣ, кои имѣли предъ симъ въ превосходномъ числѣ за собой земли, не дадутъ (ихъ), и тутъ-же воспользовались симъ случаямъ“, да и приказы о раздѣлѣ были отъ старостъ отобранны. Доѣхавъ до Вытегорскаго погоста, директоръ экономіи узналъ отъ старосты, что и здѣсь остановленъ раздѣлъ, которымъ крестьяне „были довольны, и ропоту въ народѣ не было“ *). Онъ высказываетъ предположеніе, что если бы успѣлъ быть въ Пудожскомъ погостѣ, то раздоры между нѣкоторыми тамошними крестьянами были бы предупреждены разборомъ ихъ несогласій. Казенная палата укоряла правителя намѣстничества въ томъ, что онъ основываетъ свои заключенія на словахъ тѣхъ крестьянъ, которые до раздѣла были „въ избыткѣ“, „а не на тѣхъ, кои или мало имѣли, или вовсе ничего земли уже по двумъ ревизіямъ не имѣютъ“. Въ виду отмѣны произведеннаго раздѣла, нижній земскій судъ запретилъ безъ его дозволенія убирать съ полей ржаной и яровой хлѣбъ; по мнѣнію палаты, это должно было повести къ разоренію крестьянъ, такъ какъ хлѣбъ уже созрѣлъ, а ихъ заставляютъ ожидать разрѣшенія сжать его, и, такимъ образомъ, онъ весь высыплется. Относительно предписанія губернатора крестьянамъ остаться при томъ владѣніи, какое было до 1784 г., казенная палата замѣчаетъ, что „въ случаѣ присвоенія отъ прежнихъ владѣльцевъ и неотдачи нынѣ на оныхъ посѣянныхъ земляхъ крестьянамъ хлѣба, которые не самовольствомъ засѣяли, а согласно приказу С.-Петербургской губерніи директора экономіи и съ согласія мірскаго раздѣла, то изъ сего уже не частная ссора, а цѣлаго уѣзда произойдетъ негодованіе,

*) Въ Шальскомъ погостѣ, Вытегорскаго уѣзда, гдѣ совсѣмъ не было земель, проданныхъ купцамъ и мѣщанамъ, крестьяне стали дѣлить землю «полюбовно по числу душъ», но, по приказанію Державина, раздѣлъ этотъ былъ также остановленъ.

и, можетъ быть, болѣе непріятныя слѣдствія, нежели ссора нѣсколькихъ крестьянъ, безъ всякаго повода по сварливости нравовъ происшедшая“.

По возвращеніи въ Петрозаводскъ, Ушаковъ нашелъ тамъ рапортъ старосты о томъ, что богачи изъ крестьянъ, узнавъ объ остановкѣ уравниванія земли въ Вытегорскомъ уѣздѣ, стали противиться передѣлу. Такъ, напримѣръ, староста Юксовской волости, Остречинскаго погоста *), Петрозаводскаго уѣзда, писалъ, что, по полученіи приказа о раздѣленіи земель, всѣ крестьяне „на общемъ мірскомъ скопѣ“ согласились раздѣлить земли по душамъ, и уже около половины ихъ раздѣлились „безъ всякаго между ними препятствія и роптанія“. Но, узнавъ, что передѣлъ остановленъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, „больше имѣющіе за собою земель крестьяне... испровергнувъ всѣ свои добровольныя обязательства, внушили въ себя, что таковое запрещеніе послѣдуетъ (и) имъ, а тѣмъ и сдѣлали въ порядочномъ теченіи раздѣла земель помѣшательство и въ народѣ развращеніе, ссоры и несогласія, желая сами остаться на большомъ количествѣ земель, а бѣдныхъ, неимущихъ оставляя въ скудномъ состояніи“, заставляя ихъ, такимъ образомъ, отправляться въ отхожіе промыслы.

Двадцать крестьянъ Остречинскаго погоста, видя, что губернаторъ противъ передѣла, подали челобитную въ намѣстническое правленіе, въ которой жаловались, что „земли, предками ихъ расчищенные и во удобство трудами ихъ распашкою въ силу приведенныя“, при раздѣленіи земли „достаются въ потомство обывателямъ“, которые не только сами не заботились о распашкѣ пахотныхъ земель и расчисткѣ сѣнокосовъ, но и предки ихъ были такіе-же, а предки другихъ продали свои земли и „на тѣ деньги въ удобныхъ мѣстахъ земель не распахиwали, а нынѣ отъ нихъ требуютъ себѣ земли въ раздѣлъ“.

Подали жалобу въ намѣстническое правленіе и всѣ экономическіе крестьяне Шунской „вотчины“ **), Повѣнецкаго уѣзда, кромѣ „нерадивыхъ къ землепашеству и запустившихъ свои надѣлы („надѣлки“), а также нѣкоторыхъ, отдавшихъ свои земли въ закладъ. Они говорятъ, что, по полученіи отъ директора экономіи приказовъ о раздѣлѣ, выбрано было четыре человека, и имъ велѣно „измѣрить десятинное число“ и „тотъ раздѣлъ чинить“. Челобитчики пустили въ ходъ обычные аргументы противъ передѣла; приводимъ ихъ полностью, такъ какъ они изложены здѣсь подробнѣе, чѣмъ гдѣ либо:

«Издrevле прадѣды, и дѣды, и отцы наши, поселясь и межъ себя дѣля на

*) Жители его были приписаны къ заводу въ Петрозаводскѣ.

**) Въ Шунскомъ погостѣ (къ югу отъ Повѣнца, на берегу Онежскаго озера) во время генеральнаго межеванія жили въ одной дачѣ купцы и мѣщане, приписанные къ Петрозаводску, и государственныя, и экономическія (бывшія Тихвина монастыря) крестьяне.

пустопорожнія и лѣсомъ порослые въ ономъ Шунскомъ погостѣ мѣста, изъ начала черныи лѣсъ выскѣла, каменья разбирая, въ груды убирая, а на низкихъ рвы копая, какъ то и нынѣ видимо, а тѣмъ трудолюбіемъ подѣ пашню и покосъ землю распахали и удабривали», которая «во всей вотчинѣ... для платежа податей на ось души на 8 частей распределѣна была по равномерности количества въ тѣхъ восьми десяткахъ душъ *). Но послѣ разверстки нѣкоторые нерачивые къ земледѣльству наслѣдники, изнурия и запустя, забирая у родственниковъ своихъ и у сосѣдственныхъ и одновотчинныхъ крестьянъ на пропитаніе и платежи казенныхъ податей деньги, до немалой суммы, въ чемъ давали на владѣніе закладныя письма по позволеніямъ духовныхъ властей со свидѣтельствомъ въ мірскихъ земскихъ избахъ, а многіе и прописаны, у крѣпостныхъ дѣлъ въ канцеляріяхъ съ платежнемъ указныхъ пошлинъ, по которымъ и владѣніе тѣмъ заимодавцы имѣли безспорно, и платежи по количеству всей той, какъ имѣвшей по числу своихъ душъ, такъ и закладной земли и угодій, оплачивали бездоимочно, а тѣмъ закладчики находились въ отлучкахъ на разныхъ промыслахъ своими художествами свободными, почему и равной тягости не несли, и при вступленіи въ экономическое вѣдомство **) на оставшія отъ монастырей земли поселиться за своимъ нерадѣніемъ къ земледѣльству не пожелали, да и тѣхъ своихъ заложенныхъ участковъ на выкупы не брали, а тѣмъ нерадивые крестьяне по простотѣ всей нашей вотчины оставались за такковыя преступленія (sic!) въ силу закона безъ наказанія, а забранныхъ тѣми нерачивыми къ земледѣльству крестьяны денегъ пропадаетъ у всѣхъ нашей вотчины заимодателей до немалой суммы. А какъ нынѣ уже тѣ земли рачивыми крестьяны поземами и расчискою, и выставкою изгородъ удобренны, да къ нынѣшнему аржаному посѣву пашнею приготовлены, то и нынѣ желаютъ получить, видя свои новытки удобренныя, безъ заплаты забранныхъ денегъ только по ихъ нерадивости къ земледѣльству для приведенія чрезъ малое время, по состоянію здѣшняго каменистаго грунта и болотныхъ мѣстъ, въ запущеніе и отъ того можетъ земледѣльство и покосъ уменьшиться, что изъ сочинимыхъ при нынѣшнемъ размежеваніи нашихъ селеній плановъ усмотрѣть будетъ можно. А какъ нынѣ на приуготовленіе поземомъ и обработкою земель, изнуриявъ себя безъ возврату данныхъ нами денегъ..., то всѣ можемъ придти какъ въ неисправность казеннаго платежа, а особливо останемся съ семействами своими и безъ пропитанія».

На основаніи этихъ „резоновъ“ челобитчики просили въ ихъ Шунской вотчинѣ раздѣлъ земли между крестьянами (пока забранныхъ ими денегъ не возвратятъ или не расчисятъ изъ „пустопорожнихъ“ мѣстъ слѣдуемаго имъ на души количества), для возстановленія мірскаго согласія, остановитъ, а когда нерадивые къ земледѣльству расчисятъ необходимое количество земли, тогда они выражали согласіе всей вотчиной, по сколько достанется, раздѣлить землю „на писцовую душу по измѣренію въ десятинное число“.

Въ этомъ прошеніи богатыхъ крестьянъ Шунской „вотчины“ (***), составленномъ съ ихъ точки зрѣнія очень ловко, слышны крайне

*) Слѣдовательно во время принадлежности Шунскаго погоста Тихвину монастырю земля была подѣлена между крестьянами по ровну по числу душъ.

**) Т. е. послѣ секуляризаціи монастырскихъ имѣній въ 1764 г.

***) Какіе богачи встрѣчались между черносошными крестьянами, видно изъ того, что въ Шуйскомъ погостѣ, въ числѣ приписныхъ къ оловецкимъ Петровскимъ заводамъ, была семья Коротяевыхъ, имѣвшая въ 1767 г. общій капиталъ въ 25 т. рублей, что составитъ по нынѣшней цѣнности денегъ около 100,000 р.

антипатичныя нотки: крестьяне, по бѣдности заложившіе и продавшіе свои земли, оказываются уже тѣмъ самымъ повинными въ „преступленіяхъ“, а уравнильный передѣлъ можетъ, будто бы, повести къ вредному для государства упадку земледѣлія. Вся исторія нашего крестьянскаго хозяйства служитъ убѣдительнымъ опроверженіемъ послѣдняго довода, такъ какъ земледѣліе при общинномъ землевладѣніи было отнюдь не въ худшемъ положеніи, чѣмъ при участковомъ. Что касается расчистки пустопорожнихъ земель, то бѣднымъ она могла быть просто не по силамъ.

Казенная палата донесла генераль-губернатору Тутолмину о томъ, что Державинъ остановилъ раздѣлъ земель, причемъ, въ подтвержденіе необходимости его, ссылаясь на многочисленныя жалобы крестьянъ на недостатокъ земли, поданныя въ экспедицію директора экономіи и служившія хорошимъ отвѣтомъ на ламентации богатѣевъ, которые протестовали противъ передѣла. Защитники передѣловъ указывали на то, что ихъ земля „отъ времени писцовъ никогда по душамъ уравнена не была и оставалась въ безпорядкѣ беззаконнаго присвоенія отъ прочихъ крестьянъ, а именно по купчимъ, закладнымъ, приданствамъ, завѣщаніямъ и насильствамъ не въ одномъ, но во многихъ селеніяхъ“, которую, „обратя въ собственность, никого какъ до владѣнія, такъ и до разработки удобныхъ мѣстъ, не допускали, а затѣмъ не малое количество крестьянъ состоитъ вовсе безъ земли по двумъ причинамъ и безъ всякой обязанности платять съ изнуреніемъ государственныя подати“. Палата высказала мнѣніе, что она считаетъ весьма нужнымъ „сдѣлать одинъ разъ раздѣлъ земель между крестьянами и разсмотрѣніе о возвращеніи въ пользу коронныхъ крестьянъ земель, иного званія людьми присвоенныхъ, ибо съ симъ какъ исправность въ платежѣ государственныхъ податей, такъ и спокойное всякаго поселянина въ селеніи своемъ пребываніе сопряжено“.

Тутолминъ принялъ сторону директора экономіи въ его распрѣ съ Державинымъ изъ за передѣла земель. Получивъ донесеніе казенной палаты, онъ нашелъ совершенно неправильнымъ и вреднымъ то, что вытегорскій нижній земскій судъ наказалъ крестьянъ батогами по предложенію правителя намѣстничества, и, напротивъ, высказалъ одобреніе раздѣлу земель: при обращеніи въ казенное вѣдомство земель, „крестьянами незаконнымъ обра-

*) Въ Шуйскомъ погостѣ, Петрозаводскаго уѣзда, жили вмѣстѣ крестьяне не только государственные и экономическіе, но и обѣльные. Это повело къ тому, что крестьяне попробовали пустить въ передѣлъ даже обѣльные земли. Какъ обѣльный крестьянинъ Ивановъ деревни Бѣчевской, Виданской волости, Шуйскаго погоста, подалъ жалобу на то, что староста той волости съ мірскими людьми «отнимаютъ и кладутъ въ общій раздѣлъ между собою» землю, пожалованную Петромъ В. отцу его, «московскому работнику» Ивану Рябову за приисканіе цѣлебныхъ желѣзистыхъ водъ.

зоужъ присвоенныхъ“, писалъ Тутолминъ, „могутъ ли оныя иначе съ пользою употреблены быть, какъ въ раздѣлъ крестьянамъ, въ тягловой землѣ крайній недостатокъ претерпѣвающимъ, и притомъ обременнымъ заплатаю государственныхъ податей наравнѣ съ тѣми поселянами, кои не позволено пользуются казенными землями, и которые, ссужая крестьянъ, земель лишенныхъ, деньгами на заплату податей, всесовершенно ихъ поработили и, умножая долги изъ года въ годъ, лишили ихъ всей возможности придти когда либо въ лучшее состояніе иначе, какъ способомъ полученія, по распоряженію экспедиціи директора домоводства, полной препорціи тяглой земли, закономъ назначенной“. Выразивъ поэтому свое согласіе съ мнѣніемъ казенной палаты, Тутолминъ, какъ видно изъ его донесенія сенату отъ 5 сентября 1785 г.: 1) предписалъ вытегорскому земскому суду, чтобы онъ не отбиралъ отъ старостъ приказовъ петербургской и олонецкой казенныхъ палатъ экспедиціи директора домоводства „и въ уравниніи земель, *по собственному крестьянъ согласію*, никакого воспрепятствія не дѣлалъ, такъ какъ и въ дѣла до внутренняго сельскаго устройства касающіяся, не вмѣшивался“. 2) Потребовалъ объясненія отъ вытегорскаго нижняго земскаго суда, на какомъ основаніи онъ приказалъ стоящій на крестьянскихъ поляхъ ржаной и яровой хлѣбъ безъ разрѣшенія его не снимать, и, съ своей стороны, предписалъ немедленно позволить убрать этотъ хлѣбъ. 3) Казенной палатѣ предложилъ не останавливать ея хозяйственныхъ распоряженій во исполненіе именного указа 3 мая 1783 г. 4) Относительно земель, проданныхъ и заложенныхъ крестьянами, во исполненіе именного указа отъ 3 марта 1782 г. *), рекомендовалъ казенной палатѣ, отобравъ у покупателей всѣ имѣющіяся у нихъ купчія крѣпости, закладныя и тому подобныя сдѣлки, препроводить въ нижнія расправы для разсмотрѣнія и уничтоженія данныхъ вопреки закону. 5) Предложилъ истребовать отъ купцовъ и мѣщанъ крѣпости на владѣемые ими земли, разсмотрѣть ихъ, кому слѣдуетъ, и увѣдомить казенную палату о всѣхъ тѣхъ владѣльцахъ, которые на основаніи именного указа, даннаго въ маѣ 1785 г., могутъ продать свои земли въ двухгодичный срокъ.

*) Указъ этотъ былъ данъ послѣ обозрѣнія Олонецкой области бывшимъ петербургскимъ губернаторомъ ген.-маіоромъ Потаповымъ; въ немъ было сказано: «Между непорядками нашли мы, что записавшіеся по городамъ въ мѣщанство и купечество, не переселяясь на отведенныя городамъ земли, остаются въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ подъ разными видами; таковыхъ надлежитъ, конечно, понудить, чтобы они поселились на мѣстахъ въ городахъ и предмѣстіяхъ ихъ и остались при промыслахъ и упражненіяхъ, званію ихъ свойственныхъ». Въ сенатскомъ указѣ, данномъ по поводу этого именного, сенатъ, на основаніи межевой инструкции 1766 г., предписывалъ «прекратить вредную государственной пользѣ продажу и заклады земель отъ крестьянъ купцамъ и мѣщанамъ». П. С. З., т. XXI, № 15360.

Тутолминъ донесъ о всемъ этомъ происшествіи сенату и просилъ подтвердить Державину и олонцекому намѣстническому правленію, чтобы они по подобнымъ дѣламъ, касающимся „до общихъ по всему намѣстничеству постановленій.., не дѣлая во время пребыванія“ его, Тутолмина, „въ губерніяхъ рѣшительныхъ положеній“, относились бы къ нему и ожидали его согласія, „ибо и въ семь дѣлѣ“, прибавляетъ онъ, „ежели-бъ и подлинно было подозрѣніе къ общему ропоту, надлежало-бъ доставить ко мнѣ того-жъ времени увѣдомленіе, котораго, однако-жъ, отъ г. правителя намѣстничества я не получилъ“. Тутолминъ просилъ также запретить Державину производить „самовластныя, безъ суда, на тѣлѣ наказанія“.

Державинъ, съ своей стороны, находилъ дѣйствія казенной палаты и Тутолмина неправильными. Въ донесеніи сенату отъ 19 сентября 1785 г. онъ указывалъ на то, что въ именномъ указѣ 3 мая 1783 г., на который ссылался Тутолминъ, вовсе нѣтъ предписанія произвести общій по губерніи раздѣлъ земель и отдать ихъ тѣмъ, которые никогда не обрабатывали и не удобряли этихъ земель, а было предписано только генераль-губернаторамъ чрезъ директоровъ экономіи собрать вѣрныя свѣдѣнія о селеніяхъ казеннаго вѣдомства, скудныхъ землею, и о необходимомъ количествѣ земли, по числу жителей, къ восполненію этого недостатка, съ прибавленіемъ извѣстія о томъ, имѣются ли въ губерніи для этого свободныя казенныя земли, вслѣдствіе чего и была остановлена ихъ продажа. Онъ ссылался также на то, что въ первомъ предложеніи генераль-губернатора казенной палатѣ отъ 25 іюня 1785 г. не было ничего сказано о раздѣлѣ земель. Державинъ оговаривался, что хотя въ указѣ 7 апрѣля 1783 г. сенатъ предписалъ „въ прекращеніе всѣхъ бывшихъ между купцами и крестьянами споровъ, земли, покосы и крестьянскіе участки, какіе-бъ то ни были, посадскихъ ли, или государственныхъ крестьянъ, размежевать по числу ихъ тяголъ и причислить къ тѣмъ волостямъ, къ которымъ они прилегли, а крѣпости на тѣ земли, данныя отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, потому что они, живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна многое время и пользуясь оными чрезъ продукты, свои деньги уже возвратили“, но что въ этомъ указѣ ничего не сказано о земляхъ, владѣемыхъ по жалованнымъ грамотамъ, которыя на основаніи межевой инструкции 1766 г. (чл. XX, п. 6 и 7) слѣдовало утверждать за владѣльцами. Кромѣ того, Державинъ ссылался на именной указъ (данный въ въ маѣ 1785 г.), дозволившій купцамъ и мѣщанамъ продать въ двухгодичный срокъ дворянству или государственнымъ крестьянамъ ихъ земли, которыя, вслѣдствіе продолжительнаго владѣнія купцовъ и мѣщанъ, трудами ихъ обработаны „и чрезъ то сдѣлались, такъ сказать, собственными“. По его мнѣнію, необходимо было разобрать, какія купеческія и мѣщанскія земли должны быть

присоединены къ волостямъ и какія могутъ быть проданы въ двухгодичный срокъ, а безъ этого нельзя и раздѣлять земель между крестьянами.

Сенатъ въ поднесенномъ императрицѣ докладѣ (по постановленію 28-го октября 1785 г.) указалъ на то, что дѣйствія Державина были совершенно неправильны: онъ не имѣлъ права назначать наказаніе крестьянамъ, такъ какъ это дѣло судебной власти, не въ правѣ былъ и „самовластно приказывать“ отобрать приказы директора экономіи, а долженъ былъ спросить мнѣнія генераль-губернатора, тѣмъ болѣе, что „уравненіе крестьянъ землею поспѣшествовало исполненію“ именного повелѣнія государыни о селеніяхъ, скудныхъ землями, что возложено на генераль-губернаторовъ и казенныя палаты, „слѣдовательно и не надлежало уничтожать ихъ распоряженій, къ тому относящихся“; наконецъ, не исполнилъ предложенія Тутолмина объ истребованіи отъ купцовъ и мѣщанъ купчихъ крѣпостей, закладныхъ и прочее, будто-бы изъ опасенія произвести новый ропотъ и негодованіе. Объясненія, данныя Державинымъ, были признаны также неправильными, и сенатъ въ своемъ указѣ отъ 16 декабря 1785 г., упомянувъ о состоявшемся уже переводѣ Державина правителемъ въ Тамбовское намѣстничество, напомнилъ ему, чтобы онъ, „будучи въ томъ мѣстѣ, старался возложенную на него должность исправлять сходственно съ узаконеніями, не присвоая отнюдь не принадлежащей себѣ власти“ *).

Мы видѣли, что сенатъ одобрилъ дѣйствія Тутолмина и олонечкой казенной палаты. Затѣмъ, въ указѣ 25-го ноября 1785 г., по поводу нѣсколькихъ жалобъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ на отобраніе у нихъ земель, онъ постановилъ: какъ уже прежде предписано Тутолмину, „дабы онъ не оставилъ всѣ происшедшія отъ раздѣленія земель неустройства привести въ узаконенный и желаемый порядокъ и съ виновными за упущенія поступить по законамъ неукоснительно, то въ сходственность сего и нынѣ представить ему... учинить... должное... разсмотрѣніе, прекратя, во-первыхъ, какъ наискорѣе, между поселянами по землямъ извѣстный раздоръ, а притомъ не оставить въ удовлетвореніе просящихъ сдѣлать сходственное съ Е. И. В-ва повелѣніемъ постановленіе“.

По полученіи этого указа, Тутолминъ 15-го января 1786 г. предложилъ олонечкой казенной палатѣ: 1) Вновь подтвердить крестьянамъ о представленіи въ нижнія расправы имѣющихся у нихъ всякаго рода крѣпостей. 2) „Какъ почти ни въ одной казенной волости нѣтъ полевыхъ распаханыхъ земель толикаго коли-

*) Арх. Мин. Юст. въ Москвѣ, дѣла Сената; *Приклонскій*. «Народная жизнь на сѣверѣ». М. 1884 г., стр. 134 и слѣд.; *Лонскій* (Приклонскій) «Державинъ въ Петрозаводскѣ» («Рус. Мысль» 1883 г. № 11, стр. 247—259); «Сочиненія Державина съ примѣчаніями Я. Грота». Спб. 1872 г. т. VII, 56, 59—64, 77—78, 87—95, 688—689.

чества, дабы всѣхъ крестьянъ положенною по законамъ пропорціею удовлетворить было возможно, то и остается на попеченіи директора домоводства склонить поселянъ, *чтобы недостающее количество разработали общими силами*“. Это предложеніе Тутолмина объ общинной обработкѣ извѣстнаго количества земли едва-ли имѣло серьезныя практическія послѣдствія, хотя отдѣльные случаи такой разработки на сѣверѣ Россіи бывали и въ допетровской Руси, и въ XIX в. Впрочемъ, мы увидимъ ниже, что въ Архангельской губ. въ 1786 г. были попытки осуществить эту мысль. 3) Тутолминъ вновь напомнилъ казенной палатѣ, чтобы она не утверждала раздѣла земель (до разсмотрѣнія, согласно съ закономъ, сдѣлокъ и другихъ документовъ на земли), если только „уравненіе земель послѣдуетъ не съ общаго согласія мѣстныхъ людей, безъ всякаго противорѣчія и спора“.

Послѣдствіемъ распоряженія Тутолмина, по словамъ покойнаго С. А. Приклонскаго, было то, что „часть земель была поровну раздѣлена между крестьянами, и съ того времени при каждой ревизіи вновь передѣляется, а другая часть земель до настоящей поры еще ни разу не подвергалась передѣлу, хотя и здѣсь крестьяне признаютъ въ принципѣ обязательность передѣловъ“. По свидѣтельству Лалоша, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи (Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ) вовсе не было передѣловъ еще въ 70-хъ годахъ XIX-го вѣка.

Въ 1814 г. олонецкое заводское правленіе, по просьбѣ малоземельныхъ крестьянъ, предписало произвести раздѣлъ земель въ Толвуйской „вотчинѣ“ государственныхъ крестьянъ Петрозаводскаго уѣзда, приписанныхъ къ казенному заводу. Это предписаніе вызвало жалобу крестьянъ (вѣроятно, болѣе богатыхъ), доходившую до сената, который, согласно съ мнѣніемъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ министерства финансовъ, указомъ 11 декабря 1817 г. предписалъ: 1) земли, „трудами и изживеніемъ удобренныя“, оставлять навсегда во владѣніи тѣхъ, кто ихъ удобрилъ, напротивъ того, не требовавшія никакого удобренія, для удовлетворенія просьбъ малоземельныхъ о надѣленіи ихъ землею, „раздѣлять по числу душъ уравниательно“, и если бы оказалось, что кто-либо владѣетъ ими въ излишнемъ количествѣ, отъ такихъ отбирать и отдавать малоземельнымъ. 2) Казенныя при селеніяхъ земли, поступившія во владѣніе крестьянъ „въ противность законовъ, по продажѣ, по закладу, по духовному завѣщанію и по отдачѣ въ приданое“, оставить только за тѣми крестьянами, которые владѣютъ ими въ томъ же селеніи, гдѣ они сами живутъ, а также купленныя на основаніи указа 12 декабря 1801 г. *), остальные же отдавать малоземельнымъ, и производя раздѣлъ

*) П. С. З. т. XXVI, № 20.075. Этимъ указомъ было разрѣшено купцамъ, бѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ приобрѣтать земли покупкою.

по числу оплачиваемымъ ими душъ“. 3) Малоземельныхъ крестьянъ удовлетворять количествомъ земли, „необходимымъ для пропитанія и исправнаго платежа казенныхъ податей“, изъ имѣющихся при селеніяхъ выморочныхъ и вцустъ лежащихъ пахотныхъ земель и покосовъ, производя такой раздѣлъ не иначе, какъ по общему согласію всѣхъ жителей селенія, которымъ извѣстны „состояніе и образъ жизни каждаго изъ нихъ“, безъ вліянія на этомъ раздѣлѣ волостного правленія и волостного головы; слѣд. раздѣлъ долженъ былъ происходить не по всей волости, а въ каждомъ селеніи отдѣльно. 4) Если за всѣмъ тѣмъ окажется не достаточно земли для надѣла малоземельныхъ, то слѣдуетъ просить о надѣленіи ихъ, на основаніи указа 11 (27) ноября 1797 г. *) изъ оброчныхъ статей.—Олонецкому заводскому правленію, сдѣлавшему постановленіе о раздѣлѣ и объ отобраніи у нѣкоторыхъ крестьянъ удобренныхъ ими земель, сенатъ сдѣлалъ строжайшій выговоръ, такъ какъ нашелъ это постановленіе противорѣчащимъ 749 статьѣ Проекта Горнаго Положенія 1806 г. **), которая предоставляла заводскимъ *мастеровымъ* въ пожизненное владѣніе покосы или пашни, расчищенные ими въ отведенномъ мѣстѣ ***). Примѣненіе этой статьи къ приписнымъ *крестьянамъ* едва-ли можно признать правильнымъ, а между тѣмъ, этотъ сенатскій указъ 1817 г. могъ впослѣдствіи мѣшать передѣламъ земли въ селеніяхъ приписныхъ крестьянъ Олонецкой губ.

Мы видѣли, что въ 1785 г. во многихъ мѣстахъ Олонецкой г. большинство крестьянъ сочувственно отнеслось къ передѣламъ, и если они совсѣмъ не привились въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, то это объясняется въ значительной степени рѣдкостью населенія Олонецкой губерніи.

Во время генеральнаго межеванія, произведеннаго въ этой губерніи съ 1778 по 1796 г., изъ 6 уѣздовъ ея, гдѣ жили государственные черносошные крестьяне, въ 5-ти количество пашни у крестьянъ колебалось отъ 1,2 дес. на душу мужского пола (въ Петрозаводскомъ у.) до 4,6 дес. (въ Вытегорскомъ), въ среднемъ же по всѣмъ этимъ 5 уѣздамъ оно равнялось 2,5 дес. на душу; сѣнокосовъ было отъ 0,2 дес. (въ Петрозаводскомъ у.) до 2 дес. (въ Вытегорскомъ), въ среднемъ же по 5 уѣздамъ равнялось 0,9 дес. на душу мужского пола. Но лѣсу въ черносошныхъ волостяхъ и погостахъ было въ Олонецкой губ. значительно болѣе, чѣмъ, напр., въ Вологодской. а именно его приходилось на душу отъ 57 дес. (въ Вытегорскомъ у.) до 434 дес. (въ Повѣнецкомъ), а въ среднемъ по 5 уѣздамъ равнялось 148 дес. (всей же земли вмѣстѣ съ неудобною приходилось на душу по

*) П. С. З. т. XXIV, № 18.256.

**) П. С. З. т. XXIХ, № 22.208.

***) Арх. Мин. Госуд. Им., дѣло № 382, 1820 г., л. 34—44.

186 дес.). Мы видѣли, при описаніи передѣла 1785 г., что крестьяне имѣли право дѣлать росчисти въ лѣсахъ, но однимъ (въ Петрозаводскомъ у.) мѣшала воспользоваться этимъ правомъ въ должной мѣрѣ обязательная работа на заводахъ, другимъ — бѣдность, и потому, несмотря на большее обиліе земель въ Олонецкой губ., сравнительно съ Вологодскою, среднее количество пашни и покосовъ въ первой у государственныхъ черносошныхъ крестьянъ было нѣсколько менѣе, чѣмъ во второй *).

VII.

Крестьянское землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ концѣ XVIII в. — Передѣлы земли въ Вологодской губерніи. — Значеніе оброчныхъ земель и введеніе передѣловъ у государственныхъ крестьянъ Архангельской губерніи. — Введеніе передѣловъ среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской и Архангельской губ.

Пожеланіе Тутолмина, высказанное въ его предложеніи олоонецкой казенной палатѣ отъ 15 января 1786 г., чтобы недостающее для крестьянъ количество земли было разработано общими силами, было повтореніемъ мысли, высказанной нѣсколько ранѣе архангельскимъ директоромъ экономіи. Въ 1785 г. этотъ послѣдній предписалъ во всѣ волости своей губерніи старостамъ и крестьянамъ, „дабы они всѣ тяглыя земли между собой уравнили безобиднымъ раздѣленіемъ, и гдѣ оныхъ недостаточно, *чтобъ къ разработыванію новыхъ полевыхъ земель приступили общими мірскими силами*“. Если вторая половина этого предписанія, вѣроятно, рѣдко исполнялась, то первую половину его, очевидно, пробовали исполнить, такъ какъ и въ казенную палату, и къ архангельскому и олоонецкому генералъ-губернатору, подобно тому, какъ въ Олонецкой губерніи къ Державину, стали поступать жалобы на то, что волостные старосты отнимаютъ и отдаютъ постороннимъ владѣльцамъ такія земли, которыя были расчищены и обработаны ихъ собственными трудами, а у иныхъ издавна куплены за наличныя деньги. Мы видѣли, что Тутолминъ предписалъ олоонецкой казенной палатѣ утверждать только тѣ раздѣлы земель, которые будутъ произведены съ общаго согласія крестьянъ. Такъ и въ Архангельской губ. администрація сдѣлала уступку въ виду полученныхъ протестовъ. Въ 1786 г. архангельскій директоръ экономіи, въ приказѣ старостамъ и крестьянамъ, писалъ: „Справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное всѣ имѣли участіе и въ угодахъ земляныхъ, съ

*) Межевой Архивъ. Во время шестой ревизіи (1812 г.) пашень и покосовъ у крестьянъ Олонецкой губ. было уже нѣсколько болѣе, чѣмъ во время генеральнаго межеванія, а именно тѣхъ и другихъ вмѣстѣ болѣе 4 дес. на душу. Арх. Мин. Гос. Им. дѣло № 382, л. 22 об.

коихъ платежъ податей производится“, слѣдовательно „и *уравненіе земель*, особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыватели хлѣбопашествомъ болѣе нежели другими промыслами приобрѣтаютъ пропитаніе, *почитать надлежитъ неминуемо нужнымъ*, сколько для доставленія способа платить поселянамъ подати свои бездоимочно“, столько же „для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ“. Но, признавая, такимъ образомъ, необходимость уравненія земель, мѣстная администрація въ то же время желала считаться съ правами тѣхъ крестьянъ, которые или сами расчистили землю, или имѣли на нее законные документы. Поэтому было предписано пустить въ уравнительный раздѣлъ „земли общественныя тяглыя, т. е. никѣмъ особенно не расчищенные и не приобрѣтенныя по купчимъ и другимъ крѣпостямъ“, а земли расчищенные или доставшіяся по законнымъ документамъ оставить за владѣльцами.

Достаточнымъ количествомъ земли считали на ревизскую душу по 3 десятины въ каждомъ полѣ. Такой же раздѣлъ земли, который не могъ снабдить ея крестьянъ въ указанномъ размѣрѣ, по мнѣнію мѣстной администраціи, будто бы могъ принести „болѣе вреда, нежели пользы.., ибо, раздѣля малое количество земли на мелкіе по душамъ участки, всѣ крестьяне вообще останутся въ землѣ недостаточны, слѣдовательно и главный предметъ пользы общественной, т. е. расширеніе земледѣльства... будетъ невыполненнымъ“. Этотъ недостатокъ земли для необходимаго земельного обезпеченія крестьянъ, очевидно, и навелъ на мысль архангельскаго директора экономіи дать крестьянамъ предписаніе, чтобы они „общими силами расчистили“ такое количество земли, „какое по измѣренію нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и вовсе не имѣющихъ земли крестьянъ полною всѣхъ угодій пропорціею“. Директоръ экономіи мечталъ даже о томъ, чтобы зажиточные снабдили бѣдныхъ лошадьми и рогатымъ скотомъ *).

Послѣднее пожеланіе ужъ слишкомъ наивно и, конечно, не было осуществлено, но предписаніе о расчисткѣ земель общими силами мѣстной администрація пыталась провести въ жизнь. Объ этомъ свидѣлствуетъ сохранившееся предписаніе архангельскаго директора экономіи старостѣ и крестьянамъ Прилуцкой волости, Шенкурскаго уѣзда, населеннаго почти исключительно дворцовыми крестьянами и лишь небольшимъ числомъ черносошныхъ и экономическихъ **). Но формы землевладѣнія на сѣверѣ у всѣхъ этихъ крестьянъ были одинаковы, и подобныя предписанія могли быть даны и черносошнымъ крестьянамъ другихъ волостей, тѣмъ болѣе что въ 1780-хъ гг. и черносошные, и экономическіе, и дворцовые крестьяне одинаково состояли въ вѣ-

*) Ефименко. «Исслѣдованіе народной жизни» т. I, 331—334.

**) Пошманъ. «Архангельская губернія», т. I, 97.

дѣлнн директоровъ дирекціи домоводства. Въ предписаніи директора экономіи отъ 1-го октября 1786 г. было сказано, что всѣ крестьяне Прилуцкой волости „единогласнымъ приговоромъ и подпискою“, данною ему относительно недостатка пашенныхъ и сѣнокосныхъ земель по числу ревизскихъ душъ, обязались „неимущихъ и малоземельныхъ крестьянъ удовлетворить расчистными пустопорослыми годными землями“ осенью того-же 1786 г. Директоръ экономіи, не сомнѣваясь въ томъ, что крестьяне для собственной пользы выполнять это обязательство, счелъ нужнымъ, однако, подтвердить старостѣ, сотскому и всѣмъ лучшимъ крестьянамъ, чтобы они, не упуская удобнаго времени, непременно приступили бы „общими силами не только къ расчисткѣ, но и къ распашкѣ земель“ такъ, чтобы съ наступленіемъ ранней весны можно было сѣять хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ экономіи требовалъ, чтобы казенная палата и нижній земскій судъ еженедѣльно получали увѣдомленіе о томъ, сколько осенью и весною будетъ расчищено земли: 1) общими мірскими силами для безпахотныхъ домохозяевъ и 2) личными усиліями остальныхъ крестьянъ, каждымъ для себя самого, и кому именно, и въ какомъ количествѣ отведена будетъ расчищенная міромъ земля. Возможно, впрочемъ, что это распоряженіе не имѣло практическихъ послѣдствій *).

Относительно раскладки податей тотъ-же директоръ экономіи въ одномъ приказѣ 1786 г. писалъ, „чтобы подать располагаема была не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ **). Это была попытка произвести „передѣлъ податей“, что является извѣстною стадіею въ развитіи общиннаго землевладѣнія.

Однако, потребность въ передѣлѣ земли въ Архангельской губ., видимо, еще недостаточно назрѣла, да и правительство колебалось нарушать права тѣхъ, кто владѣлъ землею на основаніи официально утвержденныхъ документовъ. Правительство въ это время, съ одной стороны, покровительствуетъ стремленіямъ къ уравнительному передѣламъ, съ другой,—настаиваетъ на томъ, чтобы землю дѣлили „не по прихотямъ, а по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ (указъ 1789 г.), т. е. не нарушая старыхъ правъ. „Начинается“,—говоритъ г-жа Ефименко,—„масса дѣлъ, исковъ, тяжбъ... Главнѣйшій узелъ путаницы въ томъ, что постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго: съ одной стороны—право, держащееся на старыхъ документахъ и другихъ законныхъ основаніяхъ, съ другой стороны,—тоже признанное закономъ право каждой ревизской души

*) В. В. «Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи». «Русская Мысль» 97 г. № 12, стр. 17—18.

**) Ефименко, I, 326.

на извѣстное земельное обезпеченіе... Такое броженіе понятій и неустойчивость правъ раскрыли широкое поле дѣйствию хищническихъ инстинктовъ, злоупотребленіямъ всякаго рода. Крестьяне начинали дѣла явно недобросовѣстныя, съ единственною цѣлью, что называется, сорвать“. Суды рѣшали дѣла „вкривь и вкось— то въ пользу одной стороны, то въ пользу другой, самымъ нелѣпымъ образомъ мотивируя свои рѣшенія и руководствуясь, конечно, лишь количествомъ и качествомъ приношеній со стороны тяжущихся: даже точныя и несомнѣнныя предписанія закона самымъ безцеремоннымъ образомъ перетолковывались сообразно желаніямъ неліцепріятныхъ судей... „Нерѣдки“ также „указанія на снисхожденіе выборныхъ“, на „лакомство“ сотскаго...

„Категорическія запрещенія правительства насчетъ отчужденія земель крестьянами... оказывали очень слабое дѣйствіе. Крестьяне продолжали закладывать свои земли... Мало того: продолжали совершаться даже формальныя продажи, только измѣнившія немного внѣшность, чтобы не попасть подъ кару закона. Купчая называется не купчей, а „полюбовнымъ“ или „поступнымъ письмомъ“, но тѣмъ не менѣе представляетъ собою настоящую купчую какъ по формѣ, такъ и по содержанію... При существенныя мѣста допускали такіе акты и къ законному укрѣпленію. Правда, подобныя продажи совершались обыкновенно между крестьянами одной и той-же деревни: продажа въ другую деревню, а тѣмъ болѣе въ другую волость была несравненно затруднительнѣе. Но крестьяне и тутъ находили возможнымъ обойти прямой законъ“.

Въ Архангельской губерніи, какъ и въ Олонецкой, дѣло упорядоченія поземельныхъ отношеній крестьянъ осложнялось еще тѣмъ, что и здѣсь въ крестьянскихъ волостяхъ находились владѣнія посадскихъ людей и крестьянъ. Посадскіе доказывали, что предки ихъ покупали земли у черносошныхъ крестьянъ, такъ какъ это было дозволено закономъ, а къ нимъ они перешли по наслѣдству. Они пытались даже утверждать, будто бы ихъ владѣнія въ деревняхъ полезны самимъ крестьянамъ, которые при обработкѣ ихъ имѣютъ заработокъ. Между тѣмъ, въ наказахъ въ екатерининскую комиссію крестьяне жаловались на уклоненіе деревенскихъ владѣльцевъ отъ волостного тягла, а работы на земляхъ, принадлежащихъ посадскимъ, нерѣдко кончались переходомъ бѣдныхъ крестьянъ въ половничество. Наконецъ, правительство въ 1790 г. окончательно повелѣло всѣ земляныя угодья изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ исключить и присоединить къ тяглу тѣхъ селеній, въ которыхъ они по мѣстоположенію состоятъ, если же купцы и мѣщане будутъ представлять жалованныя ихъ предкамъ грамоты или другія указныя крѣпости на владѣніе этими землями, то, отобравъ ихъ, препроводить для разсмотрѣнія, куда слѣдуетъ по закону. Черезъ два года земли уже

были окончательно отобраны у всѣхъ владѣльцевъ изъ посадскихъ, кромѣ Бажениныхъ, за которыми осталась ихъ старинная деревня Вавчуга (Холмогорскаго у.), такъ какъ они владѣли ею по граматамъ Петра В. Такимъ образомъ, земли, состоявшія за посадскими, отошли къ крестьянамъ и увеличили фондъ общинныхъ земель, относительно которыхъ могъ быть примѣненъ безъ всякихъ затрудненій принципъ уравнительнаго или душевого раздѣла. Скоро этотъ фондъ значительно увеличился оброчными землями, о присоединеніи которыхъ къ крестьянскимъ и раздѣленіи ихъ по душамъ просили крестьяне еще въ своихъ наказахъ въ екатерининскую законодательную комиссію.

Еще въ началѣ 90-хъ гг. XVIII вѣка оброчныя земли въ Архангельской губ. по старому отдавались всѣмъ желающимъ изъ платежа оброка, причемъ, однако, уже оказывали предпочтеніе малоземельнымъ крестьянамъ, какъ видно изъ указа 1795 г. архангельскаго намѣстническаго правленія холмогорской нижней расправѣ. Есть основаніе думать, что было даже предположеніе продать оброчныя земли тѣмъ, за кѣмъ онѣ состояли на оброкѣ. Это можно заключить изъ просьбы одного крестьянина, который, ссылаясь на какой-то указъ сената 1796 г., заявляетъ, что онъ желаетъ „купить въ вѣчное себѣ владѣніе оброчную казенную пашенную землю, которая съ давнихъ лѣтъ имѣлась во владѣніи за отцомъ“ его, черносошнымъ крестьяниномъ, а послѣ смерти его по наслѣдству находилась во владѣніи просителя. Но уже съ конца 1790-хъ годовъ идетъ передача оброчныхъ земель въ волости *).

Прежде чѣмъ указать ту роль, какую сыграли оброчныя земли въ дѣлѣ введенія передѣловъ въ Архангельской губ., мы должны остановиться на введеніи ихъ въ Вологодской губ.

Въ 1795 г. (годъ производства пятой переписи) „многіе“ казенные крестьяне Вологодской губерніи обращались въ экспедицію вологодскаго директора экономіи съ просьбой объ „удовольствованіи ихъ землею“ по числу ревизскихъ душъ. Вологодская казенная палата 18 іюня 1795 г. сдѣлала распоряженіе о раздѣленіи тяглой, пахотной и сѣнокосной земли „по числу написанныхъ въ пятой ревизіи душъ и работниковъ“. При совершеніи раздѣла должно было обращать вниманіе на то, чтобы каждая семья получила столько земли, сколько она была въ силахъ обработать и „не довести до запустѣнія“, а на волостное начальство возложена была обязанность наблюдать за малоробочими семьями, получившими, по числу ревизскихъ душъ, крупныя участки, и при первыхъ признакахъ запусканія ими земли оставлять имъ ее по числу работниковъ, а излишекъ передавать другимъ домохозяевамъ за подати. Такъ какъ на первое предписаніе директора эконо-

*) *Ефименко*, I, 335—343; «Арханг. Губ. Вѣд.» 1868 г. № 18.

номіи (28 мая), по поводу полученныхъ имъ просьбъ, многіе крестьяне Вельскаго и Тотемскаго округовъ и Устюжской области *) отозвались, что землю, доставшуюся имъ по наслѣдству, по купчимъ, закладнымъ и другимъ сдѣлкамъ, они считаютъ „своею собственностью“, то казенная палата предписала не пускать въ передѣлъ „крѣпостныя земли“; но если бы многоземельные хозяева представили такія крѣпости или закладныя, которыя нигдѣ не явлены, или частныя записи, заявивъ, что „законныя крѣпости“ утрачены, или если бы оказалось, что земля приобрѣтена послѣ межевой инструкціи, запрещавшей отчужденіе крестьянами земель, то всѣ такія земли „полагать въ раздѣлъ“. Издавая это распоряженіе, казенная палата поясняла, что, предписывая раздѣлъ земель, она имѣетъ въ виду исключительно общественную пользу, чтобы малоземельные крестьяне не могли терпѣть крайней нужды въ пропитаніи, а многоземельные, будучи не въ силахъ обрабатывать свои участки, не могли отдавать ихъ въ наемъ. Это предписаніе казенной палаты было приведено въ исполненіе въ разныхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. не сразу и не одновременно, и передѣлы земли сопровождались ссорами, недоразумѣніями и жалобами крестьянъ. Болѣе богатые изъ нихъ выслушивали приказъ о раздѣлѣ „съ болѣзною, потому что должны были отдѣлять отъ себя землю“, удобренную „великими трудами“, во владѣніе малоземельныхъ крестьянъ. Обыкновенно сельскія власти приступали къ раздѣлу не ранѣе того, какъ малоземельные крестьяне, не получая необходимой имъ земли, обращались съ жалобами по началству, которое и посылало подтвержденія своего распоряженія.

Вельскій нижній земскій судъ, видя изъ жалобъ крестьянъ, что передѣлъ земли сопровождается многими ссорами, постановилъ, что „къ будущему лѣту неминуемо должно въ раздѣлъ по душамъ земель взяты пристойныя мѣры“, и въ виду этого 16 апрѣля 1798 г. разослалъ въ подвѣдомственные ему волостные присуды наставленіе о производствѣ земельного раздѣла.

Раздѣлъ земли и провѣрка сдѣланныхъ уже разверстоковъ („порядочно ли оныя земли прежнимъ старостомъ раздѣлены“) по этому наставленію должны были производиться волостнымъ старостой вмѣстѣ съ выборными (по одному на деревню), „присягою утвержденными людьми“, причемъ на обязанность старосты возлагалась забота о томъ, чтобы земли были раздѣлены „безобидно, со всего согласія, по присяжной совѣсти, а не по пристрастію и не по родству“; выборные же должны были прежде всего измѣрить пахотную и сѣнокосную землю каждой деревни, составить вѣдомость этимъ землямъ по данной формѣ, опредѣлить общую

*) Вологодское намѣстничество раздѣлялось на двѣ области: Вологодскую и Великоустюжскую; уѣзды Вельскій и Тотемскій принадлежали къ первой.

площадь названныхъ угодій для всей волости, исчислить средній надѣлъ на душу и, если бы въ какой деревнѣ оказался излишекъ, „велѣть отдать другой деревнѣ“. За несоблюденіе предписанія о предварительномъ составленіи вѣдомости измѣреннымъ землямъ по каждой деревнѣ старостѣ и выборнымъ грозило преданіе суду. Въ этой вѣдомости должна была быть показана отдѣльно площадь пахоты и сѣнокоса: 1) вотчинныхъ, 2) крѣпостныхъ и 3) состоящихъ на оброкѣ (казенныхъ) земель у тѣхъ или другихъ лицъ. Передѣлу по душамъ подлежали только вотчинныя полевая пашни и сѣнокосы.

Эти угодья должны были дѣлиться по числу душъ, однако же по разсмотрѣніи, „съ общаго мірскаго согласія“, можетъ ли крестьянинъ, принявшій пахотную землю, ее обработать. Запольную же пашню и чищенники (сѣнокосы), „кои дѣдъ или отецъ, или самый нынѣшній владѣлецъ расчищаль, отнюдь въ раздѣлъ не полагать“; но если бы такая пашня не была засѣяна больше трехъ лѣтъ, а съ расчищеннаго въ лѣсу сѣнокоса владѣлецъ не снималъ сѣна лѣтъ около десяти, то заброшенные такимъ образомъ участки предоставлялось занимать всякому другому крестьянину послѣ предварительнаго письменнаго объ этомъ заявленія въ присудъ и полученія отъ послѣдняго письменнаго же удостовѣренія. Если такой крестьянинъ оставить взятый имъ участокъ пашни не засѣяннымъ въ теченіе года, то его предоставлялось занимать всякому другому хозяину. Раздѣлу по душамъ подлежали и удобныя для расчистки подъ пашню лѣсныя пространства. Что же касается новыхъ расчистокъ подъ сѣнокосы, то ихъ дозволялось производить (съ вѣдома волостныхъ присудовъ) всякому крестьянину, а если бы на удобныя для этого мѣста явилось нѣсколько претендентовъ, то староста долженъ былъ раздѣлить эти мѣста „по разсмотрѣнію работниковъ или семействъ“.

Пахотныя земли, на которыя у крестьянъ есть крѣпости, совершенныя до изданія межевой инструкціи, предписано было въ раздѣлъ не полагать до указа сената, а владѣть пріобрѣвшему эту землю или его наслѣдникамъ; но и наслѣдники должны были раздѣлить крѣпостную землю по числу душъ. При этомъ, если бы количество пришедшейся на душу крѣпостной земли оказалось не ниже средняго, то такой крестьянинъ уже не долженъ былъ получать вотчинной полевой земли и сѣнокоса (кромѣ запольныхъ земель и чищебъ, которыя остаются за нимъ, какъ сказано выше), а если крѣпостной земли у него недостаточно, то ему дѣлается добавленіе по числу душъ на общемъ основаніи. Если кто заложилъ свои крѣпостныя земли, то теперь могъ выкупить ихъ, точно также это могутъ сдѣлать сыновья и законные наслѣдники и раздѣлить между собою по числу душъ. Брочныя земли, впредь до особаго распоряженія, должны были

оставаться за „настоящими ихъ содержателями“, за исключеніемъ того случая, когда онѣ находились въ рукахъ лицъ, имѣвшихъ излишекъ крѣпостной земли, и когда онѣ *должны были быть обращены въ общую разверстку по душамъ.*

Участки земли, доставшіеся по раздѣлу семьямъ, которыя по увѣчью или малолѣтству ихъ членовъ не могутъ ихъ обработать, должны были быть отданы по мірскому приговору (подписанному „почетными крестьянами“ въ количествѣ не менѣе 20 человекъ), на срокъ до совершеннолѣтія малолѣтнихъ, лицамъ, которыя въ силахъ ихъ обработать, съ возложеніемъ на нихъ обязанности платить сполна подати „и всякія мірскія требы“; „за малолѣтними же и увѣчными имѣть старостѣ должное призрѣніе“.

При уравниеніи пахотныхъ земель различныхъ деревень, если послѣднія находятся далеко одна отъ другой (напр., 20—40 верстъ), слѣдовало переводить на житѣе изъ одной деревни въ другую одну душу или болѣе, смотря по относительному количеству принадлежащихъ деревнямъ земель *).

Въ 1797 г. былъ учрежденъ департаментъ удѣловъ, и дворцовые крестьяне, поступившіе въ его завѣдываніе, были переименованы въ удѣльные. Центральные органы этого вѣдомства, какъ доказываютъ матеріалы, изложенные г. В. В. въ его статьяхъ, не имѣли опредѣленной точки зрѣнія на вопросъ объ уравнительномъ раздѣлѣ крестьянскихъ земель и колебались въ этомъ отношеніи между ограничительными и поощрительными мѣрами: по одному представленію органа мѣстнаго управленія департаментъ удѣловъ отмѣнилъ начатый раздѣлъ земель, по другому—вновь возстановилъ его. „Какъ общее правило“,—говоритъ г. В. В.,—„удѣльная администрація не вмѣшивалась непосредственно въ процессъ раздѣла крестьянскихъ земель и входила въ это дѣло обыкновенно лишь по жалобамъ недовольныхъ, которыя прежде всего обращала на разсмотрѣніе обществъ или выборныхъ представителей спорящихъ сторонъ. Въ предупрежденіе же новыхъ жалобъ, удѣльная экспедиція поручала въ 1801 и 1802 гг. своимъ чле-

*) Въ Вологодской губ. во время генеральнаго межеванія (въ 1782—1796 г.) въ 7 уѣздахъ, гдѣ жили государственные черносошные крестьяне количество пашни у этихъ крестьянъ въ среднемъ на душу колебалось въ разныхъ уѣздахъ отъ 1 дес. (въ Яренскомъ у.) до 4,1 дес. (въ Никольскомъ), въ среднемъ же по всей губерніи количество пашни равнялось 2,8 дес. на душу мужского пола (на полъ-десятины болѣе, чѣмъ въ дворцовыхъ волостяхъ). Сѣнокосовъ было вообще гораздо менѣе: отъ 0,6 дес. (въ Вельскомъ у.) до 1,9 дес. (въ Яренскомъ), въ среднемъ же по всей губерніи на душу приходилось 1,1 дес., т. е. ровно столько же, какъ и у дворцовыхъ крестьянъ этой губерніи. Лѣсу на душу было отъ 12,8 дес. (въ Сольвычегодскомъ у.) до 52 дес. (въ Великоустужскомъ), а въ среднемъ по всей губерніи—28,4 дес. (почти вдвое менѣе, чѣмъ въ дворцовыхъ волостяхъ). Всей земли (вмѣстѣ съ усадьбою и неудобною) у государственныхъ крестьянъ Вологодской губ. было въ среднемъ 35 дес. на душу. (Межевой Архивъ).

намъ, при осмотрѣ удѣльныхъ селеній, принимать мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, состоявшіеся уже мірскіе приговоры о раздѣлѣ общественныхъ земель, буде они справедливы, были приведены въ исполненіе; съ другой—чтобы общества, гдѣ приговоры о раздѣлѣ еще постановлены не были, но гдѣ не обнаружено и единодушнаго желанія оставаться при прежнемъ владѣніи“, составили „по этому предмету мірскіе приговоры“.

Эти мѣры, — говоритъ г. В. В., — „не привели, однако, къ желательному умиротворенію крестьянъ, и департаментъ удѣловъ, въ видахъ ослабленія борьбы за уравниеніе крестьянскихъ участковъ издалъ (въ 1802 г.) распоряженіе о томъ, чтобы малоземельные крестьяне получали удовлетвореніе своихъ требованій, по возможности, не отводами земли отъ многоземельныхъ хозяевъ, а надѣленіемъ изъ впустѣ лежащихъ при селеніяхъ земель, которыя должны были быть предварительно расчищены общими силами всего селенія... Но и эта мѣра осталась, повидимому, безъ практическаго осуществленія, и распоряженіе департамента не прекратило возгорѣвшейся между крестьянами борьбы и стремленія со стороны малоземельныхъ крестьянъ къ распространенію уравниенія на участки многоземельныхъ домохозяевъ. Первое уравниеніе землепользованія бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ въ Вологодской губ. затянулось на десять лѣтъ и болѣе и было исполнено очень несовершенно какъ по отсутствію точныхъ свѣдѣній о качествѣ и количествѣ крестьянскихъ земель, по невыработанности техники этого дѣла, такъ и по причинѣ необходимости, — путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній, — примирять разнообразныя, сталкивающіеся интересы. Въ это время въ практикѣ уравниенія прочно утвердился пріемъ примиренія разныхъ интересовъ, заключающійся въ перенесеніи платежа отъ малоземельныхъ домохозяевъ на многоземельныхъ. Первоначально къ этому пріему прибѣгали, повидимому, ради сохраненія за многоземельными хозяевами ихъ крупныхъ участковъ; впоследствии же онъ сталъ примѣняться и вопреки желанію такихъ домохозяевъ. Удѣльная администрація то боролась противъ распространенія этого средства уравниенія, то поощряла его.

„Во время перваго уравниенія крестьянскихъ участковъ изъ раздѣла были исключены расчистныя и, преимущественно, купчія земли. Включеніе этихъ земель въ общій раздѣлъ было сдѣлано по настоянію крестьянъ и съ дозволенія департамента удѣловъ“, при передѣлахъ по душамъ шестой, бывшей въ 1812 г. и седьмой—въ 1816 г. ревизій. „Эти послѣдніе передѣлы также сопровождались горячею борьбой и многочисленными спорами и жалобами, но за то при этомъ всѣ главнѣйшіе вопросы уравниенія земель были окончательно разрѣшены и послѣдующіе передѣлы не вызывали серьезныхъ недоразумѣній. Такимъ образомъ, можно сказать, что процессъ обращенія наслѣдственнаго пользованія

волостной крестьянской землей въ уравнительное въ Вологодской губ. окончательно завершился въ теченіе приблизительно 20 лѣтъ“.

Удѣльные крестьяне Архангельской губ. (Шенкурскаго уѣзда) приступили къ передѣламъ лишь послѣ шестой ревизіи (въ 1812 г.). Департаментъ удѣловъ окончательной земельной единицей при этомъ раздѣлѣ призналъ искусственный административный округъ—приказъ, и малоземельнымъ волостямъ было дано право увеличивать свои надѣлы на счетъ другихъ волостей того же приказа. Но обыкновенно крестьяне не пользовались этимъ правомъ и производили раздѣлъ земель въ каждой волости отдѣльно отъ другихъ. Въ Архангельской губ. введеніе передѣловъ среди удѣльныхъ крестьянъ совершилось болѣе спокойно, чѣмъ въ Вологодской, и закончилось менѣе, чѣмъ въ одно десятилѣтіе, къ концу десятихъ годовъ XIX в.

Общее заключеніе, къ которому пришелъ г. В. В. при изученіи найденныхъ имъ въ архивѣ главнаго управленія удѣловъ матеріаловъ, состоитъ въ томъ, что „осуществленіе идеи уравнительнаго пользованія землей среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній было достигнуто благодаря настойчивому требованію уравниній со стороны малоземельнаго большинства домохозяевъ“ *). Мы видѣли, что такія требованія начались еще въ 1760-хъ годахъ.

Было упомянуто выше, что по наставленію 1798 г. вельскаго нижняго земскаго суда оброчныя земли въ томъ случаѣ, когда онѣ находились въ рукахъ лицъ, имѣвшихъ излишекъ крѣпостной земли, должно было передѣлать по душамъ. Было уже сказано также, что въ Архангельской губ. съ конца 1790-хъ гг. всюду идетъ передача оброчныхъ земель въ надѣлъ волостямъ и что она сильно способствовала здѣсь подготовкѣ введенію передѣловъ среди государственныхъ крестьянъ. Это объясняется тѣмъ, что въ 1797 г. было предписано вообще къ малоземельнымъ казеннымъ селеніямъ отдать казенныя оброчныя земли до пополненія пропорціи 15 дес. на душу, а черезъ два года было разъяснено, что для надѣла должно брать не однѣ оброчныя земли, но и впустѣ лежащія. Въ 1798 г. казеннымъ палатамъ было предписано произвести „разверстку“ оброчныхъ „земель между казенными поселянами совершенно уравнительно и по способности къ селеніямъ вообще по всѣмъ губерніямъ единожды“. Проекты этихъ развер-

*) В. В. «Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи». «Русская Мысль» 1897 г., № 11, стр. 6—11, № 12, стр. 19, 25—27. По поводу указа департамента удѣловъ 11-го августа 1799 г. (вызваннаго совершавшимся въ то время первымъ передѣломъ земли въ Вологодской губ.) вятская экспедиція сдѣлала распоряженіе, чтобы «удѣльные крестьяне владѣли землями непремѣнно по числу ревизскихъ душъ». В. В. «Простая община удѣльныхъ крестьянъ» «Рус. Мысль» 1899 г., № 7, стр. 11.

стокъ должны были предъявляться крестьянамъ, и съ жалобами и съ замѣчаніями послѣднихъ представлялись на утверженіе межевого департамента сената, послѣ чего и производился самый отводъ земель *). „Процессъ надѣленія волостей“ (государственныхъ крестьянъ Архангельской губ.) „оброчными землями“, говоритъ г-жа Ефименко, „тянулся лѣтъ около 20-ти. Каждый волостной міръ долженъ былъ особо ходатайствовать объ отдачѣ ему „смежныхъ“ оброчныхъ статей, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что у него нѣтъ указной пропорціи на души. Земля отводилась, но съ постояннымъ напоминаніемъ, что она дается для обезпеченія „скудныхъ“ крестьянъ, и потому непременно должна быть подѣлена между ними. Но волости не всегда распоряжались перешедшими въ ихъ власть оброчными статьями такъ, какъ имъ предписывалось: мы видимъ, что онѣ раздаютъ эти земли крестьянамъ, какъ бы въ арендное содержаніе изъ платежа, и даже отдаютъ „въ вѣчное владѣніе“ (такъ было въ Матигорской волости въ 1808 — 1809 г.). Но власти строго слѣдятъ за такими уклоненіями отъ предписаній и преслѣдуютъ ихъ. Разверстка оброчныхъ земель по душамъ, поравненіе ихъ на души, согласно указу 1798 г., подготавливали дорогу для общаго передела земель **).

Что среди государственныхъ крестьянъ Архангельской губ. все болѣе созрѣвала мысль о необходимости уравнительнаго раздѣла земель, видно, напр., изъ такого факта: крестьяне Куреской волости, Холмогорскаго уѣзда, присоединивъ (на основаніи указа мѣстнаго земскаго суда 1802 г.) къ своимъ владѣніямъ земли, нѣкогда принадлежавшія церкви и ея причту, раздѣлили ихъ по паямъ между неимущими для уравниенія съ другими, а оброкъ за эти земли рѣшили внести въ уѣздныя казначейства всѣмъ обществомъ. Земли эти были оставлены за волостью ***). Изъ указа пинежскаго земскаго суда видно, что мѣстами и въ Архангельской губ. шли уже толки о будущемъ „генеральномъ поравненіи“, да и не мудрено, когда въ Вологодской губ., какъ мы видѣли, такое поравненіе началось еще въ концѣ XVIII столѣтія, а затѣмъ въ первые два десятилѣтія XIX в. введеніе передѣловъ совершилось среди удѣльныхъ крестьянъ не только Вологодской, но и Архангельской губ. Въ Архангельской губ. мѣстныя власти не разъ по разнымъ поводамъ давали предписаніе волостямъ государственныхъ крестьянъ „передѣлить всю владѣемую землю по душамъ“, но предписанія эти не исполнялись вслѣдствіе несогласія „большого количества крестьянъ“.

Въ концѣ 1829 г. появилось циркулярное предписаніе мини-

*) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 18,256, т. XXV № 18,925, 18,633.

**) Ефименко «Исслѣд. народ. жизни» I, 343—344.

***) Арх. Губ. Вѣд. 1876, № 33.

стра финансовъ казеннымъ палатамъ, въ которомъ было сказано, „чтобы земли, принадлежащія каждому казенному селенію, раздѣляемы были между поселянами онаго для обрабатыванія и платежа податей, на основаніи мірскаго приговора, по тягламъ“, а также, „чтобы казенные поселяне не отдавали никому въ наемъ или въ кортому, или подъ закладъ своихъ участковъ изъ денежнаго или хлѣбнаго платежа, но обрабатывали оные сами; равно не допускать и передачу участковъ подъ условіемъ, чтобы приобретающіе оные участки платили подати за уступающихъ, и отвращать всякія злоупотребленія въ захватѣ земель подъ видомъ возмѣщенія долга или подъ другими предлогами случающіяся, какія бы они ни были“. Архангельская казенная палата считала необходимымъ изъять изъ раздѣла только росчисти до истеченія 40-лѣтняго льготнаго срока *). Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго совѣта 1831 г. повелѣно было „уравнять по Архангельской губ. земли между крестьянами“.

Основанія раздѣла были таковы: каждый крестьянинъ могъ оставлять себѣ изъ своей земли столько, сколько приходилось ему по расчету на его душевые надѣлы. Такимъ образомъ болѣе зажиточные крестьяне все-таки остались пока на своихъ лучшихъ земляхъ. Уравненіе было пока лишь количественное, а не качественное. Первый раздѣлъ не обошелся безъ большихъ споровъ и замѣшательствъ, главнымъ поводомъ къ которымъ было предписаніе произвести раздѣлъ „по селеніямъ“. Еще въ концѣ XVIII в. (1797 г., 7 Августа) былъ изданъ такой указъ: „какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земель и угодій, но бываетъ у однихъ много, а у другихъ мало земли, то всякое селеніе, владѣя ему принадлежащимъ, дѣлаетъ свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ, и въ оное волостной голова вмѣшиваться не долженъ, потому что раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, а по каждому селенію особливо“ **). Какъ тогда передѣлъ податей, такъ теперь (въ 1831 г.) передѣлъ земли предписано было совершить по деревнямъ ***). Это вызвало неудовольствіе среди крестьянъ, такъ какъ правительство не обращало вниманія на существованіе земель, находившихся во владѣніи цѣлой волости. Но ходатайства крестьянъ объ уравнительномъ раздѣлѣ всѣхъ волостныхъ владѣній не были удовлетворены.

*) Еще именнымъ указомъ 15-го дек. 1820 г. было даровано крестьянамъ право расчистки земель изъ подѣловъ съ дозволеніемъ пользоваться расчистившему или его наслѣдникамъ росчистями въ теченіе 40 лѣтъ, а затѣмъ они должны были быть раздѣлены на всю волость. П. С. З., т. XXXVII, № 28.497.

**) П. С. З. т. XXIV, № 18.082, п. 8.

***) Ефименко I, 343—346, 348, 352.

Однако постепенно передѣлы по деревнямъ вошли въ обихъ новеніе среди крестьянъ Архангельской губ., хотя мѣстами они производились сообща въ нѣсколькихъ деревняхъ, если онѣ издавна имѣли общія земли. Первый передѣлъ былъ совершенъ въ 1831 г., второй—въ 1834 г. во время восьмой ревизіи, третій—въ 1852 г. при девятой переписи и, наконецъ, четвертый—въ 1858 г. при десятой ревизіи *).

В. Семеvскій.

* * *

Налетѣла гроза, разразилась,
Отблескъ молній пылалъ, какъ пожаръ,
Все живое, дрожа, притаилось
И гремѣлъ за ударомъ ударъ.
Потемнѣли небесные своды,
Словно мрачный свинцовый навѣсъ,
И шумѣли, и пѣнились воды,
И гудѣлъ пробудившійся лѣсъ...
Потрясенныя бури порывомъ
Наклоняли деревья чело,
По долинамъ цвѣтущимъ и нивамъ—
Разрушеніе повсюду прошло...
Снова небо горитъ бирюзою,
Блещутъ листья въ алмазной пыли,
Но колосьямъ, примятымъ грозою—
Не поднять головы отъ земли.

О. Чюмина.

*) Новѣйшія данныя объ общинномъ землевладѣніи Архангельской губ. см. въ мѣстныхъ изданіяхъ: «Сельская поземельная община въ Архангельской губ.» вып. I—IV и Знаменскій «Сельскія поземельныя общины въ Пинежскомъ уѣздѣ». Арх. 1895 г.

МОХОВЪ.

(О черкѣ).

I.

Это было плотный, коренастый, небольшого роста человекъ, съ маленькими свинными глазками, которые бѣгали чрезвычайно проворно и въ минуты испуга казались косыми, съ широкимъ, плоскимъ лицомъ, сильно попорченнымъ оспой и обросшимъ неровными кочьями мочальнаго цвѣта бороды, съ прямыми липкими волосами.

Лѣтъ десять тому назадъ я почти каждый день видалъ его въ передней земской управы, мирно бесѣдовавшимъ съ управскими сторожами. При появленіи каждаго чисто одѣтаго человекѣ онъ испуганно вскакивалъ и стоялъ на вытяжку до тѣхъ поръ, пока въ передней не оставались опять одни сторожа. И зимой, и жаркимъ лѣтомъ онъ ходилъ въ черномъ засаленномъ сюртукѣ изъ толстаго, крѣпкаго драпа, въ короткихъ брюкахъ на выпускъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали рыжія голенищи неуклюжихъ деревенскихъ сапогъ. Когда его звали въ присутствіе, онъ мѣнялся въ лицѣ, краснѣлъ, вынималъ гребень и торопливо на обѣ стороны расчесывалъ волосы, плевалъ на руки и приглаживалъ виски, отряхивалъ фалды сюртука и, крадучись, шелъ по длинному корридору. Передъ дверями присутствія онъ останавливался на секунду, шепталъ что-то и съ смиренно-благоговѣйнымъ видомъ, точно собираясь войти въ церковь, осторожно отворялъ двери. Входилъ онъ такъ тихо, что сидѣвшіе за столомъ члены присутствія долго не замѣчали его. Тогда онъ тихо кашлялъ въ кулакъ и, обративъ, такимъ образомъ, на себя ихъ вниманіе, кланялся, кротко и застѣнчиво улыбаясь.

— А, господинъ Моховъ! — полу-шутливо, полу-сердито восклицалъ предсѣдатель: — тебя-то намъ и надо, голубчика!.. Ты что жъ это, такой-сякой, сталъ доставлять намъ всякую дрянъ? а?

Моховъ, опустивъ глаза, разводилъ руками.

— Виновать,—говорилъ онъ, улыбаясь тою простоватой, придурковатой улыбкой, которая почти не сходила съ его лица:—не досмотрѣлъ... извините...

— Извините! какъ бы не такъ! По 18 параграфу контракта мы штрафуемъ тебя на сто рублей.

— Слушаю-съ.

— Чтобы впередъ смотрѣлъ хорошенько.

— Слушаю-съ.

— Стало быть, возраженій не имѣешь?

— Никакъ нѣтъ, что жъ, коль скоро виновать... Извольте получить.

Моховъ вытаскивалъ изъ кармана рванный, засаленный бумажникъ, вынималъ изъ него сторублевую бумажку и клалъ на столъ. Затѣмъ, красный и потный, пятился къ двери и долго утирался клѣтчатымъ платкомъ.

— Мнѣ денегъ не жалъ, ваше вскородіе,—говорилъ онъ съ радостнымъ видомъ,—а мнѣ обидно, что случилась такая оказія—вотъ что!.. ровно бы скрозъ землю провалился, а не то что... Конечно, самъ виновать.

— А вѣдь сто рублей деньги, а?—поддразнивалъ его предсѣдатель:—ты подумай только—сто рублей! а?.. Будто не жалъ?.. Сто рублей!..

— Ежели по уставу, никакъ нѣтъ, не жалъ, ваше вскородіе. Съ удовольствіемъ.

— Коли попросишь хорошенько, мы сбавимъ.

— Не желаю, ваше вскородіе... Какъ воля ваша, такъ и пусть...

— Ну, и плутъ же ты!.. Охъ, плутина!.. Такъ не желаешь сбавки?

— Никакъ нѣтъ. Пущай такъ остается.

— Плутъ, плутъ!.. Ну, на первый разъ, однако, мы тебя прощаемъ, за то въ другой разъ, смотри, не попадайся. Понялъ?

— На все воля ваша.

— Бери деньги.

— Покорно благодаримъ.

— Бери и убирайся!

— Сію минуту.

— Чего еще?

— Да я хотѣлъ было насчетъ того... вамъ, говорятъ, изве-гга потребуется?

— Ну, потребуется, такъ что?

— У меня, пожалуй, есть ее сколько-то тамъ...

— На известку торги будутъ.

— Слушаю-съ. А то я бы, конечно, и безъ торговъ съ удовольствіемъ.

— Приходи на торги, а теперь не о чемъ разговаривать.

— Слушаю-сь. Можетъ, лѣсъ потребуется, такъ у меня и лѣсу довольно.

— Ну, хорошо, хорошо. Убирайся!

Моховъ держался на короткой, дружеской ногѣ со всѣми мелкими служащими канцеляріи, гдѣ его появленіе всегда вызывало оживленіе и смѣхъ. Его безцеремонно трепали по животу, называя толстопузымъ, рассказывали о немъ въ его же присутствіи небывалыя, невѣроятно глупыя исторіи. Онъ слушалъ и добродушно ухмылялся во всю рожу. Вообще, онъ склоненъ былъ разыгрывать роль шута. Иногда онъ таинственно заглядывалъ въ канцелярію изъ коридора, подмигивалъ и манилъ кого-то перстомъ.

— Чего ты?

— Готово, айда!

— Ну-у?.. Здорово!.. Погоди, вотъ секретарь уйдетъ.

Это значило, что въ сосѣднемъ трактирѣ приготовлено угощеніе. Мало-по-малу вся канцелярія перебиралась въ трактиръ, гдѣ Моховъ, изображая изъ себя хлѣббосольнаго хозяина, усердно всѣхъ угощалъ, но самъ ничего не пилъ.

— Въ случаѣ чего, братцы, ужъ вы того...—говорилъ онъ:—я на васъ, какъ на каменную стѣну...

— Брысь!.. Надѣйся, какъ же!.. Ты угощеніемъ-то не подкупить ли насъ хочешь?.. Пошелъ вонъ!..

— Помилуйте, какъ можно!.. не объ этомъ рѣчь... Я, то-есть, съ моимъ удовольствіемъ... со всякимъ моимъ расположеніемъ... Какъ мы къ вамъ, такъ и вы къ намъ... Помилуйте!..

— Ты за честь долженъ почитать, что мы съ тобой тутъ околачиваемся...

— Это такъ, это я понимаю... Я потому, собственно, чтобъ на всякій случай... имѣть въ предметъ... мало ли... Вотъ почему...

— Ну, и молчи!

— Я что же?.. Я ничего...

Когда веселье достигало извѣстнаго предѣла, Моховъ платилъ по счету и потихоньку удалялся. Компанія же оставалась въ трактирѣ иногда до глубокой ночи.

— Плутъ, но незамѣнимый человѣкъ,—говорилъ про него предсѣдатель, а незамѣнимъ онъ былъ потому, что всегда оказывался подъ рукой въ нужную минуту. Онъ все могъ, ни отъ чего не отказывался, былъ сговорчивъ. Я считалъ его за мелкаго поставщика, за мелкотравчатаго подрядчика, но оказалось, что онъ крупный землевладѣлецъ и ворочаетъ большими дѣлами.

Однажды канцелярская молодежь, собравшись въ кучу, обсуждала подробности недавней попойки. Моховъ находился

тутъ же, неподалеку, улыбаясь своего дурацкой улыбкой, и, повидимому, слушалъ съ большимъ интересомъ.

— Ну, ты что, помѣщикъ?—обратился къ нему регистраторъ.

— Ничего-съ,—отвѣчалъ Моховъ, скромно потупившись.

— Развѣ онъ помѣщикъ? Кто? Моховъ-то?

— Какъ же. Купилъ у генерала Волынкина дачу по сорока рублей за десятину. Такъ что ли?

— Вѣрно,—подтвердилъ Моховъ:—по сороку. рублейъ.

— Теперь онъ лѣсъ рубить на чисто, по двѣсти рублей дивиденду съ десятины беретъ... Сколько ты заплатилъ за всю дачу?

— Восемнадцать тысячъ,—такъ же скромно улыбаясь, отвѣчалъ Моховъ.

Это цифра произвела столь сильное впечатлѣніе, что всѣ съ недоувѣріемъ и въ то же время съ невольнымъ уваженіемъ и любопытствомъ посмотрѣли на Мохова, точно рассчитывая увидѣть на его лицѣ что-то такое, чего они раньше не разглядѣли.

— Генераль, пожадуй-что, обратно ее у меня приторговываетъ, дачу-то,—продолжалъ Моховъ:—продай, говоритъ. Что жъ, говорю, со всякимъ моимъ удовольствіемъ. Сколько возьмешь? говоритъ. А семьдесятъ пять тысячъ.

— Охъ, хо, хо, хо!—въ какомъ-то алчномъ восторгѣ хохотала вся канцелярія.

— Такъ точно, говорю, съ полнымъ моимъ удовольствіемъ за семьдесятъ пять тысячъ рублей. Потому меньше мнѣ, говорю, не расчетъ: лѣсу въ ей, въ десятинѣ-то, на двѣсти рублейъ, а земля сама собой, а въ ей, въ землѣ-то, можетъ быть земляныя богатства...

— Охъ, хо, хо!.. ловко!.. Ну, что жъ онъ?

— Задумался. Семьдесятъ пять тысячъ, говоритъ, не дамъ.

— Охъ, ловко! охъ, здорово!.. Ай да толстопузѣй!.. А вѣдь по этому случаю надо бы, другъ, того... а? поздравить бы что ли? какъ ты думаешь?

— Что жъ, я съ удовольствіемъ.

— И молодчина же ты, Моховъ, ей-Богу!.. мошенникъ въ полномъ смыслѣ!.. А давно ты разбогатѣлъ?

— Какое наше богатство! съ хлѣба на квасъ. Дѣла дѣлаемъ—больше ничего. А все, я вамъ скажу, отъ Бога. Десятокъ лѣтъ тому назадъ я извозчикомъ былъ, послѣ того, коробушку таскалъ... Теперь слава Богу...

— Откуда же у тебя такія деньги?

— Все отъ Бога... Наше дѣло маленькое.

— А много у тебя денегъ?

— У меня? А вотъ скажи теперича сто рублей—вѣту!..

— Ну, это ты врешь!

— А вотъ не вру, ей-Богу, не вру. Вчера двѣ тысячи получилъ, а гдѣ онѣ? Какъ вода! туда—сюда... Дѣла у меня, подряды, лѣсное дѣло, то да се, гдѣ барышъ, гдѣ убытокъ—такъ и идетъ колесомъ. Денегъ у меня нѣту.

На лицѣ Мохова была всегда неизмѣнно добродушная, нѣсколько придурковатая улыбка. Казалось, онъ постоянно былъ обрадованъ чѣмъ-то до глупости и хотѣлъ со всѣми раздѣлить свою радость. Въ то же время въ немъ было что-то пришибленное, неспокойное, какъ у провинившейся собаки; онъ оглядывался по сторонамъ, какъ будто боялся, что ему вдругъ возьмутъ да и накладутъ по шеѣ или выгонять вонъ.

— Хорошій ты парень, душевный ты человѣкъ, а видъ у тебя вороватый,—говорили ему. Или наоборотъ:—на видъ-то ты парень добрый, и рожа у тебя располагающая, а вѣдь ты плутъ—я тебя знаю.

Въ отвѣтъ на эти комплименты онъ смѣялся и говорилъ: — Это вѣрно.

Раза два или три онъ судился у мирового судьи и одинъ разъ въ окружномъ судѣ за мошенничество и подлоги, но былъ оправданъ. На судѣ онъ въ буквальномъ смыслѣ слова грепеталъ, говорилъ такимъ упавшимъ, еле слышнымъ голосомъ, имѣлъ такой убитый видъ, что внушалъ къ себѣ жалость. Его считали большимъ плутомъ, но любили его. Въ немъ правилась его неистощимая веселость, его жизнерадостный видъ, его смѣшное безобразное лицо, услужливость и незлобивость нрава.

— Хорошій человѣкъ, хотя и плутъ,—говорили о немъ.

II.

Понемногу онъ сталъ выходить въ люди. Онъ сдѣлалъ довольно крупное пожертвованіе въ дамскій комитетъ, получилъ благодарность ея превосходительства, и очень важные въ городѣ люди при встрѣчахъ стали подавать ему руку. Онъ уже не сидѣлъ больше въ передней со сторожами, дожидаясь, когда его позовутъ, а шелъ прямо въ присутствіе безъ доклада. Лицо его еще больше пополнило, и выраженіе приниженности и робости смѣнилось выраженіемъ достоинства. Онъ усердно посѣщалъ любительскіе спектакли, гдѣ въ трогательныхъ мѣстахъ проливалъ слезы, въ комическихъ—смѣялся, какъ ребенокъ, а во время антрактовъ въ буфетѣ угощалъ всѣхъ безъ разбору; бывалъ въ клубѣ, гдѣ держалъ себя вполне прилично, и даже научился разговаривать съ дамами, не вводя ихъ въ слишкомъ большой конфузъ.

„Отличный человѣкъ, рубаха парень, Якимъ—простота, душа—человѣкъ“, стали говорить про него.

И вдругъ, послѣ одного весьма некрасиваго дѣла, онъ исчезъ. Нѣкоторое время о немъ не было ни слуху, ни духу. Говорили потомъ, что онъ перебрался въ губернскій городъ и тамъ дѣлаетъ большія дѣла. Разумѣется, о немъ вскорѣ всѣ совершенно позабыли. О немъ не вспомнили даже тогда, когда фамилія Мохова приобрѣла извѣстность и стала часто упоминаться въ мѣстной газетѣ, писавшей о немъ неумѣренно восторженныя статьи: никому въ голову не могло придти, что извѣстный благотворитель и общественный дѣятель Моховъ, заслуги котораго передъ краемъ на всегда будутъ памяты потомству, какъ увѣряла газета, былъ тотъ самый неотесъ Моховъ, который когда-то подвизался въ нашемъ городѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось быть въ губернскомъ городѣ и попасть на засѣданіе думы. Засѣданіе было многочисленное. Въ публикѣ была давка и тѣснота. Хотя вялыя пренія по поводу какого-то пустяшнаго вопроса, повидимому, не обѣщали ничего занимательнаго, однако въ воздухѣ пахло грозой. На лицахъ у всѣхъ читалось жадное ожиданіе гонимаго скандала. По всей залѣ шелъ тревожный гулъ, который въ одну секунду могъ превратиться въ бурю. Предсѣдательствующій всталъ и началъ что-то говорить. Ораторъ говорилъ минутъ пять, но я, кажется, не расслышалъ изъ его рѣчи и пяти словъ,—до того онъ говорилъ невнятно, я понималъ только, что рѣчь идетъ о какомъ-то очень хорошемъ человѣкѣ, на котораго возводятся несправедливыя обвиненія и котораго ораторъ называлъ то просто Павломъ Павлычемъ, то многоуважаемымъ господиномъ Моховымъ. Когда онъ кончилъ, въ залѣ началось нѣчто, подобное столпотворенію вавилонскому. Гласные повскакали съ мѣстъ, нѣсколько человѣкъ заговорили разомъ. Передніе ряды публики поднялись на ноги, задніе вскочили на скамейки,—произошелъ страшный шумъ. Напрасно предсѣдатель звонилъ въ колокольчикъ и призывалъ къ порядку,—шумъ не умолкалъ, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа.

— Гдѣ онъ? гдѣ?—тормошила своего кавалера какая-то дама.

— А вонъ сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Гдѣ? гдѣ?

Кавалеръ показалъ въ глубину залы. Я посмотрѣлъ въ ту сторону и на одной изъ заднихъ скамеекъ увидѣлъ Мохова, того самаго Мохова, нашего Мохова. Онъ сидѣлъ, дѣйствительно, какъ ни въ чемъ не бывало; на лицѣ его играла а же знакомая мнѣ добродушная, придурковатая улыбка.

Онъ сильно растолстѣлъ, но мало измѣнился. Какой-то господинъ очень эффектной наружности, въ золотыхъ очкахъ, говорилъ ему что-то шопотомъ, наклонившись къ нему всѣмъ тѣломъ. Моховъ, казалось, не слушалъ и разсѣянно смотрѣлъ въ пространство. Наконецъ, онъ лѣнливо обернулся, проговорилъ что-то, махнулъ рукой, и эффектный господинъ тотчасъ же умолкъ.

— Пусть намъ объяснить городская управа, пусть объяснить господинъ голова! — запальчиво восклицалъ кто-то изъ гласныхъ:—гдѣ онъ? почему онъ отсутствуетъ? почему онъ не разсѣтъ туманъ несправедливыхъ нареканій, если это точно несправедливыя нареканія?

— Голова ушелъ... его нѣту... Онъ не желаетъ отвѣчать... И объяснять нечего—ясное дѣло!.. Да и заступающій убѣжалъ... Вонъ спрашивайте Ивана Васильевича...—отвѣчали ему нѣсколько голосовъ.

— Пусть Иванъ Васильевичъ объяснить.

— Иванъ Васильевичъ, не угодно-ли вамъ объяснить?—обратился предсѣдательствующій къ толстому, лысому съ выпученными глазами господину, сидѣвшему на передней скамейкѣ.

Господинъ безпокойно завозился на мѣстѣ, но ничего не отвѣтилъ.

— Чѣмъ руководствовалась управа, нарушая контрактъ?

Лысый господинъ пыхтѣлъ, утирался платкомъ и безмолвствовалъ. Въ публикѣ послышался смѣхъ; онъ тоже засмѣялся, потомъ закашлялся и сталъ красенъ, какъ ракъ. Всѣ взоры были устремлены на него. Наконецъ, онъ тяжело поднялся, уперся руками въ столъ и, не переставая улыбаться, осмотрѣлся кругомъ, точно желая удостовѣриться въ благодушномъ настроеніи публики, откашлялся, хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того опять засмѣялся. Въ публикѣ смѣхъ усилился. Сдѣлавъ надъ собой неимоверное усиліе, лысый господинъ сдавленнымъ голосомъ произнесъ:

— Я не знаю.

И среди всеобщаго хохота опустился на мѣсто.

— Прошу слова!—звучнымъ голосомъ заявилъ эффектный господинъ въ золотыхъ очкахъ, сидѣвшій рядомъ съ Моховымъ.

Предсѣдатель наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Нашъ многоуважаемый Павелъ Павловичъ поручилъ мнѣ сдѣлать слѣдующее заявленіе,—началъ господинъ, играя цѣпочкой.—Ревизіонная коммиссія исчислила пять тысячъ убытку и полагаетъ эту сумму обратить начетомъ на управу. Можно оспаривать каждую строчку доклада коммиссіи, можно оспаривать каждую копѣйку сдѣланнаго ею начета, можно

доказать, что убытки—одна фантазія. Мы и такъ уже посвятили этому вопросу три засѣданія, но я полагаю, что мы будемъ спорить безъ конца и всетаки не придемъ ни къ какому опредѣленному результату. Во всякомъ случаѣ начесть на управу—это мнѣ, убытки—тоже мнѣ. И съ формальной стороны, и по существу, дѣло это выѣденнаго яйца не стоитъ. Павелъ Павловичъ сожалѣетъ, что онъ явился невольною причиною взводимыхъ на управу нареканій. Чтобы разсѣять этотъ туманъ, достаточно обратиться къ документамъ, но Павлу Павловичу угодно избрать другой путь. Онъ заявляетъ, что операція принесла ему не барыши, а убытки, и, тѣмъ не менѣе, онъ вноситъ въ городскую кассу пять тысячъ рублей, сумму, равную исчисленной яко-бы оказавшагося недобора. Куда обратить эту сумму—вопросъ этотъ онъ проситъ обсудить теперь же. Затѣмъ онъ надѣется, что въ дальнѣйшемъ инцидентъ будетъ признанъ исчерпаннымъ.

Рѣчь эта произвела потрясающее впечатлѣніе, главнымъ образомъ, своею неожиданностью. Всѣ были до того ошеломлены, что нѣсколько секундъ царило гробовое молчаніе. Наконецъ, одинъ изъ гласныхъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Это говорите вы, а что же Павелъ Павловичъ?.. Пусть онъ скажетъ самъ.

Тогда поднялся Моховъ и произнесъ только одно слово:

— Жертвую.

Громъ рукоплесканій огласилъ залу. Напрасно незначительная группа протестовала, говоря о какихъ-то принципахъ и о томъ, что дума не можетъ принять пожертвованія отъ господина Мохова,—восторгъ былъ всеобщій. Назначень былъ перерывъ, и огромная толпа плотной стѣной окружила Мохова.

— Bravo, Павелъ Павлычъ!.. разрубилъ гордіевъ узелъ!.. Молодчина!.. Къ чорту комиссію!.. Поздравляю!.. — раздавались голоса.

Моховъ улыбался, кланялся, пожималъ руки...

— Безъ грѣха... чего тутъ!.. по крайности, у меня душа спокойна,—говорилъ онъ.

— Одно слово—молодецъ!..

— А теперь, господа, какого лядя! закрывайте засѣданіе,—продолжалъ Моховъ:—милости прошу ко мнѣ... всѣхъ, всѣхъ прошу, господа!... Чтобы, значитъ, дразговъ этихъ не было... Миръ дороже всего... полюбовно, безъ сумнѣнія... будьте благонадежны исполнѣ... Покорнѣйше прошу!..

— Молодчина, молодчина!... Идемъ, господа!... Павелъ Павлычъ! и комиссію зови, чего тутъ!..

— Прощу удостоить, покорнѣйше прошу... комиссію въ

особенности... Однимъ словомъ, чтобы безо всякаго... полюбовно... и канитель эту бросить...

Цѣлая орава гласныхъ во главѣ съ Моховымъ двинулась изъ залы. Посторонняя публика со смѣхомъ стала расходиться.

III.

Два года спустя наступило у насъ тяжелое и хлопотливое время такъ называемыхъ продовольственныхъ затрудненій. Въ десяти уѣздахъ обнаружился полный неурожай, а такъ какъ въ пяти изъ нихъ уже и въ прошломъ году население сильно пострадало отъ недорода, то въ нынѣшнемъ наступало настоящее бѣдствіе. Учрежденное при губернаторѣ особое продовольственное совѣщаніе, образованное все изъ тѣхъ же губернскихъ сановниковъ, изъ которыхъ формируются вообще разныя коллегіальныя присутствія, это случайное и не предусмотрѣнное закономъ учрежденіе, оттѣснивъ земство, взяло въ свои руки всю продовольственную операцію. Въ первомъ же засѣданіи совѣщанія по докладу статскаго совѣтника Козьякина, рѣшено было прежде всего урегулировать хлѣбныя цѣны въ губерніи. Было вычислено, что продовольственный недочетъ въ десяти пострадавшихъ уѣздахъ съ избыткомъ покрывается урожаемъ двухъ благополучныхъ уѣздовъ, въ виду чего постановили значительную часть необходимаго для продовольственныхъ ссудъ хлѣба закупить въ этихъ двухъ уѣздахъ, установивъ принудительныя цѣны—на рожь 85 копѣекъ за пудъ, на овесъ 60 к. и т. д. Закупку предполагалось произвести черезъ особыхъ коммисіонеровъ, съ уплатою имъ коммисіонныхъ по 5 копѣекъ съ пуда. Для устраненія же конкуренціи и повышенія установленныхъ цѣнъ, воспрещалась въ губерніи всякая частная торговля хлѣбомъ, за исключеніемъ лицъ, снабженныхъ особаго рода свидѣтельствами, о чемъ циркулярно сообщалось всѣмъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ для исполненія. Такимъ образомъ, у насъ введена была хлѣбная монополія. Она просуществовала одинъ мѣсяцъ и два дня. Въ это время разъѣзжали разставленные по дорогамъ пикеты, гарцовали урядники; на рынкахъ, на базарахъ, на пристаняхъ шныряла на-скоро сформированная изъ разныхъ проходивцевъ особая стража, устраивались облавы, выслѣживались, перенимались въ пути и конфисковались обозы и транспорты съ хлѣбомъ; писались протоколы, производились обыски и дознанія, задерживались и подвергались осмотру проходившія по рѣкѣ суда... А цѣны на хлѣбъ за предѣлами этого круга все росли... Разница между установ-

ленными и свободными цѣнами была такова, что полиція за пропускъ хлѣба черезъ границу губерніи взимала по 40 и даже по 50 копѣекъ съ пуда.

Попасть въ число коммиссіонеровъ монополіи добивались очень многіе ловкіе люди. Всѣ мало-мальски вліятельные чиновники, такъ или иначе причастные къ губернаторской канцеляріи или къ продовольственному совѣщанію, осаждены были просьбами похлопотать, посодѣйствовать, указать пути... Павелъ Павловичъ Моховъ, казалось, никого не просилъ, не хлопоталъ, и вдругъ появилась публикація въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что онъ назначается единственнымъ коммиссіонеромъ по закупкѣ хлѣба въ предѣлахъ губерніи на сумму до двухъ милліоновъ рублей. Это извѣстіе тѣмъ болѣе было удивительно, что оно шло въ разрѣзъ съ другимъ, недавно опубликованнымъ постановленіемъ, которымъ число коммиссіонеровъ опредѣлялось до десяти.

— Ну и ловокъ! ахъ ловокъ! эдакого ловкача поискать!— съ восхищеніемъ и завистью говорили про Мохова отвергнутые претенденты.— Молодчина! Онъ, небось, не торговался, какъ другіе сквалыжники, а сообразивши, сразу огрѣлъ ихъ, какъ обухомъ по головѣ... Смѣлости много, что говорить.. Высоко летаетъ, гдѣ-то сядетъ.

Опытные люди, впрочемъ, предрекали Мохову неминуемый крахъ. Говорили, что съ хлѣбнымъ дѣломъ онъ незнакомъ, а дѣло это сложное и капризное, что нѣтъ у него ни амбаровъ, ни подходящихъ служащихъ, что онъ запутается и можетъ вылетѣть въ трубу. Эти предсказанія не оправдались. Подписавъ контрактъ, по которому онъ обязывался покупать хлѣбъ на всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ рынкахъ по установленнымъ цѣнамъ за коммиссіонное вознагражденіе по 8 копѣекъ съ пуда, а также производить въ назначенныхъ пунктахъ мелочную продажу хлѣба для мѣстной потребности, и получивъ первый авансъ въ суммѣ двухъ сотъ тысячъ рублей, Моховъ принялся за дѣло въ высшей степени умѣло и энергично. Сверхъ всякаго ожиданія у него все оказалось на готовѣ и въ полной исправности:—и хлѣбные амбары, и опытные приказчики. Дѣло пошло такъ успѣшно, что черезъ недѣлю потребовался уже новый авансъ...

IV.

И вдругъ монополія была отмѣнена. Это произошло такъ странно и неожиданно, что даже члены продовольственнаго совѣщанія узнали объ этомъ недѣлю спустя и то благодаря распространившимся въ городъ слухамъ. „Какъ? что? почему?

на какомъ основаніи?“ спрашивали другъ у друга, но никто ничего не зналъ. Рассказывали, впрочемъ, слѣдующую исторію, которая послужила будто-бы ближайшею причиною этого губернаторскаго распоряженія. Ночью къ пустынному берегу рѣки Айвы тайно пристала пустая баржа, которую давно уже выслѣживали, и ночью же началась нагрузка хлѣба, спрятаннаго подъ берегомъ. На зарѣ скрывавшійся въ засадѣ отрядъ вооруженныхъ стражниковъ подъ командою станового пристава и одного изъ моховскихъ приказчиковъ накрылъ контрабандистовъ на мѣстѣ преступленія. Собственникъ хлѣба мѣщанинъ Мотыгинъ и хозяинъ баржи купецъ Сажинъ, вмѣстѣ съ рабочими, тутъ же были арестованы, хлѣбъ конфискованъ, баржа опечатана, составленъ былъ протоколъ, и дѣло передано судебной власти. До сихъ поръ такого рода дѣла, возникавшія по протоколамъ полиціи, въ виду циркулярнаго распоряженія, подписаннаго губернаторомъ, оканчивались безусловно обвинительными приговорами, нѣкоторые судьи ухитрялись даже приговаривать виновныхъ къ тюремному заключенію. Но теперь натолкнулись на оригинала-судью, который, въ виду того, что по существующимъ законамъ хлѣбная торговля свободна, оправдалъ и хлѣбнаго торговца, и хозяина баржи, и рабочихъ, освободилъ секвестрованный хлѣбъ, а дѣйствіяхъ же полиціи, какъ о незаконныхъ, постановилъ сообщить подлежащимъ властямъ. Приговоръ этотъ произвелъ страшный переполохъ, полетѣли телеграммы въ губернію... Перепуганнаго на смерть судью потребовали къ губернатору. Проѣхавъ по плохой осенней дорогѣ въ холодъ и слякоть болѣе 200 верстъ, судья, разстроенный и больной, явился къ губернатору и былъ принять имъ очень сурово. Бурное объясненіе кончилось, однако, тѣмъ, что губернаторъ рѣшилъ немедленно отмѣнить монополію, о чемъ въ тотъ же день приказано было телеграфировать уѣзднымъ исправникамъ. Другія учрежденія почему-то были совсѣмъ позабыты, а исправники не смѣли обнародовать полученные ими телеграммы. Слѣдствіемъ этого было то, что объ отмѣнѣ монополіи долго не зналъ никто, кромѣ полиціи. Вскорѣ въ губернскую управу со всѣхъ сторонъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались тревожныя сообщенія, что купленный для земства хлѣбъ усиленно вывозится за предѣлы губерніи, и что полиція при этомъ бездѣйствуетъ. Осторожная управа потребовала дополнительныхъ свѣдѣній, и въ перепискѣ прошло еще нѣсколько дней. Предсѣдатель ѣздилъ къ губернатору, но не былъ имъ принятъ. Правитель же канцеляріи на всѣ разспросы пожималъ плечами и тайнственно улыбался. Управа не знала, что предпринять. Между тѣмъ, хлѣбныя цѣны поднимались съ неимоверною быстротою. Уже на другой день

вмѣсто 85 копѣекъ рожь продавалась по 1 рублю 40 коп., а черезъ недѣлю по 1 руб. 80 к., наконецъ, по 2 руб. за пудъ. Убѣдившись, наконецъ, что отъ монополіи остался одинъ лишь дымъ, управа поспѣшила принять отъ Мохова купленный имъ хлѣбъ, но тутъ оказалось, что весь земскій хлѣбъ уже проданъ и увезенъ безъ остатка. Возвративъ взятые изъ кассы авансы въ суммѣ 480 тысячъ рублей, Моховъ считалъ всѣ расчеты съ управой и продовольственнымъ совѣщаніемъ поконченными. Управа пыталась привлечь его къ суду, но, разумѣется, вполнѣ безуспѣшно. Таковы были печальные результаты хлѣбной монополіи. Моховъ нажилъ на этой операціи полмилліона, за то губернское земство поставлено было почти въ безвыходное положеніе. Продовольственное совѣщаніе больше не созывалось, оно какъ-бы вовсе перестало существовать, и даже протоколы засѣданій оказались затерянными. Управѣ теперь одной приходилось расхлебывать заваренную кашу. О колоссальномъ мошенничествѣ Мохова, которое точно придавило всѣхъ и лишило мужества самыхъ храбрыхъ людей, говорили шопотомъ и не иначе, какъ подъ величайшемъ секретомъ. Всѣ съ ужасомъ думали о томъ, что будетъ дальше. Навигація прекратилась, наступала зима, хлѣбъ надо было покупать чуть не за тридевять земель, а желѣзныя дороги были завалены грузами... Губернія могла совсѣмъ остаться безъ хлѣба...

V.

Когда стало извѣстно, что въ сосѣднихъ губерніяхъ распоряженіемъ мѣстныхъ властей прекращенъ пропускъ хлѣбныхъ грузовъ и что поэтому партія хлѣба, купленная въ Сибири, будучи задержана, лежитъ гдѣ-то безъ движенія, всѣми овладѣла настоящая паника. Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій было созвано чрезвычайное губернское земское собраніе, уже третье по счету въ этомъ году. О неудачной хлѣбной операціи, о монополіи, въ докладѣ управы не упоминалось ни однимъ словомъ, молчали объ этомъ и въ собраніи, какъ будто ничего этого и не было вовсе. Одинъ изъ гласныхъ „весьма нетактично“, по выраженію предсѣдателя, началъ было говорить о томъ, что по закону хлѣбная торговля свободна, и что законъ не можетъ быть отмѣненъ административнымъ распоряженіемъ, но былъ сурово остановленъ въ самомъ же началѣ, а когда тотъ же гласный внесъ предложеніе ходатайствовать о сохраненіи законнаго порядка въ разрѣшеніи продовольственныхъ затрудненій, всѣ съ такимъ испугомъ, почти съ ужасомъ отнеслись къ этимъ словамъ, точно они были призывомъ къ бунту.

Дипломатически умолчавъ о неудачномъ опытѣ съ монополіей, собраніе, тѣмъ не менѣе, постановило для наблюденія за правильностью продовольственныхъ операцій избрать изъ своей среды особыхъ уполномоченныхъ. Въ этомъ постановленіи усмотрѣнъ былъ скрытый намекъ, желаніе уколоть, набросить тѣнь... Обидѣлся губернаторъ, обидѣлись члены продовольственнаго совѣщанія, и долго по этому поводу велись деликатнаго свойства переговоры. Наконецъ, благодаря находчивости и дипломатическимъ талантамъ председателя собранія, кое-какъ это было улажено, уполномоченные избраны, собраніе закрылось, гласные разъѣхались успокоенные.

О Моховѣ все не было ни слуху, ни духу. Стыдно ли ему было, или онъ боялся выраженій неудовольствія со стороны одураченныхъ имъ людей, или онъ занятъ былъ гдѣ-нибудь другими дѣлами, можетъ быть, такими же мошенническими—никто не зналъ, только онъ все еще не появлялся на нашемъ горизонтѣ. Наступалъ конецъ февраля. Голодъ былъ въ полномъ разгарѣ, свирѣпствовали тифъ и цынга даже въ „благополучныхъ“ уѣздахъ, отголоски народнаго бѣдствія назойливо и безпокойно давали о себѣ знать всюду... Огромныя массы нищихъ бродили по улицамъ города, не смотря на запрещеніе полиціи... Въ пользу голодающихъ устраивались балы, вечера, благотворительные базары, давались спектакли и концерты, ставились живыя картины... Никогда еще нашъ городъ такъ не веселился, какъ въ эту зиму. И вотъ, однажды, на одномъ изъ благотворительныхъ спектаклей въ театрѣ появился Моховъ. Его замѣтили, и галерка стала ему шикать. Онъ, ухмыляясь, съ удивленіемъ посмотрѣлъ наверхъ. Галерка зашикала еще сильнѣе, къ ней присоединился второй ярусъ и амфитеатръ, кто-то крикнулъ: „Моховъ! воръ!“ Крикъ этотъ подхватили. „Мошенникъ!.. кровопійца!“.. Моховъ вдругъ поблѣднѣлъ, сталъ тревожно застегивать пуговицы сюртука, заторопился и вышелъ изъ ложи. На другой день стало извѣстно, что онъ пожертвовалъ на голодающихъ въ распоряженіе ея превосходительства десять тысячъ рублей. Передъ такой щедростію никто не могъ устоять, и Мохова простили. Объ этомъ пожертвованіи разрѣшено было помѣстить восторженную статью въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а когда Моховъ представилъ образцы изобрѣтеннаго имъ хлѣба изъ соломенной муки съ незначительною примѣсью ржаныхъ отрубей, — его пригласили въ качествѣ свѣдущаго человѣка постояннымъ членомъ продовольственнаго совѣщанія, которое опять было призвано къ жизни и вступило въ свои права.

VI.

Однажды (помнится, это было въ концѣ марта) мнѣ пришлось секретарствовать на одномъ изъ засѣданій этого совѣщанія за болѣзнію настоящаго секретаря. Засѣданіе назначено было въ губернаторскомъ домѣ въ необычное время, въ 11 часовъ утра, по одному весьма экстренному случаю. Мнѣ извѣстно было только, что уполномоченнымъ земства Соломинымъ было забракковано на Нижней Пристані 20 вагоновъ муки, какъ совершенно негодной къ употребленію. Соломинъ въ оправданіе своихъ дѣйствій представилъ образцы, протоколъ санитарной комиссіи и два анализа химической лабораторіи. Такая предусмотрительность Соломина имѣла свои основанія. Все это почему-то очень не понравилось губернатору, онъ все говорилъ о какомъ-то полученномъ имъ письмѣ, о телеграммѣ княгини Амалатбекъ-Подкорытовой, о князѣ Чухаревскомъ, у котораго были большія связи въ свѣтѣ и котораго нельзя было „подводить“. Какъ можно было предполагать, губернаторъ настаивалъ на томъ, чтобы принять хлѣбъ помимо уполномоченнаго; управа не соглашалась.

Я пришелъ на засѣданіе въ половинѣ одиннадцатаго, но тамъ уже были управляющій казенной палатой Перемоловъ и старшій совѣтникъ губернскаго правленія Лопаревъ. Они стояли у окна и оживленно разговаривали въ полголоса.

— И такая не деликатность! — съ миной сожалѣнія на лицѣ говорилъ совѣтникъ: — на что это похоже!.. Просить самъ... понимаете, просить и при томъ въ деликатнѣйшихъ выраженіяхъ... и что же?.. Грубый отказъ. Вы понимаете?... Нѣтъ-съ, какъ хотите, а это не того... я не понимаю... И, знаете, онъ ничѣмъ не рискуетъ: его превосходительство все беретъ на себя... вы понимаете?.. Нѣтъ, это или упрямство, или я не знаю что... Не понимаю, не понимаю. Надо имѣть его терпѣніе, его ангельскую доброту...

— Да, да... именно, именно, — задумчиво глядя въ окно, вторилъ управляющій казенной палатой.

— Не хотите ли полюбопытствовать? Вотъ этотъ хлѣбъ... онъ, право же, не дуренъ.

Оба подошли къ столу, по срединѣ котораго стояло массивное серебряное блюдо съ надписью: „хлѣбъ-соль отъ крестьянъ Никитинской волости“; на блюдѣ лежалъ аккуратно разрѣзанный каравай чернаго хлѣба. Ущипнувъ по крохотному кусочку, оба стали жевать.

— Ничего, — промолвилъ управляющій: — все-таки ѣсть, кажется, можно.

— И, замѣтите, здѣсь меньше половины обыкновенной муки, гораздо меньше.

— Затхлость всетаки есть.

— Ну да, ну да... Но когда народъ ѣстъ лебеду и мякину я полагаю, нечего ужъ такъ разбирать.

— Само собой.

Въ залу вошли миллионеръ Паркетовъ и пароходовладѣлецъ Елкинъ, они тотчасъ же были приглашены дежурнымъ чиновникомъ въ губернаторскій кабинетъ; затѣмъ пришли: управляющій контрольной палатой, прокуроръ, предсѣдатель губернской управы, врачебный инспекторъ, какой-то неизвѣстный мнѣ чиновникъ со звѣздой, какой-то купецъ и еще нѣсколько чиновниковъ. Зала быстро наполнялась, сталолюдно и шумно. Ходили группами и попарно, сидѣли на стульяхъ вокругъ стола, на диванахъ вдоль стѣнъ и на окнахъ; одни разговаривали, другіе съ скучающимъ видомъ разсматривали на стѣнахъ картины и старинные портреты... Была уже половина перваго, а губернаторъ все не выходилъ. Къ нему позвали купца, потомъ господина со звѣздой. Два раза выходилъ чиновникъ въ вицъ-мундирѣ и громко спрашивалъ:

— Господа, здѣсь Павелъ Павловичъ Моховъ?

— Нѣту, нѣту,—отвѣчали ему.

Чинovníкъ нетерпѣливо пожималъ плечами и бѣжалъ въ переднюю, должно быть, распорядиться розысканіемъ Мохова.

Наконецъ, около половины второго дверь кабинета отворилась и на порогъ ея, разговаривая съ Паркетовымъ и Елкинымъ, показался губернаторъ; позади его находилась свита изъ бывшихъ въ кабинетѣ гостей.

— Вы понимаете... невозможно... князь Чухаревскій... княгиня Амалатбекъ-Подкорытова... я надѣюсь на васъ, господа...—слышались отрывки изъ разговора губернатора.

Паркетовъ, наклонивъ голову въ знакъ величайшаго вниманія, учтиво и холодно слушалъ. Елкинъ, юркій и бойкій человѣчекъ, быстро и бойко твердилъ:

— Будьте въ покоѣ, будьте въ покоѣ, ваше превосходительство.

Скорбное лицо губернатора выражало крайнюю степень утомленія и заботы. Онъ, казалось, съ трудомъ, черезъ силу цѣдилъ слова, разсѣяннó смóтрѣлъ въ пространство, какъ-будто прозрѣвая невидимыя другимъ чрезвычайно горестныя перспективы, и одиноко страдалъ. Къ нему шумнымъ потокомъ хлынула вся толпа. Нѣкоторымъ губернаторъ протягивалъ руку, небрежно, не глядя и не прерывая разговора съ Паркетовымъ. Тотъ, кому подавалась рука, какъ-будто съ радостью, съ испугомъ и удивленіемъ бросался впередъ, наклонялся, пожималъ эту руку и отходилъ съ печатью счастья

на лицѣ. Я замѣтилъ, что губернаторъ съ особенной и, видимо, умышленной небрежностью протянулъ два пальца председателю губернской управы. Блѣдное, истомленное лицо председателя вспыхнуло, но все же онъ пожалъ протянутые ему пальцы. Губернатора окружили сплошною стѣной.

— Господа!—началъ онъ, возвысивъ голосъ и оглядывая всѣхъ унылымъ взоромъ,—я надѣюсь на васъ, господа... на всѣхъ васъ... Дѣло чрезвычайной важности... Надо выручить человѣка... вы понимаете?... Моя губернія, и не могу... я не могу допустить скандала... Необходимо это уладить... домашнимъ образомъ... безъ шуму... вы понимаете?... Меня просили... я получилъ письмо... даже телеграмму... князь Чухаревскій человѣкъ вліятельный... Вотъ для чего я собралъ васъ, господа... Садитесь, господа.

Всѣ шумно стали занимать мѣста. Хотя рѣчь шла о вещахъ, о которыхъ присутствовавшіе могли вовсе не знать ничего, губернаторъ говорилъ такъ, какъ-будто онъ были давно уже всѣмъ извѣстны со всѣми подробностями.

— Прошу всесторонне обсудить,—продолжалъ губернаторъ:—дѣло нешуточное..

— Что жъ, все зависить отъ Семена Иваныча,—сказалъ Елкинъ и посмотрѣлъ на председателя губернской управы, который, не поднимая глазъ, чрезвычайно внимательно рисовалъ что-то на бумагѣ.—Надо просить Семена Иваныча.

— Да, да,—съ горькой улыбкой промолвилъ губернаторъ:—я уже просилъ, попросите вы господа...

— Просить!.. просить Семена Иваныча... покорнѣйше просимъ...—нерѣшительно отозвалось нѣскольکو робкихъ голосовъ.

Председатель, не отрываясь, все продолжалъ рисовать, что, повидимому, очень раздражало губернатора, неспускавшаго глазъ съ его карандаша.

— Вамъ сейчасъ покажутъ хлѣбъ, господа,—началъ губернаторъ:—хлѣбъ, который...—Онъ остановился и сдѣлалъ знакъ чиновнику, стоявшему въ сторонѣ.—Хлѣбъ, который выпеченъ изъ забракованной муки съ нѣкоторой примѣсью настоящей... Пожалуйста, вотъ, не угодно ли?

Чиновникъ сталъ обносить вокругъ стола серебряное блюдо съ хлѣбомъ. Нѣкоторое время въ залѣ слышно было одно только чавканіе. Чиновники нюхали хлѣбъ, потомъ жевали его и глотали, поднявъ глаза кверху, съ такимъ видомъ, какъ-будто они къ чему-то прислушивались.

— Ну что?... ну какъ?...—спрашивалъ губернаторъ.

Чиновники стали хвалить хлѣбъ.

— Отличный хлѣбъ... чего жъ еще?... Въ самомъ дѣлѣ, превосходный... положительно великолѣпный...

— Да, да,—подтвердилъ губернаторъ:—и я говорю... и я говорю то же самое...

Чиновникъ, обойдя вокругъ большого стола, поставилъ серебряное блюдо на мой одинокій секретарскій столикъ. Я взялъ ломтикъ хлѣба и сталъ съ любопытствомъ изслѣдовать. По виду онъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго хлѣба, кромѣ цвѣта, имѣвшаго зеленоватый оттѣнокъ. Терпкій, пряный, сладковато-затхлый вкусъ слегка заглушался запахомъ нарочито прибавленной мятной эссенціи. Чиновники продолжали чавкать и хвалить хлѣбъ.

— Превосходный... чего еще нужно?... я не понимаю, чего еще нужно?...—раздавались голоса.—Семень Иванычъ, вы попробуйте... превосходный... Конечно, затхлость... но, вѣдь, это же бываетъ...

— Если мы будемъ браковать такой хлѣбъ въ голодное время, когда у массы населенія нѣтъ никакого хлѣба, когда ѣдятъ мякину, лебеду и всякую дрянь,—съ необыкновенной горячностью, точно подстегивая самого себя, заговорилъ старшій совѣтникъ,—если, я говорю, мы будемъ браковать такой хлѣбъ, то мы вовсе останемся безъ хлѣба... Надо помнить, господа, о голодающемъ населеніи, которому не до нѣжностей, которому нуженъ хлѣбъ и совсѣмъ ненужно деликатесовъ.

— Совершенно вѣрно... совершенно правильно... вотъ это вѣрно...—послышались одобрительные возгласы.

— Именно, именно-съ,—вполголоса промолвилъ и губернаторъ, благосклонно посмотрѣвъ на оратора.

— И я скажу,—все болѣе и болѣе подстегивая себя и все болѣе и болѣе разгораясь, продолжалъ старшій совѣтникъ:—и я прямо скажу, что это ничто иное, какъ личный капризъ... либеральная фрonda... да-съ... но мы должны стать выше каприза этихъ личностей... Да-съ, потому что это упрямство и капризъ... и это недостойно, да-съ, недостойно человека, сознающаго свои обязанности... Я прошу извиненія, потому что я человекъ прямой.

Предсѣдатель губернской управы, который при послѣднихъ словахъ сталъ блѣденъ, какъ платокъ, нагнувшись, вытащилъ изъ-подъ стола два холщевыхъ мѣшка съ слѣдами красныхъ сургучныхъ печатей и вытряхнулъ изъ нихъ на столъ вмѣстѣ съ пылью какіе-то зеленовато-сѣрые, бѣлые и совершенно черные слежавшіеся комья.

— Позвольте мнѣ сказать,—обратился онъ затѣмъ губернатору.

Губернаторъ сморщился.

— Да, но только, пожалуйста, безъ личностей,—произнесъ онъ брезгливо.

— Хорошо, я не буду отвѣчать на оскорбленіе,—началь

предсѣдатель, задыхаясь и едва выговаривая слова:—я приступлю прямо къ дѣлу. Вотъ образцы, присланные уполномоченнымъ губернскаго земства Соломинымъ. Они еще не были осмотрѣны совѣщаніемъ. Я обращаю на нихъ ваше вниманіе... Посмотрите: это, все, что угодно, только не хлѣбъ, и управа по совѣсти не можетъ голодающему населенію выдавать продовольственныя ссуды этимъ продуктомъ... Это значило бы вмѣсто хлѣба подать голодному камень. И вотъ тому доказательства: протоколъ санитарной коммисіи и два анализа. Я покорнѣйше просилъ бы ознакомить членовъ совѣщанія съ этими документами.

Хотя слова предсѣдателя лишь въ самой микроскопической долѣ выражали ту правду, которую онъ долженъ былъ бы сказать и которая для всѣхъ была очевидна, они приняты были очень дурно, какъ небывалая, неслыханная дерзость. Повидимому, онъ и самъ такъ смотрѣлъ на свои слова. Когда онъ сѣлъ, мнѣ показалось даже, что онъ сейчасъ же разразится истерическими рыданіями.

Наступило молчаніе, которое никто не рѣшался прервать. Одни съ бессмысленными лицами, другіе натянуто улыбаясь, третьи сердито нахмурившись и опустивъ глаза, сидѣли и молчали. Губернаторъ, въ началѣ красный отъ гнѣва, теперь былъ блѣденъ и желтъ, какъ лимонъ. Въ рукахъ его прыгалъ карандашъ, и лѣвую бровь судорожно подергивало.

— Я настаиваю, ваше превосходительство, на прочтеніи документовъ,—повторилъ предсѣдатель.

— Вы настаиваете?—тихо промолвилъ губернаторъ низкимъ голосомъ.—Хорошо. Прочтите, Иванъ Ивановичъ.

Старшій совѣтникъ среди зловѣщаго молчанія сталъ читать. Во время этого чтенія одинъ изъ членовъ совѣщанія вдругъ поблѣднѣлъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, блѣдный и какъ-будто озябшій, и сказалъ на ухо своему сосѣду:

— Знаете, со мной случился „фридрихъ“... кажется, хлѣбецъ-то, дѣйствительно, того...

— Да, и меня какъ-будто мутить,—шопотомъ отвѣчалъ сосѣдъ.

Спустя минуту также поспѣшно вышелъ еще одинъ членъ совѣщанія и также вернулся блѣдный и какъ-будто озябшій, за нимъ третій...

Къ губернатору неслышными шагами подошелъ лакей.

— Чего тебѣ?—строгимъ шопотомъ, нахмувшись, спросилъ губернаторъ.

— Господинъ Моховъ просятся войти.

— А-а!—живо и радостно воскликнулъ губернаторъ:—какъ это хорошо! Гдѣ же онъ? Зови, зови. Позвольте, господа...

позвольте, Иванъ Ивановичъ... на минуточку... Павла Павловича подождемъ... А-а! вотъ и Павелъ Павловичъ.

Въ залу вошелъ толстый, солидный и важный господинъ—я едва узналъ въ немъ Мохова. Онъ былъ во фракъ, въ бѣломъ галстухѣ, борода и волосы были подстрижены; на животѣ висѣла толстая золотая цѣпь.

— Гдѣ же вы пропадали?

— Дѣльце было... маломальское... не могъ раньше... прошу извинить,—говорилъ Моховъ сочнымъ басомъ, здороваясь съ губернаторомъ и дѣлая общій поклонъ. На лицѣ его играла прежняя беззаботно веселая, радостная и немного придурковатая, знакомая мнѣ улыбка. Тягостное состояніе нравственнаго разлада и подавленности съ появленіемъ Мохова разсѣялось, какъ дымъ. Скорбныя складки на лицѣ губернатора разгладились, онъ оживленно и привѣтливо улыбался.

— Садитесь, садитесь... Васъ-то и надо, почтеннѣйшій,—говорилъ онъ шутливо:—мы безъ васъ голову потеряли... Помогайте, выручайте.

— Радъ служить, ваше превосходительство.

— Впрочемъ, надо васъ познакомить... Дѣло въ томъ...

— Я знаю. Велика ли партія?

— Двадцать вагоновъ.

— Порядочная. Это образцы?

— Да, да, а вотъ испеченъ хлѣбъ.

На хлѣбъ Моховъ не обратилъ никакого вниманія, за то подвергъ тщательному изслѣдованію слежавшіеся комья муки: нюхалъ, растиралъ ладонями, жевалъ, мѣсилъ тѣсто...

— Ну, что же... я покупаю,—сказалъ онъ, отряхивая руки и утираясь платкомъ.

— Какъ?... покупаете?... что покупаете?..

— Покупаю всю партію.

— Павелъ Павловичъ! да неужели? не можетъ быть... Но по какой цѣнѣ?

— По настоящей цѣнѣ покупаю.

— Но вы не шутите? какъ по настоящей?—Этого не можетъ быть.

— Нѣтъ, я серьезно говорю.

— Ахъ, Боже мой!.. но ужъ это слишкомъ!.. Они уступать, непременно уступать, двадцать или тридцать процентовъ... Они просили меня, не болѣе тридцати...

— Нѣтъ, зачѣмъ же?... Князь вѣдь не виноватъ, къ чему его обижать... Нѣтъ, пушай ужъ за настоящую цѣну...

— Ахъ, Павелъ Павловичъ! вы золотой человѣкъ!

Губернаторъ былъ радъ, какъ ребенокъ.

— Но куда же вы съ этой мукой?—спросилъ предсѣдатель,

изъ всѣхъ весело улыбающихся людей одинъ злобно и презрительно глядя на Мохова.

— А ужъ это наше дѣло. Мучка хорошая-сь. Сбудемъ и еще пользу возьмемъ. Въ нашемъ оборотѣ уйдетъ.

— Ахъ, какъ радъ, какъ я радъ!—говорилъ губернаторъ.— Слава Богу. Ну, что же, господа? я думаю, засѣданіе можно закрыть? Все разрѣшено, все улажено, о чемъ же еще разсуждать?.. Впрочемъ, ахъ, да!.. позвольте, господа, на одну минуту... Не угодно ли благодарить Павла Павловича?..

— Вѣрно, ваше превосходительство!.. благодарить, благодарить!.. Спасибо, Павелъ Павловичъ! покорно благодаримъ!..— дружнымъ и радостнымъ хоромъ загворили всѣ, окружая Мохова и губернатора.

— Ура!—закричалъ кто-то. Этотъ крикъ подхватили многіе и даже самъ губернаторъ.

— Спасибо, спасибо...—говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Золотой, неоцѣненный вы человѣкъ!.. Позвольте разцѣловать васъ, какъ друга, какъ брата...

Новый крикъ восторга потрясъ воздухъ...

Я поспѣшно собралъ свои бумаги и вышелъ. Въ прихожей догналъ меня предсѣдатель.

— Вотъ что дѣлають.—сказалъ онъ, торопливо одѣваясь и отъ волненія не попадая въ рукава.

VII.

Вечеромъ того же дня я сидѣлъ въ столовой дворянскаго клуба и читалъ газеты. Мимо меня взадъ и впередъ торопливо бѣгали лакеи во фракахъ. Изъ сосѣдней комнаты доносились взрывы пьянаго хохота, говоръ и шумъ: очевидно, тамъ проводила время какая-то очень веселая компанія. Шумъ все возрасталъ, запѣли какую-то пѣсню нестройнымъ хоромъ... Наконецъ, веселье достигло такихъ размѣровъ, что лакеи начали переглядываться между собою съ нѣкоторымъ беспокойствомъ. Въ это время вышелъ изъ двери толстый господинъ—это былъ Моховъ. За нимъ выскочилъ знакомый мнѣ адвокатъ Парамоновъ и схватилъ его сзади за фалды фрака. Онъ былъ пьянъ и слегка покачивался на ногахъ.

— Постой, постой! ты куда?—кричалъ онъ.—Не удерешь!.. Ты тебя еще качать будемъ.

— Я того... мнѣ надобно по дѣлу... я сейчасъ вернусь... й-ей, вернусь...—упрашивалъ его Моховъ въ полголоса.—Поталуйста, не удерживай.

— Врешь, врешь!.. Что это такое? какъ же мы безъ тебя? езь тебя мы съ тоски умремъ!.. Нѣ-этъ, братъ, погоди! не изстраивай компаніи, сдѣлай такое одолженіе.

Моховъ былъ совершенно трезвъ: видно, и теперь онъ не измѣнилъ своему правилу не употреблять спиртныхъ напитковъ.

Адвокатъ вдругъ замѣтилъ меня и съ радостью пьянаго человѣка устремился въ мою сторону.

— Ба! кого я вижу!.. вотъ-то сюрпризъ!.. Вы знакомы?.. Моховъ! Павелъ Павлычъ! это мой закадычный.

Адвокатъ назвалъ мою фамилію.

— А это... это...—продолжалъ онъ, театральнымъ жестомъ указывая на Мохова:—это самый лучший человѣкъ на свѣтѣ... самый добрый, самый тароватый, самый умный, честнѣйшій и почтеннѣйшій Павелъ Павловичъ Моховъ.

— Они меня знаютъ,—сказалъ Моховъ,—какъ же-съ... они меня знали еще тогда, когда я однимъ хлѣбомъ да лукомъ питался...

— Неужели?.. О, Боже милосердный!.. старое знакомство, воспоминанія юности!—восторженно говорилъ адвокатъ.—Шампанскаго по этому случаю! Моховъ, ты чего же?..

Принесли шампанскаго.

— Господа!—началъ адвокатъ заплетающимся языкомъ, поднимая бокалъ:—я пью за сословіе, въ рукахъ котораго наше будущее, наша надежда, наше спасеніе... Оно—соль земли!.. Да, да... Я пью за представителя его, въ которомъ пышнымъ цвѣтомъ сочетались всѣ наилучшія черты, всѣ наилучшія свойства его, который является нашей славой и гордостью, за почтеннѣйшаго, всѣми уважаемаго, всѣми любимаго Павла Павловича Мохова... урра!..

А. Погорѣловъ.

ПО ФИНЛЯНДИИ.

(Путевыя впечатлѣнія и замѣтки).

(Окончаніе.)

Хирвйярви—Каяна. Шестьдесятъ два километра въ одни сутки! 16-го около семи часовъ утра я вышла изъ Хирвйярви, а 17-го въ половинѣ восьмого я была въ Каянѣ—итого ровно шестьдесятъ два километра въ одни сутки, правда,—почти безъ сна, но я чувствую себя отлично, хотя съ трудомъ ступаю на ноги. И при чемъ же тутъ „женственность“?

Эта мысль неоднократно приходила мнѣ въ голову, когда мнѣ пришлось путешествовать по горамъ Кавказа со своими воспитанницами. Трудно повѣрить, какія лишенія, трудности и опасности переносили эти, повидимому, изнѣженные питомцы привилегированнаго закрытаго учебнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ. Стоило имъ только проникнуться убѣжденіемъ, что это хорошо, что такъ нужно, и онѣ мужественно, безъ ропота, аховъ и вздоховъ, шли на опасности, холодъ, голодъ, ночевки въ палаткахъ, на землѣ (немного ниже вѣчнаго снѣга)... Тамъ—я не видѣла ни женской мелочности, ни кривляній; тамъ—дѣвочки не отступали ни предъ какими препятствіями; тамъ—въ критическія минуты, когда и взрослому мужчинѣ было бы впору сробѣть, ни одна не проявила малодушія; и онѣ бодро и весело шли по головокружительнымъ стремнинамъ, какъ будто всю жизнь провели среди этой обстановки...

Впрочемъ, разъ одна изъ воспитанницъ проявила привитую ей женственность: на обратномъ пути она поплакала... о томъ, что путешествіе уже кончается и скоро надо будетъ опять превратиться въ благовоспитанную дѣвицу...

Бѣдныя дѣти... За что онѣ лишены возможности испытывать то, что развиваетъ силу и мужество, укрѣпляетъ духъ и расширяетъ умственный кругозоръ?.. Онѣ ограничены во всемъ: въ общеніи съ природой, въ проявленіи товарищескихъ чувствъ, въ наукахъ и искусствахъ, и даже—въ физическомъ развитіи... Все

направлено къ созданію дѣтопроизводительницъ, да и то очень несовершенныхъ, такъ какъ въ результатѣ получается, что онѣ для этого слишкомъ слабы, а вся ихъ физическая и нравственная энергія тратится на флиртъ—надо же ей куда нибудь расходоваться...

Всѣ очень искренно и очень наивно возмущаются изуродованными ножками китайскихъ женщинъ... Какъ будто цивилизованные народы не уродуютъ точно такъ же тѣло и душу женщины?..

Здѣсь,—въ глубинѣ и тишинѣ лѣсовъ, испытывая глубокія и здоровыя ощущенія,—я неоднократно вспоминала педагоговъ, которые съ варварской убѣжденностью изгоняютъ физическія упражненія, сокращаютъ до минимума умственную работу и заключаютъ дѣтей въ нравственные и физическіе тиски...

Дорога отъ Хирвиярви до Курунперя идетъ по однообразной болотистой мѣстности, поэтому меня не особенно тянуло къ останковамъ. До часу дня я уже успѣла пройти двадцать семь верстъ, нигдѣ не заходя въ домъ и отдохнувши только разъ въ лѣсу. Въ Муртомяки (на картѣ какое-то другое названіе) я сдѣлала привалъ, но мнѣ тамъ ужасно не приглянулись люди, которые смотрѣли на меня съ какимъ-то холоднымъ, почти недоброжелательнымъ любопытствомъ. Въ этой глуши чужестранцы, повидимому,—большая рѣдкость; и ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ финскаго, нельзя быть понятнымъ; даже шведскій крестьянамъ совсѣмъ не знакомъ.

Къ тремъ, четыремъ часамъ я достаточно отдохнула и рѣшила идти дальше до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ. Глушь, одиночество, малодружелюбное отношеніе населенія, тишина лѣса и скучное однообразіе мѣстности наводили на меня какое-то жуткое уныніе; меня стало тянуть скорѣе впередъ, скорѣе увидѣть какую нибудь существенную перемѣну въ окружающей обстановкѣ. Не смотря на то, что время было уже къ вечеру, а до Кааны оставалось больше тридцати верстъ—у меня явилась мысль, что я могла бы еще поспѣть къ восьмичасовому пароходу на другой день, если пройти сегодня достаточно и выйти утромъ часа въ три, четыре.

Дѣйствительно, часамъ къ восьми вечера я была уже у послѣдней отъ Кааны станціи; однако, какъ я ни устала, я не осталась здѣсь ночевать, такъ какъ на столбѣ разстояніе до Кааны значилось въ двадцать одну версту, а пройти столько утромъ, до восьми, было бы слишкомъ трудно. Поэтому я пошла дальше, рассчитывая найти ночлегъ версты черезъ двѣ, три, чтобы выиграть себѣ на ночь лишній часъ отдыха. Кому приходилось ходить пѣшкомъ много, до сильнаго утомленія, почти до изнеможенія, тотъ долженъ понять какую трудную борьбу я вынесла

передъ верстовымъ столбомъ около станціи. Я прошла уже въ этотъ день сорокъ одинъ километръ, каждый лишній шагъ требовалъ большихъ усилій; здѣсь, на станціи меня ждалъ вѣрный отдыхъ, а отправляясь дальше, я рисковала не найти ночлега... Но меня уже слишкомъ тянуло впередъ... Можетъ быть, было бы вѣрнѣе сказать, что меня тянуло назадъ—въ Петербургъ... мучительно захотѣлось услышать знакомую рѣчь, увидѣть знакомыя лица... Остановиться сейчасъ—значить сильно уменьшить свои шансы поспѣть завтра въ Кааяну къ пароходу... И я пошла... На разстояніи приблизительно одного километра отъ станціи я прошла хорошій, приличный домъ и съ сожалѣніемъ оглянулась на него, но впереди былъ виденъ столбъ на перекресткѣ дорогъ, и я направилась къ нему; дорога направо вела въ Кааяну, налево—къ Вимпели. Меня вдругъ взяло сомнѣніе: а что если я не встрѣчу долго жилья... сорокъ два километра давали себя чувствовать, даже слишкомъ... Кромѣ того, хорошо бы справиться относительно парохода... У большого дома стояло нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ... Я нѣсколько минутъ колебалась—мнѣ казалось ужасно обиднымъ пройти съ десятокъ сажень въ обратномъ направленіи. Подойдя къ дому, я спросила относительно парохода и получила удовлетворительный отвѣтъ—завтра утромъ въ восемь часовъ; тогда я спросила, есть ли близко ночлегъ по дорогѣ въ Кааяну. Увы, отвѣтъ былъ отрицательный и мнѣ показали на виднѣвшуюся вдаль станцію, гдѣ можно переночевать. Я постаралась объяснить, что это слишкомъ далеко, а я тороплюсь поспѣть завтра къ пароходу и потому прошу дать мнѣ ночлегъ здѣсь. Однако, мнѣ упорно указывали на станцію... Мнѣ кажется, что я скорѣй согласилась бы остаться на ночь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ вернуться за версту обратно. У самаго перекрестка стояла крошечная торпарская избушка—я направилась къ ней, постучалась, вошла.

Въ крошечной комнатукѣ, сажени полторы длины и ширины, сидѣла молодая женщина, укачивавшая на рукахъ ребенка. Я поздоровалась и спросила, могу ли я здѣсь переночевать. Она приподнялась, отвѣчая на мое привѣтствіе, и со смущенной улыбкой проговорила:

— Terwetultua (милости просимъ).

Въ самомъ дѣлѣ—было отъ чего смутиться; могла ли она понять, что заставляло меня остановиться здѣсь, въ этой клѣтукѣ, гдѣ не было ничего, кромѣ узенькихъ лавокъ по стѣнамъ, когда сего за одинъ километръ можно было найти прекрасно благоустроенный ночлегъ... Однако, ея отвѣтъ давалъ мнѣ право пристѣсть на лавку, что я и сдѣлала съ наслажденіемъ.

Тѣмъ временемъ въ группѣ около большого дома произошло какое-то движеніе: мнѣ было видно въ окно, что кто-то изъ готовившихъ направился къ торпарскому двору и вошелъ въ дру-

гую лачужку на этомъ дворѣ. Потомъ явилась финочка, лѣтъ тринадцати, четырнадцати, и стала мнѣ объяснять, что можно переночевать у нихъ въ домѣ, который находится дальше, по дорогѣ въ Каяну. Я колебалась недолго—здѣсь положительно негдѣ было лечь, а идти впередъ я была готова, не смотря на всю свою усталость.

На пути къ дому моя юная спутница почти насильно отняла у меня котомку, за что я была ей очень благодарна, такъ какъ насилу передвигала ноги. Изба, въ которую она меня привела, оказалась довольно большой и неприглядной, очевидно совсѣмъ не приспособленной для приѣма путешественниковъ, такъ что я тамъ была случайной и необычайной гостьей. Это и сказалось въ отношеніи хозяевъ, которые были не только очень предупредительны, но еще съ большимъ интересомъ относились ко всему, что я дѣлала, считая лишнимъ предоставить меня самой себѣ; такъ что сколько я ни выжидала, я не могла дожидаться, чтобы онѣ ушли, и была вынуждена въ ихъ присутствіи умываться, раздѣваться и укладываться спать. Мать и двѣ дочери чинно усадились рядомъ и сосредоточенно наблюдали всѣ мои дѣйствія, изрѣдка и шопотомъ перекидываясь замѣчаніемъ по поводу какой нибудь особенно любопытной подробности моихъ манипуляцій.

Раньше чѣмъ лечь спать я объяснила хозяйкѣ, что уйду рано утромъ между двумя и тремя часами, когда еще всѣ будутъ спать, и что поэтому я хочу расплатиться за ѣду и ночлегъ теперь же, чтобы уходя никого не будить. Благодаря участію двухъ дѣвочекъ, которыя съ интересомъ вели объясненія по книгѣ, все было разъяснено довольно быстро.

Лечь мнѣ пришлось на полу, такъ какъ я рѣшительно отказалась воспользоваться двумя раздвижными кроватями, стоявшими въ комнатѣ и показавшимися мнѣ весьма подозрительными. Въ-мѣсто сѣна, которое я просила подослать, мнѣ принесли совершенно мокрой травы; поверхъ нея была постлана грубая холстина, а потомъ простыня; все это черезъ нѣсколько минутъ сдѣлалось влажнымъ и холоднымъ. Не смотря на то, что я улеглась только около одиннадцати часовъ, и не смотря на пройденные сорокъ три километра, я никакъ не могла уснуть: мнѣ было холодно и жестко, и сыро, и все казалось, что что-то ползетъ; я каждыя пять минутъ зажигала спичку, чтобы посмотреть въ чемъ дѣло, и въ то же время съ грустью взглядывала на часы—время шло, а отдыха не было. Около двѣнадцати часовъ я начала было засыпать, но въ это время стали укладываться хозяева, спавшіе въ этой же комнатѣ, и я окончательно почувствовала, что мнѣ не заснуть; да теперь уже было и опасно засыпать, такъ какъ я могла бы проспять часа четыре, не просыпаясь, и тогда нужно было бы проститься съ мыслью поспѣть къ восьми часамъ въ Каяну: оставалось еще около 19 километровъ, которые я не мо-

гла бы пройти съ обыкновенной скоростью, въ виду предыдущаго утомительнаго дня и скверно проведенной ночи. Поэтому я рѣшила совсѣмъ не засыпать и занялась такими размышленіями, которыя не допустили бы меня до этого: всегда можетъ найти въ запасѣ нѣсколько темъ, способныхъ разогнать какую угодно сонливость. Такимъ образомъ, я довольно пріятно протянула время до часу и начала одѣваться, стараясь дѣлать это по возможности безшумно, чтобы никого не разбудить. Но всѣ кругомъ спали такимъ крѣпкимъ сномъ, что никто даже не шелохнулся, когда я отворяла и затворяла двери. Мнѣ пришлось пройти черезъ кухню, гдѣ спали мужчины, и оттуда во дворъ; всѣ двери были не заперты; ворота также; собаки не было (между тѣмъ, во дворѣ имѣлась скотина),—такъ что я вышла, никого не потревоживши. Было половина второго; густой туманный сумракъ покрывалъ все кругомъ. Выйдя за ворота, я сразу убѣдилась, что не помню, какимъ образомъ мы подошли къ дому. Я помнила только, что мы свернули съ большой дороги вправо и пошли по узенькой колесной дорогѣ между какими-то полями и нивами; мы шли по ней минутъ десять, и если я на нее теперь не попаду, то въ полутьмѣ могу легко уклониться отъ большой дороги. Я пыталась пойти по нѣсколькимъ направленіямъ, стараясь руководиться окружающими дворъ хозяйственными пристройками, но ничего не выходило; разсмотрѣть дорогу я могла бы, если бы попала на нее, издали же я бы ее не увидѣла и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ въ этомъ сѣромъ, мутномъ полумракѣ. Неужели придется будить кого нибудь, чтобы показали дорогу? Однако, моя безпомощность показалась мнѣ возмутительной, и я рѣшила во что бы то ни стало выпутаться самой; я знала, что мой путь лежитъ на разѣздѣ, а онъ не далеко, значить выбраться можно. Я пошла на удачу въ ту сторону, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, была большая дорога; миновавши всѣ пристройки, я попала на какое-то поле и, отказавшись отъ мысли найти промежуточную дорогу, рѣшила идти прямо черезъ поле, лишь бы добраться до большой дороги. Ноги мои вязли въ мокрой травѣ и рыхлой почвѣ и я боялась, что попаду на болотистое мѣсто. Поле оказалось огороженнымъ со всѣхъ сторонъ; приходилось или вернуться обратно, или перелѣзть черезъ деревянную изгородь и двѣ канавы по обѣимъ ея сторонамъ. Въ одномъ мѣстѣ изгородь показалась мнѣ болѣе доступной; по другую сторону паслась лошадь, сочно жуя мокрую траву и пофыркивая; перелѣзши изгородь и перескочивши канаву, я попала такъ близко къ лошади, что она пугливо шарахнулась въ сторону, подняла высоко голову, насторожила уши и уставилась мнѣ прямо въ лицо, широко открытыми глазами. Я страшно люблю лошадей и очень люблю видѣть игру ихъ выразительныхъ фізіономій; и теперь какъ будто вижу испуганный,

недоумѣвающий и пытливый взглядъ той лошади, — не всегда удается подмѣтить у нихъ такое сложное выраженіе.

Однако дороги все еще не было видно; я попала на другое поле и могла бы такъ продолжать колесить очень долго. Но глаза мои мало-по-малу привыкли къ сумраку, который сталъ блѣднѣть; я остановилась и начала внимательно оглядываться по сторонамъ, въ надеждѣ замѣтить телеграфные столбы; послѣ внимательнаго осмотра окрестностей въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, мнѣ показалось, что въ одной сторонѣ въ туманѣ вырисовываются блѣдныя силуэты столбовъ, — я направилась къ нимъ, для чего мнѣ пришлось круто отклониться отъ первоначально взятаго направленія. Еще нѣсколько минутъ блужданій, еще нѣсколько прыжковъ черезъ канавы—и я на большой дорогѣ.

Было около двухъ часовъ, и я потеряла еще немного времени. Только теперь, когда забота о дорогѣ отошла на второй планъ, послѣ того какъ, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, я увидѣла верстовой столбъ съ цифрою 18,—только теперь я стала присматриваться къ окружающему. Хотя нужно замѣтить, что дорога въ этомъ мѣстѣ была хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и требовала много вниманія, чтобы не попасть въ глубокую грязь.

Скоро поля по бокамъ дороги смѣнились лѣсомъ. Темныя силуэты деревьевъ постепенно вырисовывались въ туманѣ, подвигались и опять уходили въ туманъ. Вокругъ царствовала удивительная, какая-то жуткая тишина, какъ будто все на землѣ вымерло; а если и раздавался изрѣдка какой-нибудь звукъ, вѣроятно крикъ животнаго или птицы, то онъ былъ для меня слишкомъ незнакомъ и казался странно неприятнымъ,—помню что-то вродѣ стонущаго мяуканія, какое-то посвистываніе. Услышавши постукиваніе дятла, я даже обрадовалась; оно гулко раздавалось по лѣсу, то очень близко, то вдругъ гдѣ-то далеко, далеко...

Тихо и жутко... А спрашивается отчего бы?... Я не сомнѣваюсь въ своей безопасности,—и вообще спокойно иду на встрѣчу явной и реальной опасности, а между тѣмъ, теперь—эта тишина, туманный полусвѣтъ, сумрачныя, молчаливо наступающія фигуры деревьевъ, странные непонятные звуки, одиночество — все это вызываетъ какое-то тоскливое чувство... съ которымъ, однако, мнѣ было-бы жаль разстаться: я рада, что еще долго не встрѣчу людей, я рада, когда иду пустыннымъ лѣсомъ, и съ неудовольствіемъ увидѣла первую попавшуюся мнѣ торпарскую избейку, но и тамъ все было такъ безмолвно, что близость людей совсѣмъ, совсѣмъ не почувствовалась...

Опять сумрачный лѣсъ и таинственная, много говорящая тишина...

Хорошо человѣку такъ остаться одинъ на одинъ съ обнаженной душой... Страшно и внушительно... Прошлое ушло куда-то безконечно далеко; будущее безформенно и маловажно... Исчезло

невозвратно все и всё—и осталась только настоящая минута и грозное неумолимое сознание... И ясно, до боли реально чувствуешь свое тождество съ каждой песчинкой, и видишь, что твое исчезновение — не больше как передвижение одной из этих песчинок... Грозно заглядывает въ глаза безконечность—и хочется стать, застыть, исчезнуть... Это ничего не изменить, ничему не помѣшаетъ, никого не задѣяетъ...

А солнце вдругъ выглядываетъ золотымъ краемъ изъ-за горизонта, и кажется, что сумрачныя до сихъ поръ сосны и ели вдругъ стали улыбаться; густой бѣлый туманъ, скрывавшій отъ глазъ озеро, вдругъ превратился въ золотистый облачный покровъ. Яркіе лучи слѣпятъ глаза, и они сразу перестаютъ видѣть все, что видѣли за минуту передъ этимъ... Одиночество нарушено—явилось солнце... Бѣлые клубы тумана поползли надъ землею и стали подыматься вверхъ и таять... За яркимъ свѣтомъ явились тѣни—и картина ожила...

Странно, однако, — до сихъ поръ я не встрѣтила ни одного путника, и до половины шестого дорога оставалась совершенно безлюдной. Только къ этому времени послышалось позваниваніе колокольчиковъ и появились дѣти, гнавшія коровъ; а потомъ уже стали встрѣчаться и другіе путники—пѣшеходы и на лошадахъ. Они съ удивленіемъ оглядывались на меня — въ самомъ дѣлѣ, имъ, вѣроятно, трудно было понять какимъ образомъ я появилась въ такую рань, такъ далеко отъ послѣдней деревни—отъ мѣста моего ночлега до Каяны нѣтъ ни одной. Только передъ самой Каяной расположенъ маленькій поселокъ, куда я добралась около половины седьмого. Я положительно изнемогала отъ усталости, и еще больше отъ жажды, отъ которой, между прочимъ, я все время страдала по дорогамъ Финляндіи: желтобурая вода озеръ, канавъ и стоковъ изъ торфяныхъ болотъ не внушала мнѣ довѣрія; и я ни разу не рѣшилась напиться по дорогѣ и только съ грустью вспоминала сверкающіе и гремящіе ручьи и ключи, съ кристально прозрачною водою, которыми такъ богаты горы нашего милаго, далекаго, по истинѣ прекраснаго Кавказа.

До Каяны оставалось еще два-три километра, и я приостановилась въ поселкѣ, чтобы выпить кофе, такъ какъ чувствовала такую упадокъ силъ, что почти не въ состояніи была двигаться. Постучавшись въ первое домѣ, гдѣ я увидѣла бодрствующихъ людей, я спросила:—могу-ли получить кофе; мнѣ отвѣтили утвердительно. Войдя въ избу, я сѣла на лавку и закрыла глаза; мнѣ казалось, что я больше не въ состояніи буду двинуться съ мѣста, и не шелохнулась, пока не услышала, что предо мной поставили кофе...

Но что это за божественный напитокъ!.. Если хотятъ умирающему дать силу высказать еще что-нибудь, недосказанное—пусть ему дадутъ чашку хорошаго, крѣпкаго горячаго кофе, да

еще съ финляндскими сливками—онъ навѣрное оживится и заговорить.

Остатокъ пути я прошла такъ легко и бодро, какъ будто позади не было безконечныхъ сутокъ безъ сна и отдыха, и шестидесяти двухъ километровъ пути...

Конечно, этого послѣдняго возбужденія могло хватить только на два, три километра, которые я прошла не больше какъ въ полчаса. Черезъ Каяну я неслась уже такъ стремительно, что ни на что не обращала вниманія; да, въ сущности, и не стоило—это маленькій городишко, совершенно такой-же, какъ и другіе финскіе города.

Добравшись до пристани и парохода, я положительно не вѣрила себѣ самой... Неужели мнѣ больше не нужно идти—и я могу остаться неподвижной?..

17 іюля. Каяна. Пароходъ „Salo“. Когда, собираясь въ Финляндію, я говорила, что буду путешествовать на „босяцкій“ ладъ, въ виду чрезвычайной ограниченности моихъ средствъ,—я никакъ не ожидала, что такъ близка къ истинѣ, шутя такимъ образомъ.

Очевидно, съ котомкой на плечахъ и съ палкою въ рукахъ я имѣю видъ настоящей бродяги. А я-то льстила себя надеждою, что, не смотря на пустой кошелекъ, у меня всетаки внѣшность благородной путешественницы... И я уже такъ близко подхожу къ босяцкому идеалу, что сегодня на пароходѣ полицейскій чиновникъ спросилъ у меня паспортъ, въ виду того, что розыскиваются какіе-то злоумышленники (а у меня-то именно преподозрительная наружность). Посредникомъ между нами явился студентъ, говорившій по нѣмецки.

— Прежде всего прошу васъ объяснить, почему онъ именно у меня спрашиваетъ паспортъ и какія у него основанія спрашивать его.

— Онъ васъ совершенно не знаетъ и хочетъ удостовѣриться въ вашей личности; вы иностранка и спросить у васъ паспортъ—его право.

— Конечно, если по закону онъ имѣетъ право спросить, то я покажу, но я здѣсь не иностранка—я въ Россіи.

Студента передернуло.

— Въ Россіи!—воскликнулъ онъ только съ горечью.

Мнѣ самой стало стыдно за свою злостную фразу, но я была слишкомъ возмущена нахальствомъ этихъ людей. Кромѣ того, я должна замѣтить въ свое оправданіе, что я еще съ трудомъ переводила духъ послѣ моего стремительнаго перехода и была со всѣмъ не благодушно настроена.

— Надо полагать, что онъ умѣетъ читать по русски, разъ

онъ берется провѣрять мои бумаги?—спросила я студента, показывая ихъ.

Студентъ вертѣлъ въ рукахъ мои документы, ничего въ нихъ не понимая.

— Нѣтъ, онъ не умѣетъ.

— Значить, его право не имѣетъ ни малѣйшаго смысла—я могу показать ему что угодно.

И дѣйствительно, вмѣсто своего отпуска я могла бы показать что угодно—хотя бы старый счетъ со штемпельной печатью, свидѣтельствующей, что по немъ уплочено.

Больше всего досадно, что культурные финны такъ хорошо усваиваютъ уроки варварства. Или, можетъ быть, здѣсь сквозь европейскую культуру проглядываетъ монголь. Можетъ быть, русскіе и финны представляютъ два діаметрально противоположные примѣра взаимодѣйствія культуры и расы. Русскіе представляютъ собою результатъ воздѣйствія монгольской культуры на кавказскую расу. Монгольская культура привилась на ней прекрасно, такъ что азиатчины въ Россіи хватить еще на много поколѣній. Но все же нѣтъ, нѣтъ, хоть изрѣдка, да проглянетъ въ русскомъ, изъ-подъ оболочки монгола, капелька европейца.

Не обратное ли явленіе наблюдается на финахъ? Здѣсь къ монголу очень прочно и основательно привита европейская культура; но иногда, тоже очень рѣдко, всетаки проглянетъ монголь... Не онъ ли сказывается въ этомъ недовѣріи и подозрительности къ иностранцу?..

Это, конечно, не больше какъ схема, метафора для поясненія моей мысли—я далека отъ того, чтобы считать расу чѣмъ-то неизмѣнно стойкимъ, неспособнымъ видоизмѣняться соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ. Наоборотъ, я глубоко убѣждена, что есть русскіе, такъ основательно омонголившіеся, что можно скрестить ихъ до мозга костей, и ничего, кромѣ монгола, не найдешь.

Такъ или иначе, эти люди поняли свою ошибку, или сдѣлали видъ, что поняли. Капитанъ послѣ этого инцидента подошелъ ко мнѣ, чтобы объяснить его. Оказалось, что онъ немного говорить по русски; между тѣмъ, когда я брала билетъ, онъ и не подумалъ облегчить меня, видя, что мнѣ трудно объясняться.

Какъ онъ утверждаетъ, разыскиваютъ какихъ-то воровъ (я этому не вѣрю), поэтому у всѣхъ незнакомыхъ людей спрашиваютъ паспорта.

— Такъ развѣ можно у всѣхъ спросить паспорта?

— У всѣхъ и не нужно—здѣсь всѣ извѣстны наперечетъ, и незнакомцы появляются очень рѣдко.

— Но что изъ того, что чиновникъ видѣлъ мой паспортъ?—вѣдь это ничего не доказываетъ.

— У вора не бываетъ паспорта,—возразилъ мнѣ этотъ наивный чужакъ.

Здѣсь навѣянная Россіей вѣра въ силу и значеніе паспорта слилась съ финскимъ представленіемъ о человѣкѣ, стоящемъ вообще на легальной почвѣ, то есть безупречномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они думаютъ, что человѣкъ, преступившій нравственные законы, немедленно оказывается внѣ покровительства гражданскихъ законовъ...

Да у насъ у воровъ не только бываютъ паспорта, но еще и самые изящные дипломы. Но это для финскаго разумѣнія недопустимо...

Однако, я убѣждена, что за мной слѣдять—моя записная книжка приводитъ ихъ въ ужасъ; и теперь, какъ только я за нее взялась, капитанъ подошелъ и сѣлъ рядѣмъ со мною; но я твердо рѣшила дать отпоръ и не отвѣчать больше на его разспросы.

Ваала. Отъ души жалѣю, что у меня нѣтъ фотографіи. Харчевня, въ которой я ожидаю отплытія лодки смолокура, вполне достойна кисти художника. Эти типичныя лица, войлочные шляпы на головѣ, трубки въ зубахъ, вынимающіяся только для того, чтобы сплюнуть; огонь, пылающій въ плитѣ съ большимъ колпакомъ, столъ, гдѣ моется посуда, лавки, посуда на стѣнахъ и дѣвушки, разносящія кофе,—или вотъ эта, связывающая маленькій букетикъ, вѣроятно на шляпу одного изъ посѣтителей (потому что у нѣкоторыхъ воткнуты за ленту шляпы цвѣты)—все это какъ будто смотреть на меня со старой картины голландскаго художника...

А лодка смолокура... Это нѣчто ужасное—большая, несуразная, съ пришитыми къ бортамъ тонкими досками. Смолокуръ стоитъ и законопачиваетъ въ ней щели; она нагружится только къ вечеру. А въ другой, уже нагруженной, набирается вода и ее вычерпываютъ черпакомъ.

Однако, уговориться съ лодочникомъ помогъ мнѣ капитанъ парохода,—онъ, вѣроятно, чувствуетъ вину предо мной, а можетъ быть, просто не хочетъ выпускать меня изъ виду... Я тоже становлюсь подозрительной. Во всякомъ случаѣ, я очень довольна выборомъ лодочника, который онъ сдѣлалъ. Мой лодочникъ (ихъ кажется неправильно называютъ смолокурами, потому что они только провозятъ по Улео смолу, доставленную на пароходахъ), или лоцманъ представляетъ огромную фигуру съ большой головой въ характерной кэпи и бритымъ лицомъ съ крупнымъ квадратнымъ подбородкомъ. Онъ держится со спокойной важностью и, уговариваясь относительно меня съ капитаномъ, не обращаетъ на меня никакого вниманія...

Мы отплыли. Если бы мнѣ нужно было отвѣтить, что именно влечетъ меня на такія рискованныя предпріятія—я не могла бы этого сдѣлать... Обстановка такъ необыкновенна, что когда позже хочешь представить себѣ уже прошедшее, то кажется, что тамъ былъ кто-то другой.

Смоляные бочки, на них—какой-то рваный плащ, и я на этомъ плащѣ... Начинается дождь, и прежде всего я предвкушаю предстоящую мокроту. А пока, чудесно пахнет смолой, и я рѣшительно намѣрена выспаться, дабы наверстать прошедшую ночь, когда я совсѣмъ не спала... Но приближающійся шумъ мѣшаетъ мнѣ это сдѣлать; онъ становится все сильнѣе и сильнѣе, и я соображаю, что это долженъ быть порогъ...

Одинъ порогъ мы прошли. Это прелюбопытно и положительно чудесно. Только я не нахожу ничего страшнаго. Больше всего мнѣ нравится мальчишка, который сидитъ на веслахъ; передъ порогомъ онъ ихъ оставляетъ и садится на срединѣ лодки; при этомъ онъ держится съ удивительною безпечною. Что касается самого лощмана—онъ неподражаемъ...

Опять проходимъ порогъ...

Мнѣ лощманъ положительно нравится больше пороговъ: онъ такъ и просится на картину...

Вотъ такое катаніе я понимаю! Волны хлещутъ и заливаютъ лодку, а она только пріятно покачивается. Такъ я готова кататься каждый день... Жаль, что нельзя писать—дождь мочитъ книгу...

Не смотря на дождь, не могу удержаться, чтобы не записать нѣсколько словъ... Волна хлестнула въ лодку и обдала меня всю... Кругомъ шумитъ и бушуетъ; иногда кажется, что лодка третъ о камни, а можетъ быть, это только своеобразный скребушій звукъ, получающійся, когда обнажившееся дно лодки захлестывается снизу волной... Мальчишка куритъ трубку (ему лѣтъ 10—11)... а лощманъ—очарователенъ: его спокойная, мощная фигура на рулѣ подобна изваянію...

Да, минутами кажется, что лодку разобьетъ или захлестнетъ огромными кипящими волнами... Но за то—какъ она несется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—положительно летитъ...

Пороги пройдены. Надѣюсь, однако,—не всѣ; теченіе стало спокойно, дождь пересталъ, и я таки заснула. Хотя я спала недолго, но этого было довольно, чтобы усталость послѣднихъ двухъ дней сняло какъ рукой.

Улео течетъ такъ тихо, что въ ея зеркальной поверхности отражаются зеленые берега и прибрежные домики. Мальчикъ идетъ къ рулю и я думаю, что чудесно было бы погрести; но въ это время лощманъ садится на весла. Послѣ моей настойчивой просьбы онъ уступаетъ мнѣ одно весло, и мы гребемъ вмѣстѣ. Г, въ сущности, очень горда этимъ. Мы гребемъ долго и молча; тарикъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки заговорить, можетъ быть потому, что онъ считаетъ это невозможнымъ въ данномъ случаѣ; а можетъ быть, онъ находитъ разговоръ вообще ишнимъ.

Мнѣ кажется—онъ способенъ молчать по дѣльнымъ днямъ, сохраняя свою неизмѣнно-сосредоточенную важность.

Весла ударяютъ дружно и плавно, и я слѣжу за воронкой воды, появляющейся на поверхности послѣ каждого удара, а за воронкой бѣжитъ цѣлый рядъ кружковъ, произведенныхъ падающими съ весла каплями...

Поверхность воды, зеленые берега, тихій, необыкновенно мягкій сегодня воздухъ, сидящій рядомъ сурово-важный финъ, — все это такъ безмятежно спокойно, что никакія мятежныя мысли не могутъ не только удержаться, но даже и возникнуть...

Я начинаю завидовать этому старому лодочнику и думаю, что подъ его суровой внѣшностью должна скрываться сильная, прочная привязанность къ этой прекрасной рѣкѣ съ ея удивительными переходами отъ бурныхъ, бѣшено-кипящихъ волнъ пороговъ къ невозмутимо безмятежному покою зеркальныхъ водъ; думаю, что онъ долженъ любить свою большую неуклюжую, тяжело нагруженную лодку, которая послушно поддается всякому малѣйшему движенію его руки, какъ бы составляя съ нимъ одно одухотворенное цѣлое. Она какъ будто сознательно поворачиваетъ изъ стороны въ сторону и легко и свободно проходитъ между яростно кипящими волнами, то обходя ихъ, то пересѣкая.

Мнѣ право жаль, что это плаваніе продлится только два дня...

А вотъ и проза жизни. Мы на ночлегѣ. Комната большая, свѣтлая. Постель какъ будто чистая (я становлюсь скептикомъ). Вмѣстѣ со мною помѣщаются еще двѣ спутницы съ другой лодки, имъ приготовлена постель вмѣстѣ, на одной раздвижной въ ширину кровати; только имъ сочли лишнимъ подложить простыню подъ одеяло—этимъ различіемъ, вѣроятно, отмѣтилась привилегированность моего положенія,—попутчицы, кажется, крестьянки. У старшей изъ нихъ коса ниже колѣнъ; она сидитъ на стулѣ, а другая помоложе, лѣтъ четырнадцати, пятнадцати, ищетъ у нея въ головѣ и артистически шелкастъ ея обитателей. Не скажу, чтобы это было особенно аппетитно.

Онѣ, между прочимъ, отлично сообразили, какъ со мною разговаривать — роются безпрестанно въ книжкѣ и, когда найдутъ что нибудь подходящее, спрашиваютъ меня; и тогда я понимаю и могу отвѣтить. Если же онѣ начинаютъ быстро лопотать не по книгѣ, то я, въ свою очередь, такъ же быстро и много начинаю говорить по русски,—обѣ хохочутъ и перестаютъ говорить зря.

18-го. Улео. Прекрасная гимнастика — гребля рано утромъ... Нашу лодку стали догонять двѣ другія: у насъ на веслахъ сидѣлъ мальчуганъ, а тамъ взрослые. Я пошла ему на помощь, и тѣ не могли обогнать насъ, хотя и тамъ гребцу на помощь подѣла одна изъ спутницъ (въ каждой лодкѣ по одному пассажиру). Мальчикъ такъ старался, такъ пытался, что мы одержали верхъ.

Я очень довольна—значить, моя помощь что нибудь сдѣлала. Это соревнованіе повторялось нѣсколько разъ въ теченіе дня и каждый разъ мы одерживали верхъ, — такъ что я даже заслужила нѣсколько улыбокъ со стороны лопмана и нѣсколько словъ, хотя и не ко мнѣ обращенныхъ, но по моему адресу (и это уже много). Такой успѣхъ я приписываю разницѣ въ манерѣ грести финскихъ и русскихъ лодочниковъ (я держусь, конечно, послѣдней). Невскіе яличники заносятъ весло гораздо дальше назадъ, чѣмъ финны, которые останавливаютъ весло наравнѣ съ туловищемъ, между тѣмъ, если заносить весло сильно назадъ, то оно, при равномерной греблѣ, въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени описываетъ гораздо большую дугу, а слѣдовательно сильнѣе подвигаетъ лодку впередъ.

Опять шумятъ пороги... Здѣсь накопилось множество сплавляющихся бревенъ; мѣстами они положительно загораживаютъ рѣку. На порогахъ вода сбиваетъ ихъ въ сторону; тамъ же, гдѣ рѣка течетъ такъ тихо, что она больше похожа на озеро, движеніе бревенъ совсѣмъ незамѣтно: они лежатъ на водѣ такъ неподвижно, что я при всемъ стараніи не могу замѣтить, чтобы они сколько нибудь передвинулись по отношенію къ берегу, пока мы проплывемъ мимо нихъ.

Подулъ свѣжій вѣтеръ, и всѣ лодки поставили паруса, — получилась очень красивая флотилія (лодокъ по пути прибавилось—ихъ плыветъ цѣлыхъ шесть). Путешествовать безъ фотографіи положительно не слѣдуетъ — теряется такъ много, чего нельзя сказать. Хотя нужно замѣтить, что при этомъ надо быть умѣлымъ фотографомъ, т. е. умѣть выбрать должную точку зрѣнія, чтобы дѣйствительно воспроизвести на фотографіи то сочетаніе линій и формъ, которое привлекло глазъ въ дѣйствительности. Фотографъ долженъ умѣть понимать когда красота картины зависитъ отъ нѣжности, мягкости, или разнообразія красокъ, а когда—отъ красоты и гармоничности формъ и очертаній. Въ первомъ случаѣ фотографія бесполезна—она не воспроизведетъ желаемой картины; во второмъ—нужно умѣть выбрать позицію, или гармонія сочетанія линій будетъ нарушена. Мнѣ пришлось убѣдиться собственнымъ горькимъ опытомъ, что неумѣлый фотографъ хуже неумѣлаго рыбака или охотника. Такимъ горе-фотографомъ была я, путешествуя по Кавказу, когда страшно намучилась со своей фотографіей, и всетаки изъ трехъ дюжины истраченныхъ пластинокъ едва набралось полъ дюжины сколько нибудь сносныхъ.

Лодки безшумно скользятъ по водѣ, весла сложены; наша лодка далеко опередила остальные—или она легче на ходу, или у меня рѣшительно лучший лопманъ. Теперь онъ сидитъ верхомъ на бочкѣ и завтракаетъ, а хорошо поставленный парусъ самъ дѣлаетъ свое дѣло.

Очень любопытны привалы на берегу. Какъ только караванъ остановится, лодочники выходятъ на берегъ съ топорами и полѣньями; въ нѣсколько минутъ эти полѣнья расколоты на щепы, разведены костры, и на укрѣпленныхъ въ землѣ палкахъ висятъ чайники съ водой. Все это дѣлается такъ быстро, что едва успѣваешь оглянуться... Мальчуганъ жаритъ кофе въ жаровнѣ, имѣющей видъ вафельницы; старуха мелетъ кофе; вода кипитъ и кофе уже готовъ. Жарятъ кофе, повидимому, не всегда, но мелютъ его очень многіе, не смотря на слѣшность приготовленія. Въ одномъ мѣстѣ мы застали на привалѣ много встрѣчныхъ лодочниковъ съ порожними лодками (ихъ проводятъ обратно вдоль берега, отталкиваясь шестами)—тамъ тоже всѣ готовили кофе, или уже пили его, видимо, съ большимъ наслажденіемъ. Тутъ, въ дорогѣ, обходились чернымъ кофе, въ который обмакивали бѣлый хлѣбъ или сухари. Кофе пьется вездѣ и во всякое время. И дѣйствительно, при употребляемой здѣсь большею частью холодной пищѣ, понятно, почему такъ пріятно выпить чашку горячаго кофе; это единственное питье, и ѣда въ то же время, которое можно имѣть вездѣ горячимъ.

Пороги всѣ пройдены; отъ Мухоса уже ходятъ пароходы, и хотя плаваніе по Улео еще не кончено, но можно съ увѣренностью сказать, что больше ничего особеннаго не будетъ. Последніе пороги нисколько не страшнѣе первыхъ; но въ этомъ мѣстѣ берега Улео очень живописны. Здѣсь рѣка суживается; вмѣсто глинисто-песчаныхъ, какъ на всемъ протяженіи, здѣсь — крутые берега красноватаго гранита, покрытые хвойнымъ лѣсомъ, спускающимся между камнями къ самой водѣ. Вѣроятно вслѣдствіе твердаго скалистаго русла, вода становится въ этомъ мѣстѣ чище и принимаетъ синевато-зеленый оттѣнокъ. Здѣсь рѣка быстро катитъ по значительному уклону свои просвѣчивающія зеленоватыя волны съ бѣлыми гребешками; мѣстами она шумитъ и бурлитъ, а лодка несется мимо мелькающихъ скалистыхъ береговъ, безъ веселъ и паруса, управляемая только рулемъ лопмана. И такимъ образомъ лодка мчитъ около двухъ часовъ, слѣдуя за крутыми изгибами рѣки, развертывающей передъ глазами путника очаровательную панораму береговъ. Сначала я слѣдила за этой панорамой съ напряженнымъ вниманіемъ, но мало-по-малу мягкій блескъ зеленой глуби, однообразно гармоничное сочетаніе зелени лѣса съ краснымъ гранитомъ, однообразный шумъ пороговъ и покачиваніе лодки (быстрога движенія которой уже не производила никакого впечатлѣнія) стали меня укачивать, отчасти можетъ быть потому, что мы поднялись въ четыре часа утра. Я старалась удержаться, чтобы не заснуть, изъ опасенія пропустить какое-нибудь особенно интересное мѣсто. А окружающія картины, видѣнныя подъ конецъ, хотя и съ открытыми глазами, но въ полуснѣ, оставили впечатлѣніе какой-то прекрасной грезы—ясно

и отчетливо запечатлѣвшейся въ памяти, но затянутой свѣтло-прозрачной дымкой мечты.

Подобныя ощущенія мнѣ пришлось еще однажды испытать по военно-грузинской дорогѣ въ лунную лѣтнюю ночь. Мнѣ пришлось проѣзжать тамъ уже не въ первый разъ, поэтому интересъ къ грандіознымъ картинамъ не выдержалъ передъ сильной усталостью (я выѣхала изъ Владикавказа вечеромъ—съ повѣзда прямо на перекладную); между часомъ и двумя ночи, какъ разъ въ самыхъ величественныхъ, живописныхъ мѣстахъ Дарьяльскаго ущелья, меня непреодолимо стало клонить ко сну; но неудобное положеніе на перекладной, гдѣ невозможно прислониться и надо сидѣть на вытяжку, не позволяло мнѣ заснуть и я ѣхала, погруженная въ какую-то дремоту, съ полузакрытыми глазами... И странными представлялись мнѣ горы въ этомъ дикомъ и мрачномъ ущельи: онѣ казались серебряными и свѣтящимися, и волны мягкаго, голубовато-бѣлаго свѣта разливались отъ нихъ по всему ущелью и превращали его мрачныя тѣснины въ прозрачно-воздушный и сверкающій путь волшебной сказки. Я силилась раскрыть широко глаза, чтобы отдѣлаться отъ этой иллюзіи, сознавая, что я вижу передъ собою хорошо знакомыя горы, освѣщенныя луной; но мнѣ съ трудомъ удавалось это на краткое мгновеніе—и опять гранитныя скалы превращались въ серебряныя громады, изливающія потоки мягкаго свѣта и сверкающія въ его волнахъ своими воздушными очертаніями...

Отъ Мухоса спокойное теченіе Улео больше ничѣмъ не возмущается до самаго Улеаборга. Здѣсь по ней плаваютъ пароходы; берега становятся еще болѣе населенными; дома прибрежныхъ поселковъ все больше и больше приближаются къ городскимъ, или подъ конецъ представляютъ типъ загородныхъ виллъ и Улео, на мой взглядъ, совершенно теряетъ свой поэтическій характеръ...

Теперь уже вполне умѣстно высказаться какъ относительно опасности пути по Улео, такъ и относительно живописности всего пути, сдѣланнаго мною по Финляндіи. Дальше дорога моя лежитъ по плоскому берегу безцвѣтнаго Балтійскаго моря и о живописности не можетъ быть и рѣчи. До сихъ поръ я воздерживалась и не высказывалась въ ожиданіи, что впереди еще будетъ что нибудь особенное.

Однако, прежде чѣмъ это сдѣлать, я предлагаю къ старой истинѣ, ставшей аксіомой — „всѣ врутъ календари“ — прибавить еще одну: всѣ врутъ русскіе путеводители и карты. Предлагаю принять это какъ аксіому, безъ доказательствъ, однако,—желающему не откажусь ихъ дать.

Теперь для меня вполне понятно, почему на этомъ, якобы столь опасномъ, пути такъ рѣдко бываютъ несчастные случаи.

Относительно ужаса, который онъ будто бы внушаетъ путешественникамъ, и потому не рекомендуется людямъ со слабыми нервами, я должна замѣтить, что не только не нашла этого пути страшнымъ, но даже не особенно вѣрю, чтобы онъ кому бы то ни было казался таковымъ. Просто путешественники напускаютъ на другихъ страху для пущей важности. Я не говорю о дамахъ—то существа à part... Объ ихъ ощущеніяхъ не берусь судить—такъ какъ эти ощущенія мнѣ недоступны; я говорю, конечно, о деликатныхъ дамахъ, съ очень тонкими нервами (если, понятно, таковыя существуютъ)... Хотя мнѣ пришлось черезъ нѣсколько дней встрѣтиться на пароходѣ съ молоденькой дамой (повидимому очень деликатной), которая недавно сдѣлала тотъ же путь по Улео. Она утверждала, что ей нисколько не было страшно.

— Можетъ быть теперь въ Улео вода стоитъ высоко и бываетъ болѣе опасное время? спросила я ее.

— Наоборотъ, теперь самая низкая вода и плаваніе черезъ пороги всего опаснѣе...

Что касается живописности финляндскихъ пейзажей, то я можетъ быть становлюсь на исключительную точку зрѣнія, слишкомъ субъективную... Но я вѣдь и не считаю эти замѣтки за что либо иное, какъ рядъ субъективныхъ впечатлѣній, и нисколько не претендую на объективность моихъ наблюденій... Я не могу не находить природу Финляндіи блѣдно-однообразной и не могу восхищаться скучно-плоскими берегами ея мутно-сѣрыхъ озеръ... Можетъ быть въ этомъ виноваты грандіозныя и мрачныя, или сверкающія и ликующія картины Кавказа, или смѣющіеся пейзажи Швейцаріи? Я не отрицаю, что не разъ вспоминала кристально-прозрачныя воды озера Гель-Гель, задумчиво отражающія яркую зелень вѣковыхъ грабовъ и буковъ; или лазурную поверхность Женевского озера, гдѣ рядомъ съ бѣлоснѣжною вершиною Монблана рисуются стройныя башни замковъ среди сочной зелени виноградниковъ...

Можетъ быть эти воспоминанія мѣшали мнѣ быть безпристрастной, но я вовсе не хотѣла дѣлать сравненій и не виновата, если они возникали сами собой... а также не моя вина, если путешественники и путеводители невозможно преувеличиваютъ красоты Финляндіи... Я положительно не понимаю, какая въ этомъ надобность; моя точка зрѣнія и мое отношеніе нисколько не мѣшали мнѣ глубоко наслаждаться ея природой, то сурово-угрюмой и унылой, то задумчиво-блѣдной и кроткой...

Улеаборгъ. Здѣсь я вторично испытала то впечатлѣніе театральности, какое у меня было въ то воскресенье около кирки, среди лѣса. Теперь же по улицѣ проходили солдаты и пѣли что-то по фински. Манера пѣть, тембръ голосовъ, самая мелодія—

все это такъ не похоже на обыкновенное солдатское пѣніе, которое приходится слышать въ Россіи, и такъ похоже на то, что слышишь въ театрѣ, отъ оперныхъ солдатъ, что мнѣ положительно казалось, будто я узнаю какую-то мелодію, не то изъ Гугенотовъ, не то изъ Фауста...

Мнѣ всегда казалось, что опера не даетъ истиннаго представленія о тѣхъ народахъ или эпохахъ, которые она представляетъ; не ошибочно-ли это? Отчего мнѣ теперь такъ живо вспомнились нѣкоторыя оперныя сцены, казавшіяся мнѣ прежде искусственными?..

Вечеромъ я отправилась на почту, гдѣ меня должны были ждать письма и деньги. Тамъ въ восемь часовъ письма выдаются прямо на руки адресатамъ. Въ контору явилось множество народу—тамъ были дѣти, барышни, рабочіе, прислуга, студенты и студентки, въ своихъ бѣлыхъ шапочкахъ, вообще—самые разнообразные элементы. Всѣ подходили къ окошечку и брали свои газеты и письма; конторщица называла фамиліи и передавала письма; многимъ она передавала корреспонденцію, не называя фамилій, если ожидавшій стоялъ близко и попадался ей на глаза; видно было, что это обычные посѣтители и обычный способъ раздачи писемъ. Мнѣ какъ-то не пришлось узнать почему это такъ дѣлается—можетъ быть для того, чтобы получить почту нѣсколько раньше, чѣмъ черезъ почтальона.

Но что меня дѣйствительно поразило, такъ это похоронная процессія, видѣнная мною въ Улеборгѣ. Хоронили очевидно небогатаго человѣка, потому что народу было немного, а простой черный, но очень приличный и со вкусомъ сдѣланный гробъ везли на обыкновенной одиночкѣ, на какихъ у нихъ вообще перевозятъ всякія тяжести. Возница-же, которому не было мѣста на телѣжкѣ, вмѣсто того, чтобы идти пѣшкомъ, ѣхалъ, сидя верхомъ на гробу. Чтобы удобнѣе было сидѣть, на гробъ была перекинута какая-то полосатая подстилка. Очевидно эта печальная, но странная процессія никого не удивляла; я-же чуть не свихнула себя шею, оглядываясь на нее.

Надо полагать, что финляндцы держатся философіи, выраженной въ какой-то восточной пословицѣ — живая собака лучше мертвого льва, — и не испытываютъ особеннаго благоговѣнія передъ покойникомъ. И можетъ быть съ философской точки зрѣнія они правы, но... такова сила предразсудка—мнѣ не только кажется нежелательнымъ быть осѣдланнымъ при жизни, но и такая перспектива послѣ смерти мнѣ тоже совсѣмъ не улыбается. Не знаю, на сколько этотъ обычай ѣздить на покойникѣ распространенъ—достаточно, что онъ существуетъ.

Самъ городъ очень мало отличается отъ другихъ городовъ, видѣнныхъ мною до сихъ поръ: немного больше, немного щеголеватѣе, но въ общемъ тотъ-же типъ, тотъ-же характеръ простыхъ,

чистенькихъ деревянныхъ домовъ, щеголяющихъ снаружи только своими большими окнами съ ясными стеклами, изящными занавѣсями и массою цвѣтовъ въ красивыхъ горшкахъ.

Развѣ вотъ только отмѣтить какъ отличіе Улеаборга, что мнѣ показалось, будто тамъ очень много собакъ; онѣ бѣгаютъ безъ намордниковъ и пристають къ путешественникамъ страннаго вида...

Собственныхъ богатыхъ экипажей до сихъ поръ не видала ни разу: или извозчицы дрожки, или—болѣе или менѣ изящныя одноколки.

На пароходѣ отъ Улеаборга до Торнео меня ожидало очень непріятное разочарованіе. Всю дорогу по Финляндіи я восхищалась совершеннымъ отсутствіемъ пьяныхъ, и за нѣсколько часовъ до пріѣзда въ Торнео я какъ-разъ думала о томъ, что могу отмѣтить это какъ несомнѣнно поразительный фактъ—я пробѣжала и прошла всю Финляндію изъ конца въ конецъ и въ теченіе двухъ недѣль не встрѣтила ни одного пьянаго...

Увы, мнѣ не удалось этого отмѣтить. Какъ разъ подъ Торнео, на какой-то маленькой пристани, сѣло нѣсколько финновъ, которые, какъ только пароходъ двинулся, повытаскивали жестяныя фляжки съ водкой и стали угощаться. Какъ ни грустно мнѣ было это видѣть, я еще надѣялась, что все обойдется благополучно; но эта надежда меня обманула: мои попутчики валились съ ногъ, когда нужно было выходить съ парохода. И такихъ было не одинъ, и не два, а гораздо больше. Переходъ отъ безусловнаго отсутствія пьяныхъ по всей Финляндіи къ обычности этого явленія около Торнео былъ такъ рѣзокъ, что я подумала, что здѣсь должна быть какая-нибудь особенная, чисто мѣстная причина—это не могло быть случайностью. Какъ потомъ оказалось, оно, повидимому, такъ и есть.

Въ Торнео я рѣшила не оставаться, а переночевать въ Хапарантѣ, чтобы осмотрѣть ее; а уже слѣдующую ночь пробывать въ Торнео; ввиду ранняго отплытія парохода, такъ было для меня удобнѣе. Встрѣченный мною русскій жандармъ любезно объяснилъ мнѣ, что переходъ черезъ границу совершается свободно, и даже проводилъ меня до половины длиннаго моста черезъ болотистый рукавъ рѣки Торнео, до самой будочки, гдѣ шведы берутъ съ cadaго пѣшехода по нѣсколько пенни—три шведскихъ оры.

Хапаранта. Я у цѣли путешествія и, въ концѣ концовъ, ужасно хочется скорѣе домой, въ милый скверный Петербургъ, гдѣ всѣ такъ хорошо говорятъ по русски и такъ легко понимать другъ друга. И прямо поразительно—какъ это возможно, что мы такъ часто совсѣмъ не понимаемъ одинъ другого...

21-го. *Хапаранта*. Ну, и попала же я въ компанію... Въ отелѣ я вчера не нашла комнаты—сказали, что все занято. Послѣ долгихъ поисковъ нашлась комната въ какомъ-то частномъ домѣ. Сначала все шло какъ будто гладко, и я уже рассчитывала успокоиться сномъ праведнымъ. Тутъ явилось челоуѣкъ пять шведовъ, положеніе которыхъ въ домѣ я не могла себѣ хорошенъко объяснить,—вѣроятно здѣсь, кромѣ членовъ семьи, были и посторонніе жильцы, а можетъ быть и родственники. Всѣ они говорили очень громко и вели себя такъ шумно, что производили на меня впечатлѣніе полупьяныхъ. Двое явились въ комнату, гдѣ я сидѣла, и представившись, на сколько это было возможно, стали ухитряться завести со мною разговоръ, при помощи моей книжки; до нѣкоторой степени мы и объяснились; но порывшись въ ней съ четверть часа, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что она никуда не годится, и что ее нужно бросить въ печь. Въ этомъ я должна съ нимъ совершенно согласиться и прямо не понимаю, какъ такая дрянная, никуда негодная книжонка могла выдержать шесть изданій.

За двумя первыми посѣтителами явился еще одинъ—уже совершенно пьяный, такъ что у него языкъ заплетался и онъ едва держался на ногахъ. Разговоръ съ послѣднимъ мнѣ уже не доставилъ рѣшительно никакого удовольствія, хотя я могла бы изъ него извлечь ту выгоду, что узнала бы, каковы шведы во хмѣлю, съ чѣмъ я, однако, не замедлила познакомиться.

Чтобы прекратить визиты, я рѣшительно заявила хозяйкѣ, что хочу спать и прошу постлатъ мнѣ постель. Было уже одиннадцать часовъ, когда я, наконецъ, улеглась. Я такъ устала, что, не смотря на страшный шумъ и пьяные крики въ сосѣдней комнатѣ, немедленно заснула. Въ Петербургѣ я не въ состояніи была-бы даже себѣ представить, чтобы можно было заснуть при такихъ условіяхъ. Только мнѣ все время снилась какая-то страшная исторія съ кавказскими разбойниками, которые преслѣдовали меня съ кинжалами въ рукахъ, и я никакъ не могла отъ нихъ укрыться. Наконецъ, я проснулась отъ особенно громкихъ криковъ въ сосѣдней комнатѣ. Убѣдившись, что это не кавказскіе разбойники, а только шведскіе пьяницы, и что всего только двѣнадцать часовъ, я заснула опять. Но мнѣ не суждено было выспаться въ эту ночь. Я была снова разбужена какою-то вознею въ комнатѣ: хозяйка, которая вмѣстѣ съ маленькой дочерью спала на другой кровати въ этой же комнатѣ, стояла одѣтая около пріотворенной двери и шопотомъ говорила что-то въ сосѣднюю комнату, а за дверью кто-то бушевалъ и кричалъ пьянымъ голосомъ. Я поняла, что этотъ кто-то хочетъ войти въ комнату, а хозяйка убѣждаетъ, что нельзя; но тотъ, очевидно, не поддавался убѣжденіямъ, потому что хозяйка захлопнула дверь и продолжала держать ручку, а съ другой стороны кто-то сильно

ее дергалъ. Хозяйка могла сопротивляться всего нѣсколько секундъ, и въ комнату съ крикомъ ворвался дюжій дѣтина, очевидно, совершенно пьяный; хозяйка, маленькая тщедушная женщина, мужественно вступила съ нимъ въ рукопашную, но ему ничего не стоило вырваться отъ нея и онъ бросился одѣтый на кровать и разбудилъ дѣвочку, которая принялась плакать. А въ пьяныхъ крикахъ шведа я, наконецъ, разобрала настойчивое утвержденіе, что онъ здѣсь хозяинъ, — обыкновенная претензія пьяныхъ, изъ опасенія, чтобы какъ нибудь не умалили ихъ значенія.

Мое положеніе начало казаться мнѣ критическимъ. Вѣдь онъ могъ счесть за непочтеніе къ себѣ самый фактъ моего присутствія въ комнатѣ и, на основаніи своихъ хозяйскихъ правъ, потребовать моего немедленнаго удаленія. Между тѣмъ было два часа ночи и такая перспектива мнѣ совсѣмъ не улыбалась.

Однако хозяйкѣ удалось какимъ-то образомъ уломать своего повелителя, и она въ концѣ концовъ вытолкала его изъ комнаты. Я знаками просила ее запереть дверь, потому что вся эта исторія мнѣ страшно надобла. Но оказалось, что никакихъ запоровъ не имѣется, и оставалось только мириться со своимъ щекотливымъ положеніемъ. Но такова моя вѣра въ силу и значеніе культурности, что я не замедлила заснуть снова.

Повидимому, и мои сосѣди на нѣкоторое время успокоились; но, къ сожалѣнію, не на долго. Въ пять часовъ утра я уже была разбужена ихъ громкимъ, безцеремоннымъ разговоромъ. Теперь мнѣ это особенно не понравилось; пока они были пьяны — Богъ съ ними; но вѣдь теперь ихъ хмѣль, вѣроятно, уже до нѣкоторой степени прошелъ и подобная безцеремонность меня прямо возмущала. Нигдѣ до сихъ поръ мнѣ не пришлось испытать ничего подобнаго — здѣсь, очевидно, особая понятія относительно гостеприимства, не говоря о томъ, что комната, какъ и вездѣ, давалась мнѣ за плату, и втрое большую чѣмъ вездѣ въ Финляндіи (не считая, конечно, отелей и специальныхъ меблированныхъ комнатъ). Въ довершеніе всего, прислушавшись къ ихъ разговору, я замѣтила, что они черезъ каждыя два, три слова говорятъ *gusk*, т. е. русская. Ясно, что говорили обо мнѣ, а это мнѣ во всякомъ случаѣ не улыбалось — значить, у нихъ возникаютъ какія нибудь сомнѣнія относительно меня: принимаютъ можетъ быть за бѣжавшую преступницу. Слишкомъ ужъ страннымъ показалось здѣсь мое желаніе ночевать въ Хапарантѣ, въ десяти минутахъ ходьбы отъ Торнео; по крайней мѣрѣ, вчера вечеромъ одна баба очень негодовала по этому поводу и говорила, что мнѣ очень легко найти ночлегъ въ Торнео.

Видя, что мнѣ нужно окончательно отказаться отъ надежды выспаться, я начала одѣваться; это показалось мнѣ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что если бы эти люди договорились до необхо-

димости проверить мои документы, то вѣроятно не постѣснились бы тѣмъ, что я еще въ постели, судя по вчерашнему происшествію.

Но эти господа еще сами не вставали, поэтому—какъ только я была готова и напилась кофе, я ушла, отказавшись отъ удовольствія проститься съ моими безпокойными сосѣдами.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось осмотрѣть Хапаранту, когда на улицахъ не было никого, кромѣ собакъ. Я дождалась, когда открыли книжный магазинъ и почтовую контору, чтобы отправить письма и, съ удовольствіемъ распростившись съ Хапарантой, съ искренней радостью возвратилась на лоно своего суроваго отечества.

Мораль сей басни слѣдующая: если кто-нибудь захочетъ бѣжать за границу черезъ Торнео, то пусть не рассчитываетъ на гостепрѣмство шведовъ въ Хапарантѣ. Я совѣтую,—прѣхавши вечеромъ съ пароходомъ въ Торнео, сначала переночевать тамъ—въ этомъ ему никто не помѣшаетъ, а потомъ утромъ пусть отправляется черезъ границу и ищетъ ночлега уже на разстояніи дня пути отъ Хапаранты.

Я не хочу этимъ сказать что-нибудь дурное относительно шведовъ. Наоборотъ—въ нѣсколько часовъ они уже успѣли произвести на меня очень пріятное впечатлѣніе: это очень красивый, стройный, живой народъ, повидимому, очень культурный... но увы! дешевый спиртъ—очевидно, большое зло.

Торнео 22-го іюля. Бродя по пустыннымъ, поросшимъ травой улицамъ, я уже въ сотый разъ спрашиваю себя, зачѣмъ я здѣсь, и все не могу дать удовлетворительнаго отвѣта. Здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго—я это знала раньше... стоило ли прѣзжать, чтобы убѣдиться въ этомъ собственными глазами?.. Что меня привело сюда?—Желаніе видѣть культурныхъ людей крайняго сѣвера, которыхъ я ожидала встрѣтить полной, совершенной противоположностью съ нашимъ югомъ?.. Ихъ, конечно, трудно встрѣтить на большой дорогѣ... Но, въ сущности, чѣмъ обыкновенно отличается цвѣтъ общества отъ массы, отъ людей большой дороги?.. Болѣе утонченнымъ лицемѣріемъ, болѣе утонченной подозрительностью и жестокостью, большимъ высокомѣріемъ... А развитой умъ только болѣе сильное зловерное орудіе...

Несомнѣнно—западная культура выше нашей... Но — далеко еще ей до того уровня, когда культурность и человѣчность будутъ синонимами. Это еще пока культура отдѣльныхъ націй и народовъ съ рѣзко обособленными интересами и стремленіями, часто противорѣчащими другъ другу, и высшая форма культурности служить только болѣе могущественнымъ средствомъ борьбы съ другими. Каждый народъ прочно сидитъ въ своей собственной загородкѣ и недовѣрчиво поглядываетъ на сосѣда, держа

противъ него наготовѣ страшнѣйшія изобрѣтенія своего развитого ума... И горе народу, не имѣющему своей собственной, хорошо огороженной кѣтки... нѣтъ ему мѣста среди другихъ...

Люди начинаютъ меня страшить... Они мнѣ не причиняютъ никакого физическаго или матеріальнаго вреда, въ этомъ я слишкомъ увѣрена... но ихъ отношеніе меня ужасаетъ... Положеніе незнакомки, неизвѣстнаго лица становится невыносимымъ...

Эти пустынные улицы кажутся мнѣ недостаточно безлюдными, недостаточно уединенными... Я нахожу, наконецъ, уединеніе за городомъ, на кладбищѣ.

Здѣсь хорошо—ни души, и глубокая тишина. Старыя тѣнистыя деревья осѣняютъ одинаково и древнія, выросшія въ землю плиты, и блестяшіе гранитные памятники съ золочеными рѣшетками, и покосившіяся деревянныя дощечки съ надписями, часто очень не искусно выведенными неумѣлой, но, можетъ быть, любящей рукой... Есть и на русскомъ языкѣ трогательная надпись; отцу многочисленнаго семейства... Въ нѣкоторыхъ оградахъ скромно цвѣтутъ сѣверныя розы. Старая церковь необыкновенно оригинальна со своей башней и чрезвычайно высокой острокопечной крышей, сложенной изъ какихъ-то черныхъ плитокъ въ родѣ толя.

И блѣдный закатъ солнца и все здѣсь кругомъ напоминаетъ о вѣчномъ покоѣ... Отчего это такъ умиротворяетъ?..

Уже и сумерки сгущаются, и сыро становится—а все не хочется уходить... мертвые не могутъ быть подозрительны, несправедливы, жестоки...

А справедлива-ли я сама ко всѣмъ этимъ чужимъ людямъ?.. Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно ждать отъ человѣка по отношенію къ чужеземцу?.. Развѣ люди одного народа, одного общества, одной семьи не выказываютъ другъ другу на каждомъ шагѣ самаго глубокаго, самаго обиднаго недовѣрія? Развѣ ваши добрые знакомые не готовы во всякое время распространить о васъ самую грязную клевету, подъ видомъ сочувствія къ вамъ?.. Развѣ вашъ лучшій другъ, братъ, сестра не умѣютъ истолковать въ худшую сторону каждый вашъ поступокъ, каждое слово?.. Развѣ мы не живемъ и не умираемъ незнакомцами среди самыхъ близкихъ намъ людей?.. Чего-же такъ пугаться роли подозрительнаго незнакомца—вѣдь съ нею никогда не приходится разставаться...

Улеаборгъ. Воскресенье. Наконецъ я на обратномъ пути. До отхода поѣзда остается еще больше часу; думаю, что можно успѣть сходить на почту справиться, не было-ли за это время писемъ. Проходя мимо кирки, слышу торжественные звуки органа и пѣніе. Не зайти-ли?

Войдя, я остановилась у стѣны около двери. Пѣніе стройно и

гармонично; сливаясь съ тягучими, торжественными звуками органа, оно создаетъ сильную и серьезную мелодію, которая помимо моей воли проникаетъ въ душу и настраиваетъ ее нѣсколько меланхолически...

Выходитъ пасторъ и начинаетъ проповѣдь; я хочу сначала уйти, но потомъ меня останавливаетъ желаніе услышать финскую рѣчь въ изящныхъ оборотахъ и чистомъ произношеніи. Я, конечно, абсолютно ничего не понимаю, но стараюсь прислушаться къ модуляциямъ голоса пастора и понять, что онъ можетъ говорить.

Пробую мысленно слагать соответствующую рѣчь и чувствую, что она начинаетъ меня трогать. Въ сущности, совсѣмъ не такъ плохо, когда проповѣдь говорится на непонятномъ языкѣ: каждый можетъ думать самое подходящее для него, и въ результатѣ проповѣдь, задѣвая въ каждомъ самое больное мѣсто, можетъ произвести потрясающее впечатлѣніе на аудиторію грѣшниковъ (въ данную минуту я не сомнѣваюсь, что мы всѣ здѣсь—грѣшники). Между тѣмъ голосъ пастора принимаетъ проникновенные оттѣнки; онъ дѣлаетъ продолжительныя паузы, за которыми слѣдуютъ патетическія восклицанія, начинающія закругленный періодъ, который постепенно понижается до тихаго ропота. Я начинаю уже совсѣмъ ясно понимать рѣчь пастора.

„О жалкій, ничтожный человѣкъ, говорить онъ съ горькою укоризной, — чего ты мятешься? чего ты ищешь?!. Нѣтъ предѣловъ твоей гордыни и твоимъ притязаніямъ... А что ты—предѣ лицомъ вѣчности?!. Мгновенно взвившійся прахъ—и только. Ты тщишься проникнуть и познать свою мысль все и вся, — а разумъ твой недостаточно силенъ, чтобы наряду съ другими мыслями имѣть всегда въ ясномъ сознаніи и мысль о томъ — что мгновенно и преходяще все, что ты ищешь... Вѣчна только истина—а ея ты не знаешь и не можешь знать... Смирись, ничтожное существо, иди скромнымъ путемъ исполненія своего долга и въ этомъ обрѣтешь миръ души“...

Нѣсколько человѣкъ, вѣроятно изъ наиболѣе нераскаянныхъ грѣшниковъ, вышло изъ церкви. Я взглянула на часы—мнѣ пора было къ поѣзду. И хотя не могу причислить себя къ наиболѣе нераскаяннымъ грѣшникамъ, такъ какъ прониклась смиреніемъ и уныніемъ подъ вліяніемъ проповѣди, — однако пришлось тоже выйти. На почту я не пошла—испытанныя ощущенія понизили интересъ къ возможнымъ письмамъ, кстати я сообразила, что въ воскресенье почта, вѣроятно, закрыта, а письма все равно будутъ отправлены за мною слѣдомъ.

Меланхолическое настроеніе, навѣянное богослуженіемъ и проповѣдью, разсѣялось, когда я, наконецъ, очутилась въ вагонѣ съ билетомъ въ рукахъ до мѣста назначенія. Слава Богу! никакія случайности, кромѣ крушенія, конечно (но это въ рукахъ

Господа), не могутъ больше задержать моего возвращенія въ родные края.

Поѣздъ мчится, и вмѣстѣ съ его движеніемъ меня баюкаетъ пріятное сознаніе, что черезъ два дня я буду опять ясно понимать все, что вокругъ меня дѣлается. Я опять услышу русскую рѣчь, увижу русскую грязь и беспорядочность, русскую лѣнь, широкость натуры и недовольство жизнью... Но все это будетъ свое, близкое, родное... Я вспоминаю тяжелые годы, проведенные за-границей, и тѣхъ несомнѣнно культурныхъ, но чужихъ людей, съ чуждымъ языкомъ, чуждыми обычаями, чуждымъ міровоззрѣніемъ; вспоминаю вѣчную тоску по Россіи, и теперь, послѣ кратковременной отлучки, опять ясно чувствую и думаю, — что нѣтъ ничего ужаснѣй изгнанія...

А поѣздъ все мчится... Но странно — чѣмъ больше я думаю, тѣмъ меньше меня баюкаетъ движеніе поѣзда. Въ его ритмическомъ шумѣ и грохотѣ мнѣ слышится что-то противорѣчивое моимъ размысленіямъ, что-то задѣвающее и раздражающее меня... Сначала я не обращаю на это вниманія, — но пѣсня поѣзда становится все настойчивѣй и громче... Я начинаю замѣчать, что она звучитъ злою насмѣшкой и властно прерываетъ мои размысленія. Я перестала думать, напряженно прислушиваясь къ шуму поѣзда и стараясь понять—что меня мутитъ, что не даетъ покоя...

Тра-та-та та-та-та, та-та-та та-та-та... настойчиво повторяетъ поѣздъ. Я слушаю, слушаю и, по сложившейся за это время привычкѣ, стараюсь проникнуть въ смыслъ непонятныхъ звуковъ... Довольно,—я уже понимаю...

Нѣтъ-у-васъ роди-ны, нѣтъ-вамъ-изгна-ні-я... злобно насмѣшливо грохочетъ поѣздъ... Да, это ужасно... Невозможность изгнанія — хуже изгнанія...

А онъ все стучитъ и стучитъ...

Тра-та-та та-та-та, та-та-та та-та-та,

Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія...

24-го *юля*. Есть-ли что нибудь на свѣтѣ, что могло-бы сравняться съ нѣмецкой самоувѣренностью? Я думаю, что нѣтъ ничего. (Не считаю англійской, но эта такъ *imposante*, что она принимается какъ должное и въ сравненіе не идетъ).

Двое нѣмцевъ говорятъ, очевидно, о Россіи и, что всего интереснѣе, о русской литературѣ, — до меня постоянно долетаютъ слова Гоголь, Достоевскій и другія. Къ сожалѣнію, я могу уловить только обрывки разговора, заглушаемаго шумомъ поѣзда и говоромъ ближайшихъ сосѣдей. Но и въ этихъ обрывкахъ чувствуется такъ много презрѣнія къ русскимъ порядкамъ... Послѣ какой-то комической исторіи съ паспортомъ, которой я не разо-

брала, рассказчикъ прибавляетъ—*das ist die schöne russische System...* Мнѣ досадно это слышать — но это можно простить. Но что касается литературы, то меня раздражаютъ снисходительно самоувѣренныя сужденія этого юнца, а еще больше его плѣшиваго собесѣдника... Отъ души жалѣю, что не могу уловить ничего опредѣленнаго, что позволило-бы мнѣ вмѣшаться...

Въ каждомъ ихъ движеніи, въ каждомъ словѣ видно, что они чувствуютъ себя „Kulturträger'ами“... Блаженны люди самоувѣренные—они должны всегда и вездѣ взять верхъ; а всякія скромныя достоинства—это сущіе пустяки: здѣсь на землѣ они ничего не дадутъ...

Мы ѣдемъ мимо маленькаго озерка, заросшаго на половину осокой и съ совершенно плоскими берегами; вода по обыкновенію сѣраго цвѣта и, на мой взглядъ, картина не представляетъ ничего поразительнаго. Но нѣмцы убѣжденно и на перебой повторяютъ—„*wunderschön! wunderschön!*“!

Еще-бы! Могутъ-ли найти иначе вполне добросовѣстные путешественники, хорошо знакомые съ путеводителемъ.

Но здѣсь дѣйствительно дорога проходитъ по слегка волнистой мѣстности, производящей пріятное впечатлѣніе разнообразія. Но мнѣ она нравится не своею живописностью, что на мой взглядъ очень условно, а тѣмъ, что она хорошо обработана и очень густо заселена; а лѣсъ не производитъ того впечатлѣнія запущенности и заброшенности, что меня такъ непріятно поражало въ средней и сѣверо-восточной Финляндіи...

ОСТРОВЪ.

Романъ Ричарда Уайтинга.

Пер. съ англійскаго З. Журавской.

XI.

Парусъ.

На другое утро меня разбудилъ пушечный выстрѣлъ, вызвавшій въ поселкѣ какое-то странное смятеніе. Я едва успѣлъ одѣться и присоединиться къ старику губернатору, ожидавшему меня въ гостиной, какъ вбѣжалъ, запыхавшись, островитянинъ и объявилъ, что съ мыса видѣнъ корабль и притомъ англійскій, королевскій.

Англійскій корабль! Не удивительно, что въ одно мгновеніе весь поселокъ былъ на ногахъ. Корабль, имѣющій право поднимать королевскій флагъ, корабль—представитель авторитета и могущества Англіи! Въ этотъ день всѣ работы на островѣ были прекращены.

Губернаторъ облекся въ праздничный сюртукъ и принялся распоряжаться.

— Какое счастье, что сегодня прибой не очень силенъ. Юна, бѣги скорѣе на мысъ съ бѣлымъ флагомъ и подай имъ сигналъ, что все, молъ, благополучно. А ты, Квинталъ, иди на берегъ и смотри, какъ они будутъ перебираться черезъ буруны. Ну, ребята, кто же изъ васъ возьметъ ихъ къ себѣ на постой?

Вопросъ о томъ, гдѣ помѣстить офицеровъ, обсуждался всѣми островитянами сообща. Каждый изъ нихъ добивался чести приютить у себя челоуѣка, носящаго форму англійскаго королевскаго флота. Съ полдюжины отцовъ семействъ заразы предложили помѣстить у себя столько же гостей. Довольно крупный споръ вышелъ изъ-за капитана, который ex - officio достался бы губернатору, если бы не то обстоятельство, что

свободная комната въ домѣ его превосходительства была уже занята мною. Я предложилъ устранился, но моя великодушная хозяйка не хотѣла и слышать объ этомъ.

— Я нашла его, отецъ, и онъ принадлежитъ мнѣ, — объявила Викторія, повторивъ опять ту же фразу, которую она произнесла въ первую нашу встрѣчу, и которая нѣкогда заставила меня заподозрѣть существованіе рабства на островѣ. Надо бы, чтобы при этой попыткѣ третировать меня, какъ вещь, кровь свободнорожденнаго хлынула мнѣ въ лицо, но этого не случилось.

Капитанъ присужденъ, наконецъ, школьному учителю; женщины спѣшатъ домой накалывать печи, и сборище расходится. Но каждая изъ отдѣльныхъ группъ, на которыя оно распалось, представляетъ собою какъ бы подкоммиссію по устройству торжественнаго приѣма, такъ какъ во всѣхъ только и рѣчи, только и заботъ, что объ удобствахъ и развлеченіяхъ дорогихъ гостей. Всѣ поглощены этимъ общественнымъ интересомъ; единственное исключеніе составляютъ двое тяжущихся, которые намѣрены апеллировать на рѣшеніе мѣстнаго суда къ верховному трибуналу, изображаемому капитаномъ британскаго военнаго судна. Сейчасъ они заняты тѣмъ, что бросаютъ жребій, кому первому говорить на судѣ.

Губернаторъ спѣшить на пристань, требуетъ, чтобы ему моментально было подано его китоловное судно и экипажъ, состоящій изъ трехъ матросовъ, и нашь флотъ съ скромною гордостью отправляется на встрѣчу королевскому судну. Судно стоитъ почти у самаго берега, благо это позволяетъ глубина, и, когда губернаторъ подъѣзжаетъ къ нему, мы отлично видимъ все, что происходитъ. Его превосходительство снимаетъ шляпу и дергаетъ себя за хохоль, котораго не имѣется. Со временъ Георга III, въ его роду перевелись прически съ хохломъ спереди, но жестъ уцѣлѣлъ и продолжаетъ выражать уваженіе. Капитанъ жметъ ему руку и представляетъ его своимъ офицерамъ, которые дѣлаютъ то же. Затѣмъ всѣ покидаютъ чистую бѣлую палубу и спускаются внизъ, гдѣ, очевидно, ждетъ угощеніе. Вернувшись, губернаторъ садится въ катеръ и съ нимъ офицеры. Онъ самъ правитъ рулемъ, ибо только здѣшнему уроженцу въ пору справиться съ нашимъ прибоемъ, избѣжавъ всѣхъ подводныхъ скалъ и камней. Они выждали за линіей прибоя, пока дозорный, поставленный на берегу, не махнулъ шляпой, затѣмъ ринулись сразу, благополучно выскочили на гребень волны — и вотъ они уже на берегу.

Двое изъ офицеровъ оказываются моими старыми пріятелями — удивительно малъ этотъ міръ! Что касается островитянъ, можно подумать, что всѣ прибывшіе ихъ старые

друзья — такъ радушенъ и горячъ пріемъ. Мужчины, женщины и дѣти наперерывъ спѣшаютъ позвать руку гостямъ; одна дѣвушка поднесла цвѣты капитану, онъ цѣлуетъ ее; его офицеры цѣлуютъ другихъ дѣвушекъ; отцы, братья и кузены кричатъ „ура“, и всѣ очень довольны.

Затѣмъ мы ведемъ гостей по крутымъ тропинкамъ въ зданіе школы. Это веселое, радостное шествіе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ: старъ и малъ.

Здѣсь капитанъ вноситъ въ списки имя своего корабля и нѣкоторыя другія подробности и принимаетъ депутацію стариковъ, явившихся съ цѣлью обмѣна продуктами. Корабль нуждается въ водѣ, ямсѣ и картофелѣ; мы нуждаемся въ мѣдномъ и желѣзномъ товарѣ. Условія мѣны устанавливаются согласно писанному тарифу, и старѣйшины удаляются, чтобы озаботиться доставкою мѣстнаго товара. Они плохіе торговцы: въ этомъ году ямса мало, но они не повышаютъ цѣны на него, и я не могу заставить ихъ понять, что они имѣютъ полное право сдѣлать это, что это будетъ честный заработокъ. „Развѣ въ топорахъ меньше стали, чѣмъ прежде“, спрашиваютъ они, — „чтобы давать за нихъ меньше ямса?“ Я помнилъ положеніе, что цѣнность вещи опредѣляется тѣмъ, сколько она приноситъ дохода, и старался втолковать это имъ, но они только головами качали. Мнѣ въ первый разъ бросилось въ глаза, что здѣшніе жители совершенно лишены отъ природы склонности къ экономическимъ спекуляціямъ и что, при всей ихъ религіозности, они, пожалуй, нуждаются въ миссіонерѣ, который научилъ бы ихъ этому. Они недостаточно развиты; у нихъ нѣтъ спеціальнаго чутія... а, впрочемъ, пока довольно объ этомъ.

Тѣмъ временемъ гостей развели по квартирамъ. Капитанъ сіяетъ добродушіемъ и привѣтливостью. Онъ уже предвидитъ, какъ онъ будетъ читать предъ лордами адмиралтейства свой докладъ о нравахъ, обычаяхъ и образѣ жизни этихъ простодушныхъ островитянъ, и какія статьи появятся потомъ въ ежедневныхъ газетахъ. Здѣсь такъ легко и свободно дышется послѣ официальныхъ пріемовъ въ большихъ портахъ Тихаго Океана и французской полировки южно-американскихъ доновъ, сильно попорченной благодаря пребыванію въ знойномъ климатѣ.

Островитяне любопытны, какъ дѣти, и, какъ дѣти, засыпаютъ гостей вопросами. Они вытаскиваютъ изъ офицерскихъ ноженъ шпаги, проводятъ пальцами по тупой сторонѣ и восхищаются блестящимъ лезвіемъ дамасской стали. Нѣкоторые изъ нихъ еще никогда не видали военного мундира, и ни одинъ не можетъ досыта наглядѣться на него. Они питаютъ полное довѣріе къ чести носящихъ этотъ мундиръ и всей

душой предаются удовольствію, не предвидя отъ этого ничего дурного. Всѣ правила поведенія, принятыя на островѣ, по отношенію къ гостямъ отмѣнены. Дѣвушки идутъ, куда хотятъ и съ кѣмъ хотятъ; у самаго захудалаго офицера имѣется адъютантъ и проводникъ женскаго пола. За капитаномъ ухаживаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ губернаторъ, хотя мнѣ, думается, онъ предпочелъ бы послѣдовать примѣру своихъ офицеровъ. Губернаторъ окружаетъ его тонкой учтивостью и предоставляетъ ему распоряжаться, какъ бы сложивъ съ себя званіе и обязанности главы правленія.

И, дѣйствительно, сейчасъ онъ не глава — по крайней мѣрѣ, не верховный судья. Я уже говорилъ, что, въ силу конституціи, высшей судебной инстанціей для насъ является флотъ королевы, а у насъ есть нерѣшенное дѣло.

На другое утро, послѣ визита капитана, созывается судъ, засѣдающій въ кокосовой рошѣ. Губернаторъ предложилъ было собраться въ зданіи школы, но капитанъ нашелъ, что это можно сдѣлать и на прогалинѣ въ рошѣ, а его воля — законъ. Здѣсь тише, чѣмъ это, по большей части, бываетъ въ залахъ суда, такъ какъ шопотъ публики теряется подъ открытымъ небомъ, а щебетаніе птицъ менѣе надоѣдливо, чѣмъ окрики пристава, призывающаго къ тишинѣ. Легкій вѣтерокъ не помѣха, ибо на столѣ нѣтъ бумагъ, которыя онъ могъ бы развѣять, а приносимое имъ благоуханіе деревенскихъ садовъ могло бы значительно улучшить атмосферу Линкольнса Ина.

Я никакъ не могъ взять въ толкъ дѣла, которое предстояло разобрать гостямъ — и не удивительно, ибо оно поставило въ тупикъ всѣ наши суды. Кошка найдена была убитой;—для начала, это достаточно ясно, но вскорѣ затѣмъ начиналось недоумѣніе. Кто убилъ кошку? Это также было выяснено—ее убилъ нѣкій Илья Маколь. Есть-ли какое-либо оправданіе его поступку?—Онъ жалуется, что кошка душила его цыплятъ, и послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ ночныхъ набѣговъ, стойвшихъ жизни не одному изъ его питомцевъ, онъ, въ свою очередь, лишилъ жизни кошку. Законъ о такихъ случаяхъ говоритъ совершенно ясно: кошка, убивающая домашнюю птицу, должна быть сама убита. Но для этого необходимо, чтобы преступное дѣяніе было доказано; чтобы виновная была поймана на мѣстѣ преступленія;—такъ гласитъ статья уложенія, нарочито прочитанная губернаторомъ, по просьбѣ суда. Были ли въ данномъ случаѣ фактическія доказательства настолько убѣдительны, какъ того требуетъ законъ, была ли кошка поймана съ поличнымъ? Хозяинъ цыплятъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, могъ сказать только,

что кошка имѣла привычку по вечерамъ усаживаться вблизи его курятника, чтобы насладиться вечерней прохладой, и что послѣ каждого такого визита, на утро онъ не досчитывался одного или нѣсколькихъ цыплятъ. Онъ, выражаясь его словами, сложивъ два и два, далъ волю своимъ чувствамъ и „сплавилъ кошку“ (въ этомъ мѣстѣ его показанія, губернаторъ попросилъ его не забывать, въ чьемъ присутствіи онъ находится, и не употреблять такихъ выраженій), послѣ чего цыплята перестали исчезать. Кромѣ того, при посмертномъ изслѣдованіи казенной, онъ нашелъ небольшое перышко, приставшее къ мѣху. Прижатый къ стѣнѣ допросомъ, онъ, однако, вынужденъ былъ сознаться, что никогда не видалъ, чтобы кошка заглядывала въ курятникъ; напротивъ, голова ея всегда была обращена въ другую сторону. Нерѣдко она съ озабоченнымъ видомъ мурлыкала себѣ подъ носъ свою пѣсенку, а жесты ея ничуть не носили угрожающаго характера, настолько, что въ самый моментъ нанесенія ей рокового удара, она умывала лапкой свою мордочку. Убийца не могъ отрицать, что по сосѣдству было много другихъ кошекъ; онъ не отрицалъ также, что цыплята часто взлетали на заборъ, на которомъ любила сидѣть кошка, и что который нибудь изъ нихъ могъ потерять перышко, найденное на убитой. Представляя всѣ эти возраженія, владѣлецъ кошки повергалъ свою жалобу на усмотрѣніе верховнаго суда. Низшія инстанціи,—т. е. сначала губернаторъ, въ качествѣ главнаго судьи, затѣмъ жюри,—отказали ему въ искѣ. Окончательный приговоръ долженъ былъ произнести капитанъ военнаго корабля флота ея величества, „Ролло“.

Капитанъ былъ, видимо, смущенъ; это было замѣтно уже по тому, какъ часто онъ обращался къ своему помощнику, прося огня, чтобы раскурить сигару. Слова закона: „виновная должна быть поймана съ поличнымъ“ являлись для него камнемъ преткновенія; это было замѣтно по всему.

— Гдѣ вы нашли перо,—спросилъ онъ, наконецъ;—не по близости ли къ хвосту, куда оно могло прилипнуть въ то время, когда кошка сидѣла на заборѣ?

Это былъ наводящій вопросъ, но никто, повидимому, не замѣтилъ этого маленькаго отступленія отъ принятой процедуры.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ убійца;—я нашелъ перо на щекѣ, какъ разъ подѣ правымъ усомъ.

— Я полагаю, это рѣшаетъ дѣло,—сказалъ судья. Кошка умывалась послѣ того, какъ съѣла птицу.

— Да, это рѣшаетъ дѣло,—подтвердилъ его помощникъ, старшій лейтенантъ.

— Это несомнѣнно рѣшаетъ дѣло,—категорически заявилъ

корабельный докторъ, хотя ему, какъ постороннему человѣку, вовсе не было надобности высказывать свое мнѣніе.

— Это рѣшаетъ дѣло,—сказалъ и губернаторъ;—мнѣ не пришло въ голову предложить ему этотъ вопросъ.

— Это рѣшаетъ дѣло,—хоромъ согласились поселяне и въ томъ числѣ—странно сказать—хозяинъ убитой кошки.

Такимъ образомъ, верховный судъ утвердилъ приговоръ низшихъ инстанцій.

ХІІ.

Три дня.

Покончивъ съ дѣлами, мы приступаемъ къ удовольствіямъ. Корабль простоитъ здѣсь всего три дня и надо воспользоваться этимъ временемъ какъ можно лучше, взять отъ cadaго драгоценнаго часа все, что только возможно, какъ если бы это былъ послѣдній часъ нашей жизни.

Прежде всего—визитъ на корабль, по приглашенію. Ради нашего приѣзда судно, принарядилось и вывѣсило нѣсколько флаговъ; насъ привѣтствуютъ пушечнымъ выстрѣломъ. Ёдутъ всѣ. Капитанъ встрѣчаетъ насъ на палубѣ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ никогда не бывалъ на берегу, и каждому, вскарабкавшемуся на бортъ, горячо пожимаетъ руку, хотя видѣлся съ нимъ всего какой-нибудь часъ тому назадъ. Онъ въ эполетахъ и фуражкѣ съ кокардой, по особой просьбѣ губернатора; офицеры также облеклись въ самую парадную форму. Экипажъ, успѣвшій лишь мелькомъ взглянуть на жизнь островка, но присмирѣвшій и послѣ этихъ мимолетныхъ наблюденій, старается выражаться какъ можно изысканнѣе и угощаетъ насъ концертомъ. Оркестръ состоитъ всего только изъ скрипки и аккордеона, репертуаръ изъ площадныхъ пѣсенъ, какія поютъ въ кафе-шантанахъ. Эти пѣсни какъ-то не звучатъ въ чистомъ воздухѣ нашихъ береговъ; имъ словно не достаетъ атмосферы ихъ родного болота. Простодушные островитяне слушаютъ и вѣрятъ, что ничего худого тутъ нѣтъ,—вѣдь это же англійскія пѣсни,—но всетаки готовы усумниться—не въ насъ, а въ самихъ себѣ—преlestныя первоначальныя сомнѣнія невинныхъ душъ! Нѣкоторыя пѣсни абсолютно непонятны для нихъ: имъ не можетъ быть понятенъ этотъ юморъ грязи и пошлости жизни. „Джэкъ въ бумажномъ воротничкѣ—грошъ ему цѣна“.—Что тутъ смѣшного для нихъ? Они не носятъ воротничковъ вообще, слѣдовательно, не носятъ и бумажныхъ, слѣдовательно, не расходуютъ на эту принадлежность туалета ни грошей, ни фунтовъ.

По той же самой причинѣ они остаются совершенно безчувственными къ жалобнымъ возгласамъ: „О папа, милый папа, ветошники пришли!“—„Что это такое—ветошники?“—шепчетъ мнѣ Викторія. Какъ забавно, что она не знаетъ самыхъ элементарныхъ вещей!—„Тссъ, Викторія“,—говорю я,—не теперь,—когда всѣ уйдутъ;—это взяло бы слишкомъ много времени, пожалуй, цѣлый день. Слушайте лучше пѣніе; это—народная баллада“.

Слѣдуетъ комическая фантазія, гдѣ весь юморъ построенъ на игрѣ словъ.

A sloth is not an idol;
A bride can't wear a bridle,
Though surely by the (h) altar she is led;
Sixpence is not a tanner;
A bridegroom's not a banner
Though the banns he will put up before he's wed *).

Я дрожу: еще немного—и вся тайна выйдетъ наружу, тайна мрака духовнаго, въ которомъ пребываетъ такое множество нашихъ братьевъ, въ то время, какъ лордъ Теннисонъ совѣщается съ своимъ портнымъ, а дилеттантизмъ мечтаетъ о ежемѣсячномъ засѣданіи Общества Броунинга и пренебрегаетъ ими, какъ сюжетами. Еще немного, и островитяне, пожалуй, заподозрятъ, что красота и тонкій вкусъ выращаются жидами специально для Мэйфера, все равно, какъ большіе ананасы, и что сами поэты не что иное какъ садовники, выносящіе свои произведенія на рынокъ для продажи богачамъ. Эта трущобная поэзія грозитъ убить весь блескъ торжественнаго приема; отъ газовъ, поднимающихся изъ швейныхъ мастерскихъ, потускнѣлъ даже золотой галунъ на капитанской фуражкѣ.

— Какъ пріятно, должно быть, обладать вашимъ англійскимъ чувствомъ юмора,—говоритъ Викторія,—и быть способнымъ наслаждаться всѣми этими забавными пѣсенками!

Спасены! Они еще разъ взяли всю вину на себя.

Мы расхаживаемъ по кораблю, осматриваемъ оружейную, пробуемъ кортики, всовываемъ головы въ жерло огромной пушки, по очереди, стоя въ рядъ, подъ наблюденіемъ капрала; закусьиваемъ въ капитанской каютѣ, отказываемся отъ вина, осматриваемъ все, что только можно, и повсюду задаемъ нелѣпные вопросы. Незабвенный день! Одинъ изъ матросовъ исполняетъ ради нашего удовольствія англійскую ма-

*) Уваленъ не подолъ; на невѣсту не надѣваютъ узды, хотя и ведутъ ее (въ поводу) къ алтарю; шестипенсовикъ не кожевникъ, женихъ не хоругвь, хотя онъ и обязанъ дѣлать оглашеніе въ церкви передъ вѣнчаніемъ.

тросскую пляску; три нашихъ дѣвушки — ритмическій танецъ таитянокъ для удовольствія матросовъ. Капитанъ обо всемъ разспрашиваетъ и записываетъ, — все въ виду своего будущаго доклада лордамъ адмиралтейства. Кое съ кого изъ насъ уже сняли фотографическія карточки — нѣтъ, здѣсь слишкомъ, безумно весело! Старикъ губернаторъ принимаетъ серьезный видъ и подаетъ знакъ къ отъѣзду. Спускаютъ катера; маленькое китоловное судно забираетъ обратно свой грузъ; лодки, прыгая по волнамъ, везутъ насъ обратно. Уже совсѣмъ стемнѣло, но радостямъ еще не конецъ: когда мы выходимъ на берегъ, съ корабля взвивается ракета, и на немъ зажигается синій огонь, какъ бы для того, чтобы сказать намъ: „Спокойной ночи!“ Незабвенный день!

А впереди еще нѣсколько такихъ же; — теперь наша очередь принимать и чествовать дорогихъ гостей. Наши дѣвушки водятъ ихъ по всему острову, показываютъ имъ пещеру рѣзныхъ изображеній, пещеру наблюдателя, мысъ, помогаютъ имъ вскарабкаться на вершину, осторожно ведутъ ихъ по краю утеса и внизъ, по скату, какъ, бывало, меня моя нянька. Гости пытаются обойтись безъ вожатыхъ и очень скоро раскаиваются въ своей дерзости, причемъ имѣютъ жалкій видъ тонущихъ Цезарей, зовущихъ на помощь. Такіе же плачевные для нихъ результаты даетъ и водяной спортъ. Кто изъ насъ, какой храбрецъ рѣшится послѣдовать за этой морской нимфой, бросающейся въ буруны съ доской въ рукахъ и ныряющей до тѣхъ поръ, пока она не очутится на самомъ гребнѣ волны, послѣ чего она ложится плашмя на ложѣ изъ кипящей бѣлой пѣны и вмѣстѣ съ волною катится внизъ. Волна съ грохотомъ разбивается объ утесы; вы ожидаете увидѣть разможенное, изуродованное тѣло и видите передъ собой только смѣющуюся Венеру, подымающуюся цѣлой и невредимой изъ морской пѣны.

Сама природа ласково улыбается намъ и дополняетъ великолѣпіе праздника дивными солнечными закатами, обливающими несказанной красотой лѣсъ и горы. Въ эти часы все затихаетъ, все сливается въ одну цѣльную картину, дышащую покоемъ и миромъ; даже немолчный гулъ буруновъ, въ ихъ неустанный борьбѣ съ прибрежными скалами, не нарушаетъ гармоніи.

Попозже, когда стемнѣетъ, мы ловимъ рыбу при свѣтѣ факеловъ въ густой тѣни скалъ; надъ нами высокія сверкающія стѣны утесовъ, подымающихся къ самому небу, облитому луннымъ свѣтомъ; внизу подъ нами, за узенькимъ кругомъ огней — глубокая-глубокая вода, черная, страшная. Треска стаями плыветъ на огонь, — какъ это дѣлаютъ и существа лучше ея — и въ благодарность за такое стремленіе къ свѣту

ее прокалывают пятизубой вилкой. Дѣвушки, кто половчѣе, сидятъ впереди, съ вилками наготовѣ въ рукахъ, въ ожиданіи очереди, и въ этой позѣ очень напоминаютъ Британію, какъ ее изображаютъ на монетахъ въ полпенни. Потомъ онѣ берутся за весла, и мы выплываемъ изъ тѣни на серебристую гладь и затѣмъ плывемъ дальше къ зеленому берегу. Здѣсь снова концертъ, на этотъ разъ нашъ собственный,—простыя пѣсни встрѣчи и разлуки, по большей части сочиненныя школьнымъ учителемъ, исполняемыя хоромъ дѣвичьихъ голосовъ; въ такой передачѣ, принимая во вниманіе время и мѣсто, онѣ звучатъ, какъ истыя откровенія болѣе глубокаго смысла жизни. Слущая ихъ, невозможно сомнѣваться, что настанетъ время, когда духъ побѣдитъ плоть, что жизнь прекраснѣйшее изъ прекрасныхъ искусствъ, или ничто; что объ этомъ-то и говоритъ намъ природа, исполняя завѣтъ скрытаго за ея покрываломъ невѣдомаго.

Старикъ губернаторъ все время задумчивъ и еще задумчивѣе становится онъ въ моментъ разставанія, когда всѣ участники этого великаго совѣта душъ расходятся парочками, теряясь въ лучистомъ сумракѣ южной ночи. Это—последнее сборище: завтра корабль пускается въ путь. Губернаторъ ведетъ насъ мимо своего коттеджа и проситъ заглянуть къ нему на перепутьи.

— Я желалъ бы, чтобы вы, господа, никогда не заглядывали къ намъ,—шутливо говоритъ онъ гостю: или, если заглянете, чтобы ужъ не уѣзжали обратно. Для нѣкоторыхъ изъ васъ это мимолетное удовольствіе, препровожденіе времени, и только,—а у насъ есть такія, кому это всю жизнь перевернуть. Я слыхалъ отъ своего дѣда, что за радость для матросовъ, когда крикнуть: „Команда на берегъ!“—но вѣдь эта радость имъ не въ диковинку. А наши дѣвушки не умѣютъ забывать: такія ужъ онѣ уродились. Иная тоскуетъ, тоскуетъ, да такъ и помретъ съ тоски послѣ вотъ такого визита къ намъ королевскаго судна. Я самъ знавалъ такихъ. Онѣ думаютъ, что это только начало;—изъ вашей команды, кто помоложе, тоже думаютъ это, капитанъ,—но я знаю, что это конецъ, что имъ больше не сойтись никогда. Они уже не встрѣтятся, сэръ, въ этомъ мірѣ—хотя, можетъ быть, въ эту самую минуту вырѣзываютъ повсюду любовные узлы (восьмерки) на деревьяхъ, чтобы увѣрить себя, что они соединены на всю жизнь.

Случайное упоминаніе о любовныхъ узлахъ, повидимому, навело его на новую мысль.

— А жалко всетаки изъ за глупостей портить деревья. Вы извините меня, мнѣ бы слѣдовало пойти взглянуть...

И онъ, крадучись, пошелъ дозоромъ охранять обществен-

ное достояніе. На смѣну ему, очевидно, вызванная имъ изъ сада, пришла Викторія занимать гостя. Но Викторія не говорила ни слова. Всѣ эти дни, что здѣсь были заѣзжіе гости, она была непохожа сама на себя, стала задумчива, грустна, замкнута въ себѣ, не принимала участія ни въ какихъ развлеченіяхъ и, лишь время отъ времени, скучающимъ голосомъ задавала вопросы. Я чувствовалъ, какой услуги она ждетъ отъ меня, и взялъ на себя вести разговоръ, что мнѣ вовсе не было трудно, такъ какъ у насъ съ капитаномъ нашлось немало общихъ знакомыхъ. Онъ зналъ, кромѣ того, кое кого изъ моихъ родныхъ и, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что одинъ мой кузенъ, большой повѣса, поступившій на службу во флотъ, недавно перешелъ на *Tanis*, который отправился стаціонеромъ въ Китай.

— *Tanis* былъ здѣсь три года назадъ,—сказала Викторія очень тихо, но глядя прямо въ лицо капитану, какъ мнѣ показалось, печальнымъ взглядомъ.

— Я знаю; я принималъ это судно въ Портсмутѣ, когда оно вернулось изъ плаванія. Весь экипажъ только и говорилъ что о вашемъ очаровательномъ островкѣ; у меня тогда еще зародилось желаніе побывать здѣсь.

— Вы, можетъ быть, знаете мичмана на „*Tanis*“?—спросила Викторія еще тише, глядя какъ-то внутрь себя. — Гдѣ онъ теперь?

— Какого мичмана?—былъ весьма естественный вопросъ капитана.

Если Викторія и знала фамилію, она, видимо, не желала ее назвать.

— Это высокій молодой джентльменъ,—пояснила она съ большей живостью, но останавливаясь послѣ каждого слова, чтобы дать капитану время собраться съ мыслями, — блондинъ, съ живою быстрою рѣчью, съ пріятнымъ смѣхомъ. Если вы когда нибудь слышали его пѣніе, вы, навѣрное, вспомните его.

Капитанъ покачалъ головой.

— Онъ выигралъ битву съ рабовладѣльцами на западномъ берегу Африки.

— Какую битву, милая барышня?

— *Битву*.

— Вы хотите сказать, что онъ былъ на суднѣ, которое потопило одинъ изъ кораблей этихъ проклятыхъ торговцевъ живымъ товаромъ? Это случается каждый день.

— Онъ выигралъ битву; это все, что мнѣ извѣстно,—повторила Викторія.—Онъ самъ сказалъ мнѣ. Товарищи, помнится, звали его Кудряшемъ, потому что они завидовали его вьющимся волосамъ,—добавила дѣвушка, краснѣя, что

ей приходится входить въ такія подробности, но рѣшившись дать всѣ возможныя свѣдѣнія объ интересующемъ ее лицѣ для того, чтобы оно могло быть узнано.

Капитанъ наморщилъ лобъ, соображая.

— Кудряшъ, Кудряшъ... нѣтъ, я не знаю такого имени.

— Онъ носилъ оружіе—кортикиъ.

— Кортики носятъ всѣ.

— Его смѣхъ былъ такъ веселъ и звонокъ!

Викторія, безспорно, повторялась, но, можетъ быть, только для того, чтобы еще немножко помочь капитану.

— Конечно, конечно!

— Но нѣкоторымъ еще больше нравилась его улыбка.

— Однимъ нравится одно, другимъ — другое.

На мой взглядъ, отвѣтъ не выдерживалъ критики, но надо и то взять во вниманіе, что ему приходилось круто.

— Они, кажется, всѣ носятъ такія пуговицы?—спросила, наконецъ, дѣвушка, показывая свое единственное украшеніе.

— Да, знаете, у мичмановъ пуговицы у всѣхъ одинаковы; это-то и худо! Тоже самое и кортики, да и головы почти у всѣхъ кудрявыя. Эти молодцы всѣ на одинъ покрой, точно ихъ въ одной формѣ отливали. Ихъ бы, по моему, штемпелевать надо, чтобы можно было отличить одного отъ другого.

Викторія отошла и сѣла въ уголокъ въ тѣни.

Слѣдующее утро было прощальнымъ—но кто бы могъ это подумать? Оно началось совершенно также, какъ и предыдущія, ранними прогулками по холмамъ, смѣхомъ, обмѣномъ мелкими подарками въ знакъ памяти. И дальше все шло также, какъ въ прежніе дни, съ тою разницею, что этотъ день былъ послѣднимъ днемъ стоянки королевскаго корабля у нашихъ береговъ, и шлюпка уже ждала, чтобы забрать отъ насъ экипажъ. На прощанье насъ должны были почтить цѣлымъ пушечнымъ залпомъ, по личной просьбѣ губернатора, а затѣмъ поднять королевскій флагъ и послать людей по реямъ. Дѣвушки въ ожиданіи этого казались веселѣе, чѣмъ когда либо. Капитанъ, во главѣ своихъ офицеровъ, стоялъ на пристани; напротивъ него — губернаторъ, а на заднемъ планѣ улыбающіеся островитяне. Оставалось выполнить еще одну церемонію: представители двухъ государствъ обнялись, и шлюпка, гдѣ уже сидѣли всѣ наши отъѣзжавшіе гости, однимъ сильнымъ ударомъ веселъ оттолкнулась отъ берега.

Тутъ только, казалось, наши женщины поняли, что это взаправду разлука, и по берегу пронесся крикъ, леденящій кровь, подобный крику „Убиваютъ!“ въ ночи. Роковой даръ доводить каждое чувство до крайности, свойственный южнымъ

натурамъ, сказался и тутъ. Веселье мгновенно смѣнилось горемъ; онѣ кидались на земь, рвали на себѣ волосы, съ мольбой протягивали руки къ кораблю. Это была тропическая буря скорби. Я никогда не видалъ такого отчаянія, такой полнѣйшей безнадежности. Больно было думать о томъ сколько горя въ мірѣ, горя, которое преслѣдуетъ, какъ тѣнь, всякую радость, кладетъ свою печать на каждый фактъ бытія отъ колыбели до могилы, отъ вступленія въ жизнь до ухода изъ нея, какъ бы для того, чтобы лишить человѣка всякаго лживаго утѣшенія, всякой надежды хотя бы на перемѣну, ибо перемѣны нѣтъ и не будетъ: крикомъ боли начинается горестный человѣческій опытъ и стономъ кончается онъ, что бы ни происходило въ промежуткѣ. Бѣдныя, бѣдныя! для нихъ вся красота міръ потонула въ ихъ слезахъ. Я ощущалъ приливъ такой безумной жалости, что готовъ былъ убить ихъ въ то время, когда онѣ извивались здѣсь на землѣ. Все что угодно—лишь бы только прекратить эти нескончаемые, мучительные вопли горя. Три дня блаженства прошли, а впереди рядъ тоскливыхъ лѣтъ, и вмѣсто всякой надежды—прислушайтесь, что напѣваетъ губернаторъ по дорогѣ домой:

Не видать тебя мнѣ больше, Робинъ,
Не гулять намъ вмѣстѣ при лунѣ!

ХІІІ.

Моя миссія.

Глубокое уныніе, тяжкая усталость душевная — вотъ послѣдствія нашей великой утраты. Словно Смерть пронеслась надъ нами и тѣнь, брошенная ею, не исчезаетъ и отъ нея меркнетъ даже солнечный свѣтъ. Мы снова принимаемся за работу, но вначалѣ дѣлаемъ все, какъ автоматы. Какъ будто что-то и дѣлается, а результатовъ не видно. Ъдимъ и пьемъ мы также механически. Кто-бы взглянулъ на насъ съ высоты птичьяго полета, пожалуй, предположилъ бы, что предъ нимъ выставка восковыхъ фигуръ въ огромномъ размѣрѣ. Наша рѣчь уныла, какъ демонстрація фонографа, темы безразличны, голоса почти беззвучны. Никто не заговариваетъ о кораблѣ, словно онъ ушелъ и сгинулъ.

Викторія, повидимому, горюетъ не меньше другихъ, хотя ея доля участія въ общей скорби не можетъ быть велика. Меня она теперь не допускаетъ къ себѣ,—вѣрнѣе говоря, я вижу, что не нуженъ ей, и держусь въ сторонѣ. Когда она идетъ на мысъ, я иду въ пещеру Наблюдателя, и мы тоскуемъ на двухъ противоположныхъ высотахъ. Выполнивъ свои не-

сложныя обязанности хозяйки дома, она исчезаетъ на цѣлый день. Я провожу большую часть времени въ библиотекѣ губернатора, читая и перечитывая пожелтѣвшія страницы британскихъ классиковъ,—также наслѣдіе какого нибудь стараго затонувшаго корабля. Тамъ и сямъ закладка, словно нѣжный женскій палецъ, указывающій мѣсто, гдѣ можно почерпнуть отдыхъ и бодрость. Надо быть терпѣливымъ: можетъ быть Викторія сама скажетъ мнѣ, когда заговорить.

Но, въ концѣ концовъ, я устаю ждать тѣмъ скорѣе, что до сихъ поръ она дѣлилась со мной каждою мыслью, и въ одинъ прекрасный день отправляюсь на поиски. Я нахожу ее въ лѣсу, въ укромномъ уголкѣ къ югу отъ горной цѣпи. Она лежитъ въ высокой травѣ, обрывая лепестки цвѣтка, повидимому, спокойная.

— Викторія?

— А! я думала о васъ, и вы пришли,—говоритъ она, поворачивая ко мнѣ голову, безъ всякаго признака удивленія.

— Какъ могъ я знать, что вы хотите меня видѣть?

— Я сама этого не знала до сегодня.

— Изъ за чего вамъ мучиться, Викторія?

— Я вовсе не страдаю въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете; но другія страдаютъ, это всякому видно.

— Ну что-жъ, это ихъ дѣло; никого другого это не касается, кромѣ, развѣ, вашего батюшки. Но вы то причемъ? Вѣдь вы же не губернаторъ острова.

— Я—дочь губернатора,—сказала она другимъ тономъ.— Но что можетъ сдѣлать мой отецъ? Что можетъ сдѣлать кто бы то ни было, кромѣ, пожалуй, васъ? Вы должны помочь намъ. Только вы одни можете помочь. Безъ васъ мы такіе бѣдные, заброшенные.

— Что вы хотите сказать?

— Это горе...

— Пройдетъ черезъ недѣлю. Дайте срокъ. Всему свой чередъ.

— Я не хочу, чтобы оно такъ прошло и замерло бесплодно. Если оно умереть, съ нимъ умереть многое.

— Такъ боритесь съ нимъ, подавите его.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Какой вы злой! Вамъ бы все давить, убивать. Горе или слабость не убьешь тѣмъ, что будешь, какъ вы говорите, бороться съ нимъ. Скорѣе оно убьетъ васъ. Я знаю! Вы думаете, я не пробовала? Слушайте лучше, что я вамъ скажу. Когда вы слабы, или сознаете, что поступили дурно, не вступайте въ борьбу со своимъ сердцемъ и не докучайте ему прописной моралью. Сердце вырвется изъ клѣтки и всю эту мораль перевернетъ по своему или, что еще хуже, само возстанетъ на васъ и выйдете вы изъ этого

боя израненный и усталый—только и всего. А если и выиграете битву, передъ вами будетъ или мертвецъ, или рабъ. Хорошій спутникъ для союза на жизнь и смерть!

— И вы предпочитаете бѣгство. Такъ-то воюють женщины?

— О, теперь запѣлъ дроздъ пересмѣшникъ! Ну, что-жъ смѣйтесь, а всетаки это вѣрно. Именно бѣжать надо, но только съ тѣмъ, чтобы подняться ступенью выше. Отрѣшиться отъ своей слабости и дурныхъ чувствъ и старайтесь сдѣлаться лучшимъ — вотъ и все. Не тратьте даромъ силъ на болотѣ, на горахъ легче дышется. Это мнѣ сказалъ одинъ старикъ, который жилъ въ Индіи съ тамошними жрецами, и я ему дала за это немного ямса. Онъ служилъ поваромъ на одномъ китоловномъ суднѣ. А вы все говорите, что мы не умѣемъ торговать.

— Но какое же это имѣетъ отношеніе къ моей цѣлительной силѣ? Вотъ чего я не могу понять.

— Ведите насъ, помогите намъ подняться ступенью выше,—сказала Викторія, кладя руку мнѣ на плечо.

— Что вы хотите сказать?

— Просвѣтите насъ. Сдѣлайте насъ похожими на англичанъ. Поставьте предъ нами болѣе широкія задачи. Намъ чего-то недостаетъ, но чего—я не могу сказать. Здѣсь все такъ прекрасно—яркое солнце, любимые друзья, тишина, пѣніе, море, даже вѣтеръ въ лѣсу! А всетаки чего-то недостаетъ. Я это чувствую. Потому-то королевскія суда и не возвращаются къ намъ никогда. Мы всѣ, какъ будто дѣти.

— И оставайтесь такими.

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы хотимъ походить на васъ. Это царство младенцевъ. Помогите намъ стать большими и хорошими. Вы знаете тайну: вы жили *тамъ*.

— Что же мнѣ надо дѣлать?

— Поговорите съ отцомъ. Отецъ поговоритъ съ народомъ. Онъ не видитъ всего такъ ясно, какъ я вижу, но вы можете открыть ему глаза. Потомъ мы устроимъ митингъ и сразу начнемъ жить такъ, какъ живутъ въ Англіи.

Это было соблазнительно, спора нѣтъ: сдѣлаться Моисеемъ Тихаго океана, сформировать націю! Если подумать, они, пожалуй, и вправду на ложномъ пути. Я вспомнилъ свою попытку уяснить имъ принципы мѣновой торговли при обмѣнѣ ямса на топоры. На первый взглядъ это пустяки, но если освѣтить такой фактъ надлежащимъ образомъ, онъ получаетъ весьма серьезное значеніе. Какое убожество духовное! Какое скудоуміе! Они не умѣютъ даже распорядиться собранными ими растительными продуктами, не знаютъ простѣйшихъ принциповъ распредѣленія. Да и вообще у нихъ никакихъ

принциповъ нѣтъ, однѣ только прекрасныя эмоціи; никакого знанія жизни; искусство если и есть, то только безсознательное. Честное слово, они живутъ, какъ лиліи въ полѣ, даже не какъ орхидеи — тѣ, по крайней мѣрѣ, выращиваютъ, холятъ ихъ. А эти растутъ, какъ трава, словно здѣсь не человѣчій поселокъ, а лугъ съ цвѣтами. Въ самомъ дѣлѣ, не разыграть ли мнѣ по отношенію къ нимъ роль шотландскаго садовника, по крайней мѣрѣ разбить на лугу правильныя куртины и клумбы?

— Хорошо, Викторія. Я сдѣлаю все, лишь бы вы были счастливы, вы и всѣ ваши. Вы хотите цивилизовать свой народъ?

Ея улыбка была достаточнымъ отвѣтомъ.

— Я долженъ предупредить васъ заранѣе, вамъ будетъ больно.

— А развѣ безъ этого можно исправиться и стать лучшими?

— Временами вы будете считать меня своимъ злѣйшимъ врагомъ.

— О, полноте! Когда вы поговорите съ отцомъ?

— Сегодня же вечеромъ. Но позаботьтесь, чтобы это осталось между нами, чтобы въ разговорѣ участвовали только мы трое. Постороннихъ не нужно.

— Я позабочусь.

— А теперь, идите, милое дитя мое, оставьте меня одного — подумать.

Въ теченіе этого разговора Викторія все время постепенно понижала голосъ, какъ бы стараюсь убавить меня, незамѣтно привести къ благому рѣшенію и благому обѣщанію. Послѣ моихъ словъ она совсѣмъ смолкла, но взгляды ея были полны несказанной благодарности и надежды, когда она обернулась на ходу взглянуть на меня, неслышно скользя въ высокой травѣ.

XIV.

Заговоръ.

Болѣе удобнаго случая представиться не могло. Его превосходительство былъ въ этотъ вечеръ особенно разговорчивъ, даже болтливъ. Можетъ быть, это была просто реакція противъ унынія, царившаго на островѣ. Мы сошлись на лужайкѣ передъ домомъ, и весь вечеръ до того, какъ идти въ комнаты ужинать, онъ осыпалъ меня любезностями, какъ нѣкогда Дунканъ, въ моментъ, когда онъ подвергался такой же смертельной опасности покушенія на его жизнь, какъ здѣсь

на душевный покой человека, для которого этот покой былъ тою-же жизнью. Я, зная, какая участь ждетъ его, не могъ не чувствовать себя таномъ Кавдорскимъ, между тѣмъ какъ Викторія, съ грустью долженъ сказать, исполняла роль леди Макбетъ. Она слѣдила за мной еще внимательнѣе, чѣмъ леди Макбетъ за своимъ мужемъ и, какъ только я выказывалъ признаки желанія уклониться отъ задуманнаго страшнаго дѣла, она однимъ взглядомъ возвращала мнѣ мужество.

— Мы понемножку оправляемся, сэръ, весело заговорилъ губернаторъ, по окончаніи ужина, — но все же выздоровленіе идетъ медленно. Завтра я намѣреваюсь наложить на нѣкоторыхъ взысканіе за вырѣзываніе надписей на деревьяхъ. Это заставитъ ихъ немножко встряхнуться и наведетъ ихъ на другія мысли. Въ сущности, могло бы быть хуже: я насчиталъ всего на всего три новыхъ восьмерки, четыре монограммы съ короной и якоремъ, два сердца, пронзенныхъ стрѣлами, одно безъ стрѣлы — и только, а я, кажется, побывалъ во всѣхъ укромныхъ мѣстахъ.

Это кстати. Приступимъ.

— Чего же иного могли вы ожидать отъ нихъ, другъ мой? Надо же имъ что-нибудь дѣлать. Жизнь тянется здѣсь довольно таки скучновато.

Этотъ первый ударъ былъ страшенъ; бѣдный старикъ былъ совсѣмъ ошеломленъ.

— То есть какъ?—слабо выговорилъ онъ.

Я чуть было не остановился на полпути, такъ мнѣ было жаль его, но Викторія улыбнулась мнѣ изъ-за кресла отца. И я, закрывши глаза, нанесъ второй ударъ.

— Да такъ, скучно тутъ у васъ! Ни страстей, ни стремленій, ни возможности сдѣлать карьеру, люди всѣ на одинъ покрой, всѣ хороши, а нѣтъ того, чтобы одинъ былъ лучше другого; всѣ, что называется, однимъ миромъ мазаны.

— Меня это никогда не огорчало,—кротко сказалъ онъ.

— А между, тѣмъ, вы здѣсь—верховный судья и властитель.

— Ну что-жъ, если у насъ что нибудь неладно, укажите намъ; я радъ буду услышать. Въ чемъ дѣло? чего намъ недостаетъ?

— Пожалуй, немногаго; мнѣ кажется, вамъ нужно только больше разнообразія въ общественномъ устройствѣ—вотъ и все.

— Это мы поправимъ, сэръ, смѣю васъ увѣрить, если только это можно поправить. Пожалуйста, продолжайте. Вы путешествовали, знаете свѣтъ, вамъ виднѣе.

— Видите-ли, подъ разнообразіемъ въ общественномъ устройствѣ я разумѣю раздѣленіе классовъ. Смотрите, какая

великолѣпная градація въ этомъ отношеніи у насъ дома. Аристократіи—изящество, утонченность жизни; среднему сословію—нравственныя качества, которыя не равносильны утонченности жизни, но способствуютъ ей; низшему — черная работа, не имѣющая ничего общаго ни съ искусствомъ, ни съ нравственностью. Характерная отличительная черта всѣхъ прогрессивныхъ націй—та, что каждый человѣкъ добивается того, чтобы черную работу за него дѣлалъ кто-либо другой; это именуется обыкновенно стремленіемъ къ высшему, къ лучшей жизни. Небольшая группа людей живетъ въ изыткѣ, покоѣ, почетѣ, обладаетъ утонченными манерами и привычками; но такая жизнь дорога и, чтобы поддерживать эту казовую сторону жизни, чтобы дать возможность этой небольшой группѣ пребывать въ довольствѣ и покоѣ, многіе—большинство—отказываются отъ всякой надежды пользоваться этими хорошими вещами самимъ, образуютъ иногда настоящія касты, гдѣ черная работа переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, какъ въ другихъ родахъ—должность оберъ-гофмаршала.

— Могу васъ увѣрить, сэръ, ничего подобнаго у насъ нѣтъ.

— Этотъ самоотверженный разрядъ носить много именъ. Иные зовутъ его классомъ рабовъ, но обыкновенно предпочитаютъ другія названія: „рабочіе“ или „низшіе“ классы, „дѣти труда“; это—термины болѣе вѣжливыя и менѣе описательныя. Эти классы берутъ на себя всѣ грязныя, неблаговоныя работы для того, чтобы тѣ, другіе, могли благоухать и ѣсть на фарфорѣ; понятіе о хорошей жизни у первыхъ довольно примитивное. Вы же находитесь въ особомъ, весьма любопытномъ, чтобы не сказать безпримѣрномъ, положеніи. У васъ нѣтъ этого необходимаго класса; — какъ вы могли обходиться безъ него такъ долго, это для меня тайна, но его не существуетъ, это фактъ. Не имѣя этого класса, вы, естественно, не можете имѣть и остальныхъ двухъ. У васъ нѣтъ средняго сословія — компромисса между высшимъ и низшимъ, а ваша аристократія — гдѣ она? Можетъ быть, у васъ и есть собственная система самосовершенствованія, но въ чемъ она заключается, я не вижу.

— Совершенствоваться при условіи, что другіе отъ этого становятся хуже?

— Да, если хотите. Неравенство — наша религія, какъ удачно выразился одинъ великій человѣкъ. У насъ всякому бакалейщику желательно имѣть старшаго сына и даже иногда, въ видѣ скромнаго подражанія властямъ, младшую дочь.

— Мы не можемъ ничего измѣнить,—смущенно началъ губернаторъ, роясь въ карманѣ,—это не дозволено нашими законами.

— А если того... новый законъ? предложилъ я,—маленькая поправка къ конституціи?

Онъ покачалъ головой.

— Не захотятъ они, не согласятся,—такъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю, по моему скромному разумѣнію.

— Можно заставить ихъ,—мрачно сказалъ я.

— Какъ же это ихъ заставить?

— Гмъ!

Но его превосходительство не помогъ мнѣ ни однимъ словомъ.

— Оно, положимъ, трудненько. Вѣдь вамъ не на кого рассчитывать, въ случаѣ, если бы вы нашли необходимымъ спасти общество,—у васъ нѣтъ гвардіи, отряда патріотовъ, лично вамъ преданныхъ, и оружія, кажется, нѣтъ?

— Есть общественный молотъ; другого оружія нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

— Ну-съ, хорошо; подумаемъ, раскинемъ умомъ. Посмотримъ, что было сдѣлано дома. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ мы были не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ вы теперь: у cadaго былъ свой клочекъ земли для обработки, свой выгонъ и поле, каждая хижина была полной чащей, что, несомнѣнно, оказывало на ея хозяевъ нѣсколько демократизирующее вліяніе, и настоящаго подчиненнаго сословія, класса рабовъ, въ сущности, не было. Но группа патріотовъ дворянъ скоро положила конецъ этому, обнесла изгородами выгоны, уничтожила мелкія фермы и создала пролетаріатъ, доселѣ составляющій предметъ зависти и удивленія цѣлаго міра. Съ этого момента начинается новая эра—промышленная имперская Англія. Старая формула была—Англія для англичанъ, но, право же, англичане сами не знали, что имъ съ ней дѣлать; новая гласитъ: Англія для ея лучшихъ людей, и посмотрите, до чего мы дошли.

— Да, вы удивительно ловко умѣете устраиваться; у васъ все идетъ въ заведенномъ порядкѣ, какъ часы. Но мы, спаси васъ Господи, не таковы: у насъ пальцы слишкомъ неуклюжи.

— Вамъ надо овладѣть принципомъ движенія—въ этомъ все. Научите общество алкать и жаждать богатства, и голодъ и жажда—въ особенности жажда, создадутъ интенсивное мозговое возбужденіе, которое постоянно будетъ поддерживать машину въ ходу. Не доводите только этого до крайности; нехорошо, если ваше общественное движеніе будутъ смѣшивать съ прыжками пьяницы. Помните одно, что по нашей аргументаціи—безъ богатства нѣтъ роскоши, а безъ роскоши нѣтъ крохъ для Лазаря.

— О, Боже!—вадохнула Викторія.

— Увы мнѣ, бѣдному!—вдохнуть и отецъ ея, отирая потъ со лба.

— Вы сами можете подать примѣръ. Такія вещи часто начинаются съ мелочой. Я вижу, здѣсь у васъ на островѣ питаются, главнымъ образомъ, рыбой и овощами. Вы, какъ губернаторъ, должны быть на особомъ положеніи. Попробуйте ѣсть, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю мясо. Это уже составитъ отличіе: мало-по-малу можно пойти и дальше—присваивать себѣ наиболѣе вкусныя вещи, какъ, на примѣръ, сладкое мясо и гуявы, и объявить, что вы оставляете ихъ исключительно для своего стола. Основной принципъ—боюсь, что вы совсѣмъ иначе его понимаете—основной принципъ не въ томъ, что добросовѣстный трудъ одного человѣка цѣнится такъ же высоко, какъ добросовѣстный трудъ другого, въ смыслѣ правъ на полученіе извѣстныхъ жизненныхъ удобствъ, но что, наоборотъ, заслуги каждаго человѣка взвѣшиваются отдѣльно, имъ производится сравнительная оцѣнка и кого цѣнять выше, тому полагается и больший кусокъ пуддинга. Достигнуть того, чтобы количество пуддинга вполне соотвѣтствовало характеру заслугъ каждаго—вотъ нашъ экономическій, даже, если хотите, нравственный нашъ идеаль. Мы давно уже предоставили нашимъ правителямъ и другимъ людямъ дѣла потребный имъ излишекъ; теперь повсюду слышенъ крикъ: „Больше пуддинга провидцамъ, тѣмъ, кто яснѣе другихъ видитъ будущее!“ и этотъ крикъ веселитъ сердце, ибо свидѣтельствуетъ о нашемъ прогрессѣ въ области истинно духовной жизни. Великій проповѣдникъ, великій писатель, художникъ, которому мы обязаны великими откровеніями въ области пластическаго искусства, имѣетъ право требовать, чтобы его тарелка была полна до краевъ, и скоро оно такъ и будетъ.

— Но не будетъ ли результатомъ этого то, что другіе получать меньше?—спросила Викторія. Она, какъ мнѣ показалось, уже начинала раскаиваться, что приняла участіе въ разговорѣ.

— О, да, конечно; но другіе вѣдь глупы.

— Они наши братья.

— Ну, это вѣдь только изъ любезности такъ говорится. Если не ошибаюсь, говорятъ нѣсколько иначе—„братья о Христѣ“.

— Они точно также чувствуютъ голодъ три раза въ день, все равно, какъ и мы,—возразила дѣвушка, пылая негодованіемъ.

— Вы, кажется, начинаете думать, что я хочу цивилизовать васъ противъ вашей воли; боюсь, что такъ,—возразилъ я, помолчавъ.

Ея волненіе улеглось; тогда я продолжалъ:

— Затѣмъ, извините меня, мой другъ, но меня удивляетъ нѣсколько ваша церковь. Я не вижу въ ней іерархіи, восходящей скалы, гдѣ на каждую ступень приходится нѣсколько больше пуддинга, чѣмъ на предыдущую низшую, а самая высшая представляетъ собой пространство въ нѣсколько акровъ, сплошь покрытое этимъ лакомствомъ. Говоря по правдѣ, церковь начала съ очень малаго... Епископъ Йоркскій или Кэнтерберійскій, кардиналы, князья римской церкви—никогда не оскорбятъ такимъ образомъ ваши чувства. Ихъ образъ жизни свидѣтельствуешь въ пользу ихъ вѣры настолько краснорѣчиво, что можетъ убѣдить и отъявленнаго скептика. Онъ не только говоритъ, что религія хорошая вещь, весьма полезная и въ этой жизни, и въ будущей, онъ доказываетъ это наглядно. Войдите въ ихъ дома: дорогія портьеры и драпировки, коллекціи медалей, рѣдкостныхъ рукописей, цѣнныхъ переплетовъ, курьезы, картины лучшихъ мастеровъ, обѣдъ изъ шести блюдъ и десертъ каждый день, кромѣ постныхъ дней; даже ѣда у нихъ возведена на степень гастрономическаго символа полезности религіи. Ихъ пастырскіе посохи сдѣланы изъ чистаго золота и, дабы исключить всякую возможность ихъ употребленія для болѣе низкой цѣли, такъ искусно покрыты всякими украшеніями, что ни одному, самому изобрѣтательному человѣку не удалось бы зацѣпить ими за ногу—хотя бы, скажемъ, ягненка. Такимъ образомъ, религія смиренія была очищена отъ своего первоначальнаго случайнаго совмѣщенія съ низменнымъ строемъ жизни и сдѣлалась призваніемъ, достойнымъ джентльмена, такъ что средніе и даже высшіе классы перестали пренебрегать ею, а власти считать ее недостойной своего уваженія.—Всѣ первоначальныя затрудненія, соединенныя съ принятіемъ культа самоотреченія, были мало-по-малу устранены, и въ наше время религіозный символъ получилъ великолѣпное, блистательное развитіе. Вамъ не по вкусу обходить бѣдныхъ и трудиться для нихъ день и ночь? Ну, что-жъ, умойте имъ ноги на Пасху, и вы можете умыть руки относительно ихъ на все остальное время года. Въ одно изъ своихъ путешествій по Европѣ я видѣлъ императора и архіепископа, снизошедшихъ до этой операціи; одинъ изъ нихъ усердно поливалъ ноги бѣдняковъ душистой водой; другой держалъ наготовѣ *салфетку* тончайшаго полотна, обшитую кружевомъ. Это такой минимальный вкладъ въ смыслъ труда и дѣлъ состраданія, а какіе огромные проценты онъ приноситъ! Всякія удобства жизни, парки, угоды, лѣса, роскошные дворцы, куда ни одного туриста не впускаютъ безъ рекомендацій, хотя на воротахъ нерѣдко бываетъ начертанъ красивый девизъ, символизирующій самое широкое

гостепріимство. Послѣдній бѣднякъ викарій сгораетъ похвальнымъ честолюбіемъ и жаждой преуспѣянія и въ видахъ этого не брезгаетъ старыми дѣвами, обладательницами талантовъ, вложенныхъ въ банкъ на 3%. Но есть-ли что-нибудь подобное здѣсь, у васъ? Я васъ спрашиваю, есть-ли здѣсь хоть намекъ на лучшее будущее? Какъ мало жизненности въ вашей церкви, когда у васъ нѣтъ даже догматическихкихъ споровъ и пререканій, необходимыхъ для того, чтобы установить метафизическія основанія для добродѣтели, прежде чѣмъ начать быть добродѣтельнымъ!

— Я именно объ этомъ думаю,—въ раздумьи сказалъ губернаторъ,—что у насъ общаго съ такой церковью?

— Церкви придаютъ жизнь партіи—у васъ ихъ нѣтъ вовсе. Развѣ нельзя поднять какой-нибудь спорный вопросъ? Есть у васъ въ церкви особо отведенныя мѣста для властей?

— Нѣтъ. Я сажу ближе всѣхъ другихъ къ школьному учителю, но это только потому, что я немного глуховатъ.

— А церковныя одежды? Развѣ вы не могли бы дать вашему пастору особое облаченіе. Вѣдь самое главное выдѣлить его изъ среды остальныхъ какимъ-нибудь особымъ отличительнымъ знакомъ. Онъ не долженъ быть, подобно вамъ, простымъ труженикомъ, ошупью отыскивающимъ свой путь къ закону посредствомъ постоянныхъ откровеній сердца и совѣсти, человѣкомъ, который если и ушелъ немного дальше васъ на этомъ пути, то лишь потому, что онъ трудится больше и чувствуетъ сильнѣе. Нѣтъ, онъ долженъ быть существомъ особой породы, жрецомъ, передатчикомъ вѣлній незримой, окутанной покрываломъ Истины, посредникомъ, а не просто толкователемъ. Исполнителямъ такой важной и торжественной функціи непременно должна быть присвоена особая форма; такъ мы, по крайней мѣрѣ, полагаемъ, и одно время вопросъ о формѣ вызывалъ большія распри и считался однимъ изъ лучшихъ стимуловъ религіознаго рвенія.

— У насъ пререканія наказуются штрафомъ,—замѣтилъ губернаторъ,—но эту статью можно и вычеркнуть.

— Я не вижу, что тутъ могъ бы сдѣлать отецъ,—сказала Викторія.

— Въ такомъ случаѣ, боюсь, что я плохо объяснилъ, и смыслъ моей рѣчи остался для васъ неясенъ. Вашъ отецъ можетъ все. Онъ можетъ сдѣлаться отцомъ своей страны, положивъ основаніе правящей кастѣ. Сейчасъ для васъ наибольшая опасность заключается въ недостаткѣ всякихъ внѣшнихъ различій между правителемъ и управляемыми. Я уже предложилъ вамъ нѣкоторыя улучшенія въ области домашнего хозяйства. Возможны и другія. Вашъ отецъ живетъ точно въ такомъ же домикѣ, какъ и всѣ остальные—почему бы,

напримѣръ, не сдѣлать этотъ домъ нѣсколько выше? Достаточно приподнять крышу на 6 дюймовъ, и то уже будетъ разница. Онъ слишкомъ доступенъ: всякій, кто захочетъ, подходить и разговариваетъ съ нимъ. Развѣ нельзя было бы найти кого-нибудь, кто исполнялъ бы обязанности камергера, докладывающаго о посѣтителяхъ,—словомъ, служилъ бы посредникомъ.

— Рейбену, собственно говоря, почти нечего дѣлать по вечерамъ,—задумчиво выговорилъ губернаторъ тономъ, какъ мнѣ показалось, не обличавшимъ неудовольствія.

— Ну, вотъ видите. Займите соотвѣтствующее вамъ положеніе, живите, какъ подобаетъ вашему званію губернатора, руководите вашимъ народомъ; подымите его изъ этой затягивающей тины комфорта и счастья, внушите ему идею національности, благородное честолюбіе, жажду великой борьбы.

Губернаторъ покачалъ головой.

— Я сильно сомнѣваюсь, чтобы у насъ здѣсь могло дойти до драки изъ-за чего бы то ни было.

— Я вѣдь и не имѣлъ въ виду именно этого. Но почему бы вамъ не начать съ иностранной политики? тогда все остальное пришло бы само собой. Развѣ у васъ нѣтъ сосѣдей?

— Никакихъ.

— А тотъ островъ! что открытъ Рейбеномъ, батюшка,—напомнила Викторія.

— Почему бы не взять его подъ вашу протекторатъ?

— Да вѣдь тамъ нечего охранять: тамъ только мертвые кораллы, да пещера, полная костей. При томъ же до него далеко, полтора ста миль.

— Ахъ, другъ мой, если вы хотите преуспѣть, вы должны поставить себѣ за правило—разстояніемъ не стѣсняться. Ну, а ближе-то ничего нѣтъ?

— Есть еще одинъ островъ поближе, всего въ восьми-десяти миляхъ отсюда, но тотъ еще хуже: тамъ даже костей нѣтъ, только одни кораллы, и тѣ мертвые.

— Да, обстоятельства, несомнѣнно, сложились неблагоприятно для васъ. Но все же я взялъ бы эти два острова подъ свое покровительство и поставилъ бы на нихъ гарнизонъ. Что вы рассказываете! Зайдите только подальше, и всегда найдется изъ-за чего подраться. Едва ли Провидѣніе имѣло въ виду оставить васъ на этомъ островкѣ, не надѣливъ васъ ни однимъ врагомъ. Только помните, когда случай столкнетъ васъ съ новыми людьми, что къ ближнему нельзя подходить иначе, какъ съ оружіемъ въ рукѣ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Опять убійства!

— Надо же сначала найти оправданіе насилію,—возразилъ ей отецъ.

— О, стойте только на своемъ: что вы намѣрены покровительствовать имъ;—этого будетъ достаточно.

— А этому-же вы какое найдете оправданіе?

— Какъ „какое“? Очень просто! Сегодня вы захватили одну мѣстность, чтобы удержаться въ другой, захваченной вами вчера; а завтра захватите еще какую-нибудь, съ тою-же цѣлью и по тѣмъ-же причинамъ. Это—процессъ, извѣстный подъ именемъ „неизбѣжнаго распространенія“; стоитъ только, выполняя его, поступать логично, и съ этимъ вы обойдете весь шаръ земной.

— Но къ чему-же? что тутъ хорошаго?

— Это даетъ занятіе молодежи, исходъ удали отважныхъ душъ; это удваиваетъ богатство и роскошь капиталистовъ и даже нѣсколько увеличиваетъ число крохъ, падающихъ съ ихъ стола бѣднякамъ; это создаетъ пріемникъ для избытка обездоленныхъ, когда крохъ, которыми они кормятся, перестаетъ хватать. Въ былое время, когда эта система дренажа въ большихъ размѣрахъ путемъ колонизаціи была почти неизвѣстна, природа періодически призывала на помощь черную смерть или моровую язву для очистки накопившагося чело-вѣческаго мусора.

— Мнѣ все-таки кажется, что это кружной путь. Почему бы не попробовать сдѣлать ихъ счастливыми дома?

— Ну, мой другъ, о такихъ вещахъ нельзя разсуждать, ихъ надо чувствовать. Къ цивилизаціи надо привыкнуть; вкусы приобрѣтаются. Вотъ, подумайте, а завтра вечеромъ скажете мнѣ, какъ вамъ понравились мои рѣчи.

Ни отецъ, ни дочь не отвѣтили на мой прощальный привѣтъ. Старикъ такъ задумался, что не слыхалъ его, а Викторія тихонько вышла изъ комнаты побесѣдовать со звѣздами.

XV.

Р а с к а я н і е .

Я нашелъ ее на слѣдующее утро на Пикѣ; она сидѣла на камнѣ и смотрѣла на море. Я замѣтилъ ее еще издали и сталъ взбираться по крутой тропинкѣ. При моемъ приближеніи, она обернулась.

— Такъ вотъ, значить, гдѣ долженъ начаться бой, сказала она, указывая на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, въ безконечную голубую даль, — мы пойдемъ туда и будемъ искать, нельзя ли тутъ кого-нибудь убить. Вѣдь такъ вы

говорили! Отецъ говорить, что нѣтъ, я говорю, что да. О, зачѣмъ это всегда начинается съ убійства? Неужели нѣтъ иного способа?

— Да вѣдь это же недолго, Викторія. Рѣзня скоро кончается, да и убивать-то приходится только туземцевъ! Я думаю, они на это даже не въ претензіи. Это сразу сдѣлаетъ изъ васъ націю; вы не можете себѣ представить, какъ быстро все измѣнилось бы здѣсь.

Она встала и, повернувшись лицомъ къ поселку, обвела его грустнымъ взглядомъ.

— Да, я думаю, что здѣсь многое бы измѣнилось.

— Вы прямо не узнали бы своего островка.

— И все же...

— Полноте, Викторія, не задумывайтесь; взгляните на дѣло съ казовой стороны. Гдѣ мы построимъ дворецъ вашего батюшки? Современемъ ему обязательно понадобится дворецъ, или замокъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. Не можетъ же онъ вѣчно жить, какъ Томасъ и Ричардъ, и всѣ остальные. Что, если бы поставить его на другой вершинѣ, напротивъ этой? А для васъ выстроить отдѣльный павильонъ и обнести его рѣшеткой, такъ чтобы у васъ былъ свой уголокъ, а, Викторія?

Она не отозвалась ни словомъ, но мнѣ уже и не нужно было отвѣта, такъ я увлекся своими грандіозными замыслами цивилизаціи островка.

— Сѣверную часть острова мы предоставимъ въ распоряженіе правящихъ классовъ, а народъ поселимъ на другой. Съ этой стороны виды гораздо красивѣе. Если-бы вы могли убѣдить свой добрый народъ перенести поселокъ на другое мѣсто, а тамъ, гдѣ онъ стоитъ теперь, можно было бы разбить прелестный паркъ, а рыночную площадь оставить для охоты. На той сторонѣ, гдѣ будетъ жить народъ, я бы выстроилъ фабрику. Для нихъ это было бы забавой. А вамъ бы она не мѣшала. Даже трубъ не будетъ видно, надо только умѣть выбрать мѣсто, гдѣ строиться.

— Что такое фабрика?—спросила Викторія.

— Что такое фабрика? Фабрика — фабрика и есть. Увы, прелестная островитянка, вы иногда слишкомъ элементарны для практическихъ разговоровъ! Фабрика такое мѣсто, гдѣ много людей работаетъ вмѣстѣ. Здѣсь у васъ въ поселкѣ страшно развита лѣнь. Я на дняхъ какъ-то поймалъ двоихъ: ихъ послали копать картофель, а они изволятъ перебрасываться цвѣтами. Это было въ большемъ оврагѣ, заросшемъ кустами, гдѣ такая славная зеленая мурава, — знаете, въ томъ, что за ущельемъ? И знаете еще, что мнѣ пришло въ голову? Почему бы не поставить

фабрику тамъ, на склонѣ? Тогда не придется даже вывозить отбросовъ; стоитъ только выкидывать ихъ на задворки. Пока весь оврагъ заполнится до верху, пройдутъ года, а когда и заполнится, есть другіе, вправо и влѣво. Въ Ланкаширѣ утилизируютъ равнины именно такимъ образомъ—я самъ видѣлъ. Поселяне могутъ строить свои коттеджи на краю оврага, а когда мусоръ затвердѣетъ, изъ него выйдетъ прекрасная площадка для дѣтскихъ игръ; это тѣмъ болѣе удобно, что дѣти будутъ играть на глазахъ у матерей. Да, за ними и за всѣми надо слѣдить неусыпно, отъ колыбели до могилы—въ этомъ вся суть. Итакъ, Викторія, фабрику вы уже имѣете, теперь что же мы будемъ выдѣлывать? Ну, конечно, *таппа*, ткань изъ *таппа*. А затѣмъ пустимъ ее въ продажу, какъ новую матерію, по дешевой цѣнѣ. Что еще? Картофель. Картофельная водка! Вы не знаете, какъ приготавливалъ свой напитокъ этотъ вашъ изобрѣтатель, знаете, тотъ, что помѣшался и прыгнулъ со скалы въ море? Выпишите приборы, возьмите патентъ. Монополія выдѣлки виски въ Южныхъ Моряхъ—недурно! Затѣмъ, сахаръ! Надо сначала узнать, годится-ли почва для выращиванія сахарнаго тростника. Таро? Ну, еще бы, конечно!—„Таро, новый растительный пищевой продуктъ! Рекомендация его превосходительства, Питкэрнского губернатора“. Въ объявленіи это будетъ звучать недурно, —а, какъ вы думаете? Птицы, животныя, рыбы—нельзя-ли тутъ чѣмъ-нибудь воспользоваться? Морскія птицы! Если бъ намъ посчастливилось добыть новое украшеніе для дамскихъ шляпъ, вашъ отецъ черезъ десять лѣтъ былъ-бы богатымъ человекомъ.

— О, какая скука!

— Едва-ли мнѣ нужно напоминать вамъ, Викторія, что такъ экономическія теоріи не обсуждаются.

— Право же я не могу удержаться; вы ужасно любите начинать не съ того конца.

— Извините, я только что хотѣлъ сказать именно это о васъ, островитянахъ. Впрочемъ, тутъ виноваты не вы, а ваше злополучное географическое положеніе. У васъ здѣсь все шиворотъ навыворотъ. Я бы могъ вамъ доказать это въ двѣ минуты, будь у меня карта.

— Да, я знаю, но я иногда не могу разобрать, *которая* сторона настоящая. Всѣ ваши планы начинаются съ того, что вы берете что-нибудь себѣ. Ваше „я“ всегда на первомъ планѣ. Вашъ девизъ „братъ, братъ и братъ“, на этомъ у васъ весь свѣтъ стоитъ. Я не понимаю, почему онъ не могъ бы стоять точно также устойчиво на другомъ принципѣ: „давать, давать и давать“. Думайте прежде о другихъ, о себѣ-то ужъ, навѣрное, не забудете. Какъ бы это сдѣлать—я все думаю и

не придумаю. Мнѣ иногда бываетъ такъ трудно разобратъся. Надо начинать съ того, что труднѣе, остальное придетъ само собой. Я не думаю, чтобъ можно было хорошо устроить, если вы не начнете съ самоотреченія. Не кажется-ли вамъ, что брать себѣ все, что только сможешь, такъ же отвратительно, какъ ѣсть до-отвала? Зачѣмъ непремѣнно объѣдаться? А мнѣ показалось вчера, что вы именно это проповѣдуете. И вы именно это подразумѣвали, что бы вы тамъ ни рассказывали. Предположимъ, что вы умнѣе другихъ,—ну что же? будьте благодарны за то, что вы можете больше сдѣлать для нихъ. Вотъ, мнѣ кажется, естественное разсужденіе. Увѣрены ли вы, что вы не на ложномъ пути? Я только спрашиваю. Къ чему такая жадность? Все зло въ мірѣ, какое я когда либо видѣла, или о какомъ слышала, происходило отъ жадности, отъ обжорства. Не брать надо, а давать, давать и давать. Только этимъ человѣкъ отличается отъ животныхъ, пасущихся на лугу! Я какъ-то прочла одну книгу по естественной исторіи,—господинъ, написавшій ее, все старался разяснить, въ чемъ отличіе человѣка отъ всѣхъ другихъ тварей. Что у него двѣ ноги—этого мало, потому что у цыплятъ тоже по двѣ ноги. Чѣмъ же?—что у него нѣтъ хвоста, перьевъ? Какихъ только вопросовъ онъ не задавалъ! Всего человѣка разобралъ по косточкамъ, можно сказать, ощипалъ его такъ, что оставалось только посадить его въ печь и жарить. Боже, какъ я смѣялась! А сегодня я сидѣла тутъ и все думала объ этомъ, какъ о загадкѣ, и вдругъ сказала себѣ: „давать“ и вдругъ мнѣ сразу стало понятно, что въ этомъ и есть разгадка, что это-то и есть настоящій отвѣтъ. Тѣмъ-то и отличается человѣкъ отъ животныхъ, пасущихся на лугу, что онъ можетъ отречься отъ себя, давать, можетъ думать не только о себѣ одномъ, а обо всѣхъ, а о себѣ только какъ объ одномъ изъ всѣхъ. Когда онъ такъ думаетъ, онъ настоящий человѣкъ, а когда иначе—настоящее животное. Я думала вчера, что вы научите насъ именно, какъ больше давать. Расскажите намъ, какъ въ Англіи практикуется самоотреченіе,—вотъ что мы хотимъ знать.

— Викторія, не приставайте, я думаю, что сдѣлать съ нашими владѣніями.

Я повернулся и обвелъ взглядомъ островъ во всей его небесной красѣ. Что за дивное блюдо для рѣзбы! Синее море, полосы коралловаго песку, серебряные каскады, ниспадающіе со скалъ, роскошь цвѣтовъ и деревьевъ, ясное небо и радужные туманы, тамъ и сямъ застилающіе этотъ фонъ прелестнѣйшаго бирюзоваго цвѣта; нѣжная красота рошъ и дикая краса горныхъ краяей и полная порядка и благоустройства красота тянувшихся за горами плантацій—все было

видно съ этой высоты до самыхъ дальнихъ утесовъ, испоконъ вѣковъ стойко выдерживавшихъ напоръ бурныхъ волнъ. Эту красоту я ощущалъ каждымъ нервомъ, наслаждался всѣмъ существомъ своимъ ароматами рощъ и садовъ, ласковымъ вѣтеркомъ, обвѣвавшимъ мнѣ лицо, звуками, отъ звяканія колокольчиковъ на шеѣ ручной козы до слабого отзвука топора дровосѣка въ лѣсу, повторявшагося черезъ равные промежутки времени, тотчасъ послѣ того, какъ въ чащѣ блеснетъ солнечный лучъ, коснувшись полированной стали. А сколько наслажденій для глаза было въ этой картинѣ счастливой человѣческой жизни, въ этихъ небольшихъ группахъ поселянъ на поляхъ, работавшихъ безъ смѣха и усталости, въ этихъ зеленыхъ съ молочнымъ отливомъ фигурахъ, мелькавшихъ въ морѣ за мысомъ, гдѣ, я зналъ, купаются дѣвушки.

Но вотъ декорация измѣнилась, и я увидалъ духовными очами совсѣмъ другую картину. Я вновь стоялъ на ступенькахъ королевской биржи и изъ лондонскаго тумана предомно вставали инныя фигуры—счастливицы, выходящія изъ банка, послѣ получки дивиденда; франтоватыя клэрки, отправляющіеся завтракать черепаховымъ супомъ; клэрки низшаго разбора, идущіе закусить въ харчевню; пасторъ, спѣшащій на проповѣдь, въ угоду благочестивому завѣщателю; голоднаго вида разносчики, торгующіе карманными гребнями; цвѣточницы, съ ихъ убогой роскошью наряда, распространяющія вокругъ себя неблагоприятный запахъ джина,—типичныя представительницы рокового раздѣленія труда, при которомъ работа не имѣетъ абсолютно никакого отношенія къ жизни работника; слоняющіеся по улицамъ нищіе и прогоняющіе ихъ полисмены; шумная толпа, въ которой на сто кармановъ приходится семь шиллинговъ шесть пенсовъ карманныхъ денегъ, отдѣленная всего одной стѣной отъ слитковъ золота въ банкахъ—и эти никому невѣдомыя, никѣмъ не описанныя тысячи въ черномъ, буромъ и рыжемъ,—и все, все, отъ нищаго до банковскаго дѣльца, мучимое тайнымъ зудомъ цивилизаціи и украдкой почесывающееся и при этомъ поминутно выходящее изъ фокуса, мѣшающее мнѣ построить грандіозную картину счастливой человѣческой семьи.

Мрачное зрѣлище исчезло, и я снова очутился на блаженномъ островѣ, на островѣ, гдѣ я хотѣлъ посѣять начатки цивилизаціи, чтобы сдѣлать его подобнымъ острову, гдѣ я родился. Я снова обвелъ его взоромъ—за мою краткую экскурсію на ту сторону свѣта, въ немъ почти ничто не измѣнилось. Занесенный топоръ, сверкнувшій въ воздухѣ, теперь вонзился въ дерево, да одна изъ купальщицъ вынырнула на

поверхность и на ея блестящей кожѣ заигралъ солнечный свѣтъ. Вотъ и все. Викторія тоже смотрѣла, но въ другую сторону, отвернувшись отъ меня. Наши взоры описали два круга въ противоположныхъ направлѣніяхъ и, наконецъ, встрѣтились.

Я прочелъ въ ея взглядѣ—я знаю—тоже, что она прочла въ моемъ.

— О, какъ жаль, какъ жаль!

И вмѣстѣ съ болью въ сердцѣ, въ умѣ возникъ странный вопросъ. Если та картина положила начало недугу, загнавшему меня такъ далеко въ поискахъ облегченія мукъ, не есть-ли эта картина спасительное лѣкарство—начало исцѣленія. Либо то смутное видѣніе, которое явилось мнѣ, когда я стоялъ на крыльцѣ биржи, могло имѣть только одинъ смыслъ: всякъ за себя и дьяволъ въ неустанной погонѣ за всѣми, тогда какъ здѣсь смыслъ видѣнія ясенъ, и благословенное толкованіе его—„всякъ за всѣхъ“, жизнь въ любви, истинѣ, взаимномъ счастьи и истинно братскомъ отношеніи другъ къ другу—вотъ суть, вотъ слово загадки, тайна правды, политики, религіи, закона и жизни.

XVI.

П р и з н а н і е.

— Когда же мы начнемъ преобразование?—спросила дѣвушка.

— Не теперь еще, моя Викторія! Нѣтъ, нѣтъ, не теперь! Пусть все остается, какъ есть, и я останусь здѣсь возлѣ васъ. Дивное, прекрасное созданье! Дайте мнѣ высказать то, что должно быть высказано:—я люблю васъ!

Еще минуту назадъ у меня и мысли не было, что такіе слова могутъ слетѣть съ моихъ устъ. Они были почти такой же неожиданностью для меня, какъ и для дѣвушки. Это была моя тайна;—не вѣрнѣе-ли будетъ сказать, что это было почти тайной для меня самого. Восхитительное душевное состояніе! Въ спокойныя минуты мнѣ казалась ненавистной самая мысль сорвать когда нибудь эту нѣжную завѣсу тайной сдержанности, за которой скрываются самыя сладостныя эмоціи. Любить ее, какъ любишь свѣтъ, не анализируя, было дивной радостью и стимуломъ жизни; составить какъ бы инвентарь этой любви, выражать ее въ клятвахъ, обѣтахъ, признаньяхъ—это будетъ, пожалуй, совсѣмъ другое. А теперь мое сердце было обнажено передъ нею, и я стоялъ молча, и мнѣ было какъ-то стыдно.

Она тоже молчала. Она отняла свою руку и сжала ее другой рукой, заложивъ обѣ за спину, какъ въ день нашей первой встрѣчи. Она стояла передо мной, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, высокая, прямая, сосредоточенно глядя передъ собой, сдвинувъ ноги вмѣстѣ и закинувъ назадъ голову—это была ея любимая характерная поза для неожиданностей. Такой же я видѣлъ ее впервые, прекрасной живою картиной, прелестнымъ животнымъ, такимъ же безупречнымъ въ смыслѣ здоровья, силы и свѣжести, какъ Луврская Венера, но только живой, съ высоко вздымающейся грудью и отблескомъ духовной красоты въ большихъ глазахъ—теперь, какъ я боялся гнѣвныхъ.

— Я не могъ удержаться,—продолжалъ я угрюмо и страстно.—Я былъ такъ увѣренъ, что сумѣю скрыть это, что даже не слѣдилъ за собой. Но разъ уже сказалось... Теперь вы знаете правду. Что бы ни вышло изъ этого, теперь мы уже не можемъ быть другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ.

— Мы должны быть по прежнему,—возразила она, и вся глубокая нѣжность и ласка, которыя обыкновенно свѣтились въ ея взглядѣ и которыхъ не было теперь, какъ-бы перелились въ ея голосъ.—О, я знала, что это когда-нибудь будетъ, я знала! И я ничего не сдѣлала, чтобы предупредить это. Я одна во всемъ виновата.

— Виноваты?

— Я самая несчастная женщина на свѣтѣ!—зарыдала Викторія и вдругъ повалилась на земь и стала биться объ нее съ такимъ же дикимъ отчаяніемъ, съ такимъ же страстнымъ плачемъ, какъ ея сестры дикарки, когда шлюпка увозила ихъ милыхъ.—То была уже не статуя, а живая плоть и кровь, трепетавшая каждымъ нервомъ.

Я даже не пытался поднять ее; я не трогался съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ, когда припадокъ прошелъ, она сама поднялась и подошла ко мнѣ и нѣжно-нѣжно взяла меня за руку, на этотъ разъ глядя мнѣ прямо въ глаза своими милыми глазами, которые теперь застилали слезы.

— Вы должны это знать. Меня любить еще другой человекъ. Мы объяснились. Я невѣста. Пойдемте со мной.—Только не говорите никому, ни одной живой душѣ. Не то я умру.

Она быстро повела меня къ маленькой рощицѣ, пріютившейся въ горномъ оврагѣ, съ тощими, чахлыми деревьями, никогда не видѣвшими ни восхода солнца, ни заката. Викторія углубилась въ чащу, все ведя меня за руку; мы спустились по крутому скату, снова поднялись; наконецъ, она остановилась передъ уродливымъ крошечнымъ деревцомъ, на которомъ старику-губернатору, конечно, не пришло бы въ

голову искать слѣдовъ нарушенія его законовъ. На деревцѣ былъ грубо вырѣзанъ вензель, число и два креста.

— Мы вырѣзали это вмѣстѣ, въ нашъ послѣдній день, — сказала дѣвушка, дотрогиваясь пальцемъ до одного креста. — Этого — мой. А *это* онъ въ тотъ же день отрѣзалъ отъ своей куртки. — И она вытащила злополучную старую матросскую пуговицу, скрытую на ея дѣвственной груди. — Теперь вы знаете все. Я невѣста. И если я забуду это, какъ могу я когда-нибудь молиться?

Вензель состоялъ изъ двухъ буквъ: *В* и *А*. *А*, по всей вѣроятности, было инициаломъ имени таинственнаго Кудряша, побѣдителя въ великой битвѣ съ рабовладѣльцами, юноши съ обаятельнымъ смѣхомъ и улыбкой, дѣлившими между собой дань удивленія человѣчества. Викторія могла бы и не посвящать меня въ свою бѣдную тайну, ибо, само собой разумѣется, я давно уже угадалъ ее. Но я не угадалъ другого — этой вѣрности женской души, ежедневно, ежечасно памятующей объ исчезнувшемъ героѣ исчезнущаго корабля — въ этотъ моментъ, быть можетъ, привѣтствующаго радостнымъ салютомъ свое прибытіе въ какой-нибудь другой портъ, по ту сторону океана.

Намекнулъ-ли я объ этомъ прелестной островитянѣ? О нѣтъ! Искушеніе на мигъ явилось, но такъ же скоро и прошло, и я воздержался отъ низости: внести въ ея душу муку сомнѣнія. Если Кудряшъ — ея религія, пусть онъ и остается ея религіей. А здѣсь — ея храмъ. Онъ весь былъ увѣшанъ странными памятками, напоминавшими приношенія по обѣту вѣрующихъ на вѣтвяхъ священнаго дерева. Какія-то ленточки, ожерелье изъ раковинъ, приколотое булавками и служившее рамкой для вензеля и числа. Въ свое время здѣсь, безъ сомнѣнія, будетъ воздвигнутъ алтарь для матросской пуговицы и храмъ для алтаря — съ этими вещами всегда такъ бываетъ. Я вспомнилъ слова Викторіи о томъ, что идолопоклонство у нея въ крови. Но правда и любовь такъ обаятельны для взора, что, видя ихъ, истинный любитель ихъ скоро совершенно забываетъ о себѣ. Въ этой дѣвственной душѣ жила картина, шедевръ, который жестоко было-бы испортить прикосновеніемъ — Кудряшъ, молящійся и въ молитвахъ обращающій взоръ къ Острову; между ними моря и материки, но электрическая нить симпатіи, связующая ихъ, только вытягивается отъ этого, но не рвется.

Все это я живо представилъ себѣ, но, какъ всегда бываетъ при такихъ поискахъ истины оцупью, я не могъ быть вполне увѣреннымъ, что попалъ въ цѣль. При всей ея твердой надеждѣ и вѣрѣ въ Кудряша, Викторія казалась мнѣ испол-

ненной какой-то странной тревоги о немъ, не легко объяснимой.

— Пять кораблей перебивало здѣсь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, и ни слова отъ него, ни привѣта! — хотъ бы это прислалъ! — И она снова указала на пуговицу. — Можетъ быть, черные убили его. За этотъ послѣдній мѣсяцъ я каждое утро и каждый вечеръ приходила сюда и ждала — не подастъ ли онъ знака, хотъ и не знала, живъ онъ, или умеръ. Помните въ тотъ вечеръ, когда я увидала фигуру на скалѣ, мнѣ почудилось... — потому-то я и испугалась такъ — именно потому, что я была съ вами. Но развѣ это дурно? Развѣ я сдѣлала что нибудь дурное? Никто не хочетъ помочь мнѣ. Я какъ будто одна въ цѣломъ мірѣ.

— Викторія, если вы такъ говорите, я долженъ вамъ напомнить, что я возлѣ васъ.

— Милый, добрый другъ! да, я какъ будто забыла о васъ. Почему это такъ трудно поступать хорошо? Почему всегда приходится выбирать между одной болью и другой?

— Вамъ не придется выбирать, моя принцесса; я выберу за васъ. Будьте моимъ товарищемъ — и только. Я не стану просить большаго. А мнѣ позвольте быть для васъ чѣмъ я хочу, что для меня лучше всего. Вся мудрость въ томъ, чтобы любить васъ, а я хочу быть мудрымъ. Если мнѣ нельзя говорить съ вами, дайте мнѣ проводить возлѣ васъ драгоценные часы, смотрѣть на васъ и учиться, ибо ваши глаза освѣщаютъ для меня темныя глубины міра.

— И такъ, будемъ товарищами! — сказала она, улыбаясь, и протянула мнѣ руку.

XVII.

Р а з м ы ш л е н і я.

Теперь я начинаю понимать, зачѣмъ я былъ посланъ сюда — не затѣмъ, чтобъ учить, но затѣмъ, чтобъ учиться. Мое воспитаніе было очень заброшено, и я стараюсь перейти въ старшій классъ, на высшую ступень пониманія жизни. Я учусь у Викторіи — читая въ ея глубокихъ глазахъ, безъ книги. Это курсъ социальной экономіи по новой методѣ. Метода заключается въ томъ, чтобы всматриваться въ этотъ образъ Божества такъ внимательно, какъ только возможно, не будучи пойманнымъ на мѣстѣ преступленія. Попадаться я избѣгаю; она не любитъ, когда на нее долго смотрять, и гнѣвъ ея немного напоминаетъ бурныя вспышки гнѣва боговъ. Но смотрѣть мало, надо еще слушать — слушать сердцемъ. Уха для этого недостаточно; нуженъ болѣе тонкій

органъ, ибо сама Викторія существо утонченное. Поставьте микрофонъ въ подземелье, и онъ будетъ вести счетъ бѣніямъ пульса земли и вздохамъ ея груди; при помощи инструмента еще болѣе тонкаго, можетъ быть, можно было бы подслушать и затаенный шопотъ стихійной природы этой дѣвушки. Мнѣ онъ сталъ внятень лишь съ той минуты, какъ во мнѣ заговорило сердце—благословенный день!

Наслажденіе и польза для меня усугубляются тѣмъ, что она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о своей функціи. Нерѣдко я поучаюсь цѣлое утро и выношу изъ этого урока обильнѣйшій запасъ знаній, а она замѣтила только, что я все время слѣдилъ за нею, пока она кормила домашнюю птицу.

Она, повидимому, инстинктивно стремится къ одному—и это для нея главное—имѣть какъ можно больше свободнаго времени для истиннаго дѣла жизни. Она обладаетъ даромъ равнодушія ко всему тривіальному; она никогда не занимается тѣмъ, что неважно по существу. Ей невѣдома безплодная поспѣшность; у нея всегда есть время для существеннаго: для правдиваго слова, благороднаго поступка, высокой мысли.

Но это рѣчь влюбленнаго,—скажутъ мнѣ. Пусть такъ! Я не могу говорить иначе. Пусть это будетъ рѣчь влюбленнаго—вѣдь *она* ея не услышитъ.

Я — настоящій влюбленный, въ томъ смыслѣ, что слова, которыя она мнѣ говоритъ, ничто для меня, въ сравненіи съ тѣмъ, что я самъ читаю въ ея душѣ. Мнѣ не нужно, чтобы она много говорила. Я могу сказать за нее то, что мнѣ всего важнѣе услышать. Она идеализируетъ для меня міръ. Она—мое вдохновеніе, высшій стимулъ. Она только начинаетъ игру, я играю. Она — моя религія, олицетвореніе всего, что для меня высоко, истинно, прекрасно. Во мнѣ живетъ смутный идеалъ; она—мистическое соотвѣтствіе ему въ жизни, облеченное плотью и кровью. Она о столькомъ говоритъ мнѣ, такъ много въ ней слилось для меня! Есть-ли въ ней на самомъ дѣлѣ все это, или мнѣ только кажется? Не все ли равно! Тѣ мысли и чувства, которыя она будить въ моей душѣ, неподдѣльны.

Такъ, напримѣръ, для меня она великая артистка, въ смыслѣ искусства жить. Она живетъ исключительно для красоты: она ничего не дѣлаетъ только для того, чтобы сдѣлать; для нея важно и то, *какъ* сдѣлать. Я замѣтилъ ея спокойное презрѣніе къ одной курицѣ, которая имѣетъ нелѣпую привычку выводить какъ можно больше цыплятъ и потомъ водить за собою только половину ихъ. Другая половина, за недостаткомъ надлежащихъ материнскихъ попеченій, растетъ

какой-то одичалой, лѣсною птицей, потерявшей путь къ цивилизации, и Викторія по цѣлымъ днямъ возится съ этими мѣшками изъ костей и перьевъ, чтобы привести ихъ въ гармонію съ ея великимъ основнымъ закономъ. Я увѣренъ, что по ея мнѣнію, — хотя, можетъ быть, она не сумѣла бы высказать это, — всѣ вопросы бытія, въ сущности, сводятся къ вопросу: *какъ дѣлать* то или другое. Важно то, *какъ* вы любите, ненавидите, страдаете и радуетесь, нѣтъ, больше — *какъ* вы ѣдите и пьете. Даже въ этомъ искусствѣ есть болѣе важныя правила, чѣмъ правило — ѣсть горошекъ вилкой. Можно ѣсть такъ, какъ животныя на скотномъ дворѣ — и иначе. Я помню ея слова о животныхъ, пасущихся въ полѣ. Имъ тоже знакомо отреченіе, но у нихъ оно не искусство. Они уступаютъ поневолѣ — „чортъ погонить, такъ пойдешь“. — Вотъ что она, очевидно, хотѣла сказать тогда. — Животныя только обходятся безъ того или другого, человѣкъ *отдаетъ*, потому что только человѣкъ артистъ, а искусство заключается въ выборѣ. Жить или умереть — не все ли, въ сущности, равно? Важно то, *какъ* жить, *какъ* умереть. Хорошо ли разыграна пьеса, или вы только кое-какъ исполнили свою роль? Кому она нужна, если она сыграна кое-какъ?

Какъ меня мучила та картина старой жизни, что я видѣлъ, стоя на крыльцѣ Биржи! Я никакъ не могъ найти въ ней смыслъ, свести ее въ одно цѣлое. И вотъ передо мной существо, которое однимъ своимъ присутствіемъ водворяетъ гармонію. Стоитъ ей только стать у мольберта, и я понимаю въ чемъ дѣло, гдѣ что было неладно, и могу войти въ толпу этихъ мятущихся искаженныхъ фигуръ и умолять ихъ, изъ любви къ Богу, и больше того — изъ любви къ человѣку, оставаться спокойными. Мнѣ хочется сказать имъ, какъ бы по ея просьбѣ:

— Тише! тише! не торопитесь! Вы гибнете отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ. Вы, тѣ, что стоите выше — къ чему эта безумная жажда наживы, это накопленіе бесполезныхъ денежныхъ знаковъ? На что это вамъ? Въ этомъ-ли миръ душевный, въ этомъ-ли красота жизни? Ну, положимъ, вы добились всего, чего хотѣли — знатныхъ знакомствъ, положенія въ свѣтѣ, богатства. Что жъ изъ того? Поняли-ли вы хоть отчасти внутренній смыслъ хоть одной изъ картинъ, что висятъ у васъ на стѣнахъ, хоть одной изъ книгъ вашей библіотеки? Вы думаете, что Уольтеръ Манъ писалъ специально для католическихъ иноковъ, а видѣніе того, другого, предъ кѣмъ предстали „всѣ богатства и всѣ скорби міра“, достойно только трактата ученого? Несчастные! — имъ некогда, они спѣшать, они каждый день помогаютъ большаго — больше тканей, дорогихъ переплетовъ, рысаковъ, мебели, больше сыт-

ныхъ обѣдовъ, достойныхъ быка въ стойлѣ. Жадность создаетъ поспѣшность, а суетная безумная поспѣшность портить жизнь. О, какъ вы злобно скалите зубы, когда улыбае-тесь, какъ плохо прикрыта жесткость вашего взгляда, даже въ часы отдыха и покоя! Вы—ни дать, ни взять, огромная щука въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Больше досуга, другъ, и меньше похотливости! Отбросьте то, что вамъ мѣ-шаетъ жить, и начните жизнь съизнова. Не глотайте того, чего не можете переварить вашъ желудокъ, не берите ни-чего, кромѣ того, что единое на потребу, т. е. на увеличеніе красоты жизни. Что за скандалъ вышелъ бы, если бы васъ вдругъ взяли поймать врасплохъ и вскрыты, и всѣ увидали бы, что желудокъ вашъ наполовину полонъ такими же сует-ными и бесполезными благами жизни, какъ куски кожи и старья пробки, которыя такъ часто находятъ въ желудкѣ вашего прототипа—суетными благами, приобретенными только ради процесса приобрѣтенія, купчими на парки и луга, гдѣ вы не находите не одного цвѣтка, списками визитеровъ, гдѣ, вы не встрѣтите имени друга, билетами въ концерты, гдѣ вы, мо-жете быть, не услышите ни одной ноты, которая послужила бы для васъ откровеніемъ. Ваша праздная жадность беретъ такую львиную долю изъ общей сокровищницы! Ваше стре-мленіе къ излишку преграждаетъ путь столькимъ честнымъ стремленіямъ къ необходимому!

— Вы трудитесь для этого! Да когда же насъ избавятъ отъ тиранніи этого крика? Трудитесь—для чего? Для того, чтобы имѣть и удерживать то, что имѣешь, оставляя все меньше и меньше слабымъ, пока, наконецъ, огромная толпа невѣждъ, тѣ, что толкуются въ самомъ пеклѣ, на самомъ днѣ, не выучатся называть свою гнусную свалку за крохи вашихъ обѣдковъ борьбой за существованіе? Больше досуга для нихъ! Освободите ихъ хоть на мигъ отъ гнета одной уни-зительной мысли—какъ добыть себѣ на обѣдъ сухую корку и холоднаго картофеля. Ибо настоящая жизнь начинается лишь тогда, когда все это сдѣлано, когда брюхо сыто, а тѣло одѣто, и духъ который, въ сущности, все—свободенъ для своей творческой работы. Больше досуга для любви и дружбы, и добрыхъ дѣлъ, и радости—истиннаго дѣла жизни, у котораго—не будь мы такъ ослѣплены—были бы свои банки и склады, и свои агенты на каждой улицѣ. Что такое истин-ная „теорія обмѣна“, какъ не философія диффузіи человѣ-ческаго я? О жестокий міръ, гдѣ царить самопомощь, съ ея улыбающимся апостоломъ! жестокий міръ тружениковъ выс-шаго и низшаго разряда, не имѣющихъ времени для единст-венно полезнаго труда, почти и не приступавшихъ къ на-стоящему дѣлу—слишкомъ жестокий даже къ истымъ муче-

никамъ, лишеннымъ права улыбаться въ свой предсмертный часъ, благодаря отвратительному страху, что и цѣлая вѣчность не сдѣлаетъ устойчивымъ того, что шатается, не смоетъ накопившейся грязи! Господи, что за зрѣлище! Что за жалкій народъ на всѣхъ этихъ фабрикахъ, отъ голытьбы съ обезьяноподобными лицами—до крупныхъ шишекъ, важныхъ птицъ въ ихъ краснаго дерева клѣткахъ! Это — организованный трудъ? Полноте! Фи! Организованный? Для чего? Въ интересахъ труда, или въ интересахъ трудящагося?—единственное, что важно!—въ интересахъ бумажной матеріи, или той ткани, что облакаетъ душу человѣческую? Да что же такое трудъ для человѣка—цѣль, или средство? Слуга или господинъ? Ужъ, конечно, единственная истинная цѣль хорошей выдѣлки бумажной матеріи—сдѣлать лучшимъ того, кто ее выдѣлываетъ. И если при этомъ одно изъ двухъ должно быть испорчено—ради Бога, пусть это будетъ бумажная ткань,—хотя и въ этомъ нѣтъ надобности. Чѣмъ утонченнѣе будетъ душа рабочаго, тѣмъ тоньше будутъ и нити и выдѣлка ткани. Какая вопіющая нелѣпость! — ткань гладка, бѣла, плотна и прочна, не рвется при натяженіи,—а тотъ, кто выдѣлываетъ ее, грубъ, грязенъ, распущенъ, игрушка въ рукахъ діавола, лишь только имъ овладѣтъ гнѣвъ или похоть! Но къ чему повторять общія мѣста, когда всякій неглупый человѣкъ теперь чувствуетъ эту правду и высказываетъ ее. Работа для человѣка, а не человѣкъ для работы, какъ судили прежде. Пора покончить съ этой старой ложью. Какое печальное зрѣлище, когда вы переходите отъ одной къ другому! При видѣ красивой вещи естественно ожидаешь увидѣть живое существо:—ея творца еще болѣе прекраснымъ. Отсюда стремленіе—видѣть и знать лично героевъ. Но взгляните на этого творца, на эту топорную человѣческую фигуру, прячущуюся за ширмочками изящной гостинной, либо за вѣеромъ миледи—оборванную, неуклюжую, опухшую отъ пива, не мытую, или мытую лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы не запачкать атласа и парчи, которыя она ткеть для другихъ.

Подите въ трущобы, которыя работаютъ на Мэйферъ, и прослѣдите путь какогонибудь изящнаго ларчика для драгоценностей отъ начала до конца, — отъ убогой мастерской, гдѣ онъ сдѣланъ, лишенной воздуха и если не лишенной свѣта, то лишь потому, что свѣтъ необходимъ при работѣ, до еще болѣе изящнаго ларчика для мужчинъ и женщинъ, гдѣ онъ покоится на мягкой подушкѣ. Если здѣсь такое прекрасное соотвѣтствіе, зачѣмъ тамъ такая уродливая несообразность? Если тотъ, кто прикасается къ этому ларчику, какъ хозяинъ, такъ же красивъ и утонченъ, какъ самъ онъ, почему не требовать для того, кто дѣлалъ его, такой же утон-

ченности, хотя бы внутренней, и нѣкоторой матеріальной обезпеченности? Но нѣтъ! для того чтобы создать эту хорошенькую игрушку, десять человѣкъ умерло для всѣхъ истинныхъ задачъ бытія, будучи воспитаны въ убѣжденіи, что вся вложенная въ нихъ природой утонченность должна перейти непосредственно въ ихъ работу, а не прежде всего въ собственную ихъ жизнь.

Ибо ничто не освящаетъ несправедливости, ни даже головная боль при совершеніи ея, и „честный трудъ“, дѣлающій изъ терпѣнія и бережливости лишь подножку для того, чтобы прыгнуть и сѣсть на шею глупости или безпечности—самый тяжкій изъ всѣхъ грѣховъ. Не напускайте на себя такой святости, вы, современные поборники и проповѣдники труда! Ваше единственное право надъ плутами и глупцами—право употреблять свое сердце и руки на то, чтобы помогать имъ сдѣлаться умнѣе. Ваша добродѣтель дана вамъ не для того, чтобы вы пускали ее въ ростъ по 40%. Плуты и глупцы — больные люди и только, а вы, если вы унижаетесь до того, чтобы извлекать пользу изъ ихъ недуга, значить, вы сами еще хуже больны, чѣмъ они. Тяжкій трудъ, изъ эгоистическихъ цѣлей — это страшный недугъ, заразительный до послѣдней степени, нѣчто вродѣ червотчины жизни.

Повѣрьте, индивидуализмъ, самопомощь, имѣющая въ виду иную цѣль, чѣмъ помощь ближнему,—великая неправда. Вѣрьте этому, не смотря на улыбающагося апостола, своимъ ученіемъ причинившаго больше вреда, чѣмъ Абернезси изобрѣтеніемъ пилюль изъ каломеля. Продолжайте упражняться въ самопомощи, если это необходимо, еще тридцать-сорокъ столѣтій, но не всегда-же! Выговорите себѣ срокъ хотя бы въпятеро большій, 999 лѣтъ, но только назначьте срокъ! Оставьте намъ маленькую надежду, назовите счастливый день, когда свободное пользованіе свѣтомъ и жизнью и радостью будетъ общимъ удѣломъ.

Испробуйте другое, хоть разъ, какъ перемѣну режима, какъ новую діету для души—какъ новое средство, рекламируемое изобрѣтателемъ и рекомендуемое страдальцами. Отчего не попробовать? Одна какая нибудь несчастная пилюлька особенно повредить не можетъ.

Отбросьте часть работы, которая служить только вашимъ удобствамъ и прихотямъ и, копя проценты на проценты гнусныхъ обидъ и несправедливостей, создаетъ вѣчно растущее бремя скорби народной. Перестаньте заниматься конкуренціей и самопомощью, по крайней мѣрѣ въ тѣ драгоценныя минуты, когда у васъ болитъ душа. Потомъ вернетесь къ нимъ, если захотите, если сможете, послѣ того

какъ почувствовали себя человѣкомъ, — какъ выздоравливающий возвращается къ кроветкамъ и омарамъ, когда простой бульонъ и ростбифъ поставили его на ноги. Поступите съ своей душой, какъ съ желудкомъ, дайте ей хоть, разъ соприкоснуться съ природой. Затѣмъ—если у васъ есть охота и склонность—можете опять набивать себѣ зобъ на банкетѣ труда. Постарайтесь только, чтобы ваша работа была хоть немного полезна тѣмъ, кто истинно нуждается въ помощи—глупымъ и низкимъ душой; старайтесь больше дорожить цѣлью, чѣмъ средствами. Ибо цѣль не въ томъ, чтобы копить богатства умственные, тѣлесныя или матеріальныя для себя самого, а въ томъ, чтобы повысить уровень жизни своей и всѣхъ людей.

Вотъ какъ я понимаю безмолвныя рѣчи Викторіи. Вотъ что, по моему, выражаетъ все ея существо. Надо провѣрить, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ.

XVIII.

Владыка Индіи.

Однажды Викторія попросила меня рассказать ей о колоніяхъ, о подвластной нашей королевѣ обширной имперіи, ея протяженіи, богатствахъ, могуществѣ. Я сталъ перечислять сколько въ ней миллионовъ миль, сколько миллионовъ душъ населенія, говорить о томъ, что самыя большія имперіи, нынѣ существующія или существовавшія въ былое время, ничто передъ нею; что по размѣрамъ она превосходитъ даже Россію, втрое больше Соединенныхъ Штатовъ и ровно въ пять разъ больше царства Дарія Великаго; что изъ нея можно выкроить сорокъ Германій, а Испаній такъ даже полсотни! Наша метрополія въ сравненіи съ нею точка въ пустынѣ, а островъ Викторіи точка на точкѣ, паразитъ на тѣлѣ мошки. Я приводилъ цифры нашихъ торговыхъ оборотовъ, велъ счетъ нашимъ кораблямъ, разсѣяннымъ по всѣмъ морямъ, омывающимъ шаръ земной, назвалъ цифру нашего состоянія—если-бы насъ завтра продать съ молотка—круленькую сумму въ девять тысячъ миллионовъ фунтовъ стерлинговъ, упомянулъ о томъ, что даже въ послѣдніе неудачные годы—съ 1875-го всѣ годы считаются неудачными—все же въ нашу сокровищницу каждый годъ прибавляется по 180 миллионовъ, что у насъ печень пухнетъ и гниетъ отъ этого непомернаго обжорства золотомъ.

Викторія въ восторгѣ, пробуетъ измѣрить Питкэрнъ своимъ кушакомъ, останавливается, становится веселой, экспансив-

ной, затягиваетъ гимнъ, предлагаетъ въ видѣ благодарности свести меня въ пещеру на скалѣ,—Пещеру Бѣдъ, какъ я ее всегда называю—дѣлаетъ мнѣ реверансъ въ знакъ почтенія къ человѣку, побывавшему въ самомъ центрѣ этой колоссальной системы, и снова останавливается. Затѣмъ, натѣшившись вдоволь видомъ цѣлаго и намурлыкавшись отъ удовольствія, какъ большой счастливый котенокъ, которому удалось свернуть всѣ нитки на свѣтѣ въ одинъ клубокъ, она изъясняетъ желаніе распутать клубокъ, размотать его на отдѣльныя нитки. Я рассказываю ей понемножку обо всемъ—объ Австраліи, Канадѣ, обѣихъ Индіяхъ. Она какъ будто видитъ все, о чемъ я говорю, и зрачки у нея расширяются, какъ у ребенка при видѣ кукольнаго театра или пантомимы. Передъ нею словно проходятъ въ безконечной процессіи безчисленныя племена, арміи, цехи съ эмблемами и значками, дружественныя народы, подвластные намъ царьки, воины въ желѣзной бронѣ, пурпуровыхъ плащахъ или просто черной собственной кожѣ, жрецы со всевозможными символами, отъ зазубренной палки до креста, механики, отъ орудующихъ кремневыми топорами до вооруженныхъ всѣми новейшими приспособленіями, всѣ эксперименты природы надъ человѣческимъ типомъ—отъ бушмена до обитателя Мэйфера. Процессія еще далеко не кончилась, а она уже готова вновь поклоняться мнѣ, какъ представителю этой власти, какъ владыкѣ Индіи и прочихъ подвластныхъ намъ земель въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Но я уклоняюсь.

Не только скромность мѣшаетъ мнѣ принять ее поклоненіе, но и страхъ быть изобличеннымъ. Не всѣ владыки Индіи такъ хорошо откормлены, какъ я, и я иногда спрашиваю себя, какой же прокъ въ этомъ владычествѣ? Я владыка Индіи,—это правда—но такой же точно владыка и Снинъ, обливаемый потомъ въ своей душевной портняжной мастерской, и Свортъ, таскающій на спинѣ доску съ объявленіями; они вѣдь тоже „владыки рода человѣческаго“, какъ выражаются иные. Я всегда задаю себѣ такой вопросъ, когда встрѣчаю Сворта и начинаю соображать, сколько у насъ такихъ фигуръ, составляющихъ огромное пятно убожества на нашей пестрой толпѣ. Вѣдь и тотъ человѣкъ въ протертомъ до нитокъ сюртукѣ, каждое утро покидающій Кентскую Слободку, или Сомерсъ, или иную изъ прилегающихъ окраинъ, чтобы искать работы въ Сити, въ сотый разъ напрасно плетущійся туда,—человѣкъ, для котораго вѣнецъ желаній,—пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю,—вѣдь и онъ тоже „владыка“. Онъ гладко выбритъ, этотъ владыка, онъ готовъ истратить послѣднюю полушку на приобрѣтеніе „приличнаго вида“; на немъ блестящіе сапоги съ замазанными чернилами дырами и тре-

щинами, и такой же блестящий сюртукъ; все на немъ лоснится и блеститъ, кромѣ суроваго жесткаго лица, выражающаго полную безнадежность. Но при всемъ томъ онъ царскаго рода,—этого за нимъ никто не отрицаетъ—онъ владыка Индіи, наслѣдникъ вѣковой борьбы и побѣдъ на поляхъ брани, которыми усѣяны наши владѣнія, составляющія пятую часть земного шара.

Свортъ—наилучшій примѣръ, и мнѣ нетрудно довести Викторію до просьбы рассказать о немъ все, что я знаю. Дѣло, по совѣсти, стоитъ того.

— Я встрѣтилъ Сворта впервые въ Риджентъ-стритѣ, незадолго до того, какъ попалъ сюда. Онъ—„сэндвичъ-мэнъ“. Онъ шелъ стиснутый между двумя досками, на которыхъ красовалась надпись огромными буквами: „Индія въ Лондонѣ“, и что-то такое духовно-живописное было въ этомъ униженіи человѣка, отъ похожей на мѣшокъ шляпы до намека на сапоги, что меня потянуло къ нему. Потянуло больше изъ любопытства, чѣмъ изъ состраданія, какъ натуралиста, которому захотѣлось бы посмотреть, какъ живетъ мокрица.

— Гдѣ находится Риджентъ-стритъ и что такое *сэндвичъ-мэнъ*?—спросила Викторія.

— Объ этомъ всемъ будутъ выноски. Если вы хотите, чтобъ я рассказывалъ плавно, не перебивайте меня.

— Ну-съ, такъ вотъ, познакомились мы со Свортомъ. Говорилъ-ли я вамъ, что онъ довольно высокъ ростомъ, худъ, сторбленъ, что волосы у него съ просѣдью и отъ него вѣчно несетъ чѣмъ-то сквернымъ? Нѣтъ? Такъ замѣтьте все это, чтобъ намъ разъ навсегда покончить съ его наружностью. Лѣтъ ему, должно-быть, подъ шестьдесятъ; лицо не то чтобъ непривѣтливое и даже нельзя сказать, чтобъ некрасивое, но все въ морщинахъ и складкахъ отъ вѣчной заботы о кускѣ хлѣба—хорошее лицо, но испорченное.

— Хотѣла бы я знать, что такое *сэндвичъ-мэнъ*!—прошептала Викторія,—но это неважно. Пожалуйста, продолжайте.

— У насъ завязалось знакомство; я нерѣдко сопровождалъ его въ его прогулкахъ по городу—онъ шелъ по улицѣ, я по тротуару—и мы бесѣдовали. Онъ былъ въ молодости солдатомъ, помогаль отвоевывать обратно Индію, участвовалъ въ штурмѣ Люкнау. Онъ страшно гордился этимъ сраженіемъ вообще, и еще больше своимъ участіемъ въ немъ. „Они чуть было не улизнули, сэръ“—рассказывалъ онъ о своихъ братьяхъ и подданныхъ—индійцахъ.—„Вы не можете себѣ представить, какіе они ловкіе! ну да мы то все-таки изловили ихъ, поймали за хвостъ—нѣтъ, братъ, шалишь, не уйдешь!“ Пріятно было смотрѣть на Сворта, когда онъ гордился чѣмъ-нибудь; это его чрезвычайно красило. Въ такія минуты онъ казался

почти человѣкомъ. Но, конечно, это были только проблески свѣта на темномъ небѣ. Случалось, что полисменъ грозилъ его засадить, если онъ не будетъ идти такъ, чтобы своей доской не задѣвать прохожихъ на тротуарѣ. А когда онъ, послѣ такихъ рѣчей, выходилъ изъ канавки, навстрѣчу обязательно попадался приказчикъ и начиналъ ругать его—за чѣмъ онъ не идетъ своей бороздой, и угрожать ему выставкой.

— Выставкой!—тихонько повторила Викторія;—засадить!—Я не перебиваю; я только запоминаю слова.

— Я просилъ Сворта позволить мнѣ зайти къ нему на домъ, но онъ отвѣтилъ: „Теперь нельзя“. Онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ,—онъ же и ночлежный домъ—въ общей квартирѣ, гдѣ не позволялось принимать гостей.—Да если бъ и позволили,—признался онъ откровенно—я бы предпочелъ, чтобъ вы не приходили. Не подходящая тамъ компанія для джентльмена, да и вообще для хорошаго человѣка. Вчера ночью троихъ стянули съ постелей и арестовали за грабежъ, а четвертаго за кражу со взломомъ и убійство. А ужъ полицейскіе такъ и шныряютъ взадъ и впередъ, то въ комнату, то изъ комнаты; поднесутъ свѣчку къ самому носу, и не смѣй ничего сказать. У насъ шестьдесятъ человѣкъ спить въ одной комнатѣ, а какъ давеча пришелъ обходъ—больше половины проснулось. Можете себѣ представить, что тутъ было. Притомъ же я слишкомъ старъ, чтобы драться изъ-за теплаго мѣстечка у камина, и по большей части забну. А вѣдь не принеси вечеромъ четырехъ пенсовъ за ночлегъ, выгонять, какъ пить дадутъ. А я уже старъ, мнѣ на валу ночевать не пристало, мнѣ нуженъ свой уголъ.

— Вы могли бы теперь же сказать мнѣ, что такое *валъ*,—вставила Викторія,—но, разумѣется, я не буду настаивать. Если это васъ сердитъ, сдѣлаемъ лучше выноску.

— Это улица, одна изъ красивѣйшихъ въ Лондонѣ, окаймленная, съ одной стороны, садами и общественными зданіями, съ другой—рѣкой. Тѣмъ, кто не можетъ позволить себѣ такое дорогое удовольствіе, какъ ночлегъ, которымъ пользуется Свортъ, разрѣшается ночевать тамъ, въ видѣ особой милости, такъ какъ это противозаконно.

— Неужели вы хотите сказать?..

— Да, да, именно; я именно это хотѣлъ сказать.

— Но какъ же *могутъ* тогда другіе ложиться въ постель?

— Да вѣдь вотъ вы теперь узнали это, а спать-то все-таки ляжете. Къ такимъ вещамъ привыкаешь.

— Я ни за что не рѣшилась бы лечь, если бы жила тамъ. По крайней мѣрѣ, пока...

— Недѣли двѣ спустя Свортъ объявилъ мнѣ, что онъ теперь устроился иначе и можетъ принять меня. Ему долго приш-

лось копить деньги на обстановку, ибо, какъ онъ справедливо замѣтилъ, много-ли можно отложить изъ 1 ш. 3 пенсовъ въ день? Однако, онъ уже присмотрѣлъ себѣ столъ. Я не мѣшалъ ему „присматривать“. Экспериментъ былъ слишкомъ интересенъ, чтобы его испортить несвоевременной помощью.

— Поселился онъ въ кварталъ „Бѣлой Лошади“. Надо вамъ знать, Викторія, что „Бѣлая Лошадь“—это лондонская трущоба, одна изъ нѣсколькихъ сотъ, такъ же отчетливо обозначенныхъ на картѣ и такъ же общеизвѣстныхъ, какъ Букингемскій дворецъ или Гросвеноръ - скверъ. Описание этого квартала заинтересовало бы васъ, какъ полу-дикарку, но для насъ, пресыщенныхъ дѣтей цивилизаціи, эта тема слишкомъ избита, чтобы быть сколько-нибудь интересной, въ смыслѣ удовольствія или пользы. Всякій социальный реформаторъ въ зародышѣ начинаетъ съ описанія „Бѣлой Лошади“; это, такъ сказать, „проба пера“. Къ обиталищу Сворта вела узенькая мощеная дорожка, воняющая всякой гадостью, и лѣстница, темная, извѣденная червями и кишачая всякими гадами, какъ мнѣ пришлось убѣдиться на опытѣ. Жилъ онъ на самомъ верху, на заднемъ чердакѣ, все убранство котораго составляли кровать съ матрацомъ изъ стружекъ и опрокинутый упаковочный ящикъ, служившій столомъ. Сосѣди его занимались самыми разнообразными ремеслами, включая наиболѣе древнее—тайный и явный грабежъ. Передній чердакъ занимала, хотя и не работала здѣсь, „такъ, одна дѣвчонка“. Болѣе толковаго объясненія я отъ Сворта не добился. Этажемы ниже шили передники для *lawn tennis'a*, по три пенса за дюжину, и солдатскія куртки. Да еще въ задней каморкѣ что-то продѣлывали съ кроличьими шкурками, ибо, въ одно прекрасное утро, когда Свортъ открылъ окно, чтобы провѣтрить комнату, мы оба чуть не задохнулись отъ необыкновенно остраго и рѣзкаго специфическаго запаха, ворвавшегося къ намъ вмѣстѣ съ туманомъ. Лицевую кухню занималъ форточникъ, уже съ полгода или больше не занимавшійся своимъ ремесломъ, благодаря поврежденіямъ, полученнымъ имъ въ стычкѣ съ полисменомъ—по общему признанію, спокойнѣйшій человекъ въ цѣломъ домѣ. Въ задней кухнѣ—но нѣтъ, я умолчу объ этихъ подвальныхъ помѣщеніяхъ, не обмолвлюсь о нихъ ни словомъ, ни намекомъ, хотя бы самымъ непрозрачнымъ, какъ не стану говорить и о заднемъ дворѣ, или о находящейся тамъ цистернѣ.—Если вы будете такъ глупо вести себя, Викторія, я сейчасъ замолчу.

— Я ничего глупого не дѣлаю.

— О чемъ же вы плачете?

— Бога вы не боитесь—позволять людямъ *такъ* жить! Если бы это было у насъ, мы боялись бы каждой грозы.

— Молнія очень милостива къ намъ.—Случается иногда, что повредить трубу или ударить въ колокольную церкви, но и то рѣдко.

— Это неправда. Вы только такъ, нарочно говорите. Во всѣхъ городахъ есть попечительства о бѣдныхъ. Я вѣдь читала въ книгахъ.

— Само собой. Въ той самой части города, гдѣ живетъ Свортъ, имѣется цѣлыхъ четыре попечительства и санитарный инспекторъ. Члены попечительствъ—своего рода миссіонеры но они проповѣдуютъ прежде всего святость смиренія и уваженіе къ чужой собственности. Они проповѣдуютъ это въ помѣщеніяхъ, немногимъ лучше убранныхъ, чѣмъ чердакъ Сворта. Они ставятъ себѣ задачей измѣнить сердце человѣческое, полагая, что такая перемѣна должна предшествовать перемѣнѣ бѣлья — ставить телѣгу впереди лошади. Они какъ будто не имѣютъ понятія о томъ, что все это духовное уродство наполовину порожденіе уродства матеріальнаго, царящаго кругомъ. По воскреснымъ днямъ нѣкоторые изъ здѣшнихъ бѣдняковъ ходятъ слушать эти проповѣди, не безъ сомнѣнія, но все же надѣясь услышать хоть что нибудь облегчающее, ибо ихъ смутныя понятія о логикѣ едва-ли достаточны, чтобы оцѣнить всю иронию этого евангелія любви. Другіе идутъ въ портерныя—и эти умнѣе, ибо тамъ они могутъ хоть немного повеселиться. Въ этомъ кварталѣ на каждые двѣсти человѣкъ населенія приходится одинъ кабакъ, или портерная, и проповѣдники, такіе же тупоумные, какъ ихъ слушатели, никакъ не могутъ понять почему.

— Свортъ въ часы отдыха почитывалъ свою газету, а когда у него заводилась лишняя копѣйка, шелъ въ кабачекъ. Газеты онъ никогда не забывалъ прочесть, ибо онъ былъ по натурѣ глупецъ—оптимистъ, склонный вѣрить, что лучшіе дни еще впереди. Отъ воскресенья до воскресенья онъ жилъ ожиданіемъ этихъ лучшихъ дней, въ теченіе по крайней мѣрѣ тридцати пяти лѣтъ. Въ особенности интересовали его и веселили его сердце иностранныя извѣстія.—Мы то и дѣло завоевываемъ новыя земли, чтобъ округлить наши владѣнія,—говаривалъ онъ;—погодите ужю, скоро все будетъ ладно, и тогда—тогда мы заживемъ!

— Ну, теперь можно считать, что Бирма все равно, что наша!—сказалъ онъ мнѣ однажды, узнавъ объ избіеніи новаго отряда дакотовъ.—Все равно, что наша! Ну, теперь заживемъ! И чего они упираются, дурачье!—вѣдь это для ихъ-же блага! — Онъ былъ положительно сердитъ на бирманцевъ. Онъ смотрѣлъ на эту войну, какъ и на всѣ другія мелкія войны, какъ

рядъ проявленій человѣческой испорченности, ведущихъ къ отсрочкѣ великаго гуманитарнаго увеселенія, извѣстнаго подъ названіемъ „лучшихъ временъ“. Онъ надѣялся, что занавѣсъ подыметъ послѣ замиренія Индіи, занимающей партеръ. Но тутъ пошли глупѣйшіе безпорядки на галлерей со стороны ашантиевъ и абиссинцевъ. А тутъ еще афганцы и зулусы стали бунтовать у самыхъ дверей. А потомъ это дурачье въ Суданѣ, а потомъ бирманскія шайки. Свортъ все ждалъ и ждалъ, а занавѣсъ все не подымался.

— Занавѣсъ скрываетъ сцену, въ то время, какъ мѣняють декорации,—сказала Викторія, мгновенно отвлекаясь отъ предмета, какъ настоящее большое дитя.—Онъ падаетъ 5 разъ въ большинствѣ пьесъ м-ра Шекспира.—Я знаю.

— Да, вы знаете, Вики, и Свортъ это зналъ. Свортъ именно такой человѣкъ, для какихъ разыгрываются подобныя пьесы,—одинъ изъ тѣхъ дураковъ, которые все принимаютъ на вѣру, и охотно готовы принять 2 сосновыхъ доски и кусокъ парусины за дерево въ цвѣту. Ему сказали, что онъ тоже владыка Индіи, и онъ повѣрилъ, и когда его повелительница сдѣлалась не только королевой, но и императрицей, онъ былъ также глубоко растроганъ, какъ если бы ему самому пожаловали какое-нибудь высокое званіе. Какъ онъ часто говаривалъ, всѣ жильцы его дома были такими же владыками Индіи,—если бъ они только знали это!—наслѣдниками великаго Могола—у него были кое-какія свѣдѣнія по исторіи—побѣдителями при Плесси, Мультане, Мудки, Собраонѣ и т. д. Каждый изъ малыхъ сихъ былъ участникомъ въ великомъ наслѣдствѣ, только не хотѣлъ принимать этого во вниманіе. Вся трудность была въ томъ, чтобы заставить ихъ смотрѣть на вещи съ этой точки зрѣнія. Свортъ велъ съ ними по этому поводу безконечныя пренія въ тихіе воскресные вечера, когда всѣ они, стоя на углу улицы по щиколку въ грязи, ждали открытія кабаковъ. Онъ старался подѣйствовать на нихъ цифрами, приводилъ цифры ввоза и вывоза, говорилъ о ростѣ нашего флота, о ростѣ торговли. Но въ ихъ глупости была иногда энергичная сила сопротивленія, которой онъ не могъ поборотъ. Тѣ, кто поумнѣе, смѣялись ему прямо въ глаза, и, когда имъ говорили о богатствахъ Имперіи, указывали на свои лохмотья. Болѣе тупые просто плевались. Но и это дѣлалось не всегда одинаково, и иногда ему не безъ основанія казалось, что они плюютъ на него. Онъ обратился ко мнѣ за помощью; и я далъ ему нѣсколько популярныхъ книгъ о федераціи, гдѣ приведены всѣ необходимые аргументы.

Мы теперь молимся за федерацію каждое воскресенье. А школьный учитель пишетъ гимны въ честь федераціи.

— Постарайтесь прерывать меня какъ можно рѣже, дитя мое; это разбиваетъ мысли. Отмѣчайте то, что вамъ непонятно, я потомъ объясню.

(Она сняла поясъ и завязала узелокъ по поводу „федерации“).

— Но меня гораздо меньше интересовало отношеніе Сворта къ другимъ людямъ, чѣмъ его отношеніе къ самому себѣ. Для меня онъ былъ чудомъ, непрестанно совершающимся у меня на глазахъ. Я произвелъ нѣкоторыя изслѣдованія и убѣдился, что онъ ждетъ облегченія не тридцать пять лѣтъ только, но въ извѣстномъ смыслѣ пять сотенъ лѣтъ. Онъ былъ очень древняго рода,—какъ и большинство изъ насъ, хотя объ этомъ почему-то никто не думаетъ. И за всѣ эти вѣка своего процвѣтанія на землѣ, насколько напряженный взоръ могъ проникнуть въ тьму временъ, родъ его никогда не могъ выбраться изъ своей родной навозной кучи. А взоръ Сворта видѣлъ весьма далеко. Для человѣка его класса, онъ обладалъ совершенно исключительнымъ знаніемъ фамиліной исторіи, частью по устнымъ преданіямъ, частью по записямъ на заглавномъ листѣ фамиліной библіи, которую я, въ интересахъ нашихъ изысканій, помогъ ему выкупить изъ заклада.

Викторія завязала новый узелокъ на словѣ „закладъ“.

— Сворты помнили себя еще въ царствованіе королевы Анны; при помощи догадокъ и заключеній ихъ можно было прослѣдить даже до болѣе ранней эпохи—царствованія Карла II. Здѣсь мнѣ представился единственный въ своемъ родѣ случай изучить настоящую родословную „бѣдняка-глупца“, безконечно болѣе интересную, чѣмъ родословныя разныхъ бароновъ, хотя бы по причинѣ своей рѣдкости. Я поэтому всячески поощрялъ его оставить на время занятія текущими дѣлами имперіи для бесѣды со мной о прошломъ своей расы. Онъ оказался довольно податливъ и послѣ нѣсколькихъ недѣль труда мы составили для него родословное дерево, которое, хотя бы по древности своей, не было бы недостойнымъ любого графа. Подчасъ намъ приходилось дѣлать довольно опасныя прыжки съ вѣтки на вѣтку, какъ это случается и съ составленіемъ родословныхъ и лучшаго качества но эту тайну мы хранили про себя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С В И Д А Н І Е.

(Посвящается М. П. Ор—ву).

I.

Не къ матери родной и не къ сестрѣ любимой
Въ волненіи радостномъ я къ первымъ прибѣжалъ—
Туда, гдѣ на дыбы скакунъ неукротимый
Съ желѣзнымъ всадникомъ у края бездны всталъ.
Вдали, въ чужихъ снѣгахъ, въ разлукѣ сиротливой,
Средь мукъ забвенія и боли старыхъ ранъ,
Какъ первыхъ лѣтъ любовь, душѣ моей строптивой
Онъ грезился, земли родимой великанъ.
Не тамъ, гдѣ яркій блескъ и гулъ людскихъ волненій.
Поодаль отъ дворцовъ и шумныхъ площадей,
Въ укромной зелени акацій и сиреней,
Гдѣ нѣжно смѣхъ звучалъ рѣзвящихся дѣтей,—
Стоялъ Онъ въ вышинѣ, объятый вѣщей думой,
Со взоромъ, поднятымъ къ невидимой зарѣ;
Въ чертахъ властительныхъ горѣлъ огонь угрюмый,
Огонь презрѣнія къ довольной мишурѣ!
И между мной и имъ,—песчинкой и скалою,—
Таинственная связь мнѣ чудилась порой...
То былъ-ли сонъ?—Не разъ, задумчивой весною,
Когда скитался я надъ царственной рѣкой,
И пышный городъ спалъ въ сіяньи ночи кроткой,
И думы дерзкія роились въ тишинѣ,—
Я помню,—тамъ, въ саду, за темною рѣшеткой,
Бздокъ надъ пропастью кивалъ съ улыбкой мнѣ...

II.

Но цѣпь тяжелыхъ лѣтъ, увы, легла не даромъ—
Съ трудомъ я отыскалъ завѣтную скалу.
Какъ-будто смерчъ прошелъ, дыша губящимъ жаромъ,
Все опалилъ кругомъ, оставилъ смерть и мглу!
Ни травки бархатной, ни шепчущей березки;
Левкоевъ, хризантемъ исчезъ цвѣтистый лугъ...
Казарма мрачная: булыжникъ сѣрый, жесткій,
Пустыней голою раскинулся вокругъ!
И Онъ... Все тутъ же Онъ, надъ роковымъ обрывомъ,
На топчущемъ змѣю, взбѣсившемся конѣ,
Но—сколько холода въ полетѣ горделивомъ,
Какъ страшно и знакомъ и незнакомъ Онъ мнѣ!..
Простерта въ воздухъ могучая десница,
И, чудится, гремитъ угроза съ высоты:
„Проклятіе тебѣ, моихъ надеждъ гробница,
О городъ роковой, гдѣ гибнуть всѣ мечты!
И ты, потомокъ-червь, своимъ безсильнымъ горемъ
Дерающий смущать мой вѣковѣчный сонъ,
Ничтожество, молчи! Что капля передъ моремъ,
Предъ скорбію моею твой малодушный стонъ!“

III.

—Безмолвствовать? О, нѣтъ!.. Пускай во мракѣ глухо
Замретъ мой вопль,—какъ рабъ, не сдамся я судьбѣ.
Пигмей я и червякъ, но въ свѣтломъ царствѣ духа,
Средь малыхъ и большихъ, родной я сынъ тебѣ.
—Навстрѣчу пошлости безстыдной и безславной,
Во имя Истины, Добра и Красоты
Ты первый подымаешь бунтъ рукой самодержавной
И первый ты зажигаешь свободныя мечты!
—И живъ онъ, твой завѣтъ бойца и гражданина:
Лишь родину любить, какъ истинную мать,
Безтрепетной рукой себя, родного сына

Въ годину черную на жертву ей отдать!
—И если дѣлъ твоихъ и думъ кипучихъ пламя
На искры малыя распалось въ бурной мглѣ,
Твой духъ живетъ и въ нихъ! Твое несемъ мы знамя,

.....
И, чудо! мѣдный ликъ внезапно прояснился...

На мигъ, вновь расцвѣла душистая весна—

И снова на яву мнѣ сонъ волшебный снился,

И поднимала грудь могучая волна!..

П. Я.

МЕДОВЫЯ РѢКИ.

Очерки.

IV.

Перекаати-поле.

IV.

Тамбовская артель причиняла Фролу Иванычу массу хлопотъ. Онъ даже осунулся въ лицѣ и похудѣлъ. Одна борьба съ дешевыми турками чего стоила. Когда на базарѣ появлялся подрядчикъ Никитичъ, высматривавшій свою дневную порцію рабочихъ рукъ, Фролъ Иванычъ накидывался на него съ яростью.

— Опять обманывать пришелъ? кричалъ Фролъ Иванычъ, размахивая руками.— Полюбуйся на свою работу: турки работаютъ у тебя, а наши русачки вотъ стѣнкой стоятъ голодные. Это какъ по-твоему?

— А ужъ какъ Господь... пѣвуче отвѣчалъ Никитичъ.— Ужъ это не отъ насъ, милый человѣкъ. И турки тоже ѣсть хотятъ. Понедѣльниковъ, не бойсь, не справляютъ, да еще каждый день своему богу по три раза молятся.

— А что изъ того, что молятся—хоть десять разъ молись, а ихній богъ неправильный. Вотъ тебѣ бы въ самый разъ въ мухоѣданскую вѣру...

Благодаря хлопотамъ Мосея и Фрола Иваныча, тамбовская артель получила работу, но лиха бѣда была въ томъ, что приходилось работать въ разныхъ мѣстахъ. Сходились вмѣстѣ только по вечерамъ. И Донька отшиблась отъ артели, что очень угнетало Мосея. Дѣвушка молодая, ничего не понимаетъ,—долго-ли до грѣха. Вся артель скучала по Донькѣ, въ которой сохранялась послѣдняя теплота родной губерніи. Фролъ Иванычъ былъ того же мнѣнія и чуть не подрался изъ-за Доньки съ своей Анисьей Филипповной и довелъ ее до слезъ.

— Что же, я для нея же старалась,—оправдывалась старушка, вытирая слезы.—Не одна ушла въ Алупку, а съ другими протчими бабами.

— А ежели она оттуда воротится круглая? Баба не мужикъ, и по здѣшнимъ мѣстамъ ей вездѣ цѣна. У меня есть знакомый татаринъ Асанъ въ Ауткѣ, такъ я уже ее туда опредѣлю... По крайности, каждый день дѣвушка дома, въ своей артели ночевать будетъ.

— Ну, и устройвай.

— И устрою. Не буду тебѣ въ ноги кланяться... Вотъ погоди, воскресенье придетъ—тогда и опредѣлю. Пусть чувствуетъ, каковъ есть человѣкъ Фроль Иванычъ.

Фроль Иванычъ сдержалъ свое слово и опредѣлилъ Доньку къ Асану, въ Аутку. Эта татарская деревушка слилась съ Ялтой и была, какъ ковромъ, обложена табачными плантаціями. Анисья Филипповна соображала свое и все поглядывала на Ѳедоса. Въ самый бы разъ парочка вышла. Старушка стороной успѣла вызнать, что у себя въ деревнѣ Ѳедосъ былъ завиднымъ женихомъ, и за него пошла бы любая дѣвушка, но онъ не хотѣлъ жениться, пока не устроится.

— Ничего, Богъ дастъ, все устроится,—соображала старушка.—Ушелъ холостой, а вернулся женатый. Конечно, Донька не Богъ знаетъ какая корысть, ну, да съ лица не воду пить.

Весна быстро шла впередъ. Миндали давно отцвѣли. Начала быстро распускаться зелень. Море теплѣло съ каждымъ днемъ. Ялта оживала весеннимъ прилетомъ своихъ больныхъ гостей. И старики, и молодые — всѣ искали животворящаго тепла. Больные бродили по набережной, любясь моремъ, ютились въ маленькомъ городскомъ садикѣ, слушая музыку, и, вообще, старались какъ-нибудь убить время. Это была какая-то призрачная жизнь, окрыленная несбыточными надеждами найти именно здѣсь утраченное здоровье. Были и такіе люди, которые рѣшительно не знали, зачѣмъ они пріѣхали въ Ялту — вѣрнѣе сказать, не знали, куда имъ дѣваться. Они ругали и Ялту, и по пути всѣ русскіе курорты, клялись, что это уже въ послѣдній разъ они попали на южный берегъ Крыма и доказывали другъ другу всѣ преимущества заграничныхъ курортовъ.

Именно къ послѣднему сорту господъ относился „нашъ родной баринъ“ Мосея Шаршаваго — Ипполитъ Андреичъ Череповъ. Семья Череповыхъ поселилась въ „Россіи“, занимающая два номера—въ большомъ жилъ старикъ Череповъ съ сыномъ Вадимомъ, а въ маленькомъ помѣстилась дочь, Ирина, молодая худенькая дѣвушка съ острыми плечами и какими-то жгучими глазами. Старикъ Череповъ, представительный

сѣдой старикъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и пользовался у всей прислуги шикарнаго отеля большимъ уваженіемъ. Онъ дѣлалъ все, до послѣднихъ мелочей, съ какой-то министерской солидностью, даже умывался не такъ, какъ другіе, а верхъ солидности, доходившей до священнодѣйствія, проявлялся больше всего за обѣдомъ и ужиномъ. Послѣднее, впрочемъ, носило характеръ почти платоническій, такъ какъ старикъ Череповъ страдалъ катаромъ желудка и половины артистически приготовленныхъ кушаньевъ не могъ ѣсть.

— Мой желудокъ такъ же не перевариваетъ нѣкоторыхъ вещей, какъ не перевариваютъ головы моихъ дѣтей цѣлый рядъ идей,—мрачно острилъ старикъ.

Дѣти привыкли къ желчнымъ выходкамъ отца и не обращали на нихъ особеннаго вниманія. Это была довольно странная семья, жившая какими-то взрывами. Всѣ держались на равной ногѣ, какъ добрые старые знакомые. Получалась та излишняя откровенность, какая извиняется только добрымъ старымъ знакомымъ, на которыхъ не обижаются.

Деревья покрылись зеленью. Начали распускаться глицинии. Наступала лучшая весенняя пора. Старикъ Череповъ ежедневно гулялъ по набережной опредѣленное докторомъ время. Разъ въ воскресенье, когда онъ съ дочерью возвращался домой, его остановилъ у входа на лѣстницу какой-то мужикъ, державшій шапку въ рукахъ. Это былъ Мосей Шаршавый съ Донькой.

— Ваше высокоблагородіе, Апполитъ Андреичъ...—бормоталъ Мосей, кланаясь. — Не допускаютъ до васъ... халуи трокторные не пуцаютъ...

— Что такое? Что тебѣ нужно?—недовольнымъ голосомъ проговорилъ Череповъ.—Кто ты такой?

— А мы, баринъ, ваши родные мужики будемъ, значить, изъ деревни Перфеновой... Мосей Шаршавый, а это моя племянница Донька, значить. Дѣльце есть у меня къ вамъ, а халуи не пуцаютъ... Прямо, значить, къ вашимъ стопамъ, потому какъ вы на́мъ природный баринъ, и мы вполнѣ обвязаны... напрімѣръ, подвержены...

— Какое дѣльце?

— Прикажете допустить, а на улицѣ никакъ невозможно...

Ирина все время разсматривала въ лорнетъ Доньку и пришла въ восторгъ. Вѣдь это былъ великолѣпный этнографическій типъ, который необходимо показать пріѣхавшему въ Ялту путешественнику. Пусть полюбуется на кровную „танбовку“. У нея и костюмъ весь настоящій, домашней работы. Череповъ слушалъ несвязную болтавню Мосея, нѣсколько

разъ поморщился, что въ переводѣ означало его полное недовольство навязчивымъ мужиченкой, но вступилась Ирина.

— Ты, мужичокъ... какъ тебя зовутъ?

— Мосей, барышня...

— Да, такъ ты иди за нами, — рѣшительно приглашала дѣвушка. — Никто не смѣетъ тебя не пустить...

Мосей немного замаялся и сбоку посмотрѣлъ на Доньку.

— И она пойдетъ съ нами, — командовала Ирина.

— Для чего эта комедія? — по-французски замѣтилъ Череповъ, пожимая плечами. — Вѣчныя эксцентричности.

— Ахъ, папа, это такъ интересно!.. по-французски отвѣтила Ирина. — Одно имя чего стоитъ: m-lle Донька.

— Съ родственниками трудно спорить, — проворчалъ Череповъ, направляясь по лѣстницѣ къ верхней площадкѣ.

Мосей сразу догадался, что за него заступилась барышня, и, шагая за ней, повторялъ:

— Гонють насъ, барышня... которые халуи... А мы ужъ къ вашимъ стопамъ...

Отельные официанты попробовали загородить дорогу Мосею, когда вся компанія поднялась къ роскошному вестибюлю.

— Куда прешь, сиволапый!..

— Оставьте, пожалуйте, ихъ, — строго протестовала Ирина. — Они идутъ ко мнѣ... Поняли?..

— Вотъ эти самые, барышня, — жаловался Мосей, указывая на официантовъ. — Гонють...

Донька никогда еще не видала, какъ живутъ настоящіе господа, и всему удивлялась: лѣстницѣ, ковро въ корридорѣ, двернымъ ручкамъ и т. д. Ирина провела ее въ свою комнату, и тамъ удивленію Доньки не было границъ, особенно когда она увидѣла нарядную кровать барышни.

— Неужли ты на ней спишь? — спросила Донька.

— Сплю... А что?

— Кубыть страшно.

Ирина смѣялась до слезъ надъ Донькой.

Въ номерѣ Черепова происходила не менѣе оригинальная сцена. Мосей стоялъ у дверей и, повертывая въ рукахъ шапку, издалека началъ рассказывать исторію постройки царскаго моста и о томъ, какъ всѣ его обманываютъ. Старикъ Череповъ сначала слушалъ его съ нахмуреннымъ лицомъ, а потомъ захохоталъ.

— На васъ, баринъ, послѣдняя надежда осталась... — закончилъ свое повѣствованіе Мосей.

Череповъ подошелъ къ нему, хлопнулъ его по плечу и, продолжая смѣяться, проговорилъ:

— Не будетъ тебѣ царскаго моста, Мосей...

— Какъ-же это такъ, баринъ? Не даромъ люди говорили...

— Я тебѣ сказалъ: не будетъ. И тебѣ, и мнѣ никакого моста не будетъ... Былъ у насъ съ тобой *крѣпкій* мостъ, а теперь ничего не осталось. Купецъ гуляетъ по нашему мосту, а мы въ окошечко на него поглядываемъ.

Мосей зналъ привычку стараго барина говорить мудренныя слова и только хлопалъ глазами. А старикъ Череповъ совсѣмъ развеселился, что съ нимъ случалось рѣдко, усадилъ Мосея на стулъ и началъ подробно его расспрашивать обо всемъ: какъ мужики живутъ въ Парфеновой, какъ набралась артель строить царскій мостъ, какъ они шли пѣшкомъ, какъ устроились въ Ялтѣ.

— Утѣснили вы насъ, баринъ, тогда земелькой-то,—говорилъ Мосей, потряхивая головой.—Кормовъ совсѣмъ не стало, скотину пасти негдѣ... Обезлошадилъ въ конецъ.

— И я тоже безлошадный, Мосей... Конскій заводъ давно продалъ. А теперь землю въ банкъ отбираютъ... Новую землю приходится искать...

При словѣ „земля“ Мосей весь встрепенулся.

— Это вы, значить, на Кавказъ, баринъ? Сказываютъ, господамъ тамъ отводятъ царскую землю по тыщѣ десятинъ...

Старый баринъ задумался и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Приходи какъ-нибудь вечеромъ, поговоримъ...

Онъ слышалъ шаги Вадима, при которомъ не желалъ говорить. Молодой человѣкъ вошелъ въ номеръ, понюхалъ воздухъ и брезгливо замѣтилъ:

— Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ...

V.

Отъ своего барина Мосей вернулся домой, какъ пьяный. Вѣдь самъ баринъ завелъ рѣчь о новой землѣ, а даромъ онъ говорить не будетъ. Мосей встряхивалъ головой и чесалъ въ затылкѣ. Что же, у батюшки-царя земли сколько угодно, да и Кавказъ великъ. Всѣмъ мѣста найдется. Чѣмъ толкаться по заработкамъ, за милую душу поработать-бы на своей землѣ.

Увлеченный своими мыслями, Мосей не замѣчалъ, что въ его артели творится что-то не совсѣмъ ладное. Тамбовцы начали скучать, что было связано съ временемъ года. Всплыла настоящая мужицкая тоска о своей сиротѣвшей землѣ, о сиротѣвшихъ домахъ и сиротѣвшихъ семьяхъ. Крымская яркая весна казалась обидной. Въ результатѣ явилось нѣсколько прогульныхъ дней. Единственнымъ живымъ мѣстомъ въ артели являлась Донька, за которой всѣ ухаживали, какъ за родной. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ одинъ

Федось, который старался избѣгать Дюньки и почему-то злился на нее.

— Ну, ты, корявая губернія...—ворчалъ Федось, когда Дюнька проходила мимо.

Въ свою очередь Дюнька не оставалась въ долгу, и когда Анисья Филипповна политично наводила ее на разговоръ о Федосѣ, грубо отвѣчала:

— Этого-то? Да я его и видѣть-то не могу... На сердцѣ мутить. Шалый юнѣ... тошный...

Федось самъ не зналъ, что такое съ нимъ дѣлается, и совершенно не зналъ, куда ему дѣваться въ свободные часы, особенно по праздникамъ. И въ своей артели тошно, и на чужихъ людяхъ тошно. Онъ уходилъ куда-нибудь на набережную и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на море. На набережной и въ праздники работа кипѣла. На базарѣ Федось избѣгалъ заходить въ лавочку Фрола Иваныча, а забирался куда-нибудь въ съѣстную, гдѣ толклись пропойцы. И какого только тутъ народа не было, и почти все грамотные. Они тоже работали временами, чтобы сейчасъ-же и пропить весь заработокъ. Федось среди нихъ казался богатыремъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ, у которыхъ лица опухли отъ пьянства, руки и ноги тряслись, глаза слезились.

— Господи, да откуда такіе люди берутся?—съ тоской думалъ Федось.

Попадались и женщины пьянчужки, ходившія съ синяками, рванья и грязныя. Это была послѣдняя степень паденія. Пробовалъ Федось приставать къ туркамъ, которые ему нравились, но они какъ-то сторонились отъ него, да и разговориться съ ними было трудно. Русскіе рабочіе часто роптали на свою судьбу, волновались и при всякомъ удобномъ случаѣ ругались, а турки держали себя такъ спокойно и съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ носили свои рабочія лохмотья. А главное, до сихъ поръ Федось не видалъ ни одного пьянаго турка...

А борьба между русскими и турками велась по всей линіи. Пока торжествовали турки, хотя Фролъ Иванычъ и грозилъ имъ погромомъ, случавшимся въ Ялтѣ не разъ. Совершенно безучастными оставались въ этой борьбѣ за трудъ одни крымскіе татары, изъ которыхъ прибрежные жили припѣваючи на счетъ своихъ табачныхъ платанцій, виноградниковъ и пріѣзжихъ туристовъ. Настоящіе горные татары появлялись рѣдко и жили въ своихъ горныхъ гнѣздахъ неизвѣстно какъ и чѣмъ. Они привозили дрова, уголь, овечій сыръ, молодыхъ барашковъ, овощи—и тѣмъ ограничивались. Странно было сопоставить черноволосыхъ побѣжденныхъ,

сытыхъ и сравнительно обезпеченныхъ, и пришлыхъ, большею частью бѣлокурныхъ или свѣтлорусыхъ побѣдителей, прибывшихъ волной всякихъ злключеній къ чужому берегу. Типичнѣе всего была русская баба, которая обрабатывала табачныя плантаціи и ходила „коло винограду“.

Разъ Ѳедосъ обходомъ пробрался по базару, минуя заведеніе Фрола Иваныча, и неожиданно натолкнулся на Доньку, которая ходила за хлѣбомъ для артели. Ѳедосъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ ея, и повернулъ въ сторону, Донька тоже хотѣла повернуть, но прямо натолкнулась на Ѳедоса.

— Ахъ, ты, чучело гороховое!—проворчалъ Ѳедосъ.

— А ты чего смотришь, шалый?!—огрызнулась Донька.

Ѳедосъ погрозилъ ей кулакомъ, свернулъ въ сторону и зашагалъ къ толпѣ турокъ. Донька стояла на мѣстѣ, и у нея на глазахъ навернулись слезы.

Донька, по приглашенію „барышни“, раза два бывала въ „Россіи“, но потомъ перестала ходить. Ее удивляло какое-то особенное нахальство этой барышни, которая не стѣснялась выспрашивать ее о самыхъ интимныхъ вещахъ.

— Тебѣ не страшно жить одной съ мужиками?—спрашивала ее Ирина.—Вѣдь ихъ много, они такіе грубые, слова говорить такія...

Донька не понимала.

— Можетъ быть, тебѣ кто-нибудь нравится?—продолжала барышня наводящіе вопросы.

— Дядя Мосей нравится...

— Ну, это само собой. А изъ парней? У васъ вѣдь это все просто... Я видѣла въ деревнѣ сама, какъ парни хватали дѣвушекъ въ охапку... щипали ихъ...

— Такъ это на играхъ, барышня, а не на артели. На артели у насъ строго... Дядя Мосей не любитъ баловства. Ни-ни...

— А все-таки, есть такой парень, который тебѣ нравится?

Донька конфузилась.

— Однимъ словомъ, женихъ?..

— Это ужъ дядя Мосей, барышня, знаетъ...

— Да вѣдь не дядѣ Мосею замужъ выходить, а тебѣ... Кто у васъ въ артели первый красавецъ?

— Всѣ красавцы... На деревнѣ дѣвушки болтали о Ѳедосѣ, только онъ совсѣмъ шалый. И на человѣка не походитъ...

Донька чувствовала себя неловко, когда барышня впивалась въ нее своими „колючими“ глазами или начинала улыбаться. Разъ Донька не выдержала и откровенно заявила:

— А вы смѣтаетесь надо мной, барышня, какъ надъ писаной дурой... Дѣлать вамъ нечего, вотъ и потѣшаетесь надъ деревенщиной.

— Нѣтъ, не потѣшаюсь,—оправдывалась Ирина, немного

смутившись.—А просто мнѣ интересно, какъ другія дѣвушки на свѣтѣ живутъ, что онѣ думаютъ и чувствуютъ.

Донька расхохоталась. Ужъ очень смѣшныя слова барышня разговариваетъ: кто-же не знаетъ, о чемъ всѣ дѣвки думаютъ... Очень даже просто. Вонъ какъ Анисья Филипповна пристаётъ съ Ѳедосомъ, точно онъ у нея въ зубахъ завязъ.

— Тебѣ очень хочется замужъ, Донька?

— Н-нѣ... Въ дѣвушкахъ лучше.

— Зачѣмъ-же тогда выходить замужъ?

— А такъ: выдадутъ—и все тутъ. Вотъ какъ дѣвки-то ревутъ, когда ихъ окручиваютъ. Самая безстрашная и та голосомъ воетъ...

Для Ирины эта „танбовка“ являлась своего рода сфинксомъ, котораго она никакъ не могла разгадать. Путешественникъ - этнографъ, которому Донька была предъявлена въ качествѣ вещественнаго доказательства отъ тамбовской антропологии, рѣшительно ничего въ ней не нашелъ, что разочаровало Ирину, и Донька была исключена изъ реестра развлекающихъ рѣдкостей. Простившись съ живой игрушкой, Ирина почувствовала ту гнетущую тоску, для которой специально создана русская „барышня не у дѣлъ“. Даже было обидно думать, что вотъ эта самая смѣшная Донька кому-то нужна, что у нея есть свое мѣсто въ тамбовской артели, что кака-то таинственная Анисья Филипповна хочетъ ее окрутить съ какимъ-то тамбовскимъ Ѳедосомъ и что все это нужное, настоящее, серьезное, какъ серьезно шумитъ море, серьезно растетъ трава, серьезно идетъ дождь.

Съ отцомъ у Ирины были совершенно дружескія отношенія, и она не стѣснялась говорить съ нимъ откровенно. Послѣ увольненія Доньки, она за вечернимъ чаемъ долго говорила съ нимъ на эту тему.

— Папа, почему я чувствую себя никому ненужной?

— Очень просто: повышенная требовательность. Нынѣшнія дѣвушки ищутъ непременно героевъ, а таковыхъ слишкомъ мало, даже почти нѣтъ.

— Какіе тамъ герои, папа, просто интересный человѣкъ—и вполне достаточно.

— И такихъ интересныхъ мужчинъ нѣтъ, моя милая. Эта погоня за интересными людьми обличаетъ только собственную внутреннюю пустоту, безсодержательность и вялость. Собственное ничтожество мы желаемъ оправдать на содержательности другого. Это моральное тунеядство... И твоя Донька, конечно, стоитъ неизмѣримо выше тебя, потому что знаетъ, что ей дѣлать, а это главное.

— Ахъ, папа, все это непутныя слова, которыя еще никого не убѣдили и не сдѣлали лучше.

— Нѣтъ, это нужно и знать, и чувствовать, Ирина. Я жилъ много за границей, много видѣлъ и пришелъ къ убѣжденію, что лучше русскаго мужика и русской бабы ничего нѣтъ. Да...

— Въ тебѣ, папа, говоритъ уволенный въ отставку рабочладелецъ.

— Ничуть! Ты ошибаешься... Ты вотъ читаешь исторію, гдѣ господа-историки такъ красиво подкладываютъ историческіе законы подъ совершившіеся факты и не видятъ настоящаго. Напримѣръ, кто продѣлалъ всю русскую исторію? Да вотъ эта самая тамбовка Донька, которая совсѣмъ не интересна для твоего этнографа. А для меня это все ясно... Я говорю не о томъ, что Донька родила эту исторію,—нѣтъ, она внесла въ нее все покоряющую живучесть, изумительную эластичность формъ, еще болѣе изумительную приспособляемость въ какомъ угодно положеніи. Эта Донька, какъ кошка, которую выбросили изъ пятаго этажа и которая непременно упадетъ прямо на ноги... И я ее люблю, русскую бабу. Ее историки совершенно просмотрѣли. Да и сейчасъ ее не видятъ... Помнишь, когда ѣздили на воды подъ Учанъ-Су, тамъ по дорогѣ всѣ табачныя плантаціи были усыяны русскими бабами. Татарская баба не можетъ работать у себя дома, а русская баба бредетъ искать работы за тысячи верстъ. Ее и вѣтромъ сушить, и солнцемъ жжетъ, и дождемъ мочить, а она всетаки дѣлаетъ свое бабье дѣло. Вѣдь это стоитъ хорошаго завоеванія, и никто этого не видитъ. Бабѣ тѣсно стало дома, и она пошла оплодотворять своимъ великимъ бабьимъ трудомъ чужую ей землю. Самое это великое дѣло, когда есть настоящая баба... Ты слыхала, вѣроятно, что есть такъ называемый русскій скоть—крестьянская лошадь, крестьянская корова, деревенская курица? Это самая изумительная зоологія, потому что она разрѣшила неразрѣшимую экономическую задачу, т. е. при наличности minimum'a условій получается maximum' производительности. Особенно характерна корова-крестьянка, возведенная въ типъ. Есть, такъ называемыя, коровы-тасканки и коровы-горемыки, подраздѣляющіяся на кровныхъ горемыкъ и полукровныхъ горемыкъ. Это маленькое тощее созданіе, которое цѣлую зиму обходится безъ пищи и которое до того ослабѣваетъ къ веснѣ, что его нужно вытаскивать на весеннія зелени, гдѣ оно отгуливается. Про курицу и говорить нечего: она должна класть яйца и кормиться сама. А кто создалъ эти живыя чудеса хозяйства? Создала Донька...

Череповъ медленно шагаль по комнатѣ, пуская синеватый дымъ дорогой сигары. Когда онъ говорилъ, его лицо дѣлалось красивымъ, и Ирина любовалась имъ. Такой умный,

хорошій и понимающій старикъ... А между тѣмъ онъ пустилъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ съ даровымъ надѣломъ нищими, вѣчно судился за потравы и кончилъ тѣмъ, что раззорилъ все свое хозяйство и проѣдалъ сейчасъ послѣднія крохи. Ирина все это знала и никакъ не могла понять отца, въ которомъ слова, мысли и дѣла шли разными дорогами.

VI.

Благодаря неудержимой энергіи Фрола Иваныча, тамбовская артель къ концу мая устроилась вмѣстѣ, т. е. на одной работѣ, что представляло много удобствъ.

— Слава Богу, всѣ теперь въ одной кучкѣ,—радовался за всѣхъ Фролъ Иванычъ.—Ужъ на что лучше... А разбились-бы по одному человѣку—и конецъ артели. Куда человѣкъ, ежели онъ отъ своихъ отстанетъ? Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой...

Фрола Иваныча огорчало только то, что Мосей Шаршавый какъ-будто не выражалъ особенной радости. Даже совсѣмъ наоборотъ—старикъ все хмурился и угнетенно вздыхалъ.

— Да ты это что, Мосей?—спрашивалъ Фролъ Иванычъ.—Точно муху проглотилъ...

— Есть и муха, Фролъ Иванычъ... Вѣрно ты сказалъ.

Какую муху проглотилъ Мосей—такъ и осталось неизвѣстнымъ, что окончательно огорчило Фрола Иваныча.

— Вотъ и хлопочи для земляковъ,—ворчалъ онъ.—Они же надъ тобой и фигурируютъ...

Потомъ, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, что Мосей почти каждый вечеръ куда-то исчезалъ и возвращался домой поздно.

— Ужъ не закутилъ-ли грѣшнымъ дѣломъ старикъ,—подумывался Фролъ Иванычъ.—Трактировъ у насъ вполне достаточно, ежели который человѣкъ слабый...

„Муха“ Мосея Шаршавого засѣла въ „Россіи“. Старикъ Череповъ полюбилъ тамбовскаго мужика и каждый разъ угощалъ его чаемъ. Мосей усаживался съ большой осторожностью на краешекъ стула и пилъ одинъ стаканъ чая за другимъ. Иногда угощала его Ирина, а когда ея не было—наливалъ чай самъ Череповъ. Мосей обливался потомъ и все-таки пилъ, не смѣя отказаться. Череповъ шагаль по номеру, заложивъ руки за спину, и говорилъ безъ конца. Когда онъ останавливался, Мосей говорилъ:

— Совершенно правильно, баринъ Апполитъ Андреичъ... Сушья правда вполне...

Скучавшій старый баринъ читалъ цѣлый рядъ лекцій по

исторіи Крыма и Кавказа и предъявлялъ цѣлый рядъ остроумныхъ соображеній относительно будущаго этихъ двухъ жемчужинъ.

— Рабочія руки нужны, Мосей, наши русскія рабочія руки. Въ Расеѣ стало тѣсно жить, а тутъ всѣмъ мѣста хватить.

— Какъ не хватить: тутъ тебѣ море, а тутъ сейчасъ рядышкомъ берегъ. Очень просто...

Мосея смущало только одно, именно, когда баринъ раскладывалъ на своемъ письменномъ столѣ громадную карту и по ней объяснялъ прошедшее, настоящее и будущее. Мосей рѣшительно ничего не понималъ, кромѣ того, что по „планту“ Тамбовская губернія выходила ужъ какъ-то обидно маленькой. Двухъ овецъ некуда выпустить... Не можетъ этого быть. Просто, казенные анжинеры напутляли на вѣсть что, чтобы скрыть Тамбовскую губернію. А вотъ когда баринъ принимался рассказывать про Кавказъ, Мосей превращался въ одинъ слухъ и все отлично понималъ, только понималъ своими мужицкими словами.

— Эхъ, старость, старость!..—иногда говорилъ Череповъ, повторяя слова Тараса Бульбы.—Если бы не старость, я самъ бы пошелъ съ вашей артелью... Нашли бы и землю, и работу.

— Нашли бы вотъ какъ,—соглашался Мосей.

— Ты не понимаешь самага главнаго, Мосей: ты неуязвимъ, какъ броненосецъ. Много ли тебѣ нужно: одинъ хлѣбъ.

— Да ежели бы былъ іонъ, хлѣбушко-то, да я не знаю, что бы, кажется, сдѣлалъ.

— Ну, прежде ты крѣпостной былъ, а теперъ свободный человѣкъ.

— Совершенно свободный, какъ есть ничего нѣтъ.

— А выведи-ка ты свою бабу на Кавказъ—да тамъ ей и цѣны не будетъ.

— Ну, бабу, баринъ, трудно поднять, какъ медвѣдя изъ берлоги. Она тоже ежели упрется, такъ ничего не подѣлаешь... Конечно, ежели міръ прикажетъ, такъ и баба пойдеть...

Мосей начиналъ понимать, что баринъ тоже склоненъ къ мечтамъ, но слѣпо вѣрилъ каждому его слову. Кому же и знать, какъ не старому барину. Вотъ какъ все понимаетъ баринъ и все можетъ обсказать, до крайности. Домой Мосей возвращался точно пьяный и во снѣ видѣлъ гостепріимные кавказскіе берега, гдѣ схоронилось крестьянское настоящее счастье.

Не спалось и старому барину Ипполиту Андреичу, хотя и по другимъ причинамъ. Онъ страдалъ старческой бессонницей, а въ послѣднее время она сопровождалась какой-то

удручающей старческой тоской. Впереди уже ничего не оставалось, кромѣ механическаго чередованія ненужныхъ дней и ночей. А вѣдь когда-то и онъ мечталъ... Даже и очень мечталъ. Но самая дѣятельная полоса жизни какъ-то сама собой точно выпала, какъ незамѣтно выпадаютъ волосы на головѣ. Онъ сейчасъ съ ужасомъ чувствовалъ нарастающую въ самомъ себѣ пустоту жизни и то, что въ сущности онъ, баринъ Череповъ, никого и ничего въ жизни не любилъ. Боже мой, какъ онъ сейчасъ завидовалъ какому-нибудь Мосею Шаршавому, жизнь котораго была и полна и имѣла впереди опредѣленную и ясную цѣль. Въ этомъ безвѣстномъ тамбовскомъ мужичонкѣ чувствовалась та стихійная сила, которая двигаетъ милліонами. Да, они идутъ къ своему безвѣстному счастью и будутъ идти, потому что они нужны, а ненужный никому баринъ Ипполитъ Андреичъ будетъ гнить въ своей могилѣ... Ему даже самымъ близкимъ по крови людямъ, какъ роднымъ дѣти, нечего передать, кромѣ того, что живите, какъ знаете.

— Ахъ, тоска, тоска!..—шепталъ старый баринъ, шагая по комнатѣ до утра, когда море начинало наливаться бѣлесоютой мглой и отъ него тянуло теплой влажной струей, какъ отъ парного молока.

А тамъ, на базарѣ, русская исторія двигалась своимъ чередомъ. Фролъ Иванычъ, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ тамбовскихъ земляковъ. Они тоже какъ будто избѣгали его заведенія. Вообще, чувствовалась натянутость.

— А все ты, чертова кукла!—накидывался Фролъ Иванычъ на жену.—„Наши тамбовцы пріѣхали... Наша тамбовская губернія!“ Вотъ тебѣ и тамбовская губернія... Какъ устроились, такъ и рыло на сторону. Извѣстный манеръ...

Можно себѣ представить удивленіе Фрола Иваныча, когда въ концѣ мая въ заведеніе явился Мосей Шаршавый въ полушубкѣ, валенкахъ и съ дорожной котомкой за плечами. Съ нимъ пришла и Донька, тоже одѣтая по дорожному. Фролъ Иванычъ даже протеръ глаза.

— Да ты, это что, Мосей, куда наклался?

— А вотъ пришелъ проститься съ землячкомъ,—спокойно отвѣтилъ Мосей.—Спасибо за привѣтъ да ласку.

— Да ты куда въ самъ-то дѣлѣ?

— Мы-то?.. А въ Батунь... Мѣсто такое есть, значить, на самомъ берегу.

— И всю артель за собою тащишь?

— Обнакновенно... Вчера съ однимъ человѣкомъ сговорился и задатки получили. Хорошо у васъ, да по нашему пропиталу начетисто ку-быть...

— Да ты въ умѣ, Мосей?!.. Точно съ печи упалъ..

— Очень даже въ умѣ... Такая ужъ линія вышла.

Въ короткихъ словахъ и довольно сбивчиво Мосей рассказалъ о своихъ душевныхъ бесѣдахъ съ старымъ бариномъ, о какой-то „вѣрной землѣ“ въ Закавказьи и о томъ, какъ мучился все это время.

— Да ты и впрямь рехнулся, Мосей!—вступилась Анися Филиповна.—Мало-ли что кто скажетъ. За всѣми не угонаешься... Прямо сказать, сбѣсился человѣкъ.

Фроль Ивановичъ сначала ругался, ругался вообще и въ частности, потомъ обругалъ Анисю Филиповну, а когда къ заведенію подошла вся тамбовская артель—бросилъ свой картузь о-земь и неожиданно заявилъ:

— Эхъ, Мосей, не хорошо! Вотъ даже какъ не хорошо... Зачѣмъ столько время скрывался? Да я самъ, коли на то пошло, съ вами-бы поѣхалъ въ Батумъ... Ей Богу!.. И мнѣ здѣсь очертѣло смотрѣть на разную погань. Ей Богу, поѣхалъ-бы!.. И даже очень просто... Да я сейчасъ поѣду!..

Около заведенія собралась цѣлая толпа. Надъ Фроломъ Ивановичемъ начали подшучивать. Одна Анися Филиповна была спокойна. Она знала, что на мужа иногда „накатываетъ“ и что онъ только такъ говорить, на зло ей.

— Да въ Батумѣ твоего квасу и пить никто не станетъ,—замѣтилъ изъ толпы какой-то бывалый человѣкъ.—Тамъ всѣ красное церковное вино пьютъ...

Поднялся шумъ и общій смѣхъ. Взбѣшенный Фроль Ивановичъ разогналъ толпу и продолжалъ увѣрять, что непременно завтра же поѣдетъ.

— Обождите денекъ,—упрашивалъ онъ Мосея.

— Невозможно, Фроль Ивановичъ... У насъ и билеты на пароходъ выправлены.

Пароходъ отходилъ только въ одиннадцать часовъ, но тамбовцы забрались на пристань спозаранку и терпѣливо ждали отвала. Фроль Ивановичъ прибѣгалъ на пристань раза два, чтобы поругаться и сорвать сердце. Между прочимъ, онъ принесъ цѣлую вязку турецкихъ баранокъ и сердито объяснилъ:

— Это отъ моей старухи...

Ровно за полчаса до отхода парохода въ щегольской коляскѣ пріѣхалъ старикъ Череповъ съ дочерью. Тамбовцы были уже на палубѣ и устраивались съ своими пожитками. Мосей бросился по сходнѣ къ барину, чтобы проститься.

— Вотъ видишь, я пріѣхалъ проводить васъ,—говорилъ старый баринъ, поднимаясь по сходнѣ на палубу.

Ирина разыскала Доньку и тихонько ее спросила:

— А который Ѳедосъ?

— Да вонъ онъ.. лукоглазый такой...

— А... Ничего, красивый парень.

— Да, такъ въ Батумъ?—какимъ-то дѣланымъ тономъ спрашивалъ Череповъ.—Что-же, дѣло хорошее... Съ Богомъ!

Тамбовцы узнали „родного барина“ и сняли шапки. Вынырнувшій изъ толпы Фроль Ивановичъ тоже узналъ Черепова и тоже снялъ шапку.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство,—отвѣтить онъ за всѣхъ.

— А ты тоже изъ артели?—спросилъ Череповъ, подозрительно оглядывая городской костюмъ Фрола Ивановича.

— Я-то тоже тамбовскій, ваше превосходительство, только я по квасоваренной части. У меня собственное заведеніе на базарѣ.

Череповъ поговорилъ съ тамбовцами и отправился съ парохода. Уходя, Ирина сунула Донькѣ полуимперіаль и шепнула:

— Когда будешь выходить замужъ, такъ это тебѣ на приданое...

Донька даже не сумѣла поблагодарить и только крѣпко сжала монету въ кулакѣ.

Когда пароходъ отваливалъ, Мосей Шаршавый долго махалъ своей шапкой. Череповъ удостоилъ его кивкомъ головы. Фроль Ивановичъ вертѣлся около него безъ шапки и повторялъ:

— Этотъ Мосей перекаати-поле, ваше превосходительство. Ему вездѣ будетъ тѣсно...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

СИБИРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

„Государевы ямщики“.

I.

Станочники.

Осенью 188... года мнѣ съ двумя товарищами пришлось совершить по Ленѣ путь отъ Якутска до Иркутска, что составляетъ приблизительно около трехъ тысячъ верстъ.

Наше положеніе давало намъ право на „тройку лошадей съ провожатымъ“. Къ сожалѣнію, однако, передъ отъѣздомъ мы имѣли несчастіе повздорить нѣсколько съ мѣстной властью. Исправникъ, „изъ хохловъ“, человѣкъ въ высшей степени флегматичный и лѣнивый, не сталъ съ нами спорить или изобрѣтать способы мщенія. Онъ только нашель, что выданная намъ бумага составлена неправильно, и выдалъ другую. Въ этой послѣдней было все то-же, что и въ первой, за небольшимъ исключеніемъ: какъ и въ первой, въ ней было сказано, что мы имѣемъ право „слѣдовать отъ станка до станка“ и даже съ провожатымъ, но о лошадяхъ не было упомянуто ни слова...

Впослѣдствіи мы узнали, что такими загадочными бумагами якутская полиція снабжала иногда, въ видѣ особаго одолженія, проторговавшихся или прокутившихся на лѣтней якутской ярмаркѣ иркутскихъ приказчиковъ. Остальное представлялось ловкости и авторитету путниковъ. Если они сумѣютъ импонировать забитому и неграмотному населенію, то проѣдутъ даромъ всю дорогу... Они будутъ кричать, торопить ямщиковъ, кое-гдѣ откупаться отъ рѣдкихъ грамотѣевъ кое-гдѣ даже, для большей увѣренности, бить старость по екуламъ, а ямщиковъ по шеѣ. Во всякомъ случаѣ, такая дружеская бумажка даетъ возможность сильно сократить расходы длиннаго и дорогого пути.

Съ такой-же бумажкой въ рукахъ очутились и мы. Наше право на „обывательскихъ лошадей“ было неоспоримо, но, чтобы возстановить его, намъ пришлось-бы жаловаться и ждать. Ждать, пока жалоба и резолюція проѣдутъ тѣ-же три

тысячи верстъ, до Иркутска и обратно, какія приходилось сдѣлать намъ... И мы рѣшились пуститься въ путь безъ жалобы...

Сначала дѣло шло гладко. Подъ городомъ споровъ не возникло. Далѣе мы ѣхали отъ станка до станка, и ямщики везли насъ безпрекословно только потому, что насъ къ нимъ привозили сосѣди. Значить, такъ и нужно. Но затѣмъ, уже довольно далеко отъ города, на одномъ изъ станковъ какой-то грамотѣй, одѣтый въ звѣриныя шкуры, вчитался въ наше „свидѣтельство“ и заподозрѣлъ въ немъ форму знакомой „дружеской бумаги“, смыслъ и значеніе которой населеніе начинало уже отчасти отгадывать. Онъ сталъ что-то говорить ямщикамъ по якутски, тѣ робко окружили насъ, топтались, молчали, поталкивали другъ друга, и, наконецъ, задніе объявили, что по этой „бумагѣ“ насъ везти не слѣдуетъ. Станочники, вѣроятно, ждали съ нашей стороны вспышки и обычныхъ проявленій авторитета, которыя доказали-бы имъ если не наше право, то степень нашего значенія въ мірѣ повелѣвающихъ. (Грамотѣй на всякій случай помѣстился сзади всѣхъ). Но мы не имѣли къ этому ни охоты, ни способностей. Мы просто стояли только на своемъ. Тогда толпа стала смѣлѣе, голоса возвышались, начались все болѣе шумные споры...

Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы походили на путниковъ, отчавившихъ съ ненадежнымъ парусомъ отъ одного берега и рисковавшихъ не пристать къ другому. Прогонны, особенно въ осеннее время, на три тысячи верстъ — требовали нѣсколько сотъ рублей. Такихъ денегъ у насъ не было. Если бы гдѣ-нибудь произошла окончательная остановка, у насъ не хватило-бы и на обратный путь до Якутска. Годъ былъ голодный, хлѣба трудно было на пустынныхъ станкахъ достать и за деньги, и поэтому провизію мы тоже везли съ собою... Вообще, мы физически не могли уступить, если бы и хотѣли, и нашъ путь обратился въ настоящую каторгу: пріѣзжая къ вечеру на станцію, усталые и озябшіе, мы, вмѣсто отдыха, встрѣчали новыя сомнѣнія, возраженія, упреки и споры... Они продолжались обыкновенно и утромъ слѣдующаго дня. Выѣзжали мы поздно, проѣзжали мало, и если была въ этомъ хорошая сторона, то развѣ та, что такимъ образомъ мы имѣли случай ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ этихъ ленскихъ станочниковъ...

Ленскіе станки—это какъ бы сколокъ прошлыхъ вѣковъ, оставленный на далекой рѣкѣ въ нетронутомъ видѣ періодомъ російскихъ реформъ, какъ остается зимній ледъ въ глубокихъ ущельяхъ... Это бывшіе „государевы ямщики“, мужики, несущіе на жалованіи ямскую государствену службу.

Государству необходимо поддерживать сношенія съ отдаленнымъ и мало населеннымъ краемъ. Изрѣдка проѣдетъ по рѣкѣ чиновникъ или полицейскій засѣдатель, въ недѣлю разъ проскачетъ почта, порой промчится эстафета или генераль-губернаторскій курьеръ пролетитъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, по старинному понукая ямщика полновѣсными ударами по шеѣ. И уже совсѣмъ рѣдко появится купецъ или иной партикулярный человѣкъ, слѣдующій по собственной надобности и, значить, платящій „прогоны“, въ общемъ составляющіе совершенно ничтожную цифру...

Да еще порой въ эту узкую ленскую щель съ юга, отъ Иркутска, пригоняютъ партію арестантовъ и пускаютъ ее дальше самостоятельно внизъ по рѣкѣ. Начальникъ партіи уѣзжаетъ впередъ, а команда съ арестантами растягивается на далекое разстояніе. Скрыться изъ этой щели некуда: направо и налево, за береговыми хребтами дикая таежная пустыня, населенная лишь бродячими тунгусами. Назадъ—уже пройденные станки, населеніе которыхъ, разъ накормивши арестанта (своего рода натуральная повинность), въ другой разъ его не приметъ. И партія, растягиваясь иногда на недѣлю, спускается отъ станка къ станку, лѣтомъ въ лодкахъ, зимой на дровняхъ, мечтая о далекомъ якутскомъ острогѣ, какъ о землѣ обѣтованной. День за днемъ, на станки являются эти люди въ сѣрыхъ халатахъ, испуганные, подавленные суровымъ величіемъ этихъ камней и голодные. Ихъ съ проклятіями разводятъ по очереднымъ избамъ и проклятіями же сопровождаютъ каждый кусокъ подаваемого дорогого хлѣба...

Наконецъ, порой поселенецъ напраказитъ на пріискахъ,—тогда его снабжаютъ „листомъ“, и ямщики везутъ его до мѣста приписки... А весной онъ опять спускается въ лодкѣ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять катить на обывательскихъ обратно...

Въ совокупности всего этого—смыслъ существованія ленскихъ ямщиковъ. Когда-то, давно, по рѣкѣ проѣхали землемѣры и чиновники, высматривая изъ лодки „мѣста, годныя для поселенія“, и по глазомѣру опредѣляя разстоянія. Потомъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Сибири пригнали мужиковъ и поселили на голыхъ камняхъ. Мужики, по большей части завербованные волшебными сказками о „золотыхъ горахъ“,—плакали и били кайлами углубленія порой въ сплошномъ камнѣ. Въ ямы вставляли столбы, на столбы клали вѣнцы и строили избы и юрты.. И съ тѣхъ поръ они живутъ здѣсь столѣтія,—мужики, несущіе на жалованіи государственную службу. Съ этихъ поръ старинныя „ямы“ всюду давно исчезли, исчезло крѣпостное право во всѣхъ видахъ. Осталось оно только на Ленѣ...

Выборъ мѣста для станковъ, повидимому изъ „государственныхъ видовъ“, останавливался преимущественно на мѣстахъ, совершенно неудобныхъ для земледѣлія. Станочники не надѣлены землей, и все ихъ существованіе зависитъ отъ почтовой гоньбы...

Каждые три или четыре года исправники, ихъ помощники или засѣдатели проѣзжаютъ по станкамъ и заключаютъ съ ямщиками контракты „по добровольному соглашенію“. Для станочниковъ это добровольное соглашеніе опредѣляется тѣмъ, что безъ „жалованія“ они перемрутъ голодною смертію... Цѣлыми станками, поголовно они будутъ умирать среди этихъ равнодушныхъ камней, и никому до этого не будетъ дѣла... За то, если бы они дѣйствительно отказались,—почтовая служба станеть, и необходимое воздѣйствіе центра на окраину прекратится. Въ ямщики нуженъ мужикъ и только мужикъ. Варнака-поселенца, съ которымъ пришлось бы пробираться самъ-другъ этими дикими камнями и ущельями, боится начальство. Якуты и инородцы, въ свою очередь, боятся начальства, и было много случаевъ, когда, при первомъ же окрикѣ или ударѣ грознаго фельдъ-егеря—ямщики инородцы бросали лошадей и разбѣгались... Въ виду этого, признано, что для правильной гоньбы идетъ только правильный, настоящій русскій мужикъ, искушенный въ долготерпѣнн и понимающій начальственное обращеніе...

На этой почвѣ возникаютъ отношенія въ высшей степени запутанныя, своеобразныя, а пожалуй, и безобразныя. Чиновникъ, отправляющійся по станкамъ для заключенія новыхъ контрактовъ, прежде всего долженъ обезпечить гоньбу, а затѣмъ сдѣлать это какъ можно дешевле, такъ какъ этимъ онъ можетъ отличиться и получить награду. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости есть пашни и покосы, которые станочники снимаютъ у якутовъ или бурятъ, населеніе держится крѣпко, и цѣны за пару доходятъ иной разъ до 1,000 и болѣе рублей. Одна изъ такихъ счастливыхъ волостей носить даже названіе „дворянской“. Здѣсь мужчины ходятъ въ пріисковыхъ расшитыхъ кафтанахъ, собольихъ шапкахъ, и молодые ямщики курятъ привозныя папиросы „Лафермъ“ съ золотыми орлами на мундштукахъ. Однажды при мнѣ такой ямщикъ, которому проѣзжій обѣщалъ на чай, если онъ подастъ лошадей скорѣе,—посмотрѣлъ на него равнодушнымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Я тебѣ, господинъ, самъ, пожалуй, дамъ на чай,—только не ѣзди!

И это понятно, потому что рѣдкіе прогоны, разверстываемые по душамъ,—ничтожны сравнительно съ „жалованіемъ“ этихъ счастлицевъ.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни пашень, ни покосовъ, ни стороннихъ заработковъ,—цѣна сбивалась до 300 и даже до 260 рублей, особенно въ трудные годы дороговизны хлѣба и сѣна... Населеніе такихъ обездоленныхъ станковъ—наслѣдственно угнетенное, необыкновенно печальное и явно вырождающееся. Уйти имъ цѣлымъ обществомъ въ переселеніе—нельзя! Это будетъ уже „бунтъ“, и начальство приметъ „строгія мѣры“. Отдѣльныхъ же членовъ своихъ не пустить само общество: остающіеся не желаютъ принять отъ уходящаго часть тяжкаго бремени этой ужасной жизни...

Такъ и тянется, забытая исторіей, жизнь своеобразныхъ ямичьихъ общинъ. На каждомъ станкѣ должно быть столько-то паръ лошадей, по столько-то за пару. Населеніе раздѣляетъ „по душамъ“ и почтовую повинность, и плату. „Душа“ ямщика это такая-то доля лошади... Въ станкахъ съ меньшимъ населеніемъ эта доля будетъ больше и на домохозяина придется $\frac{1}{2}$ лошади и даже цѣлая... Гдѣ населеніе болѣе многочисленно,—душа соотвѣтствуетъ четверти, осмой и т. д. части лошади... Разверстка этихъ лошадиныхъ „душъ“, съ лежащими на нихъ повинностями и „жалованіемъ“ чрезвычайно своеобразна и заслуживала бы вниманія изслѣдователя... Если лошадь пала,—на ямщика навалить ея работу: онъ будетъ грести лѣтомъ, или таскать лодки лямкой... Если работникъ захворалъ или умеръ,—семья тоже вымираетъ медленной смертью, на которую полугодовалые сосѣди глядятъ съ испуганнымъ состраданіемъ, а камни и лѣса—съ величавымъ стихійнымъ равнодушіемъ...

Въ общемъ—большинство этихъ забытыхъ жизнью „государевыхъ ямщиковъ“ производятъ впечатлѣніе медленнаго вымирания. Они болѣзненны, блѣдны, печальны и хмуры, какъ эти берега. Свою родную рѣку они зовутъ „проклятою“ или „гиблою щелью“ и увѣряютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, будто „начальники“ (устанавливающіе „добровольное соглашеніе“) не вѣрятъ въ Бога, отчего земля ни одного изъ нихъ послѣ смерти не принимаетъ въ свои нѣдра... „Что губернаторы, что исправники, что засѣдатели,—все одно... Положить его въ домовину, онъ такъ скрозь землю и поидетъ, и поидетъ... въ самые, видно, тартары“...

И съ этими-то несчастными людьми мы хитростью нашего лукаваго врага, были поставлены въ положеніе взаимной борьбы... И теперь еще я не могу вспомнить безъ нѣкотораго сердечнаго замиранія о тоскѣ этого долгаго пути и этихъ безконечныхъ споровъ съ людьми, порой такъ глубоко-несчастными и имѣвшими полное основаніе подозрѣвать съ нашей стороны посягательство на ихъ даровой трудъ... Да, это была настоящая пытка...

колокольцовъ и, растянувшись длиннымъ караваномъ съ переметными сумами въ сѣдлахъ, мимо насъ пробѣжала встрѣчная почта. Передовой ямщикъ нашъ проводилъ ее разочарованнымъ взглядомъ,—очевидно, онъ надѣялся пріѣхать на станцію раньше и заодно на обратномъ пути захватить часть почты на свою четверку. Къ одной выгодной очереди онъ, такимъ образомъ, присоединилъ-бы и другую, выгодную уже для всего станка. Микеша посмотрѣлъ на его разочарованную фигуру и свиснулъ.

— Гляди, умные наши станочники,—сказалъ онъ съ насмѣшкой.—Не спорились-бы вчера, везли-бы, какъ разъ бы успѣли... Четыре лошади не гоняли-бы зря...

Очевидно, неудача станочниковъ его не касалась и будила въ немъ лишь нѣкоторую ироническую наблюдательность...

— Ну-ну! Самъ умнай!—со злостью отвѣтилъ ему ямщикъ.—Общество учить станешь...—И онъ хлеснулъ опять свою лошадь, выбираясь на дорогу...

Послѣ этого мы поѣхали легкой рысцою, и Микеша вздохнулъ свободно. Версть уже десять онъ пробѣжалъ, не отставая отъ скорой рыси лошадей, но, видимо, это скороходное искусство, созданное привычкою съ дѣтства,—не давалось ему даромъ. Лицо его слегка поблѣднѣло, на лбу были крупныя капли пота.

Теперь онъ, не торопясь, шагаль рядомъ, все такъ-же держась за мое стремя, и закидалъ меня вопросами. На мои разспросы о жизни ямщиковъ онъ отвѣчалъ неохотно, какъ будто этотъ предметъ внушалъ ему отвращеніе. Въмѣсто этого. онъ самъ спрашивалъ, откуда мы, куда ѣдемъ, большой-ли городъ Петербургъ, правда-ли, что тамъ по пяти домовъ ставятъ одинъ на другой, и есть-ли конецъ землѣ, и можно-ли царя видѣть, и какъ къ нему дойти? При этомъ смуглое лицо его оставалось неподвижнымъ, но въ глазахъ сверкало жадное любопытство.

Эта кипучая жадность, горѣвшая во взглядѣ молодого станочника, произвела на меня странно-возбуждающее дѣйствіе, и я, неожиданно для себя, разговорился. Казалось, горы, насъ окружавшія, раздвинулись, я заглянулъ далеко за нихъ, и почти безсознательно старался дать заглянуть туда и этому наивному станочнику. Товарищи уѣхали впередъ, покрикиванія передового ямщика смолкли, кругомъ насъ тихо стоялъ лѣсокъ, весь желтый, приготовившійся къ зимѣ, изъ-за его вершинъ выглядывали верхушки скалъ, на которыхъ угасали послѣдніе лучи дня.

Глубокій вздохъ, вырвавшійся изъ груди Микешы, превралъ мои рассказы. Дорога вышла изъ лѣсу и направлялась черезъ опушку къ рѣкѣ. На другой сторонѣ, казалось

совсѣмъ близко, стояли стѣной скалы, изломанныя, причудливыя, мертвыя, съ трещинами, выступами, ущельями... А подъ ними, убѣгая вдаль, струилась темная рѣка.

Зрѣлище было полно такой глубокой и такой красивой печали, что я невольно остановилъ лошадь. Микеша тоже остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Что сталъ?—спросилъ онъ.

— Хорошо очень, Микеша,—отвѣтилъ я съ невольнымъ восхищеніемъ, не отрывая глазъ отъ освѣщеннаго косыми лучами горнаго берега.

— Хорошо?—переспросилъ онъ все такъ же удивленно и прибавилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, на своемъ наивно-изломанномъ нарѣчьи средней Лены:—Нѣтъ! Бѣломъ свѣтѣ хорошо. За горами хорошо... А мы тутъ... зачѣмъ живемъ?.. Пеструю столбу караулимъ.. Пеструю столбу, да сѣрый камень, да темную лѣсу...

Подъ „пестрой столбой“ онъ разумѣлъ, очевидно, полосатые казенные столбы, одинъ изъ которыхъ, полинялый и наклонившійся, выглядывалъ вблизи изъ за куста... Въ голосѣ Микешы слышалось столько глубокой грусти, что мнѣ стало вдругъ не по себѣ, какъ будто я былъ виноватъ въ чемъ-то. Зачѣмъ я только что съ такимъ увлеченіемъ рассказывалъ ему о далекой странѣ, куда мы ѣдемъ? Пройдетъ мѣсяца два или три, и я буду тамъ, въ этомъ широкомъ бѣломъ свѣтѣ, а этотъ странный молодой станочникъ съ глубокими черными глазами все равно останется здѣсь, у своей „пестрой казенной столбы“, среди этихъ красивыхъ, но мертвыхъ и бесплодныхъ камней, надъ пустынной рѣкой.

Послѣ этого съ версту мы проѣхали молча. Лучи на камняхъ угасали, въ ущельяхъ залегали густыя сумерки, насыщенные туманами, которыя въ Сибири называютъ красивымъ словомъ „мѣроки“. Въ воздухѣ быстро свѣжѣло. Шагъ лошади гулко раздавался по перелѣскамъ.

— На Титаринскомъ станкѣ опять, видно, писать будешь?—спросилъ Микеша, съ любопытствомъ поднимая на меня свои наивные глаза.

— Зачѣмъ?—спросилъ я, нѣсколько удивленный.

— Не дадутъ лошадей,—пояснилъ онъ.—Титаринскіе станочники—не народъ, дьяволъ. Не пишешь—не даютъ, пишешь—боятся. Пиши! Я смотрѣть буду...

— Не отставай! Не отста-ва-ай!—донесся издалека протяжный окрикъ передового ямщика.

— Ударь,—сказалъ Микеша.—Ночь придетъ...

Я тронулъ лошадь поводомъ, но она, пробѣжавъ нѣсколько сажень, шарахнулась въ сторону, такъ что я едва усидѣлъ.

Впереди на дорогѣ, прямо передъ нами стояли на колѣняхъ двѣ человѣческія фигуры.

— Батюшка, кормилецъ... ваше сіятельство!..—услышаль я два гнусавыхъ утрированно жалобныхъ голоса...—Не дай пропасть душамъ христіанскимъ...

— Ва-ш-ше высоч-чество!—подхватилъ другой...—Помираемъ... Обносились, оголодали...

— Бродяги,—спокойно сказалъ Микеша,—остановившись у моей лошади и съ обычнымъ своимъ внимательнымъ любопытствомъ присматриваясь къ приѣмамъ бродягъ и къ тому дѣйствію, какое они окажутъ на меня... Видъ у бродягъ былъ дѣйствительно ужасный, лица блѣдныя, въ голосахъ, дѣланно плаксивыхъ и скулящихъ по-собачьи, слышалось что-то страшное, а въ глазахъ сквозь заискивающую и льстивую покорность настораживалось вдругъ что-то пристально высматривающее и хищное.

Я далъ серебряную монету и вынулъ кусокъ хлѣба изъ переметной сумы. Оба схватились за хлѣбъ и въ голосахъ ихъ послышалась радостная благодарность. Двинувшись дальше, я замѣтилъ, что Микеша остановился и дружелюбно, какъ съ знакомыми, бесѣдуетъ съ варнаками на дорожкѣ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ онъ опять присоединился ко мнѣ.

— Сколько далъ?—спросилъ онъ у меня и, получивъ отвѣтъ, прибавилъ:—хитрый варнакъ. Глаза закатить, слѣпой дѣлается, ногу подогнетъ—хромой дѣлается... Одного въ лѣсу встрѣчаетъ тебя,—горло перерветъ, пожалуй. А тутъ ногамъ кланяется.

— Ты ихъ знаешь?

— Въ тайгѣ встрѣчалъ, чай варили... Этотъ Иванъ—умнай, бѣда! Говоритъ: царю помогалъ, деньги дѣлалъ. Не знаю, правда, не знаю хвастаетъ... Въ острогѣ много сидѣлъ.

И, пройдя еще нѣсколько сажень, онъ прибавилъ задумчиво:

— Въ острогѣ человѣкъ много сидитъ, умнай бываетъ...

И онъ вздохнулъ... Мы опять вѣхали подъ скалы, и лицо его мнѣ было видно довольно плохо въ вечернемъ сумракѣ. Но въ голосъ опять слышались ноты почтительнаго удивленія къ острожникамъ, такого же, какое онъ выказывалъ по поводу моего писанія...

Черезъ полчаса — стало уже совсѣмъ темно. Вверху угасали еще въ синемъ небѣ послѣдніе отблески заката, но въ затѣненной ленской долигѣ стояла полная тьма... Вдругъ мой спутникъ издалъ легкій гортанный крикъ удивленія и вскочилъ сзади на крупъ моей лошади.

— Гоня! Скорѣй!—сказалъ онъ.

— Что такое?

— Огонь! Слепой ты, что-ли?

Дѣйствительно, взглянувъ въ темноту, я замѣтилъ впереди слабыя отблески переливавагося, какъ дыханіе, огня... Горѣло гдѣ-то въ сторонѣ, въ ущельи...

— Островскій горитъ, поселенецъ, — сказалъ Микеша, всматриваясь вперёдъ и усиленно колотя по бокамъ лошади пятаками своихъ торбасовъ.

Черезъ четверть часа лошадь, тяжелой рысью, вынесла насъ двоихъ къ повороту дороги, и здѣсь изъ-за возвышенности передъ нами открылось направо широкое ущелье. Въ глубинѣ его, на отлогомъ скатѣ горы виднѣлось догоравшее пожарище. Языки пламени еще вырывались изъ обугленной кучи бревенъ, и довольно рѣзкіи ночной вѣтеръ, дувшій изъ пади, тихо колебалъ стлавшійся по землѣ бѣловатый дымъ. У огня виднѣлось движеніе. Какой-то человѣкъ то и дѣло мелькалъ чернымъ силуэтомъ на фонѣ пламени и, какъ мнѣ показалось, кидалъ что-то въ огонь. Невдалекѣ виднѣлись еще нѣсколько фигуръ, конныхъ и пѣшихъ, стоявшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи неподвижно, въ роли праздныхъ зрителей...

Передовой ямщикъ успѣлъ съѣздить туда и теперь выѣхалъ опять на дорогу. Онъ сказалъ Микешѣ нѣсколько словъ по-якутски и хлеснулъ лошадь. Опять прежній звукъ, выражавшій не то удивленіе, не то радостный восторгъ, раздался за моей спиной...

— Ча! — крикнулъ Микеша. — Погляди ты, какіе люди бываютъ: самъ юрту зажигалъ, амбаръ зажигалъ, городьбу что есть въ огонь бросалъ... У-у, дьяволъ!

— Кто это?

— Да кто иной: Островскій, говорю, уніать...

И Микеша съ интересомъ и оживленіемъ сталъ разсказывать мнѣ исторію этого пожара.

Она была проста и сурова, какъ эти берега и горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ уніать Островскій былъ высланъ, кажется — за отпаденіе отъ православія, и поселенъ на Ленѣ. За нимъ пришла молодая жена съ маленькой дѣвочкой. Якуты отвели ему надѣлъ въ широкой пади, между двумя склонами. Мѣсто показалось удобнымъ для земледѣлія, якуты оказали нѣкоторую помощь. Сравнительно нетрудно было сбывать хлѣбъ на приiski, и Островскій бодро принялся за работу. Якуты не сказали ему одного: въ этой лощинѣ хлѣбъ родился прекрасно, но никогда не вызрѣвалъ, такъ какъ его уже въ іюлѣ каждый годъ неизмѣнно убивали сѣверо-западные вѣтры, дувшіе въ лощинѣ, какъ въ трубу, и приносившіе ранній иней. Якуты, не желающіе вообще поселенцевъ на

своихъ земляхъ,—имѣли свои виды, а сосѣди станочники, арендовавшіе у якутовъ покосы и, поэтому, зависимые,—тоже не предупредили поляка, боясь разсердить якутовъ.

Первые годы Островскій приписывалъ свои неудачи случайности и, глядя на необыкновенно буйные урожаи, все ждалъ, что одинъ годъ сразу поставитъ его на ноги. И онъ убивался надъ работой, голодалъ, заставлялъ голодать жену и ребенка, все расширяя свои запашки... Наконецъ, въ этомъ году жена умерла отъ цынги и горя, а осень опять дала одну солому.

Островскій вырылъ могилу, безъ слезъ уложилъ жену въ мерзлую землю и заровнялъ ее... Потомъ онъ взялъ билетъ на пріиски и пособие у якутовъ на дорогу. Якуты охотно дали то и другое, въ расчетъ избавиться отъ поселенца и воспользоваться его домомъ и кое-какимъ имуществомъ. Но Островскій обманулъ эти наивно хитрыя ожиданія: онъ снесъ все имущество въ избу и зажегъ ее съ четырехъ концовъ. Этотъ-то пожаръ мы и видѣли теперь, проѣзжая мимо. Роковой вѣтеръ изъ ущелья раздувалъ пламя, пожирившее пять лѣтъ труда, надеждъ, усилій и жертвъ...

— Все зажигалъ! Въ одинъ разъ кончилъ,—заклучилъ Микеша свой рассказъ и потомъ спросилъ по-своему вдумчиво:

— Уні-ать... Что такое уніать... Какой человѣкъ бываетъ?

— Вѣра такая,—отвѣтилъ я.

— То-то. И онъ говоритъ: вѣра. Въ одну церковь самъ не идетъ, въ другую не пускаютъ. Чего надо?..

Я не зналъ, какъ объяснить ему. Мнѣ казалось, что для этого нѣтъ словъ, понятныхъ Микешѣ, и нѣкоторое разстояніе мы проѣхали молча среди темной и притихшей тайги... Потомъ онъ легко соскочилъ съ лошади и пошелъ рядомъ, нѣсколько впереди, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Другіе люди на бѣломъ свѣтѣ,—сказалъ онъ серьезно,—взорять за вѣру... Есть скопецъ, есть духоборъ, есть молканъ... Много ихъ мимо насъ гоняли. За вѣру своей стороны лишаются... А у насъ никакая церковь нѣту... Лѣсинъ хочешь молишь, никто не спроситъ...

Я молчалъ. Надъ горами слегка свѣтлѣло, и я невольно заглядѣлся, какъ луна тихо крадется изъ-за черныхъ хребтовъ, осторожно окрашивая заревомъ ночное небо... Мерцали звѣзды, тихо вѣялъ ночной ласково-свѣжій вѣтеръ... И мнѣ казалось, что голосъ Микеша, простодушный и одинаково непосредственный, когда онъ говоритъ о вѣрѣ далекой страны, или объ ея тюрьмахъ, или о концѣ свѣта,—составляетъ лишь часть этой тихой ночи, какъ шорохъ деревьевъ или плескъ рѣчной струи. Но вдругъ въ этомъ голосѣ задрожало что-то, заставившее меня очнуться.

— Другіе говорятъ... никакой Богъ нѣту,—говорилъ Микеша, стараясь въ сумеркахъ уловить мой взглядъ... — Ты умнай, бумага пишешь... Скажи,—можетъ это быть?..

— Не можетъ быть, Микеша,—отвѣтилъ я съ невольной ласковостью въ голосъ.

Мнѣ показалось, что онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Не можетъ быть!.. Враки!—подхватилъ онъ убѣжденно. И, поднявъ глаза къ темнымъ вершинамъ береговыхъ горъ или къ холодному небу, красиво, но безучастно сіявшему своими безчисленными огнями, и какъ-бы отыскивая тамъ что-то, онъ прибавилъ просто:

— Хоть худенькой-худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣламъ-те править.

Теперь я невольно наклонился съ сѣдла, стараясь поймать взглядъ человѣка, только что и такъ изумительно просто исповѣдаваго странную вѣру въ „худенькаго Бога“. Была-ли это иронія?.. Или это было искреннее выраженіе какъ-бы уцербленной и тоскующей вѣры, утасающей среди этихъ равнодушныхъ камней...

Луна совсѣмъ поднялась надъ суровыми очертаніями молчаливыхъ горъ и кинула свои холодные отблески на берегъ, на перелѣски и скалы... Но лицо Микешы было мнѣ видно плохо. Только глаза его, черные и большіе, выдѣлялись въ сумеркахъ вопросительно и загадочно...

— Не отста-вай, не отста-вай-ай... Ночь пришла-а!—слышалось издалика, изъ глубины таинственной и сумеречной дали...

III

Отчаянный человѣкъ на Титаринскомъ станкѣ.

Предсказаніе Микешы сбылось: на Титаринскомъ станкѣ опять не признали нашу „бумагу“, и опять цѣлый день мы провели безъ движенія въ избѣ очередного станочника. Въ серединѣ этого дня уѣхалъ обратно нашъ прежній ямщикъ. Къ его, а отчасти и моему удивленію, Микеша не послѣдовалъ за нимъ, а остался на станкѣ. Ямщикъ звалъ его, ругался, грозилъ даже, но Микеша молча сидѣлъ на лавкѣ, потупившись, съ видомъ безнадежнаго упрямства. Когда ямщикъ, наконецъ, увязалъ гусемъ всю четверку и, сѣвъ на переднюю лошадь,—еще разъ крикнулъ Микешу, тотъ только махнулъ рукой и отвѣтилъ:

— Не ѣду я!..—и потомъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:—Писать будешь? Пиши, пожалуйста.

Но писать мнѣ на этотъ разъ не приходилось: почта про-

бѣжала вчера, проѣзжающихъ не было, и до слѣдующей почты у титаринцевъ времени было слишкомъ много, чтобы испытать наше терпѣніе. Оставалось сидѣть въ избѣ, бродить съ тоской по берегу Лены и ждать счастливаго случая.

Къ вечеру на станкѣ появился вдругъ „уніать“ Островскій. Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ сильно загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ настоящаго земледѣльца. На плечахъ онъ несъ нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ узловъ, образовавшихъ цѣлую гору, а за полу его суконнаго кафтана держалась дѣвочка лѣтъ 8 или 9-ти, тоненькая, блѣдная и видимо испуганная. Я встрѣтилъ его на площадкѣ и сразу угадалъ, кто это: въ глазахъ у него какъ будто застыло охладѣвшее тяжелое горе. Станочники робко оглядывались при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ, въ несчастіи котораго станокъ чувствовалъ и свою долю, хотя и пассивнаго участія.

Онъ спросилъ очередную избу и вошелъ въ нее вслѣдъ за мною. Не скидая шапки и не здороваясь, онъ сбросилъ на лавку свою ношу и сказалъ грубо:

— Ну, хозяйева, принимайте гостя. Чайникъ, лепешку, живо!

— Вотъ онъ какой... уніать,—сказалъ мнѣ Микеша, тотчасъ-же принявшійся наблюдать суетню оробѣвшихъ хозяевъ... Нашъ чайникъ былъ уже готовъ, и мы пригласили Островскаго раздѣлить съ нами наши дорожные запасы. Но онъ осмотрѣлъ насъ съ холоднымъ вниманіемъ и, составивъ какое-то заключеніе, отвѣтилъ рѣшительно и сурово:

— Нѣтъ, вы люди дорожные... А съ ними я все равно сосчитаюсь,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой, кивая въ сторону хозяевъ.—Ну, живѣе, что-ли!

— Позвольте хоть напоить чаемъ дѣвочку.

Онъ посмотрѣлъ на нее, колебался и потомъ сказалъ дочери:

— Садись съ ними... Да мнѣ только для нея и нужно... Самому и кусокъ въ горло не пойдетъ.

Въ послѣднихъ словахъ прозвучала горечь и какъ будто усталость. Свои дальнѣйшіе планы, на нашъ вопросъ, онъ изложилъ съ холоднымъ лаконизмомъ:

— На прински иду... Если дорогой не пропаду, наймусь... А дѣвочку стану продавать господамъ...

Я съ ужасомъ взглянулъ на него, стараясь разглядѣть въ суровомъ лицѣ какія-нибудь черты, которыя бы выдавали неискренность его словъ. Но ничего ни въ пользу, ни противъ этого предположенія уловить ни въ лицѣ его, ни въ голосѣ мнѣ не удалось. Лицо было просто пасмурно, слова звучали рѣзко, какъ холодныя льдины во время ледохода... А дѣвочка ласково прижималась къ нему, и грубая рука, можетъ быть, механически гладила ее волосы...

— Какъ же вы доберетесь съ дѣвочкой до пріисковъ?—спросилъ я.

— Въ лодкѣ,—отвѣтилъ онъ сухо.

— У тебя, Островскій, развѣ есть ладья?—вкрадчиво спросилъ, хозяинъ избы...

Островскій усталился въ него своимъ тяжелымъ холоднымъ взглядомъ.

— Чорта лысаго!—отвѣтилъ онъ.—Да у васъ развѣ мало на берегу?.. Возьму любую...

— Такъ то вѣдь наши,—наивно отвѣтилъ станочникъ и видя, что Островскій только усмѣхнулся, онъ какъ-то робко поднялся и вышелъ изъ избы.

Послѣ этого на площадкѣ, освѣщенной луною, собрались станочники, и даже въ нашу юрту долетали ихъ шумные разговоры. Станокъ жужжалъ, какъ рой обезпокоенныхъ пчелъ... По временамъ отдѣльные ямщики входили въ избу, здоровались, переминались у камелька съ ноги на ногу и смотрѣли на пришельца, какъ бы изучая его настроеніе. Островскій не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія... Онъ сидѣлъ, согнувшись на лавкѣ, противъ огня, по временамъ клалъ въ камелекъ полѣно и расправлялъ желѣзной кочергой угли...

Проснувшись среди ночи, я увидѣлъ его въ той-же позѣ. Слабый огонекъ освѣщалъ угрюмое лицо, длинные, опущенные книзу усы и лихорадочный взглядъ впалыхъ глазъ подъ нависшими бровями. На той-же скамьѣ, у камелька, спала дѣвочка, положивъ ему голову на колѣни. Отблескъ огня пробѣгалъ по временамъ по ея свѣтлымъ, какъ ленъ, волосамъ, выбившимся изъ-подъ краснаго платочка. Кромѣ Островскаго, въ юртѣ, повидимому, всѣ спали, изъ темныхъ угловъ доносилося разнотонное храпѣніе...

Дѣвочка потянулась и заплакала.

— Спи!—сказалъ отецъ угрюмо.—Ночь еще...

Дѣвочка всхлипнула какъ-то горько и спросила соннымъ голосомъ:

— Куда пойдемъ?..—Но сонъ бралъ свое, голосъ становился тише, усталое тѣлице вытянулось, и она стала засыпать.

— Ку-да?.. Куда-а?—еще раза два прошептали сонныя губы.

— Ага!—съ злобной горечью отвѣтилъ про себя Островскій.—Когда-бы я самъ зналъ... Вѣрно уже къ самому дьяволу... Больше некуда...

— Куда?—громче спросила дѣвочка, но не дождалась отвѣта. Она уже совсемъ спала...

Я протеръ запотѣлое оконце и выглянулъ наружу. Ночь сильно измѣнилась... Луна поднялась высоко надъ горами и освѣщала бѣлыя скалы, лиственницы, покрытыя инеемъ, мотавшіеся отъ вѣтра и кидавшіе черныя тѣни. Очевидно, послѣ

полночи ударилъ морозъ, и вся каменная площадка побѣлѣла отъ инея. На ней черными пятнами выдѣлялась группа людей... Станочники, можетъ быть не ложившіеся съ вечера, обсуждали что-то горячо и шумно. Жужжаніе голосовъ доносилось къ намъ сквозь стѣны...

Потомъ въ группѣ произошло движеніе... Наша дверь скрипнула, ворвался клубъ холодного воздуха... Ямщики одинъ за другимъ входили въ избу, подходили къ камельку, протягивали руки къ огню и смотрѣли на Островскаго. Тотъ какъ будто даже не замѣчалъ ихъ...

Послѣ всѣхъ вошелъ сѣдой старикъ. Очевидно, его сняли съ теплой лежанки собственно для этого случая. Волосы у него были бѣлыя, какъ снѣгъ, рѣдкіе усы и борода тоже. Рука, опиравшаяся на длинную палку, дрожала. Подъ другую руку его поддерживалъ молодой ямщикъ, вѣроятно внукъ.

— Здравствуй, братъ! — сказалъ онъ слегка дрожащимъ, по-старчески, но пріятнымъ и какимъ-то почтеннымъ голосомъ.

— Здравствуй, дѣлъ, — отвѣтилъ Островскій, не поворачиваясь. — Зачѣмъ слѣзъ съ печи?

— Да, дѣло старое, — вздохнулъ старикъ и потомъ спросилъ политично:

— На прінски собрался?

— Ну, на прінски. Такъ что?

— Добро... Какъ пойдешь съ дѣвочкой?

— Въ лодкѣ.

— Гдѣ возьмешь?

— У васъ...

— Дорогой чѣмъ дѣвку кормить станешь?

— Хлѣбомъ.

— Гдѣ возьмешь?

— Вы мнѣ дадите... Пудъ муки и кирпичъ чаю!..

Среди ямщиковъ послышался негодующій говоръ. Къ камельку протискался между тѣмъ Микеша, и мнѣ съ моего мѣста было видно его заинтересованное лицо. Черные глаза переходили съ мрачной фигуры Островскаго на почтеннаго станочнаго патріарха.

Тотъ покачалъ головой. Островскій посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, говори.

— Буду говорить, — сказалъ старикъ. — Я, старый человѣкъ, могу тебѣ сказать. А ты послушай. У тебя, Матвей, изба была вѣдь?

— Была.

— Что ты съ нею сдѣлалъ?

— Самъ знаешь: спалилъ, чтобъ собакамъ не осталось.

— Твое дѣло. У тебя добро было... Гдѣ оно?

— Съ дымомъ улетѣло.

— Пошто съ дымомъ пустил? Огонь сѣѣлъ, спасибо не сказалъ. Мы тебѣ сосѣди. Пришелъ-бы къ намъ... Возьмите, дескать, что осталось. Сбруя, телѣга, два хомута, дуга хорошая, столъ; четыре лавки... Добро было-бы. Ты-бы до насъ, мы до тебя...

— Все спалилъ.

— Ну спалилъ, пустил съ дымомъ. Зачѣмъ къ намъ пришелъ?

Островскій посмотрѣлъ на старика, прищурившись.

— Ты не знаешь, зачѣмъ я пришелъ?... Сосчитаться съ вами пришелъ. Давайте лодку, давайте хлѣба... Дешево прошу... Смотрите, не обошлось-бы дороже...

— Иди, у огня проси... — отвѣтилъ старикъ, стукнувъ клюкой.—Ему все отдалъ, у него и проси. Намъ не давалъ, какъ теперь просишь?

Эта ясная логика пришлась, очевидно, по вкусу ямщикамъ. По всей избѣ пошелъ одобрителный говоръ. Но Островскій только сверкнулъ глазами и съ внезапной яростью ударилъ кочергой по дровамъ. Пукъ искръ метнулся въ трубу камелька... Ямщики дрогнули; ближайшіе попятись.

— Вотъ такъ,—сказалъ онъ съ дикой энергіей,—пошло все мое добро... Видѣли, какъ хорошо горѣло вчера ночью?

Онъ повернулся и посмотрѣлъ на замолкшую толпу ямщиковъ упорнымъ и злымъ взглядомъ.

— Своего не пожалѣлъ... Думаете—ваше пожалѣю?

Въ толпѣ опять послышался ропотъ. Микеша тяжело перевелъ духъ.

— Насъ, смотри-ка, много, — сказалъ сзади какой-то задорный голосъ. Островскій посмотрѣлъ туда и отвернулся опять къ огню.

— Убейте,—сказалъ онъ спокойно.—И меня, и дѣвку... А то давайте лодку... И съ парусомъ...

— Еще съ парусомъ ему...—зароптали ямщики.

Старикъ стукнулъ палкой объ полъ и, когда водворилось молчаніе, сказалъ:

— Слушай, Матвѣй. Я тебѣ еще скажу слово, а ты послушай.

— Говори, все одно.

— Ты сюда за что присланъ?... За вѣру?

— Забылъ,—угрюмо отвѣтилъ Островскій.

— Въ Господа Бога вѣруешь? — торжественно сказалъ станочный патріархъ, глядя ему въ лицо.

— Не знаю,—отвѣтилъ Островскій и вдругъ поднялся со скамьи. Ямщики парохнулись прочь, тѣсня другъ друга.

— Слушай, — сказалъ Островскій, отчеканивая слова. — Слушай и ты меня, старая со-ба-ка...

— А-ха! — охнулъ внезапно Микеша при этомъ тяжкомъ оскорбленіи станочнаго патріарха. Ямщики смолкли. Нѣсколько мгновеній слышно было только легкое потрескиваніе огня въ камелькѣ.

— Помнишь ты, — продолжалъ Островскій, — какъ я въ первый разъ приходилъ къ тебѣ, кланялся твоимъ сѣдымъ волосамъ, просилъ совѣта?... А! ты это забылъ, а о Богѣ напоминаешь... Собака ты, всѣ вы собаки! — крикнулъ онъ почти въ изступленіи, отмахнувшись отъ дѣвочки, которая, не понимая, что тутъ происходитъ, потянулася къ отцу. — Вы — дерево лѣсное!... И сторона вапа проклятая, и земля, и небо, и звѣзды, и...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но остановился, и въ потемнѣвшей избушкѣ опять водворилось молчаніе, полное тяжелой подавленности и испуга... Островскій опустился на скамью, тяжело переводя дыханіе, съ искаженнымъ, почти неузнаваемымъ лицомъ... Черезъ нѣсколько мгновеній оно все передернулось непріятной гримасой, напоминавшей улыбку, и онъ насмѣшливо сказалъ старику:

— Ну, скажи еще...

— Нечего съ тобой и говорить, съ отчаяннымъ, — отвѣтилъ старикъ грустно и какъ-то сконфуженно повернулся къ выходу. Станочники молча разступались, но видъ у патріарха былъ приниженный и жалкій... Микеша прошелъ за камелькомъ и, тихо сѣвъ рядомъ со мной, сказалъ послѣ короткаго молчанія:

— Слыхалъ?... А? Какъ онъ его... Евстигнѣя Прокопъича... Собака ты, говорить... А-ай-а-ай! Теперь, гляди, все дадутъ, побоятся... Чисто дьяволь...

— Уні-ать, — прибавилъ онъ въ раздуміи, покачивая головой, какъ будто въ этомъ мало понятномъ словѣ заключалась разгадка страннаго могущества Островскаго...

Ямщики одинъ за другимъ, въ глубокомъ молчаніи, выходили изъ избы...

Вскорѣ, столпившись на той-же площадкѣ, они заужжали и заспорили снова... Микеша угадалъ: ямская община уже сдалась, станочники намѣтили старую лодку съ оборваннымъ парусомъ, оцѣнивали ее и разверстывали по душамъ этотъ непредвидѣнный расходъ... Станокъ, очевидно, спѣшилъ избавиться отъ человѣка, который дошелъ до того, что уже не дорожитъ ничѣмъ и ничего не боится.

Островскій все еще сидѣлъ на лавкѣ. Потомъ онъ оглянулся по опустѣвшей избѣ, и его взглядъ встрѣтился съ моимъ. Глаза его, еще недавно горѣвшіе, теперь были совер-

шенно тусклы и непріятно, какъ-то матово отсвѣчивали подь слабымъ огонькомъ камелька.

— Ха!—сказалъ онъ, продолжая глядѣть на меня этимъ тяжелымъ взглядомъ.—За вѣру!.. Бога вспомнили... Давно это было... Не хотѣлъ ребенка хоронить на православномъ кладбищѣ... Теперь жену зарылъ въ яму, завалилъ камнями, безъ креста, безъ молитвы... Лѣсъ, камни, и люди, какъ камни...

Онъ провелъ рукой по лицу и, какъ будто отряхнувшись, заговорилъ спокойнѣе и съ насмѣшкой:

— Я буюсь, голодаю, жду... Въ концѣ лѣта приходитъ морозъ, и кончено... И если бы я работалъ до суднаго дня,—было бы все то же. И никто не сказалъ, ни одна собака!..

— Врешь, Островскій, — слышался вдругъ около меня голосъ Микеша.—Я тебѣ говорилъ...

Островскій пристально всмотрѣлся и увидѣлъ говорившаго.

— А, это ты, Микеша... Вѣрно, ты говорилъ, да я не послушалъ, потому что ты полоумный... А умные говорили другое...

При словѣ „полоумный“ я невольно взглянулъ на Микешу. Онъ сидѣлъ, опутивъ голову, лица его не было видно, но онъ не сказалъ больше ни слова...

Черезъ часъ, когда Островскій напился, какъ ни въ чемъ не бывало, чаю вмѣстѣ съ хозяевами, а мы напоили его дѣвочку, пришелъ молодой ямщикъ, принесъ въ мѣшкѣ муку и сказалъ, что лодка для Островскаго выбрана.

Меня поразило благодушное выраженіе голоса этого ямщика. Очевидно, разъ общество рѣшило, — ему уже не было дѣла до того, какимъ путемъ была отвоевана эта лодка... Ее приходилось еще чинить, но, такъ какъ до берега было не близко, то Островскій собрался совѣмъ. Онъ взвалилъ на себя свои узлы и заботливо одѣлъ дѣвочку. Мы дали ей на дорогу сахару, бѣлаго хлѣба и нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она вопросительно посмотрѣла на отца. Онъ не сказалъ ни слова, не поблагодарилъ, даже не посмотрѣлъ въ нашу сторону, но и не помѣшалъ ребенку сунуть все полученное въ небольшую котомку. Лицо его оставалось все такъ же холодно и рѣшительно. Уходя, онъ сказалъ только:

— Прощайте, господа! Васъ тоже повезутъ... Въ лодкѣ не соглашайтесь... Повезутъ, подлецы, и на лошадахъ.

И, повернувшись на порогъ, онъ прибавилъ:

— Бейте по мордѣ... Тогда доѣдете скоро...

Затѣмъ онъ вышелъ, ведя дѣвочку за руку.

Я выглянулъ за ними въ окно. Долгая осенняя ночь чуть-чуть блѣднѣла, но луна все такъ же свѣтила съ вышины,

такъ же дулъ предутренній вѣтеръ, такъ же качались и бились карликовыя сосенки подъ большой скалой, такъ же мелькали по инею отблески и тѣни. Только теперь къ этому мельканію прибавились три человѣческія фигуры. Впереди шелъ молодой ямщикъ, сзади—уродливо нагруженный полякъ и рядомъ съ нимъ—дѣвочка. И на бѣлой равнинѣ за ними слѣдовали черныя тѣни: одна огромная и уродливая, другая тоненькая и какъ будто готовая расплыться среди этого холода и камней...

IV.

П о р ѣ к ѣ.

Повидимому, разъ уступивъ Островскому, станокъ какъ бы потерялъ силу сопротивленія, и это послужило намъ на пользу. Утромъ въ избу вошелъ незнакомый намъ ямщикъ, помолился на образъ и, не глядя на насъ, спросилъ:

— Чего думаете дѣлать?.. Общество лошадей не даетъ.

— А тебѣ что нужно?

— Да я объ васъ хлопочу. Въ лодкѣ, пожалуй, ямщики согласятся.

— Ну, въ лодкѣ, такъ въ лодкѣ.

Маленькіе глазки ямщика радостно сверкнули.

— Значить, согласны?..—прорвалось у него восклицаніе, и онъ быстро направился къ двери. Отворивъ ее, онъ повернулся и сказалъ:

— Микеша, подь-ка сюда.. Говорить надо.

Черезъ часъ мы уже были на берегу рѣки. Солнце поднялось надъ горами и сгоняло иней, еще лежавшій въ тѣни. Холодъ начиналъ уступать передъ солнечными лучами, но въ заливицахъ и затокахъ держались еще льдистыя иглы...

Подходя къ берегу, мы съ удивленіемъ увидѣли, что къ лодкѣ подходитъ также Микеша. На одномъ плечѣ онъ несъ весла, на другомъ висѣла винтовка, въ рукѣ у него былъ узелокъ, который онъ тщательно спряталъ въ ящикъ на кормѣ.

Продѣлавъ все это, онъ посмотрѣлъ на меня какъ будто укоризненнымъ и слегка пренебрежительнымъ взглядомъ.

— Зачѣмъ не писалъ? Лошадямъ ѣхалъ бы... Дальше тоже лошадей давали бы... Лодкой худо... Когда доѣдешь?

Мы, очевидно, много потеряли въ его глазахъ, такъ легко согласившись ѣхать въ лодкѣ, тѣмъ болѣе, что станокъ, въ сущности, уступилъ бы, и мы стали жертвой хитрости стараго ямщика. У него пала послѣдняя лошадь, и онъ отправлялъ свою долю повинностей греблей. Поэтому, онъ стоялъ на сходѣ

за то, чтобы насъ везти, но непремѣнно въ лодкѣ,—такимъ образомъ ему выпадала сравнительно легкая очередь. Общество сомнѣвалось, согласимся ли мы тащиться 45 верстъ противъ теченія, когда дорога еще допускала болѣе удобный и скорый способъ передвиженія. Старый ящикъ взялся уговорить насъ и теперь, къ явному разочарованію Микеша, торжествовалъ легкую побѣду...

— У-у! хитрой ящикъ,—говорилъ онъ, глядя съ улыбкой на торопливо бѣжавшаго по берегу старика... Повидимому, „хитрой ящикъ“ боялся, что мы еще можемъ раздумать...

Но мы безпрекословно успѣли въ широкую лодку, старикъ двинулъ ее багромъ, а Микеша толкалъ съ носа, шлепая по водѣ, пока она не вышла на болѣе глубокое мѣсто. Тогда и Микеша вскочилъ въ нее, и сѣлъ въ весла.

Не успѣли мы обогнуть небольшой мысокъ, какъ отъ станка къ берегу подбѣжала дѣвочка и кинула намъ съ деревянныхъ мостковъ узелокъ.

— Что это?—спросилъ я.

— Ничего, ничего, такъ, посылка...—отвѣтилъ старикъ.

— Хлѣбъ, чайникъ...—пояснилъ Микеша.—На островѣ чай пить будемъ. Далеко...

Старикъ сердито посмотрѣлъ на него: онъ увѣрялъ насъ, что до захода солнца мы уже будемъ на станкѣ, и боялся, что разоблаченіе Микеша еще можетъ измѣнить наше рѣшеніе. Онъ открылъ дверку ящика, чтобы сунуть туда свой узелокъ, и остановился съ удивленіемъ, видя, что мѣсто занято. Мнѣ показалось, что Микеша, въ свою очередь, смутился, когда старикъ нащупалъ рукой въ его узелкѣ сапоги.

— Это что?—спросилъ старикъ, пытливо глядя на Микешу.—Сапоги взялъ, барахло взялъ, винтовку взялъ... Смотри, Микешъ, опять видно дурить хочешь...

Микеша не отвѣтилъ и только крѣпче налегъ на весла, такъ что онѣ застонали въ уключинахъ... Лодка взмыла впередъ, подъ килемъ забились и зажурчали ленскія волны. Высокія горы какъ будто дрогнули и тихо отодвинулись назадъ... Темныя крыши Титаринскаго станка скоро потонули за мысомъ.

День обѣщаль быть теплымъ. Вѣтеръ стихъ, рѣчная гладь едва шевелилась, и широкія, пологія волны лишь тихо колебали, не взламывая, зеркальное отраженіе скалъ. Горы противоположнаго берега казались совсѣмъ близко, и только пристально вглядываясь въ подробности, можно было замѣтить, что это обманъ зрѣнія: овраги представлялись извилистыми трещинками, а огромныя лиственницы на склонахъ—былинками...

Наша лодка, тихо покачиваясь, шла точно по водяной

аллеѣ. По временамъ, будто кинутый чьей-то невидимой рукой, изъ-за горъ вылеталъ черной точкой орелъ или коршунъ и плавно опускался къ рѣкѣ, проносясь надъ нашими головами. Порой гдѣ-то въ воздухѣ раздавался торопливый перезвонъ птичьей стаи, но глазъ не могъ различить ее на пестромъ фонѣ лѣсистыхъ скалъ, пока совсѣмъ близко въ воздухѣ не пролетала стремительно горсточка черныхъ точекъ, торопясь, свистя крыльями, погоняя другъ друга—и тотчасъ же сливаясь съ пестрымъ фономъ другого берега. Только сѣрые бакланы неторопливо дѣловито держались по слѣду нашей лодки, то припадая грудью къ водѣ, то трепыхая на мѣстѣ крыльями и погружая въ воду тонкія красныя лапки.

Порой дорогу намъ загораживала далекая отмель... Тогда Микеша входилъ беззаботно въ холодную воду, иногда поясь, и тащилъ лодку лямкой.

— Гляди, вонъ тамъ, подъ горой, Островскій идетъ,—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая вдаль. Вглядѣвшись пристально въ пеструю полоску другого берега, я дѣйствительно увидѣлъ на водѣ тихо двигавшуюся лодочку, а по камнямъ, часто теряясь между ними, двигалась, какъ муравей, черная точка. Это Островскій тащилъ лодку лямкой.

Плесь былъ прямой, и долго я видѣлъ впереди эту точку, пока бессонная ночь и утомленіе не взяли своего, и я не заснулъ подъ мѣрное взвизгиваніе уключинъ. Оба мои спутники тоже давно спали на днѣ широкой лодки. Только ямщики продолжали мѣрно покачиваться, ровно разбивая веслами ленскую струю...

Когда я проснулся, то сразу замѣтилъ, что кругомъ что-то измѣнилось. Микеша торопливо шлепалъ по водѣ, таща лямку, старикъ правилъ рулемъ, и лодка, круто забирая волну, перерѣзывала широкую курью (заливъ), направляясь къ срединѣ рѣки. Въ воздухѣ посвѣжѣло, берега какъ будто прихмурились, лица ямщиковъ были озабочены, движенія торопливы.

— Сядь-ко къ рулю, скорѣе будетъ,—сказалъ мнѣ старшій ямщикъ, замѣтивъ, что я проснулся.—Держи вонъ туда, на островъ,—прибавилъ онъ, указывая на едва замѣтную полоску земли, какъ будто прижавшуюся къ самому берегу на другой сторонѣ, но оказавшуюся въпослѣдствіи большимъ островомъ на самой срединѣ рѣки. Я сѣлъ къ рулю, Микеша, разбрызгивая холодную воду, взобрался въ лодку, и она понеслась на перерѣзъ теченія.

— Халанъ (снѣговая туча) придетъ,—пояснилъ старикъ.—Авось, еще на островъ поспѣемъ.

Я не видѣлъ никакой тучи. Лодка наша торопливо уда-

лялась отъ одного берега, но другой какъ будто не приближался, и только рѣка, имѣющая здѣсь около шести верстъ въ ширину, раздвигалась передъ нами, какъ море. Впереди широкая разлившаяся водная гладь сливалась съ золотомъ близкаго заката, и только туманная синяя полоска отдѣляла воду отъ неба.

Все казалось свѣтло, задумчиво, спокойно.

— Гдѣ-же туча?—спросилъ я, удивленный тревожной торопливостію ямщиковъ. Старикъ не отвѣтилъ. Микеша, не переставая грести, кивнулъ головой кверху, по направленію къ свѣтлому разливу... Вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтилъ, что синяя полоска, висѣвшая въ воздухѣ между землею и небомъ, начинаетъ какъ будто таять. Что-то легкое, бѣлое, какъ пушинка, катилось грядой по зеркальной поверхности Лены, направляясь отъ широкаго разлива къ нашей узкой щели между высокими горами.

— Работай, работай!—поощрялъ старикъ, самъ съ усиліемъ налегая на весла.

По лицамъ ямщиковъ катились крупныя капли пота, руки напрягались... Лодка неслась, какъ стрѣла, островъ замѣтно отдѣлялся отъ противоположнаго берега.

— Не поспѣть,—сказалъ старшій, повернувъ озабоченное лицо въ сторону все мутнѣвшей дали...

— Не сдавай книзу, смотри! какъ бы не миновать острова...

Я повернулъ лодку и сразу почувствовалъ, что ее колыхнуло сильнѣе, приподняло, и въ бока ударила торопливая, тревожная зыбь... Бѣжавшій передъ тучею охлажденный вѣтеръ задулъ въ узкомъ мѣстѣ, точно въ трубѣ. Отъ высокаго берега донесся протяжный гулъ, въ лицо намъ попадала мелкая пыль водяныхъ брызговъ, между берегомъ и глазомъ неслась тонкая пелена, смывавшая очертанія скалъ и ущелій...

— Ну, запылить теперь,—сказалъ старикъ,—держи, смотри, потверже, помни, гдѣ островъ.

Съ горъ неся уже несмолкающій гулъ лиственницъ, и скоро къ нему присоединился плескъ прибоя. Нѣкоторое время было видно, какъ берегъ весь побѣлѣлъ отъ пѣны. Но вскорѣ все это стало исчезать... По всей рѣкѣ запорхали бѣлыя снѣжинки, ложившіяся на темныя волны. Онѣ становились все гуще, заволакивая сначала дальніе уступы, потомъ ближнія скалы, потомъ самый обрѣзъ берега... Птичьи голоса смолкали, жизнь, казалось, уходила съ рѣки, самый гулъ лиственницъ на вершинахъ становился глуше... Только чайки вскрикивали еще нервно и отрывисто, кидаясь навстрѣчу вѣтру, гнавшему тучу и сгущавшему ее между высокими горными берегами... Нѣкоторое время сквозь эту пелену все еще неся протяжный шумъ лиственницъ, потомъ смолкъ и онъ, какъ

будто задавленный густымъ снѣгомъ; вѣтеръ тоже стихаль...

Одинъ изъ моихъ товарищей, крѣпко спавшихъ на днѣ лодки, проснулся отъ этой тишины, поднялся и, протирая глаза, спрашивалъ съ удивленіемъ:

— Что такое? Гдѣ мы?..

Кругомъ стало однообразно, бѣло, спокойно и только, миллионы снѣжинокъ, большихъ, плоскихъ, пушистыхъ, порхая и кружась, сыпались на воду, на весла, на лодку, на лица гребцовъ. Скоро края лодки, лавки, одежда побѣлѣли подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ.

Ямщики сложили весла и тяжело перевели дыханіе... Кругомъ стояла будто бѣлая стѣна и виднѣлась небольшая площадка воды у самой лодки... Даже опредѣлить направление было трудно. Нашу лодку тихо сносило, но мы этого не замѣчали. Кругомъ такъ-же густо валились бѣлыя хлопья, таявшіе въ водѣ и тотчасъ смѣнявшіеся другими...

— Что-же, надо все-таки грести къ острову,—сказалъ я.

— А гдѣ онъ, островъ?—отвѣтилъ насмѣшливо старшій ямщикъ.

Дѣйствительно, опредѣлить направление острова было трудно. Лодка, покачиваясь, казалось, стоитъ на мѣстѣ, на небольшомъ темномъ кружкѣ воды, окруженномъ бѣлою непроницаемою стѣною. Но вдругъ Микеша наклонился, протянулъ весло и вытащилъ изъ воды таловую вѣтку съ неопавшими еще листьями.

— Островъ близко,—сказалъ онъ,—тамъ...

Черезъ минуту изъ бѣлаго тумана опять показались очертанія, и мимо насъ проплыло цѣлое деревцо, очевидно только что оторвавшееся съ крутояра, оставляя за собой глинистый слѣдъ еще необмытыхъ корней... Ямщики бодро ударили въ весла...

Черезъ четверть часа носъ лодки уткнулся въ крутой и обрывистый берегъ острова... Онъ былъ плоскій и весь поросъ тальникомъ. Укрыться отъ снѣга было негдѣ; ямщики нарубили сухого тальнику, и бѣлый дымъ костра смѣшался съ густой сѣткой снѣга... Я посмотрѣлъ на часы: было уже довольно поздно, и скоро за снѣговой тучей должно было сѣсть солнце...

— А далеко еще до станка?—спросилъ я.

— Недалече,—отвѣтилъ старикъ, бѣгая своими плутоватыми глазами.—Вотъ чаю напьемся, островъ лямкой пройдемъ, потомъ ударимся на ту сторону...

Микеша усмѣхнулся.

— Островъ десять верстъ,—сказалъ онъ равнодушно,—той стороной тоже десять... Ночь—полночь и то на станкѣ не бу-

демъ... Обманулъ тебя старикъ,—прибавилъ онъ. — Хитрой! Тюрьма сидѣлъ, оправился.

— За что?—спросилъ я.

— За купчиху,—отвѣтилъ Микеша спокойно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ вглядываясь въ измѣнившееся лицо старика. У того глаза сверкнули внезапнымъ огонькомъ.

— За какую купчиху... Врешь ты,—сказалъ онъ живо. — Не хлопай, чего не знаешь...

— Да тебя не Фроломъ ли звать?—спросилъ я.

— Ну, Фроломъ. Такъ что?—отвѣтилъ онъ, настораживаясь, и въ глазахъ его проступило что-то злое и чуткое, точно у звѣря, сознающаго опасность...

Исторію этого Фрола мнѣ рассказывали еще въ Якутскѣ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ она занимала всю Лену, небогатую вообще событіями. Это былъ когда-то хорошій хозяинъ, и жена у него, значительно моложе его самого, считалась красавицей. Говорили, что онъ очень любилъ ее, но и мучилъ дьявольской ревностью, особенно послѣ того, какъ, увлекшись какимъ-то кудрявымъ хохломъ-поселенцемъ, она убѣжала съ нимъ на пріиски... Ее скоро вернули, она захворала и умерла, отъ тоски или отъ побоевъ. Фролъ сначала очень тосковалъ, потомъ вдругъ успокоился, даже повеселѣлъ. Когда ему напоминали о женѣ или принимались сватать другихъ, онъ только лукаво усмѣхался и какъ-то загадочно увѣрялъ, что она опять убѣжала, но скоро вернется.

Однажды, лунною осеннею ночью, на серединѣ перегона между двумя станками, ему встрѣтился ямщикъ съсѣдняго станка, предложившій обмѣняться пассажирами. Это обычный пріемъ ямщиковъ, выигрывающихъ такимъ образомъ цѣлую путину. Пассажиры спали въ крытыхъ кибиткахъ и не слышали даже, какъ ямщики перепрягали лошадей... Отбѣхавъ недалеко, встрѣчный ямщикъ услышалъ назади какъ будто испуганный крикъ. Но онъ не обратилъ на него вниманія и погналъ лошадей...

Оказалось, что пассажирка, ѣхавшая съ нимъ до этой перепряжки, очнулась, когда Фролъ влѣзалъ на козлы. Удивленная остановкой, она отодвинула фартукъ, и на Фрола взглянуло внезапно женское лицо, освѣщенное свѣтомъ полной луны...

Что было послѣ этого, и самъ Фролъ, и обезумѣвшая отъ испуга пассажирка помнили плохо. Только уже днемъ Фролъ привезъ ее на станокъ, но вмѣсто того, чтобы высадить у почтовой станціи, провезъ къ своей избѣ, сгребъ въ охапку, внесъ въ избу и крѣпко заперъ. На разпросы сосѣдей онъ объявилъ, что къ нему опять вернулась жена и что теперь онъ ее уже не отпустить... Явился староста, собрались ста-

ночники, и у сумасшедшаго съ трудомъ отбили до безчувствія испуганную женщину, оказавшуюся вдовой-кучихой изъ приленскаго города, часто развѣзжавшей по торговымъ дѣламъ...

Судь призналъ его невмѣняемымъ, и онъ опять вернулся въ общество, только хозяйство его сильно пошатнулось...

— Какъ могъ оправиться?—спрашивалъ теперь у меня Микеша, съ любопытствомъ присматривавшійся къ страннымъ огонькамъ, тревожно вспыхивавшимъ въ глазахъ старика...

Я тоже съ любопытствомъ взглянулъ на него. Онъ былъ низкаго роста, съ широкими плечами, длинными руками и быстрыми движеніями сильной обезьяны. Въ скуластомъ, зеленовато-желтомъ лицѣ, съ тонкими, постоянно какъ будто жевавшими губами, видѣлись типическіе признаки вырожденія. Глаза бѣгали, и теперь въ нихъ загоралось лукаво скрытное мелькающее выраженіе, какъ будто онъ что-то затаилъ въ себѣ, что-то относящееся до этой исторіи, извѣстное ему одному, чему глупые люди, пожалуй, не повѣрятъ. Микеша приглядывался къ нему съ любопытствомъ и отчасти съ насмѣшкой; онъ, вѣроятно, давно уловилъ этотъ двойственный взглядъ и по своему выражалъ это часто повторяемымъ словомъ: „хитрой“. Мнѣ казалось, что изъ бѣгающихъ глазъ этого станочника глядѣло просто сумасшествіе... Очевидно, и теперь еще въ немъ, среди этихъ сумрачныхъ скалъ, шла какая-то своя жизнь, полная сумасшедшихъ мечтаній, быть можетъ, радостныхъ и свѣтлыхъ, а можетъ быть, и еще болѣе мрачныхъ, чѣмъ эти горы. Но трудная доля ямщика, не дававшая отдыха и досуга отъ тяжелыхъ повседневныхъ заботъ, не выпускала его изъ своихъ тисковъ, и ей, вѣроятно, онъ былъ обязанъ тѣмъ, что ему позволяли оставаться на рѣкѣ, вмѣсто сумасшедшаго дома, и тянуть, до новаго случая, будничную лямку здравомыслящихъ земляковъ...

Впрочемъ, скоро безпокойные огоньки въ его глазахъ, освѣщавшіе эту глубоко-скрытую и таинственную глубину омраченной человѣческой души, угасли. Онъ сталъ распоряжаться закипавшимъ чайникомъ... Только лицо его стало нѣсколько блѣднѣе, и губы какъ бы жевали что-то...

— А гдѣ-то теперь Островскій?—спросилъ я нарочно, чтобы круто переменить разговоръ...

— Куда дѣвается?—отвѣтилъ Фроль:—тоже гдѣ-нибудь чай варить на томъ берегу... Варнакъ проклятой!..

— Чего ругаешься?—спросилъ Микеша.

— Хвалить, что-ли, стану... огрызнулся Фроль.—Лодку съ общества взялъ... Лодка чего-нибудь стоитъ...

— На приiski пошелъ... Проклятое мѣсто сидѣть не хочетъ,—задумчиво сказалъ Микеша и потомъ, усмѣхнувшись,

прибавилъ:—а титаринскіе испугались. Тридцать человѣкъ бояться... Одинъ человѣкъ не боится... Деньги, сказали-бы, давайте, деньги дали-бы...

— А тебѣ любо?—ехидно спросилъ Фроль и, живо повернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Микешка. этотъ вотъ какой человѣкъ:—гоньба гонять,—не хочу, жениться—не хочу, начальникъ возить—не хочу. Ничего не хочу! Какъ будешь жить?..

— Неволя жить не хочу, — задумчиво и просто сказалъ Микеша.—Пашпортъ давали-бы,—бѣлый свѣтъ пойду...

Фроль посмотрѣлъ на него долгимъ и насмѣшливымъ взглядомъ...

— Безумной! — сказалъ онъ убѣждено:—какъ пашпортъ тебѣ дадутъ? Другой тоже пашпортъ хочеть... Всѣ захотять, кто на станкѣ останется? Начальникъ пріѣдетъ, кто повезеть?..

Микеша промолчалъ. Лицо у него было грустное. Быть можетъ, онъ признавалъ неодолимую правильность аргумента, но внутри у него, бессознательно, нелогично и непобѣдимо засѣло стремленіе къ бѣдному свѣту и вольной волѣ. Вообще, мнѣ показалось, что теперь роли ямщиковъ радикально измѣнились. Фроль представлялъ собою само здравомысліе, вѣковую мудрость ямщицкихъ общинъ,—и онъ съ уничтожающей насмѣшкой смотрѣлъ на „безумнаго“ Микешу. Въ глазахъ послѣдняго стояла лишь грустная растерянность и темное, бессознательное стремленіе... неизвѣстно куда...

— Какъ-же ты говоришь, — заступился я за Микешу, къ безумію котораго я почувствовалъ глубокую симпатію,—какъ ты говоришь, что онъ не хочеть работать, когда вотъ онъ лямку съ тобой же тянеть...

— Такъ то я его нанималъ, — отвѣтилъ Фроль насмѣшливо,—на чужой станокъ нанимается. Свою очередь держать не хочеть... Два раза бѣгалъ... станочники пороли... Можетъ, скажешь, неправда?

Микеша продолжалъ молчать...

— Теперь, гляди, опять чего-то надумалъ, — съ чисто мефистофелевской улыбкой продолжалъ Фроль свои обличенія, пронизывая бѣднаго Микешу острымъ и насмѣшливымъ взглядомъ... Скажешь,—и это неправда? А зачѣмъ барахло взялъ?... Ружье для чего захватилъ? Смотри, общество все равно достанетъ тебя... Опять портки спустять...

Онъ говорилъ съ негодованіемъ и увлеченіемъ. Но Микеша вдругъ перевелъ на него свои выразительные глаза, въ которыхъ засвѣтилась опредѣленная мысль, и сказалъ просто:

— Мѣняй у меня лодку. Моя лодка на станкѣ осталась, хорошая!...

Маленькіе хитрые глазки Фрола забѣгали. Онъ былъ сбитъ

съ безкорыстно обличительной колей и не могъ сразу попасть на другую. Черезъ нѣкоторое время, однако, онъ отвѣтилъ заискивающимъ тономъ:

— Придачи, Микешенька, не спросишь?

— Гдѣ придачу возьмешь? Лодку сегодня давай. Провѣжающихъ доставимъ, я въ лодку сяду, ты пѣшкомъ позади пойдешь.

— А я потомъ, какъ твою ладью достану? Станочники не отдадутъ.

— Бумагу пишемъ. Вотъ онъ бумагу пишетъ, — указаль Микеша на меня.

— Пишешь бумагу?—живо спросилъ у меня Фроль...—Ну, когда такъ,—мѣняю!

Они ударили по рукамъ, и я тутъ-же, на листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, наскоро написалъ условіе, буквы котораго расплывались отъ снѣга. Фроль тщательно свернулъ мокрую бумажку и сунулъ въ голенище. Съ этой минуты онъ становился обладателемъ хорошей лодки, единственнаго достоянія Микеша, которому въ собственность переходила старая, тяжелая лодка Фрола. Въ глазахъ стараго ямщика свѣтилась радость, тонкія губы складывались въ усмѣшку. Очевидно, теперь онъ имѣлъ еще больше основаній считать Микешу подоумнымъ...

Снѣгу, казалось, не будетъ конца. Бѣлые хлопья все порхали, густо садясь на вѣтки талины, на давно побѣлѣвшую землю, на нась. Только у самага огня протаяло и было черно. Весь видимый міръ для нась ограничивался этимъ костромъ да небольшимъ клочкомъ острова съ выступавшими, точно изъ тумана, очертаніями кустовъ... Дальше была бѣлая стѣна мелькающаго снѣга.

Вдругъ оба ямщика насторожились.

— Будетъ! — сказалъ старикъ, подымаясь, — собирайся, ребята, халанъ проходить...

Гдѣ-то совсѣмъ близко послышалось веселое щебетанье птицъ, какъ будто птичья стая радовалась опять наступившему свѣту, и вслѣдъ за этимъ я и оба мои товарища вскочили на ноги, пораженные, почти испуганные. Сплошная завѣса снѣга разорвалась въ вышинѣ, и оттуда, прямо надъ нашими головами, точно въ круглое окно глядѣлъ на нась огромный утесъ, черный, тяжелый, опушенный снѣгомъ, и съ листовницами на вершинѣ. Впечатлѣніе было такое, какъ будто кто-то огромный и мрачный тихо раздвинулъ снѣговую тучу и угрожающе смотритъ сверху на кучку людишекъ, маленькихъ и беззащитныхъ, затерявшихся на пустынномъ островѣ.

Мгновеніе... окно закрылось, утесъ исчезъ, какъ мимолет-

ный кошмаръ, но снѣгъ уже пришелъ въ движеніе и неся мимо, волнуясь и колеблясь. Опять въ этой колеблющейся пеленѣ мелькнулъ разрывъ, другой, чаще и шире, и черезъ нѣсколько минутъ весь горный берегъ выступилъ передъ нами въ поражающемъ величіи...

Огромныя базальтовыя скалы стояли у самой воды, возвышаясь вершинами вровень съ хребтомъ. Тутъ были столбы, колонны, арки, крѣпостныя стѣны съ зубцами, башни, мосты, пещеры, гроты, фасады причудливыхъ зданій, разбросанныхъ по гигантскому склону гигантскими формами, все это опущенное по выступамъ бѣлыми каймами снѣга, облитое лучами заходящаго солнца, погруженное въ мертвое молчаніе и величіе невообразимой первобытной красоты...

А послѣдніе столбы снѣговой тучи мчались мимо, какъ остатки какой-то призрачной арміи...

Ничего прекраснѣе этого зрѣлища я не видѣлъ никогда въ своей жизни. Но, взглянувъ на лица ямщиковъ, я прочелъ на нихъ лишь отвращеніе.

— Камнями этими поманили отцовъ нашихъ, — сказалъ Фролъ. — Въ нихъ, говорить, золота, лопатами гребя... Поди, возьми его! Однако, братцы, ѣхать пора... Бери, Микеша, весла...

— А во-онъ—Островскій идетъ,—указалъ Микеша, когда мы вышли на откосъ берега...

Подъ огромными горами, на освѣтлѣвшейся и залитой косыми лучами вечерняго солнца береговой полоскѣ опять виднѣлась маленькая черная точка...

Долго еще послѣ этого плыли мы или тянулись лямкой по темной рѣкѣ. Послѣдніе лучи заката давно погасли, горы утонули въ густомъ сумракѣ, рѣка какъ будто притаилась между смутными берегами, и всплески нашихъ веселъ одни нарушали очарованное молчаніе, отдаваясь чуткимъ эхомъ заснувшихъ ущелій... Вверху было глубокое, темное небо, внизу—таинственно мерцающая глубина... И до сихъ поръ еще, порой, я вижу во снѣ эту темную рѣку, и смутныя отраженія рѣдкихъ звѣздъ, и эти горы, похожія въ темнотѣ на тучи, и нашу лодочку, покачиваемую невидимой волной великой сибирской рѣки... И на меня вѣтъ отъ этихъ воспоминаній глубокою, неизобразимою словами печалью. Откуда она—я сказать не могу... Отголосокъ-ли невозвратнаго прошлаго, смутное мерцаніе пройденнаго уже пути жизни? Или это опредѣленная человѣческая грусть этихъ станочниковъ, обреченныхъ караулить на дикихъ берегахъ пестрые казенные столбы и камни?..

— Огонь!—радостно сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

Дѣйствительно, за поворотомъ, навстрѣчу намъ засверкала на берегу живой огонекъ костра подъ темными скалами. Поровнявшись съ нимъ, мы увидѣли лодку Островскаго, но у костра онъ, очевидно, былъ не одинъ: на свѣтломъ фонѣ виднѣлась фигура недавно встрѣченныхъ нами бродягъ. Одинъ изъ нихъ выводилъ хриплымъ голосомъ какую-то пѣсню.

Заслышавъ плескъ весель, Островскій взглянулъ въ темноту, закрывши глаза рукой отъ костра, и потомъ, поднявшись, сошелъ на берегъ.

— Ага! Это вы?—сказалъ онъ.—Ого-го! И Микеша съ вами...

— А вы, Островскій, нашли себѣ товарищей,—сказалъ я.

— Ребята теплые!—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой въ голосѣ.

— Не совсѣмъ только подходящая компанія для дѣвочки...

— Ни-и-чего!—отвѣтилъ онъ увѣренно...—Го-го! Островскаго никто не обидитъ, а за Анюту, горло перерву!..

— Островской! Куда ушелъ? Съ кѣмъ ты тамъ разговариваешь?—крикнулъ одинъ изъ бродягъ отъ костра.

— Молчи! Не твое дѣло!—грубо отвѣтилъ ему Островскій и, опять обращаясь къ намъ, прибавилъ:

— Думаете, пропаду?.. Нѣтъ, не пропаду... Былъ дуракъ, чуть не пропалъ... Ха! Думалъ святую землю работать, другихъ научить, какъ за нею ходить надо... Спасибо, самого научили!

— Островской—дьяволъ!—послышалось опять съ берега и одинъ изъ сидѣвшихъ зашевелился...

— Однако, вы лучше проѣзжайте,—сказалъ Островскій.—Товарищи мои выпили...

Фроль быстро двинулъ лодку багромъ, и она нырнула съ нами изъ освѣщеннаго пространства въ темноту.

— Храни Господи,—сказалъ старый ямщикъ.—Жиганъ нынѣ голодный, какъ волкъ. На станкахъ не подаемъ мы... А водку жрутъ...—прибавилъ онъ съ удивленіемъ и, пожалуй, завистью...

Мнѣ показалось, что Островскій тоже былъ слегка выпивши. Мы отѣхали сажень тридцать, когда съ берега слышался пьяный голосъ бродяги.

— Микеша! А, Микешъ! Желторотой. На волю хочешь?

— Молчи ты, пьяный!—сказалъ сурово Островскій.

— Ну, ничего, не сердись, Островскій, я, вѣдь, любя... Микешъ!.. Мике-ешъ, Микешенька,—катилось еще долго надъ сонной рѣкой, перемежаясь пьянымъ хохотомъ. Ямщики молча налегали на вѣсла, и огонь скрылся...

Ночь продолжала тихо ползти надъ Леной. Взошла луна, красная, какъ кровь, и опять закатилась для насъ за вер-

шину близкой горы. Съверная Медвѣдица спустилась низко, все растягиваясь и выростая... Потомъ смутное облако поглотило рѣдкія звѣзды, а наша лодка все плыла... И я какъ-то не спохватился, какъ мы еще разъ перерѣзали рѣку, и лодка зашуршала килемъ по песку.

Берегъ былъ пустъ. За широкой береговой отмелью лежала полоса горъ, молчаливыхъ и сонныхъ...

Ямщики сложили весла, стали въ лодкѣ, приставили руки къ щекамъ, и надъ пустыннымъ берегомъ, будя ночные отголоски, понесся протяжный крикъ:

— Аг-ы-ы-ы...

Фроль кричалъ, видимо надрывая старую грудь, Микеша тянулъ свободно, полнымъ и звучнымъ голосомъ. Никогда еще я не слыхалъ подобныхъ звуковъ изъ человѣческой груди... Крикъ былъ ровный, неустанный и гулкій, точно тягучій отголосокъ огромнаго колокола... Это былъ обычный призывъ съ берега къ спящему за отмелью отдаленному станку.

— Аг-г-гы-ы... ям-щики!

Старикъ сорвался глухимъ хрипомъ и болѣзненно закашлялся.

— Э-эхъ,—сказалъ онъ съ горечью,—сѣла у меня голосъ рѣка-матушка.

Микеша продолжалъ кричать, не останавливаясь для передышки...

— Идутъ,—сказалъ, наконецъ, Фроль.

Дѣйствительно, за отмелью мелькнули огни фонарей, и Микеша тоже смолкъ. Но тотчасъ-же со стороны рѣки, изъ-за горы, какъ бы въ отвѣтъ на крикъ ямщика—раздался такой же протяжный крикъ, только чудовищно громкій и глубокій, точно сказочное чудовище проснулось въ какомъ-нибудь таинственномъ ущельи. Всѣ мы невольно вздрогнули...

— Пароходъ сверху бѣжитъ,—сказалъ первымъ опомнившійся Фроль.

Вскорѣ въ глубинѣ темной ночи слышались частые гулкіе удары, и на рѣку, сверкая огнями, выплылъ пароходъ съ двумя барками. Микеша быстро вскочилъ въ лодку и отступилъ отъ берега, кинувъ Фролю его узелъ. Черезъ минуту лодку едва можно было разглядѣть на темныхъ волнахъ Лены.

— Прощай, Микеша!—крикнулъ я вдогонку.

— Проща-ай!—донеслось въ отвѣтъ изъ темноты.

— Варнака къ варнаку тянетъ,—съ презрѣніемъ сказалъ Фроль.—Къ жиганамъ, видно, пристанетъ.

— А ты развѣ не зналъ, зачѣмъ онъ у тебя вымѣниваетъ лодку?—сказалъ я.—Зачѣмъ же уступилъ?..

Фроль отвѣтилъ не сразу.

— Хорошо-ли бумагу писалъ? Крѣпко-ли?—спросилъ онъ черезъ минутѹ.—Станочники чисто собаки. Не отдадутъ, пожалуй.

Въ это время къ намъ подошли станочники съ фонарями, и всѣ мы, молча, смотрѣли, какъ пароходъ, повернувъ къ намъ оба огня, бѣжалъ какъ будто прямо къ нашему берегу... Мнѣ показалось, что подъ лучемъ пароходнаго огня мелькнула на мгновеніе черною тѣнью лодка Микеша...

— Кто на рѣкѣ?—спросилъ одинъ изъ ямщиковъ.

— Микеша,—отвѣтилъ Фроль торопливо.—Со мной прѣхалъ, да вишь сейчасъ отсунулся.

— Пошто?

— Я развѣ знаю?.. Ничего не говорилъ. А видно опять въ бѣга снарядился.

— Въ бѣга, такъ пошто за барку зачалился?—сказалъ опять пришедшій ямщикъ, зоркіе глаза котораго пронизывали темноту тамъ, гдѣ я ничего не видѣлъ.

— Съ жиганами видно стакнулся. Жиганы повыше камней почувютъ.

— Ну, инъ видно такъ,—равнодушно подтверждали ямщики. Нѣкоторое время они слѣдили за поворачивавшимися огнями парохода, какъ бы обсуждая, что принесетъ имъ съ собою эта рѣдкая еще на Ленѣ новинка: облегченіе суровой доли и освобожденіе или окончательную гибель...

Оба огня на кожахъ исчезли, и только три звѣздочки на мачтахъ двигались еще нѣкоторое время рядомъ, подъ черною тьмою высокихъ береговыхъ горъ... Потомъ и онѣ угасли... Надъ Леною лежала непроницаемая ночь, молчаливая и таинственная...

Недѣли черезъ двѣ, съ тѣми-же остановками и спорами, мы все еще двигались кверху по замерзающей Ленѣ, когда насъ догналъ знакомый почталіонъ, встрѣченный нами еще подъ Якутскомъ и теперь возвращавшійся обратно. Сообщая различныя новости пройденнаго уже нами пути,—онъ рассказъ, между прочимъ, что на нѣсколько станковъ ниже Батамая оголодавшіе бродяги ограбили было проѣзжаго купца. Согнали народъ и устроили облаву. Варнаки отсиживались въ пещерѣ, отстрѣливаясь камнями, но, въ концѣ концовъ, сдались. Съ ними попался и молодой ямщикъ, убѣжавшій съ Титаринскаго станка.

— А Островскаго съ ними не было?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Онъ отсталъ отъ нихъ раньше.

— Неужели Микеша участвовалъ въ грабежѣ?

— Кто его знаетъ. Самъ онъ говорить, что участвовалъ,

но ни купецъ, ни бывшій съ нимъ ямщикъ его не видѣли. А бродяги смѣются: „такъ, говорятъ, припутался къ намъ желторотый зря“...

Мнѣ казалось, что я понялъ Микепу: онъ, очевидно, думалъ, что, если ему удастся выбраться „за горы“ черезъ острогъ, то это будетъ крѣпче, и станочники его уже не достанутъ, какъ свою собственность, обратно... Да и самъ онъ, долгимъ общеніемъ съ „умными“ и бывалыми людьми,—надѣялся, вѣроятно, просвѣтиться...

Сбылись-ли эти мечты молодого станочника, я не знаю...

Вл. Короленко.

КОРОЛЬ КЛОНДАЙКА.

Романъ Р. Озіа-Тюренна.

Переводъ съ французскаго В. К.

VI.

Фортъ св. Михаила, 27 іюня 1897 года.

Въ тѣ недавнія времена, которыя теперь уже представляются давнопрошедшими, Аляска,—подобно Сибири, сестрѣ своей по ту сторону Берингова пролива,—была лишь ледяною тюрьмою: каждое лѣто раскрывались ея двери, чтобы принять извѣстное число несчастныхъ; два или три судна привозили ихъ изъ Калифорніи въ фортъ св. Михаила, къ устью Юкона, а отсюда они уже на колесахъ отправлялись внутрь страны, распредѣляясь по полярнымъ поселкамъ, каковы: Фортъ-Юконъ, Серкль-Сити или Форти-Майль.

Подъ безпредѣльнымъ небомъ, по безконечной дорогѣ шли они наудачу по ледянымъ горамъ, по глубокимъ долинамъ, на четыре мѣсяца пробуждаемымъ солнцемъ, и рылись въ землѣ, чтобы не умереть съ голоду, ибо находимаго ими золота хватало какъ разъ на покупку съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ за двѣ и болѣе тысячи верстѣ, но не хватило бы на возвращеніе домой. За то у нихъ была надежда, которой лишены сибирскіе каторжники: они *знали*, что наступитъ день, когда ихъ кирка ударится, наконецъ, о желанныя сокровища. Да, они знали это, какъ знаешь то, что гдѣ-то вкругъ насъ существуетъ Богъ; и эта единственная мысль, въ которой сосредоточивалась вся ихъ душа, вся ихъ жизнь, это ожиданіе, эта вѣра побуждали ихъ бодро выдерживать самое жалкое существованіе до той минуты, пока морозъ не успокоивалъ ихъ больные мозги и не усыплялъ тѣмъ сномъ, который излѣчиваетъ отъ всякихъ недуговъ.

Въ Санъ-Франциско, столицѣ золота и хорошенькихъ женщинъ, не забывающей о своемъ прошедшемъ, нерѣдко толковалось о томъ таинственномъ сѣверѣ, на рубежѣ котораго въ 1880-мъ году канадцу Юсифу Жюно попался золотиносный кварцъ. Его участокъ, проданный за двѣ тысячи франковъ, превратился въ тотъ знаменитый Тредвелъ, гдѣ сотни пестовъ, останавливаясь только на Рождество, раздробляютъ каждые сутки до полутора тысячи тоннъ камня. Туристы уносили въ своихъ головахъ гулъ отъ стоновъ руды, разбиваемой, размалываемой, превращаемой въ пыль за то, что она богата. Этотъ стонъ преслѣдовалъ ихъ во все время безмятежнаго плаванія вдоль прибрежныхъ фюрдовъ и непрерывно твердилъ тѣмъ, чьи отцы открыли сокровища Калифорніи: „Что за этими горами, среди которыхъ исчезъ Жюно? Его больше не видали... а индѣйцы толкуютъ о рѣчкахъ, у которыхъ дно выстлано тяжелыми желтыми камнями, и о вулканахъ, извергающихъ *ком-юкъ* — руду, по всей вѣроятности, золотую или мѣдную“...

Въ 1897 году тѣ же старинные слухи оживились съ новою силою, хотя ничто какъ будто не оправдывало ихъ. Въ то утро, когда Томъ Тильденъ сѣлся вмѣстѣ съ Патрикомъ О'Хара на „Эксцельсіоръ“, пароходъ Тихоокеанскаго Общества, — Фредъ Симсъ, калифорніецъ, который посовѣтовалъ ему попытать счастья на Юконѣ, крикнулъ ему на прощанье:

— Желаю удачи!.. Возвращайтесь къ намъ миллиардеромъ и со всѣми зубами въ цѣлости!... Доллары теперь идутъ къ намъ съ сѣвера!

Бывшій городской прервалъ его рѣчь; стоя рядомъ со своимъ хозяиномъ, или, вѣрнѣе, со своимъ товарищемъ, онъ кидалъ въ воздухъ шляпу, при чемъ каждый разъ ревѣлъ:

— Ура, ребята! Впередъ, къ богатству! Эй, не робѣть!

„Ребята“, которые молча жевали табакъ, наконецъ, заразились его воодушевленіемъ. Этотъ толстякъ, такой живой и здоровенный, безъ сомнѣнія, заслуживалъ успѣха. Поднялись руки, шляпы, платки завѣяли въ воздухъ и, наконецъ, раздался крикъ:

— Браво!... Найди-ка жилу, молодчикъ!... Да оставь немножко и прочимъ!.. Ура, Фриско!

„Эксцельсіоръ“, повернутый къ сѣверо-востоку маленькимъ сильнымъ буксирнымъ пароходикомъ, началъ бить винтомъ по зеленой водѣ, отплывая въ страну бѣлыхъ медвѣдей и ледяныхъ горъ. Приподнявъ одну лапу, устремивъ желтые глаза въ безпредѣльность, Катонъ сидѣлъ на корабельномъ носу, вдыхая въ себя свѣжій вѣтеръ. Патъ обернулся къ Тильдену и спросилъ:

— Почему тотъ господинъ пожелалъ вамъ сохранить въ цѣлости зубы? Они у васъ, кажется, еще прочнѣе моихъ.

Томъ не далъ отвѣта: подобно собакѣ, онъ глядѣлъ на сѣверъ и, чтобы проникнуть взоромъ сквозь туманъ, радъ былъ бы отдать десять лѣтъ крѣпости и здоровья, десять лѣтъ жизни, даже... даже, пожалуй, проведенныхъ съ Аэлидою! Между тѣмъ, именно ради нея онъ желалъ богатства,—того богатства, которое потерялъ по ея винѣ. По крайней мѣрѣ, онъ такъ думалъ; и въ теченіе дней бездѣлья, когда его тихо качали волны океана, именно эта мысль—объ Аэлидѣ или о золотѣ, о золотѣ или объ Аэлидѣ, онъ и самъ не могъ разобратить, такъ какъ уже не могъ отдѣлить одно отъ другого,—помогла ему пережить ужасную душевную реакцію.

Онъ упалъ со слишкомъ значительной высоты, чтобы не остаться оглушеннымъ надолго. Какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, онъ при самомъ вступленіи въ жизнь потратилъ столько энергіи, что испытывалъ ея недостатокъ какъ-разъ въ ту минуту, когда потребность въ ней была всего сильнѣе. Возбужденіе при сборахъ, волненія вслѣдствіе принятаго рѣшенія заставили его забыть, или, вѣрнѣе, мѣшали вспомнить о „черной пятницѣ“, о томъ, какъ онъ достигъ богатства и какъ еще быстрѣе потерялъ его. Очутившись наединѣ съ самимъ собою, посреди океана, вмѣстѣ съ сотнею искателей приключеній, отъ которыхъ онъ еще отличался руками или манерами, и увидѣвъ передъ собою во плоти то самое, во что онъ превратится вскорѣ, онъ пришелъ въ ужасъ отъ своего предпріятія. Кто можетъ изгнать изъ его головы воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ? Возможно-ли будетъ сносить жизнь, не переставая внутренно исходить кровью при мысли о томъ, что невозвратно? Онъ пристально глядѣлъ на глубокую воду: вечеромъ, подъ сороковымъ градусомъ широты, она отливала перламутровымъ блескомъ, который фантастически освѣщалъ плясавшихъ тюленей, тоже направлявшихся къ Берингову морю. Эти животныя были такъ счастливы жизнью! Насколько счастливѣе его, животного разумнаго, одареннаго не только тѣломъ, но и... Ну, прочь этотъ дешевый катехизистъ!

Мокрая морда толкала его руку: Катонъ желалъ, чтобы его приласкали. О'Хара, подошедшій вслѣдъ за нимъ, окончательно прервалъ раздумье Тома.

— Г-нъ Тильденъ!.. Сколько нужно денегъ, чтобы быть счастливымъ?

Томъ встрепенулся, а потомъ засмѣялся:

— Это смотря!..

— По чему?

— По тому, какая у кого жена.

Оба съ минуту помолчали; наконецъ, Пать проговорилъ:
— Охъ, ужъ моя-то жена... Бѣдная старуха бываетъ до-
вольна кускомъ хлѣба, если только я съ нею!..

Томъ не отвѣтилъ ничего, но ясно представилъ себѣ ту,
которая общала ему себя въ день его раззоренія, и невольно
подумалъ: — Такъ зачѣмъ-же мы плывемъ въ Аляску?

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора, Эксцельсіоръ пере-
сѣкъ 54-ю параллель, чтобы причалить въ Уналашкѣ. Эти
гигантскіе черные утесы, на которые льютъ свои слѣзы всѣ
тучи неба, являются воротами невѣдомаго, нѣкогда русскаго
моря, раздѣляя двѣ Сибири, Азіатскую и Американскую, почва
которыхъ одинаково изобилуетъ могилами людей и залежами
золота. Когда оставишь за собой эти ворота, то мало-по-малу
начинаютъ выплывать изъ морскихъ волнъ очертанія „Ве-
ликой запредѣльной страны“ *); показывается островъ Руни-
вакъ, похожій на исполинскую черепаху, спящую на водѣ,
затѣмъ—оконечность мыса Романцова, откуда пускаются въ
своихъ каякахъ эскимосы „иннуиты“ на рыбную ловлю. На-
конецъ, вотъ—громадная дельта луговъ или, скорѣе, зеленыхъ
болотъ, прорѣзанныхъ черными водами царя полярныхъ рѣкъ.
Это—Юконъ, который по зимамъ замерзаетъ до шестидесяти
футовъ въ глубину. На другой день, наши аргонавты под-
плываютъ къ форту св. Михаила, гдѣ основали свои главные
квартиры „Аляскаинская Торговая Компанія“ и „Сѣвероамер-
и-канская Компанія“. Эксцельсіоръ бросаетъ якорь и ждетъ
первой лодки, которая проберется по рѣкѣ между льдинъ.

25 іюня описываемаго 1897 года, настоящая буря гонить
къ югу всѣ ледяныя горы изъ пролива; короткія, упругія
волны этихъ неглубокихъ морей достигаютъ до устья Юкона,
подхватываютъ „*Портусъ Виръ*“, находящійся посреди дельты,
и чуть не увлекаютъ его въ океанъ, гдѣ онъ непремѣнно бы
потонулъ. Поэтому, когда, два дня спустя, онъ причаливаетъ
у форта св. Михаила, матросы Эксцельсіора не очень удив-
ляются крикамъ радости, раздающимся съ этого судна. Безъ
сомнѣнія, эти добрые люди торжествуютъ свое возвращеніе
къ жизни, которая еще разъ побѣдила смерть на предатель-
скомъ Беринговомъ морѣ. Какого страха они должны были
натерпѣться, чтобы такъ кричать при входѣ въ гавань! Гля-
дите-ка! Вонъ тамъ двое пляшутъ на палубѣ! Совершенно
какъ медвѣди на пловучей льдинѣ! Въ самомъ дѣлѣ, они
сошли съ ума!..

Да, они совсѣмъ помѣшались... Когда ихъ орѣховая

скорлупа поравнялась съ пароходомъ, у нихъ всѣхъ раскрываются рты, всѣ эти старатели, почти лишившіеся дара слова въ своей глуши, кричатъ и рычатъ, махая руками по воздуху и дѣлая ими совершенно непонятные телеграфическіе знаки. Эскимосскія собаки, опираясь двумя лапами о бортъ и вертикально задравъ морду, вопять громче своихъ хозяевъ, и по временамъ изъ всего этого гама вырывается слово, два странныхъ слога, все одни и тѣ-же: „Клон-дайкъ... Клон-дайкъ!“

Наконецъ, водворяется относительное молчаніе. Приставивши рупоръ къ губамъ, капитанъ Эксельсиора кричить этимъ бѣсноватымъ:

— Эй, вы! Что у васъ тамъ такое? Горите-вы, что-ли?

Раздается взрывъ хохота, производящій странное впечатлѣніе. Затѣмъ на корму выскакиваетъ какая-то человѣческая фигура; ея лохмотья хлопаютъ по вѣтру, но голосъ—основательный голосъ—кричитъ въ отвѣтъ:

— У насъ миллионы. Мы нашли...

Товарищи не даютъ ему договорить: его утаскиваютъ назадъ. Онъ прицѣпляется къ первому, кто попался, и, обнявшись, они вновь начинаютъ вальсировать подъ тактъ волшебнаго припѣва: „Клон-дайкъ!.. Клон-дайкъ!“ На берегу, разбуженные этимъ шумомъ, эскимосы выползли изъ своихъ норъ и выстроились въ рядъ—отцы, матери, дѣти, атлетическія фигуры, лоснящіяся отъ рыбьяго жира,—вытаращили глаза подъ космами волосъ и смотрятъ на блѣдныхъ призраковъ съ сѣвера.

— *Пилтонъ!*—бормочатъ они.

Это означаетъ по-чинукски, т. е. на франко-англо-русскомъ жаргонѣ сѣверо-запада: „они сошли съ ума!“ Старателямъ это все равно. Они—настоящіе скелеты: длинные волосы, небритыя бороды плохо скрываютъ ужасное истощеніе. Съ перваго взгляда О'Хара потрясенъ этимъ зрѣлищемъ, какъ только подошелъ посмотрѣть на нихъ вмѣстѣ съ Тильденомъ. Въ Нью-Йоркѣ полиція арестовала бы ихъ за одну внѣшность!

И что за грязныя лохмотья!..

Вдругъ, одинъ изъ этихъ оборванцевъ обращается къ нему съ рѣчью:

— Нѣтъ-ли у васъ кусочка табаку?

— Есть. Вотъ на-те!.. Такъ, значить, вы нашли немножко золота?...

Оборванецъ произноситъ два ругательства и прибавляетъ:

— Есть у васъ въ карманѣ миллионъ долларовъ?

— ? ? ?

— Нѣтъ? Ну, это все равно... потому что, если бы и было, все равно не хватило бы, чтобы купить мой участокъ на Бо-

нанцѣ... А насъ здѣсь двѣсти, изъ которыхъ у каждаго по-
столюку же. Правда, Вильямсъ?

— Я думаю! Еще останется и другимъ, коли они не слиш-
комъ опоздають!... Только надо брать съ собою съѣстнаго,
много съѣстнаго. За Сёркль-Сити совсѣмъ нечего ѣсть... Есть
у васъ луковицы на Экцельсіорѣ? Я далъ бы пять долларовъ
за сырую луковицу.

— Что такое?...

— У него цынга,—объяснилъ первый оборванецъ.—Свѣжія
овощи ему полезны... хотите взглянуть на мое золото?

Патъ идетъ за нимъ въ каюту, гдѣ, сидя на жестянкахъ
изъ-подъ керосина, на ящикахъ изъ-подъ консервовъ, на вы-
долбленныхъ чурбанахъ, три человѣка курятъ и играютъ въ
покеръ. Поперекъ коекъ, повѣшанныхъ на разстояніи двухъ
съ половиною футовъ другъ надъ другомъ, лежатъ карабины.

— Эй, вы!—кричитъ имъ товарищъ.—Вотъ я вамъ при-
велъ человѣчка, который хочетъ посмотрѣть, чтобъ повѣрить.

Они встали всѣ вмѣстѣ, и Патъ увидѣлъ золото повсюду,
во всѣхъ этихъ посудинахъ, въ одѣялахъ, связанныхъ за
концы, даже на полу, по которому его разсыпала качка; и въ
каждой изъ шестидесяти каютъ „Портуса Вира“ заключались
тѣ же кучи золотыхъ самородковъ. Отъ одного вида этихъ
неслыханныхъ богатствъ кровь начинала обращаться быстрее,
опьяненіе невѣроятнаго успѣха ударяло въ голову, и всѣ
начинали кричать:—Ура! Ура, Клон-дайкъ! Богатѣйшее мѣсто
на свѣтѣ! Сокровищница царицы Савской! Въ Сёркль-Сити
нѣтъ больше никого! Въ Форти-Майлѣ осталось всего двое
бѣлыхъ!... Ура, Бонанца! Эльдорадо — все изъ золота! Ура,
Даусонъ-Сити!

О, что за фантастическій хоръ! Берри и его счастливая
звѣзда Этель везутъ шестьсотъ тысячъ франковъ! Андерсонъ,
босоножка изъ Фриско, везетъ четыреста тысячъ! Станлей,
отверженный въ Нью-Йоркѣ, добылъ пятьсотъ тысячъ! Кле-
менсъ—двѣсти пятьдесятъ! Кулю, Карелэ, Пикотъ, Берже-
венъ, Дероше и другіе, вчера бѣдные, сегодня такъ богаты!...
О, какъ восхитительно звенить ихъ золото! Какъ и тѣло, и
кровь, и душа оказываются ничтожными передо владыкою
міра!

— А самые богатые изъ насъ,—говорили они,—еще оста-
лись въ рудникахъ, потому что они всѣхъ жаднѣе!

Патъ О'Хара такъ пьянъ, какъ никогда не бывалъ на ве-
черинкахъ на 109-й улицѣ, а такъ какъ онъ великодушнѣе,
то ходитъ изъ каюты въ каюту и угощаетъ изъ своей бутылки
водкою всѣхъ вплоть до каюты 11-ой, гдѣ оказывается юноша;
который лежитъ на золотѣ и отвѣчаетъ ему: „Нѣтъ“, не
открывая больныхъ глазъ.

— Выпейте, выпейте! Вамъ будетъ лучше,—настаиваетъ Патъ добродушнымъ тономъ пьяницы.—Что у васъ такое?

— У меня больше денегъ, чѣмъ я успѣю истратъ до смерти.

— Но, когда такъ...

— Оставьте меня въ покоѣ, слышите! Какъ и всѣ на свѣтѣ, я испыталъ удачу и неудачу.

Говоря это, онъ приподнялъ голову; Патъ разглядѣлъ его ротъ; тамъ, вмѣсто зубовъ, были только дыры и черные сгустки крови. Онъ понялся въ ужасъ: цыга сразу отрезвила его. Онъ вспомнилъ напутственное пожеланіе Фреда Симса, понялъ его и схватился за ручку двери.

— Желаете вы чего-нибудь?

— Есть у васъ шоколадъ?

— У меня въ каютѣ на Эксельсіорѣ его десять фунтовъ.

Юноша приподнялъ вѣки: внезапно въ глазахъ его сверкнула искра, точно послѣдній блескъ почти потухшаго костра.

— Бѣгите за нимъ! Вотъ вамъ...

Онъ пошарилъ подъ одеяломъ, захватилъ пригоршню золота и протянулъ посетителю приблизительно на сто долларовъ. Патъ беретъ и, взбудораженный, бѣжитъ прочь. Онъ натывается на группу, которая смотритъ на драку трехъ собакъ: двухъ эскимосскихъ, а третьей — пронзеннаго ихъ клыками Катона.

— Катонъ, сюда! Убирайтесь, дикія собаки!

— Возьмите вашу блоху,—кричитъ одинъ старатель,—иначе ее сожрутъ живо! Собаки не кормлены уже четыре дня.

Ихъ растаскиваютъ, и Катонъ оказывается полумертвымъ. Его хозяинъ оборачивается къ группѣ миллионеровъ:

— Что-же это значитъ? Развѣ тамъ у васъ мрутъ отъ голоду и люди, и скоты? Что-же это за дьявольскій край?—

Наступило молчаніе; потомъ неизвѣстно чей голосъ произнесъ:

— Вы вѣрно сказали: это—чертовскій край! Вотъ что это такое!

При видѣ этихъ горящихъ глазъ, этихъ лицъ, истомленныхъ малокровіемъ и голодомъ, этихъ кровоточащихъ ртовъ, которые невольно открываются за пищу, ирландецъ ощутилъ трепетъ сытаго человѣка. Онъ схватилъ свою собаку подъ мышку, побѣжалъ въ каюту юноши, сунулъ ему его золото и произнесъ очень быстро, не глядя:—Возьмите назадъ самородки, у меня остается мой шоколадъ. Своя рубашка ближе...

Онъ не кончилъ, потому что ему стало стыдно, и вернулся на Эксельсіоръ разсказать о невѣроятномъ открытіи въ Клондайкѣ. За его потокомъ ненужныхъ словъ скрывался

ужасъ, о которомъ онъ умалчивалъ, но который выглядывалъ изъ каждой фразы, какъ тѣ чудовища, пугающія дѣтей въ кошмарахъ, которыя подходятъ все ближе и сейчасъ ихъ...

Вдругъ онъ умолкъ посреди фразы: съ берега сквозь мелкій дождь, который въ фортѣ св. Михаила идетъ въ теченіе трехсотъ шестидесяти дней въ году, донесся собачій лай... Вотъ опять: слушайте!... Тамъ, за этой ледяной горой... что-то голодное, вѣчно голодное, вопить и вопить...

Настороживъ уши и прихрамывая, Катонъ поднялся, понюхалъ вѣтеръ и съ разбѣгу бросился въ море.

— Боже! Онъ утонулъ!.. Катонъ, сюда, Катонъ!.. Бросьте ему спасательный кругъ!

Бывшій городской перевѣсился черезъ перила, какъ будто тоже собираясь кинуться въ воду. Его удержали, тѣмъ болѣе, что желтый песъ превосходно умѣлъ плавать: онъ уже почти у берега, хотя кончикъ его морды ежеминутно покрывался волнами. Вылѣзши на песокъ, онъ отряхивается и глядитъ на *Эксельсиоръ*, какъ бы въ нерѣшимости.

— Катонъ! Катонъ!

Онъ собирается плыть назадъ, чтобы вернуться къ хозяину, но унылый лай вторично доносится изъ тумана, и лабрадорскій песъ, данный Тильдену и О'Хара на счастье, скрывается изъ виду, скача на трехъ лапахъ... Слышно только капанье дождя въ пустомъ пространствѣ.

Патъ ушелъ и кинулся на кровать; ему больше не хочется ни кричать, ни курить, ни пить. Любовь у него такъ болитъ!... Цынга, водка, миллионы, Катонъ, убѣжавшій неизвѣстно куда, край свѣта и, между льдинами и береговыми утесами, унылое низкое небо, въ которое чуть не упираешься макушкой, — все это звенить, гремѣть, кружится у него въ головѣ и надо всей этой кутерьмой звучить послѣднее восклицаніе разумной женщины:

— Скотина ты, скотина! Ну сможешь-ли ты пьянѣй напиться, когда добудешь свое проклятое богатство?...

VII.

Робертъ Д'Азэ.

Съ той поры, какъ онъ получилъ способность разсуждать, ему твердили, что французская нація одряхлѣла и клонится къ упадку; англичане говорили: *a decaying nation*, и французы повторяли за ними тоже. Конечно, ея прошлое было грандіозно, но это было прошлое, свойственное тѣмъ

временамъ, когда другіе народы, болѣе молодые и сильныя, еще не вышли на свѣтъ Божій; что же касается настоящаго или будущаго, о немъ если приходилось говорить, то лишь за тѣмъ, чтобы согласиться между своими, что оно будетъ подобно судьбѣ Польши. Правда, въ эти послѣдніе годы кое-какіе отпрыски главнаго французскаго ствола показались въ трехъ частяхъ свѣта; но имъ суждено развиваться для другихъ, по примѣру Канады, такъ какъ Франція никогда не умѣла колонизировать. Наконецъ, чтобы лучше убѣдить его во всемъ этомъ (ибо въ двадцать лѣтъ даже французамъ свойственны странныя иллюзіи), ему перечислили, раздѣлили на категоріи и тщательно охарактеризовали всѣ недостатки его расы, а кромѣ того, чтобы дать пищу для размышленія, дали прочесть тѣ ученые труды, переведенные на десять языковъ, которые онъ впоследствии встрѣчалъ даже въ портахъ Алеутскихъ острововъ, и гдѣ преимущества чужестранцевъ были доказаны съ математической точностью.

Случилось какъ-то такъ, что человѣка, получившаго подобное воспитаніе, двадцатилѣтняго старика, Роберта Д'Азэ, вдругъ обуяло стремленіе къ независимости: въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ своимъ, что хочетъ покинуть родину, но не по волѣ правительства, въ качествѣ чиновника, и даже не въ роли „охранителя“ крупныхъ коммерческихъ выгодъ, а на собственный страхъ и рискъ, отвѣчая только передъ самимъ собою, Робертомъ Д'Азэ, одиннадцатымъ въ родѣ. Растерявшаяся семья принялась бомбардировать его тѣми тысячами и одной пословицами, которыя препятствовали многимъ поколѣніямъ сползти съ родимой перины. Развѣ катящийся камень обрастаетъ мохомъ?.. Все приходитъ во время тому, кто умѣетъ ждать!.. Ахъ, счастливъ

Тотъ, кто дома обитаетъ,
Мирно денешки считаетъ!

Кромѣ того, одинъ весьма величественный дядя заговорилъ о какой-то „протекціи“, при помощи которой можно выхлопотать ему „мѣсто“, — мѣсто, этотъ идеаль законнаго честолюбія, ибо имъ обезпечивается ужинъ и ночлегъ... Что же касается прочаго, то одинъ изъ его кузеновъ сталъ увѣрять, что отыщетъ ему дѣвицу съ приданымъ, такъ что можно будетъ прожить счастливо, какъ папаша и мамаша, тридцать лѣтъ милоясь въ гнѣздышкѣ... Только не нужно такой кучи ребятъ, а довольно одного или двухъ по ученію мудраго Мальтуса!

Но этотъ безумецъ ничего не захотѣлъ слушать, не обратилъ даже вниманія на министерскій циркуляръ, ко-

торый, опасаясь духа бродяжничества, предостерегалъ тридцать шесть тысячъ общинъ: „берегитесь золотой горячки въ Америкѣ!.. Вамъ толкують о Клондайкѣ? Вы тамъ ляжете костями“.

Робертъ сказалъ себѣ, что смерти все-равно не минуешь, а пока лучше жить надеждою, чѣмъ покорностью: развѣ его предокъ, основатель ихъ рода, такъ долго раздумывалъ и мямлилъ передъ тѣмъ предпріятіемъ, которымъ добылъ средства, прокормившія затѣмъ восемь поколѣній его потомства?

Хотя времена теперь инныя, однако главная пружина всякаго успѣха осталась та же: твердая воля. Думая, что онъ ею обладаетъ, онъ въ одинъ прекрасный день собрался въ далекую Аляску и, поссорившись со всѣми своими, съ нѣсколькими тысячами франковъ въ карманѣ отправился на поиски за американскими сокровищами.

Онъ узналъ ужасную тревогу, охватывающую человѣка на пути къ неизвѣстному. Онъ испыталъ захватывающее духъ волненіе, вступивъ на чужую землю, доводящее до безумія чувство затерянности, оторванности отъ родины въ тотъ моментъ, когда уходитъ корабль, небрежно выкинувъ людей на берегъ. Чтобы окончательно подавить эти жалкіе отбросы стараго материка, здѣсь къ небесамъ вздымались гигантскія каменныя глыбы, по которымъ ползали миллионы хлопотливыхъ муравьевъ; надъ головою проносились фантастическіе поѣзда, бросавшіе тѣнь на дорогу Роберта, и онъ ходилъ въ пустынь среди трехъ миллионовъ человѣкъ... Ахъ, какъ у него стыло сердце среди враждебныхъ или насмѣшливыхъ лицъ отъ безучастія этой дѣятельной толпы, не хотѣвшей потерять десяти секундъ, чтобы разобрать его неправильный, ученическій англійскій лепетъ! Даже, тотчасъ по прибытіи, онъ сталъ тосковать по небѣ Франціи, вспоминать о тѣхъ умныхъ людяхъ, которые проводили его проклятіями, ударять себя въ грудь, повторяя пословицы, мудрость народовъ: какъ всѣ они были правы!

Затѣмъ, мало-по-малу, — такъ какъ его молодое сердце кричало ему по восьмидесяти разъ въ минуту, что оно-то хочетъ не умирать, а вырабатывать кровь, чтобы бороться и торжествовать,—онъ поднялъ голову, набралъ въ легкія электризующаго воздуха Новаго Свѣта, и въ него вселился новый духъ, обратившій въ бѣгство стародавнюю цивилизацію, которая съ колыбели дѣлаетъ муміями потомковъ долго жившихъ расъ. Робертъ увидѣлъ бѣлые дворцы, возводимые въ царственномъ городѣ республики сыномъ нищаго, выброшеннаго Берлиномъ двадцать лѣтъ назадъ; онъ обошелъ университетъ и паркъ—щедрѣйшіе дары бывшаго кузнеца ихъ южной Франціи; лабиринтъ воздушныхъ желѣзныхъ путей

оказывался дѣломъ одного человѣка, который нѣкогда чистилъ сапоги прохожимъ на углу 6-го проспекта и теперь, чтобы очевидное убѣдиться въ громадности пройденнаго разстоянія, время отъ времени усаживался на ящикъ своего преемника. „Почистить, баринъ!“—вопилъ маленькій негръ, и „баринъ“ отвѣчалъ утвердительно, провѣряя съ хронометромъ въ рукѣ полетъ своихъ воздушныхъ поѣздовъ... И всюду, на каждой улицѣ чудовищнаго города, другіе факты, воспоминанія другихъ удачъ вставали передъ Робертомъ и брали его за руку, помогая идти впередъ, все впередъ въ борьбѣ за жизнь. „Того, что сдѣлали они, вчерашніе нищіе, почему бы не сдѣлать тебѣ, сегодняшнему нищему? Здѣсь всѣ шансы равны для всѣхъ!“

Все это звучало напѣвомъ въ головѣ молодого человѣка, пока онъ пересѣкалъ материкъ отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско, гдѣ онъ сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ сѣверную Мекку... Въ Клондайкъ! Съ одного конца Америки до другого одно это слово воспламеняло мозги; настоящая армія шла на приступъ за сокровищами, очевидныя доказательства существованія которыхъ были приведены „Португомъ Виромъ“ девять мѣсяцевъ тому назадъ. Итакъ, онъ сошелъ съ корабля не одинъ, а вмѣстѣ съ сотнями другихъ галлюцинатовъ, когда доплылъ до Скагея, пограничной стоянки, игравшей уже съ годъ роль американскаго сторожевого поста на Линновомъ каналѣ. Интенсивная сила жизни разсылала потоки крови по его жиламъ; безъ сомнѣнія, ея одной было достаточно для оправданія его заморскаго предпріятія; онъ начиналъ чувствовать себя на высотѣ обстоятельствъ.

Впрочемъ, только благодаря подобной экзальтаціи, можно было остаться въ живыхъ среди хаоса, среди ужасающей сутолоки этихъ ежедневныхъ высадокъ изъ Ноевыхъ ковчеговъ въ часы приливовъ, когда уровень воды повышался на тридцать футовъ. Прибавьте чрезвычайныя претензіи г-на Мура, построившаго единственную набережную, по которой каждую минуту проходили человѣкъ, собака, лошадь или корова. Онъ изобрѣлъ тарифъ, который впослѣдствіи былъ увѣковѣченъ однимъ изъ спутниковъ Роберта Д'Азэ, Ж. Секретаномъ, въ воспоминаніяхъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ, приходилось платить за то:

Чтобы взглянуть на набережную . . .	1	долларъ.
Чтобы передохнуть на набережной . .	1 ³ / ₄	„
Чтобы плюнуть на набережной . . .	2	„
Чтобы пройти по набережной . . .	2 ¹ / ₂	„
За разговоръ съ человѣкомъ, говорящимъ, что знаетъ набережную . .	2 ³ / ₄	„

Чтобы поставить чемоданъ на набе-
режную 3 доллара.
Чтобы поднять оный и уйти съ набе-
режной 4 „

Муръ нажилъ миллионы; подобно другимъ, Робертъ Д'Азэ оставилъ въ когтяхъ этого изобрѣтательнаго благодѣтеля половину своихъ наличныхъ денегъ. Затѣмъ, не останавливаясь въ поселкѣ, онъ принялся взбираться на знаменитый Чилькутъ вмѣстѣ съ тридцатью тысячами другихъ двуногихъ вьючныхъ животныхъ, покряхтывавшихъ подъ десяти тысячнымъ запасомъ харчей. Далѣе, вѣтеръ съ озеръ сталъ подталкивать санки, которыя онъ везъ по льду, уже покрытому весенними трещинами, а когда онъ миновалъ то мѣсто, гдѣ точно въ котлѣ кипятъ пороги Бѣлой Лошади, его подхватила рѣка Сорока-Восьми-Километровъ при выходѣ изъ озера Лабержъ и, бѣшено промчавшись, выкинула при впаденіи Теслина. Большая часть его спутниковъ осталась у озеръ, пережидая половодіе. Онъ же поплылъ по Юкону, начинавшему выходить изъ береговъ, а восемнадцать дней спустя, какой-то дикарь, косматый, бородатый, почти такой же грязный, какъ индѣйцы Тагишъ, затыгивалъ побѣдную пѣсню, разбирая на правомъ берегу рѣки надпись: „Даусонъ-Сити, двѣ мили. Берегитесь теченія“.

Царица золота и льда, къ тебѣ приближался только лишній нищій, одинъ изъ предшественниковъ той великой арміи, которая стремилась къ берегамъ твоимъ. И до тебя донесся крикъ, который съ той поры такъ часто повторяли твои отголоски:

— Наконецъ-то!..

Робертъ даже прибавилъ:

— Теперь стоитъ только нагнуться...

За чѣмъ? Онъ даже не договорилъ. Ибо, прежде чѣмъ взяться за дѣло, онъ хотѣлъ избавиться отъ нестерпимаго жирового привкуса, который оставался у него во рту послѣ трехмѣсячнаго питанія консервами и саломъ. Не смотря на перемѣну въ наружности, онъ сохранилъ привезенныя съ родины желудочныя свойства: постоянное стремленіе къ ѣдѣ и питью. Онъ заглянулъ въ свой кошелекъ: на днѣ его блестяли два золотыхъ—сорокъ долларовъ,—чего должно было хватить на хорошій обѣдъ въ лучшемъ ресторанѣ Даусона и на выпивку послѣ того. И развѣ у него не было въ лодкѣ, какъ и у другихъ, запаса пищи на цѣлый годъ? Слѣдовательно, онъ могъ отправиться въ „Эльдорадо“ и съ трепетомъ удовольствія уѣхать за столъ; несомнѣнно, Христофоръ

Колумбъ обѣдалъ не съ лучшимъ аппетитомъ 8-го октября 1492 года.

За этотъ райскій часъ предстояла жестокая расплата. Архангель съ огненнымъ мечемъ появился въ тучномъ образѣ Генриха Оппенгейма, господина въ бѣломъ жилетѣ съ часовой цѣпочкою изъ золотыхъ самородковъ на американско-нѣмецкомъ брюшкѣ.

— Сколько?—спросилъ Робертъ.

Генрихъ сдѣлалъ величественный жестъ, выразившій безразличіе.

— Вздоръ! Сорока трехъ долларовъ будетъ довольно.

Языкъ будущаго золотоискателя вдругъ присохъ у него къ гортани. Помолчавъ съ минуту, онъ пробормоталъ:

— Не будете-ли вы такъ добры написать мнѣ счетъ?

— Счетъ? Ну, да! вы—пріѣзжій изъ Стараго Свѣта, оно видно... Что жъ, можно! Заплатите лишній долларъ за труды... Погодите, напишу.

Минуту спустя молодой человѣкъ съ отчаяніемъ пробѣгалъ слѣдующій счетъ:

Коробка устрицъ	10	долларовъ.
$\frac{1}{2}$ утки	4	"
Лосиное жаркое	3	"
Бутылка французскаго вина	25	"
Кофе	1	"
Написаніе счета	1	"

44 доллара.

Прочитавъ, провѣривъ и перечитавъ, онъ вытащилъ свой кошелекъ изъ оленьей кожи. Это былъ какъ разъ тотъ, который онъ купилъ для своихъ будущихъ находокъ. Не говоря ни слова, онъ вытряхнулъ его передъ Оппенгеймомъ.

— Деньги не всѣ!—замѣтилъ послѣдній, начиная выходить изъ терпѣнія.—Не хватаетъ четырехъ долларовъ.

Робертъ взялъ зубочистку, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Знаю... У меня больше нѣтъ ни гроша. Мнѣ очень жалъ; но у меня цѣлая куча припасовъ, и я готовъ...

— Никогда въ жизни!.. Что же вы ихъ не ѣли, вмѣсто того, чтобы являться сюда грабить честнаго человѣка?

— Могъ-ли я себѣ представить, что у васъ такія цѣны?

Затѣмъ, начиная также терять хладнокровіе, онъ прибавилъ:

— Изъ насъ двоихъ настоящій-то грабитель ужъ, конечно, не я.

Оппенгеймъ грубо ударилъ его прямо по рту, Робертъ кинулся на него. Оба покатались на полъ. Почти тотчасъ

ихъ розвѣляли старатели, которые до тѣхъ поръ прислушивались къ перебранкѣ, не вмѣшиваясь въ нее. Одинъ очень старый канадецъ, по прозванію „*банкиръ*“, котораго кликнули съ улицы, заговорилъ:

— Если вы желаете драться, Генрихъ, и вы, молодой незнакомецъ, то деритесь по-людски, а не по-собачьи... Пусть отодвинуть столы, вы возьмете каждый по свидѣтелю, а я буду судьей. Раздѣнитесь, по правилу, до пояса. Совать другъ другу песокъ или пальцы въ глаза не дозволяется, имѣйте въ виду!

Тридцать лѣтъ бродяжничества по Аляскѣ и, въ концѣ концовъ, находка богатѣйшей изъ мѣстныхъ розсыпей дѣлали „*банкира*“ человѣкомъ безспорно авторитетнымъ. Нѣсколько фразъ, какъ: „Хорошо сказано? Его правда!“ произнесенныхъ въ отвѣтъ на его обращеніе, были краснорѣчивѣе восторженныхъ восклицаній подъ южнымъ небомъ. Содержатель ресторана понималъ: публика хотѣла развлечься зрѣлищемъ драки. Онъ посмотрѣлъ на своего противника, замѣтилъ его нѣсколько тонкую шею, орлиный носъ, руки съ кистями узкими, какъ у женщины,—его же руки были сущіе томагавки по пятнадцати сантиметровъ въ обхватъ въ мѣстѣ прикрѣпленія кисти; только, стоя у плиты, онъ началъ обзаводиться брюшкомъ, а у того, напротивъ, была превосходно развитая грудь.

—Я согласенъ,—сказалъ онъ.—Джудъ, хотите быть моимъ свидѣтелемъ?

Робертъ Д'Азз, только что снявшій сорочку, услышалъ позади себя отвѣтъ, данный протяжнымъ голосомъ на эскимосскій ладъ:

— *Y—a—os!*—

Въ свою очередь, онъ обратился къ зрителямъ:

— Я здѣсь никого не знаю... Кто хочетъ быть моимъ свидѣтелемъ?

Отвѣта не было. Во второй разъ, со времени пріѣзда въ Америку, молодой человѣкъ испыталъ ужасное ощущеніе, точно онъ тонетъ. Потомъ онъ нѣсколько прибодрился, покрѣпче затянулъ поясъ пантолонъ и вдругъ замѣтилъ у себя на груди ладонку, привезенную съ родины.

Ему опять показалось, что всѣ станутъ смѣяться надъ нимъ. Во всю свою недолгую жизнь онъ считалъ себя выше заботы объ общественномъ мнѣніи, и вотъ, однако, почувствовалъ неловкость подъ взглядами шестидесяти глазъ. Онъ уже поднялъ руку, собираясь снять ладонку, но услышалъ слѣдующія слова:

— Оставь ее, сынокъ!.. Вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Патрикомъ О'Хара... и что я буду твоимъ секундантомъ, если

хочешь... она принесетъ тебѣ счастье! У меня тоже есть ладонка, куда мнѣ жена зашила часть „Тѣла Христова“.

— Это нечестно: слѣдуетъ снять все до пояса!—важно крикнулъ Джудъ.

Патъ принялся картавить, какъ умѣютъ только одни ирландцы:

— Въ самомъ дѣлѣ? А откуда же начинать, мой ученый другъ? Сверху или снизу?

Варивъ смѣха быть таковъ, что Джудъ, произнеся замысловатая ругательства, тотчасъ же удалился за водою и полотенцами. Онъ хорошо сдѣлалъ, потому что ничто въ мірѣ не могло бы унять разошедшагося Пата:

— А вы еще не знаете, что это за штука!.. Только католики, какъ мы съ нимъ, знаемъ этотъ секретъ... Съ этимъ мы всегда можемъ успѣть покаяться. Не такъ ли, молодой человѣкъ?... Сверхъ того, боксировать-то я умѣю до тонкости и говорю вамъ, ребята, что на ладонки нѣтъ запрещенія въ правилахъ маркиза Квинсбюри!

Съ какимъ удареніемъ онъ сослался на высокоблагороднаго лорда, артиста благороднѣйшаго изъ мужскихъ искусствъ! Запусти онъ въ своихъ слушателей громаднымъ фоліантомъ названнаго вельможи, впечатлѣніе не получило бы сильнѣе. Даже „банкиръ“ одобрительно кивнулъ:

— Патъ правильно сказалъ!

Драка началась подъ тактъ секундъ, отбиваемыхъ часами банкира. Время отъ времени раздавался его голосъ, точно вопль какого-то полярнаго привидѣнія: „*Time!* валяйте!“... — „*Time!*... разоидитесь!“... и слышалось перерывистое дыханье борцовъ. Зрители застыли въ неподвижности, точно покойники.

Съ первой же „схватки“ стало ясно, что если Оппенгейму мѣшаетъ одышка, за то Азе не имѣетъ понятія о боксѣ. Съ чисто латинскимъ стремленіемъ поразить зрителей и произвести эффектъ, онъ началъ съ того, что промахнулся въ нѣсколькихъ прямыхъ ударахъ и получилъ три или четыре почтенныхъ плюхи по зубамъ. Тогда онъ началъ колотить, забывши все на свѣтѣ. Когда наступилъ перерывъ, Патъ, не смотря на ладонку, спросилъ:

— Гдѣ это вы учились боксу?—

— Я совсѣмъ не учился,—отдуваясь, отвѣтилъ Робертъ.

— Святая Матерь Божія! Такъ зачѣмъ же вы деретесь?

— Пусть меня чортъ возьметъ, если я знаю!.. Я не могъ съ нимъ расплатиться...

Въ Дублинѣ родятся съ ненавистью къ „лэндлордамъ“ и всякимъ предпринимателямъ вообще. О’Хара не былъ исключеніемъ изъ этого правила.

— Понимаю,—сказалъ онъ.—Онъ виноватъ, и, чтобъ его

отдѣлать, я скажу вамъ средство... Закройте ротъ, стисните зубы, раскройте глаза и валяйте его прямо по носу, пока не расквасите совсѣмъ. Но сначала засуньте въ карманъ вотъ это: мнѣ всегда помогало.

Онъ сунулъ ему кусокъ краденной веревки, связанной въ пять узловъ—три и два. Робертъ всталъ и вернулся драться. Веревоочный талисманъ помогъ ему не болѣе, чѣмъ крики его взволнованнаго секунданта:

— По носу, не слишкомъ высоко!.. По рту, чтобы унять!.. Эй! это не по правиламъ...

Не смотря на свое проворство, молодой человѣкъ, припертый въ уголъ, не успѣлъ увернуться отъ удара въ животъ и присѣлъ; Оппенгеймъ далъ ему по уху, и Робертъ упалъ къ ногамъ торжествующаго врага. Даже въ этомъ захолустьѣ не смолкали отзвуки „Кроваваго Года“, и, можетъ быть, въ эту минуту французу всего болѣе было то, что его побѣдилъ именно нѣмецъ.

Онъ очнулся въ палаткѣ Тильдена. Патъ махалъ на него салфеткой, и брызгалъ ему водою въ лицо. Но какой онъ былъ угрюмый! Роберту даже послышалось, будто онъ ворчитъ:

— Однако, парень-то—не уродъ. Гдѣ жъ это его учили?.. Въ какой-нибудь бесплатной школѣ, думаю, гдѣ и за плату ничему не научать!.. Видѣли вы, Тильденъ? Онъ только погладилъ эту колбасу Оппенгейма! Можно было, поклясться, что онъ боится собственныхъ кулаковъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите вы мнѣ, чему жъ это учать дѣтей во Франціи?

И Робертъ Д'Азе, который уже въ бреду не отличалъ Европы отъ Америки,—Робертъ, харкая кровью, пролепеталъ слабымъ голосомъ, прежде чѣмъ вторично лишиться чувствъ:

— Баккалавръ... словесныхъ... наукъ...

— Это что еще?—крикнулъ О'Хара.—Что за чертовщину онъ лопочетъ?—Отвѣта не было. И кто могъ бы его просвѣтить въ этой странѣ дикарей?

VIII.

Эльдорадо, № 16.

Двадцать четыре года назадъ, Жюно получилъ отъ своихъ друзей, у Св. Павла Отшельника, чрезвычайно замысловатую трубку. Она состояла изъ двухъ частей, вставлявшихся одна въ другую: внутренней, которую онъ мѣнялъ каждые два года, когда она прогорала отъ табаку, и вѣшной, всегда одной и той же, изображавшей лѣснаго охотника, у котораго изъ рта выходила лента съ надписью: „Это я—Жюно!“

Онъ терялъ ее неоднократно въ теченіе своихъ странствій по берегамъ Аляски, но она каждый разъ возвращалась къ хозяину, благодаря этой надписи, такъ что теперь онъ чуть не приписывалъ ей волшебной силы, по примѣру индійцевъ, и берегъ ее, какъ зеницу ока, Ее-то онъ и курилъ въ избѣ Бушѣ, подъ № 16 въ Эльдорадо, на другой день послѣ поединка между Оппенгеймомъ и Робертомъ. Синеватые кружочки дыма, которые онъ равномерно выпускалъ, сливались подъ потолкомъ избы съ тѣми, которые пускалъ его пріятель, сидя съ нимъ рядомъ, и оба молча вспоминали о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ когда-то вмѣстѣ. Ставши почти неразлучными, оба старика такъ проводили дни свои съ тѣхъ поръ, какъ счастье улыбнулось имъ. Жюно, который всегда былъ расточителенъ и у котораго участокъ № 23 на Бонанцѣ былъ гораздо менѣе богатъ, чѣмъ у товарища, нанималъ для работки своей розсыпи троихъ человѣкъ изъ четверти барыша. Бушѣ, владѣніе котораго было, по слухамъ, золотымъ дномъ (никто не бывалъ въ его единственной шахтѣ, кромѣ того, кто помогалъ рыть ее: шведа, давно умершаго),—Буше почти не выходилъ изъ своей берлоги и никого не нанималъ для раскопокъ.

— Зачѣмъ мнѣ выкапывать золото?—говорилъ онъ.—Оно въ землѣ-то цѣлѣе, чѣмъ въ банкѣ!.. Когда нужно, мнѣ стоить только слѣзть за нимъ внизъ, захвативши съ собою ведро.

Это казалось невѣроятнымъ; но приходилось вѣрить при видѣ золотыхъ самородковъ, которые онъ вытаскивалъ во множествѣ, когда хотѣлъ. Впрочемъ, и остальные участки вдоль этого Ручья Виппля были такъ богаты, что старатели перекрестили его въ Эльдорадо, подъ каковымъ названіемъ онъ и прославился.

Когда чья-нибудь фizioномія нравилась Буше, то его щедрость становилась поразительной; суммы, которыя онъ отпускалъ, вмѣстѣ съ тайной, облакавшей его шахту, доставили ему славное прозвище банкира. О немъ ходили самые фантастическіе рассказы, какъ у костровъ индійцевъ Чилькутъ или Тагишъ, такъ и въ Сѣркль-Сити, Скагеѣ и Дайсѣ.

Къ этому-то оригиналу Тильденъ привелъ Роберта Д'Азз, когда они убѣдились, что лодка молодого человѣка со всѣми запасами исчезла въ то время, какъ онъ наканунѣ совершалъ свои подвиги. Рѣшительно его новая жизнь начиналась при печальныхъ предзнаменованіяхъ. Едва войдя, онъ узналъ распорядителя своей гомерической битвы и не могъ удержаться отъ жеста изумленія. Но Бушѣ усадилъ его на мамонтовый клыкъ, когда-то вытасченный изъ его шахты, и объявилъ:

— Мнѣ все рассказали про васъ. Это мнѣ напомнило о томъ времени, когда у меня даже не было такой крѣпкой одежды, какая на васъ сейчасъ. Вамъ необходимы деньги, чтобы купить запасовъ на тѣ два года, въ теченіе которыхъ вы будете пытаться счастье... Хотите, я вамъ дамъ?

Голосъ канадца былъ грубъ и вполне соответствовалъ манерамъ стараго отшельника. Азѣ, захваченный врасплохъ, чуть не воскликнулъ: „За кого вы меня принимаете?“ Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разинуть ротъ, разсудокъ въ немъ превозмогъ самолюбіе, и у него въ головѣ мелькнуло: „А за кого я принимаю себя самъ? Чтѣ у меня есть въ карманѣ?“

— Вы очень добры. Принимаю съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.—Вы согласны, конечно, что это будетъ заемъ и что я заплачу вамъ проценты?

Бушѣ разсердился:

— Я не раздаю денегъ подъ проценты такимъ неимущимъ, какъ вы!.. А если вамъ не нравятся мои слова, тѣмъ хуже! Ужъ таковъ я, значить, есть! Я больше набѣдывался, чѣмъ вы, и знаю, каково это бываетъ!

Онъ всталъ, вытащилъ изъ-подъ кровати деревянную чашку, отворилъ люкъ посреди пола и сталъ спускаться по лѣстницѣ, приставленной къ краямъ отверстія; вскорѣ онъ исчезъ во тьмѣ, а изумленный Робертъ наклонился надъ этимъ ледникомъ. Стѣны, дѣйствительно, были изъ чистаго льда; на нихъ тамъ и сямъ выступами выдавались кости доисторическихъ чудовищъ, съ которыхъ сочилась по каплѣ вода: можно было подумать, что эти скелеты, которые въ теченіе тысячи вѣковъ,—съ тѣхъ поръ, какъ были закинута сюда исполинскими конвульсіями земного шара,—ждали здѣсь открытія Клондайка, теперь оплакивали расхищеніе сокровищъ, порученныхъ ихъ охранѣ.

Внизу показался слабый красноватый лучъ, который тотчасъ и погасъ; Бушѣ зажегъ свѣчу, и вскорѣ послышались удары его кирки, очевидно, изъ какого-нибудь бокового туннеля. Жюно вынулъ трубку-талисманъ.

— Садитесь,—сказалъ онъ.—Жила тверда, а Бушѣ старъ. Онъ управится не ранѣе получаса.

Между тѣмъ, дверь внезапно распахнулась, и кто появился на порогѣ? Господинъ Оппенгеймъ, собственной особой, болѣе цвѣтущій, чѣмъ когда-либо. Сначала онъ никого не замѣтилъ, кромѣ Жюно, къ которому обратился по англійски.

— „Банкиръ“—то здѣсь?

— Да, онъ внизу. На что онъ вамъ?

— Пришелъ взять займы... Мнѣ нужны деньги для небольшой спекуляціи, и я подумалъ: „Отчего не дать трудя-

щемся человѣку, каковъ я, чѣмъ награждать банкирскія конторы въ Даусонъ“?

Трубка-талисманъ дрогнула и упала на колѣни своего обладателя. Тѣмъ не менѣе, Жюно не сказалъ ни слова, и Оппенгеймъ благосклонно продолжалъ:

— Нечего и говорить, что я дамъ ему всяческія обезпеченія... Можетъ быть, вы не узнали меня? Я — господинъ Оппенгеймъ.

Съ того дня, какъ Оппенгеймъ приобрѣлъ отъ казны, т. е. отъ правительства, свой участокъ на Бонанцѣ, онъ, по выраженію канадцевъ, сдѣлался бариномъ.

Не то, чтобы его розсыпь содержала въ себѣ необычныя богатства: она была даже хуже, чѣмъ у Жюно; но она дала ему возможность построить въ Даусонъ первый ресторанъ, гдѣ можно было грѣться бесплатно зимою. Сюда же примыкалъ кабакъ съ игорною залою, гдѣ за угощеніе ничего не брали съ серьезныхъ игроковъ, т. е. съ тѣхъ, кто садится за зеленый столъ, кладя передъ собой мѣшокъ или два золотыхъ самородковъ и ложку для вычерпыванія содержамаго этихъ мѣшковъ. Сверхъ того, Генрихъ сталъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ *Push'a*, этого спрута, который опуталъ весь Даусонъ своими вѣчно жаждущими крови щупалами, давилъ его и высасывалъ ежемѣсячно по... неизвѣстно сколько милліоновъ... ради вящей чести, чести англо-саксонской администраціи. Главные заправилы, входившіе въ его составъ... Но я не стану сейчасъ разсказывать о ихъ подвигахъ: исторія еще слишкомъ нова. Скажемъ только, что Оппенгеймъ былъ однимъ изъ главарей и что его самодовольство въ эту пору процвѣтанія становилось достойнымъ его тѣлесной округлости.

Жюно, который вновь принялся за трубку, ногою столкнулъ въ люкъ кусокъ кварца, весь горѣвшій блесками золота. Внизу удары мотыки прекратились, и Бушѣ откликнулся:

— Эй, что тамъ такое?

Жюно отвѣтилъ своимъ чудеснымъ американско-першеронскимъ выговоромъ:

— Одинъ человѣкъ хочетъ занять денегъ.

— Сколько?

Оппенгеймъ наклонился въ свою очередь:

— Сто одиннадцать тысячъ долларовъ на три мѣсяца изъ...

Бушѣ перебилъ его:

— Жюно! Это англичанинъ?

— Да.

— Такъ скажи ему, чтобъ подождалъ. Я дамъ ему, если захочу. На всякій случай наберу ведро вмѣсто чашки.

Генрихъ сѣлъ на постель хозяина и оглядѣлся, вокругъ.

Узнавши Роберта, до этой минуты безмолвнаго, онъ всталъ и съ добродушіемъ побѣдителя протянулъ ему руку:

— Ахъ, это вы? Безъ претензій, не правда-ли?

Робертъ заложилъ руки за спину.

— Расточайте ваши рукопожатія другимъ, а у меня руки чистыя.

Впослѣдствіи Томъ неоднократно насмѣхался надъ этимъ отвѣтомъ, который всегда приписывалъ чисто-французской досадѣ или зависти. Пожелай онъ такъ же строго проанализировать самъ себя, онъ, пожалуй, открылъ бы у себя въ душѣ чисто-американское восхищеніе *Push*’емъ и банковыми билетами Оппенгейма.

Какъ бы то ни было, выходъ Бушѣ изъ люка привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Старый рудокопъ тащилъ на плечѣ ведро руды, или, вѣрнѣе, золота, что стало очевидно когда, удивленный присутствіемъ нѣмца, старикъ разронялъ свою ношу по полу: часть покатила въ подполье вслѣдъ за кускомъ кварца, который былъ брошенъ Жюно, остальное рассыпалось у ногъ сидѣвшихъ.

Бушѣ разинулъ ротъ, какъ будто проглотилъ что-то, не хотѣвшее идти ему въ горло, и съ непритворнымъ усиліемъ произнесъ:

— Это вы, Генрихъ Оппенгеймъ, у меня?

— Да. Ну такъ что-жь?

Прошло триста двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ предки старика отплыли изъ Нормандіи въ „Канадскую Землю“ на царскихъ корабляхъ; но ихъ коварство еще жило у него въ крови. Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ сдѣлалъ два шага къ своему изголовью, приподнялъ нижнюю подушку, вытащилъ изъ подъ нея карабинъ Винчестеръ и только тогда повернулся къ „*господину Оппенгейму*“. Жюно, Тильденъ и Азэ встали; онъ сдѣлалъ имъ знакъ садиться и заговорилъ почти шопотомъ:

— Значить, я точно *васъ* видѣлъ вчера! Вы неизмѣнны... А я уже не тотъ, какъ три года назадъ, въ тотъ день, когда вы бросили старика околѣвать здѣсь...

— Какъ? Такъ это были вы...

— Да, я. А вотъ камень, на которомъ лежала моя голова, когда я исходилъ кровью, пока вы бѣжали захватывать мою долю!.. Видите, сколько золота куплено моею кровью?.. Это вѣдь было здѣсь, надъ шахтою, которую я выкопалъ потомъ, и гдѣ, слава Богу, лежитъ больше миллионовъ, чѣмъ когда-либо наворуетъ *Push*... Вы видѣли? Вы теперь вспомнили? Жюно, отвори дверь!

— Если участокъ оказался такимъ богатымъ, то вы должны благодарить меня!

— Вонъ! Убирайтесь! Не показывайтесь больше сюда,

Оппенгеймъ, или клянусь Св. Анной, я буду стрѣлять въ васъ, какъ въ волка!

— Ладно!—проворчалъ кабатчикъ, начиная отступать.—Будетъ вамъ, нечего такъ драть горло!.. Пусть бы чортъ поскорѣй побралъ васъ, Бушѣ: вы для этого достаточно стары и злопамятны! Что же касается вашего друга, за которымъ остались мои деньги...

Робертъ наклонился, поднялъ самородокъ и кинулъ его нѣмцу:

— Нате, получите! По одному счету сквитались. По другому сквитаемся потомъ. За мною, повѣрьте, не пропадетъ!

— Когда угодно. Ахъ, какое у васъ тутъ чудесное собрѣище полуумныхъ, честное слово!

Но немного подальше, на этой самой дорогѣ къ Эльдorado, по которой день и ночь проходили сотни и сотни старателей, Генрихъ Оппенгеймъ встрѣтилъ еще полуумнаго, на этотъ разъ настоящаго, шедшаго повидаться съ тѣми, что остались въ № 16.

Это былъ Ричардъ Випплъ. Его волосы побѣлѣли съ того дня, какъ, послѣ двухъ бутылокъ водки, онъ продалъ *Push* у, на прилавкѣ того же кабатчика, за четыре тысячи франковъ наличными, тотъ самый участокъ, на которомъ покупатели добыли потомъ три милліона, еще не исчерпавши розсыпи. Послѣ этой продажи, Випплъ взялъ другой участокъ, за участкомъ Бушѣ, на *Irish-Gulch*’ѣ, небольшомъ притоцѣ Эльдorado; онъ ничего не нашелъ въ первой шахтѣ; но когда вырылъ вторую, то его пріятель увидѣли, что онъ бѣжить съ горы и кричить:

— Я напалъ на золото! Богаче, чѣмъ у Бушѣ!.. Охъ! Охъ Охъ!..

Тотчасъ толпами кинулись на *Irish-Gulch*, давили другъ друга, чтобъ туда добраться и воткнуть колья прежде другихъ, а два старателя даже зарубили другъ друга топорами. Когда съ грѣхомъ пополамъ возстановился порядокъ, всѣ побѣждали взглянуть на открытіе Виппля. Тотъ, сидя на землѣ, прижималъ къ груди громадныя булыжники и тискалъ ихъ въ объятіяхъ, крича:

— Это—золото!.. Ужъ его-то я не продамъ!.. Охъ!.. охъ!.. охъ!..

Чтобы опять не услышать непріятнаго крика этого помѣшаннаго, получеловѣка, полузвѣря, Оппенгеймъ ускорилъ шаги. Випплъ попросилъ у него поѣсть; онъ протянулъ ему одинъ изъ тѣхъ морскихъ сухарей, которые въ то время замѣняли на Юконѣ хлѣбъ, и тотъ пошелъ къ Бушѣ, повторяя свой вѣчный стонъ:

— Охъ!.. охъ!.. охъ!.. Посмотрите на мое золото! Какое оно вкусное!

Въ избѣ были только хозяинъ да Жюно, и мысли, ихъ обуревавшія, были не изъ миролюбивыхъ. Оба ненавидѣли Оппенгейма съ *Push'емъ*. При видѣ ихъ первой жертвы, внезапная мысль осѣнила Бушѣ; онъ схватилъ вошедшаго въ охапку и, пристально глядя ему въ глаза, произнесъ:

— Випплъ... хочешь я за тебя продамъ твой участокъ?

— Нѣтъ... онъ полонъ золота. Я оставлю его себѣ, какъ вы, Бушѣ. У меня вѣдь отняли тотъ. Охъ!..

— Да, мы съ Жюно это знаемъ. Но вѣдь мы-то—не изъ *Push'a*... Если его продать, то у тебя набьются полные карманы денегъ, чтобы уѣхать на югъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь я богатъ. Я дѣмъ золото. Посмотрите!

— Вотъ, на говядины: она вкуснѣе. Подпиши эту бумагу, и я отдамъ тебѣ ее. Она вкуснѣе, право.

— Нѣтъ... я...

— Такъ отдай ее назадъ и ступай вонъ...

Сумасшедшій старикъ поднялъ на Бушѣ глаза, полные невыплаканныхъ слезъ; ужасно было видѣть выраженіе внутренней борьбы на его лицѣ, обрамленномъ длинными, грязными волосами. Бушѣ взялъ его за руку и заставилъ подписать, какъ ребенка, послѣ чего отдалъ ему говядину. Несчастный принялся хохотать, засунулъ ее въ карманы, напихалъ большими кусками въ ротъ и пошелъ въ свою берлогу, на *Irish Gulch*. Время отъ времени, прерывая жеваніе, онъ повторялъ:

— Какое вкусное золото! Ахъ! Какое вкусное!

Между тѣмъ Жюно обратился къ Бушѣ:

— Послѣ увидишь, старина... Въ тотъ день, какъ я скатился съ Золотаго Холма, одинъ Ричардъ Випплъ сжалился надо мною. Я у него въ долгу, какъ и у прочихъ. Ты мнѣ поможешь расквитаться... А пока дай мнѣ подумать и одолжи твоего доброго табачку.

Робертъ Д'Азѣ собрался въ Даусонъ вмѣстѣ съ Тильде-номъ, чтобы закупить новой провизіи. Онъ рѣшилъ вступить въ компанію съ бывшимъ биржевикомъ и съ эксъ-городовымъ, на тѣхъ-же условіяхъ, какъ Макъ-Дональдъ: давать равное количество труда и харчей и пользоваться пятою частью прибыли съ ихъ Боульдерской розсыпи, когда въ ней найдется золото.

Дѣйствительно, хотя этотъ притокъ Бонанцы находился въ мѣстности, гдѣ уже всѣ участки были заняты, однако,

никто здѣсь не отрылъ—точноѣ будетъ сказать: не оттаялъ—ни одной золотой крупинки. Тѣмъ не менѣе, на Боульдеръ возлагались большія надежды, и по вечерамъ, протрудившись весь день напрасно, Томъ и О'Хара отправлялись подъ ручку къ сосѣдямъ запасаться тѣми иллюзіями, которыя старателю нужнѣе сна.

Что-же до Макъ-Дональда, то его исторія, хотя менѣе печальная, была сколкомъ съ исторіи Виппля: такъ же, какъ и тотъ, онъ не увѣровалъ въ Бонанцу въ эпоху открытія. Развѣ не въ сотый разъ присутствовалъ онъ при увлеченіяхъ такого рода? Поэтому, когда ему черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Форти-Майль стали давать три тысячи пятьсотъ франковъ за его участокъ, рядомъ съ участкомъ Жюно, онъ поспѣшилъ продать за эту цѣну.

Онъ раздѣлилъ деньги пополамъ: одну половину пропилъ въ часы печали, которая посѣщала его чаще, нежели прочихъ, а другую, повидимому, отослалъ въ Шотландію. Кому?—никто не зналъ, да и не интересовался узнать... Томъ Тильденъ, подъ лохмотьями старателя признавъ въ немъ равнаго, предложилъ ему однажды вступить съ нимъ въ компанію; но эти дѣловыя отношенія скоро смѣнились прочною дружбою, покровительственной со стороны нью-іорскаго джентльмена и признательной со стороны джентльмена пертскаго. Часто на днѣ своей шахты, откалывая съ товарищемъ руду, которую Патъ потомъ вытаскивалъ на канатѣ посредствомъ ворота, Макъ-Дональдъ приходилъ въ отчаяніе: на его старомъ участкѣ, на Бонанцѣ, нѣчего было залѣзть такъ глубоко, чтобы добраться до золота! Тамъ, кажется, ужъ добыли въ тридцать разъ больше, чѣмъ заплатили!.. Въ такія минуты Тильденъ совѣтовалъ ему вычеркнуть прошедшее изъ памяти: „Можно потерять цѣлую жизнь, оплакивая то, что уже не вернется“. Затѣмъ, онъ обращалъ его вниманіе на то обстоятельство, что его бывший № 24-й, вслѣдствіе одного изъ необъяснимыхъ перерывовъ золотоносной жилы, далеко уступаетъ № 23-му, принадлежащему Жюне: такимъ образомъ, по масштабу сдѣлокъ въ Клондайкѣ, его покупатель еще не могъ хвалиться исключительно выгоднымъ приобрѣтеніемъ.

Этотъ послѣдній доводъ особенно ободрялъ молодого шотландца. Тильденъ же выходилъ изъ себя:

— Да забудьте все это! Тѣмъ лучше для тѣхъ, кто сумѣетъ найти тамъ кладъ!.. А нашъ кладъ—вотъ подъ этой землею, слышите! Только скалистый пластъ тутъ лежитъ не на шестнадцать футовъ вглубь, а, пожалуй, на сто! Давайте разводить огонь, который намъ оттаетъ нынче ночью еще слой земли.

Итакъ, они отправились въ Даусонъ, всѣ четверо, для

тѣхъ закупокъ, которыя, дважды въ году, требуютъ отъ старателей величайшей сообразительности. Со времени открытія богатствъ въ Аляскѣ, разнообразіе коробокъ съ консервами и всякихъ фальсификацій возросло до безконечности: говядина изъ Чикаго, омары съ Новой Земли, озерная форель, банки Либиховскаго бульона, у которыхъ либиховскій только ярлыкъ, пироги изъ Тулузы, французскія или калифорнійскія овощи, южные ананасы, и проч. и проч.—все, что развиваетъ теплоту, какъ сало, энергію, какъ сахаръ или сахаринъ, питаетъ мозгъ, какъ яблоки,—словомъ, все что употребляется въ пищу, при чемъ не слѣдуетъ забывать противуцинготный шоколадъ, приготовленный съ лимономъ,—все это подвергаетъ старателя болѣе ужаснымъ искушеніямъ, нежели тѣ, которыя побѣдоносно преодолѣлъ св. Антоній. Качество продуктовъ, разумѣется, весьма различно; но чтобы угадать, хороши-ли они или отвратительны, требуется опытность, дорогого приобрѣтенная ко вреду собственнаго желудка, или хитрость, не дающая надуть себя цвѣтными рекламами на коробкахъ.

Старатели съ № 7, на Боульдерѣ были заняты выборомъ припасовъ въ складѣ *Аляскаской торговой компаніи*, вмѣстѣ со множествомъ другихъ золотоискателей, когда одинъ изъ нихъ привелъ въ дѣйствіе находившійся въ магазинѣ фонографъ. Это былъ первый фонографъ, привезенный на берега Юкона и привлекавшій каждый день многочисленную публику, потому что, за всунутый сбоку долларъ, онъ игралъ какую угодно арію. Послышался трескъ пружины, и крикливый голосъ объявилъ:—„*Blue bells of Scotland*“ *), исполненные такимъ-то для Колумбійской компаніи фонографовъ Нью-Йорка и Парижа.

Въ этой толпѣ, гдѣ было много горцевъ, вдругъ воцарилось глубокое молчаніе. Макъ-Дональдъ оставилъ коробки, которыя разсматривалъ, и повернулся къ волшебному инструменту. Что же это пѣло тамъ, тѣло или духъ? Что оплакивало всѣхъ уѣхавшихъ и звало отсутствующихъ! „Вернитесь! вернитесь на родину!“... Шотландскія горы встали передъ нимъ, воскресла память о любви и печали, о прахѣ предковъ, о ихъ здоровой и могучей жизни; потомъ ихъ смѣнила старинная резиденція шотландскихъ королевъ, красавица Пѣртъ, воспѣтая Оссіаномъ, Пѣртъ съ нѣжно-журчащими водами,—и гора Дуисиненъ съ замкомъ Макбета, озеро Катринъ, развалины старыхъ католическихъ церквей,—между тѣмъ какъ все рыдали, пѣли и звенѣли подъ полярнымъ не-

*) «Синіе шотландскія колокольчики» (пѣсня).

бомъ, среди енѣговъ, гдѣ затерялся блудный сынъ, колокольчики, синіе колокольчики Шотландіи!

IX.

Погоня за золотомъ.

Пріисковый комиссаръ, этотъ безымянный хозяинъ, держащій въ рукахъ всѣ золотоносныя россыпи по Юкону, сдѣлалъ въ это время главнымъ писемоводителемъ у себя въ конторѣ одного очень толковаго человѣка. Правда, послѣдній такъ же, какъ и его товарищи, явился въ Клондайкъ не для усовершенствованія своихъ нравственныхъ качествъ: болѣе неотложныя цѣли привлекали его вниманіе. Будучи родителемъ троихъ дѣтей, ради которыхъ, въ качествѣ хорошаго отца, ему приходилось беречь себя, онъ, вмѣсто того, чтобы рыскать по тундрамъ, кишацимъ милліардами москитовъ, покойно устроился за своею конторкою, вдали отъ льдовъ, гдѣ столько другихъ нашли богатство или смерть, и поджидалъ *случая*, которымъ нѣсколько разъ и воспользовался такъ, что по истеченіи года, когда его фокусы стали немного стѣснительными для хозяина, могъ удалиться отъ дѣла съ двумястами тысячъ долларовъ.

Случалось, стоитъ у его рѣшетки, прерывисто дыша, новый заящикъ. Если у него было открытое лицо безхитростнаго человѣка, котораго не трудно распознать, онъ заставлялъ его описывать въ подробностяхъ новооткрытую мѣстность, отбиралъ у него нѣсколько образчиковъ золота, добытаго изъ первой ямы, а потомъ закрывался громадной рукописью, которую принимался перелистывать такъ, что самые пронзительные взоры не могли ничего въ ней разобрать. Прочитавъ нѣсколько листовъ, онъ появлялся снова у окошечка, не скрывая утомленія человѣка, который за ничтожное вознагражденіе надрывается надъ чужой работой.

— Не угодно ли вамъ отложить до завтра окончательное утвержденіе вашего заявленія? Я буду имѣть его въ виду, но... только, кажется, въ этомъ районѣ была уже какая-то объявка...

— Только не на моемъ ручьѣ,—увѣряю васъ. Тамъ не было ни одного кола.

— Весьма возможно Я вполне готовъ вамъ вѣрить. Въ такомъ случаѣ вы получите права на ваше открытіе. Но вы мнѣ дайте денѣкъ, чтобы разобраться въ этой путаницѣ (первый вздохъ съ указаніемъ на списки). Они были плохо начаты, и мы теперь не знаемъ, какъ справиться (второй вздохъ).

Около восьмисотъ или девятисотъ старателей ждутъ очереди, и двадцати градусный морозъ заставляетъ ихъ находить время страшно долгимъ. — „Что онъ тамъ рассказываетъ?“ „Скоро ли же онъ кончить?“ Затѣмъ поднимается ропотъ, способный разстроить всякаго, и проситель отступаетъ, ругаясь, или призывая ангела-хранителя, смотря по темпераменту. Впрочемъ, результатъ въ обоихъ случаяхъ получался тотъ же: двадцать четыре часа спустя въ спискахъ значилось весьма ясно, что другой предварилъ его на два дня и что, слѣдовательно, тотъ одинъ имѣетъ право на тысячу футовъ новооткрытой розсыпи. Старатель же долженъ былъ почитать себя счастливымъ, если оставалось по близости нѣсколько свободныхъ участковъ, изъ тѣхъ, которыми пренебрегъ *Push* въ тотъ вечеръ, какъ онъ заявилъ о своемъ открытїи.

Очевидно, въ такой вѣкъ, когда донъ-Кихоть такъ тщательно прячется, что поневолѣ сомнѣваешься, существовалъ ли онъ когда-либо, практичнѣе всего было присоединиться къ оперативному товариществу Оппенгейма. Тильденъ даже сдѣлалъ двѣ попытки; но оба раза получилъ отказъ, благодаря противодѣйствию ресторатора. Тотъ, со свойственнымъ ему чутьемъ, предвидѣлъ въ немъ опаснаго соперника. Томъ отправлялся въ Даусонъ, чтобы вновь поставить свою кандидатуру, когда встрѣтилъ повара вышеупомянутаго писмоводителя. Этотъ метисъ обыкновенно не бывалъ въ копияхъ: теперь же онъ тащилъ на себѣ съ полдюжины коробокъ съ консервами, за кожанымъ поясомъ имѣлъ топоръ и шелъ такъ быстро, что еле отвѣтилъ на поклонъ Тильдена:

— Здравствуйте... Я иду отдохнуть недѣлку на участокъ Оппенгейма!

Тильденъ ни о чемъ его не спрашивалъ. Это поспѣшное объясненіе заинтриговало его. Немного подальше онъ увидѣлъ группу бѣлыхъ сорочекъ: игроковъ, альфонсовъ, вообще коллекцію джентльменовъ, чистое бѣлье и бритыя фізіономїи которыхъ громко гласили о матеріальныхъ преимуществахъ порока надъ добродѣтелью, по крайней мѣрѣ въ Клондайкѣ, въ 1898 году. Они тоже бѣжали... Очевидно, они такъ спѣшили уйти изъ Даусона, что не успѣли одѣться въ шерстяное платье, и новооткрытая розсыпь (что же иное могло придать имъ такую прыть?) должна была находиться очень близко: на какомъ-нибудь холмѣ, подобномъ знаменитой Золотой Горѣ, которая была открыта случайно гораздо позже Эльдорадо, находившагося у самой ея подошвы, тогда какъ тысячи человѣкъ перевалили черезъ нее, ничего не разобравши...

Американецъ круто повернулъ и пошелъ вслѣдъ за ними. У него не было съ собою припасовъ, но былъ револьверъ и, что лучше того, была несокрушимая твердая воля. Вскорѣ тѣ,

за кѣмъ онъ слѣдилъ, повернули налѣво, взобрались на гору Бонанцы, обнаженная вершина которой тянется до *Dôme du Roi*, а тамъ уклонились къ сѣверо-востоку. Они шли неуверенно, отыскивая дорогу по зарубкамъ на деревьяхъ и кустахъ, которыя дѣлалъ, очевидно, своимъ топоромъ метись, ушедшій впередъ. Чтобы не быть замѣченнымъ на этихъ высотахъ, гдѣ кругозоръ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ глубокихъ долинахъ, Тильденъ долженъ былъ отстать на порядочное разстояніе. Вскорѣ, послѣ минутной разсѣянности, онъ потерялъ ихъ слѣды, поднялъ глаза, увидѣлъ, какъ ихъ маленькая группа спустилась въ долину, по ту сторону *Dôme'a*, и вздумалъ пойти напрямикомъ къ тому пункту, гдѣ эта группа исчезла. Но вокругъ этихъ потухшихъ вулкановъ образовался настоящій лабиринтъ: придя съ сѣвера, вы спускаетесь по южному склону и, послѣ двухдневной ходьбы оказываетесь какъ-разъ въ той самой долинѣ, откуда начали ваше восхождение. Нашъ золотоискатель пошелъ вдоль струйки воды, которая пониже, безъ сомнѣнія, становилась настоящимъ ручьемъ, вѣроятно тѣмъ самымъ, на берегахъ котораго открыли новое золото. Прислушиваясь къ шагамъ своихъ путеводителей, онъ остановился, даже задержалъ дыханіе, но ничто не долетѣло до его слуха, кромѣ движенія верёвы, обезпеченной среди отдыха. Онъ вынулъ револьверъ, застрѣлилъ ее и закинулъ въ карманъ, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ; потомъ пошелъ далѣе по лосиной тропинкѣ, которая терялась внизу, во мракѣ лѣсовъ.

Можетъ быть, ему удастся отыскать тѣхъ...! Шестъ часовъ спустя, окончательно заблудившись подъ сѣрымъ небомъ, съ котораго начинать струиться дождь, онъ остановился у подошвы хаоса горъ, съ которыхъ повсюду капала вода отъ таянія вѣчныхъ льдовъ. Отчего не признать этого прямо, разъ онъ это предчувствовалъ съ самой минуты выстрѣла? Да, онъ заблудился въ совершенно незнакомой мѣстности, переправившись черезъ безчисленные ручьи, которые еще болѣе перепутались у него въ памяти, чѣмъ въ дѣйствительности, — заблудился не очень далеко отъ Бонанцы, но безъ малѣйшаго понятія о томъ, какъ выбраться, и что еще хуже, безъ спичекъ и безъ огня! Какъ тутъ послѣдовать индѣйскому обычаю, весьма мудрому при подобныхъ обстоятельствахъ, — т. е. сѣсть, выкурить трубку и постараться сообразиться съ мыслями?.. Лилъ дождь, какой бываетъ лишь въ Аляскѣ: непрерывными струями, точно изъ какой-нибудь дьявольской лейки; эти струи пронизывали его платье, точно холодныя иглы, и стекали по тѣлу даже въ сапоги, откуда нога, напирая при каждомъ шагѣ, выдавливала воду черезъ край.

Наконецъ, онъ остановился подъ деревомъ, вытащилъ свою ворону, для скорости ободралъ ее, вмѣсто того, чтобы ошипать, и поднесъ ко рту; но не смотря на голодь, у него не хватило духу ѣсть это мокрое и окровавленное мясо, а такъ какъ его пробирала дрожь подъ мокрою, какъ губка, одеждою, то онъ пошелъ далѣе. Теперь у него болѣли колѣни каждый разъ, какъ онъ поднималъ ногу для слѣдующаго шага; тѣмъ не менѣе, онъ шелъ всю ночь подъ ливнемъ, который залилъ всѣ горныя разсѣлины, почти такія же пустынные, какъ на лунѣ. Помимо воли имъ овладѣвалъ страхъ близкой смерти гдѣ-нибудь на промозгломъ мху, какъ умерло множество другихъ. Какъ онъ ни старался отогнать отъ себя мысль объ этомъ, она возвращалась, таилась за каждымъ кустомъ, напоминая о себѣ каждою вѣткою, которою ударяла его по лицу, и твердила подъ равномѣрнымъ плескъ дождя: „Ты скоро умрешь... Ты скоро... умрешь...“

И онъ, который до тѣхъ поръ ничуть не боялся смерти, который не опускалъ глазъ передъ револьверами, нацѣленными ему въ лобъ, пустился бѣжать. Однако онъ шелъ уже въ теченіе полутора сутокъ. Ноги могли бы еще долго нести его, но измѣнило дыханіе: онъ споткнулся о корень, упалъ подъ дерево и такъ и остался лежать, лицомъ къ небу, хотя сознаніе не вполне покинуло его. Мохъ вдавился подъ его тяжестью, и вокругъ него выступила красноватая вода: ему представлялось, будто онъ возвращается въ эту землю, откуда вышелъ когда-то, цѣлые вѣка назадъ, и которая теперь избавитъ его отъ ужасныхъ людскихъ страданій. Какъ онъ тутъ хорошо уснетъ, вытянувшись во весь ростъ, какъ только перестанетъ чувствовать дождь и уничтожающую тоску о томъ, что онъ такъ далеко, такъ далеко отъ всего міра! Потомъ, вдругъ, среди этой подавленности, въ немъ еще разъ вспыхнула жизнь. Онъ подумалъ о страшномъ разстояніи, которое отдѣляло его отъ Аэлиды. Узнаетъ ли она когда-нибудь о томъ, что случилось съ нимъ, изящнымъ посѣтителемъ ньюіоркскихъ клубовъ, столь полнымъ силъ два года назадъ, столь гордымъ своею будущностью и даже, можетъ быть, тою разницею, которая существовала между нимъ и менѣе привилегированными существами? теперь... теперь онъ — грудa мяса и костей, которой суждено сгнить на днѣ этого полярнаго ручья! Что-то сдѣлаетъ она?.. Ахъ! тутъ, въ ручьѣ, есть золото... а, можетъ быть, одна слюда... Но теперь ему все равно, золото ли, слюда ли... И даже сама Аэлида развѣ можетъ ему помѣшать умереть здѣсь?.. Потому что вѣдь это—конецъ...

Тѣнь, точно отъ движущагося молодого деревца, промелькнула передъ его воспаленными глазами. Въ самомъ ли дѣлѣ

лось съ гигантскими рогами стоялъ передъ нимъ, топая ногой и храпомъ выражая презрѣніе къ распростертому на землѣ человѣку? Значить, не все мертво вокругъ? Онъ вспомнилъ о револьверѣ, чтобы выстрѣлить, и мозгъ его, какъ молнія, пронизала мысль, что, насыпавъ пороху на сухіе листья, можно развести огонь... Огонь, это — воскресенье, жизнь, торжество! Какъ онъ объ этомъ не подумалъ?! Вотъ такъ славный лѣсной житель, который готовъ умереть только потому, что заблудился безъ провизіи близъ Юкона!

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться, и, хотя едва могъ шевелиться, однако лось испугался и исчезъ. Можетъ быть, онъ бѣжалъ отъ преслѣдованій бѣлаго волка, который перепрыгнулъ черезъ Тильдена, таякнулъ разъ, вернулся къ нему и принялся лизать ему лицо такимъ горячимъ языкомъ, что сразу его отогрѣлъ?.. Бредилъ-ли онъ, сошелъ-ли съ ума, или умеръ и находился на томъ свѣтѣ? Онъ приподнялся на локтѣ, оглядѣлся и замѣтилъ еще шесть сѣрыхъ волковъ, которые разсѣлись вокругъ и были, тараща на него горячіе глаза. При помощи послѣдняго усилія ему удалось встать и, наконецъ, онъ узналъ въ странномъ звѣрѣ, который все къ нему ласкался, прошлогодняго бѣглеца, лабрадорскую собаку, желтаго пса, который поблѣлѣлъ въ странѣ снѣговъ и вѣчной зимы.

Тогда, дрожа съ ногъ до головы отъ толчковъ крови, которая потоками прилиwała къ сердцу, онъ вскричалъ:

— Катонъ! Моя добрая собачка! Ты проводишь меня домой на Боульдеръ!

Х.

Рождество въ Клондайкѣ.

Дѣйствительно, Катонъ спасъ Тильдену жизнь. Когда Патъ увидѣлъ Тома, онъ упалъ на колѣни и открылъ ротъ и объятія: блудный сынъ бросился въ нихъ, а ирландецъ, громко поминая свою жену, собаку и св. Патрика, произнесъ усердную благодарственную молитву, которая окончилась множествомъ поцѣлуевъ въ губы, въ морду, въ уши и въ лобъ. Ласки людей, лизаніе животнаго — тутъ было все, что могло умилить сердца самыхъ суровыхъ обитателей этой варварской страны.

Однако, ясное небо не осталось безоблачнымъ. Оказалось, что Катонъ нашелъ себѣ подругу, имѣвшую самый подозрительный видъ. Это была большая и угрюмая эскимосская собака, коротконогая и съ хитрымъ взглядомъ; она зарычала, когда Патъ попытался завязать съ нею знакомство,

и въ концѣ концовъ разорвала ому брюки, вцѣпившись въ нихъ зубами. Полный негодованія, Катонъ призывалъ ее къ порядку: но она схватила сго за горло, повалила, отмѣтила хорошенькимъ краснымъ полукругомъ отъ своихъ зубовъ и, надувшись, ушла на сосѣдній холмъ. Поджавши хвостъ, ея супругъ долженъ былъ принять помощь бывшаго городского, которому очень хотѣлось схватиться за ружье. Но онъ скоро замѣтилъ, что лабрадорскій песъ вдали отъ цивилизаціи утратилъ всякое достоинство, такъ какъ минуту спустя уже несъ какіе-то объѣдки тому злому животному. Кромѣ того, имѣлись плоды этого неблагоразумнаго союза: пять юныхъ метисовъ грязно-сѣраго цвѣта, которые, будучи менѣе дикими, безостановочно бѣгали между избою № 7 и норою своей матери. Патъ рѣшилъ кормить ихъ издали, чтобы не лишиться Катона, и въ продолженіи первыхъ вечеровъ это обстоятельство было неисчерпаемымъ предметомъ для бесѣды передъ накалиной печкой. Мать щенятъ была названа Килиппою, что по чилькутски означаетъ: „собака, дѣлающая все напротивъ“.

Слинявшій-ли желтый песъ, бѣлая-ли собака, или сѣроватые щенята, но кто-нибудь изъ нихъ уже несомнѣнно принесъ счастье № 7 на Боульдеръ: черезъ восемь недѣль послѣ ихъ появленія, передъ Тильденомъ что-то блеснуло въ надѣвшемъ ежедневномъ тазу, „пробѣ“, гдѣ вотъ уже двѣсти дней они не находили ничего. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ сталъ его повертывать; затѣмъ началъ сливать воду, съ которою удалялась и грязь, и вскорѣ опять увидѣлъ блескъ, который можно было даже отдѣлать отъ чернаго песка: это было зернышко золота, не крупнѣе булавочной головки.

Наконецъ-то! Наконецъ!... Сердце его билось такъ сильно, что онъ поставилъ сокровище на полъ, сложилъ руки и воскликнулъ:

— Боже мой, благодарю тебя!

Затѣмъ онъ побѣждалъ увѣдомить товарищей, которые находились въ шахтѣ. Они поспѣшно вылѣзли, тазъ поставили на печь грѣться, вода испарилась, и желтая крупинка была положена на листъ бумаги. Четверо мужчинъ окружили ее, ставши на колѣни, чтобы лучше видѣть, удерживая дыханіе, чтобы ее не сдунуть, и ихъ благоговѣніе въ первыя минуты было не менѣе пламенно, чѣмъ нѣкогда у трехъ волхвовъ передъ колыбелью Спасителя. Въ старину былъ Онъ, дававшій бѣдность, нищету, здѣсь на землѣ, и рай послѣ смерти; а тутъ было золото, дающее рай прежде смерти...

Восторгъ четверыхъ маніаковъ былъ таковъ, что они способны были только бормотать:—Ахъ, какая красота, ахъ какая красота...—Наконецъ, когда они немного успокоились и, повернувши во всѣхъ направленіяхъ и взвѣсивши волшебное

зернышко, завернули его въ бумагу, написавши число: „Пятнадцатое декабря 1891 года“, кровь и мысли ихъ вышли изъ неподвижности, и Робертъ Д'Азё, рожденный въ солнечной странѣ, вдругъ воскликнулъ:

— Я куплю себѣ замокъ на берегу Средиземнаго моря. Тильденъ перебилъ его:

— А мы съ женою будемъ ѣздить къ вамъ по Атлантическому океану, на собственной яхтѣ.

Макъ-Дональдъ прибавилъ, въ свою очередь:

— Пріѣзжайте и ко мнѣ! Я построю себѣ такой дворецъ, что у насъ, въ Пёртѣ, только ахнутъ. „Не можетъ быть“, скажутъ. „Это тотъ маленькій Макъ-Дональдъ, что вернулся изъ Америки?...“ И я тамъ сдѣлаюсь важною птицею!

Только Патъ не сказалъ ничего: онъ отрѣзалъ кусокъ сала и, при помощи Катона, уничтожалъ его съ увлеченіемъ. Онъ думалъ, но не высказывалъ, такъ какъ ротъ у него былъ полонъ:

— Я—Патрикъ О'Хара, джентльмэнъ, начну съ того, что закушу хорошенько... Слава Богу. Я зналъ, что моя молитва спасетъ насъ. А, Катонъ?—Катонъ весело залаялъ; Киллипа забрехала на дворѣ; ихъ чада присоединились къ хору, испуская всю гамму звуковъ, доступныхъ щенятамъ, и kloкъ угрюмаго неба надъ Боульдеромъ увидѣлъ, наконецъ, двѣнадцать существъ, совершенно счастливыхъ: людей, у которыхъ мозгъ, и собакъ, у которыхъ желудокъ не страдали отъ голода.

Прошла недѣля. Фактъ удивительный и увѣковѣченный въ хроникѣ Боульдера: старателямъ не удалось найти больше ни зерна драгоцѣннаго металла: та крупинка оказалась единственною въ шахтѣ, точно злой шутникъ бросилъ ее туда во дни творенія. Пробивши каменный пласть, имъ пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности. Чудные замки въ залитомъ солнцемъ Провансѣ, роскошныя яхты у береговъ Нью-Йорка, старинныя дворцы въ Великобританіи, всѣ чудеса, созданныя золотою пылинкою, разсыпались прахомъ, причиняя страшную внутреннюю боль этимъ людямъ, для которыхъ, однако, страданіе было не новостью. Но реакція была слишкомъ сильна.

Всѣ четверо жались вокругъ одной изъ тѣхъ печей, которыя скрываютъ огонь отъ взгляда и отнимаютъ у него всякую веселость; надъ ними нависла земляная крыша, до которой можно было достать головой; снаружи зіяло темное отверстіе ихъ шахты—вырытой ими могилы ихъ молодости и ихъ надеждъ. А съ какимъ упорнымъ трудомъ они ежедневно копали ее руками, окровавленными отъ холода, съ губами, потрескавшимися отъ мороза, при чемъ глаза ихъ портились дымомъ

или вредными газами... Безъ сомнѣнія, подъ этимъ неумолимымъ сѣвернымъ небомъ были цѣлыя сотни такихъ же несчастныхъ и повсюду точно такъ же проклинали этотъ обманчивый Клондайкъ. Но подобныя мысли не умѣряли ихъ страданій: они вспоминали все, что покинули ради ненайденнаго золота; наиболѣе же несносною пыткой для ихъ больныхъ мозговъ являлось слѣдующее соображеніе:

— Вѣдь другимъ-же удалось. Такъ отчего *не намъ*?

Ихъ берлога, гдѣ сушились и носки, была полна ужаснымъ запахомъ пота, запахомъ нищеты и грязи, какъ будто на этомъ краю свѣта внѣшнія чувства даны человѣку только затѣмъ, чтобы сильнѣе страдать. Никто не курилъ; сальная свѣча бросала слабый свѣтъ на эти угрюмыя лица, нѣмыя или искаженные уста, изъ которыхъ время отъ времени вырывались очень тихо то молитва, то ругательство:

— Боже мой!...—God!... My God!...—Damnation!..!

Вдругъ кто-то распахнулъ дверь. Струя воздуха загасила свѣчу; пламя въ печи шарахнулось въ трубу, и роскошная фигура Оппенгейма показалась на порогѣ.

— Эй, ребята, развѣ вы ужъ спите?.. Не найдется-ли здѣсь трубки табаку для бѣднаго человѣка?

Патъ опять зажегъ свѣчу. Оппенгеймъ разглядѣлъ хозяевъ и попятился къ двери.

— Какъ? Это опять все вы же? Рѣшительно, мы встрѣчаемся повсюду! Но какъ странно вы встрѣчаете Рождество! Я отпраздную его въ Даусонѣ.—Удивленный Макъ-Дональдъ не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Въ самомъ дѣлѣ, завтра Рождество?

— А вы этого не знали? Какъ же это вы тутъ живете?

Затѣмъ, такъ какъ всѣ смотрѣли на него со злобою и онъ догадывался, въ чемъ дѣло, то, будучи очень злопамятнымъ, хотя онъ такимъ не казался, онъ въ отместку имъ крикнулъ, уже стоя на нарѣ.

— А вашъ двадцать четвертый принесъ намъ счастье, молодчикъ!... Мы тамъ намыли изъ одного тазика на тысячу долларовъ... Почти столько, сколько вы за него взяли, не правда-ли?.. Когда захотите продавать еще на такихъ же условіяхъ, то не стѣсняйтесь! Вы знаете, гдѣ я живу... Ну-ка, эй вы собаки!

Ночь была такъ тиха, морозъ такъ силенъ, что звонъ бубенцовъ на эго собакахъ доносился, пока онъ не пріѣхалъ въ Бонанцу. Макъ-Дональдъ особенно чутко прислушивался, съ неподвижностью лунатика, поочередно краснѣя и блѣднѣя, то открывая, то закрывая ротъ, пока, наконецъ, не выговорилъ:

— Господи, возможно-ли это?!

— Онъ совралъ, Макъ,—сказалъ Томъ.—Этотъ человѣкъ

хуже скота. Не знаю, почему я не заткнулъ ему его лживаго рта.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, отчего подпрыгнули желѣзные блюда. Азе выругался и набилъ себѣ трубку. Шотландецъ вынулъ изъ кармана письмо и отвернулся, чтобы прочесть его. Судя по виду бумаги, оно было читано и перечитано не менѣе десяти тысячъ разъ. Черезъ четверть часа онъ подошелъ къ Тильдену:

— Они добудутъ миллионы на 24-омъ, вотъ увидите!

Тотъ ничего не отвѣтилъ, а Макъ-Дональдъ продолжалъ, помолчавши:

— Помните „Голубые шотландскіе колокольчики“, въ „Аляскинской Компаніи“?

— Нѣтъ... т. е. . . . вы говорите о фонографѣ?

— Вотъ именно,—отвѣтилъ молодой шотландецъ.

Сказавъ это, онъ вздохнулъ, потомъ всталъ:

— Хочется подышать воздухомъ. Пойду принесу два ведра гравія, который остался въ шахтѣ; иначе онъ къ утру смерзнетъ, какъ желѣзо...

— Что это на васъ напало? — сказалъ Патъ. — Оставьте этотъ гравій въ покоѣ, и пусть чортъ его возьметъ вмѣстѣ съ шахтою!... Много она намъ даетъ!... Видите-ли, самое лучшее намъ—встряхнуться и выпить за здоровье Младенца Христа.

— Нѣтъ, я сначала схожу за ведрами... Робертъ, пойдемте и помогите мнѣ вытащить ихъ.

— Я тоже нахожу, что это ни на что не нужно.

— Да это не долго; а потомъ проведемъ вечеръ, какъ захотите.

— Вотъ упрямецъ!... Странныя у васъ фантазіи... Впрочемъ, если это вамъ пріятно... Идемте, да поскорѣй!

— Идемъ!—сказалъ Патъ.

Снѣгъ звонко захрустѣлъ подъ ихъ ногами; вдоль узкой долины дымилось нѣсколько шахтъ, и паръ восходилъ прямо къ небу, куда хотѣлось улетѣть: такимъ оно сіяло сверхъестественнымъ блескомъ... Поставивъ ногу на первую ступень, чтобы спускаться яму, Макъ-Дональдъ приостановился на секунду, чтобы поглядѣть на небо; потомъ онъ повторилъ еще разъ:

— Они нароютъ миллионы!... Какъ на участкѣ Виппля!

И исчезъ подъ землею. На половинѣ спуска онъ крикнулъ Роберту и Пату:

— Когда я закричу „тащите!“, то вы ужъ не зѣвайте. Я прицѣплю ихъ оба для скорости... Вамъ холодно? Мнѣ тоже, но это проходить, это пройдетъ...

Прошло пять минутъ. Патъ, выйдя изъ терпѣнія, наклонился надъ шахтою:

— Эй, тамъ внизу, въ чемъ же дѣло? Тутъ замерзнешь!

Очень издалека донесся полузаглушенный голосъ:

— Да, да!... Эй, тащите!

Оба ожидавшіе начали вертѣть воротъ, вокругъ котораго заматывался подъемный канатъ.

— Ему бы прицѣпить сначала одно ведро... что-то чертовски тяжело... Смотрите-ка, что вы дѣлаете, Робертъ! Приналягте на...

Онъ не договорилъ: при блѣдномъ свѣтѣ шестимѣсячной ночи, онъ разобравъ на лицѣ товарища что-то, его испугавшее и принудившее противъ воли взглянуть въ томъ же направленіи. Онъ тотчасъ громко крикнулъ, выпустилъ рукоятку и кинулся къ избѣ. Зарубки для остановки ворота не было, и веревка начала развертываться, не смотря на отчаянныя усилія француза.

— Патъ! Патъ О'Хара!... Помогите ради Бога!

Патъ все бѣжалъ. вмѣсто него, помочь явился Тильденъ.

— Что здѣсь такое? Охъ!...

Онъ тоже разглядѣлъ то, что висѣло на концѣ каната и что онъ принялся вытаскивать вмѣстѣ съ Робертомъ. Когда пришлось распускать петлю-удавку, которую Макъ-Дональдъ надѣлъ себѣ на шею, прежде чѣмъ крикнулъ: „эй, тащи!“ его охватила такая нервная дрожь, что онъ долженъ былъ вываливаться въ снѣгу, чтобы овладѣть собой. Впрочемъ, всѣ ихъ старанія вернуть молодого шотландца къ жизни были напрасны: вѣроятно, Патъ, сразу выпустивъ рукоятку, ускори́лъ смерть его. Съ искривленнымъ ртомъ, съ ужаснымъ выраженіемъ муки на лицѣ лежалъ на спинѣ этотъ двадцатилѣтній старатель, наконецъ, освобожденный отъ жалкаго животнаго существованія на Юконѣ. Можетъ быть, хорошенько прислушавшись, удалось бы разобрать его предсмертный шопотъ: „я былъ слишкомъ слабъ... Я побѣжденъ. Не надо пріѣзжать сюда, ахъ не надо!“

О'Хара не оказалось въ избѣ; когда двое живыхъ очутились наединѣ съ покойникомъ, котораго страшно изуродовало удушеніе, они почувствовали страхъ передъ Великимъ Невѣдомымъ... Хотя они молчали, но имъ въ голову пришла одна и та-же мысль.

— Бѣжимъ отсюда, какъ Патъ!

Робертъ посвисталъ собакамъ, чтобы запречь ихъ въ нарту; Тильденъ полилъ стальные полозья теплою водою: она тотчасъ замерзла, образовавши длинную ледяную полосу, которая съ изумительной быстротою должна была скользить по жесткому снѣгу. Когда все было готово, они вспрыгнули на

сани, одинъ позади другого, и французъ крикнулъ: „Маршъ“!.. Катонъ, во главѣ упряжки, кинулся со всѣхъ ногъ, остальные собаки—за нимъ, дѣлая причудливые скачки, когда морозъ щипалъ ихъ слишкомъ сильно. Время отъ времени Робертъ говорилъ: „Стой!“, а его товарищъ кричалъ: „Патъ!.. Ау, Патъ!.. Гдѣ вы?“ Но ничто не откликалось изъ ночного мрака, и упряжка продолжала свой бѣшеный бѣгъ, какъ будто сзади, среди летѣвшаго изъ-подъ саней снѣга, за ними гналась молча, но неотступно голова съ открытыми глазами и ртомъ: сегодня было Рождество, Рождество въ Клондайкѣ, которое они всѣ ѣхали праздновать въ Даусонъ, за три тысячи миль отъ шотландскаго Рождества...

Очутившись въ городѣ, они отправились въ ресторанъ Оппенгейма. Тамъ тѣснилось до сотни старателей; они точно взапуски курили, пили и плевали на полъ, густо усыпанный опилками. Паръ шелъ отъ ихъ тяжелыхъ одеждъ, отъ ихъ худыхъ зеленоватыхъ лицъ, которыя какъ будто нѣсколько оттаивали у раскаленныхъ до-бѣла печей; и тотчасъ они начинали кашлять изъ самой глубины груди, какъ будто стараясь выхаркнуть легкія. Таковы были особенно американцы и австралійцы; канадцы же, возросшіе и возмужавшіе на сѣверѣ, какъ бы наперекоръ ему, выставляли свои широкія груди, и ихъ басистые голоса раскатывались по залѣ, когда они рассказывали другъ другу о подвигахъ и удачахъ Жюно, Бушѣ, Карелѣ, Пикотта или Лѣдюка. Первое впечатлѣніе, которое Тильденъ испыталъ при входѣ, было пріятное; и въ самомъ дѣлѣ, при другихъ обстоятельствахъ, эта безумно быстрая поѣздка изъ Боулдера въ Даусонъ, подъ низко сверкающими звѣздами очень холодныхъ ночей, это фантастическое катанье было бы чудно хорошо. А вотъ теперь предстояло погрѣться въ обществѣ живыхъ людей... Томъ проглотилъ рюмку водки и окликнулъ сосѣда. Это былъ какъ-разъ владѣлецъ 25-аго участка на Бонанцѣ.

— Какъ? Это вы, Давидъ?.. Усердно поздравляю! Кажется, на 24-омъ, бывшемъ участкѣ... (онъ запнулся) Макъ-Дональда, нашли столько же золота, какъ въ Эльдорадо. Оно окажется, безъ сомнѣнія, и на вашей землѣ.

— Нужно ѣздить въ Даусонъ за новостями!—флегматично отвѣтилъ старатель.—Первый разъ слышу! Кто вамъ наболталъ такого вздора?

— Кто? Да самъ Оппенгеймъ!

— А! а! Я такъ и думалъ... И вы, разумѣется, повѣрили? Какой вы до сихъ поръ простофія!.. 24-ый не богаче, чѣмъ былъ, кромѣ какъ въ воображеніи своего владѣльца. Онъ, вѣроятно, собирается сбыть его вамъ!

— Да,—выговорилъ тогда Робертъ, такъ стиснувъ зубы,

что тотъ ничего не разобралъ.—Кое-кто заплатитъ за него дорого, очень дорого...

Онъ спросилъ, гдѣ хозяинъ ресторана. Ему отвѣтили, что Оппенгеймъ, кажется, ушелъ въ свой ледникъ на берегу рѣки. Оба пріятеля шопотомъ обмѣнялись нѣсколькими словами:

— Оппенгеймъ убилъ Макъ-Дональда.

— Это ясно.

— Слѣдовательно...

— Да. Пойдемъ.

Никто не замѣтилъ ихъ ухода среди все возраставшаго гама. Очутившись на улицѣ, они даже не подняли своихъ мѣховыхъ воротниковъ, потому что разгоряченная кровь налила жаромъ все ихъ тѣло. Они пошли по слѣдамъ того, кого искали. Не болѣе двухсотъ метровъ отдѣляло трактиръ „Эльдорадо“ отъ берега, гдѣ рестораторъ хранилъ свой ледъ.

По зимамъ, по странной причудѣ природы, которую приписываютъ какому-нибудь подземному ключу, Юконъ у Даусона замерзаетъ очень поздно. Въ этомъ году, по примѣру прошедшихъ, оставалась еще полынья, длиною въ нѣсколько миль, по которой теченіе мчало громадные льдины среди поднимающагося морознаго пара. Льдины стукались другъ о друга, налетали одна на другую, и трескъ, производимый ими, часто покрывалъ собою весь шумъ оживленнаго города.

Оппенгеймъ выходилъ изъ ледника, когда чья-то рука ударила его по плечу. Онъ вздрогнулъ, обернулся и узналъ двоихъ неразлучныхъ.

— Чортъ! Вы меня чуть не испугали вашими шлепками по спинѣ!.. Подумаешь, привидѣніе! Такъ вонъ что... Рѣшились таки пріѣхать въ Даусонъ? И правильно! Мы зададимъ таки звона въ Рождественскую ночь!

— Оппенгеймъ, — сказалъ Томъ, — я только что видѣлъ Давида съ 25-го... Когда это вы находили на 24-мъ по тысячѣ долларовъ на тазъ?

Тотъ не понялъ вопроса. Онъ даже не помнилъ, въ чемъ дѣло. Пришлось объяснять ему, и тогда громкій хохотъ потрясъ его съ головы до ногъ.

— Охъ! да! да! Теперь ужъ знаю!.. Поддѣлился на удочку, правда? Вѣдь это—для „краснаго словца“, какъ говорятъ у васъ во Франціи! А какъ удачно!.. И мальчишка повѣрилъ? Я такъ и думалъ... Ахъ, до чего же глупъ этотъ Макъ-Дональдъ!

— Мальчишка умеръ, — сказалъ Робертъ. — Ваше „красное слово“ убило его.

— Какъ такъ, милостивый государь?

— Онъ вамъ повѣрилъ, милостивый государь, и повѣсился.

— Неужели?.. Ну, знаете, это просто доказываетъ, что онъ былъ еще болѣе тряпка, чѣмъ дуракъ!.. Въ концѣ концовъ, убытокъ не великъ. Здѣшняя сторона—не для всякихъ слабосильныхъ... Ну, вотъ нахохочутся ребята!

Хотя онъ былъ выпивши, однако его собственный смѣхъ вскорѣ замолкъ, такъ какъ остальные смотрѣли на него, не спуская глазъ, и въ ихъ взглядахъ ясно читалась ихъ мысль. Онъ понялъ, испугался и попятился, а Робертъ кинулся на него. Оппенгеймъ споткнулся и упалъ, почувствовавъ, что кисти рукъ его судорожно стиснуты противникомъ. Тильденъ придавилъ колѣномъ голову негодая и вытащилъ револьверъ, который приставилъ ему къ уху. Тотъ зарычалъ такъ громко, что его голосъ чуть не заглушилъ грохота рѣки. Тогда Робертъ, двинувъ подбородкомъ по направленію къ лодкѣ, стоявшей на крышѣ ледника, вскричалъ:

— Не стрѣляйте!... Суньте туда!... Пусть расправится Юконъ!

Тильденъ спряталъ оружіе, взялъ берестянный челночокъ и, спустивъ его на воду, притянулъ ко льдинѣ. Затѣмъ они вдвоемъ спихнули туда Оппенгейма, даже не связавъ ему рукъ. На что! По необъяснимой странности, онъ даже болѣе не сопротивлялся, а дрожалъ, какъ дитя. Лодченка бѣшено подсказивала среди черной тьмы, въ которой появлялось и исчезало что-то бѣлое, двигавшееся очень быстро между двумя краями полыньи, зазубренными лучше всякой пилы. Робертъ взялся за веревку и поднялъ глаза: онъ увидѣлъ ротъ, откуда не выходило, конечно, никакого звука, потому что былъ слышенъ только трескъ давящихся другъ друга льдинъ, ротъ, настолько же искривленный, какъ у... О, Боже!.. Онъ выпустилъ веревку. Челнокъ два раза повернулся вокругъ собственной оси, затѣмъ его подхватила льдина и кинула въ сторону, послѣ чего онъ сразу исчезъ въ хаосѣ...

А громкій вопль морозныхъ ночей, когда ледяныя змѣи, вьющіяся вдоль долинъ, покрываются своею твердою чешуею, стоишь сѣвера не смолкалъ отъ вершины Чилькута до бездны Беринга, точно плачъ и зубовный скрежетъ грѣшниковъ въ безпросвѣтной тьмѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пересмотръ судебныхъ уставовъ.

I.

Мѣстный судъ.

„Коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части“ — таково ея официальное наименование — учреждена была при министерствѣ юстиціи 7 апрѣля 1894 года, по высочайшему повелѣнію. Занятія коммиссіи открылись 30 апрѣля того же года и продолжались въ теченіе пяти лѣтъ. 5 іюня 1899 года коммиссія была закрыта. За это время коммиссія имѣла 503 засѣданія, общихъ и по отдѣламъ, собрала, составила и выпустила въ свѣтъ 12 томовъ „Подготовительныхъ матеріаловъ“, 9 томовъ „Трудовъ“, проекты новыхъ редакцій трехъ частей судебныхъ уставовъ—учрежденія судебныхъ установленій, уставовъ уголовного и гражданского судопроизводства—и около полутора десятка томовъ объяснительныхъ записокъ къ нимъ. Таковъ внѣшній, дѣлопроизводственный результатъ дѣятельности коммиссіи; этотъ количественный итогъ былъ подведенъ и подчеркнутъ въ заключительной рѣчи ея предсѣдателя—подчеркнуть со справедливымъ сознаніемъ его значительности и полновѣсности: въ этомъ отношеніи закрывшаяся коммиссія судебного пересмотра выдержать сравненіе со всякою другою, бывшею до нея, или могущею быть послѣ нея. Это вещественное свидѣтельство вещественной производительности коммиссіи еще ничего, однако, не говоритъ о томъ, какова внутренняя цѣнность послѣдняго, окончательнаго продукта, изготовленнаго ею, новаго проекта судебныхъ уставовъ. Что представляетъ собою этотъ проектъ, рожденный этой горюю „Подготовительныхъ матеріаловъ“, „Трудовъ“ и проч.? Что онъ вноситъ въ существующій судебный строй, въ дѣйствующіе судебные порядки, какія измѣненія, улучшенія или ухудшенія? Въ какой мѣрѣ онъ обнялъ и разрѣшилъ задачу пересмотра, широкіе предѣлы которой указаны были въ самомъ № 2. Отдѣлъ II.

званіи ея — „пересмотръ законоположеній по судебной части“, т. е. всѣхъ законоположеній, относящихся къ судебному устройству и производству? Мы не имѣемъ въ виду дать полный, исчерпывающій отвѣтъ на всѣ эти вопросы; намъ придется пройти мимо множества мелкихъ, чисто техническихъ исправленій, которымъ подверглись постановленія судебныхъ уставовъ въ переработкѣ комиссіи,—эта сторона дѣла можетъ интересоваться только специалистовъ процесса. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе значительныхъ и выдающихся пунктахъ—пунктахъ поворота, въ которыхъ новое расходится со старымъ.

Пересмотръ законоположеній по судебной части былъ предпринятъ, главнымъ образомъ, въ виду *объединенія* судебной организаціи. Подъ объединеніемъ понималось нѣчто двойственное, чтобы не сказать двусмысленное. Въ объясненіяхъ, которыя развивали сущность и содержаніе этой—если не самой важной задачи, то, во всякомъ случаѣ, одной изъ важнѣйшихъ задачъ пересмотра,—объединеніе сводилось, преимущественно, къ установленію территориальнаго „единообразія“ судебныхъ порядковъ. На всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, не только въ Европѣ, отъ Перми до Тавриды, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, но и въ тундрахъ Сибири, въ степяхъ Средней Азіи до „недвижныхъ стѣнъ Китая“ — а теперь, быть можетъ, и за этими стѣнами—должны существовать одни и тѣ же судебныя учрежденія, одинаковыя по своему устройству и компетенціи, одинаковыя по основаніямъ и формамъ своей дѣятельности. Это одинъ смыслъ задачи объединенія; но есть еще другой, который обозначался все яснѣе, по мѣрѣ того какъ стирался и отодвигался первый — объединеніе въ программѣ пересмотра а еще болѣе въ ея осуществленіи означаетъ централизацію судебныхъ учреждений, установленіе тѣсной іерархической связи между отдѣльными частями судебного строя. Всѣ судебныя мѣста должны составлять одну лѣстницу или пирамиду, основаніемъ которой служили бы низшіе, мѣстные суды, а вершина восходила бы къ высшему кассационному суду, къ кассационнымъ департаментамъ сената? Или къ главѣ центрального вѣдомства юстиціи, къ министру? Вотъ двоякій способъ разрѣшенія задачи единства въ этомъ послѣднемъ, іерархическомъ, смыслѣ, и мы увидимъ ниже, какой изъ нихъ избрала комиссія пересмотра.

Выдвигая впередъ объединеніе, какъ основаніе и оправданіе предпринятаго общаго пересмотра всѣхъ частей судебного законодательства, инициаторы и руководители этого дѣла тѣмъ самымъ весьма опредѣленно указывали ту область юстиціи, гдѣ преобразованія въ объединительномъ духѣ должны были найти для себя наиболѣе благодарное поприще. Это именно область такъ назы-

ваемой мѣстной юстиціи: тамъ работа объединенія должна была найти свой „собственный объектъ“. Въ предварительной программѣ пересмотра эта область и необходимость рѣшительныхъ, коренныхъ улучшеній въ ней были поставлены на первомъ планѣ. Въ самомъ дѣлѣ, общія судебныя мѣста, т. е. окружные суды и судебныя палаты, и въ томъ видѣ, какой они имѣютъ въ настоящее время, исполнѣ удовлетворяютъ идеалу единства въ обоихъ его значеніяхъ и въ дальнѣйшемъ объединеніи нисколько не нуждаются. Только по отношенію къ низшимъ, ближайшимъ къ населенію мѣстнымъ судамъ требованіе объединенія пріобрѣтаетъ смыслъ. Ибо въ сферѣ мѣстной юстиціи, дѣйствительно, существуетъ крайнее разнообразіе, какая-то пестрая смѣсь формъ и типовъ, порядковъ и началъ другъ другу противорѣчащихъ, другъ друга исключających. Достаточно указать, напримѣръ, что въ предѣлахъ одной и той же судебной палаты, С.-Петербургской, мѣстный судъ отправляется судьями пяти различныхъ типовъ—выборный мировой судья, мировой судья по назначенію отъ правительства, земскій начальникъ, городской судья и уѣздный членъ окружного суда. Разумѣется, дѣло здѣсь не въ томъ только, что эта пестрота оскорбляетъ законы бюрократическаго стиля и вкуса,—дѣло въ томъ, что многочисленность учрежденій и порядковъ, сталкиваясь на тѣсномъ пространствѣ мѣстной подсудности, порождаетъ дѣйствительное неудобство—судебную чрезполосность, сбивчивость и запутанность границъ подсудности. Но еще важнѣе, чѣмъ устраненіе этого зла, другое послѣдствіе, которое естественно связывалось съ объединеніемъ. Такъ какъ существующіе типы различнаго устройства мѣстнаго суда далеко неравноцѣнны, то приведеніе ихъ къ единству означало, конечно, выборъ самаго лучшаго между ними, сохраненіе и распространеніе того типа, который наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ нормальнаго правосудія, и вытѣсненіе остальныхъ, менѣе совершенныхъ. Судъ земскихъ начальниковъ находится, очевидно, въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ задачей объединенія въ этомъ смыслѣ; поэтому естественно было ожидать, что судъ земскихъ начальниковъ долженъ будетъ уступить мѣсто другому типу судоустройства, который господствовалъ до него, въ прежнюю, не столь пеструю эпоху—суду мировому. Ожиданіе это находило себѣ опору еще и въ другомъ, побочномъ значеніи, которое придавалось объединенію. Объединеніе обѣщало включить мѣстный судъ въ общую систему судебной организаціи, а судъ земскихъ начальниковъ отстоятъ отъ этой системы дальше всѣхъ другихъ и, въ сущности, отрѣзанъ отъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не могло быть, слѣдовательно, и сомнѣнія, что объединеніе имѣетъ въ виду, прежде всего, возвратитъ судебной власти то, что ей принадлежитъ по праву—тѣ функціи мѣстнаго суда, которыя были у нея отняты въ пользу земскихъ начальниковъ.

Врядъ ли когда-нибудь исполненіе такъ мало соотвѣтствовало программѣ, такъ глубоко расходилось съ ней, какъ это случилось здѣсь, въ указанномъ пунктѣ судебного пересмотра. Пересмотръ вовсе не коснулся суда земскихъ начальниковъ; эта часть мѣстной юстиціи, значительнѣйшая изъ всѣхъ, обнимающая въ настоящее время свыше сорока губерній Европейской Россіи, осталась внѣ кругозора комиссіи. Что побудило комиссію закрыть глаза на существованіе того мѣстнаго суда, который настоятельно другихъ требовалъ ея вниманія? Комиссія болѣе чѣмъ сдержана въ своихъ объясненіяхъ на этотъ счетъ. „Не касаясь,—говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту учрежденія судебныхъ установленій,—того разнообразія, которое введено въ устройство судебной части законоположеніями 12 іюля 1889 года, насколько это относится до организациіи судебно-административныхъ учреждений вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ...“ Въ этихъ словахъ сообщается самый фактъ неприкосновенности судебно-административныхъ учреждений, образованныхъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 г., и дается объясненіе факта—объясненіе, однако, явно недостаточное. Названныя учрежденія принадлежатъ къ другому вѣдомству, не къ тому, которое возбудило пересмотръ,—но въ практикѣ законодательныхъ работъ не всегда соблюдается граница между различными вѣдомствами съ такою строгою щепетильностью, какъ въ настоящемъ случаѣ. Не мало есть предметовъ, которые входятъ въ область дѣйствія не одного, а нѣсколькихъ вѣдомствъ, и законодательныя нормы по этимъ предметамъ готовятся и вырабатываются путемъ соглашенія между заинтересованными министерствами. Наконецъ, сама комиссія не всегда останавливалась въ своемъ трудѣ передъ этими соображеніями о святости чужихъ границъ; напримѣръ, въ области предварительнаго слѣдствія она удѣлила широкую и вліятельную роль органамъ полиціи, которая входитъ, какъ извѣстно, въ составъ того же вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Если, такимъ образомъ, комиссія признавала себя уполномоченной возлагать на учрежденія посторонняго вѣдомства новыя обязанности, которыя до того были имъ чужды, то тѣмъ болѣе она была вправѣ привлечь къ своему разсмотрѣнію дѣятельность учреждений этого же вѣдомства, цѣликомъ входящую въ кругъ ея собственной компетенціи, ея специальной задачи.

Энергія преобразованія, натолкнувшись на преграду въ одномъ мѣстѣ, устремляется на другое — по направленію наименьшаго сопротивленія. Мѣстный судъ въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ какихъ онъ оказался доступенъ пересмотру, испыталъ цѣлый рядъ крупныхъ измѣненій, въ которыхъ комиссія предлагаетъ намъ видѣть исправленія существующихъ его недостатковъ. Прежде

всего, комиссія торопится убрать послѣдніе обломки выборнаго мирового института, сохранившіеся кое гдѣ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ; она при этомъ нимало не заинтересовалась тѣми соображеніями, которыя побудили законодателя сохранить эти остатки выборнаго мирового суда во время катастрофы 1889 года, унесшей весь институтъ и поставившей на его мѣсто уѣздныя судебно-административныя учрежденія. Между тѣмъ эти соображенія настолько ясны и вѣски, что одна фигура умолчанія врядъ ли является достаточнымъ отвѣтомъ на нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно быть убѣжденнымъ сторонникомъ правительственнаго назначенія судей; можно утверждать съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, что такое назначеніе лучше, чѣмъ общественное избраніе, обезпечиваетъ высшее достоинство судьи—его независимость, предоставляя ему гарантію несмѣняемости и болѣе устойчивое матеріальное и общественное положеніе; можно находить также, что обязанность удовлетворенія потребности въ правосудіи, какъ важнѣйшей потребности общежитія, лежитъ на государствѣ, которое, поэтому, не вправѣ перелagать ее на мѣстныя общественныя силы, могущія въ томъ или иномъ отдѣльномъ случаѣ оказаться недостаточными для этой цѣли. Но если, съ одной стороны, при данныхъ условіяхъ, правительственное назначеніе не обезпечиваетъ ни несмѣняемости, ни матеріальнаго благосостоянія судьи, а, съ другой стороны, средства государства на удовлетвореніе культурныхъ потребностей вообще и потребности правосудія въ частности представляются еще болѣе недостаточными, чѣмъ тѣ, которыя тратятся на этотъ предметъ тѣми или иными земскими единицами, то вся аргументація въ пользу правительственнаго назначенія, какъ бы она ни была правильна въ теоріи, теряетъ подъ собою всякую почву. Нельзя, конечно, заподозрить составителей законоположеній 12 іюля 1889 года въ пренебреженіи къ началу правительственнаго назначенія судей; самыя эти законоположенія были вызваны лозунгомъ о „возвращеніи правительства“. И тѣмъ не менѣе, выборный мировой судъ былъ тогда оставленъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ во вниманіе къ тому, что здѣсь, въ этихъ культурныхъ оазисахъ, какъ напр.: Одесса, Петербургъ, Москва, Харьковъ и т. д., потребность въ правосудіи шире и интенсивнѣе ощущается, и шире и интенсивнѣе удовлетворяется общественными средствами, чѣмъ это могло бы быть достигнуто на счетъ общегосударственный; да послѣднее было бы, притомъ, и несправедливо—создавать на общенародныя средства лучшую юстицію для той или иной отдѣльной группы населенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большихъ городахъ, гдѣ по преимуществу сохранился выборный мировой судъ, дурныя стороны выборнаго начала или вовсе не обнаруживаются, или проявляются значительно слабѣе, чѣмъ въ глухихъ углахъ. Выборъ пригодныхъ кандидатовъ здѣсь легче, а доступъ для избирательнаго кумовства

труднѣе; слѣдовательно, зависимость избраннаго судьи отъ избирателей и возможность вреднаго вліянія этой зависимости на управленіе правосудія представляетъ здѣсь меньше опасности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Вотъ почему выборный мировой судъ и былъ пощаженъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ еще существуетъ въ настоящее время. Комmissія, повторяемъ, не посчиталась съ этими соображеніями, она обошла ихъ молчаніемъ. Но, быть можетъ, типъ правительственнаго судьи, созданный ею для мѣстной юстиціи, отвѣчаетъ вполнѣ тѣмъ условіямъ, которыя въ теоріи связываются съ правительственнымъ назначеніемъ и которыя составляютъ, согласно той же теоріи, основаніе превосходства этого начала передъ началомъ общественнаго избранія? Новые мѣстные судьи будутъ назначаться такимъ порядкомъ, который вполнѣ обезпечиваетъ какъ техническую подготовленность, такъ и нравственные достоинства этихъ лицъ; имъ предоставляются необходимыя гарантіи независимости — несмѣняемость и приличное матеріальное и іерархическое положеніе; наконецъ, они не слишкомъ будутъ завалены работой и будутъ въ состояніи удовлетворять безъ задержекъ, безъ волокитъ всѣмъ запросамъ на судебную защиту, предъявляемымъ къ нимъ со стороны населенія? Посмотримъ, такъ ли это.

Новый мѣстный судья, который долженъ смѣнить выборныхъ и правительственныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, будетъ называться участковымъ судьей: память о мировомъ судѣ, тѣсно связанная съ эпохою обновленія нашихъ судебныхъ порядковъ, стирается даже въ названіи. Участковый судья это чиновникъ вѣдомства министерства юстиціи, VI класса по должности (т. е. того же класса, какъ и нынѣшніе городскіе судьи, и однимъ классомъ ниже мировыхъ судей), на которую онъ назначается по усмотрѣнію министра юстиціи и отъ которой увольняется или переводится на другую по усмотрѣнію того же министра. Правда, это усмотрѣніе въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при увольненіи или переводѣ, будетъ проявляться черезъ посредство особаго совѣщательнаго органа, существующаго при министерствѣ юстиціи, именно его консультаціи. Но члены консультаціи сами назначаются министромъ, совѣщанія консультаціи происходятъ подъ его предсѣдательствомъ, опредѣленія консультаціи составляютъ только мнѣнія, а не рѣшенія, — и такимъ образомъ, участіе консультаціи въ вопросахъ объ увольненіи участковыхъ судей является, быть можетъ, до нѣкоторой степени рѣшительствомъ осмотрительности министерскаго усмотрѣнія, но не лишаетъ послѣднее его дискреціоннаго характера. Правда также и то, что участіе существующей при министерствѣ юстиціи консультаціи въ обсужденіи вопросовъ объ увольненіи участковыхъ судей даетъ комиссіи основаніе называть, всетаки, этотъ порядокъ произвольной смѣняемости не-

смѣняемостью, но отъ перемѣны имени вещь не мѣняется, и „роза не теряетъ аромата, если и назвать ее чертополохомъ“. Комиссія объясняетъ указанныя „ограниченія“ несмѣняемости, принятыя ею относительно участковыхъ судей, тѣмъ соображеніемъ, что на должность эту, какъ низшую въ судебной іерархіи, будутъ назначаться люди молодые, только что закончившіе свой стажъ кандидатовъ на судебную должность, недостаточно еще извѣстные министерству ни со стороны своей профессиональной опытности, ни со стороны своей нравственной благонадежности. Само по себѣ это соображеніе представляется врядъ ли основательнымъ, такъ какъ изъ того, что кандидатъ еще недостаточно опредѣлился въ своихъ качествахъ въ глазахъ министерства, вытекаетъ необходимость лучше узнать его, а не лишать его гарантіи судейской независимости, которая въ то же время является неотъемлемой гарантіей правильнаго правосудія. Для этой цѣли, т. е. для лучшаго ознакомленія съ личностью кандидата, можно установить болѣе продолжительный стажъ, можно ввести въ самый стажъ временное исправленіе судейской должности, чтобы дать кандидату проявить себя на дѣлѣ,—но разъ онъ назначается судьей, ему необходимо должны быть предоставлены всѣ прерогативы, принадлежащія судейскому званію не ради его личнаго достоинства, разумѣется, а ради достоинства и успѣшности отправляемыхъ имъ обязанностей. Кромѣ того, лѣкарство, предлагаемое комиссіей, оказывается въ данномъ случаѣ горше самой болѣзни, ибо непрочность и зависимость создаваемого ею положенія участковаго судьи, который назначается и смѣщается по произволу начальства, больше всего остального должно принизить эту должность, обезцѣнить ея общественное и іерархическое значеніе и сдѣлать ее наименѣе привлекательной изъ судебныхъ должностей, на которую, именно поэтому, будутъ попадать, конечно, не наилучшіе элементы судебного вѣдомства. Если къ этому добавить, что на участковаго судью, кромѣ увеличеннаго бремени судебныхъ дѣлъ, возлагаются еще слѣдовательскія и нотаріальныя функціи и обязанность участія въ засѣданіяхъ апелляціонной инстанціи, и такимъ образомъ работа участковаго судьи будетъ тяжелѣе и сложнѣе, чѣмъ работа прежняго мирового судьи; что, наконецъ, помимо своей зависимости отъ назначающаго и смѣщающаго, карающаго и награждающаго центральнаго начальства, участковый судья, въ своемъ качествѣ слѣдователя, ставится въ подчиненное отношеніе къ прокурорскому надзору и въ то же время вводится въ одинъ рядъ съ чинами полиціи, его ближайшими сотрудниками и, чаще всего, замѣстителями въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій,—если имѣть все это въ виду, то врядъ ли возможно будетъ уклониться отъ заключенія, что положеніе участковаго судьи и въ малой мѣрѣ не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыми обосновывается въ теоріи превосходство начала правительственнаго назначенія судей

передъ началомъ общественнаго избранія. Меньше независимости, меньше обезпеченности, больше труда—труда безпокойнаго, требующаго разнообразныхъ техническихъ навыковъ; слѣдовательно, больше нравственной подавленности, больше физической усталости, меньше технической ловкости и сноровки въ исполненіи каждой отдѣльной функціи изъ той богатой коллекціи, которая вручается участковому судѣ. Таковы, въ окончательномъ итогѣ, преимущества новаго типа мѣстнаго судьи передъ старымъ.

Къ своему новому созданію—энциклопедически разностороннему участковому судѣ—комmissiя питаетъ чрезвычайное довѣріе. Она далеко раздвинула предѣлы единоличной подсудности какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ и охранительнымъ. „Подсудность ближайшихъ къ населенію органовъ судебной власти,—говоритъ commissiя,—должна быть опредѣлена въ возможно болѣе широкихъ предѣлахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ немалое количество дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ и не могущихъ вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности подняться въ губернію, а затѣмъ и въ еще болѣе отдаленный центръ судебного округа, всетаки осталось бы въ состояніи безсудности“. Это приводится въ объясненіе того, почему commissiя удвоила размѣры гражданской юрисдикціи участковыхъ судей, по сравненію съ юрисдикціей мировыхъ судей, подчинивъ ихъ разсмотрѣнію иски на сумму до 1000 р. Забота о приближеніи суда къ населенію стоитъ у commissiи на первомъ планѣ, закрывая собою всѣ остальные потребности правосудія; можно подумать, что commissiя исходила изъ предположенія, что обыватель вѣчно судится или вѣчно готовъ судиться, и поэтому для него важнѣе всего имѣть судъ у себя подъ рукою, на близкомъ разстояніи, и ради этого удобства онъ готовъ помириться съ какимъ угодно пониженіемъ качественнаго уровня правосудія. Не совсѣмъ такъ смотрѣли на дѣло составители судебныхъ уставовъ. Въ свое время они находили, что невозможно подчинить вѣдѣнію мировыхъ судей даже иски до 500 р., и по первоначальному проекту мировая подсудность ограничивалась исками до 100 р. и исками до 500 р. при согласіи на то обѣихъ тяжущихся сторонъ.

Большинство тогдашней commissiи (26 членовъ противъ 6) полагало, что дѣла сколько нибудь значительной цѣнности, „въ видахъ охраненія интересовъ тяжущихся“, не могутъ быть предоставлены вѣдѣнію единоличныхъ судей, такъ какъ только коллегіальный составъ суда въ состояніи обезпечить правильное, спокойное, непристрастное и всестороннее разсмотрѣніе дѣла. Большинство опиралось тогда и на то соображеніе, что нигдѣ въ Европѣ мировымъ судьямъ не предоставлено такой обширной юрисдикціи—до 500 р. „Во Франціи мировымъ судьямъ предоставлено

было сначала рѣшать дѣла до 25 р., а въ Италіи до 75 р.; въслѣдствіи эти цифры увеличены во Франціи до 50 р. и въ Италіи до 250 р. Но и въ томъ, и другомъ государствѣ мировые судьи рѣшаютъ дѣла въ качествѣ суда 1-ой степени, подъ апелляціей общихъ судебныхъ мѣстъ“. „На самой родинѣ мирового института, въ Англіи, мировые судьи не имѣютъ почти никакой юрисдикціи по гражданскимъ дѣламъ. Разсматривая отдѣльные случаи гражданской юрисдикціи англійскихъ мировыхъ судей, можно убѣдиться въ томъ, что 300 рублей составляетъ максимумъ, далѣе котораго не идетъ эта юрисдикція. По большей же части цѣна иска не должна превышать 120 р. И это въ самой богатой странѣ въ мірѣ, въ странѣ, изъ которой всѣ другія государства заимствовали свои мировыя учрежденія“ (Объясн. зап. къ проекту уст. гр. суд. 1864 г., ч. I, стр. 16). Въ настоящее время въ Германіи вѣдѣнію единоличнаго судьи (Amtsrichter) подчинены денежные требованія на сумму не болѣе 300 марокъ, т. е. менѣе 150 р.

Необычайное расширеніе юрисдикціи единоличныхъ судей есть, такимъ образомъ, одна изъ наиболѣе самобытныхъ чертъ новаго проекта комиссіи. Она можетъ найти себѣ аналогію только въ нашемъ же окраинномъ судебномъ устройствѣ: въ Сибири, въ Архангельской губерніи, въ Закавказьѣ гражданская подсудность мировыхъ судей еще значительнѣе и обнимаетъ иски до 2000 руб. Задача объединенія превратилась въ задачу нивелированія, причемъ уровень правосудія, установившись, въ силу печальной необходимости, на отдаленныхъ малокультурныхъ окраинахъ, дѣлается общерусской, всероссійской нормой. „Обращаясь къ вопросу о томъ, читаемъ мы въ объясненіяхъ комиссіи, — насколько нынѣшнее устройство мѣстной юстиціи удовлетворяетъ требованію близости суда къ населенію, нельзя не замѣтить, что нормальная подсудность мѣстнаго суда заключена въ слишкомъ тѣсные предѣлы, и что вслѣдствіе этого судебная защита для обширной категоріи дѣлъ, примыкающей къ подсудности этихъ органовъ, оказывается весьма мало доступной. При сравнительной рѣдкости у насъ народонаселенія, не позволяющей, во многихъ мѣстностяхъ, учреждать болѣе одного окружного суда на губернію, хотя бы она занимала такое обширное пространство, какъ, напр., губерніи Саратовская, Уфимская, Олонецкая или Астраханская, и при невозможности даже въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ имѣть болѣе одного окружного суда на 6 или 5 уѣздовъ (за немногими лишь исключеніями), необходимость обращаться по всякому гражданскому дѣлу, цѣною свыше 500 р., въ судебное учрежденіе, нерѣдко отстоящее на сотни верстъ отъ мѣста жительства истца или лица, нуждающагося въ признаніи его правъ судебной властью, представляется весьма тягостной для обывателей, и судъ, поставленный въ такія условія для населенія, не можетъ быть признанъ доступнымъ для него судомъ“. „Кромѣ того, указываетъ комиссія

при оцѣнкѣ доступности современнаго суда нельзя упускать изъ виду ту перемѣну, которая произошла со времени изданія судебныхъ уставовъ въ экономическомъ быту населенія... Во много разъ увеличилось количество обращающихся въ странѣ денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понизилась ихъ цѣнность,—а это обстоятельство, въ свою очередь, не могло остаться безъ вліянія на экономическое значеніе того предѣла, который по судебнымъ уставамъ разграничивалъ область мировой подсудности отъ компетенціи общихъ судебныхъ мѣстъ. Если тридцать лѣтъ назадъ всякое дѣло на сумму свыше 500 р. дѣйствительно могло представлять довольно крупный имущественный интересъ, то въ настоящее время значеніе такого интереса можетъ быть связано съ дѣлами, значительно превышающими по своей цѣнѣ означенный предѣлъ въ 500 р., и только такія дѣла безъ особеннаго затрудненія для сторонъ могли бы быть изъяты изъ вѣдѣнія мѣстной юстиціи и подчинены окружнымъ судамъ.

Цитированный отрывокъ, который заключаетъ въ себѣ полностью всѣ доводы въ пользу расширенія подсудности мѣстнаго суда, въ высшей степени характеренъ для комиссіи въ отношеніи методологическомъ, если можно такъ выразиться: онъ даетъ образчикъ того, какъ комиссія оцѣниваетъ доказательства для подтвержденія принятыхъ ею положеній. Комиссія задалась цѣлью доказать, что сибирскіе судебные порядки въ сферѣ мѣстной юстиціи являются наиболѣе подходящими и для центральной и западной Россіи, въ виду сходства естественныхъ и культурныхъ условій. Чтобы доказать это, комиссія останавливается только на двухъ условіяхъ—пространствѣ округовъ окружныхъ судовъ и густотѣ населенія, точно они именно и являются единственно рѣшающими въ вопросахъ судоустройства,—и для сравненія, для установленія искомаго тождества или сходства комиссія указываетъ на такія губерніи, какъ Олонецкая, Уфимская, Астраханская. Но ни та, ни другая, ни третья не могутъ считаться типическими губерніями для Европейской Россіи; онѣ гораздо ближе стоятъ къ Россіи Азіатской, чѣмъ Европейской. Слѣдовательно, примѣръ этихъ губерній ровно ничего не способенъ доказать: пространства тамъ, дѣйствительно, обширныя, население рѣдкое, но, быть можетъ, самое число дѣлъ, возникающихъ тамъ, настолько ничтожно, что ради этихъ дѣлъ и интересовъ незначительной группы лицъ, участвующихъ въ нихъ, нѣтъ основанія жертвовать судебными интересами всей остальной страны и всего остального населенія. Комиссія утверждаетъ, что судебная защита для дѣлъ, примыкающихъ къ подсудности мѣстнаго суда, оказывается „весьма мало доступной“, что иски отъ 500 до 1000 р. вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности не могутъ „подняться въ губернію“ и остаются, такимъ образомъ, „въ состояніи безсудности“. Утвержденіе весьма рѣшительное,—но чѣмъ

оно доказывается? Если искамъ въ указанныхъ предѣлахъ, отъ 500 до 1000 р., трудно, невозможно подняться въ губернію, то дѣйствительность должна была бы давно уже обнаружить передъ нами это явленіе. Въ окружныхъ судахъ было бы замѣчено отсутствіе или рѣдкое появленіе такихъ дѣлъ и преобладаніе крупныхъ исковъ цѣною свыше 1000 р., въ мировыхъ судахъ былъ бы замѣченъ наплывъ исковъ съ искусственно и намѣренно уменьшенной оцѣнкой, приноровленной къ мировой подсудности; въ сенатѣ было бы замѣчено отсутствіе или ничтожное количество жалобъ по дѣламъ мировыхъ судей, такъ какъ если иску отъ 500 до 1000 р. трудно подняться въ губернію, то еще труднѣе иску менѣе 500 р. подняться въ столицу. Всѣ эти факты, въ которыхъ должно было бы неизбѣжно отразиться „состояніе безсудности“, указываемое комиссіей, могутъ подлежать строго-статистическому измѣренію, всѣ они допускаютъ точный учетъ. Но комиссіи не пришла даже и мысль о необходимости и возможности такого учета; она довольствуется голословнымъ утвержденіемъ, которому дѣйствительность, однако, противорѣчитъ самымъ очевиднымъ образомъ. Въ дѣйствительности, въ окружныхъ судахъ очень высокъ процентъ дѣлъ цѣною ниже 1000 р., а въ сенатѣ—очень высокъ процентъ жалобъ по дѣламъ мировой подсудности; значитъ, обыватель вовсе не раздѣляетъ пренебреженія комиссіи къ его имущественнымъ интересамъ, разъ они не превышаютъ цифры въ 1000 р. Вообще, это плохая экономія—даже въ смыслѣ приближенія суда къ населенію—создать близкую, доступную, но неудовлетворительную въ качественномъ отношеніи низшую инстанцію. Чѣмъ хуже устроена первая инстанція, чѣмъ менѣе она способна приобрести довѣріе и авторитетъ среди населенія, тѣмъ больше вѣроятія, что она будетъ поглощена второю инстанціей, куда будетъ переноситься каждое дѣло: первая единоличная инстанція окажется только переходной и никому ненужной ступеню, досаднымъ препятствіемъ, отдѣляющимъ населеніе отъ „настоящаго“ суда.

Параллельно расширенію гражданской юрисдикціи мѣстнаго суда идетъ расширеніе юрисдикціи уголовной. Вѣдомству участковыхъ судей подчиняются преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣляются: а) выговоры, внушенія и замѣчанія; б) денежныя взысканія не свыше *тысячи* рублей; в) арестъ, и г) заключеніе въ тюрьмѣ, не соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Норма въ тысячу рублей принята также и для гражданскихъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, и для стоимости оспариваемыхъ у виновнаго предметовъ или возлагаемыхъ на него расходовъ по

исправленію или уничтоженію совершеннаго вопреки требованіямъ закона; но уголовныя дѣла, по которымъ наказаніе за проступокъ соединено съ высылкою виновнаго изъ мѣста жительства, съ запрещеніемъ производить торговлю и промыселъ, или же съ закрытіемъ торговаго или промышленнаго заведенія,—хотя такое закрытіе можетъ причинить ущербъ гораздо большій, чѣмъ 1000 р.,—не исключаются всетаки изъ компетенціи единоличныхъ судей. Крайняя широта этой схѣмы подсудности явствуетъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій и изъятій, которыя сама коммиссія вынуждена была установить. Изъемятся дѣла, для которыхъ закономъ указана специальная подсудность высшимъ судебнымъ мѣстамъ, хотя бы преступное дѣяніе не влекло лишенія или ограниченія правъ (дѣла о преступленіяхъ государственныхъ и преступленіяхъ должности, по нарушеніямъ постановленій о печати, по нарушеніямъ врачебнаго устава врачами и фармацевтами; о прекращеніи работъ на фабрикахъ по стачкѣ рабочихъ, а также о насильственныхъ дѣйствіяхъ и угрозахъ, учиненныхъ участниками стачекъ; о бродяжествѣ). Затѣмъ изъемятся преступленія противъ вѣры и еще цѣлый рядъ другихъ, длинный перечень которыхъ можетъ быть опущенъ. Всѣ эти дѣла, признанныя болѣе важными, сохраняются въ вѣдомствѣ окружныхъ судовъ. Классификація преступныхъ дѣяній строится въ уголовномъ правѣ на одномъ признакѣ: преступленія распределяются на группы соотвѣтственно тяжести наказанія, угрожающаго виновному. Къ этой классификаціи преступленій по степени ихъ важности всюду и вездѣ примыкаетъ и система подсудности,—ибо однимъ изъ важнѣйшихъ интересовъ, охраняемыхъ правосудіемъ, признается интересъ подсудимаго—какъ бы онъ не понесъ наказаніе безвинно или сверхъ мѣры содѣяннаго. Поэтому, чѣмъ тяжелѣе угрожающая ему кара, тѣмъ большими гарантіями обставляется самый судъ надъ нимъ. Но коммиссія, сосредоточивъ свое вниманіе на одной цѣли—приблизить судъ къ населенію, уменьшить разстояніе между камерой судьи и квартирой обывателя, забыла про все остальное. Коммиссія забыла объ общихъ началахъ, служащихъ для разграниченія подсудности; внутри той классификаціи преступныхъ дѣяній по ихъ тяжести, которую даетъ матеріальное уголовное право, коммиссія создаетъ особую, совершенно произвольную классификацію, лишенную всякаго общаго критерія, такъ что предѣлы группы приходится указывать посредствомъ перечисленія всѣхъ отдѣльныхъ преступленій, входящихъ въ ея составъ.

Расширеніе уголовной юрисдикціи единоличныхъ судей коммиссія оправдываетъ тѣми-же соображеніями, которыя выше приведены были относительно юрисдикціи гражданской и которыя здѣсь еще менѣе примѣнимы, чѣмъ тамъ. Въ дѣлахъ уголовныхъ окружный судъ самъ приближается къ населенію, выѣзжая на

сессіи, и дальность разстояній, озабочивающая комиссію, становится, благодаря этому, менѣ чувствительной. Доступность суда для населенія въ дѣлахъ уголовныхъ означаетъ для подсудимыхъ—доступность защиты, а для обвинителей и потерпѣвшихъ—доступность той помощи, которую доставляетъ участіе въ дѣлѣ органовъ публичнаго обвиненія. Очевидно, что эта доступность должна неминуемо исчезнуть съ перенесеніемъ въ глухіе участки единоличныхъ судей цѣлаго ряда важныхъ дѣлъ, подлежащихъ въ настоящее время вѣдѣнію окружныхъ судовъ. Наконецъ, политико-экономическій доводъ комиссіи, посредствомъ котораго она доказываетъ, что Россія разбогатѣла со времени изданія судебныхъ уставовъ, такъ какъ „во много разъ увеличилось количество обращающихся въ странѣ денегъ“,—доводъ этотъ странно звучитъ въ примѣненіи къ уголовной подсудности, ибо увеличеніе количества денежныхъ знаковъ въ странѣ врядъли ведетъ за собою пониженіе цѣнности личной свободы и другихъ личныхъ правъ, которыя ставятся на карту въ уголовномъ процессѣ.

Самымъ слабымъ пунктомъ мирового института, на который чаще всего направлялись удары его противниковъ, было сѣздовое начало въ устройствѣ апелляціонной инстанціи. Сѣздовое начало приравнивалось къ круговой поруцѣ взаимной снисходительности, гдѣ рука руку моетъ, гдѣ судьи, призываемые для перевершенія дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, поддерживаютъ рѣшенія, вынесенныя товарищемъ, чтобы получить отъ него поддержку въ свою очередь. Недостатки сѣздового начала весьма рѣзко подчеркиваются комиссіей; она указываетъ на нихъ, какъ на сильный аргументъ въ пользу объединенія мѣстнаго суда—объединенія въ смыслѣ введенія мѣстныхъ судовъ въ общую систему судебной организаціи и іерархическаго ихъ сліянія съ общими судебными учрежденіями. И однако, какъ это ни покажется страннымъ, комиссія устроила апелляціонную инстанцію для участковыхъ судей на томъ же сѣздовомъ началѣ, которое столь рѣшительно осуждается ею когда рѣчь идетъ о мировыхъ судьяхъ. Апелляціонная инстанція учреждается въ видѣ уѣздныхъ и—въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ—городскихъ отдѣленій окружного суда, которыя съ окружнымъ судомъ ничего общаго, кромѣ имени, не имѣютъ и ни въ какой связи съ нимъ не состоятъ. Во главѣ этихъ отдѣленій ставится постоянный предсѣдатель въ лицѣ уѣзднаго члена, а коллегія судящихъ образуется изъ тѣхъ же участковыхъ, а также почетныхъ судей, призываемыхъ въ засѣданія по очереди. Словомъ, это тотъ-же сѣздъ—только не мировыхъ, а участковыхъ судей. Принять этотъ порядокъ, само собою разумѣется, по соображеніямъ „близости къ населенію“; и любопытно, что исключеніе изъ этого порядка дѣлается какъ разъ для тѣхъ

мѣстностей, гдѣ приближеніе суда къ населенію могло бы имѣть дѣйствительное значеніе, а именно: для Сибири, Туркестана, Степныхъ областей, Архангельской губерніи, вообще тамъ, гдѣ доступъ къ окружному суду дѣйствительно затрудняется и дальностью разстояній, и отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Между тѣмъ для указанныхъ мѣстностей апелляціонной инстанціей по дѣламъ участковыхъ судей остается, по прежнему, окружный судъ. Достоинства проектируемой апелляціонной инстанціи нашли себѣ достодолжную оцѣнку въ особомъ мнѣніи меньшинства комиссіи. „Самый характеръ товарищескаго суда, каковымъ является сѣздъ судей, собирающихся для разсмотрѣній жалобъ, приносимыхъ на каждого изъ нихъ, крайне затрудняетъ проявленіе со стороны апелляціонной инстанціи полнаго безпристрастія и достаточно строгаго отношенія къ дѣятельности подчиненныхъ ей единоличныхъ судебныхъ органовъ и дѣлаетъ надзоръ за послѣдними, въ сущности, почти лишь фактивнымъ. Затѣмъ, вызываемая организаціей второй инстанціи на сѣздовомъ началѣ необходимость ежемѣсячныхъ отлучекъ каждого изъ судей для участія въ засѣданіяхъ сѣзда, продолжающихся не менѣе пяти, шести дней, имѣетъ то неблагопріятное послѣдствіе, что на все указанное время разборъ дѣлъ въ камерахъ судей совершенно пріостанавливается, и, такимъ образомъ, населеніе каждый мѣсяцъ въ теченіе продолжительнаго времени лишается судебной защиты. Наконецъ, сѣзды не могутъ имѣть характера постоянно функционирующаго судебного установленія, такъ какъ засѣданія назначаются обыкновенно лишь періодически, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, въ дѣйствительности же, какъ свидѣлствуетъ опытъ мировыхъ учреждений, засѣданія постоянно откладываются за неприбытіемъ достаточнаго для образованія присяжнаго числа членовъ и происходить еще рѣже“. Правда, эти недостатки относятся къ сѣздовому началу вообще, но въ сѣздахъ участковыхъ судей, именуемыхъ уѣздными или городскими отдѣленіями окружнаго суда, они должны еще обостриться по сравненію со сѣздами мировыхъ судей. Во-первыхъ, духъ товарищества, духъ корпоративной солидарности всегда сильнѣе среди чиновниковъ, прошедшихъ приблизительно одну и ту же школу, видящихъ впереди одну и ту же карьеру, тѣсно связанныхъ одинаковостью положенія, интересовъ и стремленій, чѣмъ среди выборныхъ судей, падающихъ на судейское мѣсто изъ разныхъ общественныхъ круговъ, связь съ которыми не разрывается и послѣ избранія въ судьи; а во-вторыхъ, мировому сѣзду подчинены гораздо менѣе важныя дѣла, чѣмъ тѣ, которыя предполагается передать въ вѣдѣніе сѣздовъ участковыхъ судей. Самое же главное это то, что недостатки проектируемой апелляціонной инстанціи не находятъ себѣ никакого противовѣса въ устройствѣ инстанціи кассационной.

Мировые суды въ порядкѣ кассационнаго обжалованія подчинены кассационнымъ департаментамъ сената. Сенату же принадлежитъ высшій дисциплинарный надзоръ за всѣми судьями. Этимъ создается дѣйствительное, подлинное единство всѣхъ судебныхъ мѣстъ и установлений, дѣйствующихъ по судебнымъ уставамъ,—единство на почвѣ закона, одинаково для всѣхъ разясняемаго сенатомъ и одинаково всѣмъ примѣняемаго, и на почвѣ судебныхъ нравовъ, охраняемыхъ однимъ и тѣмъ учрежденіемъ, которому принадлежитъ высшій юридическій и нравственный авторитетъ въ мірѣ магистратуры. Коммиссія разрываетъ эту двойную связь, соединявшую мѣстный судъ съ кассационнымъ сенатомъ. Дисциплинарный надзоръ за участковыми судьями передается администраціи въ лицѣ министра юстиціи и состоявшей при немъ совѣщательной административной коллегіи (консультациі); кассационныя функціи къ дѣламъ участковыхъ судей вручаются судебнымъ палатамъ. Образцомъ, съ котораго скопировано это устройство, являются судебно-административныя учрежденія 1889 г., съ ихъ губернскими присутствіями въ роли губернскихъ кассационныхъ сенатовъ. Впрочемъ, въ дѣлѣ раздробленія мѣстнаго кассационнаго суда и отрѣшенія его отъ всякой связи съ высшимъ кассационнымъ судомъ имперіи настоящая коммиссія пошла еще дальше, чѣмъ авторы положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Названное положеніе допускаетъ, всѣтаки, пересмотръ неправильныхъ или неправосудныхъ рѣшеній губернскихъ присутствій въ общемъ собраніи сената; пересмотръ возбуждается, въ порядкѣ надзора, министромъ юстиціи по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Правда, возможность руководить этимъ путемъ кассационной дѣятельностью губернскихъ присутствій скорѣе призрачная, чѣмъ реальная; но и эта тѣнь авторитета правительствующаго сената изгоняется коммиссіей изъ кассационныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ. Судебныя палаты, въ качествѣ кассационной инстанціи, получаютъ въ свое распоряженіе всю полноту правъ по руководящему истолкованію дѣйствительнаго смысла закона, по устраненію противорѣчій въ немъ или восполненію его недостатковъ, какая въ настоящее время принадлежитъ только кассационнымъ департаментамъ сената. Кассационныя полномочія палатъ оказываются шире въ этомъ отношеніи, чѣмъ такія же полномочія отдѣленій кассационныхъ департаментовъ сената; каждая палата въ предѣлахъ своего округа явится—по дѣламъ мѣстной юстиціи—верховнымъ кассационнымъ судилищемъ, независимымъ органомъ судебного правотворчества. Установленіе дюжины такихъ судилищъ равносильно раздробленію страны на такое же количество независимыхъ судебныхъ уѣздовъ, въ которыхъ единый законъ будетъ испытывать на себѣ все „обманчивое непостоянство“ разнообразныхъ толкованій. Это „обманчивое непостоянство“ воспрещается нашими основными законами, но

врядъ-ли возможно его избѣжать, разъ функція толкованій передается двѣнадцати или тринадцати отдѣльнымъ и разобщеннымъ между собою учрежденіямъ, дѣйствующимъ въ разныхъ условіяхъ, подъ разнообразными мѣстными и личными вліяніями. Пока сенатъ руководитъ дѣятельностью судовъ, онъ этимъ самымъ ограждаетъ ихъ отъ постороннихъ давленій, прямыхъ или косвенныхъ; правосудіе у насъ недостаточно еще окрѣпло, чтобы не нуждаться въ могущественной охранѣ, и такой охраной служить законный авторитетъ правительствующаго сената, одного изъ высшихъ учреждений имперіи. Независимость судебныхъ палатъ отъ сената, ихъ кассационный суверенитетъ лишаетъ ихъ, въ сущности, этой опоры; въ борьбѣ съ возможными внѣшними воздѣйствіями палаты предоставляются исключительно своимъ собственнымъ силамъ. Къ вѣдомству участковыхъ судей относится множество дѣлъ, въ которыхъ близко затрогиваются интересы администраціи или фиска; задача правосудія въ этого рода дѣлахъ состоитъ въ томъ, чтобы удержать притязанія казны или власти въ предѣлахъ законности. Сенатъ исполнялъ эту задачу съ независимостью, и это, конечно, не послѣдняя его заслуга; судебныя палаты поставлены въ этомъ отношеніи въ положеніе на столько же худшее, на сколько ихъ авторитетъ уступаетъ авторитету сената. Самая малочисленность состава проектируемыхъ кассационныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ явится также факторомъ, который неминуемо вызоветъ колебанія и противорѣчія въ кассационной дѣятельности этихъ учреждений; въ коллегіи, состоящей изъ небольшого числа лицъ, не можетъ образоваться устойчивая, послѣдовательная традиція, такъ какъ составъ такой коллегіи слишкомъ легко поддается измѣненію. То въ нее вступаютъ, по назначенію свыше, новые члены, то уходятъ старые, и каждое новое лицо—это уже замѣтная величина, способная вліять на характеръ коллективной работы. Новое лицо принесетъ съ собою свои взгляды, быть можетъ, свои заблужденія, и все это отразится на самой кассационной практикѣ палаты. Наконецъ, уровень этой практики долженъ понизиться уже по одному тому, что исчезаетъ спеціализація кассационныхъ функцій, такъ какъ при палатахъ предполагается учреждать не по два, а по одному кассационному департаменту, который будетъ разбирать какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла.

Раздробленіе кассационной инстанціи неизбежно ставитъ вопросъ, какъ устранять противорѣчія, которыя возникнутъ между теченіями кассационной практики въ разныхъ „удѣлахъ“? Коммиссія полагаетъ, что стражемъ кассационнаго единства можетъ быть министръ юстиціи. Въ силу ст. 259¹ учрежденія судебныхъ установленій, министръ юстиціи имѣетъ право вносить на разрѣшеніе сената тѣ или иные вопросы, вызывающіе противорѣчія въ судебной практикѣ; это право, осуществляемое министромъ въ порядкѣ надзора, явится, по мнѣнію коммиссіи, вполне пригод-

нымъ средствомъ для того, чтобы смягчать или сглаживать удѣльные раздоры въ кассационной сферѣ. Насколько это средство дѣйствительно—объ этомъ свидѣлствуетъ опытъ примѣненія указаннаго надзора до сихъ поръ, а также существующій надзоръ того же министра юстиціи по отношенію къ кассационной дѣятельности губернскихъ присутствій. Результаты въ обоихъ случаяхъ оказываются крайне незначительными; да иначе и быть не можетъ, если имѣть въ виду, что на кассационное разсмотрѣніе восходитъ огромная масса дѣлъ, въ которыхъ возникаютъ крайне разнообразныя вопросы, и никакое лицо, никакое учрежденіе, безъ содѣйствія частной инициативы и энергіи тяжущихся, не въ силахъ руководить движеніемъ этой лавины. Къ надзору за губернскими присутствіями тяжущіеся еще прикосновенны до нѣкоторой степени, такъ какъ неправильныя рѣшенія губернскихъ присутствій подвергаются въ сенатѣ пересмотру и могутъ подлежать отмѣнѣ. Но послѣдствія надзора за судебными палатами по ст. 259¹ учр. суд. уст. для частнаго интереса тяжущихся, участвующихъ въ дѣлѣ, совершенно безразличны: вопросъ, возникшій по дѣлу, долженъ быть предложенъ сенату въ отвлеченной формѣ, и сенатъ выносить такое же отвлеченное рѣшеніе, которое нисколько не вліяетъ на судьбу дѣла; даже самое дѣло, по поводу котораго былъ возбужденъ вопросъ, не упоминается въ рѣшеніи сената. Въ настоящее время разъясненія сената, послѣдовавшія хотя бы по вопросамъ, внесеннымъ въ порядкѣ надзора, имѣютъ обязательное руководящее значеніе для всѣхъ судовъ при разрѣшеніи ими другихъ аналогичныхъ дѣлъ. Но для судебныхъ палатъ, дѣйствующихъ въ качествѣ кассационныхъ инстанцій, сенатскія рѣшенія не будутъ имѣть никакого формальнаго авторитета, такъ что отъ доброй воли той или иной палаты будетъ зависѣть, принять ли къ свѣдѣнію взглядъ сената или остаться при своемъ мнѣніи,—а отъ доброй воли министра будетъ зависѣть или содѣйствовать, опять таки въ порядкѣ общаго надзора, чтобы рѣшенія сената не оставались мертвой буквой и чтобы съ сенатской кассационной практикой болѣе или менѣе согласовалась кассационная практика палатъ, или держаться въ этомъ отношеніи принципа *laissez faire, laissez aller*.

Тутъ мы подошли, быть можетъ, къ самому существенному пункту предположеннаго „объединенія“ мѣстнаго суда и затронули его глубочайшій нервъ. Въ самомъ дѣлѣ, значеніе административнаго надзора, какъ органа кассационнаго единства, темно или ничтожно, но значеніе того же надзора, какъ орудія воздѣйствія на кассационную практику палатъ и направленіе ея согласно съ видами административнаго главы судебного вѣдомства, не лишено нѣкотораго реального вѣса. Выборъ вопросовъ, вносимыхъ на разрѣшеніе сената, и самая формулировка ихъ принадлежитъ министру юстиціи; онъ воленъ обратить вниманіе на какое-либо

возникшее въ практикѣ противорѣчіе или пройти мимо Эта монополія возбужденія вопросовъ, предоставленная министру по отношенію къ обширной области правосудія, отмежеванной для кассационной дѣятельности палатъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаться стѣснительной для него самого;—напримѣръ, въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны интересы другихъ вѣдомствъ или казны, вмѣшательство министерскаго надзора, министерской инициативы является крайне щекотливымъ либо по отношенію къ частнымъ лицамъ, участвующимъ въ дѣлѣ, либо по отношенію къ самимъ вѣдомствамъ. Но, такъ или иначе, безспорно, что самое право этой инициативы, въ связи съ другими способами вліянія, которые находятся въ рукахъ іерархическаго главы вѣдомства юстиціи, открываетъ возможность извѣстнаго реального воздѣйствія на кассационную практику судебныхъ палатъ въ томъ или иномъ направленіи, соотвѣтствующемъ условіямъ или вѣяніямъ времени. Такимъ образомъ, по проекту комиссіи, мѣстный судъ на всѣхъ ступеняхъ, отъ нижней до высшей, оказывается тѣсно связаннымъ съ администраціей,—не съ мѣстной администраціей, какъ это установлено положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ, а съ центральной администраціей вѣдомства юстиціи. Участковые судьи назначаются министромъ; дисциплинарный надзоръ за ними принадлежитъ министру; они увольняются и перемѣщаются по усмотрѣнію министра; апелляціонная инстанція состоитъ изъ тѣхъ же участковыхъ судей съ добавленіемъ почетныхъ, которые также назначаются министромъ; кассационныя функціи исполняются судебными палатами подъ общимъ и спеціальнымъ надзоромъ министра, которому и въ этой области отводится болѣе или менѣе руководящая роль. Министръ дѣлается краеугольнымъ камнемъ мѣстнаго суда; на этомъ камнѣ воздвигается и держится все зданіе. Это и есть то „объединеніе“, которое достигнуто комиссіей въ ея проектѣ—правда, цѣною невиданнаго еще раздробленія правосудія. Идея такого объединенія и есть господствующая, направляющая идея всего преобразованія, которая связываетъ крѣпкою внутреннею связью всѣ его отдѣльныя части и детали.

Намъ осталось досказать немного о мѣстной юстиціи по предположеніямъ комиссіи пересмотра. Хотя комиссія сознательно и намѣренно уклонилась отъ всякаго прикосновенія къ судебно-административнымъ учрежденіямъ, образованнымъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 г., тѣмъ не менѣе ея проектъ косвенно затрагиваетъ и эти учрежденія, измѣняя ихъ составъ—къ худшему. Изъ уѣздныхъ сѣздовъ—апелляціонной инстанціи по дѣламъ, подсуднымъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ—

уводятся комиссіей, во-первыхъ, упраздняемые городскіе судьи и, во-вторыхъ, почетные мировые судьи. Почетные мировые судьи превращаются въ почетныхъ судей просто; порядокъ ихъ назначенія измѣняется: вмѣсто избранія земствомъ и утвержденія правительствующимъ сенатомъ предлагается назначеніе ихъ министерствомъ юстиціи, причемъ земствамъ и городскимъ думамъ оставляется только право рекомендаціи своихъ кандидатовъ. Для почетныхъ судей, не имѣющихъ за собою такой рекомендаціи, повышается образовательный цензъ—требуется высшее образованіе или служба по судебному вѣдомству и упраздняется цензъ имущественный; для думскихъ и земскихъ кандидатовъ сохраняется существующее соединеніе двухъ цензовъ—образовательнаго (среднее образованіе) и имущественнаго, причемъ достаточной замѣной отсутствующаго среднего образованія признается служба не только по судебному вѣдомству, но и въ должностяхъ предводителя дворянства или земскаго начальника. Не лишено нѣкотораго интереса то обстоятельство, что въ комиссіи пересмотра нашлось значительное меньшинство, которое предлагало вообще замѣнить образовательный цензъ сословнымъ—принадлежностью къ потомственному дворянству. Дѣятельность почетныхъ судей сводится, по проекту, къ участію въ засѣданіяхъ городскихъ и уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда, а также уѣздныхъ сѣздовъ, т. е. всѣхъ апелляціонныхъ инстанцій по дѣламъ мѣстной юстиціи. Такимъ образомъ, съ уходомъ изъ уѣздныхъ сѣздовъ городскихъ судей, которые никѣмъ не замѣщаются, и почетныхъ мировыхъ судей, избранниковъ всесословнаго земства, замѣщаемыхъ почетными судьями по назначенію министра—эти учрежденія теряютъ и тотъ слабый судебный и общественный элементъ, который входилъ въ ихъ составъ и до нѣкоторой степени служилъ противовѣсомъ преобладанію элемента сословно-административнаго въ лицѣ земскихъ начальниковъ и уѣзднаго предводителя дворянства. Таковъ послѣдній штрихъ, дорисовывающій образъ будущей мѣстной юстиціи по начертаніямъ комиссіи пересмотра.

Д. Л

Наша корпоративная ученость и профессиональная гуманность конца вѣка.

(Письмо изъ Ростова на Дону).

I.

Въ № 317 „Приазовск. Края“ отъ 3 декабря 1899 года въ отдѣлѣ „мѣстная хроника“ была напечатана, между прочимъ, слѣдующая коротенькая замѣтка:

„29 ноября состоялась очередное засѣданіе общества врачей Ростова и Нахичевани. Въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, между прочимъ, было отношеніе предсѣдателя ростовскаго окружного попечительства дѣтскихъ пріютовъ къ обществу врачей, въ которомъ онъ просилъ послѣднее высказаться по вопросу, въ какой степени является опасной для окружающихъ проказа, и не слѣдуетъ ли, въ видахъ предупрежденія появленія этой болѣзни среди воспитанниковъ, воспретить родителямъ или родственникамъ прокаженныхъ посѣщать дѣтей пріюта. Основаніемъ такого запроса послужили посѣщенія матери, больной проказой, своей призрѣваемой въ пріютѣ дочери. Общество врачей, по обсужденіи этого вопроса, высказалось за недопущеніе такихъ посѣщеній“.

По тому же поводу репортеръ другой мѣстной газеты, нѣкій г. Скептикъ выступилъ съ обширной замѣткой, въ которой читаемъ слѣдующее: „Вопросъ былъ рѣшенъ послѣ непродолжительныхъ дебатовъ и въ смыслѣ категорическаго и абсолютнаго запрещенія... Изъ собравшихся въ засѣданіе медицинскаго общества 32 врачей за позволеніе матери продолжать посѣщенія высказалось только трое или четверо; остальные были противъ этого. Мало того, одинъ изъ нихъ пошелъ даже дальше и поставилъ вопросъ: допустимо ли пребываніе въ стѣнахъ пріюта самой дѣвочки, дочери прокаженной больной, въ виду того, что въ наукѣ (sic!) констатировано, что унаслѣдованная проказа можетъ проявиться поздно и нѣтъ гарантіи за то, что носительница такой, такъ сказать, скрытой, еще не проявившейся формы проказы, совершенно безопасна для своихъ маленькихъ подругъ“ *).

*) «Донская рѣчь» № 244 отъ 13 XII 1899 г. «Отголоски».

ствуя вышеприведенное рѣшеніе группы врачей ростово-нахичеванскаго медицинскаго общества, г. Скептикъ обрушивается затѣмъ грозной филиппикой противъ другой „цѣлой группы (мѣстныхъ) врачей“, обвиняя ихъ въ томъ, „что въ возникавшіе по этому поводу (заразительности проказы) дебаты врачи (до сей поры) вносили вовсе неумѣстную страстность, большею частью ничего общаго съ научнымъ убѣжденіемъ не имѣвшую и основывавшуюся исключительно на личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, чувствахъ дружбы и вражды. *Желаніе подорвать* (курс. мой) дѣло, затѣянное несимпатичнымъ кой-кому врачомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, *открывшимъ* (курс. г. Скептика) въ нашихъ мѣстахъ проказу, какъ развивающійся грозный бичъ бѣднѣйшаго населенія, увлекло цѣлую группу врачей до того, что всѣми (?) признанная научная истина *или дѣйствительно не была видна имъ*, или они просто *не хотѣли* ее видѣть, или, что хуже всего, *во что бы то ни стало и наипрѣнно скрывали* ее отъ большой публики“ (курс. мой). Результатомъ такой, если можно такъ выразиться, злонамѣренной куриной слѣпоты со стороны „цѣлой группы врачей“ было, по мнѣнію г. Скептика, то, что „старые члены (здѣшняго общества для борьбы съ проказой), расколоженные пронесшимся *urbi et orbi* сомнѣніемъ въ заразительности проказы и освободившіеся поэтому отъ перспективы стать жертвами ея, бѣгутъ или заявляютъ о нежеланіи своемъ оставаться въ числѣ членовъ“.

Поэтому, полагаетъ далѣе г. Скептикъ, „почти единогласный и категорическій отвѣтъ членовъ медицинскаго общества раздался среди *умиротвореннаго* (курс. г. Скептика) на счетъ проказы населенія Ростова такъ же неожиданно, какъ громъ среди безоблачнаго неба. Въ самомъ дѣлѣ, если врачи боятся, какъ бы дѣтиски дѣтскаго пріюта не заразились во время минутныхъ и рѣдкихъ посѣщеній прокаженной больной,—какое же можетъ быть мѣсто сомнѣнію въ заразительности проказы“.

Не можемъ не вспомнить по этому поводу, что самъ г. Скептикъ, рѣшительно заявляющій, что въ прилипчивости проказы не можетъ быть и сомнѣнія (послѣ того, какъ это признала небольшая группа врачей),—весьма не задолго передъ тѣмъ утверждалъ совершенно противное. Еще недавно въ мѣстной же прессѣ онъ трактовалъ о проказѣ, какъ о болѣзни совсѣмъ неприлипчивой и нестрашной, издавна знакомой мѣстнымъ городскимъ и нашимъ земскимъ врачамъ, которые не считали нужнымъ подымать шумъ по поводу весьма рѣдко и единично встрѣчающихся случаевъ этого страданія, имѣя каждодневно предъ собой десятки и сотни страдальцевъ, одержимыхъ другими болѣзнями, дѣйствительно грозными, несомнѣнно заразительными и такъ же быстро прилипчивыми, какъ и быстро разрушающими организмы, ставшіе ихъ жертвой.

Не было тогда рѣчи и о какомъ-то мнѣніи „несимпатичномъ кой-кому врачѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова *открывшимъ* въ нашихъ мѣстахъ проказу, какъ развивающійся грозный бичъ бѣднѣйшаго населенія“, такъ какъ г. Скептикъ, вѣроятно, зналъ, что „существованіе проказы на Дону установлено еще въ концѣ XVIII вѣка“ *), или, по крайней мѣрѣ, слышалъ, что извѣстный русскій лепрологъ, профессоръ Минхъ, болѣе 15 лѣтъ назадъ посѣтившій „наши мѣста“ съ цѣлью ознакомленія съ господствующими здѣсь формами лепры, даже и не подумалъ приписать себѣ подобное „открытіе“. Цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ существованіе проказы признано на Донѣ официально, прошло почти два десятилѣтія, какъ къ пріѣзду названнаго профессора въ м. Кагалышкѣ бывшаго Ростовскаго уѣзда со всѣхъ концовъ стекались лепрозные, чаевшіе исцѣленія; прошло много лѣтъ, какъ прокаженные фигурируютъ въ амбулаторныхъ записяхъ не только нашихъ городскихъ и земскихъ врачей,—но даже и фельдшеровъ, и не смотря на это въ настоящее время болѣе 150 душъ этихъ больныхъ на громадный районъ насчитать не удалось. За цѣлое столѣтіе—150 душъ **). Гдѣ же данныя, что мы опроказиваемся? Гдѣ оправданія для запугиванія населенія? Гдѣ мотивы для драконовскихъ законовъ относительно горсти несчастныхъ и ихъ семей, якобы опасныхъ для большинства?..

Тѣ изъ читателей, которымъ пришлось заинтересоваться вопросомъ о нашихъ прокаженныхъ, о мѣрахъ, необходимыхъ для ихъ призрѣнія, упорядоченія ихъ быта и устраненія возможности для распространенія ими болѣзни среди „бѣднѣйшаго населенія“ нашего округа, припомнятъ, быть можетъ, и содержаніе статей по этимъ вопросамъ, которыя печатались мной какъ въ провинціальной, такъ и въ столичной прессѣ. Ни въ одной изъ этихъ статей не было ничего такого, что прямо или косвенно могло бы подрывать мѣстное общество для борьбы съ проказой. Такъ, напр., въ № 323 „Приднѣпровскаго Края“ за 1898 г., гдѣ мной отстаивалось мнѣніе, что намѣреніе названнаго общества учреждать колонію на землѣ, арендуемой близъ Гниловской станицы, и нецѣлесообразно и весьма рискованно, я писалъ:

„Рѣшившись высказать свой взглядъ по вопросу о лепрозоріи публично, я былъ далекъ отъ всякихъ „походовъ“, отъ всякаго

*) Отчетъ о дѣятельности «Общ. для борьбы съ проказ. въ Рост. округѣ» по 1 янв. 1899 г. стр. 1.

**) Интересно, что въ новѣйшемъ отчетѣ Ростовскаго общ. борьбы съ проказой число лепрозныхъ нашего округа указано уже въ 119 душъ. Неизвѣстно, чему приписать такую быструю убыль больныхъ: испугалась-ли проказа проектирующихся мѣръ «борьбы» съ нею или наши мѣстные лепрологи слишкомъ ужъ часто ошибаются въ своихъ діагнозахъ?... М. Л.

намѣренія „расхолодить обывателя-жертвователя“; Я хотѣлъ освѣтить вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія и предостеречь отъ увлеченій, могущихъ въ послѣдствіи оказаться для общества борьбы пагубными. Я хотѣлъ указать на то, что „борьбу“ съ недугомъ, калѣчащимъ десятки людей, надо вести иначе; надо ассенизировать самую почву, порождающую данное зло, а мѣры палліативныя нужно проводить обдуманно и цѣлесообразно. Я указалъ на то, что строить пріютъ для лепрозныхъ въ мѣстности, гдѣ эта болѣзнь гнѣздится эндемически—и не научно, и вредно; что соорудить цѣлую прокаженную колонію близъ населенныхъ и бойкихъ городскихъ центровъ, въ корнѣ противорѣчитъ всей идее ея устройства. Если это зараза, то локализируйте ее въ мѣстности, гдѣ климатически-территоріальныя условія не благоприятствуютъ ея развитію и возникновенію и не концентрируйте ее въ „Гнілоу“, почти предместьи Ростова. Если хотите строить не на пескѣ, а прочно, то стройте пріютъ на землѣ, отведенной обществу въ вѣчность, а не въ арендное владѣніе и не вручайте судьбы цѣлаго учрежденія капризу или прихоти темной массы, которая недавними холерными и эпизоотическими беспорядками доказала, на какой слѣпой вандализмъ она способна.

„Неужели-же за подобныя обоснованныя соображенія слѣдуетъ клеймить человѣка врагомъ нашего новаго филантропическаго общества?.....

„Обидно, право, становится за нашего обывателя, котораго считаютъ способнымъ на благое дѣло, на филантропическій порывъ, только послѣ оглушенія какимъ-нибудь панику наводящимъ приѣмомъ. Но мало того: считаютъ необходимымъ поддерживать эту панику, чтобы не дать обезумѣвшему отъ страха обывателю придти въ себя. Что было-бы съ нами, если-бы на столбцахъ мѣстнаго органа ежедневно появлялись воззванія, съ запугиваніями всѣхъ имѣющихся въ городѣ филантропическихъ обществъ и друзей бѣдной, нуждающейся больной массы? Неужели для того, чтобы протянуть руку для добраго дѣла, нужно имѣть предъ собой призракъ непосредственно лично угрожающей опасности?...

„Публика наша напугана; ежедневно наши врачи осаждаются просьбами, то осмотрѣть прислугу, то домохозяевъ, то дѣтей.

„Мы убѣждены, что такой тактикой наши ревнители чрезмѣрной заразительности и опасности проказы только повредятъ своему дѣлу. Публика очнется отъ страха, увидитъ, что проказа совсѣмъ не такъ страшна, какъ ее „малюютъ“ на фотографическихъ снимкахъ и на столбцахъ и поостынетъ понемногу; обыватель пойметъ, что идетъ пальба изъ пушекъ по воробьямъ и, раздосадованный, можетъ отвернуться прочь отъ добраго дѣла.

„Дѣло призрѣнія несчастныхъ и нищихъ калѣкъ, бездомныхъ скитальцевъ прокаженныхъ, влачащихъ жалкое существованіе подѣ

бременемъ тяжелаго неизлѣчимаго недуга—дѣло хорошее, весьма симпатичное и необходимое, какъ и всякое дѣло на пользу обездоленнаго, убогаго или больнаго; цѣль общества организациі помощи прокаженнымъ весьма гуманна и похвальна; но пускаемые въ ходъ средства для достиженія этой цѣли—порой совсѣмъ ужъ негуманны и нецѣлесообразны, и невольно рука тянется къ перу, чтобы во время образумить слишкомъ „увлеченныхъ“ и „преувеличивающихъ“.

„Указавъ на земство и правительственные органы, пекущіеся о нуждахъ нашей народной массы, я хотѣлъ лишь выразить то, что будъ проказа такъ страшна, на нее обратили бы давно должное вниманіе и приняли-бы соотвѣтственныя мѣры. Вѣдь болѣзнь эта извѣстна на Дону уже десятки лѣтъ. Намъ указываютъ на Прибалтійскій Край, на Норвегію и проч. Но имѣемъ-ли мы здѣсь тамошнія культурно-бытовые условія и такъ-ли поставлено тамъ дѣло общественной инициативы въ борьбѣ съ даннымъ зломъ, какъ стараются поставить его у насъ?... Какъ врачъ, я, прежде всего, сознаю, что прокаженные нуждаются въ помощи, какъ неизлѣчимо-больные; какъ человѣкъ, я соболѣзную ихъ тяжелому, порой трагическому положенію. Они нуждаются въ помощи; но помощь эту необходимо организовать *осмысленно и прочно* и не нужно для этого пускать въ ходъ средства совсѣмъ негуманныя; не нужно наводить на „жертвователя-обывателя“ чисто библейскую панику, чтобы заставить его щедрѣй раскошелиться!“.

Ни въ одной странѣ, гдѣ наблюдается проказа, нѣтъ закона, на основаніи котораго водвореніе прокаженнаго въ пріютѣ было бы обязательнымъ, и не всюду и вездѣ съ такой легкостью и „человѣчностью“ рѣшается сложная и отвѣтственная задача отношеніи общества и правительственной власти къ лепрознымъ и ихъ семьямъ, какъ то дѣлаетъ г. Скептикъ и сдѣлали два десятка мѣстныхъ врачей, притомъ даже не специалистовъ. Такъ, напримѣръ, старѣйшій изъ лепрологовъ Даніелсенъ, много десятковъ лѣтъ наблюдающій прокаженныхъ въ классической странѣ этой болѣзни, —Норвегіи, между прочимъ, говоритъ:

„У насъ (въ образцовыхъ госпиталяхъ, конечно, а не въ саманныхъ лепрозоріяхъ и „хаткахъ“) женщины прядуть, вяжутъ чулки или другія вещи и отчасти сами шьютъ для себя платье. Мужчины дѣлаютъ рыболовныя сѣти, занимаются сапожнымъ ремесломъ и отчасти огородничествомъ. *Больные съ зачатками болѣзни имѣютъ разрѣшеніе бывать въ городѣ и посѣщать церкви.* Часто они устраиваютъ прогулки въ окрестныя деревни, и мы не имѣемъ ни единого примѣра распространенія болѣзни путемъ переноса. Лепрозныхъ отнюдь не слѣдуетъ принуждать селиться въ госпиталяхъ. Если послѣдніе хорошо устроены и находятся подъ гуманнымъ управленіемъ, больные сами предпочитаютъ жить тамъ, чѣмъ въ жалкихъ хижинахъ. Нѣсколько лѣтъ

назадъ у насъ былъ изданъ законъ, на основаніи котораго прокаженные, не бывшіе въ состояніи изолироваться у себя на дому, понуждались попечительствомъ о бѣдныхъ и санитарной полиціей идти въ госпиталь. Такимъ путемъ водворены были въ пріютъ въ Бергенѣ нѣкоторые больные; но результатъ былъ тотъ, что водворенные насильно пансіонеры не замедлили улепетнуть изъ убѣжища“ *). Въ виду того, говоритъ уже отъ себя проф. Neumann **), „что проказа есть преимущественно болѣзнь бѣдныхъ, и ея возникновеніе и распространеніе вызываются *плохими жильемъ и питаніемъ* и разнаго рода лишеніями, наше вниманіе должно быть *главнымъ образомъ* направлено на *улучшеніе общихъ санитарныхъ условій*... Прилипчивость проказы въ настоящее время не такъ ужъ оспорима, какъ раньше, но нужно помнить, что передача возможна только *при многолюдствѣ, самомъ близкомъ соприкосновеніи*, и то лишь въ случаяхъ бугорковой формы лепры. Поэтому мы не вправѣ на столько преувеличивать заразительность проказы, чтобы опасаться ея распространенія тамъ, гдѣ ее находятъ въ единичныхъ случаяхъ. Лепру можно встрѣтить лишь тамъ, гдѣ господствуютъ самыя отвратительныя гигиеническія условія; но и при этихъ условіяхъ требуются еще и другіе факторы для того, чтобы эта болѣзнь могла вообще возникнуть. Поэтому преувеличенная проказобоязнь ни на чемъ не основана“ ***).

II.

Но возвратимся къ рѣшенію ростово-нахичеванскаго медицинскаго общества, съ котораго мы начали нашу замѣтку, и посмотримъ, чѣмъ руководилось почтенное собраніе, вынося такой тяжелый приговоръ для матери и дочери на томъ основаніи, что одна изъ нихъ будто-бы страдаетъ проказой. Гдѣ опытъ, гдѣ фактическія данныя, гдѣ научныя основы, которыми случайное большинство засѣданія 29 ноября хоть сколько-нибудь могло-бы обосновать свое столь-же категорическое, сколь и жестокое и безчеловѣчное рѣшеніе, которымъ два близкихъ и тѣсно связанныхъ существа становятся другъ для друга какъ-бы заживо-похороненными?

Защитники этого рѣшенія ссылались на опустошительное шествіе лепры въ средніе вѣка, потребовавшей будто бы „девятинадцать тысячъ лепрозорій въ XIII вѣкѣ“; ссылались на автори-

*) Цитирую по докладу проф. I. Neumann'a (in Wien) берлинской лепрозной конференціи 1897 г. «Die Lepra in Bosnien und der Herzogovina» стр. 26 и 27.

**) Ibid.

***) Курс. вездѣ мой. М. Л.

теты, на литературу, наконецъ,—на недавнюю—1897 г. — берлинскую лепрозную конференцію.

Разберемся же въ этихъ ссылкахъ и постараемся познакомить читателя, напуганнаго, быть можетъ, нашими ярыми лепроманами, на сколько ссылки эти могутъ оправдать такіа строгія и безчеловѣчныя мѣропріятія по отношенію къ несчастнымъ больнымъ и ихъ семьямъ, какія рекомендуются выше названной корпораціей врачей *).

„Девятнадцать тысячъ лепрозорій, существовавшихъ въ XIII вѣкѣ, говоритъ проф. А. Г. Полотебновъ **), составляютъ краеугольный камень современныхъ взглядовъ на средневѣковую проказу. Разсуждаютъ такъ: разъ существовала такая масса убѣжищъ, при незначительномъ, сравнительно съ нынѣшнимъ, населеніи Европы (безъ Россіи), значитъ—была масса прокаженныхъ, была „эпидемія проказы“, хотя объ этой эпидеміи ни однимъ словомъ не упоминаютъ ни историки, ни врачи тогдашняго времени. Эта страшная эпидемія, наводившая, какъ увѣряютъ, ужасъ на тогдашнее населеніе, уничтожилась въ половинѣ XVII вѣка, благодаря опять тѣмъ же 19,000 лепрозоріямъ, въ которыхъ прокаженные подвергались насильственному пожизненному заключенію. Если средневѣковыя лепрозоріи дали такой блестящій результатъ—уничтожили проказу, то понятно, что и въ настоящее время слѣдуетъ облагодѣтельствовать современное общество въ борьбѣ съ проказой тѣми же средневѣковыми учрежденіями съ насильственнымъ пожизненнымъ заключеніемъ прокаженныхъ. Поэтому вопросъ о 19,000 лепрозоріяхъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

„Авторы прошлаго столѣтія, говоря о проказѣ—въ отдѣльныхъ ли монографіяхъ, или въ общихъ трактатахъ по медицинѣ,—принимаютъ безъ всякихъ оговорокъ, что въ тринадцатомъ вѣкѣ въ христіанскихъ государствахъ существовало ни болѣе, ни менѣе, какъ 19,000 лепрозорій (Leprosorium vel Leprosarium). Впервые цифру 19,000 лепрозорій я встрѣтилъ у Raymond'a ***), который

*) Считаю необходимымъ оговориться здѣсь, что въ засѣданіи 29, XI, 99 одинъ изъ членовъ общества ростово-нахичеванскихъ врачей, докторъ Н. А. Москалѣвъ, опытный и весьма уважаемый у насъ дерматологъ, рѣзко выступилъ противъ рѣшенія большинства, указавъ на всю его безчеловѣчность, непрактичность и вредъ въ отношеніи общественномъ и всю его неосновательность и шаткость въ отношеніи научномъ. Но гуманный и здравый голосъ уважаемаго врача не нашелъ отклика въ собраніи, гдѣ большинство составляли лица совсѣмъ чуждыя дерматологіи и абсолютно незнакомыя съ спеціальной литературой вопроса. М. Л.

**) Еженедѣльный журналъ «Практич. медиц.» 1899 г. № 47. Статя: «19,000 лепрозорій (литературная справка)».

***) Histoire de l'éléphantiasis, contenant aussi l'origine du scorbut, du feu st. Antoin, de la verole etc. par Raymond d-r en médecine etc. Lausanne. 1767.

А. Г. II.

на стр. 106 своего сочинения, говоря о чрезвычайномъ распространении проказы, ссылается на Matthieu Paris'скаго, въ свое еще время насчитывавшаго 19.000 лепрозорій въ христіанскомъ мірѣ:

„L'éléphantiasis serepandit d'une façon si etonnant avec toutes les affections lepreuses ses alliées, ainsi qu'elle fait encore aujourd'hui dans les isles de la Grece, qui se trouvent dans le même état politique où était alors l'Europe, que dans le IX siècle il y avait des hôpitaux destinés uniquement à cette sorte de Calamité dans toutes le villes: Matthieu Paris en comptait encore de son temps dix-neuf mille dans la Chrétienté. (Hist. d' Anglet.)“.

„Heusler *) пишетъ, что въ началѣ XIII вѣка въ одной Франціи было уже 2.000 „Aussatzspitäler“ или лепрозорій, а „in der ganzen Christenheit“ послѣднихъ насчитывалось 19,000 (Raymond, Histoire de l'éléphant. стр. 106)“.

„Sprengel **) во второмъ своемъ томѣ (Halle, 1793) на стр. 422 говорятъ: „Проказа была столь распространена, что одна Франція насчитывала у себя въ XIII в. 2,000 лепрозорій, число коихъ вообще въ Европѣ доходило приблизительно до 19,000“. Въ примѣчаніи 40-мъ, внизу страницы, сдѣлана ссылка на Raymond'a—„Raymond, p. 106“,—при чемъ не названо даже сочиненіе Raymond'a.

„Небезъинтересно отмѣтить, что Raymond выражается довольно неопредѣленно, считая 19,000 лепрозорій вообще „dans le chrétienté“, тогда какъ Heusler считаетъ ихъ „in der ganzen Christenheit“, причисляя сюда, быть можетъ, и христіанскія колоніи въ Азіи и Африкѣ; Sprengel же относитъ всѣ 19,000 къ одной Европѣ.

„Raymond, ссылаясь на хронику Matthieu Paris'скаго, не приводитъ подлинныхъ словъ хроники, не указываетъ ни года изданія хроники, ни страницы. Этотъ чрезвычайно важный пробѣлъ впервые пополнилъ К. Sprengel. Во 2-мъ изданіи вышеназваннаго его сочиненія, во 2-й части (Halle, 1800), на стр. 490, послѣ вышеприведенной фразы о 19,000 лепрозоріяхъ вообще въ Европѣ, въ примѣчаніи 45-мъ, вмѣсто ссылки на Raymond'a, имѣющейся въ 1-мъ изданіи, приводятся подлинныя слова хроники, съ указаніемъ страницы, но, къ сожалѣнію, безъ указанія года изданія: „Matth. Paris. hist. angl. ad annum 1244, p. 615. Habent hospitalarii novemdecim millia maneriarum in Christianitate“.

„На основаніи приведенныхъ данныхъ (другихъ мнѣ не удалось отыскать), цифра 19,000 лепрозорій перекочевываетъ въ

*) Vom Abendländischen Aussatze im Mittelalter, nebst einem Beitrage zur Kenntniss und Geschichte des Aussatzes. Hamburg, 1790 стр. 1—2.

**) Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde, Halle 1792—1803.

нашемъ столѣтіи въ отдѣльныя монографіи о проказѣ, въ учебники дерматологін, въ пренія учѣныхъ обществъ, въ исторіи различныхъ болѣзней, въ общія и спеціальныя медицинскія энциклопедіи и т. д. *).

„I. A. Ozanam **) не довольствуется уже числомъ въ 19,000, а для круглаго счета принимаетъ, „что въ 1225 году, въ царствованіе Людовика VIII, насчитывалось 2,000 лепрозорій во Франціи и болѣе 20,000 dans toute la chrétienté“ (стр. 132).

„Чрезвычайно странно, что современные авторы (Hebra-Karosi, Lersch, A. Bergmann и др.), говоря о 19,000 лепрозорій, считаютъ лишнимъ проводить источникъ, изъ котораго они заимствуютъ эту цифру.

„Другіе же дѣлаютъ такія невѣрныя ссылки, по которымъ ничего нельзя отыскать. Такъ, въ Real-Encyclopedie Eulenburg'a (изд. 1897), въ словѣ „Lepra“ (стр. 410) при 19,000 лепрозорій приводится такая цитата: „Kurt Sprengel—Geschichte der Medicin. Halle 1793, II, стр. 442“.

„Здѣсь, какъ видно изъ вышеприведеннаго, все невѣрно, начиная съ названія сочиненія и кончая годомъ изданія и страницей ***).

„Такимъ образомъ, вѣра въ существованіе 19,000 лепрозорій основывается на словахъ, заимствованныхъ Sprengel'емъ изъ хроникки Matthei Parisiensis: „habent hospitalarii novemdecim millia pauperiorum in Christianitate“.

„Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе и смыслъ приведенныхъ словъ, необходимо взять ихъ въ связи со всѣмъ текстомъ, изъ котораго они вырваны.

„Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

„Въ хроникѣ Matth. Paris. повѣствуется, что въ Англіи было получено письмо отъ восточныхъ христіанъ съ извѣщеніемъ о заключенныхъ союзахъ и о томъ, что Іерусалимъ весь находится въ рукахъ христіанъ. Теперь, говорится далѣе въ письмѣ, необходимо укрѣпить святой городъ, а для этого нужны деньги, о

*) Recherches sur l'origine des ladreries, maladreries et leproseries par Labourt 1854;—Lehrb. d. Hautkrankh. Hebra-Karosi; т. II. 1876 стр. 382.—Дебаты въ парижской мед. акад. о проказѣ. Засѣданіе 13. X. 1885;—Geschichte der Volksseuchen. Lersch. 1876 г. р. 96;—Die Lepra V. A. Bergmann—въ Deutsche Chirurgie. Вып. 10—6. 1897, стр. 2 и проч. А. Г. II.

**) Histoire médicale générale et particulière des maladies épidémiques contagieuses et epizootiques qui ont régné en Europe depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Т. IV, второе изданіе, 1835 г.

***) Кромѣ выше указаннаго сочиненія К. Sprengel'я «Versuch einer pragm. gesch. d. Arzneik.», у него есть еще сочиненіе: «Beiträge zur Geschichte d. Medicin». Halle, 1794. «Ersten Bandes erstes Stück» имѣетъ гл. VIII, озаглавленную: «Nachtrag zu Heuslers Werk vom Aussatz» (стр. 220—239), но здѣсь о числѣ лепрозорій не говорится ни слова. Во второмъ (Halle, 1796) и третьемъ (1796) выпускахъ вообще ничего не говорится о проказѣ. А. Г. II.

сборѣ коихъ между христіанами Англіи просить христіане востока.

„Приведя это посланіе, Mattheus Paris. говорить слѣдующее *):

„Предыдущее письмо вызываетъ сомнѣнія:

„Когда это достигло слуха многихъ христіанъ, то они мало придали вѣры писаніямъ и словамъ ихъ—по причинѣ старинной дурной славы храмовниковъ и госпиталитовъ—ибо говорится, что они всегда заботятся о поддержаніи вражды между христіанами и сарацинами, дабы при продолжающейся войнѣ собирать деньги съ отовсюду прибывающихъ пилигримовъ,—а также по причинѣ взаимнаго ихъ (храмовниковъ и госпитальниковъ) раздора, и, наконецъ, по той причинѣ, что они замыслили взять въ плѣнъ императора. *Сверхъ того храмовники имѣютъ въ христіанствѣ (въ христіанскихъ земляхъ) 9.000 помѣстій (земельныхъ участковъ), а госпиталиты—19 тыс. (Habent insuper Templarii in Christianitate novem millia manerierum, Hospitalarii vero novemdecim)* помимо выгодъ и разныхъ доходовъ, поступающихъ отъ братствъ и попечительствъ прокуратуры (?) и возрастающихъ вслѣдствіе ихъ привилегій. А каждый земельный участокъ (помѣстье) можетъ безъ отягощенія поставить на помощь Святой Землѣ одного рыцаря, хорошо и безъ всякаго изъяна вооруженнаго, даже со всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ полному снаряженію рыцаря. Соображая это, христіане думаютъ, что они (храмовники и госпитальники или Іоганниты) всегда прикрываютъ только свою ложь и скрываютъ подъ овечьей шкурой волчьи замыслы. Ибо, если бы подъ этимъ не было притворства вмѣстѣ съ ложью, то столь многочисленные бодрые воины силой преодолѣли бы препятствія всѣхъ восточныхъ (людей)“ **).

„Изъ приведеннаго ясно, что въ словахъ, заимствованныхъ Sprengel'емъ, Matth. Paris. говорить о богатствѣ орденовъ, увѣряя что храмовники (Templarii) имѣли въ христіанскихъ земляхъ 9.000 помѣстій или земельныхъ участковъ (manoirs, manerierum) ***), а госпиталиты или Іоганниты (Hospitalarii) 19.000 помѣстій, кромѣ разнаго рода доходовъ, а каждый-де такой земельный участокъ—Manerium, Manoir—безъ отягощенія можетъ выставить одного рыцаря

*) Выпустивъ латинскій текстъ, имѣющійся въ статьѣ проф. А. Г. Полотебнева, привожу прямо въ переводѣ, сдѣланномъ уважаемымъ авторомъ изъ сочиненія Matth. Paris. Monachi Albonensis Angli Historia Major etc. Londin. Excod. Richardus, Hodgkinson 1640 г., ad annum 1244, стр. 615.

М. Л.

**) Соответствующее мѣсто въ изданіи хроники 1605 г. находится на страницѣ 596, въ изданіи 1644 г. на стр. 417 и въ изданіи 1877, т. IV стр. 291

***) *Manerium*. Habitatio cum certa agri portione. a manendo dicta, Gallis—Manoirs; въ Англіи—ex habitatione, terris arabilibus, pascuis, pratis, silvis, villae. *Manetium*. Sit pro Manerium (Glossarium du Cange 1886, стр. 67—68).

А. І. П.

на помощь Святой Землѣ. Ту же самую фразу изъ Matth. Paris. о 19.000 Manoirs (maneriorum) мы встрѣчаемъ въ Kulturgeschichte der Kreuzzüge проф. Н. Prutz'a (Berlin, 1883 г. стр. 253) при опредѣленіи богатствъ ордена госпиталитовъ.....

„Изъ всего мною изложеннаго слѣдуетъ, что слова, приводимыя Sprengel'емъ въ доказательство существованія 19.000 лепрозорій, къ лепрозоріямъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія.

„Въ Glossarium du Cange *) также упоминается о количествѣ лепрозорій, съ неизмѣнной ссылкой на Matth. Par. Подъ словомъ „Leprosaria, nude, domus leprosororum“ говорится слѣдующее: „Matth. Paris. (Hist. Angl., pag. 63) утверждаетъ, что въ его время было 1900 (тысяча девятьсотъ) лепрозорій во всемъ христіанскомъ мірѣ“. Подъ словомъ „Miselli, Leprosi, Lepra, Mesellerie, Leprosus, Mesiaus“ говорится: „Matth. Paris. ann. 1254 Ecclesiae S. Iuliani ubi Miselli, et ecclesiae S. Mariae de Pratis, ubi Misellae vix habent vitae necessaria“. Но въ „Hist. Angl.“ на стр. 63 во всѣхъ 4-хъ изданіяхъ, имѣющихся въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ, о количествѣ лепрозорій и вообще о проказѣ не говорится ни слова. Въ весьма подробномъ „Index rerum“, приложенномъ къ каждому изданію хроники, „Lepra“,—какимъ бы словомъ она ни обозначалась въ то время,—вполнѣ отсутствуетъ. Это одинаково относится, какъ къ „Historia Major“, такъ и къ Historia minor“ (Abbrevatio первой, изд. by S. Fr. Madden, London, три тома 1866—69 г.).

„Но у Matth. Paris. есть еще сочиненіе, въ которомъ дѣйствительно упоминается о проказѣ **). Въ „Index rerum“ къ этому сочиненію значится: „leprozarum et leprosarum hospitalia“ стр. 96. Выше приведенная цитата подъ словомъ „Miselli“ и пр. относится къ этой страницѣ... 63 страница, цитируемая въ Glossarium du Cange, въ подтвержденіе существованія „1900 лепрозорій in toto orbe christiano (вѣроятно, это опечатка; очевидно дѣло идетъ все о тѣхъ же 19,000 Maneriorum, на что указываетъ подчернутая фраза), по тексту соотвѣтствуетъ 96 страницѣ отдѣльнаго изданія; но въ обоихъ изданіяхъ о числѣ лепрозорій не говорится ни одного слова.

„Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о 2000 лепрозорій, которыя имѣлись въ тогдашней Франціи. Цифра эта взята изъ завѣщанія Людовика VIII. Въ этомъ завѣщаніи § 12 гласитъ слѣдующее: „Item donamus et legamus duobus millibus domorum leprosororum decem milia librarum, videlicet cuilibet earum centum

*) Glossarium mediae etc. Niort. 1885. T. V. p. 67—69.

**) Vitae duorum Offarum sive offanorum, merciorum regum: Coenobii Sancti Albani fundatorum. Et viginti trium Abbatum Sancti Albani: una cum libro additamentorum. Per Mattheum Parisiensem. Londini exed. Milo Flesher M. D. C. XXXIX.

solidos“ *). По этому поводу еще Schnurer **) считалъ необходимымъ замѣтить, что, напротивъ, историкъ того времени отнюдь не упоминаетъ о такомъ распространеніи проказы. Если во Франціи XIII вѣка вели такую точную статистику лепрозорій, то должны въ архивахъ остаться и названія тѣхъ мѣстностей, гдѣ были учреждены лепрозоріи. Пока не будутъ поименованы всѣ эти 2000 мѣстностей, цифра и этихъ 2000 лепрозорій не можетъ, по моему мнѣнію, считаться достовѣрною. Д-ръ Ehlers ***) думаетъ доказать существованіе 2000 лепрозорій во Франціи ссылкой на статью Cabanes ****), который, въ свою очередь, ссылается на Chevalier. Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, какую цѣну можно давать такимъ заимствованіямъ одного автора у другого, — заимствованіямъ, не провѣренными по первоисточникамъ и безъ всякой провѣрки исторической достовѣрности этихъ источниковъ“.

Я нарочно привелъ дословно почти цѣликомъ статью проф. Полотебнева. Ссылка на 19.000 лепрозорій, облеченная въ достовѣрность будто бы историческаго факта и пущенная современными лепрофобами по бѣлу свѣту въ оправданіе рекомендуемыхъ ими мѣропріятій, превращается въ пустую легенду, а пресловутая средневѣковая „эпидемія проказы“ — въ голый призракъ, какъ тлѣнъ, распадающійся даже отъ слабаго прикосновенія серьезной критики. Послушаемъ теперь авторитетовъ, людей, наблюдающихъ прокаженныхъ въ разныхъ странахъ годами, десятками лѣтъ, послушаемъ, что повѣствуютъ эти специалисты о силѣ и степени заразительности лепры, объ опасности, якобы угрожающей міру отъ немногочисленныхъ больныхъ, одержимыхъ этой болѣзью.

Докторъ Гербсманъ, обратившійся недавно съ циркулярнымъ запросомъ по поводу прилипчивости лепры къ извѣстнымъ иностраннымъ и русскимъ авторитетамъ по кожнымъ болѣзнямъ, получилъ рядъ отвѣтовъ, изъ которыхъ я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки въ дословномъ переводѣ *****). Румынскій дерматологъ Petrini-di-Galaz пишетъ слѣдующее:

„Какъ и всѣ, я допускаю, что палочка Ганзена является патологической причиною проказы; но до настоящаго времени мнѣ ни разу не пришлось наблюдать (а я вожусь съ лепрозными уже

*) Recueil des historiens des Gaules et de la France. m. XVII стр. 310.

**) Chronik der Seuchen in Verbindung mit den gleichzeitigen Vorgängen in der physischen Welt und in der Geschichte der Menschen, Tübingen, 1823.

***). Berlin. klin. Wochenschr. 1899. № 28.

****) La lépre et lépreux en France, Journ. des maladies cut. et syphil. 1892. p. 600.

*****) Пользуюсь случаемъ высказать уважаемому доктору Гербсману свою глубокую благодарность за любезно предоставленныя имъ мнѣ полученныя письма и брошюры по интересующему насъ вопросу. М. Л.

12 лѣтъ) передачи болѣзни больнымъ больному или больнымъ ухаживающему персоналу, либо лицамъ изъ служебнаго персонала больницы, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ нашими прокаженными, порой покрытыми язвами. Въ настоящее время въ моей клиникѣ находится одна больная 45 лѣтъ, страдающая бугорковой проказой, весьма раскинувшейся, съ большими не изъязвившимся наростами. Эта больная имѣетъ 4 дѣтей, изъ которыхъ 2 взрослые дочери живутъ вмѣстѣ съ ней, ихъ бѣлье стирается самой больной сообща со своимъ, и, не смотря на это, у этихъ дѣтей невозможно обнаружить ни единого признака проказы, въ чемъ я убѣдился самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ. Результатъ освидѣтельствованія слѣдующій: одна дочь 25 лѣтъ, другая 23 и два мальчика 3-хъ и 5 лѣтъ. Обѣ дочери замужемъ, но дѣтей еще не имѣютъ. Онѣ вполне здоровы, не обнаруживаютъ *никакихъ разстройствъ со стороны нервной системы, никакихъ пятенъ на кожныхъ покровахъ, ни утолщеній кожи, ни лепрозныхъ бугорковъ*; не страдаютъ и насморкомъ. Мальчики также не обнаруживаютъ ничего подозрительнаго. Тоже самое можно сказать и о мужѣ нашей больной, у котораго нѣтъ никакихъ слѣдовъ проказы, не смотря на то, что живетъ онъ съ женой уже 30 лѣтъ. Это цыганъ, добывающій средства къ жизни игрой на скрипкѣ и изрѣдка напивающійся до пьяна. Мать нашей больной умерла 105 лѣтъ отъ роду и, по словамъ больной, всегда пользовалась прекраснымъ здоровьемъ. Заразилась-ли наша больная гдѣ нибудь? Этого мы не знаемъ, такъ какъ тамъ, гдѣ больная живетъ, подобныхъ больныхъ не имѣется... Я повторяю здѣсь сказанное уже мною на конференціи въ Берлинѣ: на основаніи 35 случаевъ проказы, которые мнѣ пришлось наблюдать и изучать, мнѣ не удалось установить прилипчивость этой болѣзни“.

Въ своей статьѣ „Повѣрка итоговъ“ *) мнѣ приходилось уже ссылаться на мнѣніе Zambaco. Привожу здѣсь сдѣланную мной тамъ выписку изъ № 4 „Еженедѣльника практической медицины“ за 1899 г.

„Извѣстный изслѣдователь проказы Zambaco, изъ Константинополя, очень рѣзко высказывается противъ заключеній берлинскаго конгресса, касающихся заразительности лепры. Контагиозность этой болѣзни ничѣмъ не доказана. Въ больницѣ St.-Louis въ Парижѣ въ настоящее время имѣется до 150 лепрозныхъ; всѣ они раньше совершенно свободно жили среди населенія; однако, никто въ Парижѣ проказой не заразился; точно также дѣло обстоитъ въ Берлинѣ. Въ Константинополѣ, гдѣ встрѣчаются лепрозные больные въ большомъ числѣ, авторъ за 25 лѣтъ своей практики не видѣлъ ни одного случая проказы, вызванной зараженіемъ; изъ инфекціонныхъ болѣзней, если только лепра къ та-

*) «Приазовск. Край» №№ 120—121, 1899 г.

ковымъ можетъ быть причислена, она является наименѣ заразной. Въ Скутари находится небольшой лепрозорій, въ которомъ содержится 20,30 мусульманъ; тамъ же живутъ и жены этихъ больныхъ и, несмотря на 10,15 и 20 лѣтъ совместнаго жительства, ни одна женщина не заболѣла проказой. Сосѣднія дѣти часто играютъ со своими сверстниками изъ заведенія, тѣмъ не менѣ лепрозныхъ больныхъ нѣтъ ни среди нихъ, ни вообще среди сосѣднаго населенія. Danielssen, извѣстный норвежскій изслѣдователь, посвятившій изученію лепры 50 лѣтъ своей жизни, рѣшительно отвергаетъ контагіозность и признаетъ только наследственную передачу этой болѣзни. Поэтому, только вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства авторъ настаиваетъ всетаки на изоляціи больныхъ, дабы недопущеніемъ браковъ помѣшать распространенію лепры. Подобная мѣра, по всей вѣроятности, и повела къ уменьшенію проказы въ Норвегіи. Кромѣ того, изоляція еще важна тѣмъ, что ужасающій видъ больныхъ скрытъ отъ взоровъ окружающихъ и этимъ дается возможность предоставить несчастнымъ болѣе или менѣ сносное существованіе. Пока не приведенъ еще ни одинъ случай непосредственнаго зараженія проказой, авторъ считаетъ излишнимъ возобновленіе драконовскихъ мѣропріятій среднихъ вѣковъ и поднятіе тревоги среди всѣхъ народовъ“.

Въ своей брошюрѣ „Къ вопросу о прилипчивости и предупрежденіи проказы“ *) проф. Капози пишетъ слѣдующее:

„Никоемъ образомъ нельзя оправдать тѣхъ, которые подчеркиваютъ оборотную сторону и кричатъ о проказѣ, какъ прилипчивой, заразной болѣзни. Допустимъ, что врачи признаютъ лепру прилипчивой, но это, прежде всего, какъ мы неоднократно доказывали, станетъ въ противорѣчіе съ установленными фактами. Затѣмъ, сами же врачи принуждены будутъ сдѣлать логическій выводъ изъ подобнаго признанія, а если они сами не сдѣлаютъ этого, санитарныя власти и публика сдѣлаютъ это, т. е. прокаженный или заподозрѣнный въ этой болѣзни не будетъ допущенъ ни на одинъ пароходъ, ни въ одно желѣзнодорожное купе, ни въ отель, ни въ ресторанъ, ни въ булочную, чтобы купить себѣ хлѣба; примотъ и уходъ за подобнымъ больнымъ можетъ быть порученъ лишь прокаженному же. Другими словами—абсолютнымъ врачебнымъ признаніемъ прилипчивости проказы мы, въ нашъ гуманный вѣкъ, накликемъ на лепрозныхъ всѣ ужасы среднихъ вѣковъ; и не только сами больные, но и всѣ окружающіе ихъ здоровые люди и члены ихъ семействъ, заклеянные подозрѣніемъ скрытой проказы, логически должны будутъ раздѣлить участь тѣхъ и вмѣстѣ съ ними будутъ выброшены изъ об-

*) Zur Frage der Contagiosität und Prophylaxis der Lepra, von Prof. M. Kaposi 1897 г., стр. 10—11.

щественной среды. Не говорите, что я слишкомъ мрачно смотрю на дѣло, — продолжаетъ профессоръ, — оно дѣйствительно такъ, какъ я утверждаю. Ибо уже имѣются признаки этого! На недавнемъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ докторъ Гринфельдъ хотѣлъ представить въ дерматологической секціи 3 прокаженныхъ, привезенныхъ съ Дона, но власти задержали ихъ за 3 станціи до Москвы, подвергнувъ изоляціи. Это мѣропріятіе вызвало игривое настроеніе среди всѣхъ врачей съѣзда. Но вѣдь врачи сами же первые кричатъ на весь міръ о прилипчивости проказы и тутъ же поражаются, если предусмотрительныя власти торопятся уберечь прежде всего самихъ же врачей отъ взгляда, прикосновенія, отъ дыханія—дуновенія лепрознаго *).

Только что приведенныя слова вѣнскаго профессора оказываются въ настоящее время вполне пророческими, и уже имѣются факты, доказывающіе, что Капозі не безосновательно „слишкомъ мрачно“ смотритъ на судьбу современныхъ прокаженныхъ и окружающихъ ихъ здоровыхъ членовъ ихъ семействъ, жизни и существованію которыхъ ежедневно угрожаютъ все новые и новые сюрпризы—мѣропріятія. Недавно, напр., „Врачъ“ (1900 г. № 36, стр. 1101) со словъ „Саратовскаго Дневника“ (9 августа с. г.) сообщалъ, что „въ собраніи саратовскаго мѣщанскаго общества былъ „доложенъ отказъ врача Матвѣева отъ дальнѣйшаго лѣченія прокаженной мѣщанки Кудрявцевой“, обоснованный тѣмъ, что „посѣщеніе Кудрявцевой вліяетъ на его практику: больные его опасаются заразы“. Общество настаивало поручить наблюденіе за больной фельдшеру дома призрѣнія Шрейберу“. Напомню далѣе о недавнихъ циркулярахъ товарища мин. внутрен. дѣлъ князя Оболенскаго на имя гг. губернаторовъ слѣдующаго содержанія:

„Въ виду дошедшихъ до меня свѣдѣній о двухъ случаяхъ отправки мѣстными общественными управленіями больныхъ проказою въ общихъ пассажирскихъ вагонахъ, безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ желѣзнодорожной администраціи, имѣю честь, согласно отзыву по сему предмету министерства путей сообщенія, покорнѣйше просить не отказать въ зависящемъ распоряженіи, чтобы на будущее время, согласно ст. 2 (п. 4) и 27 „устава рос. желѣзн. дорогъ“ (т. XII св. зак., изд. 1886 г.), распоряжающіеся отправкой прокаженныхъ больныхъ органы общественныхъ управленій или полиціи обязательно и заблаговременно, по крайней мѣрѣ за 2 недѣли, извѣщали станцію отправленія больного, причемъ такіе больные должны быть отправляемы въ особыхъ отдѣленіяхъ и притомъ съ провожатыми“.

Читатели „Русс. Богат.“ (1899 г. кн. 2-ая) припомнятъ при-

*) Цитирую въ переводѣ на русскій языкъ изъ моей статьи «Повѣрка итоговъ».

веденный мной случай съ повивальной бабкой въ Ростовѣ на Дону, заподозрѣнной въ проказы и лишившейся вслѣдствіе этого практики. Эта мнимопрокаженная теперь умираетъ здѣсь съ голоду. Другая подобная же мнимопрокаженная, торговавшая въ мѣстномъ реальномъ училищѣ во время перемѣны пирогами, подверглась строгому остракизму по причинѣ какихъ-то пятенъ на лицѣ, распознанныхъ однимъ мѣстнымъ лепрологомъ за начало проказы. Но, какъ потомъ оказалось, заподозрѣнная въ проказѣ женщина ничѣмъ подобнымъ не больна *). Бѣдная торговка, конечно, своего обычнаго заработка всетаки лишилась навсегда. Еще одна мнимопрокаженная весьма счастливо избѣгла здѣсь выпрыскиваній сыворотки Казасквиллы **), которая одинъ мѣстный специалистъ „усиленно предлагалъ“ ей „какъ единственное средство спасенія“, которое „имѣется только у него (специалиста) для всей Европы“ ***). Усомнившись въ компетентности „специалиста“, названная больная отправилась въ Москву, гдѣ весьма скоро разсѣяли страхи напуганной женщины и ея близкихъ родныхъ.

На стр. 27 цитируемой мной въ 1-ой главѣ брошюры Изидора Неймана почтенный профессоръ рекомендуетъ „обратить вниманіе на осуществленіе тѣхъ гигиеническихъ и санитарныхъ мѣропріятій, которыя такъ блестяще оправдали себя въ классической странѣ проказы въ Европѣ—Норвегіи“.

„Вообще, продолжаетъ Нейманъ, болѣе чѣмъ спорнымъ является вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли признавать вновь открываемые случаи проказы дѣйствительно за вновь возникшіе очаги этой болѣзни, или, что весьма вѣроятно, случаи эти раньше просто были незамѣчены, или ложно діагностицированы.“

„Кажется болѣе вѣроятнымъ, что проказа, надѣлавшая большія опустошенія въ средневѣковой Европѣ, не угасла совершенно, какъ ошибочно думали, но въ единичныхъ остаткахъ продолжаетъ свое существованіе въ тѣхъ мѣстахъ, куда блага современной гигиены еще не успѣли проникнуть. Эти рѣдкіе разбросанные остатки средневѣковой проказы, лучше поддающіеся распознаванію благодаря прогрессу нашихъ знаній, ошибочнымъ образомъ и принимаются теперь за новые очаги. Это обстоятельство тѣмъ болѣе вѣско, что существуетъ громадная разница между тѣмъ, является-ли найденный очагъ проказы лишь послѣдней искрой

*) «Приаз. Край» № 261. 1900 г. Письмо въ редакцію врача Петровскаго реальнаго училища Сарсера.

**) «Донск. Рѣчь» № 31 1899 г. Письмо въ редакцію, Н. Н. Баландина.

***) Эта сыворотка, приготовленная изъ крови прокаженныхъ, оказалась въ примѣненіи лѣченія лепры безъ всякой пользы. И можно только порадоваться, что она не получила широкаго примѣненія. Можно себѣ представить сколько зла было бы натворено этой пресловутой сывороткой нѣкоторыми «увлекающимися» лепроманами.

лепры, или дѣйствительно представляет собой новый заносъ болѣзни“.

Такъ докладывалъ берлинскому лепрознаму конгрессу безпристрастный и опытный наблюдатель, проф. Нейманъ. А выше цитированный мной проф. Каросі *) обращается къ своимъ товарищамъ по специальности съ слѣдующимъ, весьма своевременнымъ и теперь, призывомъ: „Успокоимъ же взбудораженное общество правдивымъ сообщеніемъ, что тысячный и многотысячный опытъ доказалъ, что, при условіяхъ обыкновенно практикующихся сношеній людей между собою, проказа является болѣзью незаразительною или, какъ я выразился бы, клинически неприлипчивой, и, что, при соблюденіи извѣстныхъ предохранительныхъ мѣропріятій, практикующихся при другихъ хроническихъ, но уже прямо таки заразительныхъ болѣзняхъ, опасность распространенія заразы со стороны лепрознаго для окружающихъ сводится на сущіе пустяки“.

Очевидно, ростово - нахичеванскіе врачи, ссылавшіеся въ засѣданіи на „литературу вопроса“, имѣли съ послѣдней весьма малое знакомство. Если бы почтенное собраніе взвѣсило, какъ шатки и неопредѣленны еще теоріи о способѣ возникновенія и распространенія болѣзни, о которой нынѣ такъ сильно шумятъ; если бы почтенное собраніе нѣсколько обратило свое вниманіе на то обстоятельство, что *основой* для возникновенія проказы является *соціальная нужда* (Sociales Elend) со всѣми присущими ей ужасами и горемъ; если бы почтенные доктора не забыли, что лепра гнѣздится тамъ „гдѣ разныя антигигіеническія условія самымъ страшнымъ образомъ проявляютъ свое пагубное вліяніе“, гдѣ бѣдность, нищета и невѣжество являются лучшей и единственно лакомою почвой для такого переборчиваго бацилла, какъ бацилла проказы; если бы, говорю я, почтенное собраніе взвѣсило всѣ эти обстоятельства, оно навѣрно иначе отнеслось бы къ предложенной его рѣшенію задачѣ и, во всякомъ случаѣ, не усугубило бы тяжести существованія горемычныхъ людей новыми и совершенно безцѣльными страданіями.

III.

Въ печать въ послѣднее время проникъ слухъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ собрать съѣздъ врачей для обсужденія вопроса о борьбѣ съ проказой. Со всей Россіи соберутся представители врачебной науки; съѣдутся врачи и съ нашего „тихаго Дона, красы степей“. Между собравшимися будетъ, конечно, не мало земскихъ врачей. Этотъ контингентъ са-

*) 1. с. стр. 13.

моотверженных тружениковъ, работающихъ среди „сѣрой“ массы и для этой массы и всегда подчеркивающихъ тѣсную связь, существующую между народнымъ здравіемъ и народнымъ благосостояніемъ—и въ рѣшеніи даннаго вопроса, вопроса борьбы съ проказой, конечно останется на высотѣ своихъ прогрессивныхъ стремленій.

Эти врачи скажутъ, что бороться съ проказой значить бороться съ причинами нищеты, некультурности, невѣжества, среди которыхъ коснѣетъ наша крестьянская масса. Устранить причины хроническихъ голодовокъ, ведущихъ населеніе къ вырожденію; поднять экономическое благосостояніе народа, устранивъ мало-земелье; упорядочить рыболовный промыселъ, являющійся въ настоящее время на Дону для обнищавшаго казачества и крестьянства главнымъ матеріальнымъ подспорьемъ; обезпечить врачебную помощь въ достаточной мѣрѣ устройствомъ больницъ, приѣмныхъ покоевъ и амбулаторій; бороться съ невѣжествомъ путемъ школъ, народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній;—вотъ какими мѣрами возможно сдѣлать почву для развитія палочки проказы со-всѣмъ невоспріимчивой и уничтожить эту палочку разъ навсегда, такъ сказать, изморомъ. Ни изоляція, ни запретъ браковъ, ни насильственное отдѣленіе здоровыхъ членовъ семьи отъ больныхъ и запрещеніе встрѣчъ между ними, никакіе драконовскіе законы не уничтожатъ проказы, какъ болѣзни бѣднѣйшей массы, пока не будутъ уничтожены причины народной нищеты со всѣми ея мрачными спутниками. Для прокаженныхъ, какъ и для сифилитиковъ, какъ и для раковыхъ больныхъ, необходимы больницы, необходима даровая, легко доступная и хорошо организованная врачебная помощь. Но помощь эта, какъ и для всякаго другого больного, должна прежде всего быть гуманная. Пусть тѣ, которые рекомендуютъ строгія мѣропріятія, основанныя на насиліи и принужденіи, которые рекомендуютъ вѣчную прижизненную разлуку между больнымъ проказой и его близкими родными,—подумають о томъ, какое страшное зло они хотятъ создать для уничтоженія другого зла, и взвѣсятъ, предъ чѣмъ больше нужно содрогаться: предъ тѣмъ-ли средневѣковымъ, пугающимъ, какъ фата-моргана неопытнаго путника, призракомъ мнимыхъ 19,000 лепрозорій въ XIII вѣкѣ, или же предъ тѣмъ безчеловѣчнымъ элементомъ, который они вносятъ въ современную медицину. Ежегодно раковыя пораженія человѣческаго организма уносятъ сотни тысячъ жертвъ. Обезображиванія и страданія, которые причиняются этими пораженіями, не уступятъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ при проказѣ. Разница та, что ракъ уничтожаетъ свою жертву скорѣй, лепра—медленнѣй. Раковыхъ больныхъ можно найти въ любой больницѣ; порой они смрадомъ разлагающагося органа дѣлають всякое сожителство съ ними невозможнымъ. Предъ количествомъ этихъ больныхъ—прокаженные просто нич-

тожная горсточка. Для раковыхъ уже строятся громадныя больницы и спеціальныя госпитали. И вотъ, не такъ давно нашлись ученые, которые полагали, что открыли паразита раковыхъ опухолей и наростовъ и даже констатировали будто переносъ этой болѣзни отъ одного къ другому. Поднялся было уже переполохъ. Раковымъ больнымъ уже стали грозить разныя „мѣропріятія“ вплоть до объявленія ихъ „неблагополучными“ для окружающихъ здоровыхъ людей и выдворенія за черту, граничащую съ „добромъ и зломъ“. Но паразитологія рака скоро очутилась на мели, и поднятый въ спеціальной и общей прессѣ переполохъ скоро улегся. Чтобы судить, насколько паразитологія многихъ болѣзней еще шатка и насколько безразсудно практически примѣнять лабораторныя „научныя истины“ къ больному человѣку и его окружающимъ, достаточно указать на теорію заразительности чахотки, на существованіе рядомъ съ истинными бациллами нѣкоторыхъ болѣзней и бациллъ „ложныхъ“ и вообще на большую путаницу, господствующую пока въ современномъ ученіи о микробахъ. Чтобы не идти далеко, возьмемъ бугорчатку. До недавняго времени, съ легкой руки Cornet'a, считали, что чахоточные опасны для окружающихъ тѣмъ, что они разсѣиваютъ повсюду мокроту, заключающую въ себѣ продукты распада легочной ткани, въ которыхъ кишатъ коховскія палочки. Высохшая мокрота, распыленная въ воздухъ и переносимая теченіемъ атмосферы, попадая въ дыхательные органы здоровыхъ людей и животныхъ, являлась будто бы главной причиной распространенія бугорчатки. Чтобы уничтожить эту причину,—по ученію Cornet'a и его послѣдователей,—необходимо лишь не давать мокротѣ чахоточныхъ возможности высыхать. Послѣдствіемъ этой теоріи на сцену явились разнаго рода плевательницы, ручныя и карманныя, разставленныя по угламъ и переносныя, всѣ съ приспособленіями, чтобы попадающая въ нихъ мокрота не подвергалась высыханію. Какъ въ средніе вѣка трещетка въ рукахъ прокаженнаго являлась предупреждающимъ средствомъ для распространенія лепры, такъ въ наши дни плевательницы-стаканчики въ рукахъ фтизиковъ и плевательницы съ жидкостью для мокроты бугорчатыхъ больныхъ должны спасти здоровое человѣчество отъ угрожающей ему бугорчатки. Больше двухъ десятилѣтій фтизики плевали въ предохранительныя плевательницы и вдругъ теперь вся теорія о вредности высыханія совершенно перевернута вверхъ дномъ новѣйшими изысканіями авторитетнаго бактериолога Flügge. Этотъ ученый нашелъ, въ противоположность Cornet'у, что мокрота чахоточныхъ опасна только до тѣхъ поръ, пока она не превратилась въ пыль. Разбрызганная въ мельчайшихъ частицахъ въ воздухъ, мокрота бугорчатыхъ является опасной именно своей влажностью. Выводъ: нужно способствовать тому, чтобы выдѣленія чахоточныхъ имѣли возможность скорѣй превратиться въ пыль... Между на-

званными учеными, конечно, завязался горячій споръ, по поводу котораго извѣстный швейцарскій врачъ Volland, много лѣтъ пользующій бугорчатыхъ въ знаменитомъ курортѣ Davos-Dorf, весьма остроумно выразился слѣдующимъ образомъ: *) „Миръ можетъ вновь легко вздохнуть: въ воздухѣ нѣтъ больше туберкулезныхъ палочекъ, ибо споръ между Flügge и Cornet'омъ по истинѣ очистилъ атмосферу отъ этихъ бацилл“.

„Дѣтская боязнь заразы, говорить нѣсколько выше тотъ же авторъ, которая до сихъ поръ еще господствуетъ надъ умами многихъ врачей и соотвѣтственно этому и многихъ людей вообще, внося съ собою много горя и несчастья въ массу семей, эта теорія о заразительности чахотки должна, наконецъ, быть приобщена къ разному другому, давно выброшенному въ сорный ящикъ медицинскому хламу“.

Такова сила и незыблемость многихъ „научныхъ истинъ“ современной паразитологiи, и современнымъ Диффуарусамъ и Пургонамъ, желающимъ облагодѣтельствовать человѣчество, прежде чѣмъ примѣнять эти сомнительныя истины къ практической жизни и вершить на ихъ основанiи судьбами людей, не мѣшало бы крѣпко призадуматься: а что, если ихъ нынѣшнiй Vernunft завтра окажется Unsinn, а ихъ сегодняшнее Wohltat на слѣдующiй день превратится въ Plage?.

Но, какъ извѣстно, гг. Пургоны не привыкли анализировать. Они привыкли jurare in verba magistri и съ печатью думы на челѣ глубокомысленно ссылаться на „литературу“ и творить зло, полагая, что дѣлаютъ добро.

Мих. Ладыженскiй.

НОВЫЯ КНИГИ.

С. Н. Сигма. Петербургскiе негативы. Съ предисловіемъ И. И. Пляксы-Пискуничкова. Спб. 1901.

„Земля, какъ и вода, содержитъ газы, и это были пузыри земли“,—говоритъ Банко въ „Макбетѣ“, пытаясь этой смѣлой гипотезой объяснить внезапное появленіе и столь же внезапное исчезновеніе вѣдьмъ. Не въ примѣръ проще объясняется происхожденіе обыкновенныхъ болотныхъ пузырей, которые, какъ из-

*) «Zur Richtigstellung in der Frage über die Ansteckung mit Tuberculose». Therap. Monatsh. № 3. 1900. стр. 129.

вѣстно, возникаютъ безъ всякаго супра-натуральнаго вмѣшательства и не представляютъ изъ себя ровно ничего загадочнаго. Болото имѣетъ свою жизнь. Кишащiе въ немъ микроорганизмы вызываютъ въ стоячей водѣ извѣстные химическiе процессы, сопровождаемые выдѣленiемъ газовъ, рѣдко благовонныхъ, но тѣмъ не менѣе вполне реальныхъ. Они и наполняютъ собою плавающий на болотѣ пузырь, который, вскорѣ по возникновенiи лопааясь,—таковъ удѣлъ пузыря,—иными словами, открывая свое содержанiе міру, только возвращаетъ ему то, что получилъ: внутри пузыря, насколько извѣстно, дальнѣйшихъ превращенiй уже не происходитъ.

Но что можетъ быть общаго между какимъ-то болотнымъ пузыремъ и книжкой въ родѣ „Петербургскихъ негативовъ“ г. Сигмы? Да очень многое. Съ одной стороны, самъ г. Сигма, признаетъ свои очерки простымъ воспроизведенiемъ того, что дала ему дѣйствительность: кромѣ заглавія, на это указываетъ и посвященiе („Птенцамъ гнѣзда Петрова *моментальныя фотографіи* эти дружески посвящаетъ авторъ“), и предисловіе, гдѣ говорится объ „изображенiи жизни, какъ она льется, какъ она есть“. Съ другой стороны, изображаемыя г. Сигмой существа, несомнѣнно, цѣлкомъ принадлежатъ къ болотной фаунѣ и флорѣ, той самой, которая опредѣляетъ собою окраску поверхности стоячей воды: таковъ, напр., „князь Бобо Лимбургскій (старый, со слезой), великій истолкователь и пророкъ подтягиванiй“, таковъ „затхлый духъ „Московскихъ Обскурантовъ“ тайный совѣтникъ Баломуть, таковъ, далѣе, поэтъ-декадентъ Плакса-Пискунчиковъ, авторъ потрясающей новеллы „Загробная страсть ленточной глисты“; таковы же многочисленные старые и юные аристократы и бюрократы, которые обдѣлываютъ въ „Негативахъ“ свои амурныя, матримонiальныя, служебныя и денежныя, большею частью довольно темныя дѣла и при этомъ пространно философствуютъ на самыя разнообразныя темы, безъ всякаго милосердія злоупотребляя терпѣнiемъ читателя; таковъ великолѣпный князь Пронскій, аристократъ, сибаритъ и археологъ, продавшій „за огромныя деньги“ византійскую эмаль, „несомнѣнно фальшивую“, и мило хвальныйся этимъ подвигомъ передъ избраннымъ кругомъ прiателей, которые собираются „въ его *garçonnière* на Сергіевской, устроенной совсѣмъ какъ древнiй московскій теремъ“ и ведущихъ съ нимъ длинныя философскія бесѣды, въ которыхъ, по замыслу автора, граціозное остроуміе должно чередоваться съ глубокомыслиемъ... Это приводитъ насъ къ третьему и главному обстоятельству, оправдывающему сдѣланное нами сравненiе: самъ авторъ, какъ увидимъ сейчасъ, *explicito* помѣщаетъ себя въ такую непосредственную близость къ поверхности „стоячей воды“, что оно, это сравненiе, смѣемъ думать, представляется вполне умѣстнымъ.

Г. Сигма напутствует свою книжку предисловіемъ отъ имени Плаксы-Пискунчикова, одного изъ персонажей „Негативовъ“. Пріемъ, несомнѣнно, оригинальный. По отношенію къ собственному дѣтищу у всякаго автора—своя рука владыка, и г. Сигма имѣлъ полную возможность отъ лица Плаксы-Пискунчикова наговорить себѣ много лестныхъ вещей рекламнаго свойства, каковой возможностью онъ и воспользовался довольно свободно. „Прости меня, если я не буду расхваливать твоихъ фотографическихъ рассказовъ“,—читаемъ въ предисловіи: „Нельзя хвалить или порицать жизнь, какъ она льется, какъ она есть. Нельзя хвалить или порицать фотографіи, снятыя человѣкомъ, отъ котораго я ждалъ широкихъ идеалистическихъ картинъ, взмаховъ мистическаго творчества“. Далѣе слѣдуетъ нѣчто еще болѣе возвышенное... „Ибо мы оба когда-то стремились туда, за предѣлы разума (sic!) и хотѣли зародышами новыхъ чувствъ, гармоніею новыхъ звуковъ, сочетаніемъ новыхъ красокъ проникнуть за дверь познаемаго... Но... ты не хотѣлъ слушать меня, когда я повторялъ тебѣ слова поэта: „Ты царь,—живи одинъ“. И вотъ ты запустилъ свой плугъ въ темное тѣло жизни, вырывая наружу ея скрытые пласты, чтобы они, на виду у всѣхъ, могли перегорѣть подъ солнцемъ знанія, размякнуть подъ дождемъ очищающаго смѣха, проникнуться воздушными началами животворныхъ идеаловъ“... „Работай же на своей нивѣ, потому что ты любишь жизнь и обладаешь мужествомъ, энергіей и силой, чтобы распахивать ея ссохшіеся пласты“. Такъ лестно и даже возвышенно аттестуетъ себя г. Сигма устами собственнаго дѣтища. Конечно, тутъ не обещаться сугубаго вздора и наглядныхъ несообразностей. Напр., что это за фотографированіе, при которомъ происходитъ „запусканіе плуга въ темное тѣло жизни“? Это не только нескладно, но и по существу не вѣрно въ примѣненіи къ „Негативамъ“, потому что изображать похожденія статскихъ и хотя бы даже дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ по отдѣльнымъ кабинетамъ и будуарамъ „этихъ дамъ“ или описывать, какъ тотъ или другой „потомокъ“ дѣлаетъ карьеру, опираясь на протекцію вліятельнаго старца, „любившаго его подобно Сократу“, или продавая жену биржевику,—значить именно только фотографировать поверхность гнилого болота, притомъ направляя аппаратъ преимущественно на болотную клубничку, а до „поднятія скрытыхъ пластовъ жизни“ отсюда еще далеко.

Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ общемъ тонѣ напутствія, можно даже сказать—благословенія, даваемого г. Сигмѣ Пискунчиковымъ, который, являясь, такимъ образомъ, избранникомъ автора, долженъ, казалось бы, судя по этому признаку, совмѣщать въ себѣ черты, наиболѣе ему близкія или, по крайней мѣрѣ, симпатичныя. Ставъ на эту вполне естественную точку зрѣнія, читатель, вѣроятно, пемало будетъ удивленъ, встрѣтивъ на пер-

выхъ-же страницахъ книжки такого рода данныя для характеристики Пискунчикова: „Онъ вошелъ въ сношенія съ Стэдомъ, англійскимъ журналистомъ и спиритомъ. Тотъ посвятилъ Пискунчикова въ тайны спиритическаго сочинительства“, которое сводится къ тому, что „лѣвая рука, управляемая низшимъ, элементарнымъ духомъ“, пишетъ „всякую гнусность“, а правая, „руководимая духомъ Данта, Сократа или Теоокрита“, описываетъ „что-нибудь высокое и неземное“... „Убѣдившись, что посредствомъ спиритуалистическаго (?) писанія силою добраго и злаго духа можно получать сразу два гонара съ редакцій журналовъ „Мозги по-замоскворѣцки“ и „Шѣверный Мыслитель“, Плакса-Пискунчиковъ „примирился съ жизнью“ (стр. 14). Все это изображено почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ возвышеннымъ предисловіемъ. Вѣроятно, для того, чтобы читатель не отождествилъ Пискунчикова полностью съ г. Сигмой, на что дается нѣкоторое право предисловіемъ, написаннымъ отъ имени Пискунчикова, авторъ позаботился надѣлать послѣдняго еще кое-какими неслестными, хотя и болѣе невинными, примѣтами, въ родѣ того, что Плакса-Пискунчиковъ „прославился среди петербургскихъ дамъ потрясающею новеллою: „Загробная страсть ленточной глисты“ (образецъ авторскаго изящества), и что онъ „причислялъ себя къ аристократіи, хотя происходилъ не только не отъ Рюрика, но даже не отъ Трувора, а просто отъ вора“. Самымъ существеннымъ остается, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что Плакса-Пискунчиковъ, начавъ съ рискованныхъ порывовъ „за предѣлы разума“, удовольствовался очень недвусмысленнымъ нарушеніемъ предѣловъ порядочности, что, конечно, гораздо проще, да къ тому-же иной разъ и выгоднѣе.

Спрашивается, однако, какъ послѣ этого назвать предисловіе отъ имени того-же Пискунчикова со всеми этими „широкими идеалистическими картинами“, „животворными идеалами“, „кровавыми слезами сердца“, „идеаломъ поэта“, „горѣнемъ къ добру“ и прочими хорошими словами? Это ли не откровенное и беззащитнчивое издѣвательство и надъ „идеаломъ“, и надъ „добромъ“? Да, откровенное и, конечно, беззащитнчивое, только не издѣвательство,—это будетъ, пожалуй, слишкомъ сильно для г. Сигмы,—а хихиканье, „пакостное хихиканье“, какъ онъ выражается объ одномъ изъ своихъ героевъ. Оно проходитъ назойливой чертой черезъ всю книжку г. Сигмы, наглядно выражаясь, между прочимъ, въ непокидающей его маніи острословія довольно невысокой пробы. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Князь *Начихадзе...* *чихнулъ* отъ удовольствія“. „Графъ Спиритини былъ однимъ изъ любимцевъ *духовъ*, хотя въ полу-свѣтѣ не пренебрегалъ и *душиками*“. „У репетиторовъ Ванички“, — одного изъ героевъ г. Сигмы, — „были катарры дыхательныхъ и иныхъ *путей* и просто *безпутные*“. Другой герой рассказываетъ о своей дуэли съ какимъ-то

герцогомъ *Ассуной*: „Я задѣлъ его по щекѣ“. — „И онъ осунулся?“ — спрашиваетъ третій. „Не *каналъ*, а *каналья*“, — остритъ четвертый, и эта острота такъ нравится автору, что онъ въ другомъ разсказѣ заставляетъ еще одного героя повторить ее: „Прежде, батенька, такая *канализація* просто *канальствомъ* называлась“. Не забыта и острота о *Вреденѣ*, который „если и не былъ *вреденъ*, то бесполезенъ“. Для „семинаристовъ“ изобрѣтена фамилія „*Милосердіядвериотверзикамскіе*“. И т. д., и т. д.

Все это, очевидно, не больше какъ хихиканье, носящее у г. Сигмы совершенно одинаковый характеръ, говоритъ ли онъ устами Плаксы-Пискунчикова „о чемъ-нибудь высокомъ и неземномъ“ или же отъ себя лично „описываетъ какую-нибудь гнусность“, примѣняя такимъ образомъ на дѣлѣ рецептъ „спиритуалистическаго писанія силою добраго и злого духа“. Съ „очищающимъ смѣхомъ“, о которомъ суесловить Пискунчиковъ, намекая, повидимому, на сатирическую претензію „Негативовъ“, это хихиканье не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго, ибо такой смѣхъ необходимо предполагаетъ опредѣленную и возвышающуюся надъ его объектомъ точку зрѣнія, а ея-то здѣсь не только нѣтъ, но и быть не можетъ, потому что нашъ авторъ прятется за г. Пискунчикова и какъ бы говоритъ вамъ: „Я—не я, и ничего у меня за душой нѣтъ“. Охотно вѣримъ ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что въ этомъ и заключается вся суть его „спиритическаго“ или, если ему угодно, „спиритуалистическаго“ фокуса. Сдѣлайте еще шагъ, присмотритесь поближе къ этой формулѣ: „Я—не я“,—и вы безъ труда распознаете въ ней лишь незначительное видоизмѣненіе, въ сущности даже синонимъ, девиза „чего изволите?“ Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго внутренняго содержанія, тамъ оно неизбѣжно замѣняется другими руководящими мотивами, идущими извнѣ, въ видѣ ли внушенія или въ видѣ вопроса,—это уже второстепенная подробность, зависящая отъ той или иной комбинаціи обстоятельствъ. Многочисленность этой повадливой литературной разновидности, расплодившейся подъ знаменемъ „Чего изволите?“ — показываетъ, что она угадала одно изъ теченій вопроса и принаровилась угождать этому загадочному теченію, которому хочется „не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ“, но больше хочется все-таки севрюжины. Очень вѣроятно поэтому, что и „Петербургскіе негативы“, какъ типичный продуктъ той-же литературы, съ ихъ болотнымъ ароматомъ, найдутъ свою публику: вѣдь существуютъ же гастрономы, любящіе дичь съ гнилостнымъ запахомъ. Что же касается того читателя, который въ литературѣ не ищетъ спеціально такой дичи, то онъ едва-ли выдержитъ продолжительное пребываніе въ душной камерѣ-обскурѣ „Негативовъ“ и, вѣроятно, поспѣшитъ закрыть ее, чтобы вернуться на

свѣжій воздухъ, разставшись и съ бытописателемъ, и съ его героями, какъ это съ истиннымъ удовольствіемъ дѣлаемъ и мы.

Н. Маклецова. Революціонеръ. (Исторія одной души). Москва 1900.

Если бы спросить нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ беллетристовъ, что для нихъ труднѣе писать—романъ или повѣсть изъ текущей жизни или изъ временъ историческихъ, — то, навѣрное, получились бы отвѣты, что имъ одинаково легко писать произведенія обоихъ родовъ. Но намъ, читателямъ, со стороны кажется, что все же и имъ, *легко пишущимъ*, легче написать историческій романъ, повѣсть или этюдъ, т. е. воспроизвести въ разсказѣ факты и лица исторіи, чѣмъ ломать себѣ голову надъ сочиненіемъ фабулы съ завязкой и развязкой, предусматривать интригу, дѣйствующихъ лицъ, взаимныя ихъ отношенія, обстановку и т. п. Все это дается исторіей въ готовомъ видѣ: возьмите любой ея выдающійся моментъ съ его героями и героинями, кого-нибудь изъ нихъ назовите Жаномъ и Женни, введите ихъ въ общій ходъ событій, слѣдите хорошенько за ихъ судьбой, не отрываясь отъ избраннаго учебника исторіи, подпустите поэзіи въ свиданіяхъ Жана съ Женни, наведите тѣнь на и безъ того мрачное положеніе Жана и Женни,—и вы получите нѣчто почти независимое отъ вашего историческаго руководства, а ужъ тамъ не трудно назвать его чѣмъ угодно: „исторіей одной души“, исторической повѣстью, историко-психологическимъ этюдомъ, или еще какъ нибудь. Впрочемъ, г-жа Маклецова, видимо, не принадлежитъ къ упомянутымъ беллетристамъ: хотя „исторія“ изображенной ею души и далась ей легко, почти по рецепту, но вышло изъ нея все же нѣчто своеобразное,—не то разсказъ изъ революціонной эпохи Франціи конца XVIII в., не то тенденціозный пересказъ событій давно всѣмъ извѣстныхъ и много разъ пересказанныхъ, къ тому же, значительно лучше пересказанныхъ. (Самъ авторъ часто ссылается на Тэна, Луи Блана и Карлейля). Своеобразной эта „исторія“ является и по формѣ. Она раздѣляется на три части: 1) Прологъ—пастораль, гдѣ графъ Жанъ Мариньи, 16 лѣтъ, и его кузина, 13 лѣтъ, замышляютъ реформацію человечества подъ вліяніемъ брошюры Мирабо; 2) Intermezzo—Жанъ въ Парижѣ, знакомится съ революціонными дѣятелями и послѣ событій 10 августа вступаетъ въ комитетъ общественнаго спасенія; 3) Героическая симфонія, занимающая двѣ трети книги и изображающая ужасы революціоннаго террора. Жанъ выплываетъ отъ времени до времени на поверхность этого взбаломученнаго моря и только для того, чтобы показать: или степень своего яacobинскаго увлеченія, или благородство своей души и тонкую деликатность чувствъ, возвышающихся надъ огрубѣлыми въ борьбѣ нравами остальныхъ революціонеровъ. По-

нятно, что этотъ нѣжный и весьма хрупкій нервный аппаратъ не долго выдерживаетъ ниспосланное испытаніе: герой начинаетъ галлюцинировать, а въ тюрьмѣ окончательно сходитъ съ ума и умираетъ на рукахъ Женни, по монастырю Женевиевы, и какъ разъ въ моментъ освобожденія остальныхъ заключенныхъ, послѣ паденія Робеспьера. Собственно говоря, въ этомъ вся „исторія одной души“, т. е. въ противоположности возвышенныхъ свойствъ ея низкимъ и жестокимъ страстямъ, руководившимъ, будто бы, сплошь дѣйствіями и поступками остальныхъ дѣятелей великой эпохи. Въ изображеніи фактической стороны ея и въ ея освѣщеніи авторъ держится взглядовъ Карлейля и отчасти Тэна, и полагаетъ, что республиканская свобода и сдѣланныя ею завоеванія куплены слишкомъ дорогой цѣной. Для доказательства столь старой мысли не стоило писать цѣлую компилятивную книжку. Что же касается ужасовъ революціи, излишествъ террористической системы, на изображеніе которыхъ употреблено все краснорѣчіе автора, то опять же непонятно, въ назиданіе кого или для чьего устрашенія понадобилось повторять и размазывать ихъ на протяжении полутораста страницъ. И правда историческая отъ этого страдаетъ, и желаемый эффектъ не достигается, и никчемность авторскихъ усилій только этимъ подчеркивается. А изъ самой „героической симфоніи“, которую надо же умѣть разыграть и которая передавалась не разъ болѣе искусными руками, получается плохой, скучный и безсвязный варіантъ, который трудно прослушать до конца. Смыслъ и значеніе этой великой исторической пьесы не уясняется отъ того, что надъ каждой маленькой главой ставится какой нибудь громкій эпиграфъ, и даже сама „исторія одной души“ не освѣщается отъ того, что ей предшествуетъ эпиграфъ изъ Эскироля, что „это все тотъ же міръ, только всѣ черты здѣсь рѣзче, краски ярче“ и т. д. Все это ни къ чему, и сама книжка ни къ чему, и не зачѣмъ г-жѣ Маклецовой утруждать себя надъ темами, требующими болѣе глубокаго и бережнаго вниманія, болѣе самостоятельнаго отношенія къ себѣ.

А. И. Косоротовъ. Забитая калитка. Вавилонское столпотвореніе. Спб. 1900.

Маленькій рассказъ „Забитая калитка“ мы оставимъ совершенно въ сторонѣ: рассказъ, какихъ много, какихъ сотни появляются ежегодно на книжномъ рынкѣ,—немножко сентиментальный, пожалуй, тенденціозный, а, впрочемъ,—безъ специфическаго душка. Сказать о немъ больше нечего. Иное дѣло „Вавилонское столпотвореніе“ или „исторія одной гимназіи“. Это полубеллетристическое произведеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытно, и читатель, надѣемся, согласится съ нами, если

узнаетъ, во-первыхъ, что „Вавилонское столпотвореніе“ содержитъ въ себѣ довольно таки убійственную и ядовитую критику нашей средней школы и, во-вторыхъ, что оно написано сотрудникомъ „Свѣта“. Это ли не любопытно? и развѣ это не подлинное „смѣшеніе языковъ“? Постановка народнаго просвѣщенія — одна изъ основъ общественнаго устройства вообще,—и кто же поднимаетъ руку на эту „основу“? Правда, критика г. Косоротова не безъ недостатковъ, даже очень крупныхъ. Подъ ногами у автора нѣтъ твердой почвы, на которую ему можно было бы опереться, кругомъ него, можно сказать, трясина и болото; и подобно человѣку, стоящему на трясинѣ, нашъ авторъ не можетъ ничего оттуда вытащить, не увязая самъ. Онъ признаетъ зло, онъ возмущается имъ, но понять его источники, указать, на чемъ зиждется самая возможность существованія зла,—онъ не въ состояніи. И въ критикѣ его, поэтому, второстепенное перѣдко занимаетъ мѣсто главнаго и наоборотъ, а критикуемое представляется иногда какъ бы чѣмъ-то постороннимъ, навязаннымъ жизни извнѣ, а не выросшимъ неизбежно изъ основныхъ началъ той же жизни. Сказать, напр., что Господь разгнѣвался на насъ, какъ когда-то на людей, задумавшихъ построить башню до небесъ, и „смѣшалъ теперь и наши языки“,—это значить сказать очень мало, ничего не сказать. Смотрѣть въ небо, конечно, хорошо; но врядь-ли похвально всуе трепать имя Божье, когда самъ не можешь путемъ разобраться въ своихъ домашнихъ распорядкахъ, когда не понимаешь что къ чему или же не имѣешь мужества логически связать плоды съ корнями... Во всякомъ случаѣ, г. Косоротовъ вкладываетъ не мало души въ свое, очевидно, автобиографическое повѣствованіе. Сердце его дѣйствительно „разрывается“ при видѣ „хаоса“, царящаго въ средней школѣ, изъ подъ пера его выливается много горькихъ упрековъ „создателямъ современной бѣдственной гимназіи“, и безъ содроганія онъ не можетъ вспомнить объ „ужасномъ стеклянномъ колпакѣ, подъ которымъ душно и тѣсно и подъ которымъ мучатся“ бѣдные узники „много томительныхъ лѣтъ“. А большаго, пожалуй, грѣшно и требовать отъ фельетониста лучезарнаго „Свѣта“.

Одинъ изъ „узниковъ“, томящихся подъ „стекляннымъ колпакомъ“, занимаетъ центральное мѣсто въ разсказѣ г. Косоротова и описанъ имъ съ особенной любовью. Это—Жоржинька Сарматовъ. Авторъ съ самымъ теплымъ участіемъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и подробно знакомитъ читателей съ его душевнымъ міромъ и съ ходомъ его развитія. Лучшія страницы повѣствованія—лучшія, конечно, только относительно—тѣ, въ которыхъ фигурируетъ Жоржинька Сарматовъ. Но это между прочимъ. О гимназистѣ Сарматовѣ мы заговорили потому, что за его спиной скрывается во многихъ случаяхъ самъ авторъ, съ которымъ мы хотимъ поближе познакомить читателя. Жор-

жизнька—говорить авторъ—„съ ужасомъ глядѣлъ на будущее, и ему мерещились тамъ два грозныхъ призрака: полный расколъ между мыслью и чувствомъ и безнадежная неспособность вѣрить“. То же и г. Косоротовъ. Онъ, подобно Жоржинькѣ, жаждетъ вѣры и боится знанія. Совмѣстить и то, и другое—нельзя, потому что знаніе и научная мысль не мирятся съ наивною вѣрой дикаря, въ которой ищеть спасенія Жоржинька; а другой вѣры у г. Косоротова нѣтъ. Какъ же быть? Конечно, вѣрить: тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ мѣста „сомнѣніямъ“. Что же касается знанія, то шансы его стоятъ въ глазахъ воспитанниковъ —ской гимназій, Жоржиньки и автора, довольно низко. „Въ самомъ дѣлѣ, что такое—„знаніе“? Сократъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ, заявилъ, что онъ ничего не знаетъ“, а „какой-то знаменитый философъ пришелъ къ заключенію, что всѣ наши знанія о мірѣ не стоятъ гроша“... И вотъ, г. Косоротовъ поворачивается спиной къ знанію, къ наукѣ, и устремляетъ свой взоръ назадъ, въ прошлое, въ которомъ было больше вѣры и не было докучливыхъ сомнѣній. Это прошлое и является исходнымъ пунктомъ или базисомъ для его критики.

„Гимназія наша—говорить авторъ—пережила три главныхъ періода. Первый изъ нихъ можно назвать патріархальнымъ, второй—скандальнымъ, а третьему, право, затрудняюсь дать подходящее названіе. Назову его пока періодомъ „раскрытій и итоговъ“. Всѣ симпатіи нашего „лѣтописца“, конечно, на сторонѣ перваго періода. Если патріархальный строй и „былъ весьма далекъ отъ идеала“,—все же въ немъ было „много хорошаго“, въ немъ господствовала, „простота“ и „семейность отношеній“:—„теперь въ нашей „культурной“ школѣ совсѣмъ не то дѣлается“... Конечно, разница есть. Но ужъ будто въ нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ такъ мало „патріархальности“ и такъ много „культурности“? А съ другой стороны, мы лично, напримѣръ, не „много“, а мало хорошаго видимъ въ томъ, что директоръ „одного дернулъ за чубъ, другому далъ добрую затрещину по затылку, третьяго обругалъ чертенкомъ и человекъ пять оставилъ безъ обѣда“. Или въ томъ, напр., что законоучитель говорилъ ученикамъ: „ну ты, вонъ тамъ, какъ тебя... черномазый“, „ты что же скотина?“—„ты, рыжій балбесъ“. Умилительно! Умилительны и эти „усатые гимназисты, любители выпивки и кулачекъ“, и этотъ учитель-шпіонъ, Гаврила Королевъ, который началъ дѣйствовать еще при „патріархальномъ строѣ“! Во всякомъ случаѣ, если что-нибудь и было лучше въ старину, то брать съ нея примѣръ ужъ никакъ не приходится:—вѣдь въ старину и „батогами драли“!..

Что касается второго и третьяго періода жизни описываемой гимназій, то эти періоды у автора искусственны, самая же квалифікація періодовъ, признаемся, намъ непонятна. Тутъ, оче-

видно, взяты для опѣнки разныя мѣрила, не говоря уже о томъ, что по части опѣнокъ нашъ авторъ вообще сильно хромаетъ. Какъ понимать, напр., опредѣленіе „скандальный“? Къ чему именно приложить этотъ эпитетъ? Если авторъ имѣетъ въ виду оторванность школы отъ семьи и бюрократическую систему назначеній и смѣщеній, то, вѣдь, и всегда вопросъ „кому достанутся на попеченіе обывательскія дѣти“?—разрѣшалъ „кто-то жившій очень далеко и, можетъ быть, никогда не видавшій ни города, ни его обитателей“. Вѣдь и въ „третьемъ періодѣ“ по этой части „компетентенъ“ только „тотъ старый и заслуженный человѣкъ, который сидитъ въ Казани, Кіевѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ“, котораго обыватели „никогда не видѣли и не знаютъ, но который самъ за сотни и тысячи верстъ своими зоркими глазами, конечно, видитъ насквозь... всѣ города и селенія, надъ которыми онъ поставленъ владыкою“... Или, быть можетъ, рѣчь идетъ о системѣ преподаванія, которая „приспособлена къ тому, чтобы какъ можно болѣе способствовать отупленію мысли русской молодежи“, и при которой „все устроено такъ, чтобы гимназистъ, дойдя до университета, былъ совершенно лишенъ способности самостоятельно мыслить и понимать истинное положеніе вещей“? Но въ этомъ отношеніи между послѣдними періодами у автора не видно рѣшительно никакой разницы, а въ первомъ періодѣ, пожалуй, и системы никакой не было. Тоже приходится сказать и о школьной дисциплинѣ, воспитывающей учениковъ въ такомъ духѣ: „правъ ли учитель или неправъ—молчи! потому что главное дѣло учителя—приказывать, а главное дѣло ученика—слушать и повиноваться“...

Однако, намъ пора оставить башню вавилонскую: до вершины ея мы все равно не дойдемъ. А съ общей ея конструкціей, полагаемъ, читатель познакомился. Много въ „Вавилонскомъ столпотвореніи“ сумбурнаго, незрѣлаго и наивнаго; но нельзя отрицать, что мѣстами, въ критической части, „исторія одной гимназіи“ содержитъ много и дѣльных замѣчаній. Тонъ повѣствованія, въ общемъ, приличный, и выходокъ во вкусѣ любителей „Свѣта“ почти не встрѣчается.

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ). На паровозѣ жизни. Разказы и очерки. Спб. 1900.

Разказамъ и очеркамъ г. Сѣверцева предпослано маленькое введеніе, написанное нѣсколько витіевато и не совсѣмъ грамотно, но набранное крупнымъ курсивомъ. Конечно, какая ужъ это книжка безъ предисловія, безъ введенія!—нѣсколько строкъ отъ автора всегда придадутъ ей больше видимости. Съ другой стороны, и читатель, пожалуй, не всякій сразу пойметъ, что это за „паровозъ“ такой и почему г. Сѣверцевъ помѣстился въ головѣ,

на паровозѣ, а не въ хвостѣ поѣзда, не на площадкѣ для тормазовъ. Но дѣло тутъ обстоитъ очень просто. Говоря о „паровозѣ жизни“, авторъ имѣетъ въ виду жизнь не коллективную, не общественную, а индивидуальную, личную, и паровозъ жизни—это ничто иное, какъ самъ человѣкъ, въ данномъ случаѣ—г. Сѣверцевъ.

„Быстро мчится“ этотъ паровозъ,—узнаемъ мы изъ предисловія,—„все летитъ впередъ-впередъ!“—а „мимо его мелькаютъ время, мѣстности, люди, событія...“ И „пока есть у него топливо, пока память, воображеніе отчасти фантазія не притупились“, до тѣхъ поръ у человѣка (г. Сѣверцева) „слагаются образы“, и до тѣхъ поръ, нужно думать, г. Сѣверцевъ собирается преподнести читающей публикѣ рассказы и очерки, плоды своего „воображенія отчасти фантазіи“. Перспектива не изъ привлекательныхъ—въ особенности, если принять во вниманіе роль, какую авторъ отводитъ, въ качествѣ матеріала для топлива, работѣ мысли. Объ этой послѣдней въ предисловіи совсѣмъ не упоминается, и мы, съ своей стороны, не можемъ въ данномъ случаѣ упрекнуть автора въ излишней скромности: его рассказы и очерки, дѣйствительно, поражаютъ своей идейной пустотой. Тутъ выходитъ какъ будто противорѣчіе: съ одной стороны—быстрый бѣгъ паровоза, а съ другой—остановка на мѣстѣ, идейное младенчество; остается думать одно изъ двухъ: или окружающіе предметы ужъ слишкомъ быстро „мелькаютъ мимо его“, или же самъ паровозъ не въ порядкѣ и въ своемъ движеніи кружится на одномъ мѣстѣ... Намъ остается прибавить, что и въ другихъ отношеніяхъ, помимо скудости мысли, книжка г. Сѣверцева не заслуживаетъ никакого вниманія. Если самъ авторъ откровененъ и, умалчивая объ идейномъ „топливѣ“, какъ бы признаетъ косвенно свою идейную несостоятельность, то должны и мы быть откровенны и признать негодность прочаго его топлива—„воображенія отчасти фантазіи“. Подобное убожество тѣмъ болѣе поражаетъ, что авторъ много путешествовалъ, долженъ бы былъ много видѣть и хоть кое чему поучиться. Однако... e nihilo—nihil. И Западная Европа, и Сѣверная Америка и даже островъ Куба, куда, повидимому, также забирался г. Сѣверцевъ,—все это промелькнуло „мимо его“.

Право, какъ кому, а г. Сѣверцеву, чѣмъ такъ „летѣтъ впередъ-впередъ“, не мѣшало бы на время попридержать свой „паровозъ“, осмотрѣться получше кругомъ, да кое о чемъ подумать. Быть можетъ, онъ сталъ бы тогда почтительнѣе относиться къ литературѣ, не заваливалъ бы ее негоднымъ хламомъ и понялъ бы, что заниматься такимъ дѣломъ и стыдно, и не стоитъ труда.

Е. Войничъ. Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни тридцатыхъ годовъ. Пер. съ англійскаго З. А. Венгеровой Спб. 1900.

Яркій и сильный, иногда грубо-декоративный, но всегда увлекательный, этотъ романъ изъ жизни „Молодой Италіи“, но не 30-хъ годовъ, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, а конца 40-хъ (къ тридцатымъ годамъ относится только его первая часть, имѣющая значеніе пролога) заражаетъ тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которымъ были охвачены ея дѣятели. Даже какъ-то странно въ наше время натолкнуться на такую юношески-свѣжую книгу. Не знаешь, что въ ней болѣе привлекательно своей наивной непосредственностью—ея молодое настроеніе или ея форма, — форма отпѣтаго романа сильныхъ страстей и бурныхъ авантуръ, которая съ нѣкоторыми измѣненіями легко и изящно воскресаетъ въ стремительномъ разсказѣ г. Войничъ. Идейное содержаніе романа широко и значительно, его дѣйствующія лица очерчены ясно и опредѣленно увѣренной рукой, но не это дѣлаетъ его такимъ интереснымъ, а его фабула, та художественная выдумка, которою насъ такъ мало избаловала современная литература. Съ первыхъ страницъ книги читатель—во власти автора, съ напряженнымъ вниманіемъ проглатываетъ онъ страницу за страницей, не будучи въ силахъ оторваться, пока не узнаетъ, чѣмъ все это кончилось. Съ такимъ захватывающимъ интересомъ читались развѣ страшные уголовные романы добраго стараго времени. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Протокольная детальность реалистическаго романа и „трагедіи безъ дѣйствія“ романа психологическаго какъ будто отучили читателя отъ увлеченія интригой разсказа; но вотъ—умѣлый разсказъ, и мы вновь охвачены былымъ интересомъ.

Было бы, однако, несправедливо отдавать всю заслугу этого интереса одной фабулѣ романа; и въ его общемъ настроеніи, и въ сложной фигурѣ героя, и въ отдѣльныхъ положеніяхъ есть многое, также объясняющее этотъ интересъ. Правда, многое здѣсь наивно, романтически-искусственно и лубочно-ярко, многое чуждо намъ, кой-что еле намѣчено и неясно; но одно глубокое впечатлѣніе остается господствующимъ въ читателѣ, когда онъ расстаётся съ романомъ: какая сила жизни въ этихъ герояхъ, такъ спокойно и сосредоточенно идущихъ на смерть за освобожденіе родины отъ иноземнаго ига, точно они рѣшаютъ теоретическую задачу. Избитые жизнью, мы какъ будто устали и отвыкли отъ героевъ; мало того, мы отучились вѣрить въ ихъ реальность, потому что забыли о той духовной обстановкѣ, которая создаетъ ихъ. Но талантливый разсказъ возвращаетъ насъ къ тому общественному настроенію, при которомъ героизмъ становится дѣломъ естественнымъ и обычнымъ. Этотъ міръ могучихъ страстей и роковыхъ рѣшеній, изображенный не столько глубоко, сколько сильно и картинно, казался бы фантастическимъ, если бы фантазія автора

не сообщала ему подлинную реальность. Но не страсти являются внутреннимъ двигателемъ страшныхъ коллизій, захватывающихъ здѣсь читателя—а идеи. Два непримиримыхъ міра встали другъ на друга, два міровоззрѣнія сплелись въ роковой борьбѣ, и въ этой страшной борьбѣ сынъ—революціонеръ отрекается отъ любимого отца—католическаго епископа, отецъ обрекаетъ на смерть безумно любимого сына. На этомъ горячемъ фонѣ отчетливо выдѣляется личная жизнь героевъ, такъ тѣсно сплетенная съ ихъ общественной дѣятельностью и въ то же время такъ глубоко интимная. Сложность ихъ психики не мѣшаетъ простотѣ и ясности ихъ воззрѣній, и оттого столкновенія ихъ взглядовъ неизбежно кончаются трагедіей—трагедіей, личной по формѣ и общественной—по существу. Цикль этихъ трагедій далеко не исчерпанъ; вновь и вновь будетъ „въ крови рождаться новый вѣкъ“—и тѣмъ, кто съ вѣрой въ побѣду и съ скорбью о павшихъ чутко прислушивается къ біенію пульса исторіи, сильная книга Войничъ дастъ глубокое духовное и нравственное удовлетвореніе.

М. Ватсонъ. Джузеппе Джусти. (Итальянская бібліотека). Критико-біографическій очеркъ съ портретомъ Джусти. Спб. 1900.

Новый выпускъ „Итальянской бібліотеки“, задуманной и энергично осуществляемой нашей извѣстной переводчицей, значительно интереснѣе двухъ предыдущихъ. Ни по силѣ дарованія, ни по общественному значенію, Ада Негри и Джозуэ Кардуччи, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ такимъ виднымъ дѣятелемъ итальянскаго политическаго возрожденія, какъ Джузеппе Джусти. Его жизнь и поэзію можно и должно такъ тѣсно связать съ исторіей его времени, что одно будетъ непонятно безъ другого—и это удачно исполнено въ лежащей предъ нами книжкѣ.

Глубокое уваженіе однихъ, непримиримая вражда другихъ и—незнакомство съ его произведеніями тѣхъ и другихъ: такова обычная посмертная участь политическаго памфлетиста; уходятъ въ глубь исторіи тѣ частные поводы, которые такъ волновали людей въ свое время, на которые онъ такъ живо откликался своей воинствующей мыслью и о которыхъ забываютъ такъ скоро; мѣняется политическій строй—и нападенія сатирика на отжившія неурядицы становятся непонятны и не интересны. Но исторія повторяется: въ другой странѣ, въ другую эпоху жизнь сталкивается съ тѣми-же явленіями, которыя бичевалъ канонизированный и потомъ забытый на родинѣ сатирикъ—и чужая страна можетъ вновь сдѣлать его дѣятельнымъ участникомъ общественныхъ движеній. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что политическія статьи публицистовъ „молодой Германіи“ популярнѣе у насъ, чѣмъ на ихъ родинѣ; та же судьба должна бы ожидать и Джусти, если бы полные и поэтические переводы сблизили съ нимъ русскаго

читателя. Но Джусту имѣть и болѣе широкое значеніе; онъ не столько памфлетистъ, сколько сатирикъ, и взрывы его обличеній связаны не только съ его родиной и его эпохой. Это былъ большой сатирической талантъ, и немногіе образцы его лирики, переведенные въ книжкѣ г-жи Ватсонъ, вызываютъ желаніе, чтобы на него обратили вниманіе наши переводчики. У нѣмцевъ Поль Гейзе давно перевелъ всего Джусту.

А. Ө. Быкова. Разсказы изъ исторіи Англіи. Спб. 1900.

Эти популярныя разсказы, предназначенныя для самыхъ неподготовленныхъ читателей, обнимаютъ хронологически почти всю исторію Англіи отъ Вильгельма Завоевателя до избирательной реформы 1885 года. Культурное движеніе интересуетъ автора сравнительно меньше политической исторіи: приемъ, вполне уместный въ книгѣ для начинающихъ знакомиться не только съ исторіей, но и вообще съ книгой. Культурная исторія предполагаетъ въ читателѣ уже нѣкоторый интересъ къ менѣе фактическому знанію, нѣкоторое общее развитіе; политическая исторія понятнѣе, проще, такъ сказать, положителнѣе, а та сторона ея, которая выдвинута авторомъ на первый планъ, кромѣ того имѣть и серьезное воспитательное значеніе. Живо, интересно и просто передаютъ эти разсказы о борьбѣ англійскихъ гражданъ за свои естественныя права. Эта исторія внушаетъ уваженіе; и въ наши дни, когда политики, предпочитающіе вѣншее могущество внутренней силѣ, лишаютъ родную страну былого всемірнаго почтенія, полезно напоминаніе о старой Англіи, столь справедливой, стойкой и чело-вѣчной. Ея исторія даетъ ей друзей, которые вѣрятъ въ нее и знаютъ, что ея просвѣтлѣніе будетъ днемъ радости не для нея одной.

Г. Ө. Розенцвейгъ. Изъ залы суда. Судебныя очерки и картинки. Спб. 1900.

Авторъ надѣется, „что книга его, представляющая иллюстрацію трехлѣтняго періода жизни петербургскаго суда... будетъ встрѣчена благосклонно читателемъ и прочтется не безъ пользы и интереса“. Мы не отрицаемъ ни того, ни другого; но мы не хотѣли бы преувеличивать значеніе этой книжки для широкаго круга читателей. Проникнуть въ „залу суда“, конечно, любопытно, и познакомиться съ ея жизнью полезно всѣмъ, кто интересуется жизнью вообще, жизнью самого общества. Вѣдь тамъ, въ этой залѣ, „общество“, карающее своихъ преступниковъ, судить себя, тамъ старается оно удалить и уничтожить, какъ чуждые болѣзненные наросты, то, что является лишь показателемъ его собственной больной конституціи, и заглушить тѣмъ или

инымъ судебнымъ приговоромъ протестующій иногда голосъ собственной совѣсти. Въ серіи судебныхъ процессовъ передъ читателемъ и зрителемъ проходятъ длинной вереницей продукты и жертвы общественнаго неустройства, какъ живой укоръ общественной совѣсти и какъ наглядный образчикъ общественной несостоятельности. Эти „преступники“—это плоды, плоды созрѣвшіе или же случайно подобранные прокурорскимъ надзоромъ; но удалить вредные плоды не значитъ срубить дерево, ихъ носящее, и вырвать корни, ихъ питающіе,—а гдѣ же искать этихъ корней, какъ не въ самомъ обществѣ?

Пестрою толпою тѣснятся въ „залѣ суда“ подсудимые разныхъ категорій, иногда жалкіе, иногда же отвратительные, дегенеранты и нравственно-помѣшанные, несчастныя проститутки и темныя убійцы, тупоумные „прожигатели жизни“ и цѣлая свора всевозможныхъ хищниковъ и эксплуататоровъ, начиная съ крупныхъ биржевыхъ акулъ и ростовщиковъ и кончая плотоядными малаго размѣра, мошенниками, поддѣльщиками и эксплуататорами народнаго невѣжества. И „общество“ устами своихъ представителей, присяжныхъ и судей, говорить имъ: вы виновны и понесете наказаніе, вы—преступники, и вамъ нѣтъ мѣста среди людей лояльных! Но оно не говоритъ о томъ, кто же дѣйствительный виновникъ этой преступности, кто загубилъ всѣ эти жизни и на чей алтарь приносятся эти непрестанныя жертвы. Ничего объ этомъ не говорится и въ книжкѣ „Изъ залы суда“. Книжка эта—сырой матеріалъ, который подлежитъ въ томъ или другомъ направленіи дальнѣйшей разработкѣ, но самъ по себѣ далеко не достаточенъ для общественнаго воспитанія читателей. Познакомившись съ этой книгой, читатель, пожалуй, и не будетъ думать, подобно нѣкому бюрократу въ романѣ Толстого, „что истина есть продуктъ судоговоренія“, но выбирать изъ дебрей этого „судоговоренія“ онъ будетъ вынужденъ исключительно своими силами. Конечно, бываютъ судебные процессы, поучительные сами по себѣ, безъ всякихъ комментариевъ указывающіе читателю путь къ „истинѣ“ и позволяющіе ему разобраться въ пестрой житейской амальгамѣ причинъ и слѣдствій, неизбѣжныхъ вліяній и случайныхъ наслоеній. Въ этихъ случаяхъ уже въ процессѣ „судоговоренія“ раскрывается иногда передъ постороннимъ зрителемъ истинная сущность общественныхъ отношеній, а участники процесса, судьи и подсудимые, мѣняются фактически ролями: „общество“ подписываетъ себѣ самому суровый приговоръ и занимаетъ мѣсто на позорной скамьѣ. Но большинство такихъ судебныхъ дѣлъ не подлежитъ вѣдѣнію общественной совѣсти и общественнаго разумія и почти недоступно читателямъ; ихъ нѣтъ и въ книгѣ г. Розенцвейга.

Такимъ образомъ, повторяемъ, книжка „Изъ залы суда“, несмотря на то, что „авторъ стремился всякое дѣло представить

въ видѣ послѣдовательнаго, стройнаго разсказа“, носить характеръ сырого матеріала. Публицистика автора чисто формальнаго свойства и почти не выходитъ за предѣлы „судоговоренія“, придерживаясь тѣсныхъ рамокъ „обвинительнаго акта и судебного слѣдствія“. А это пассивное отношеніе автора къ подобранной имъ серіи судебныхъ хроникъ умаляетъ цѣнность его труда и не можетъ не вліять на распространеніе его книги.

Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу Масарика, проф. чешскаго унив. въ Прагѣ. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Москва. 1900.

Несомнѣнною заслугою Масарика является то, что онъ въ числѣ первыхъ распозналъ то серьезное положеніе марксистской мысли, которое теперь останавливаетъ на себѣ вниманіе многочисленныхъ изслѣдователей, говорящихъ о „кризисѣ“ марксизма. Распознаванію этого кризиса пражскій профессоръ посвятилъ еще въ 1892 г. маленькую брошюру подъ заглавіемъ „Die wissenschaftliche und philosophische Krise innerhalb des Marxismus“, составившую послѣднюю главу, „окончательный выводъ“ настоящей книги. Книга и посвящена обоснованію этого вывода. Надо отдать справедливость Масарику, онъ обнаружилъ при исполненіи своей трудной и сложной задачи большую эрудицію въ смыслѣ основательнаго знакомства со всѣми литературными данными и подробностями критикуемаго имъ марксистскаго направленія. Содержаніе книги получилось, такъ сказать, широкое, охватывающее всю ширь и пестроту проблемы. Масарикъ начинаетъ съ изложенія и критики теоріи познанія и метафизики Маркса: здѣсь рѣчь идетъ о матеріалистической діалектикѣ и позитивномъ матеріализмѣ и о новѣйшихъ противникахъ матеріализма. Дальнѣйшею стадіею изслѣдованія является теорія историческаго матеріализма и ученіе о классовой борьбѣ, къ которымъ примыкаетъ теорія развитія и ученіе объ историческихъ законахъ. Слѣдующимъ отдѣломъ является ученіе марксизма объ экономической организаціи общества. Здѣсь идетъ рѣчь о картинѣ современнаго капитализма по Марксу, о его теоріи цѣнности, прибавочной цѣнности и другихъ экономическихъ ученіяхъ, о коммунизмѣ будущаго, о развитіи семьи и цивилизаціи и даже о женскомъ вопросѣ и свободной любви, т. е. вопросахъ, какъ бы не совсѣмъ вмѣщающихся въ рамки экономического ученія Маркса. За всѣмъ этимъ слѣдуетъ анализъ „идеологическихъ системъ“, къ которымъ Масарикъ относитъ воззрѣнія Маркса и его послѣдователей на государство и право, національный, религіозный и этический вопросы и на искусство. Вслѣдъ за этимъ изслѣдованіемъ теоретическаго содержанія марксизма идетъ „критика практики марксизма“, гдѣ изслѣдуется отношеніе марксизма къ

парламентаризму и революціонаризму. И, наконецъ, все зданіе вѣнчаетъ „окончательный выводъ“ въ видѣ положенія о научномъ и философскомъ кризисѣ въ марксизмѣ. Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться, и его въ достаточной мѣрѣ обосновалъ Масарикъ. Тѣмъ не менѣе, если къ труду пражскаго профессора предъявить нѣсколько болѣе серьезныя требованія, то придется сказать, что задача, поставленная себѣ Масарикомъ, какъ критикомъ марксизма, ему далеко не удалась. Прежде всего самая полнота изслѣдованія, являясь большимъ достоинствомъ книги, привела ко многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ. Изъ за этой полноты авторъ потерялъ, такъ сказать, чувство литературной мѣры, упустилъ изъ виду соображенія научной перспективы, обязывающей въ каждомъ міровоззрѣніи сосредоточить вниманіе на основныхъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ. Изъ этого проистекло слѣдующее. Масарикъ критикуетъ, напримѣръ, литературныя, религіозныя, этическія или эстетическія воззрѣнія марксизма; онъ указываетъ тутъ на цѣлый рядъ дефектовъ и противорѣчій, забывая, что до сихъ поръ марксизмъ и не претендовалъ на полную выясненность для его представителей этихъ частей міровоззрѣнія. Впрочемъ, и здѣсь, поскольку Масарикъ собираетъ отрывочные литературные факты и съ ихъ помощью прослѣживаетъ эволюцію марксистской мысли отъ первоначальнаго догматизма до новѣйшихъ критическихъ попытокъ,—его изслѣдованіе представляетъ большой интересъ. Укажемъ, напримѣръ, на интересныя литературныя данныя, собранныя авторомъ, въ доказательство того, что „марксизмъ—именно только марксизмъ, а не социализмъ вообще—въ силу своего матеріализма и узкаго аморализма не могъ понять національной идеи“ (402), между тѣмъ, какъ „космополитизмъ въ программѣ и на практикѣ не исключаетъ націонализма“ (393). Въ критикѣ наиболѣе основныхъ частей марксистскаго міровоззрѣнія Масарикъ подаетъ поводъ къ серьезнымъ возраженіямъ и упрекамъ. Его критика экономическихъ воззрѣній Маркса представляется чрезвычайно поверхностной. Такъ, напр., критика теоріи цѣнности Маркса сводится почти исключительно къ указанію противорѣчій между ученіемъ 1-го и 3-го томовъ „Капитала“. Далѣе, по мнѣнію Масарика, Марксъ принимаетъ теорію ренты Рикардо,—а она находится въ прямомъ противорѣчій съ теоріей цѣнности Маркса. „Если цѣна производства на худшей, не приносящей никакой ренты, землѣ опредѣляетъ рыночную цѣну, то цѣнность опредѣляется не общественнымъ трудомъ, а трудомъ на худшей, наименѣе плодородной землѣ“ (279—280). Масарикъ, очевидно, не понимаетъ, что этотъ фактъ вполне совмѣстимъ съ формулой „общественно-необходимаго труда“, хотя, конечно, и противъ этой формулы возможны возраженія. Вопросу о несоотвѣтствіи аграрныхъ отношеній схемѣ экономической эволюціи, данной

Марксомъ, посвящена ровно одна страница. Встрѣчаются и нѣкоторыя непонятныя мысли, какъ, напр., слѣдующія: „Марксъ въ своемъ отвращеніи (?) къ торговлѣ невольно впадаетъ въ тонъ устарѣвшей германской идеологіи, идеаломъ которой былъ наивный профессоръ, жившій книжной пылью и отъ своей учености и идеальности не узнававшій даже своихъ собственныхъ дѣтей“ (277). Врядъ ли все это можетъ имѣть хотя какое-либо отношеніе къ Марксу, образъ котораго, судя по его жизни и дѣятельности, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ идеологіей книжной пыли. Болѣе интересна критика Масарика, направленная противъ теоріи историческаго матеріализма. Онъ вполне резонно отмѣчаетъ шаткость и неопредѣленность этой теоріи, изложенной въ противорѣчивомъ видѣ даже въ знаменитомъ предисловіи къ „Zur Kritik“ (87—8). Далѣе онъ даетъ очень интересный очеркъ эволюціи взглядовъ въ этой области, какъ Маркса и Энгельса, такъ и ихъ послѣдователей, и приходитъ къ выводу, что „ученіе историческаго матеріализма представляется намъ вполне ошибочнымъ. Марксъ и марксисты постепенно даютъ такія опредѣленія и такія ограниченія первоначальнаго ученія, что въ концѣ концовъ отъ него ничего не остается“ (107). Однако, для вполне успѣшной и плодотворной критики историческаго матеріализма Масарику недостаетъ глубины и опредѣленнаго собственнаго міровоззрѣнія. По крайней мѣрѣ, такое міровоззрѣніе не отразилось въ данномъ его сочиненіи.

Вообще трудъ Масарика является весьма цѣннымъ, но значеніе его не слѣдуетъ преувеличивать. Масарику удалось на основаніи огромнаго литературнаго матеріала дать широкую картину кризиса, переживаемаго современнымъ марксизмомъ. Картина затронула всѣ углы и закоулки сложнаго направленія. Но, заимствуя выраженіе, употребленное по другому поводу, можно сказать, что картина эта удалась „не въ глубь, а въ ширь“: ясныхъ и опредѣленныхъ научныхъ положеній взаимно критикуемыхъ марксистскихъ идей Масарикъ не даетъ; мало того, сама критика марксизма, лишенная положительной опоры, не проникаетъ достаточно въ глубь затрагиваемыхъ проблемъ, получая подчасъ характеръ поверхностнаго литературно-библіографическаго обозрѣнія. Можно сказать, что книга Масарика представляетъ собою своего рода „адресъ-календарь“ марксизма, въ которомъ можно найти полезныя и необходимыя справки по каждому изъ вопросовъ, даже самымъ второстепенныхъ, составляющихъ въ своей совокупности содержаніе такъ называемаго марксизма. Для ориентировки въ какомъ-либо дѣлѣ или явленіи, принявшемъ достаточно большіе размѣры, адресъ-календари необходимы, и, если марксизмъ представляетъ собою такое разросшееся явленіе, то роль справочной книги для него въ совершенствѣ можетъ быть исполнена сочиненіемъ Масарика. Это сочиненіе необходимо про-

честь всякому, желающему познакомиться съ марксизмомъ. Понятно, что появленію этой книги въ русскомъ переводѣ можно только порадоваться, хотя, къ сожалѣнію, переводъ исполненъ небрежно и страдаетъ многими неточностями, неправильностями и другими недостатками.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изд. 2-ое дополненное и исправленное. Спб. 1900.

Обѣ названныя книги являются полезнымъ вкладомъ въ довольно таки небогатую русскую литературу по рабочему вопросу. Первая книга представляетъ собой изслѣдованіе о русскомъ фабричномъ законодательствѣ, раздѣленное (помимо введенія) на три части. Въ *первой* части содержится историческій очеркъ фабричнаго законодательства въ Россіи. Здѣсь дается подробный обзоръ законовъ 1882, 1885, 1886, 1890 и 1897 годовъ касательно работы малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, найма рабочихъ на фабрики и взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, наконецъ продолжительности и распредѣленія рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской и горной промышленности. Во *второй* части изложено дѣйствующее законодательство по тѣмъ же вопросамъ, а также по вопросамъ объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, о вспомогательныхъ и другихъ учрежденіяхъ для рабочихъ и т. д. Наконецъ, *третья* часть книги посвящена выясненію историческаго происхожденія и современной организаціи „органовъ надзора“ надъ фабриками и заводами, т. е. фабричной инспекціи. Все это изложено достаточно полно и вмѣстѣ съ тѣмъ популярно, что дѣлаетъ книгу г. Литвинова-Фалинскаго весьма полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ этой важной областью нашихъ общественныхъ условій и отношеній. Догматически-историческое изложеніе, преобладающее въ книгѣ, сопровождается также нѣкоторымъ теоретическимъ освѣщеніемъ, въ видѣ „общихъ выводовъ“, которыми заканчиваются первая и вторая части книги. Г. Литвиновъ-Фалинскій устанавливаетъ то общее положеніе, что „наше законодательство имѣетъ значеніе мѣропріятій, направленныхъ не только къ справедливому согласованію интересовъ рабочихъ съ интересами предпринимателей, но и къ согласованію интересовъ самихъ же фабрикантовъ, которые ставились каждымъ законодательнымъ актомъ въ одинаковыя условія конкуренціи (XIX). Авторъ и проводитъ мысль, выраженную въ этомъ положеніи, при изслѣдованіи тѣхъ факторовъ, которыми были вызваны къ жизни отдѣльные фабричные законы. Такъ, по его указанію, законъ 3-го іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной

работы подросткамъ и женщинамъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ возникъ вслѣдствіе ходатайства представителей петербургскаго района, видѣвшихъ въ этомъ, съ одной стороны, средство къ ослабленію переживавшагося тогда кризиса путемъ сокращенія производства, а съ другой стороны,—средство къ уравненію условій конкуренціи съ московскимъ промышленнымъ райономъ. „Такимъ образомъ законъ этотъ былъ вызванъ соображеніями экономического свойства“ (107). Зато законъ 3-го іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ „былъ вызванъ беспорядками, возникшими въ концѣ 1884 и въ началѣ 1885 годовъ на многихъ фабрикахъ московскаго района“ (108). Любопытно нѣкоторыя частныя соображенія г. Литвинова-Фалинскаго. Такъ, онъ вѣрно указалъ причину различнаго отношенія петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ къ законодательному урегулированію быта рабочихъ. Для петербургскихъ фабрикантовъ, работающихъ при сравнительно совершенныхъ условіяхъ техники, всякое сокращеніе рабочаго дня искупается возросшей производительностью труда; между тѣмъ представители московской промышленности, страдающей технической отсталостью, должны возлагать всѣ надежды на возможное удлиненіе рабочаго дня и прочія невыгодныя условія труда (114). Имѣетъ также значеніе самый составъ фабрикантовъ. Петербургскіе фабриканты—большею частью иностранцы, привыкшіе къ совсѣмъ иному обращенію съ рабочими, нежели тѣ, которые господствуютъ на русскихъ фабрикахъ московскаго района (115—116). Выводъ мало утѣшительный для любителей специфически російскаго патріотизма, но вполне согласующійся съ утвержденіями многихъ другихъ изслѣдователей, напр.—г. Брандта, автора двухъ-томнаго сочиненія „Иностранные капиталы“, написаннаго по порученію министерства финансовъ. Встрѣчается въ книгѣ рядъ недостаточно развитыхъ и мало обоснованныхъ мыслей и положеній. „Особая строгость наказаній“, сообщаетъ г. Литвиновъ-Фалинскій, „установлена лишь за нѣкоторыя дѣйствія рабочихъ, въ особенности за участіе въ стачкахъ... Недопуская самозащиты рабочихъ, а также стачекъ, какъ одного изъ проявленій ея, наше законодательство до нѣкоторой степени даже устраняетъ самую необходимость этой самозащиты, регламентируя разныя стороны отношеній между хозяевами и рабочими“...

Вторая книга того же автора, представляющая 2-ое изданіе сочиненія, вышедшаго подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1899 году, трактуетъ сравнительно частный вопросъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Какъ извѣстно, у насъ отсутствуетъ наиболѣе совершенная форма вознагражденія за увѣчье и смерть рабочихъ—страхованіе, предоставленное частной инициативѣ отдѣльныхъ предпринимателей. Съ другой

стороны, у насъ нѣтъ и спеціальнаго закона о личной и имущественной отвѣтственности предпринимателей. Эта отвѣтственность подлежить дѣйствію общихъ постановленій уложенія о наказаніяхъ (по вопросу объ уголовной отвѣтственности) и 1-ой ч. X тома, (по вопросу объ отвѣтственности гражданской) Г. Литвиновъ-Фалинскій и задался цѣлью изобразить и опѣнить эти постановленія о гражданской и уголовной отвѣтственности предпринимателей по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Этому, впрочемъ, авторъ счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько теоретическихъ параграфовъ, въ которыхъ говорится о правѣ, законѣ, правонарушеніи и наказаніи, объ основаніяхъ уголовной и гражданской отвѣтственности вообще, объ осуществленіи и прекращеніи правъ. Эти мѣста книги не могутъ не быть признаны довольно слабыми. Всему этому посвящено лишь около 40 страницъ, наполненныхъ слишкомъ общими, подчасъ туманными, а то и совсѣмъ неправильными опредѣленіями и соображеніями. Сравнительно лучшею является часть книги, посвященная непосредственному предмету изслѣдованія, вопросу объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Здѣсь мы имѣемъ новую, весьма интересную попытку критическаго обзора этого законодательства, разобраннаго уже въ старыхъ трудахъ Деларова (Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предприятий и ихъ агентовъ Спб. 1874), Оссецкаго (Смерть и увѣчье при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, Спб. 1886), Гордона (Принципы отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, Спб. 1887) и др. Нельзя, однако, сказать, чтобы со всѣми выводами автора можно было согласиться. Основной дефектъ этихъ выводовъ—нѣкоторый утопизмъ, заставляющій автора подчасъ видѣть въ той или иной нормѣ не дѣйствительную мысль законодателя, а предметъ его собственныхъ, по большей части симпатичныхъ, пожеланій. Г. Литвиновъ-Фалинскій, напр. утверждаетъ, что „основнымъ положеніемъ нашего общаго гражданскаго законодательства является отвѣтственность каждаго за всякій причиненный имъ или его довѣренными лицами вредъ и убытокъ“ (167). Иными словами, авторъ приписываетъ нашему гражданскому кодексу точку зрѣнія, извѣстную въ литературѣ гражданскаго права подъ именемъ *теоріи причиненія*. Положеніе это является, однако, у г. Литвинова-Фалинскаго необоснованнымъ. Несомнѣнно, эта теорія причиненія сквозить въ нѣкоторыхъ статьяхъ X-го тома (напр. въ ст. 574). Но съ другой стороны, не менѣе, а быть можетъ и болѣе ярко чрезъ X томъ проходитъ противоположная *теорія вины*, создающая обязанность вознагражденія за вредъ и убытокъ лишь въ случаѣ вины, т. е. обнаруженія умысла или неосторожности. Даже знаменитая 683 статья, устанавливающая сравнительно усиленную отвѣтственность владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предприятий, содержитъ нѣкоторыя облегченія для потерпѣвшихъ

въ отношеніи способа доказательствъ, возлагая *onus probandi* на предпринимателей, но не касается существа отвѣтственности, построенной и въ этомъ случаѣ на принципъ вины. Впрочемъ, и по отношенію къ вопросу объ *onus probandi* г. Литвиновъ-Фалинскій допускаетъ новое недоразумѣніе, склоняясь къ мысли о болѣе или менѣе равномерномъ распредѣленіи бремени доказательства между предпринимателями и рабочими по нашимъ законамъ. Здѣсь, какъ и въ вопросѣ объ основаніяхъ отвѣтственности, авторъ, допуская указанныя недоразумѣнія, способенъ ввести въ заблужденіе читателя, скрадывая серьезные недостатки нашего совершенно устарѣвшаго законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Указанные и многіе другіе недостатки книги не исключаютъ, однако, ея полезности для русскаго читателя при общей бѣдности нашей литературы въ данной области. Къ книгѣ приложенъ краткій, но весьма полезный обзоръ новѣйшихъ законодательствъ (Франціи, Англіи, Швейцаріи, Германіи, Австріи) объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ.

• НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

• Сочиненія графа **П. И. Кавииста**. 2 тома. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к. за томъ.

Сочиненія **Антоня Чехова**. Т. III. Разсказы. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ разными флагами. Романъ въ трехъ частяхъ **Ф. Ромера**. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Эта. Повѣсть **Н. Б. Свѣрловой**. Съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

М. Б. Карсній. Старь и новь. (Очерки историческаго содержанія, разсказы, сценки и наброски). Спб. 1901.

А. А. Измайловъ. Черный воронъ. Первая книжка разсказовъ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

По закону. Романъ изъ деревенской жизни **Александра Новикова**. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Хромой бѣгъ. Романъ **Лесажа**. Съ биографіей автора. Изд. А. С. Суворина. («Новая Библиотека»). Спб. 1901. Ц. 60 к.

Бабушка. Повѣсть **Божены Нильцовой**. Съ рис. Переводъ съ чешскаго М. А. Лялиной. Изд. А. С. Суворина. 1900.

Н. И. Позняковъ. Мечтатель. Съ рис. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901.

Историческіе разсказы изъ южно-славянскаго быта **Пропонія Хохолишина**. Переводъ съ чешскаго М. А. Лялиной. Съ рис. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901.

Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потاپова. **В. І. Дмитріева**. Бакланъ. Очеркъ. Ц. 6 к. — **Ивановичъ**. Степанъ Ежикъ. Разсказъ. Ц. 10 к. — **Евг. Чуриковъ**. Бродячій мальчикъ. Ц. 7 к. Харьковъ 1901.

А. Долгій. На кладбищѣ надеждъ и упованій. Юмористическіе очерки. Харьковъ. 1901. Ц. 40 к.

А. А. Навроцкій. (Н. А. Вроцкій). Памяти великаго Новгорода. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Вл. П. Лебедевъ. Тихія пѣсни. 1889—1900. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворения **Ив. Ст. Рутковскаго**. Могилев. губ. 1900. Ц. 50 к.

Думы и песни русских поэтов. Отъ Ломоносова до наших дней. Т. I. Изд. Е. Н. К. (Библиотека культурной Руси). М. 1900. Ц. 50 к.

Н. Нидермиллер. Безъ воли. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Псковъ. 1900. Ц. 1 р.

Иванъ Тобиловичъ. (Карпенко-Карый) Бурлака. Драма на 5 дѣй. Кіевъ. 1900. Ц. 7 к.

Вторая книжка сказокъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. М. О. Тихомірова. Владиміръ на Клязьмѣ. 1901. Ц. 15 к.

Подарокъ неизгнаннаго неба «Рожокъ-самъ-гудокъ» или новыя рѣчи, новая грамота. Сочиненіе **А. Г. Герасимова**. М. 1901. Ц. 50 к.

Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. **А. фонъ - Фрикенъ**. Часть IV-я. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1901. Ц. 2 р.

Ариадій Прессъ. Писатели XIX вѣка (характеристики). Книга I-ая. Съ 5 портретами. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

С. Г. Москаленка. Поддѣльная сцена въ трагедіи В. Шекспира «Гамлетъ». Изд. ред. журнала «Театръ и Искусство». Спб. 1901. Ц. 30 к.

В. Саводникъ. Поэзія Вл. С. Соловьева. М. 1901. Ц. 25 к.

Ф. Бронетьеръ. Европейская литература XIX в. Переводъ А. Веселовской. Изд. Е. Н. К. (Библиотека культурной Руси). М. 1900. Ц. 25 к.

А. Л. Волынский. Царство Карамзовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ **Д. Ровинскій**. Посмертный трудъ подъ ред. Н. Собко. Т. II. Изд. Р. Голике. Спб. 1900. Ц. за два тома 8 р.

Теобальдъ Циллеръ. Умственные и общественныя теченія XIX вѣка. (Съ портретами обществен. дѣателей Германіи). Перев. и примѣчанія Г. Генкеля. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 3 р.

М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Вып. III. Изд. П. Юргенсона. М. Ц. по подпискѣ (37) 6 р.

Ф. Лассаль. Дневникъ. Перев. съ нѣм. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, подъ ред. С. Н. Южкова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 15—40. Спб. 1900—1901. Ц. 50 к. за выпускъ.

Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса. Вып. I. **Платонъ**. Паръ (о любви). Отрывокъ изъ Критона. Республика (о справедливости). Спб. 1900. Вып. 2. **Аристотель**. Этика. Политика. Спб. 1900.—Вып. 3. **Маніавелли**. Государь. Разсужденія о Татъ-Ливѣ. Спб. 1901.—Вып. 4. **Монтескье**. О духѣ законовъ. Спб. 1901. Ц. 40 к. за выпускъ.

А. Шпиръ. Очерки критической философіи. Перев. съ франц. Н. А. Бракеръ. Изд. «Посредника». М. 1901. Ц. 75 к.

Л. Вовенаргъ. Афоризмы. Перевелъ П. Первовъ. Изд. А. С. Суворина. («Дешевая бібліотека»). Спб. 1900. Ц. 20 к.

Л. Е. Оболенскій. Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Изд. Н. П. Гарвея. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Н. И. Герасимовъ. Нищезанство. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Дэлъ Оуенъ. Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медіумическихъ явленій. Съ рис. Съ англ. К. Полянскій. Изд. 2-ое. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Викторъ Анри. Воспитаніе памяти. Изд. ред. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». М. 1901. Ц. 40 к.

Упрощенные приемы для производства умственныхъ вычисленій (секреты г. Діаманди). Составилъ **Н. Муравлевъ**. М. 1900. Ц. 35 к.

Д-ръ **А. Н. Шабанова**. О первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. 2-ое дополненное изд. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Д-ръ **Гретти**. Врачи и пациенты. Переводъ съ итальянскаго подъ ред. А. П. Колтоновскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Оспопрививаніе есть заблужденіе. Популярно-научный очеркъ **А. Р. Уоллеса**. Перев. съ англ. Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 40 к.

П. И. Мамаевъ. «На экскурсію». Знакомство съ природой путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». М. 1901. Ц. 50 к.

Его же. Знакомство съ жизнью растений путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». М. 1900. Ц. 30 к.

Элизе Ренлю. Земля. Описаніе жизни земного шара. Вып. V. Атмосфера и воздушныя явленія. Съ рис. и картами. Перев. съ франц. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изд. 2-ое. О. Н. Поповой. Спб. 1901. Ц. 1 р.

В. Ф. Вислиценусъ. Астрофизика.

Перев. съ нѣм. Н. Синекова. Съ рис. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Исторія кусочка каменнаго угля. **Эдварда Мартина**. Перев. съ англ. Съ рис. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901.

Е. Вармингъ. Ойкологическая географія растений. Введеніе въ изученіе растительныхъ сообществъ. Переводъ съ нѣмецкаго изд. подъ ред. М. Голеникина и В. Арнольди. Съ рис. Изд. П. А. Баландина. М. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Дешевая научно-популярная библиотека для всѣхъ Т-ва И. Д. Сытина. Д-ръ **С. Фишеръ**. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. — Чѣмъ и для чего мы питаемся. — Чѣмъ и для чего человекъ дышитъ. — Наши пять чувствъ. — Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. — Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. — Что такое чихотка и какъ отъ нея уберечься. — Что такое хирургія или какъ лѣчать людей ножомъ. — Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человека. — Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. М. 1901. Цѣна каждой книжки 5 к.

П. А. Петровъ. Вліяніе суперфосфата и другихъ минеральныхъ удобрений на урожай сахарной свекловичны. Спб. 1900.

Д. Н. Прянишниковъ. Съѣздъ агрономовъ въ Пархомовскомъ имѣніи П. И. Харитоненко. Спб. 1900.

Н. Н. Бурнашевъ. Способъ сбыта меда, способствующій расширенію торговли и усиленію спроса. Спб. 1900.

Изданія К. И. Тихомирова. — **И. Селавановскій**. Сельскохозяйственные рассказы. Книжка вторая. М. 1900. Ц. 20 к. — **Н. Мурашкинцевъ**. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Книжка 1. М. 1901. Ц. 10 к. — **В. Н. Спасскій**. Какъ разводить и откармливать свиней. М. 1901. Ц. 10 к. — **Его-же**. Торфъ и добываніе его для топлива, въ подстилку скоту и пр. М. 1901. Ц. 8 к. — **Его-же**. Летучіе пески и ихъ укрѣпленіе облісеніемъ. М. 1901. Ц. 5 к.

Проф. **Ал. Трачевскій**. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изд. Съ рис. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изд. Съ рис. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Новая исторія. Томъ I (1500—1750 гг.) Второе, исправленное изд. Спб. 1900. Ц. 3 р.

С. М. Дубновъ. Всеобщая исторія евреевъ отъ древѣйшихъ временъ до

настоящаго. 2-ое изд. Т. I. 1-й полутомъ Одесса. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

М. Глушановъ. Очерки изъ исторіи Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи. Тифлисъ. 1900. Ц. 50 к.

Царь въ плѣну. Историческій очеркъ **С. Ф. Либровича**. Съ рис. Изд. кружка авторовъ-издателей. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Очерки Лубенской старины **Е. П. Бочкарева**. Вып. 1-й. Изд. Лубенскаго музея Е. Н. Скаржинской. М. 1901. Ц. 1 р.

Т. С. Пентинъ. Страна рабочихъ клубовъ. «Изъ жизни «Союза Рабочихъ Клубовъ». Перев. съ англ. съ предисловіемъ И. Озерова. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. М. 1901. Ц. 50 к.

Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. **И. П. Миролюбова**. Съ 70 иллюстраціями. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Д. И. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разсказы объ японцахъ. Съ рис. Изд. 2-ое, О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Географическая чтенія. Европа. Перев. съ англ. Ръ рис. М. 1901. Ц. 50 к.

А. и Г. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человека. Перев. съ англ. А. Александровой. Съ рис. Изд. М. Д. Орѣхова. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Ф. Груздевъ. (Волгинъ). Амуръ. (Природа и люди Амурскаго края). Съ рис. Изд. 2-ое, П. П. Сойкина. («Полезная Библиотека»). Спб. 1900. Ц. 50 к.

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. М. 1901. Ц. 80 к.

Н. А. Гредескулъ. Соціологическое изученіе права. Спб. 1900.

А. А. Сапожниковъ. Судьбы Китая. Спб. 1901. Ц. 35 к.

Д-ръ **Г. Пенаръ**. Чехи—апостолы варварства. Перевелъ Ѳ. Л. Ярошъ. Кіевъ. 1901. Ц. 25 к.

М. Д. Гродецкій Бельгія на порогѣ XX-го вѣка. Житомиръ. 1901. Ц. 75 к.

Землевлдѣніе и общественные пере-дѣлы въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврич. губ. **С. Е. Оленченко**. Одесса. 1900.

Вопросъ о евреѣ въ еврейскомъ вопросѣ. Д-ра **М. Черникова**. Изд. 2-ое. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Д-ръ **Г. В. Саниръ**. Исторія и сущность сіонизма. Изд. книжнаго магазина Э. Шерманъ. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Д-ръ **И. И. Пантосовъ**. Ин-

гуши. Антропологическій очеркъ. Тифлисъ. 1901. Ц. 25 к.

Его-же. Алкоголизмъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1901.

С. Булановъ. Капитализмъ и земледѣліе. 2 тома. Спб. 1900. Ц. за два 5 р.

Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Перев. съ англ. Е. Ч. Спб. 1901. Ц. 85 к.

Производство и потребление ржи на всемъ свѣтѣ. Статистическое изслѣдованіе **Ант. Ант. Радцига.** Спб. 1901. Ц. 1 р.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Запѣтки кавказскаго хроникера. Тифлисъ. 1901. Ц. 50 к.

Сборникъ статей 1899 — 1900 гг. **Александра Новикова.** Спб. 1901. Ц. 1 р.

М. И. Покровская. О падшихъ. Спб. 1901. Ц. 40 к.

А. Горюцковъ. Трудовая помощь какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Трудовая помощь въ губерніяхъ Каванской, Вятской и Симбирской оказанная въ 1899 году Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Основные принципы земской организаціи. **Весьегонца.** Спб. 1901. Ц. 50 к.

Е. Звягинцевъ. О земскомъ книгоиздательствѣ. М. 1900.

Грамотность дѣтей сельскаго населенія въ Смоленской губерніи. Изд. Смоленской Губ. Земской Управы. Смоленскъ. 1900.

Докладъ Уфимской Губ. Земской Управы Губ. Земскому Собранію XXVI очередной сессіи 1900 г. о положеніи начальнаго народнаго образованія въ Уфимской губ. Уфа. 1900.

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Императорскаго Общества Судоходства. 1874—1900 гг. Спб. 1900.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Иллюстрированный очеркъ. Спб. 1900.

Отчетъ Одесскаго отдѣленія комитета врачебно-продовольственной помощи VII съѣзда Общ. рус. врачей въ память Н. И. Пирогова за 1900 г. Одесса. 1901.

Отчетъ о дѣйствіяхъ образованнаго по Высочайшему повелѣнію Комитета по сбору пожертвованій и устройству зданій для Екатеринославскаго высшаго горнаго училища. Екатеринославъ. 1900.

П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь на 1901 годъ (годъ третій). Спб. 1901. Ц. 1 р.

Русскій астрономическій календарь на 1901 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ ред. С. Шербакова. Нижний-Новгородъ. 1900. Ц. 75 к.

Координатная геометрія на плоскости. Д-ра **И. Тодгендера.** Съ англ. перевелъ Е. Р. Предтеченскій. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

The Anglo-Bussian literary society. Proceedings. October, November, December, 1900. London. 1901.

Matérialisme historique et économie marxiste. Essais critiques. Par **Benedetto Croce.** Traduit par Alfred Bonnet. Paris. 1901. Prix 3 fr. 50 c.

Матеріалы къ біографіи Т. Гр. Шевченка.

Какъ извѣстно, Тарасъ Григ. Шевченко былъ сосланъ рядовымъ сначала въ Орскую крѣпость, а потомъ въ фортъ Александровскій (Ново-Петровское укрѣпленіе). Когда впослѣдствіи баталіонъ, въ которомъ служилъ Шевченко, получилъ другое назначеніе, то въ Уральскѣ остался архивъ этого баталіона, назначенный за ненадобностью къ уничтоженію. Благодаря вниманію лица, разбиравшаго этотъ архивъ, избѣгли уничтоженія документы, ко-

торыя я и предлагаю ниже вниманію читателей, интересующихся біографіей знаменитаго украинскаго поэта.

Прежде, однако, нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, почерпнутыхъ изъ воспоминаній лицъ, служившихъ вмѣстѣ съ Шевченкомъ.

Братъ мой, эсаулъ уральскаго войска Л. С. А-въ,—тогда еще молодой юнкеръ,—прямо со школьной скамьи назначенъ былъ въ составъ казачьяго отряда, командированнаго на обычную службу въ Александровскій фортъ. Вмѣстѣ съ нимъ туда же былъ назначенъ его товарищъ по училищу, урядникъ А. И. А-нъ *). Прибывъ на мѣсто, они застали въ фортѣ Т. Г. Шевченка. Жилъ онъ въ общей казармѣ и, при всѣмъ извѣстномъ добродушіи и мягкости характера, отличался, однако, крайней замкнутостью и необщительностію и производилъ впечатлѣніе челоуѣка, погруженнаго въ свои невеселыя думы. Тѣмъ не менѣе, молодымъ людямъ удалось познакомиться и сойтись съ угрюмымъ поэтомъ. Повидимому, ему нравилась ихъ молодая неисторченность, непосредственность и малое знакомство съ темными сторонами жизни. Кромѣ того, братъ мой хорошо декламировалъ и впоследствии часто вспоминалъ, какъ Шевченко, которому очень нравилось его чтеніе лермонтовскаго „Гладиатора“, — по временамъ обращался къ нему съ просьбой: „А ну, прочитай мій голубе!“ Братъ, исполняя просьбу, принимался декламировать:

«Ликуетъ буйный Римъ, торжественно гремить

«Рукоплесканьями широкая арена...

«А онъ, произнесенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,

«Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна»...

И стихи, и декламация брата, повидимому, производили на Шевченка сильное впечатлѣніе. Онъ слушалъ, понурившись, и качалъ въ тактъ головой. Однако, когда, завидя успѣху товарища, за декламацию принимался А-нъ,—Шевченко при первыхъ же стихахъ махалъ рукой и произносилъ откровенный приговоръ:
— Барабанъ, барабанъ!

Шевченко былъ принятъ у коменданта, майора Ускова, и давалъ уроки его маленькимъ дѣтямъ. Въ свободное время онъ любилъ гулять по аллеямъ комендантскаго садика, въ своей сѣрой шинели и барашковой шапкѣ; рисовалъ и писалъ красками, а братъ, по просьбѣ его, позировалъ предъ нимъ въ качествѣ натурщика. Между прочимъ, по словамъ брата, Шевченко писалъ одну картину въ семи отдѣльныхъ сценахъ, или моментахъ. Судя по разсказу брата, я догадывался, что Шевченко взялъ сюжетъ для этой картины изъ „Повѣсти о горѣ-злосчастьи“, которая была только что напечатана въ какомъ-то нашемъ жур-

*) Оба уже давно покойники.

налѣ (помнится мнѣ, въ „Современникѣ“). Братъ прослужилъ въ фортѣ Александровскомъ урочные два года и вернулся домой, а Шевченко остался въ фортѣ, но вскорѣ былъ освобожденъ и вернулся на родину, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Теперь обращаюсь къ документамъ о назначеніи Шевченко на службу въ Оренбургскій край и о послѣдующихъ событіяхъ его жизни.

Въ секретномъ предписаніи командовавшаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ на имя начальника 23 пѣхотной дивизіи *) отъ 10 іюня 1847 года читаемъ:

„Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: бывшаго художника С.-Петербургской Академіи Художествъ, Тараса Шевченко, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, опредѣлить въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него, ни подъ какимъ видомъ, не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій“.

„О таковой Монаршей волѣ сообщая вашему П-ву и препровождая рядового Шевченко, покорнѣйше прошу зачислить его въ оренбургскій линейный № 5 баталіонъ, учредивъ надъ нимъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ ему писать и рисовать, и чтобы отъ него, ни подъ какимъ видомъ, не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій“.

Итакъ, по назначеніи Шевченко въ оренбургскій корпусъ, онъ былъ опредѣленъ въ 5 баталіонъ, квартировавшій въ Орской крѣпости, откуда и начинаются его служебныя мытарства.

По нашимъ документамъ оказывается промежутокъ времени до апрѣля 1850 года, за который свѣдѣній о Шевченко имѣется весьма мало, **) а изъ другого секретнаго предписанія корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Влад. Афон. Обручева (на имя начальника той же дивизіи отъ 27 апрѣля 1850 года), видно, что Шевченко изъ 5 баталіона былъ переведенъ въ 4-й и назначенъ къ отправленію въ Ново-Петровское укрѣпленіе, но „по встрѣтившимся обстоятельствамъ“, отставленъ отъ этой командировки, съ переводомъ по прежнему въ 5 баталіонъ и учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго надзора и проч.; какъ значитсѣ въ приведенномъ предписаніи, а между тѣмъ, по распоряженію генерала Обручева, содержался подъ карауломъ на главной гауптвахтѣ въ Оренбургѣ, откуда имѣлъ быть отправленъ въ 5 баталіонъ по особому распоряженію.

Въ новомъ предписаніи генерала Обручева на имя начальника

*) Квартировавшій въ Уральскѣ баталіонъ № 1 принадлежалъ къ 1 бригадѣ 23 пѣхотной дивизіи, которою командовалъ генералъ Толмачевъ.

**) Ниже читатели найдутъ краткія свѣдѣнія о командировкѣ Шевченко съ капитанъ-лейтенантомъ Бутаковымъ въ конвой ученой экспедиціи по изслѣдованію Аральскаго моря, въ 1849 году.

дивизіи отъ 21 мая того же года значится, что Шевченко былъ уже переведенъ въ 5 баталіонъ, командиру коего было строжайше предписано, чтобы къ Шевченко „отнюдь не могли прямо доходить письма и отъ него другимъ лицамъ не пересылались, ибо всѣ таковыя письма должны поступать на предварительное мое (Обручева) разсмотрѣніе“... „за рядовымъ же Шевченкою въ ротѣ поручить, сверхъ баталіоннаго и ротнаго командировъ, имѣть надзоръ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями, и если что-либо замѣтить предосудительное, или неповиновеніе, то доводили бы о томъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія баталіоннаго командира, который обязанъ немедленно мнѣ донести, надписывая на конвертѣ: „секретно“ и „въ собственныя руки“.

Дѣло, задержавшее отправленіе Шевченко, изъ 5 баталіона въ Ново-Петровское укрѣпленіе, заключается въ слѣдующемъ:

Въ апрѣлѣ 1850 года, у Шевченко былъ сдѣланъ обыскъ, причемъ „были найдены нѣкоторыя партикулярныя носебныя вещи, въ которыхъ онъ иногда ходитъ, а также письма отъ разныхъ лицъ и два альбома съ малороссійскими стихами, пѣснями и рисунками, сдѣланными карандашемъ, о чемъ г. корпуснымъ командиромъ въ то же время было донесено г. военному министру“... „Шевченко же былъ отправленъ къ баталіону № 5, въ крѣпость Орскую, съ тѣмъ, чтобы за нимъ со стороны начальства былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ“.

Дежурный генералъ главнаго штаба, отъ 8 іюня 1850 года, увѣдомилъ корпуснаго командира, что Государь Императоръ, по докладу его представленія и содержанія приложенныхъ къ оному бумагъ, отобранныхъ отъ рядового Шевченко, „Высочайше повелѣть соизвоили: рядового Шевченко, не исполнившаго воспрепятствія писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ. При изслѣдованіи имѣть въ виду, что командиръ оренб. лин. № 5 баталіона и всѣ ближайшіе начальники подлежатъ должны законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно этого рядового, коего предшествовавшая вина была имъ извѣстна“.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли, генералъ Обручевъ предписалъ командиру 5 баталіона подвергнуть рядового Шевченко строжайшему аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ въ крѣпости Орской, а командиру баталіона № 2, подполковнику Чигирю, было поручено произвести по этому предмету строжайшее изслѣдованіе секретнымъ образомъ и слѣдственное дѣло по окончаніи представить къ нему (Обручеву)“.

„По произведенному подполковникомъ Чигиревымъ изслѣдованію, открыто, что изъ числа найденныхъ у рядового Шевченко

писемъ, часть была получена имъ во время нахождения его на службѣ въ баталіонѣ № 5 съ 23 іюня 1847 по 11 мая 1848 года, чрезъ Орскую почтовую станцію; стихи и пѣсни въ двухъ альбомахъ на малороссійскомъ нарѣчїи — не его сочиненія, а записаны имъ только, какъ пѣсни народныя, во время бытности его въ 1846 году въ Кіевской, Каменецъ-Подольской и Волынской губерніяхъ, — которыя были на разсмотрѣніи въ 3 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ, сдѣланы, болѣею частию, въ Малороссіи въ 1846 и нѣсколько въ 1849 году, въ бытность его на Аральскомъ морѣ, по приказанію капитанъ-лейтенанта Бутакова, *) какъ виды гидрографическіе, копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря“.

„Относительно переписки съ разными лицами, рядовой Шевченко при допросѣ показаль, что о письмахъ этихъ онъ не объявлялъ начальству, потому что подѣ словомъ запрещенія писать онъ разумѣлъ сочиненія или разсужденія, недозволенные законами, и что во всѣхъ его письмахъ не содержится ни одного выраженія, подающаго сомнѣніе въ нарушеніи Высочайшей воли, которая, со дня объявленія ему конфирмаціи, сохраняется имъ свято“.

„Командующій баталіономъ № 5, майоръ Мѣшковъ, имѣя въ виду запрещеніе рядовому Шевченко писать и рисовать, на сдѣланный ему слѣдователемъ, подполковникомъ Чигиремъ, вопросъ отозвался, что онъ не былъ извѣстенъ о перепискѣ рядового этого съ разными лицами и не предполагалъ, чтобы запрещеніе это могло относиться къ частнымъ, безвреднымъ письмамъ; о найденныхъ же у Шевченко стихахъ, пѣсняхъ и рисункахъ майоръ Мѣшковъ нѣ зналъ, ибо, полагая, что послѣ рѣшенія надъ нимъ дѣла, не могло оставаться у него ничего запрещеннаго, не обвинялъ его. Сверхъ того, при отправленіи рядового Шевченко изъ крѣпости Орской, въ маѣ 1848 года, въ составъ 3 роты, для прикрытія транспорта, слѣдовавшаго въ Раимское укрѣпленіе **), майоромъ Мѣшковымъ не было сообщено въ 4 баталіонѣ о запрещеніи ему писать и рисовать, что, по объясненію майора Мѣшкова, произошло какъ потому, что Шевченко до отправленія состоялъ въ той же 3 ротѣ и подѣ командою прежняго ротнаго командира, штабсъ-капитана Степанова, которому было извѣстно Высочайшее повелѣніе, такъ равно и по недавнему командованію имъ бата-

*) Помнится, этотъ Бутаковъ, какъ морякъ, участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, а потомъ былъ начальникомъ аральской флотиліи, дѣлавшей рейсы по Сыръ-Дарьѣ и Аральскому морю на паровыхъ судахъ.

**) Раимское укрѣпленіе было заведено на р. Сыръ-Дарьѣ, близъ ея устья, въ 1847 году, съ участіемъ уральцевъ, потомъ перенесено выше по теченію рѣки, съ переименованіемъ въ фортъ № 1, послѣ называлось «Казала», а нынѣ г. Казалинскъ Сыръ-Дарьинской области.

ліономъ, отчего онъ не могъ припомнить всѣхъ дѣлъ, а баталіонный адъютантъ, подпоручикъ Растопчинъ, не доложилъ ему объ этомъ“.

Военный министръ (князь А. И. Чернышевъ), рассмотрѣвъ представленіе по сему предмету корпуснаго командира, съ подробнымъ объясненіемъ всего, что открыто по слѣдствію, нашелъ, что ничего новаго къ обвиненію Шевченко не обнаружено и, въ исполненіе Высочайшей воли, просилъ: *)

1) „Вмѣнить Шевченко въ наказаніе содержаніе на гауптвахтѣ и, освободивъ его изъ-подъ ареста, строго внушить ему, чтобы онъ, ни подъ какимъ видомъ, не осмѣливался нарушать Высочайшаго повелѣнія, коимъ ему воспрещено писать и рисовать.“

2) „Перевести его изъ 5 въ другой отдаленный оренбургскій баталіонъ, предписавъ ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ помянутаго Высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе“.

3) „Съ начальствующихъ, допустившихъ Шевченко ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ и не передавшихъ кому слѣдовало надлежащихъ о немъ свѣдѣній при отправленіи его въ командировку, сдѣлать взысканіе по его (корпуснаго командира), усмотрѣнію“.

Корпусный командиръ, отъ 25 сентября 1850 года, предписалъ начальнику дивизіи:

„а) рядового Тараса Шевченко, по освобожденіи изъ-подъ ареста, перевести на службу, подъ строжайшій надзоръ ротнаго командира, въ одну изъ ротъ оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона, расположенныхъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, отправляя его туда подъ присмотромъ благонадежнаго утеръ-офицера, съ такимъ во времени разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть въ Гурьевъ городокъ непрѣменно до окончанія навигаціи наступающаго года“.

„б) Отобранныя отъ рядового Шевченко вещи (партикулярное платье), которыя, по донесенію Омскаго каменданта, хранятся въ баталіонномъ цейхгаузѣ, какъ вещи для него вовсе не нужныя, предоставить Шевченко отдать кому-либо, или же, продавъ оныя въ присутствіи его, вырученныя деньги отдать ему“.

„в) Увѣдомить корпуснаго командира какъ о времени отправленія рядового Шевченко въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ равно и о томъ, въ которую изъ ротъ расположенныхъ укрѣпленій онъ будетъ зачисленъ на службу, и кто ротный командиръ той роты, которому строго предписать къ непремѣнному исполненію все изложенное касательно надзора за ряд. Шевченко въ предписаніяхъ корпуснаго командира на имя началь-

*) Отношеніе дежурнаго генерала главнаго штаба 9 апрѣля 1850 года № 747.

ника дивизіи, и въ особенности, чтобы, независимо отъ наблюденія за поведеніемъ этого рядового со стороны самого ротнаго командира, ближайшій за нимъ надзоръ былъ порученъ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями, и если замѣтятъ что-либо предосудительное, или неповиновеніе, то доводили бы о томъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія ротнаго командира, который обязанъ немедленно доносить корпусному командиру, подписывая на конвертѣ: „секретно“ и „въ собственныя руки“, причемъ подтвердить ротному командиру, что малѣйшее послабленіе въ отношеніи надзора за Шевченко подвергнетъ его строгой отвѣтственности“, и,

„г) командующему баталіономъ № 5-го, маіору Мѣшкову, за несообщеніе имъ въ баталіонъ № 4-го послѣдовавшей надъ ряд. Шевченко Высочайшей конфірмаціи при командированіи его въ 1848 году въ Раимское укрѣпленіе, что было причиною продолженія полученія ряд. Шевченко нѣсколькихъ писемъ и отправленія на нихъ отвѣтовъ, въ бытность его въ Раимскомъ укрѣпленіи и Оренбургѣ и составленія на Аральскомъ морѣ нѣсколькихъ въ альбомахъ его гидрографическихъ видовъ, сдѣлать строгій выговоръ *), а относительно взысканія съ лицъ, дозволившихъ рядовому Шевченко ходить иногда въ партикулярной одеждѣ, собираются нужныя свѣдѣнія, по полученіи которыхъ будетъ сдѣлано распоряженіе особо“ **).

По доставленіи Шевченко въ Уральскъ, онъ былъ отправленъ въ Гурьевъ, посредствомъ линейной стражи, 8 октября 1850 года, подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, а 13-го числа этого же мѣсяца „рядовой изъ политическихъ преступниковъ“ Тарасъ Шевченко, за присмотромъ того же унтеръ-офицера, отправленъ на кусовой лодкѣ въ Ново-Петровское укрѣпленіе, куда и прибылъ 17 октября. При этомъ къ старшему офицеру, завѣдывавшему 2 ротами 1 баталіона въ семъ укрѣпленіи, отосланы всѣ письменныя свѣдѣнія о Шевченко и дана строгая инструкція о дальнѣйшемъ его содержаніи и неусыпномъ за нимъ надзорѣ, согласно Высочайшей воли и распоряженій командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

Къ вышеизложенному остается добавить нѣкоторые свѣдѣнія • жизни и службѣ Шевченко въ далекомъ укрѣпленіи, вообще,

*) Не понятна теперь эта придирчивость тогдашняго начальства, поставившаго Шевченка въ вину даже составленіе имъ, по порученію Бутакова гидрографическихъ видовъ Аральскаго моря, копіи которыхъ приложены къ описанію этого моря. Напротивъ, такая помощь Бутакову должна бы заслужить, если не награду, то во всякомъ случаѣ не порицаніе.

**) Кто оказавшій виновными по сему послѣднему криминалу и какое получилъ за это возмездіе—неизвѣстно.

надо полагать, чуждой какихъ-либо особенныхъ, выдающихся событій.

Начальникъ артиллеріи оренбургскаго округа, генераль-маіоръ Фрейманъ, инспектировавшій Ново-Петровское укрѣпленіе въ 1854 году, вошелъ съ представленіемъ къ корпусному командиру, генераль-адъютанту Перовскому, отъ 28 октября 1854 года о производствѣ въ унтеръ-офицеры рядового Шевченко, „который въ продолженіе четырехлѣтняго служенія своего въ укрѣпленіи, по удостовѣренію маіора Ускова (комендантъ) и командира роты, ведетъ себя примѣрно и исполняетъ служебныя обязанности съ отличнымъ усердіемъ, не подвергаясь никакимъ замѣчаніямъ“.

Представленіе это, по инстанціи, чрезъ начальника дивизіи, было передано бригадному командиру 1-го баталіона, маіору Львову, съ такимъ запросомъ: „какого поведенія и по службѣ рядовой Тарасъ Шевченко и заслуживаетъ ли ходатайства о производствѣ его въ унтеръ-офицеры, преимущественно предъ другими рядовыми равной съ нимъ категоріи, если таковые есть“. Въ отвѣтъ на это, маіоръ Львовъ (18 ноября 1854 года) далъ такой отзывъ: хотя рядовой Тарасъ Шевченко „въ поведеніи и оказываетъ себя хорошимъ, но по фронтовому образованію слабъ, въ чемъ я (маіоръ Львовъ) лично убѣдился въ бытность мою въ семь году въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, для инспектированія 2-хъ ротъ, тамъ расположенныхъ, а потому и не признаю его заслуживающимъ ходатайства о производствѣ въ унтеръ-офицеры“.

Другая такая же попытка и съ такимъ же результатомъ исходила отъ того же маіора Львова, который, чрезъ 8 мѣсяцевъ послѣ приведеннаго даннаго имъ неблагопріятнаго отзыва о фронтовомъ образованіи Шевченко, отъ 7 іюля 1855 года писалъ бригадному командиру *):

„Въ бытность мою въ настоящемъ году въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи для инспектированія ротъ, въ ономъ расположенныхъ, я вполне удостовѣрился, что находящійся тамъ на службѣ, отданный по Высочайшему повелѣнію изъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, рядовой Тарасъ Шевченко, примѣрнымъ своимъ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ, заставляеть обратить на себя вниманіе начальства. Кромѣ того, свидѣтельствуютъ завѣдывающій ротами,

*) Приводимое ниже ходатайство маіора Львова, я полагаю, можно объяснить добрымъ участіемъ коменданта Ускова къ тяжелому положенію «рядового» Шевченко, да и съ наступленіемъ знаменательной въ нашей исторіи половины 50-хъ годовъ замѣтно уже стали измѣняться прежніе порядки и суровыя отношенія военнаго начальства къ нижнимъ чинамъ. Съ воцареніемъ Императора Александра II, наступала пора благодѣтельныхъ реформъ во всѣхъ сферахъ нашей внутренней жизни, а въ томъ числѣ и во взглядѣ на нашу армію.

капитанъ Косаревъ и комендантъ, майоръ Усковъ, что онъ, во все время нахожденія въ укрѣпленіи, поведеніемъ и усердіемъ противу товарищей своихъ всегда отличается“.

„Свидѣтельствуя объ отлично-усердной службѣ рядового вѣреннаго мѣ баталіона Тараса Шевченко, я имѣю честь почтительнѣйше просить ходатайства Вашего Превосходительства объ облегченіи его участи производствомъ въ унтеръ-офицеры“.

Къ представленію приложенъ формулярный списокъ о службѣ Шевченко, по коему онъ показанъ происхожденіемъ „изъ дворянъ“ *).

Отвѣта на это представленіе не послѣдовало, по крайней мѣрѣ, въ бумагахъ его не имѣется.

А затѣмъ начальникъ 23 пѣхотной дивизіи отъ 20 декабря 1855 года, согласно сообщенію начальника корпуснаго штаба отъ 17 декабря, предложилъ бригадному командиру приказать, чтобы „рядового Оренбургскаго линейнаго баталіона № 1 Тараса Шевченко показывать происхожденіемъ изъ крестьянъ“, что и предписано къ исполненію командиру № 1 баталіона **).

Съ наступленіемъ новаго царствованія, измѣнился взглядъ правительства и ближайшаго начальства на прошлое такъ на-ываемыхъ тогда „политическихъ преступниковъ“, томившихся въ ссылкѣ на нашей окраинѣ, къ категоріи коихъ принадлежалъ и Шевченко, и явилась надежда на облегченіе и освобожденіе ихъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, отъ тяготѣвшей надъ ними кары, въ видѣ Высочайшихъ конфирмацій и административныхъ распоряженій представителей высшей власти.

Какъ видно изъ дѣла 1 баталіона „объ увольненіи по Высочайшему повелѣнію отъ службы нижнихъ чиновъ изъ политическихъ преступниковъ“, военный министръ отъ 1 мая 1858 г. сообщилъ командиру отд. Оренбург. корпуса, что Государь Императоръ, по ходатайству его, генераль-адъютанта графа Перовскаго, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 9 человекъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ (1-го баталіона, изъ поляковъ) уволить отъ службы и возвратитъ на родину, если на это изъявятъ согласіе намѣстникъ Царства Польскаго и генераль-губернаторы западныхъ губерній, и учинить за ними секретный надзоръ, впредь до совершеннаго удостовѣренія въ ихъ благонадежности ***);рядового Шевченко, „во вниманіе къ хо-

*) Курьезная и, надо полагать, неумышленная описка писаря, недосмотрѣнная адъютантомъ и самимъ «отцомъ-командиромъ» въ пылу спѣшной переписки и отписки. Въ другомъ мѣстѣ писарекъ измѣнилъ даже фамилію Шевченко, написавъ ее: «Савченко».

**) Какъ извѣстно, Шевченко происходилъ изъ крѣпостныхъ Кіевской губ. Звенигородскаго уѣзда села Кирилówki; родился 25 февраля 1814 г.

***) Счастливыцы эти были: Александръ Горзіевскій, Генрихъ Миллеръ, Александръ Храбчинскій, Ерастъ Ольшевскій, Феликсъ Фіалковскій, Игнатій Іржезовскій, Станиславъ Доморадскій, Доминикъ Кодремскій и Антонъ Бышевскій.

датайству президента Академіи Художествъ, Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Маріи Николаевны, уволить отъ службы, съ учрежденіемъ за нимъ надзора тамъ, гдѣ онъ будетъ жить,—и всѣмъ вообще означеннымъ чинамъ, подлежащимъ увольненію отъ службы, воспретить въѣздъ въ обѣ столицы и житѣльство въ нихъ“.

По распоряженію мѣстнаго начальства, Шевченко изъ Ново-Петровскаго укр. долженъ былъ явиться въ Уральскъ, для полученія изъ баталіоннаго штаба билета на проѣздъ и оттуда слѣдовать на родину. Но, какъ видно изъ сообщенія коменданта этого укрѣпленія командиру 1 баталіона отъ 1 августа 1857 года, Шевченко обратился къ нему (коменданту), съ убѣдительнѣйшею просьбою о выдачѣ ему билета на увольненіе по примѣру выдачи прежде сего такого же билета унтеръ-офицеру Балинскому, въ томъ уваженіи, дабы онъ, Шевченко, безъ излишнихъ издержекъ и потери времени, могъ проѣхать на мѣсто житѣльства, въ С.-Петербургъ, ближайшею дорогою, чрезъ Астрахань. А потому комендантъ, принявъ во вниманіе, что отправленіе Шевченко къ баталіонному штабу въ Уральскъ сдѣлаетъ ему разницу болѣе тысячи верстъ лишнихъ и что Шевченко отъ кормовыхъ и прогонныхъ денегъ отказался,—выдалъ ему билетъ на проѣздъ его къ мѣсту житѣльства—въ С.-Петербургъ, впредь до высылки ему настоящаго паспорта, который просилъ отослать въ управленіе Академіи Художествъ, гдѣ Шевченко объявилъ свое мѣстопробываніе.

Это маленькое отступленіе отъ предписанной буквы распоряженія объ отправленіи Шевченко къ баталіону, вмѣстѣ съ прочими, въ Уральскъ—отступленіе практичное, цѣлесообразное и никому не вредное,—было, однако же, поставлено коменданту на видъ. Оказывается, что предусмотрительный маіоръ Усковъ, чтобы нѣсколько оправдать и объяснить допущенное имъ отступленіе, подалъ по сему предмету докладную записку на имя инспектора укрѣпленія, генераль-маіора Фреймана, отъ 21-го августа, представленную имъ по инстанціи и поступившую потомъ къ докладу генераль-адъютанту Перовскому, который нашелъ распоряженіе коменданта относительно выдачи Шевченко билета на проѣздъ въ С.-Петербургъ весьма опрометчивымъ и „изволил на сей только разъ, въ уваженіе долговременной, усердной и полезной службы маіора Ускова, ограничиться объявленіемъ ему строгаго замѣчанія, предписавъ на будущее время быть въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Перовскій просилъ генераль-губернаторовъ Московскаго и С.-Петербургскаго объявить Шевченко, буде онъ находится въ одной изъ столицъ, условія относительно увольненія его въ отставку и отобрать отъ него свѣдѣніе, гдѣ онъ пожелаетъ имѣть житѣльство.

Сопоставляя сущность содержанія приведенныхъ документовъ

по отношенію права Шевченко жить въ столицѣ по увольненіи его въ отставку, находимъ видимое противорѣчіе, требующее возможнаго разъясненія: а) въ сообщеніи военнаго министра отъ 1 мая 1857 года сказано, что „всѣмъ вообще означеннымъ чинамъ, подлежащимъ увольненію отъ службы“, (слѣд. и Шевченко),—„воспретить въѣздъ въ обѣ столицы и жительство въ нихъ“; б) въ отношеніи коменданта Ускова на имя командира 1 баталіона отъ 1 августа 1857 года значится, что онъ, согласно желанію Шевченко „проѣхать на мѣсто жительства, въ С.-Петербургъ“,—выдалъ ему на это билетъ, впредь до высылки ему настоящаго паспорта, который просилъ отослать въ управленіе Академіи Художествъ, гдѣ Шевченко объявилъ свое мѣстопробываніе; в) графъ Перовскій, приказавъ сдѣлать майору Ускову замѣчаніе за выдачу Шевченко билета на проѣздъ въ С.-Петербургъ, просилъ генераль-губернаторовъ Московскаго и С.-Петербургскаго объявить Шевченко, буде отъ находится въ одной изъ столицъ, условія относительно увольненія его въ отставку и отобрать отъ него свѣдѣніе, гдѣ онъ пожелаетъ имѣть жительство.

Это противорѣчіе и возникающее изъ этого недоразумѣніе можно объяснить благотѣльнымъ участіемъ въ дѣлѣ устройства дальнѣйшаго положенія Шевченко—Великой княгини Маріи Николаевны, которая, ходатайствуя объ увольненіи Шевченко въ отставку, конечно, имѣла въ виду интересы искусства и Академіи, и если ходатайство это было свыше уважено, то, само собою разумѣется, съ непремѣннымъ условіемъ дарованнаго Шевченко права продолженія занятій въ Академіи, въ которой, еще до отъѣзда изъ укрѣпленія, онъ прямо „объявилъ свое мѣстопробываніе“, въ чемъ комендантъ не нашелъ никакого противорѣчія предписаннымъ распоряженіямъ, а потому и главный начальникъ Оренбургскаго края ограничился только требованіемъ свѣдѣнія, гдѣ Шевченко пожелаетъ имѣть жительство, не возбуждая вопроса о воспрещеніи ему въѣзда въ столицы и проживанія въ нихъ, что непремѣнно произошло бы, если бы это было ему воспрещено и въ отношеніи его не было бы допущено исключеніе изъ общаго распоряженія.

Но Шевченко, какъ видно изъ сообщенія генерала Толмачова на имя бригаднаго командира отъ 19 октября 1857 года, не торопился ѣхать въ столицы и мирно проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда и велѣно было отослать ему билетъ на отставку, чрезъ Нижегородскаго военнаго губернатора.

И. А.

Изъ Англіи.

I.

Вотъ уже болѣе десяти дней, какъ громадныя англійскія газеты наполнены безконечными статьями въ черныхъ каемкахъ. Королева, которая видѣла нѣсколько поколѣній, при которой страна такъ радикально измѣнила свой видъ — умерла. Тотъ періодъ, который переживаетъ теперь Англія; періодъ, создавшій культурныхъ дикарей, всесильную уличную прессу и другія явленія, о которыхъ мнѣ приходилось не разъ уже говорить, отразился и въ некрологахъ. Имя королевы сопровождается интенсивными прилагательными, при томъ въ превосходной степени: „величайшая“, „мудрѣйшая“, „геніальнѣйшая“ и пр. Авторы некрологовъ объясняютъ даже дожди, лившіе въ послѣднее время, тѣмъ, что „само небо оплакиваетъ величайшую изъ монархинь“. Далѣе говорится объ убитыхъ горемъ англичанахъ, о „мракѣ отчаянія, нависшемъ надъ Лондономъ“, о „великой потерѣ страны“ и пр. Придворный пиндаръ, поэтъ лавреатъ Остинъ говоритъ о побѣдахъ, одержанныхъ ею, о „Семирамидѣ сѣверныхъ морей“.

Я думаю, читателямъ будетъ интересно разобраться въ грудахъ надгробной литературы и выяснить, насколько мы, иностранцы, люди чужаго прихода, можемъ принять сильныя прилагательныя. Прежде всего, мы отправимся на лондонскій форумъ, въ Гайдъ-Паркъ. Суббота второго февраля. Сегодня останки королевы провозятъ черезъ Лондонъ въ Виндзоръ, гдѣ она будетъ похоронена рядомъ съ принцемъ-супругомъ. Безконечный паркъ, всѣ улицы, сходящіяся къ нему,—все это залито живымъ моремъ. Заперты (по собственной инициативѣ) всѣ лавки, фабрики, дома, конторы, банки. Сотни тысячъ занятаго люда теперь на улицахъ. Кромѣ того, еще со вчерашняго дня поѣзда привозили провинціаловъ, которые провели всю ночь на улицѣ. Въ паркѣ и прилегающихъ улицахъ—нѣсколько миллионовъ людей. На крышахъ, балконахъ, въ окнахъ, на карнизахъ, всюду, куда можно было притащить скамьи,—тысячи зрителей, явившихся съ биноклями, съ корзинами съ съѣстными припасами и съ бутылками виски. Патріотизмъ—патріотизмомъ, а дѣло—дѣломъ. Когда только получены были первыя извѣстія о болѣзни королевы, синдикатъ снялъ всѣ окна и крыши по всему пути между станціями Викторія и Пэдингтонъ, по которому повезутъ государыню, если она умретъ. На снятыя мѣста стали сильно спекулировать: окно на Пиккадили сдавалось

за 1500 рублей, плохое мѣсто на крышѣ, возлѣ дымовыхъ трубъ, за 70 руб. и т. д.

Живое море, какъ всякое море, подвержено приливамъ и отливамъ. Волна, зародившаяся у одного берега живого моря, перебѣгаетъ къ другому, гдѣ образуетъ настоящій бурунъ. Въ живомъ прибоѣ женщины падаютъ въ обморокъ отъ духоты, обусловливаемой дыханіемъ миллионовъ легкихъ, ломаются ребра, руки и ноги. Затѣмъ прибой внезапно спадаетъ; наступаетъ штиль до новой волны. Въ общемъ, однако, самодисциплина толпы удивительная. Настроеніе отнюдь не похоронное. Джентльмены въ твидовыхъ шапочкахъ стараются высвободить изъ живыхъ тисковъ руки, чтобы угостить водкой фабричныхъ дѣвушекъ въ громадныхъ шляпахъ, съ пучками яркихъ перьевъ на головѣ. Дѣвушки хохочутъ пронзительно, обливаютъ водкой угощающихъ ихъ кавалеровъ и пр. Вотъ надъ моремъ головъ перекачивается волной хохотъ, который все крѣпнѣтъ да крѣпнѣтъ. Вдали, на лугу, къ громадному высокому дубу бѣжитъ дама въ черной шляпѣ, въ такомъ же казакинѣ и въ широкихъ твидовыхъ шароварахъ, по-видимому, членъ клуба женщинъ, стоящихъ за „раціональный“ костюмъ. Черезъ плечо у дамы—фотографическій аппаратъ, въ рукахъ—родъ свернутого лассо. За дамой, размахивая руками, гоняются два толстыхъ „боби“ (полицейскихъ), задыхающихся отъ жира. Дама добѣжала до дуба, развернула арканъ, забросила его на толстый сукъ, ловко и быстро взобралась по узловатой веревкѣ, усѣлась верхомъ и подняла къ себѣ лассо. Прибѣжавшіе „боби“ приглашаютъ даму слѣзть, но она спокойно наводитъ камеру на то мѣсто, гдѣ должна показаться процессія. Толпа аплодируетъ и кричитъ „ура“. „Боби“ машутъ рукой и оставляютъ даму въ покоѣ.

Въ одномъ углу толпа слѣдитъ за тѣмъ, какъ въ домѣ противъ парка джентльмены въ цилиндрахъ стараются вывернуть раму, чтобы виднѣе было. Рама сидитъ крѣпко и не подается; вниманіе толпы растетъ. Раздаются ироническія замѣчанія по поводу слабосилія джентельмена; ему совѣтуютъ пить „бавриль“ (мясной экстрактъ) и пр. Но вотъ рама затрещала и подалась усилію, и толпа, забывъ про насмѣшки, увлечена усиліемъ. Она кричитъ троекратное „ура“ джентльмену, надъ которымъ только что смѣялась. Публика, желая видѣть получше, выбираетъ крайне рискованныя позиціи. Всѣ деревья усыпаны зрителями. Издали, среди обнаженныхъ вѣтвей, они кажутся громадными сорочьими гнѣздами. Вотъ кто-то ползетъ на крайне крутую крышу колокольни. Возлѣ креста—маленькая лѣстница и до нея то добирается смѣлый наблюдатель. Толпа настроена весело и внимательно слѣдитъ за смѣльчакомъ. Вотъ нога его скользнула. Онъ потерялъ равновѣсіе и скользнулъ, но ухватился рукой за какой то болтъ. И видъ человѣка, который конвульсивно ищетъ ногой опору, вызываетъ

внизу смѣхъ; но вотъ гимнастъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, потянулся вверхъ на мускулахъ, нащупалъ ногой выступъ, поползъ вверхъ и скоро добрался до лѣстнички, на ступеняхъ которой и усѣлся съ видомъ побѣдителя. Ему аплодируютъ. Онъ принимаетъ аплодисменты, какъ должно, и раскланивается.

Обыкновенно въ громадной толпѣ живая волна, производящая бурю, зарождается вслѣдствіе того, что конные стражники наѣзжаютъ на людей. Въ толпѣ, собравшейся втораго февраля, можно было наблюдать совершенно своеобразныя, типично англійскія сцены. Цѣпь, удерживавшая толпу, состояла изъ конныхъ іоменовъ. Между ними и жителями, а, въ особенности, жителями, быстро установились пріятельскія отношенія. Въ одномъ мѣстѣ, впереди іомена, въ сѣдлѣ, можно было видѣть мальчишку лѣтъ 11, гордаго какъ лордъ; сзади, на крупѣ лошади, сидитъ дама. Далѣе—сцена совсѣмъ буколическая. Іомень поднялъ къ себѣ на сѣдло горничную въ бѣломъ передникѣ, въ такомъ же чепчикѣ съ длинными лентами. Горничная обняла шею солдата. Какой-то молодой, красивый иностранецъ, съ русой бородкой и длинными русыми волосами, повидимому, пришелъ къ заключенію, что съ лошади виднѣе. Онъ подходитъ къ іомену и дергаетъ его за полу мундира, но, должно быть, запасъ англійскихъ словъ иностранца очень скуденъ. Молодой человѣкъ ограничивается тѣмъ, что показываетъ на сѣдло и говоритъ: „два шиллинга“. Іомень молча подставляетъ стремя. Но въ полу пальто молодого человѣка вѣпился оборванный, распухшій отъ пива джентльмэнъ. Онъ кричитъ, что „*Круджеру*“ не подобаетъ сидѣть на британскомъ конѣ, что нѣмецъ можетъ и постоять.

— *Бумъ! Бумъ!* гремѣть пушечныя выстрѣлы, возвѣщая, что похоронная процессія тронулась. Сырой вѣтеръ доноситъ издали холодныя, торжественныя звуки похороннаго марша Моцарта. Показываются солдаты красные, синіе, черные. Вотъ толпа аплодируетъ и кричитъ троекратно „ура“. На конѣ ѣдетъ маленький, сморщенный старичекъ въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ изъ пѣтушьяхъ перьевъ. Это—Робертсъ. Въ рукѣ у него—красный маршальскій жезлъ съ золотыми пчелами. И, глядя на этого сморщенного старичка, мнѣ приходитъ въ голову одна замѣтка, которую я вычиталъ въ тотъ день. Въ свое время газеты сообщили, для иллюстраціи величія души главнокомандующаго, что разъ ординарецъ, явившійся къ Робертсу, засталъ его съ малюткой буромъ на колѣняхъ, котораго генераль училъ азбукѣ.

— Не прерывайте урока!—сказалъ генераль ординарцу: дѣла подождутъ.

Эта телеграмма умилила патріотовъ; патріотки, передавая содержаніе ея, лили потоки слезъ. На эту тему популярный художникъ нарисовалъ картину, которая имѣла громадный успѣхъ, на послѣдней академической выставкѣ и разошлась въ сотняхъ тысячъ

снимковъ. На ней Робертъ изображенъ съ черноволосымъ растрепаннымъ мальчишкой на колѣняхъ въ бурской харчевнѣ, въ Оранжевой Республикѣ. Успѣхъ картины побудилъ другаго извѣстнаго художника Артура Дрюмона взять тотъ же сюжетъ. На новой картинѣ Робертсъ училъ уже не растрепаннаго мальчишку, а гладко причесанную блондинку, съ благоговѣніемъ смотрящую на храбраго генерала. Въ дверяхъ стоитъ волонтеръ Сити. И эта картина имѣла громадный успѣхъ, что заставило третьяго художника Кресса Уулета (Cress Woollet) попробовать свои силы на томъ же сюжетѣ. Изъ патріотизма художникъ придалъ ученицѣ видъ англичанки и нарисовалъ на стѣнѣ портретъ государыни. Четвертый художникъ взялся за ту же тему; но желая быть реальнымъ, обратился къ Робертсу за указаніями. Тотъ отвѣтилъ, что все сообщеніе выдуманно и не имѣетъ никакого основанія; что у него гораздо болѣе важныя дѣла, чѣмъ обученіе грамотѣ маленькихъ буровъ. Такимъ образомъ, три художника иллюстрировали выдумку; два поэта, кромѣ того, воспѣли ее и три историка войны внесли ее на страницы своихъ писаній. Фактъ этотъ мелкій, но онъ иллюстрируетъ размѣры добровольнаго сервиллизма. Лакейство въ человѣкѣ бываетъ иногда основано на расчетѣ. Въ наиболѣе явной формѣ мы видимъ это въ „umbra“ богачей Рима временъ упадка. Сервиллизмъ бываетъ, однако, и совершенно безкорыстный, такъ сказать любительскій. Прекраснымъ примѣромъ является чиновникъ Лебедевъ въ „Идиотѣ“, складывающій лицо „во что-то благоговѣйное и подобострастное, даже испуганное“, когда узнаетъ, что сидящій противъ него—сынъ „того самого Семена Пареевича Рогожина, потомственнаго почетнаго гражданина, что съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной милліона капиталу оставилъ“.

— И что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ же лѣзутъ?—удивляется Рогожинъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуйста... Вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами передо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, хоть цѣлую недѣлю пляши.

— И не давай! не давай! А я буду плясать. Польсти, польсти!

Не большее дѣйствіе производитъ общаніе выпоротъ.

— А коли высѣчешь, значитъ, не отвергнешь! Сѣки! Тѣмъ самымъ пріобрѣтешь! Высѣжь, и тѣмъ самымъ запечатлѣть.

Мнѣ, о которомъ я только что говорилъ, созданъ безкорыстными лакеями, англійскими Лебедевыми. И смыслъ сколькихъ статей станетъ понятенъ, если мы вспомнимъ про безкорыстный сервиллизмъ, про одну изъ характерныхъ чертъ чловѣка. Про англійскихъ Лебедевыхъ читатель вспомнить, вѣроятно, не разъ, пробѣгая мое письмо.

А пушки все гремятъ. Можно подуматъ, закрывъ глаза, что

громадной метрополіи угрожаетъ непріятельскій десантъ. Отряды солдатъ слѣдуютъ за отрядами. Лишь одна армія да флотъ Англіи представлены въ процессіи. Вольтеровскій Микромегасъ, спустившійся въ этотъ день сюда, могъ бы подумать, что въ Англіи нѣтъ ни литературы, ни науки, ни судовъ, ни парламента, ни гражданъ, ничего, кромѣ солдатъ въ мундирахъ всѣхъ цвѣтовъ. Вотъ показывается погребальная колесница, запряженная восьмью гнѣдыми лошадьми; но и она носитъ интенсивно военный характеръ. Гробъ (до крайности маленькій, можно было бы подумать дѣтскій, если бы не ширина его) поставленъ на пушечный станокъ. Изъ подъ помоста, на которомъ стоитъ гробъ, глядитъ мѣдное жерло пушки.

„Она грядетъ!—воспѣлъ похороны придворный пиндаръ. — По залитымъ толпою молчаливымъ улицамъ везутъ останки той, что была гордостью и честью націи. Отъ берега до берега гудятъ грома ея флота и звучитъ музыка ея доблестнаго воинства, никогда не знаваго, что такое пораженіе... Въмѣсто эпитафіи, нужно написать лишь побѣды, одержанныя англичанами“. Для пѣвцовъ фактъ не писать, и конечно, мы не станемъ критиковать положенія, что войны королевы ни знали никогда пораженія. Похороны имѣли исключительно военный характеръ. Исключительно боевыя ноты слышатся и въ пѣснопѣіи пиндаровъ. Говорятъ, сама королева выработала въ деталяхъ за долго до смерти церемоніаль. Говорятъ также, что интенсивно военной демонстраціей при похоронахъ очень пожилой дамы, прославившейся своими добродѣтелями семейнаго очага, — имѣлось въ виду попасть въ тонъ тому настроенію, которое держится въ Англіи уже нѣсколько лѣтъ, и особенно ярко опредѣлилось въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ объявлена война. Какъ бы то ни было, королева сошла въ могилу, окруженная общею любовью. Шестьдесятъ три года тому назадъ она была крайне непопулярна. Теперь ея имя стало культомъ своего рода, въ особенности въ извѣстномъ классѣ. Чѣмъ объяснить это? Насколько личность королевы связана дѣйствительно съ тѣмъ прогрессомъ страны, который такъ великъ? До какой степени мы, люди безпристрастные и посторонніе, должны принять терминъ „эпоха королевы Викторіи“, который такъ широко употребляется теперь въ Англіи. Постараюсь отвѣтить на эти вопросы. Прежде всего, уяснимъ себѣ характеръ королевы и опредѣлимъ, когда именно и почему сложился культъ Викторіи.

II.

Я сказалъ уже, что въ первые годы королева была скорѣе непопулярна. Это не относится къ поклонникамъ и вздыхателямъ. Не одинъ лордъ мечталъ о положеніи новаго графа Лейстера. Одинъ перъ былъ даже такъ настойчивъ, что его пришлось отправить намѣстникомъ въ Индію. Бывали вздыхатели крайне эксцентричные. Въ 1838 году, какъ только молодая королева показывалась гдѣ нибудь, такъ тотчасъ появлялся въ своемъ экипажѣ коротенькій, нескладный, немолодой уже джентельмэнъ. Онъ выскакивалъ изъ кареты и начиналъ отвѣшивать низкіе поклоны и посылать воздушные поцѣлуи. Во всякой другой странѣ надѣливаго поклонника или арестовали бы, или заперли въ сумасшедшій домъ. Въ Англіи спасалась отъ него королева. Но эксцентричный поклонникъ слѣдовалъ всюду за ней въ своемъ экипажѣ, на приличномъ разстояніи, и посылалъ воздушные поцѣлуи. То былъ богатый сквайръ (помѣщикъ) Джонъ Кэмденъ Нейльдъ, прославившійся своею скупостью. Онъ никогда не чистилъ платья, находя, что этотъ процессъ портить ворсъ. Въ его помѣстьѣ крыша церкви стала протекать. По обычаю починку долженъ сдѣлать на свой счетъ сквайръ. Нейльдъ велѣлъ законопатить щели окрашеннымъ коленкоромъ, увѣряя, что на его вѣкъ хватитъ, а далѣе пусть чинятъ другіе. Покуда производилась починка, сквайръ сидѣлъ все время на крышѣ, чтобы рабочіе не лѣнились.

Этотъ эксцентричный поклонникъ умеръ въ 1852 г. и завѣщалъ все свое состояніе (около 5 милліоновъ рублей) лично королевѣ. Викторія приняла завѣщаніе. Въ память Нейльда королева не только починила крышу въ церкви, но даже вставила на свой счетъ въ одно окно цвѣтныя стекла. Надпись гласить, что это сдѣлано „по приказанію ея величества, въ восемнадцатый годъ царствованія, въ память Джона Кэмдена Нейльда, эсквайра“. Кстати ужъ объ этомъ завѣщаніи. Нейльдъ держалъ всѣ свои деньги въ частномъ банкѣ, который платилъ очень хорошіе проценты, но занимался рискованными операціями. Завѣдующій частными дѣлами королевы посовѣтовалъ ей взять деньги изъ банка и помѣстить ихъ болѣе вѣрно, хотя и за меньшій процентъ, что и было сдѣлано. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ банкъ лопнулъ. Это дало поводъ лакействующимъ газетамъ (ихъ тогда было очень мало, уличная пресса еще не народилась) восхвалять мудрость королевы, взявшей во время своей вклада. Та же тема вдохновила фантазію мистера Понча.—Онъ загадалъ, что было-бы, если-бы королева не только не взяла свой вкладъ, но держала-бы въ лопнувшемъ банкѣ всѣ свои капиталы. На загадку онъ самъ же отвѣтилъ „картономъ“, (т. е. рисункомъ въ листъ), который въ

свое время произвелъ необыкновенный эффектъ. Королева потеряла все состояніе и надѣлала еще массу долговъ, фантазировалъ мистеръ Пончъ. Кредиторы продали Осборнскій и Букингамскій дворцы и посадили королеву за долги въ тюрьму. Рисунокъ изображалъ королеву, управляющую Англіей изъ-за рѣшетки. Навѣстить ее идетъ первый министръ и несетъ въ платочекъ гостинцы: мѣшочекъ съ орѣшками, табачекъ и т. д.

И такъ, когда я сказала о непопулярности королевы, то имѣлъ въ виду не поклонниковъ. Массы въ Англіи тогда находились въ угнетенномъ положеніи; не было, кажется, болѣе забитаго пролетаріата въ западной Европѣ, чѣмъ англійскій. Этотъ пролетаріатъ тогда только что начиналъ пробуждаться и считалъ дворъ въ значительной степени повиннымъ во всеобщемъ униженіи. Совершенно по другимъ причинамъ къ королевѣ относились враждебно старые тори, которые боялись, что виги возьмутъ слишкомъ большой верхъ при молодой государынѣ. Дворъ вообще не пользовался популярностью. Георгъ III-й былъ ограниченный, но крайне читолубивый человекъ, желавшій перекроить Англію на свой ладъ. Его долгое царствованіе ознаменовалось гоненіями на печать, борьбой съ парламентомъ, преслѣдованіемъ знаменитыхъ ораторовъ, казнями работниковъ, принимавшихъ участіе въ стачкахъ или же въ союзахъ. Георгъ IV-й ужасалъ средніе классы своею безпутною жизнью и своими восемнадцатью дамами. Вильгельмъ IV-й былъ грубый, ограниченный человекъ, который не успѣлъ сдѣлать зла, но не сдѣлалъ также ничего и хорошаго. Такимъ образомъ предшественники королевы не завоевали себѣ ни въ комъ симпатіи. Нѣсколько событій вооружили населеніе и противъ молодой королевы. Въ сущности неважный фактъ, случающійся довольно часто въ подобной средѣ, обсуждался и комментировался, какъ въ высшихъ кругахъ, такъ и на митингахъ работниковъ. Дѣло идетъ о, такъ называемомъ, „заговорѣ статсъ-дамъ“, желавшихъ погубить молодую фрейлину, лэди Флору Гастингсъ, дочь маркиза Гастингса. Въ февралѣ 1839 г. статсъ-дамы королевы обвинили лэди Флору въ безнравственномъ поведеніи. Королева приказала своему лейбъ-медику освидѣтельствовать фрейлину. Освидѣтельствовазіе доказало, что обвиненіе—клевета; оно возстановило репутацію фрейлины, но вызвало такое нервное потрясеніе, что лэди Флора умерла. Посмертное вскрытіе обнаружило, что признаки, породившіе обвиненіе, обусловливались гипереміей печени. Фактъ не удалось замаять, такъ какъ маркиза Гастингсъ, мать фрейлины, напечатала письмо къ лорду Мельбурну (премьеру), требуя наказанія для клеветниковъ. О происшествіи заговорили всюду, оно объяснялось ревностью и завистью. Вскорѣ подоспѣлъ другой фактъ. Министество виговъ внесло билль объ отмѣнѣ конституціи на островѣ Ямаикѣ, такъ какъ мѣстный парламентъ отказался принять за-

конѣ о тюрьмахъ (Prisons Act), который прошелъ въ Англии. Робертъ Пиль внесъ поправку къ министерскому биллю, которая была отвергнута лишь большинствомъ пяти голосовъ. Министерство подало въ отставку. Составить кабинетъ поручено было герцогу Веллингтону; тотъ указалъ на Роберта Пила, который согласился сформировать министерство, но поставилъ условіемъ, чтобы статсъ-дамы королевы были уволены. На это не согласилась королева. Она написала Веллингтону, что требованіе Пила противорѣчитъ обычаю и антипатично ей. Тогда Робертъ Пиль заявилъ парламенту, что такъ какъ королева отказывается, то и онъ не находитъ возможнымъ взять на себя составленіе кабинета. Статсъ-дамы были крайне непопулярны послѣ дѣла Флоры Гастингсъ; всюду заговорили о томъ, что королева подчинилась всецѣло ихъ вліянію. Тутъ столкнулись интересы различныхъ придворныхъ партій, интриговавшихъ другъ противъ друга. Королеву освистали дамы, когда она отправлялась на аскотскіи стачки въ 1839 г. Въ числѣ обвиняемыхъ были двѣ герцогини. Но разсказанными фактами воспользовались также партіи, не имѣвшія ничего общаго съ придворными интриганами. Печальное положеніе массъ въ то время создало чартистское движеніе. Тогда происходили колоссальные митинги. И на этихъ митингахъ, между прочимъ, для иллюстраціи нравовъ высшихъ классовъ, приводилась исторія леди Флоры. Какъ извѣстно, стремленіе правительства отвѣтить терроромъ на петицію чартистовъ о реформахъ вызвало цѣлый рядъ беспорядковъ въ Бирмингемѣ, Нью-кестлѣ, Манчестерѣ, Болтонѣ, Честерѣ, Маклесфильдѣ и проч. Въ Бирмингемѣ беспорядки продолжались 10 дней. Во время этихъ тревожныхъ дней массы не разъ проявляли свое враждебное отношеніе къ молодой королевѣ.

Но еще болѣе вражды вызвало замужество королевы. Она выбрала себѣ супругомъ принца Альберта Кобургъ-Готскаго. Молодой принцъ воспитывался въ дореформенной Германіи, гдѣ въ маленькихъ герцогствахъ живы еще были нравы, изображенные Шиллеромъ въ его „мѣщанской трагедіи“, нравы, которые были окончательно сметены лишь вихремъ 1848 г. Принцъ Альбертъ имѣлъ свои собственные взгляды на обязанности подданныхъ. Онъ имѣлъ нѣсколько неопредѣленное представленіе объ англійской конституціи, но былъ большой знатокъ военнаго артикула, любилъ самъ придумывать новыя формы для солдатъ. Англичане и теперь не дружелюбно относятся къ иностранцамъ; шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ враждебное отношеніе было еще болѣе остро. Германія для средняго англичанина тогда была страной, которая дала Англии четырехъ Георговъ. Къ нимъ же, въ особенности къ первымъ двумъ, англичане не питали особыхъ симпатій. Всѣмъ было извѣстно, что Георги ненавидѣли англійскую конституцію и хотѣли бы сократить ее, если бы только могли. Говорили, что принцъ

Альбертъ будетъ убѣждать королеву продолжать дѣло четырехъ Георговъ. Враждебныя отношенія парламента начались съ перваго же дня женитьбы принца Альберта. Королевѣ хотѣлось, чтобы парламентъ провозгласилъ принца-супруга супругомъ-королемъ и намекнула въ этомъ отношеніи премьеру. Отвѣтъ его извѣстенъ. Онъ много разъ повторялся во всѣхъ исторіяхъ царствованія королевы Викторіи

— Ваше величество, сказалъ премьеръ,—лучше не показывать англичанамъ, что они имѣютъ право возводить королей. Узнавъ объ этомъ, они, пожалуй, захотятъ воспользоваться своимъ правомъ для діаметрально противоположной цѣли.

Королева выразила тогда желаніе, чтобы парламентъ провозгласилъ принца Альберта принцемъ-супругомъ специальнымъ закономъ. Такимъ образомъ, положеніе принца стало бы определеннымъ въ отношеніи къ главамъ другихъ государствъ. Парламентъ отвѣтилъ, что королева сама можетъ пожаловать супругу подобный патентъ. Такая грамота опредѣлила бы положеніе принца въ Англіи, но не предъ другими государствами. Далѣе возникли недоразумѣнія еще болѣе важныя. Принцъ Альбертъ имѣлъ громадное вліяніе на королеву. Она слушалась его совѣтовъ во всемъ. Принцъ сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Это вызвало сильное раздраженіе въ парламентѣ и въ странѣ. По предложенію одного изъ коммонеровъ (полковника Сибторпа), цивильный листъ принца былъ сокращенъ на 20 тысячъ ф. ст. (30 тысячъ, вмѣсто 50 тысячъ ф. ст. въ годъ). Лордъ Мельбурнъ долго отказывался открывать портфель съ деньгами, которые онъ приносилъ для доклада королевѣ, пока въ кабинетѣ находился принцъ-супругъ. Раздраженіе проникло изъ парламента путемъ прессы въ массы. Принцу-супругу не разъ были устроены враждебныя демонстраціи. Жертвой ихъ становилась также и королева. Есть своеобразная исторія Англіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Исторія эта рѣдко перелистывается иностранцами, между тѣмъ, она, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и пачки старыхъ газетъ. Я говорю о журналѣ *Пончъ*. Знакомство съ томами знаменитаго сатирическаго журнала крайне интересно. За пятьдесятъ лѣтъ мистеръ Пончъ сильно измѣнился. Было время, когда въ журналѣ писалъ Теккерей; когда веселыя шутки Томаса Гуда переходили въ истерическій плачъ „Пѣсни о рубашкѣ“ (она появилась въ *Пончѣ*); когда Генри Мэйю (Mayhew) чередовалъ свои забавныя „лондонскіе характеристики“ изслѣдованіями жизни столичнаго пролетаріата. (Эти изслѣдованія вышли потомъ отдѣльно тремя большими томами, которые теперь составляютъ библиографическую рѣдкость.) Тогда *Пончъ* сочувствовалъ несчастнымъ; тогда онъ являлся горячимъ сторонникомъ демократическихъ идей. Съ теченіемъ времени мистеръ Пончъ отяжелѣлъ, заплылъ жиромъ и въ значительной степени потерялъ

прежнюю способность вѣрно понимать дѣйствительность. Мистеръ Пончъ переживалъ ту же метаморфозу, что и средніе классы, которые создали его. Мистеръ Пончъ уже не интересуется судьбой больной швей, такъ какъ находитъ, что рабочій домъ великолѣпное учрежденіе; онъ не становится защитникомъ пролетаріата и находитъ, что не соглашающіеся работать за низкую плату наносятъ вредъ государству, такъ какъ Англія теряетъ тогда первенство на міровомъ рынкѣ. Мистеръ Пончъ сталъ имперіалистомъ. Эволюція журнала въ связи съ эволюціей среднихъ классовъ, очень любопытна; но мы теперь обратимся къ первымъ томамъ журнала, чтобы увидѣть, какъ относились средніе классы къ принцу-супругу и къ королевѣ. Враждебное отношеніе къ принцу Альберту проявилось не въ одномъ картонѣ. Одна каррикатура изображаетъ принца-супруга, дѣятельно занятаго въ своемъ кабинетѣ изготовленіемъ новой шапки для игрушечнаго солдатика. Шапка эта — чудо искусства: по объясненію м-ра Понча, она „является среднимъ между муфтой, угольнымъ ящикомъ и ведромъ“. Это замѣчательное произведеніе до сихъ поръ украшаетъ головы англійской гвардіи. На другой карриатурѣ принцъ-супругъ объясняетъ королевѣ выгоды новаго улья, придуманнаго имъ. Улей устроенъ такъ, что можно забрать весь медъ, и пчелы ничего не замѣтятъ. Каррикатура содержала не особенно лестный намекъ и произвела впечатлѣніе, о силѣ котораго мы знаемъ по „Исторіи нашего времени“. Макъ-Карти. Въ ноябрѣ 1843 г. особенно упорно говорили про то, что принцъ Альбертъ пытается вмѣшиваться въ государственныя дѣла. *Пончъ* отовзался картономъ, на которомъ королевская семья изображалась фермерами. Принцъ Альбертъ въ блузѣ, въ гетрахъ, стоитъ, опѣршись на вилы во дворѣ, гдѣ гомоздятся куры и полощутся въ лужѣ утки. Маленькій принцъ Уэльскій грызетъ морковку; королева доитъ корову. То былъ прямой совѣтъ принцу-супругу ограничиться домашними дѣлами и предоставить судьбы страны другимъ.

Если дѣлалось что нибудь непопулярное, молва приписывала это вліянію принца Альберта. Даже когда въ 1850 г. рѣшено было выстроить зданіе для всемірной выставки въ Гайдъ-Паркѣ, всѣ согласно заключили, что это задумалъ Альбертъ на зло лондонцамъ. „Никогда никто еще не пытался навязать свободному народу такой дрянной, негодный и отвратительный проектъ, какъ этотъ“, — говорилъ по тому же поводу въ парламентѣ полковникъ Сибторпъ, по предложенію котораго сократили гражданскій листъ принца.

Королева и принцъ-супругъ стали не популярны въ 1848 г. и въ Ирландіи, населеніе которой вначалѣ восторженно привѣтствовало Викторію. Въ парламентѣ въ 1838 г., въ отвѣтъ на рѣзкую критику нѣкоторыхъ тори, Даніэль О'Коннелъ крикнулъ, что, если понадобится, онъ кликнетъ кличъ и тогда полмилліонна

ирландцевъ явятся, чтобы защищать королеву. Принцъ Альбертъ враждебно относился къ ирландцамъ, какъ къ „бунтовщикамъ“. Враждебное отношеніе не смягчилось даже ужасами конца сороковыхъ годовъ. Въ январѣ 1847 г. начался въ Ирландіи страшный голодъ. Смертность въ ирландскихъ рабочихъ домахъ достигла 1400 въ недѣлю. Крестьяне питались кореньями и умирали тысячами. Въ нѣкоторыхъ округахъ не хватало гробовъ. Коронеры не успѣвали постановлять приговоры по поводу всѣхъ смертныхъ случаевъ отъ голода. Когда голодъ прекратился, оказалось, что населеніе Ирландіи уменьшилось на два милліона (шесть милліоновъ, вмѣсто восьми). Голодъ 1847 г. одна изъ самыхъ ужасныхъ страницъ въ трагической исторіи Ирландіи. Мнѣ припоминаются глубокопрочувствованныя строки изъ недавно вышедшей очень интересной книги: „Судьбы Ирландіи представляютъ собою нѣчто исключительное въ исторіи. Другого примѣра столь систематическаго и всесторонняго насилія—экономическаго, политическаго, религіознаго, какое англійскій народъ причинилъ ирландскому народу, кажется, не знаетъ исторія. Это—всемирноисторическое преступленіе, настолько колоссальное, настолько возмутительное, что самыя сильныя выраженія недостаточны, чтобы заклеить его. Когда говорить объ Ирландіи, языкъ негодованія узнаютъ самыя смиренныя люди“ *). Всемирноисторическое преступленіе оправдывалось принципомъ-супругомъ. И ирландцы не могли простить ни ему, ни королевѣ.

Итакъ, мы видимъ, что въ первые годы царствованія молодая королева не пользовалась популярностью среди значительной части населенія.

III.

Чѣмъ же объяснить поразительную популярность, которая начала складываться въ шестидесятыхъ годахъ? Была-ли королева Викторія яркой, богато одаренной, оригинальной натурой, импонирующей блескомъ своего таланта? Не этимъ-ли блескомъ объясняется широкая популярность?

Англичане извѣстнаго круга любятъ говорить объ „эпохѣ Викторіи“. Если подъ этимъ подразумѣвать не отпечатокъ личности на цѣлый рядъ десятилѣтій, а просто терминъ для обозначенія этого долгаго періода, то мы должны признать, что то были года поразительной эволюціи. „Эпоха Викторіи“ обозначаетъ рядъ фактовъ развитія англійскихъ среднихъ классовъ и пробужденія пролетаріата. Средніе классы шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ были еще подъ впечатлѣніемъ недавней борьбы за полное свое освобожденіе. Эта борьба и послѣдствія ея выдвинули цѣлый рядъ

*) С. Бумажковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 291.

блестящихъ мыслителей, беллетристовъ и поэтовъ. Эпоха Викторіи видѣла Маколея, Милля, Карлейля, Рескина, Роджерса, Спенсера, Дарвина, Уоллеса, Бокля, Диккенса, Теккерея, Джорджа Эллиота и многихъ другихъ. Произведенія этихъ писателей волновали не одну Англiю, а весь міръ; они вызывали восторги, слезы сочувствiя, проклятія и порождали цѣлыя школы. О нѣкоторыхъ изъ нихъ создались цѣлая мировая литература. Какъ реагировала на новыя слова, волновавшiя культурный міръ, та, которую, нѣкоторые англійскіе историки называютъ величайшей и мудрѣйшей женщиной?

Далѣе. „Эпоха Викторіи“ ознаменовалась пробужденіемъ пролетарiата. Послѣдствіемъ было желаніе обѣихъ партій заручиться содѣйствіемъ новой силы, бурное чартистское движеніе, затѣмъ горячая борьба за отмѣну хлѣбныхъ налоговъ, замѣчательный билль о реформахъ 1866—67 гг. и цѣлый рядъ другихъ биллей. Какъ отразилось тутъ вліяніе королевы?

Въ „эпоху Викторіи“ отмѣнился окончательно налогъ на газеты и бумагу, что создало дешевую демократическую прессу, прошла въ парламентѣ эмансипація евреевъ и католиковъ, введено обязательное обученіе, смягчились наказанія и пр. Какъ каждая изъ этихъ реформъ, создавшая въ отдѣльности эпоху, дѣйствовала въ свое время на королеву?

За эти шестьдесятъ лѣтъ измѣнился совершенно самый видъ Англiи (вслѣдствіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ). За эти шестьдесятъ лѣтъ промышленная жизнь страны радикально измѣнилась. Она была прежде царицей міровыхъ рынковъ, всесвѣтнымъ фабрикантомъ; въ послѣднее время она становится все болѣе и болѣе всесвѣтнымъ банкиромъ. Если подсчитать число служителей Купона и число работниковъ, то первыхъ окажется теперь гораздо болѣе, чѣмъ послѣднихъ. Англiя пятидесятихъ годовъ читала много и интересовалась всѣмъ. Англiя фазиса биржевого капитала мало интересуется книгами. Полуофициальный журналъ недавно даже выступилъ съ похвальнымъ словомъ ограниченности знанія. „Главная роль школьнаго воспитанія, — говоритъ „Journal of the Royal Colonial Institute“, — должна состоять въ томъ, чтобы развивать въ англійскихъ палатахъ пять имперіалистскихъ добродѣтелей: силу, ловкость, увѣренность въ себя, характеръ и религіозное чувство. Школа не должна изготавлять математиковъ, или ученыхъ: Англiя не нуждается въ нихъ. Ей необходимы люди, вѣрующіе въ нее, въ самихъ себя и въ Бога. Страхъ передъ Богомъ долженъ внушаться, какъ сущность всякаго успѣха“. Крѣпость мышцъ и страхъ Божій стали образовательной программой многихъ среднихъ школъ. Это имѣло двойкій результатъ. Во-первыхъ, Англiя преуспѣвала въ накопленіи громаднхъ богатствъ и въ борьбѣ съ „дикарями“ за новыя территоріи, необходимыя въ фазисѣ развитія биржевого капитала; во вторыхъ, Англiю вы-

тѣсняетъ на міровомъ рынкѣ болѣе культурная Германія. Въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“ мнѣ подробно уже пришлось говорить объ этомъ. Теперь я приведу лишь выдержку изъ статьи Мэнингэма въ *Contemporary Review* *). „Заря новаго вѣка застаетъ Англію въ критическомъ положеніи не только въ области политики и въ военномъ дѣлѣ. Мы терпимъ страшныя пораженія еще на другомъ полѣ. Мы можемъ хвастать, сколько угодно, совершенствомъ нашихъ машинъ и удивительной дѣятельностью фабрикъ. Мы можемъ объяснять застой въ дѣлахъ чисто случайными причинами, какъ напр., стачками, во время которыхъ громадныя заказы отданы иностраннымъ заводчикамъ; но все же, не смотря на всѣ утѣшенія, мы должны уяснить себѣ, что надъ нами виситъ дамокловъ мечъ. Америка уже отняла у насъ производство инструментовъ и ручныхъ машинъ. Винтертуръ, Цюрихъ и Берлинъ вытѣснили насъ, какъ производителей крупныхъ паровыхъ машинъ. Лучшія типографскія машины мы теперь сами получаемъ изъ Америки. На континентѣ трудно встрѣтить теперь велосипедъ англійской фабрики. На американскихъ и германскихъ верфяхъ корабли сооружаются гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ на нашихъ. Германія имѣетъ наиболѣе быстроходные океаническіе пароходы. Мостъ черезъ Аббара въ Суданѣ могла соорудить только Америка“... Подобные факты волновали англичанъ, не смотря на всю самоувѣренность ихъ. Какъ относилась къ нимъ королева?

„Эра Викторіи“ видѣла, наконецъ, удивительное и мощное развитіе колоній, главнымъ образомъ, Австралазіи и Канады. Не мало романистовъ и поэтовъ воспѣли „Цвѣтокъ боярышника“, корабль, на которомъ пуритане прибыли въ Сѣверную Америку, гдѣ основали государство, достигшее теперь такого могучаго развитія. О тѣхъ корабляхъ, которые перевозили въ Австралію дѣдовъ и отцовъ нынѣшнихъ колонистовъ—всѣ тщательно умалчиваютъ. То были корабли съ каторжниками. Австралія является нагляднымъ опроверженіемъ теоріи слишкомъ ревностныхъ послѣдователей антропологической школы въ криминалистикѣ. Въ то время, какъ потомки отцовъ пилигримовъ создали культъ доллара, потомки каторжниковъ основали наиболѣе демократическую республику въ мірѣ. Они сдѣлали рядъ поразительно смѣлыхъ соціальныхъ опытовъ, которые въ старомъ мірѣ остаются покуда лишь въ области мечтаній. Въ Австралазію мало-по-малу переселяется наиболѣе энергичная и талантливая часть англійскаго пролетаріата. Онъ вытѣсняется изъ Англіи сокращеніемъ фабрикъ, вызваннымъ какъ соперничествомъ иностранныхъ конкурентовъ, такъ и тѣмъ, что чрезмѣрное накопленіе богатствъ въ Англіи дѣлаетъ уже не выгоднымъ помѣщеніе капиталовъ въ фабрикахъ.

*) Январская книжка за 1900 г.

Гораздо выгоднѣе помѣщать деньги въ предпріятія иностранныхъ молодыхъ державъ. Австралазія же усиленно старается переманить хорошихъ работниковъ, которымъ предлагаетъ массу льготъ, между прочимъ, бесплатный проѣздъ. Такимъ образомъ, будущность Австралазіи блестящая. Молодые колоніи явятся естественными и законными продолжателями дѣла англійской демократіи. Насколько-же волновали королеву колоніальныя дѣла? Какъ относилась она къ тѣмъ смѣлымъ опытамъ, что дѣлала Австралазія?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на всѣ эти вопросы дать можно. Мнѣ кажется также, что такой отвѣтъ разрѣшить вопросъ, поставленный въ началѣ письма.

Королева Викторія вела дневники, которыя напечатаны и доступны, значить, всѣмъ. Первый дневникъ вышелъ въ 1868 г. (*Leaves from the journal of our life in the Highlands. 1848—1861*, т. е. „Листы изъ дневника, веденнаго въ то время, какъ мы жили въ горной Шотландіи“). Книга „посвящается дорогой памяти того, кто сдѣлалъ жизнь автора свѣтлой и счастливой“ (т. е. принцу-супругу). Вторая часть дневника (*More Leaves from the journal of a life in the Highlands*) вышла значительно позднѣе, въ восьмидесятыхъ годахъ. Авторъ довелъ его до 1882 г. На дневники установился опредѣленный взглядъ. Можно спорить относительно искренности ихъ: очень часто автору они служатъ тѣмъ-же, чѣмъ служить красивой женщинѣ зеркало. И тотъ, и другая кокетничаютъ, оба любятъ сами собою. Но зеркало отражаетъ то лицо, которое стоитъ предъ нимъ. Дневникъ отражаетъ богатство или мелочность (увы! чаще послѣднее) натуры автора. Если авторъ часто переоцѣниваетъ самого себя, то за то читателю легко установить истинную цѣнность, такъ какъ данныя подъ рукой: вѣдь авторъ дневника отмѣчаетъ все, что видѣлъ, читалъ, передумалъ. Въ дневникѣ мы часто видимъ первое зарожденіе цѣлыхъ произведеній. То, что составить впоследствии большую книгу, сжато въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ дневникѣ Жана Поля Рихтера мы находимъ, напр., такую отмѣтку: „*Der Mensch ist ein weichherziges Thier, Versöhnung und Frieden sucht er so gern und ist so froh, wenn er sie erlangt zu haben glaubt*“. На эту мысль была написана большая статья. То же можно сказать о дневникѣ Искандера. О чемъ же думала, что читала и что вносила въ дневникъ королева Викторія? Въ предисловіи къ первой части дневника издатель говоритъ: „намъ не приходится долго рекомендовать достоинства книги... Мы обращаемъ вниманіе читателей на художественныя описанія мѣстностей, на очаровательную простоту разсказа и на необыкновенную искренность. Послѣдняя—самая характерная черта книги, ибо на каждой страницѣ авторъ описываетъ, что онъ *дѣйствительно* думалъ и чувствовалъ, а не то, что онъ *могъ бы* подумать и почувствовать“. („*Leaves from the journal etc.*“, p. VIII). Въ тотъ періодъ, когда печаталась

первая часть дневника, появились наиболѣе блестящія произведенія литературы „эпохи Викторін“; въ этотъ періодъ, затѣмъ, Ирландія пережила страшный голодъ, Англія—чартистское движеніе, борьбу за отмену хлѣбныхъ законовъ, крымскую кампанію и возстаніе сипаевъ. Какъ отразилось все въ дневникѣ? Авторъ необыкновенно точенъ: онъ отмѣчаетъ не только часъ, но и минуты прогулки, цвѣтъ платьевъ гостей; но этимъ и ограничивается все. Вотъ выдержка изъ путешествія въ Ирландію. Королева и принцъ-супругъ прибыли туда послѣ ужасныхъ событій, послѣ того, какъ населеніе Ирландіи уменьшилось на два милліона.

Пятница, 3 августа 1849. Море было неспокойно. Гавань очень велика и въ ней нѣсколько острововъ. Противъ насъ островъ Спайкъ, а на немъ каторжная тюрьма. Рядомъ другой островъ, на которомъ складъ. На одной линіи съ этимъ, городъ Ковъ, живописно построенный на горѣ. Съ яхты мы спустились въ два часа, и въ сопровожденіи дамъ и джентльменовъ свиты на паровомъ катерѣ *Фея* переправились на берегъ. Вокругъ были гребные и парусныя лодки. Мы сперва обогнули гавань. Со всѣхъ кораблей, пароходовъ и яхтъ раздавались салюты. Мы затѣмъ пристали на берегу, который былъ очень мило убранъ и покрытъ народомъ. Различныя депутаціи подносили адреса. Затѣмъ я доставила народу удовольствіе, разрѣшивъ переименовать городъ въ Квинстаунъ *) въ ознаменованіе того, что я высадились здѣсь... Когда мы прибыли въ Коркъ, намъ опять поднесли адреса: сперва мэръ и корпораціи (я немедленно возвела мэра въ дворянское достоинство), затѣмъ отъ протестантскаго епископа и духовенства, отъ католическаго епископа и духовенства, отъ вице-короля, шерифовъ и др... **). Въ Дублинѣ отмѣчается „это тоже очень хорошій городъ“ ***). Въ Оутерфордѣ авторъ дѣлаетъ рядъ наблюденій: „нѣкоторые ирландцы носятъ голубые чулки и короткіе панталоны“, „ирландскій джигъ совсѣмъ не похожъ на шотландскій, — не такой живой, раз медленнѣе, но все же онъ очень смѣшной“ ****). Въ Бельфастѣ отмѣчается приѣмъ депутаціи и филологическое открытіе: „нѣкоторые ирландцы говорятъ на своемъ языкѣ, который совсѣмъ не то, что шотландскій“ *****). Еще королева хвалитъ прекрасную выправку полиціи и отмѣчаетъ: „въ прошломъ году никто изъ полиціи не присталъ къ мятежникамъ, хотя и тѣ, и другіе католики“ *****). И такъ до конца. А между тѣмъ страна еще стонала отъ ужасовъ неслыханнаго голода.

*) Queenstown, — королевинъ городъ.

**) «Leaves» p. 159—160.

***) *Иб.*, 163.

****) *Иб.*, p. 166.

*****) *Иб.* 169.

*****) *Иб.* 170.

А вотъ странницы, относящіяся по дню полученія извѣстiя о паденiи Севастополя.

10 сентября 1855 г. Мама, статсъ-дамы и джентельмэны сидѣли за столомъ. Всѣ ожидали новыхъ телеграфныхъ извѣстiй (изъ Крыма). Въ половинѣ 11 прибыли двѣ депеши: одна для меня, другая для лорда Гренвилля. Я стала читать мою, которая была отъ лорда Кларендона и содержала дальнѣйшiй отчетъ маршала Пелисье объ уничтоженiи русскихъ кораблей. Лордъ Гренвиль сказалъ: „у меня еще лучшiя новости“ и прочиталъ: „отъ генерала Симпсона. Севастополь въ рукахъ союзниковъ“. Слава Богу! наша радость была очень велика. Мы съ трудомъ могли повѣрить радостному извѣстiю. Мы съ такимъ нетерпѣнiемъ и такъ долго ждали новостей, что не могли даже оцѣнить сразу всю важность ихъ. Альбертъ (принцъ - супругъ) сказалъ, что пойдетъ зажечь смоляную бочку, которую поставили на холмѣ въ прошломъ году, когда получилось не подтвердившееся сообщенiе о паденiи Севастополя. Съ тѣхъ поръ бочка такъ и осталась на своемъ мѣстѣ. Удивительно то, что пятого ноября, въ день сраженiя при Инкерманѣ, вѣтеръ опрокинулъ было смоляную бочку. Еще болѣе удивительно то, что она осталась до тѣхъ поръ, покуда городъ палъ. (NB: замѣчанiе показалось до такой степени важнымъ автору, что онъ подчеркнул слова). Новый домъ оказался счастливымъ; съ перваго же момента, какъ мы переселились туда, мы стали получать хорошiя вѣсти все. Черезъ нѣсколько минутъ Альбертъ и всѣ джентельмэны отправились на холмъ. За ними пошли слуги и все населенiе деревни. Мы ждали у окна и скоро увидали, какъ запылала смоляная бочка. Люди стали кричать *ура!* Бочка горѣла. Мы могли видѣть, какъ вокругъ толпились черныя фигуры. Нѣкоторые танцевали. Всѣ кричали *ура!* Мой гудочникъ Россъ игралъ на волынкѣ, а Грантъ и Макдональдъ стрѣляли изъ ружья. Черезъ сорокъ пять минутъ Альбертъ (принцъ-супругъ) возвратился и сказалъ, что на холмѣ зрѣлище было бурное и превосходило всякое описанiе. Люди пили виски за здоровье всѣхъ и были крайне возбуждены. Весь дѣмъ былъ въ крайне возбужденномъ состоянiи. Мальчиковъ съ трудомъ удалось разбудить. Когда они встали, то начали просить, чтобы ихъ взяли на вершину холма. Мы остались въ залѣ до трехъ четвертей двѣнадцатаго. Когда я уже раздѣвалась, люди подошли къ окнамъ внизу; волынки играли, люди пѣли, стрѣляли изъ ружей и кричали *ура*, сперва въ честь меня, затѣмъ — Альберта, потомъ — императора французовъ и, наконецъ, „за паденiе Севастополя“ *).

Эта выдержка привела мнѣ на память сцены, которыя я постоянно наблюдалъ лѣтомъ на континентѣ. Пассажиры только

*) Leaves from the journal etc., 98—100.

что прибыли со станціи въ отель. Иные спѣшать смыть съ себя дорожную грязь, другіе, болѣе нетерпѣливые, бѣгутъ, чтобы взглянуть на горы. Если въ числѣ пассажировъ есть англійскія дѣвицы или не совсѣмъ старыя дамы изъ среднего класса, онѣ сейчасъ же достаютъ портфель и тутъ же въ общей залѣ, черезъ десять минутъ послѣ пріѣзда, начинаютъ писать.

Вначалѣ я ихъ всѣхъ принималъ за писательницъ и только удивлялся, сколько ихъ въ Англіи и какъ трудолюбивы онѣ. Потомъ я узналъ, что дамы пишутъ письма. Никто въ мірѣ не любить писать такъ много писемъ и такъ часто, какъ англійскія дамы извѣстнаго класса. И въ числѣ нашихъ знакомыхъ появились потомъ и такія англичанки. И мы тоже стали получать письма съ дорожными впечатлѣніями. Были ли эти письма отправлены съ Ривьеры, изъ Каира или изъ Люцерна (излюбленные мѣста англичанокъ среднего класса)—они отличались однимъ и тѣмъ же характеромъ и замѣчательно напоминали и по стилю, и по манерѣ „Leaves from the journal“. По всей вѣроятности, такая англичанка, о которой я говорилъ, описывая своей подругѣ сцены при полученіи извѣстія о взятіи Преторіи, написала бы совершенно такую же страницу, какъ авторъ „дневника“ по случаю паденія Севастополя. Мы совсѣмъ не видимъ того „государственного человѣка“, да еще съ присоединеніемъ интенсивныхъ прилагательныхъ въ превосходной формѣ, о которомъ говорятъ авторы многихъ некрологовъ. Правда, издатель оговаривается въ предисловіи, что „все, относящееся къ вопросамъ политики, было заботливо выпущено“ *), но мы, читатели, по характеру впечатлѣній, произведенныхъ такимъ фактомъ огромнаго значенія, какъ занятіе Севастополя, можемъ легко догадаться, какъ реагировалъ авторъ на другія событія первой важности. Впрочемъ, есть доказательства болѣе солидныя, чѣмъ догадки. Въ предисловіи ко второму тому дневника (More Leaves from the journal of a life in the Highlands) нѣтъ оговорокъ, что выпущены событія политическаго характера. Дѣйствительно, авторъ говоритъ о побѣдѣ англичанъ при Тель-эль-Кебирѣ **). Дневникъ обнимаетъ второй періодъ „эпохи Викторіи“, время полного разцвѣта силъ англійской демократіи, время борьбы за великій билль о реформѣ, эмансипаціи католиковъ, роста Канады и Австраліи; время, наконецъ, Карлейля, Диккенса, Милля и др. Какъ отразились всѣ эти событія и умственная жизнь страны въ дневникѣ? Какія мысли были навѣяны если не политическими фактами, то прочитанными книгами? Одинъ ужъ перечень главъ говоритъ намъ не объ особенно сложной внутренней жизни. Пубудителями высказаться на

*) Р. VIII.

**) Станція между Измаиліей и Каиромъ, гдѣ 13 сентября 1882 г. саръ Гарнетъ Уолсли разбилъ Араби Пашу и взялъ его укрѣпленный лагерь.

бумагъ являются маленькіе факты домашней и хозяйственной жизни; главы называются: „Постройка *Кэрна* въ память принца“, „Посѣщеніе Ольдъ-Кэрна въ день рожденія принца“, „Первое посѣщеніе Кэрна послѣ окончанія его“, „Случай съ каретой“, „Открытіе памятника принцу въ Абердинѣ“, „Освященіе водопроводовъ въ Абердинѣ“, „Открытіе памятника принцу въ Бальморалѣ“, „Стрижка овецъ“, „Открытіе памятника принцу въ Эдинбургѣ“, „Обрученіе принцессы Луизы съ маркизомъ Лорномъ“, „Поездка въ Лохъ-Мари“, „Побѣда при Тель-эль-Кебирѣ и возвращеніе ихъ высочествъ герцога и герцогини Албани“ и пр. Второй дневникъ обнимаетъ періодъ въ 20 лѣтъ. Какъ аккуратная и заботливая англичанка средняго класса,—авторъ, повидимому, очень интересуется мелочами хозяйства, входитъ во всѣ детали, отлично изучилъ характеръ всѣхъ лакеевъ и горничныхъ и знаетъ цѣну имъ. Повидимому, автора гораздо больше интересуетъ, что станеть дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ Браунъ (одинъ изъ наиболѣе усердныхъ лакеевъ при дворцѣ), чѣмъ вся политика лорда Росселя. Авторъ подробно говоритъ, какъ урегулировались счеты по чисткѣ оконъ въ домѣ. Въ 1866 г., въ наиболѣе жаркій періодъ борьбы за билль о реформѣ, когда одно время боялись даже возстанія массъ, авторъ отмѣчаетъ два событія: „Второе посѣщеніе Данкельда“ *) и „Освященіе водопровода въ Абердинѣ“. Я приведу довольно большую выдержку изъ описанія перваго событія.

Понедѣльникъ, 1 октября 1866 г. Очень хорошее утро. Встала пораньше и рано позавтракала. Въ три четверти девятаго отправилась въ сопровожденіи Луизы (принцессы Конаутской), Джени Эли, Брауна и Гранта. Артуръ (принцъ Конаутскій) ушелъ впередъ съ генераломъ Греемъ. По дорогѣ мы встрѣтили много стадъ, такъ какъ въ Кэстельтаунѣ былъ базарный день. Было очень жарко; солнце свѣтило ярко. *Кэрнъ-Уэль* **) имѣлъ дикій и величественный видъ. Но затѣмъ небо омрачилось, такъ что одно время мы боялись даже, что вотъ-вотъ польеть дождь. Съ *Чортова Локтя* мы спустились пѣшкомъ. Когда до Спайтеля ***) оставалось около мили, мы остановились и сѣли нашъ ланчъ въ каретѣ. Здѣсь же я немножко рисовала. Нѣсколько дальше за Спайтелемъ стояли пони, для меня *Гордонъ*, для Луизы—*Бречинъ*, для Джени Эли—*Кромаръ*. Были еще пони для Артура и для всѣхъ, кто устанеть; но Артуръ предпочелъ пойти пѣшкомъ. Дорогая герцогиня Атольская и миссъ Макъ Грегоръ встрѣтили насъ, когда мы достигли до того мѣста, гдѣ дорога начинаетъ подниматься въ гору, мы нагнали тамъ м-ра Смола изъ Дирна-

*) *Данкельдъ*, небольшой городокъ въ горной Шотландіи, возлѣ котораго—холмъ, любимое мѣсто англійскихъ туристовъ.

**) Горный проходъ.

***) Рѣчка, притокъ Таймса.

мина, крѣпкаго, симпатичнаго и милаго мужчину лѣтъ 32, и двухъ работниковъ, тѣхъ самыхъ, что сопровождали насъ въ прошломъ году. Было трудно взбираться. Затѣмъ мы спустились. Все время было очень жарко. Виды, какъ при подъемѣ, такъ и во время спуска, очень милы, но нѣсколько неясны. Въ воздухѣ было очень душно. Мы шли тѣмъ же путемъ, что и раньше. Дорога была очень грязная вслѣдствіе дождей. По пути мы остановились на минуту, когда проходили Дирнаминъ, чтобы поговорить съ миссъ Смоль, сестрой м-ра Смолла, высокой, полной дѣвицей. (*Примѣчаніе автора дневника:* „Отецъ ихъ былъ громаднаго роста. Его мнѣ представили въ 1842 г.). Затѣмъ мы пошли въ Кайндрогамъ, принадлежащій м-ру Кейру. Всюду здѣсь люди говорятъ по гэльски и можно встрѣтить даже нѣкоторыхъ, которые совсѣмъ не понимаютъ по англійски. Когда мы въѣхали во владѣнія м-ра Кейра, то слѣзли съ пони и дошли пѣшкомъ (разстояніе всего нѣсколько ярдовъ) до рѣчки Ардль, гдѣ, по приказанію помѣщика, былъ разложенъ костеръ; надъ огнемъ повѣсили котелокъ. Вокругъ огня, на разостланныхъ плѣдахъ, мы пили чай. Здѣсь была также миссъ Кейръ съ двумя дочерьми. Она очень милая, смирная (!) особа. Ея дѣвичье имя миссъ Мензисъ, дочь сэра Нила Мензиса, котораго я видѣла въ 1842 г. въ Таймутѣ. Возлѣ костра сидѣли лишь дамы. Когда мы выпили чай, то подошли къ помѣщичьему дому, очень хорошенькому и удобному. Мы посидѣли здѣсь немого. Мнѣ представили майора Бальфура, изъ Ферни, жениха младшей дочери г-на Кейра. Въ четверть шестого я уѣхала въ моей каретѣ, вмѣстѣ съ Луизой и герцогиней. Мы катили очень быстро на лошадяхъ герцогини по дорогѣ, по которой ѣхали верхомъ отъ Данкельда въ прошломъ году. Лошадей напоили на полпути у маленькой фермы Боллинглунгъ. Въ Данкельдъ мы прибыли совершенно благополучно въ десять минутъ восьмого. Я помѣстилась въ той же комнатѣ, что и въ прошломъ году, Луиза—въ комнатѣ Лэнчена, Артуръ—рядомъ съ комнатою Брауна, который спалъ тамъ же, гдѣ и въ прошломъ году. Спать было очень удобно и хорошо *)“.

Изъ этого безхитростнаго описанія еще болѣе вырисовывается предъ нами тотъ почтенный образъ англійской матроны среднихъ классовъ, матроны, мало интересующейся какими бы то ни было вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ жизни дома, точной, привыкшей все отмѣчать по часамъ, смутно знающей о „вопросахъ“, но очень детально о томъ, кто чья дочь и кто чей женихъ. Въ дневникѣ, какъ мы видѣли по оглавленію, открытіе памятниковъ принцу-супругу занимаетъ добрую половину мѣста. Королева очень любила своего супруга. Приведу одну выдержку изъ описанія открытія такого памятника (въ Вальморалѣ).

*) More Leaves from the journal, p. p. 48—46.

Вторникъ, 15 октября 1867 г. „Благословенный день нашего обрученія. Дорогой и священный для меня день! Уже прошло 28 лѣтъ. Какъ я благословляю всегда этотъ день! Сырое утро. Очень непріятно. Въ четверть двѣнадцатаго, въ проливной дождь, который едва намъ не помѣшалъ добраться, я поѣхала вмѣстѣ съ семьей и Джэни Эли къ Миддлтонъ-Лойдтъ, гдѣ собрались всѣ наши слуги, фермеры и отрядъ горцевъ. Я съ дѣтьми стояла какъ разъ передъ памятникомъ, который былъ покрытъ полотномъ. Пропѣли стихъ изъ сотаго псалма, затѣмъ выступилъ впередъ м-ръ Таулоръ и произнесъ прекрасную проповѣдь, не смотря на проливной дождь. Затѣмъ былъ отданъ приказъ снять полотно; но, какъ и въ Абердинѣ, полотно задѣло и стоило нѣкоторыхъ усилій стащить его съ плечъ. Солдаты взяли на караулъ. Волюнки заиграли, а мы созерцали дорогую, благородную фигуру возлюбленнаго супруга, который оставилъ насъ въ цвѣтѣ красоты, добродѣтели и силы. Затѣмъ выступилъ д-ръ Робертсонъ и произнесъ очень милую маленькую рѣчь. Въ ней отъ имени слугъ и фермеровъ онъ благодарилъ меня за памятникъ, который я подарила деревнѣ. Солдаты дали залпъ, затѣмъ прокричали ура! Все закончилось гимномъ God save the queen, который былъ пропѣтъ очень хорошо“ *).

Промышленное развитіе Англіи сопровождалось безконечнымъ рядомъ войнъ. Если можно судить по дневникамъ, онѣ волновали автора не столько какъ королеву, сколько какъ даму, родственники которой могутъ подвергаться опасности. Иллюстраціей можетъ служить глава „Побѣда при Тэль-эль-Кебирѣ“.

Понедѣльникъ, 11 сентября 1882 г. Получила шифрованную телеграмму отъ сэра Джона Макъ-Нейля съ помѣткой: „крайне секретно“. Сообщаетъ, что рѣшено послать въ среду на атаку непріятеля большую армію. Богъ одинъ знаетъ, какъ это все безпокоить насъ. Никто не долженъ знать ничего, хотя всѣ ждутъ важныхъ событій.

Вторникъ, 12 сентября. Поѣхала кататься въ пятьдесятъ минутъ пятаго вмѣстѣ съ Беатрисой, Луизхенъ (герцогиня Конаутская) и Гаріэтъ къ Глинъ-Гельдеръ-Шиль, гдѣ мы напились чаю и гдѣ я рисовала. Небо было такъ прекрасно. Назадъ мы пошли пѣшкомъ и пришли домой въ двадцать минутъ восьмага. Излишне даже говорить, что мы очень волновались. Мы употребляли, однако, всѣ усилія, чтобы не проявить ничего. Съ нами обѣдали лишь дамы. Я горячо молилась за мое дорогое дитя и страстно желала, чтобы завтрашній день скорѣе бы наступилъ уже. Читала прекрасное стихотвореніе Кернера Gebet vor der Schlacht: Vater, ich rufe dich. Мой возлюбленный мужъ часто напѣвалъ

*) Ib., 103—104.

стихотвореніе. Всѣ мои мысли въ Египтѣ. Я думаю о приближающемся сраженіи.

„Среда, 13-го сентября. Встала очень рано. Сыро и туманно. Гуляла немного и завтракала въ котэдждѣ. Получила телеграмму, что армія выступила въ походъ прошлой ночью. Чтѣ за тревожныя минуты. Гуляли затѣмъ до той арки, гдѣ встрѣчали Леопольда. Очень милое мѣсто. Затѣмъ возвратилась, писала и подписывала. Получилась рейтеровская телеграмма, что битва продолжается, что непріятель разбитъ при Тэль-Эль-Кебирѣ и потерпѣлъ большія потери. Очень волновалась. Когда возвратилась домой, нашла телеграмму отъ сэра Джона Макъ-Нейля. Сообщаетъ: „Большая побѣда. Герцогъ здоровъ и невредимъ“. Послала все къ Луизхенъ. Волненіе очень велико. Почувствовала безграничную радость и благодарность къ Господу за его великую милость... Крѣпко обняла Луизхенъ и сказала ей: радуюсь, что нашъ безцѣнный (герцогъ Конаутскій) здоровъ и отличился... Мы обѣ ликовали. Затѣмъ мы пошли ѣсть нашъ ланчъ. Въ десять минутъ четвертаго я поѣхала съ Беатрисой и лэди Саутгэмптонъ въ Баллатеръ. Поѣздъ прибылъ почти въ тотъ же моментъ, какъ мы пріѣхали на станцію. Изъ вагона вышли Леопольдъ и Елена (герцогъ и герцогиня Албани). На ней было сѣрое платье и такая же шляпка“ *).

Я думаю, выдержекъ приводитъ болѣе не нужно. Тѣ, что мы видѣли, мнѣ кажется, достаточно краснорѣчивы.

Смерть королевы Викторіи вызвала, если можно такъ выразиться, систематическій походъ въ тревожную область англійской исторіи. Публицисты сравнивали „эпоху Викторіи“ съ другой эпохой, когда, по мнѣнію ихъ, англійскій имперіализмъ въ первый разъ опредѣлился:—съ временемъ королевы Елизаветы. Въ номерѣ *Таймса* за 7 февраля мы, напр., читаемъ статью Ли, председателя „Общества изученія Елизаветинской эпохи“: „Не только Британская имперія, но и весь міръ согласно призналъ, что Елизавета и Викторія были величайшими женщинами, которыхъ когда-либо видѣлъ свѣтъ. Условія и среда сильно разнятся, но взрывъ энтузіазма къ лояльности, который вызвала въ своихъ подданныхъ Викторія, можетъ быть сравненъ лишь съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ относились къ Елизаветѣ англичане и англичанки того времени. Развитіе національной энергіи и интеллектуальныхъ силъ, которымъ отличается эпоха Елизаветы, можетъ быть сравнено лишь съ такимъ же развитіемъ въ эпоху Викторіи. „Елизаветинская“ эра въ литературѣ можетъ быть сравнена лишь съ „викторіинской“. Нужно быть членомъ „Елизаветинскаго общества“ или усерднымъ почитателемъ *Daily Mail* и *Daily Express*, чтобы обусловливать появленіе Шекспира и Бэкона, или Диккенса и Дарвина вліяніемъ королевы Елизаветы или королевы Викторіи.

*) р. р. 396—402.

Въ сопоставленіи Ли насъ интересуетъ другое. И Елизавета, и Викторія были типичными представительницами женщинъ двухъ различныхъ фазисовъ развитія страны. Англія временъ Елизаветы была феодальной страной, если не по политическому строю, то по нравамъ, по господству дворянскаго сословія. Стоитъ лишь раз-вернуть любую пьесу величайшаго писателя того времени, чтобы увидеть отраженіе тѣхъ идеаловъ, которымъ жилъ тогда правящій классъ. Средніе классы фигурируютъ въ пьесахъ Шекспира лишь мелькомъ, да и то почти исключительно какъ шуты и предметъ забавы высшихъ классовъ. Властолюбивая, жестокая, хитрая, ученая и распущенная Елизавета была типичной представительницей правящаго класса того времени. Она признавала палату общинъ, какъ неизбежное зло, безъ котораго нельзя вводить новыхъ налоговъ. Правящій классъ узнавалъ въ Елизаветѣ то, что считалъ наиболѣе достойнымъ для дворянина, и любилъ ее. Ибо мы любимъ другихъ за то, что мы узнаемъ въ нихъ самихъ себя. Средніе классы тогда еще не помѣрялись силами съ высшими при Марстонѣ-Мурѣ *); они еще не сформулировали черезъ посредство Мильтона и Дефоза требованія свободы печати; но они выражали свою антипатію къ блестящей представительницѣ „дворянской“ Англіи, какъ могли. Обыкновенно приводятъ слова современниковъ поэтовъ для доказательства того, съ какимъ восторгомъ относились всѣ къ Елизаветѣ. Кому неизвѣстны слова Оберона изъ комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, въ которыхъ заключается такая лестъ Елизаветѣ?

Купидонъ во всемъ вооруженьи
Летѣлъ межъ хладною луною и землей
И цѣлился въ прекрасную весталку,
Которая на западѣ царить.
Вдругъ онъ въ нее спустилъ стрѣлу изъ лука
Такъ сильно, что какъ-будто былъ намѣренъ
Онъ не одно, а тысячу сто сердецъ
Пронзить одной пылающей стрѣлою.
И что-жь? Стрѣла, попавши въ хладный мѣсяцъ,
Потухла тамъ отъ дѣвственныхъ лучей.
И видѣлъ я, какъ царственная дѣва
Свободная пошла своимъ путемъ
И въ чистыя вновь погрузилась думы.

Другой современникъ, Спенсеръ, льстил болѣе грубо и открыто. Его поэма „Faerie Queen“ посвящена „Величайшей, могущественнѣйшей императрицѣ, прославленной благочестіемъ и добродѣтелями“. Къ слову сказать, на это посвященіе придворнаго льстеца ссылаются теперь имперіалисты, какъ на важный историческій документъ, доказывающій, что императорскій титулъ

*) Мѣсто близъ Іорка, гдѣ въ іюлѣ 1644 г. Кромвель разбилъ на голову королевскую армію.

былъ очень популяренъ въ то время. У среднихъ сословій было свое мнѣніе о прославленной добродѣтелями королевѣ, которое выразилось въ рядѣ каррикатуръ того времени.

Если Елизавета была типичной представительницей Англіи феодальнаго періода, то Викторія—типичная женщина среднихъ классовъ: такая же отличная мать, такая же заботливая хозяйка, такая же большая скопидомка. И средніе классы любили въ королевѣ свой идеалъ женщины, какъ матери и хозяйки. Тори вначалѣ враждебно относились къ королевѣ, покуда старый англійскій торизмъ не былъ сметенъ окончательно побѣднымъ шествіемъ среднихъ классовъ. Старый торизмъ пошелъ на службу капиталу. Онъ далъ свое имя за крупные куши для процентовъ биржевыхъ спекуляцій. Быть можетъ, читатели вспомнятъ статьи о Гули и палатѣ лордовъ. Королева Елизавета была оригинальная женщина, очень недюжинная, блестяще образованная, интересовавшаяся всѣмъ, умѣвшая говорить обо всемъ. Это было добиты при Марстонъ-Мурѣ. Личность короля сильно значила въ ходѣ дѣлъ. Съ развитіемъ среднихъ классовъ въ Англіи король сталъ скорѣе символомъ, чѣмъ активной властью. Викторія хорошо поняла это и устранилась совершенно отъ дѣлъ. Это соответствовало также ея темпераменту и умственному складу. Какъ вообще у женщинъ среднихъ англійскихъ классовъ, литературные и эстетическіе вкусы королевы были неособенно развиты. Она считала Марію Корелли величайшей англійской романисткой, а Остина—знаменитѣйшимъ поэтомъ. Изъ дневника мы видѣли, что „интеллектуальные мамонты“, явившіеся въ „викторіинскую эпоху“, не интересовали совершенно королеву. Какъ настоящая англичанка среднихъ классовъ, королева Викторія признавала больше всего двѣ вещи: блестящую армію и церковныя проповѣди. Свою любовь къ арміи она проявила въ выработкѣ при жизни церемоніала похоронъ; любовь ея къ проповѣдямъ проявилась собираніемъ сочиненій различныхъ ректоровъ. Королева Викторія предоставила своей странѣ свободно развиваться. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ она прожила исключительно въ своей семьѣ, вдали отъ общества. Тогда-то сталъ образовываться „культъ Викторіи“, который, въ особенности, силенъ на далекихъ окраинахъ громадной имперіи. Имя королевы стало символомъ. Изъ исторіи литературы мы знаемъ факты, когда рядъ читателей усматривалъ въ какомъ-либо текстѣ, повидимому, ничего не заключающемъ, глубочайшее, при томъ, разнообразное содержаніе: дѣло въ томъ, что каждый изъ читателей вкладывалъ въ текстъ свое собственное, внутреннее содержаніе. Коментаторъ читалъ не то, что есть, а что хотѣлъ видѣть. Полное удаленіе отъ дѣлъ королевы Викторіи давало возможность связывать ея имя со всѣмъ. Англійская печать говорила про „почту королевы“, про „церковь королевы“, про „армію и флотъ королевы“. Были даже гимны королевы. Ан-

гліійскій языкъ именовался „Queen's english“, хотя Викторія выражалась по англійски несовѣтъ правильно. Даже была особая „погода королевы“. Лишь одинъ государственный долгъ назывался не „королевинымъ“, а „національнымъ“. Въ значительной степени созданіе культа Викторіи объясняется не только глубокимъ уваженіемъ къ семейнымъ и хозяйскимъ добродѣтелямъ королевы, но и силой привычки, которая такъ могущественна въ Англии. Нѣсколько поколѣній привыкло видѣть на престолѣ Викторію. Она казалась дальнѣйшимъ поколѣніемъ нераздѣльной частью имперіи...

IV.

Королева Викторія скончалась въ критическую эпоху въ исторіи Англии. Та пресса, которую выдвинулъ кризисъ, забыла слова Генриха V:

«Не въ Турціи находимся мы съ вами,
Друзья, а въ Англии; не Амурату
Наслѣдуетъ здѣсь Амуратъ, а Генрихъ
Такому-жъ Генриху».

Король Генрихъ V имѣлъ въ виду, что въ Турціи Амуратъ можетъ начать новую политику, тогда какъ въ Англии король считается съ закономъ.

Старый урокъ забыть теперь на время частью прессы, которая заговорила вдругъ о расширеніи королевской власти въ Англии.

Усердіе уличной прессы доказать всѣмъ, что именно она истинный патріотъ и никто больше, между прочимъ, проявилось и послѣ смерти королевы. Обиліе сильныхъ прилагательныхъ въ превосходной степени, конечно, понятно въ некрологахъ вообще, а тѣмъ болѣе въ некрологахъ сенсаціонной прессы. Но эта пресса желая проявить патріотическое усердіе, стала доказывать, что королева принимала активное участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и, исходя изъ этого положенія, начала проповѣдывать вообще вмѣшательство королевы во всѣхъ сложныхъ вопросахъ. Между прочимъ, отмѣчу маленькій фактъ. Читатели, вѣроятно, слышали про письма, выкраденныя у Гауксли, секретаря Chartered Company въ Родезіи. Эти письма появились затѣмъ въ бельгійской газетѣ и были переведены на всѣ языки. Письма компрометировали нѣкоторыхъ членовъ нынѣшняго кабинета. По чьей же инициативѣ были выкрадены письма? По порученію „про-буровъ?“ Нѣтъ. Процессъ, закончившійся на дняхъ, обнаружилъ, что инициаторомъ воровства явилась интенсивно-патріотическая *Daily Mail*. Но это между прочимъ.

Тѣ факты, на основаніи которыхъ строится гипотеза объ
№ 2. Отдѣлъ II.

активномъ участіи королевы въ государственныхъ дѣлахъ, немногочисленны. При внимательномъ изученіи они отнюдь не говорятъ о томъ, что рѣшеніе премьеровъ было отмѣнено желаніемъ королевы. Въ глазахъ Викторіи, напр., Луи Филиппъ былъ законный государь Франціи, а Луи-Наполеонъ—лишь авантюристъ. Послѣ опереточной высадки въ Булони, результатомъ которой было заключеніе Луи-Наполеона въ крѣпость, Викторія написала французскому королю дружеское письмо, въ которомъ выразила сожалѣніе, что „этотъ глупый молодой Бонапартъ“ подготовилъ экспедицію въ Англію. Королева закончила желаніемъ, чтобы между ней и Луи-Филиппомъ всегда существовала *entente cordiale*. Письмо это, въ послѣдствіи попало въ руки Наполеону III. Вскорѣ „циклонъ 48-го года“ разразился въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ, Римѣ, Неаполѣ, Венеціи, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и Пештѣ. Луи-Филиппъ явился въ Англію, а „глупый молодой Бонапартъ“ отправился въ Парижъ, гдѣ 2 декабря 1851 г. произвелъ государственный переворотъ. Лордъ Пальмерстонъ выразилъ свое одобреніе, не предупредивъ ни премьера, ни королеву. Подъ вліяніемъ принца Альберта, королева написала премьеру (Джону Росселю) меморандумъ, въ которомъ жаловалась на самовольный поступокъ Пальмерстона. Министру иностранныхъ дѣлъ предложено было выйти въ отставку, которая вызвала крайнее недовольство. Во всемъ обвиняли принца Альберта. Говорили, что онъ составилъ заговоръ, чтобы уничтожить парламентъ. Наконецъ, толки приняли совсѣмъ фантастическій характеръ. Увѣряли, что королева и принцъ-супругъ изобличены парламентомъ въ заговорѣ противъ государства. Принцъ Альбертъ писалъ тогда своему другу, барону Штокмару: „Громадная толпа окружаетъ Тоуэръ, чтобы увидать, какъ привезутъ туда меня и королеву“. Черезъ три мѣсяца министерство внесло билль о милиціи. Пальмерстонъ, удаленный изъ кабинета по желанію королевы, предложилъ поправку, которая прошла. Министерество пало. Въ новомъ кабинетѣ Пальмерстонъ получилъ министерскій портфель. Королева подчинилась рѣшенію страны. Черезъ нѣсколько лѣтъ „глупый молодой Бонапартъ“, теперь императоръ Наполеонъ III, прибылъ съ императрицей Евгеніей въ Англію и торжественно былъ принятъ королевой.

Второй разъ королева активно выразила свое желаніе въ 1876 г. Въ этотъ разъ желаніе было искусно подсказано Дизраели. Оно заключалось въ болѣе пышномъ титулѣ. Королева выразила желаніе стать императрицей, если не Англіи, то Индіи. Желаніе вызвало много толковъ. Въ номерѣ *Понча* за апрѣль 1876 г. мы находимъ отраженіе этихъ толковъ. Корреспондентъ изъ „Катаи“ пишетъ *Пончу*. „Дошли до насъ слухи, что ваша королева Викторія, которая такъ долго носила тысячелѣтнюю корону, болѣе удивительную, чѣмъ лампа Аладина или печать Саломона, желаетъ

обмѣнять ее, по внушенію стараго мага (Дизраели), на новую, позолоченную въ Парижѣ и изготовленную изъ нейзильбера. Старая корона имѣла свойство привлекать всѣхъ сыновъ страны, съ сѣвера и съ юга, съ запада и съ востока. Королева и совѣтники ея должны понять покуда не поздно, что новая корона не обладаетъ свойствами старой“. Картонъ „Понча“ изображаетъ Дизраели въ видѣ восточнаго мага изъ Тысячи и одной ночи, который предлагаетъ королевѣ обмѣнять старую лампу Алладина, т. е. прежнюю корону, на новую.

Въ титулѣ „императрица“ англичане усмотрѣли скрытое покушеніе на старинныя вольности. Предложеніе было внесено премьеромъ въ палату общинъ. Оппозиція не хотѣла рѣзко возстать противъ билля, зная, что новый титулъ крайне желателенъ королевѣ. Гладстонъ предложилъ лишь отложить второе чтеніе билля до тѣхъ поръ, покуда вопросъ не будетъ обдуманъ болѣе тщательно. Но Дизраели настаивалъ на немедленномъ принятіи. На возраженіе, что титулъ „императрица“ не англійскій, Дизраели указалъ на посвященіе Спенсеромъ своей поэмы „*Faëric Queene*“ Елизаветѣ. Такъ королева названа императрицей. Титулъ былъ принятъ, но съ условіемъ, чтобы королева носила его только въ Индіи.

Эти два случая, кажется, единственные, когда королева проявила свою волю.

Посмотримъ теперь, какъ принято было предложеніе расширенія дѣятельности короля. „Мы слышали въ послѣдніе дни очень много о странномъ участіи королевы въ нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, — говоритъ *Morning Leader*. Для многихъ изъ насъ было открытіемъ, что королева контролировала иностранныя депеши и то совѣтовала первому министру, то критиковала его дѣйствія. Мы привыкли думать, что нашъ король, въ силу британской конституціи — символъ, объектъ нашей лояльности и фокусъ, въ которомъ сконцентрированъ нашъ патріотизмъ. Никогда не предполагали мы, что этотъ монархъ въ дѣйствительности является однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ политику нашу... Мы начинаемъ однако сомнѣваться, дѣйствительно ли благоразумно раскрытіе этого неизвѣстнаго факта, такъ какъ послѣднее вызвало нѣсколько совершенно не продуманныхъ совѣтовъ“. Другая газета, *Manchester Guardian* говоритъ по тому же поводу: „Когда нація дѣлаетъ открытіе, что король дѣйствительная политическая сила, естественнымъ является стремленіе партій воспользоваться ею. Еще нѣтъ недѣли, какъ король на тронѣ, между тѣмъ ему предложенъ рядъ взаимно исключających другъ друга политическихъ программъ. Одна либеральная газета совѣтуетъ королю воспользоваться своею властью для содѣйствія преуспѣянію прогрессивныхъ идей вообще и, въ частности, для проведенія реформъ, стремящихся къ улучшенію по-

ложенія массъ и дѣла народнаго образованія. Въ Южной Африкѣ газеты, враждебно относящіяся къ партіи Сесили Родса, умоляютъ короля воспользоваться своею властью и остановить войну. *С. Джемсова Газета* и рядъ другихъ импералистскихъ изданій выработали проектъ увеличенія флота и выражаютъ увѣренность, что король Эдуардъ VII заставитъ премьера принять реформу“. Газета указываетъ, что простое сопоставленіе этихъ совѣтовъ обнаруживаетъ уже нецѣлесообразность ихъ. „Мы искренно желаемъ, чтобы первыя недѣли царствованія Эдуарда VII ознаменовались бы миромъ, почетнымъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Мы страстно желаемъ, чтобы реформы въ дѣлѣ народнаго образованія были радикальны и проведены путями, указанными въ конституціи. Мы готовы привѣтствовать также, если не численное увеличеніе, то, во всякомъ случаѣ, улучшеніе нашего флота. Но въ то же время мы глубоко убѣждены, что не прямымъ вмѣшательствомъ короля должна быть осуществлена намѣченная программа“. „Не преувеличивая правъ короны,—говоритъ по тому же поводу историкъ Брайсъ,—король не можетъ проявить активно свое желаніе въ дѣлахъ Южной Африки. Затрудненіе въ дѣлѣ народнаго образованія является результатомъ столкновенія различныхъ религіозныхъ воззрѣній. Въ немъ могутъ разобраться лишь сами послѣдователи различныхъ сектъ. Вмѣшательство короля явилось бы посягательствомъ на свободу совѣсти. Наконецъ, королю, быть можетъ, удастся заставить слабаго перваго министра принять проектъ увеличенія флота; но можетъ случиться, что рѣшительный министръ финансовъ наотрѣзъ откажется дать деньги. Короче, если бы король принялъ противорѣчивые совѣты, предлагаемые различными партіями, у насъ снова наступили бы времена Георга III, времена конфликтовъ между парламентомъ и придворной партіей“. Непродуманные совѣты, предлагаемые прессою, по мнѣнію Брайса, крайне опасны, такъ какъ чреваты многими бѣдствіями. Ношеніе короны сопряжено съ важными обязанностями, даже если король воздержится отъ прямого вмѣшательства въ государственныя дѣла. Во первыхъ, по мнѣнію историка, онъ контролируетъ сношенія министра иностранныхъ дѣлъ съ иностранными кабинетами. Здѣсь нѣтъ опасности конфликта съ парламентомъ, такъ какъ послѣдній можетъ лишь *post factum* высказаться по поводу иностранной политики. Король можетъ личнымъ вмѣшательствомъ своимъ предупредить совершеніе ошибки, о которой парламентъ узнаетъ слишкомъ поздно. „Помимо этого, вліяніе короля, по выраженію историка, должно быть *соціальное*“. Король даетъ тонъ обществу. Если пожелаетъ, онъ личнымъ примѣромъ своимъ можетъ остановить чрезмѣрную роскошь высшихъ классовъ, можетъ повысить общій нравственный уровень ихъ и пр. Въ арміи и во флотѣ король тоже можетъ проявить свою личную волю оцѣнкой истинныхъ заслугъ и усердія. Такимъ об-

разомъ, уничтожится вліяніе дамской протекціи, которое теперь такъ сильно.

„Мы считаемъ нездоровымъ симптомомъ стремленіе обращаться во всемъ къ коронѣ,—заканчиваетъ Брайсъ.—И либеральная, и консервативная партіи насчитываютъ не мало талантливыхъ представителей въ своихъ рядахъ, чтобы предстояла необходимость въ вождѣ виѣ парламента“.

Еще болѣе опредѣленно и категорически высказался „Speaker“. „Мы твердо убѣждены въ томъ, что ни одинъ король изъ гановерской династіи не удержался бы на престолѣ, послѣдуй онъ совѣту нѣкоторыхъ газетъ,—говоритъ журналъ. У насъ, въ Англіи, не мѣсто для пропунциаменто со стороны королей. Дѣйствительно, Тюдоры и Стюарты торжественно отрицали всякое право критиковать ихъ дѣятельность; но это потому, что даже въ то время англійская конституція была достаточно сильна для борьбы съ произволомъ короны. Въ силу этого королева Елизавета сказала палатѣ общинъ, что „она не должна обсуждать, критиковать или препятствовать дѣятельности ея величества“. Яковъ I заявилъ, что измѣнникъ тотъ, кто дерзаетъ оспаривать правоту короля во всемъ. Съ такимъ преступленіемъ по тяжести можетъ сравниться „лишь грѣхъ безбожника, кощунственно хулящаго дѣянія Всевышняго“. Яковъ I, однако, не прилагалъ своей теоріи на практикѣ. Онъ допускалъ, что воля короля проявляется въ его законахъ, которые требуютъ согласія парламента. Карлъ I пробовалъ управлять и вводить налоги безъ согласія парламента. Каждый англичанинъ со школьной скамьи знаетъ, каковы были послѣдствія. „Король Эдуардъ VII,—говоритъ *Speaker*,—и по закону и обычаю конституціи практически не имѣетъ власти. Онъ долженъ избрать своимъ первымъ министромъ того, за которымъ большинство въ палатѣ общинъ. Онъ рѣшительно не можетъ измѣнять по своей волѣ парламентскихъ актовъ... Газеты, пишущія теперь передовыя статьи о расширеніи власти короля,—доказываютъ лишь, что нынѣ болѣе снобовъ и лакеевъ, чѣмъ прежде. Газеты эти приняли за чистую монету похвальное слово Бальфура, въ которомъ онъ говорилъ о вліяніи Виктории на ходъ государственныхъ дѣлъ. Когда лидеръ палаты общинъ заявляетъ, что вліяніе короля увеличивается, и не прибавляетъ при этомъ, что оно должно быть уменьшено,—онъ свидѣтельствуеетъ, что уровень общественной жизни падаетъ. Если вліяніе короля дѣйствительно увеличивается, то это доказываетъ, что министры забыли про свою отвѣтственность предъ палатой общинъ, которая одна лишь дала имъ власть въ руки“. Дальше журналъ ссылками на исторію англійской конституціи доказываетъ справедливость своего воззрѣнія.

„Англійскій народъ консервативенъ, когда дѣло касается формы или титуловъ,—заканчиваетъ *Speaker*.—Онъ любитъ сохра-

нять хоть тѣнь. Въ силу этого король до сихъ поръ признается главою общества (Commonwealth), а служба общественная считается королевской. Когда парламентъ принимаетъ билль, королевскому призраку (Royal Shadow) остается скрѣпить на старомъ французскомъ языкѣ желаніе палаты. Мудрый король не станетъ, однако, играть въ политику. Есть одна область, въ которой власть короля всесильна и вѣ сомнѣній: въ свѣтской жизни. Король—абсолютный повелитель модъ. Здѣсь не можетъ быть никакихъ осложнений между нимъ и парламентомъ“ *). Ту же мысль, хотя нѣсколько иначе, выражаютъ многія другія газеты всѣхъ оттѣнковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что проповѣдь англійскихъ Лебедевыхъ не будетъ, да и *не можетъ* имѣть никакихъ послѣдствій въ смыслѣ измѣненія органическаго статута. Эдуардъ VII заявилъ уже, что будетъ во всемъ слѣдовать по стопамъ матери.

Діонео.

Литература и жизнь.

Продолженіе о книгѣ г. Бердяева съ предисловіемъ г. Струве и о себѣ самомъ.—Кончина В. А. Манасеина.

Книга гг. Бердяева и Струве, имѣющая цѣлью на словахъ обновить марксизмъ, а въ сущности разрушить его и начать противъ индивидуализма и субъективизма кампанію съ совершенно новой и, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ г. Бердяевъ, не обыкновенной точки зрѣнія,—книга эта затрагиваетъ такое множество важныхъ вопросовъ, что по ней глаза разбѣгаются. Попробуемъ начать съ слѣдующаго замѣчанія г. Бердяева:

„Г. Михайловскій призываетъ личность бороться съ историческимъ процессомъ во имя своего идеала, но онъ нигдѣ не говоритъ о томъ—можетъ-ли личность рассчитывать на побѣду... Скептическая нотка всюду звучитъ у г. Михайловскаго, онъ не ручается за то, что именно личность побѣдитъ естественный ходъ вещей, а не наоборотъ... Его „соціологія“ практически бесплодна, она не можетъ дать намъ радостнаго прогноза.“ (99—100)

Это очень любопытное замѣчаніе. Г. Бердяеву во что бы то ни стало нуженъ „радостный“ прогнозъ. Казалось - бы, послѣдовательному объективисту нуженъ только прогнозъ, а будетъ - ли онъ радостный или горестный или колебательный, условный, — это ужъ само изслѣдованіе покажетъ. Иначе г. Бердяеву придетъ

*) *Speaker*, v. III, № 70, p. p. 474—475.

ся направить по своему собственному адресу упрекъ, такъ часто и такъ неосновательно обращаемый къ субъективистамъ: вы видите въ исторіи и вообще въ дѣйствительности только то, что хотите видѣть, да еще возводите этотъ свой произволъ въ принципъ. А если истина печальна?

Если истина печальна, то, напримѣръ, Шопенгауэръ безстрашно признаетъ ее, а Ничше выразилъ желаніе „погибнуть на великомъ невозможномъ“. Но не всѣмъ-же быть мрачными Шопенгауэрами или героически настроенными Ничше. Съ точки зрѣнія необходимости радостнаго прогноза надо покрасить печальную истину по возможности въ розовый цвѣтъ, надо ее такъ замаскировать или обставить, чтобы она оказалась либо совсѣмъ не печальною, либо чреватою радостными послѣдствіями. Едва-ли подобные приемы заслуживаютъ названія объективизма, но къ нимъ очень часто прибѣгаютъ люди „гордые своимъ непреклоннымъ объективизмомъ“, какъ выразился о своихъ единомышленникахъ одинъ русскій марксистъ. Я не то хочу сказать, что они намѣренно извращаютъ истину, но таковъ ужъ складъ ума людей, требующихъ непремѣнно радостнаго прогноза.

Имъ непремѣнно нуженъ веселый, пріятный конецъ жизненной драмы или чтобы добродѣтель торжествовала, а порокъ былъ наказанъ и т. п. Нуженъ имъ такой конецъ, пожалуй, и какъ цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, ради которой стоитъ жить и умирать и бороться, но главнымъ образомъ, какъ нѣчто предукazyваемое внѣшними могучими силами—естественнымъ ходомъ вещей, имманентными законами общественной жизни, волею providѣнія, процессомъ саморазвивающейся идеи и т. д. Онѣ, эти внѣшнія силы, или помогутъ имъ бороться за идеалы, или даже безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій приведутъ все къ наилучшему концу. И когда все небо заволакивается мрачными тучами, они ликуютъ и жмурятся отъ ослѣпительнаго солнечнаго блеска, и дѣйствительно слѣпнутъ, то - есть не видятъ того, что у нихъ подъ носомъ и на ихъ спинахъ дѣлается. Вотъ почему, напримѣръ, д-ръ философіи М. М. Филипповъ не можетъ понять столкновѣнія нравственнаго чувства съ необходимостью, при чемъ побѣда окажется, конечно, на сторонѣ необходимости. А вѣдь, казалось бы, сколько великихъ художественныхъ произведеній, этихъ вдохновенныхъ отраженій дѣйствительности, построено именно на этомъ конфликтѣ между нравственнымъ чувствомъ героя и внѣшними силами, необходимо обрекающими его на гибель. И сколько такихъ трагедій каждый изъ насъ знаетъ въ самой жизни...

Но Богъ съ нимъ, съ г. Филипповымъ. Есть люди радостнаго прогноза неизмѣримо крупнѣе этого д-ра философіи.

„Было время, когда переходъ къ рабскому хозяйству былъ прогрессомъ, обозначалъ наростаніе соціальной среды, производительныхъ силъ общества, хотя теперь для насъ рабство не

только субъективно отвратительно, но есть также объективный признак слабости человека". Так говорит г. Бердяевъ (130) и въ примѣчаніи прибавляетъ: „Г. Михайловскій никакъ не можетъ переварить подобнаго объективизма; его возмущаютъ разсужденія Энгельса о рабствѣ, хотя они теперь повторяются всякимъ историкомъ культуры“.

Позволю себѣ мимоходомъ замѣтить, что выраженіе „повторяются“ не совсѣмъ уместно въ данномъ случаѣ, потому что многіе историки культуры вполне независимо отъ Энгельса и раньше его, своимъ умомъ дошли до положенія, котораго держится въ лицѣ Энгельса экономическій или историческій матеріализмъ. Затѣмъ, если даже допустить, что *всякій* историкъ культуры дѣйствительно раздѣляетъ мнѣніе Энгельса, то его все-таки не раздѣляетъ „замѣчательнѣйшій критикъ соціальнаго матеріализма“, какъ г. Бердяевъ называетъ Штаммлера. Штаммлеръ говоритъ: „Людоѣдство и рабство ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть справедливыми. Если на невольничество смотрѣли иначе, ссылаясь на то, что только при его помощи могла быть достигнута высшая степень культуры, то это лишь печальное заблужденіе. Нельзя считать достиженіемъ высшей культуры то состояніе, при которомъ отдѣльныя личности или классы достигаютъ высшихъ духовныхъ наслажденій, благодаря тому, что другіе должны совершенно отказаться отъ человѣческаго достоинства“ („Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи“, русскій переводъ, 166).

Но припомнимъ, въ чемъ состоитъ разсужденіе Энгельса о рабствѣ, которое (разсужденіе) г. Струве объявилъ „классическимъ примѣромъ объективности и историчности экономическаго матеріализма“ („Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, 65). „Только рабство — говоритъ Энгельсъ — дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра — греческую культуру. Безъ рабства не было бы греческаго государства; не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимою и пользовалось всеобщимъ признаніемъ. Поэтому, мы имѣемъ право сказать: безъ античнаго рабства не было бы современнаго социализма“.

Я спрашивалъ г-на Струве и теперь спрашиваю г. Бердяева: причѣмъ тутъ объективность? На безмѣрно огромномъ полѣ исторіи совершенно произвольно намѣчены двѣ точки: античное рабство и современный социализмъ — и соединены прямою линіей.

Обратите при этомъ вниманіе, какое множество явленій огромной важности оставлено внѣ этой линіи и соединяемыхъ ею точекъ. Во-первыхъ, рабству предшествовало людоедство, на раннихъ стадіяхъ историческаго процесса не вполнѣ имъ вытѣсняемое. Далѣе, если на античномъ рабствѣ и выросла блестящая греческая культура, изъ которой черезъ Римъ развилась современная Европа, то мы знаемъ множество случаевъ, когда рабство такихъ результатовъ не давало, какъ въ Ассиріи, Вавилонѣ, Персіи, да и нынѣ не даетъ, напримѣръ, въ Африкѣ. Затѣмъ „всеобщимъ признаніемъ“ рабство едва ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь пользовалось. Оно пользовалось признаніемъ лишь рабовладѣльцевъ, да и то, напримѣръ, Аристотель, считая его необходимымъ, утверждалъ, однако, что оно противно человѣческой природѣ, а длинный рядъ возстаній рабовъ — греческихъ, римскихъ и почти современныхъ сѣверо-американскихъ, кровавыми чертами записанныхъ въ исторіи, конечно, не говорятъ о „всеобщемъ признаніи“. Наконецъ, на античномъ рабствѣ не только греческая наука и искусство выросли, а и многое другое, оставленное Энгельсомъ внѣ прямой линіи, соединяющей двѣ выбранныя имъ историческія точки. И тоже самое должно сказать о „римскомъ государствѣ“ и „современной Европѣ“ и обо „всемъ нашемъ экономическомъ, политическомъ и интеллектуальномъ развитіи“. Въ этихъ слишкомъ общихъ словосочетаніяхъ заключается сложнѣйшая сѣть идей и фактовъ, изъ которой Энгельсъ специально отмѣчаетъ только одно явленіе — „современный социализмъ“. Но вѣдь социализмомъ, какъ бы мы къ нему ни относились, не исчерпываются же современная Европа и все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе. Мы знаемъ, напримѣръ, что существуетъ колониальная политика, въ настоящую минуту поглощающая тысячи человѣческихъ жизней и миллиарды денегъ въ южной Африкѣ и въ Китаѣ. Знаемъ страшные размѣры, принятые въ современной Европѣ милитаризмъ, знаемъ не менѣе страшный ростъ международной ненависти, проституціи, самоубійствъ...

Останавливаюсь не потому, конечно, что затрудняюсь найти еще какія-нибудь явленія, оставленные Энгельсомъ безъ вниманія по обѣ стороны прямой линіи, соединяющей античное рабство съ современнымъ социализмомъ, а просто потому, что надо же на чемъ-нибудь кончить. Притомъ я нечаянно употребилъ слово *страшный* и испугался — не будетъ ли это сочтено признакомъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности, а я хочу на этотъ разъ быть вполнѣ объективнымъ, чтобы имѣть право спросить г. Бердяева — въ чемъ же состоитъ объективизмъ разсужденія Энгельса о рабствѣ? Рѣчь идетъ, какъ справедливо указываетъ г. Бердяевъ, о прогрессѣ, объ улучшеніи. И вотъ социальность Энгельсъ видитъ въ античномъ рабствѣ улучшеніе, собственно, потому, что безъ этого рабства „не было бы современнаго социа-

лизма". При этомъ онъ отгораживаетъ свои умственные очи на глазниками отъ множества современныхъ явленій, которыя точно также, и даже гораздо лучше, можно связать съ античнымъ рабствомъ, но которыя его, Энгельса, одобренія не заслуживаютъ, которыя, по просту говоря, ему не нравятся. Конечно, это наивнѣйшій субъективизмъ, совсѣмъ даже не хитро выглядывающій „изъ-подъ таинственной холодной полу-маски“ строго объективнаго отношенія къ исторической дѣйствительности... „Классическій примѣръ объективности и историчности экономического матеріализма“ есть не больше, какъ примѣръ наивнаго самодовольства и самовлюбленности. Какъ миѳическій Нарцисъ, плѣненный своею красотою, не хотѣлъ ничего видѣть, кромѣ собственнаго отраженія въ водѣ (за отсутствіемъ въ тѣ времена зеркала), такъ и Энгельсъ закрываетъ глаза на все въ современной Европѣ и въ нашемъ экономическомъ, политическомъ и интеллектуальномъ развитіи, — кромѣ исповѣдуемаго имъ ученія. И по истинѣ изумительна эта слѣпота. Книга Энгельса, содержащая вышеизложенный „объективный“ взглядъ на рабство, появилась въ годъ изданія исключительнаго закона противъ нѣмецкихъ социалистовъ (1878), въ годъ берлинскаго конгресса, когда не остывшая еще отъ франко-прусской войны и разгрома парижской коммуны Европа только что закончила еще одну страшную трагедію. Казалось бы, эти явленія тоже могутъ быть приведены въ связь съ античнымъ рабствомъ въ томъ самомъ смыслѣ и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ это дѣлаетъ Энгельсъ относительно современнаго социализма; однако, онъ не упоминаетъ о нихъ, они у него закутаны въ туманной общей формулѣ „нашего экономического, политическаго и интеллектуальнаго развитія“, въ которой блещитъ только одна гипнотизирующая его точка.

Можетъ быть, Энгельсу слѣдовало поставить вопросъ совсѣмъ иначе. Можетъ быть, онъ долженъ бы былъ сказать, что дорогія ему идеи и соотвѣтственные факты пробились, не благодаря античному рабству, дыханіе котораго доселѣ слышится въ исторіи, а напротивъ—не смотря на него, вопреки ему. Но дѣло въ томъ, что съ послѣдовательно проведенной марксистской точки зрѣнія никакія „не смотря“ и „вопреки“ не имѣютъ мѣста. Все, когда-либо бывшее, есть одна изъ необходимыхъ подготовительныхъ ступеней къ осуществленію даннаго идеала, и выводъ этотъ основывается на объективномъ знаніи, утверждаютъ сторонники ученія...

На этотъ счетъ у Паульсена есть хорошая страница, которую я позволю себѣ привести.

„Идеаль будущаго—говоритъ Паульсенъ („Введеніе въ философію“, 2-е изданіе, 330)—всюду служить твердой точкой, изъ которой исходитъ толкованіе исторіи. Отсюда опредѣляются точки прошедшаго, имѣющія руководящее значеніе, и черезъ эти точки проводится потомъ та кривая, которую описываетъ ходъ истори-

ческой жизни. Поэтому, всякое новообразование тотчас же начинается „переоцѣнку историческихъ цѣнностей“; оно нуждается въ ней для своей философіи исторіи. Припомните возрожденіе, реформацию, французскую революцію, національный союзъ и новую нѣмецкую исторію на прусской почвѣ: каждое новообразование, переоцѣнивая историческія цѣнности, увѣряетъ себя въ своей собственной внутренней необходимости. Такъ приоорѣтаетъ теперь увѣренность въ себѣ социализмъ. Что представлялось когда-то людямъ великимъ и важнымъ: тезисы Лютера, Лейпцигскій или Седанскій день—то, рассматриваемое съ новой точки зрѣнія, сокращается въ совершенно заурядное будничное событіе. Напротивъ, какое-нибудь событіе, едва замѣченное другими—коммунистическій манифестъ Маркса, основаніе Лассалемъ общаго союза рабочихъ и т. д.—приобрѣтаетъ значеніе событія, дѣлающаго эпоху во всемирной исторіи. Старое стремленіе всякой новой партіи создать себѣ свое собственное лѣтосчисленіе, новый календарь съ новыми святыми, снова выступаетъ передъ нами и здѣсь. Насколько нелѣпа кажется новая оцѣнка вѣрующимъ стараго строя, настолько же внушающей довѣріе представляется она своимъ собственнымъ вѣрующимъ; только одному не хотять они вѣрить: именно тому, что то, на чемъ покоятся ихъ воззрѣнія на вещи, есть *вѣра*, а не *знаніе*: вѣдь мы же, говорятъ они, совершенно ясно видимъ, что исторія движется въ направленіи къ этой цѣли; „наука“ есть третье слово социаль-демократіи.—Конечно, вы становитесь у цѣли: какъ же могло бы теперь не казаться, что и исторія движется по направленію къ вамъ? Но то, что поставило васъ на этотъ пунктъ, есть не наука, а любовь и ненависть, желаніе и отвращеніе, — не разсудокъ, а воля. Кто не раздѣляетъ вашей любви и вашей ненависти, вашихъ надеждъ и идеаловъ, тому вы не сможете доказать истинность вашего воззрѣнія. Вы можете сослаться только на будущее, а въ томъ-то и дѣло, что будущее открыто только вѣрѣ, а не знанію“.

Г. Бердяевъ можетъ сказать, что разсужденіе Паульсена къ нему совершенно не относится, потому что онъ не только на науку, на „знаніе“ опирается. Дѣйствительно, г. Бердяевъ лишенъ простодушія тѣхъ марксистовъ, которые еще недавно утверждали, что они обладаютъ „универсальнымъ принципомъ, могущимъ служить солиднымъ базисомъ для общественной дѣятельности“, и что „принципомъ этимъ является не только признаніе законосообразности историческаго процесса, но и опредѣленное представленіе о его направленіи“, а, дескать, больше ничего и не требуется. Г. Бердяевъ понимаетъ, что требуется еще кое что, и даже очень многое. Правда, и онъ „гордится не столько своими идеальными стремленіями, сколько своимъ научнымъ прогно-

зомъ“ (63). Но, не зависимо отъ этого „научнаго“ (онъ же и „радостный“) прогноза, онъ ищетъ для себя и другихъ опору, внѣ науки, какъ систематизированнаго объективнаго знанія. Онъ говоритъ: „Мы съ гордостью употребляемъ выраженіе „научный идеаль“, забывая, что логически это сочетаніе не лучше „субъективнаго метода“. Научнымъ можетъ быть только предвидѣніе будущаго, идеаль же будущаго, нашъ порывъ къ правдѣ и справедливости—все это категоріи, принципиально отличныя отъ научныхъ“ (64). Высказавъ это положеніе, г. Бердяевъ замѣчаетъ, что „многіе изъ его единомышленниковъ „вѣроятно не согласятся съ такою постановкою вопроса и сочтутъ ее непозволительною ересью“. Но, чтобы хоть нѣсколько успокоить правовѣрныхъ, онъ спѣшитъ прибавить: „мы всетаки рискуемъ развить этическую точку зрѣнія и постараемся показать, что она очень отличается отъ обыкновенной этической точки зрѣнія на социальныя явленія, которая смертельно всѣмъ надѣла у нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ и русскихъ субъективистовъ“. Не знаю, совпадалъ ли кто-нибудь изъ правовѣрныхъ *необыкновенною* точкою зрѣнія г. Бердяева, но во всякомъ случаѣ требованіе самостоятельной этической оцѣнки явленій дѣйствительности, независимо отъ изслѣдованія ихъ причинной связи,—громко заявляется, какъ г. Бердяевымъ, такъ и г-мъ Струве.

Привѣтствую это рѣшеніе, къ которому, въ виду его элементарности, давно пора было бы придти, не мороча простодушныхъ людей нелѣпою мыслью, будто законъ причинности есть единственная инстанція для сужденія о явленіяхъ исторіи и текущей жизни. Но лучше поздно, чѣмъ никогда, и надо надѣяться, что хоть ради „необыкновенной“ этической точки зрѣнія, предлагаемой г. Бердяевымъ, намъ скоро будетъ разрѣшено называть мерзость не только необходимымъ слѣдствіемъ извѣстной причины, а и мерзостью, то есть судить о вещахъ сообразно нашимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ. Разумѣю разрѣшеніе не начальства, которое не всегда согласно съ нашимъ пониманіемъ добра и зла, съ чѣмъ намъ поневолѣ приходится мириться, а собратовъ—„учениковъ“: они вѣдь еще, можно сказать, на дняхъ всей силой доступнаго имъ остроумія обрушивались на всякую попытку нравственнаго суда надъ дѣйствительностью,—она есть дѣйствительность, неразрушимою причинною цѣпью скованная съ прошлою дѣйствительностью и дѣйствительностью грядущею, и этого довольно. Въ сущности этотъ „непреклонный объективизмъ“ былъ маской, которую они носили, впрочемъ, совершенно безсознательно и ненамѣренно. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ видѣть очень непреклонный объективизмъ, напримѣръ, хотъ бы въ томъ же разсужденіи Энгельса о рабствѣ, какъ объ „улучшеніи“, со ссылкой на „всеобщее признаніе“, которымъ будто бы этотъ институтъ пользовался. Все дѣло тутъ было въ „радостномъ“ прогнозѣ,

котóрый, дескать, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и „научный“ прогнозъ. Потребность нравственнаго суда была на лицо, но она маскировалась увѣренностью, что если и не все превосходно въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ, то *научно* доказано грядущее произрастаніе добра изъ зла.

Съ этой стороны, какъ ни пріятно отмѣтить у г. Бердяева (и у г. Струве) поворотъ въ сторону самостоятельнаго нравственнаго суда надъ дѣйствительностью, вышеприведенныя замѣчанія Паульсена остаются по отношенію къ нимъ во всей своей силѣ. Тщетно будете вы искать у нихъ „научнаго“ доказательства воодушевляющаго ихъ прогноза. Г. Струве, кажется, объ этомъ и не думаетъ, всецѣло занятый полетомъ въ надзвѣздныя сферы метафизики, а г. Бердяевъ, хотя и говоритъ о научномъ прогнозѣ и даже разрѣшаетъ себѣ „сохранить выраженіе „научный идеалъ“, несмотря на логическую неправильность“ (64),—но доказательствъ у него нѣтъ. Онъ даже не потрудился хоть мелькомъ коснуться тѣхъ многочисленныхъ критическихъ замѣчаній именно о ненаучности прогноза, какихъ нынѣ накопилось такъ много. Хотя онъ и „гордится не столько своими идеальными стремленіями, сколько своимъ научнымъ прогнозомъ“, но ни малѣйшаго оправданія этой гордости не предъявляетъ; и по истинѣ *„вѣра, а не знаніе“* есть то, на чемъ покоится его воззрѣніе на вещи“. Большая сила—вѣра, она, говорятъ, даже горами двигаетъ, но именно потому, что она сама по себѣ такая большая сила, ее отнюдь не полагается подмѣнивать другой большой силой—знаніемъ, или, наоборотъ, знаніе подмѣнивать вѣрой.

Какъ говорить Вернеръ Зомбартъ,—кстати сказать, весьма уважаемый гг. Бердяевымъ и Струве,—можно доказать необходимость возникновенія того идеала, который воодушевляетъ марксистовъ, но эту необходимость „не надо смѣшивать съ необходимостью его осуществленія. Чтобы доказать вторую необходимость, требуется еще цѣлый рядъ соображеній... Къ тому мнѣ кажется сомнительнымъ, возможно ли вообще такое научное обоснованіе“ („Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX вѣкѣ“, приложение къ книгѣ Уоллеса „Чудесный вѣкъ“, стр. 68).

Поучительны для насъ еще слѣдующія разсужденія Зомбарта: „Между марксистами распространилось мнѣніе, что соціальная эволюція тождественна съ естественнымъ процессомъ, независимымъ отъ дѣйствій людей, и что, поэтому, люди могутъ спокойно сидѣть сложа руки и выжидать, пока плодъ эволюціи созрѣетъ, чтобы сорвать его: Это фаталистическое и, какъ мнѣ кажется, псевдомарксистское пониманіе ничего общаго не имѣетъ съ духомъ эволюціоннаго принципа. Оно совершенно упускаетъ изъ виду, что все то, что разыгрывается въ соціальной жизни, само собою разумѣется, происходитъ между живыми людьми, и что сами люди дѣлаютъ свою эволюцію, ставя себѣ цѣли и стремясь

въ ихъ осуществленію... Соціальное развитіе есть постольку'необходимый процессъ, поскольку теоретикъ выводитъ переменны въ жизни изъ мотивовъ дѣйствующихъ личностей, какъ необходимое слѣдствіе этихъ мотивовъ, а самые мотивы, въ свою очередь, стремится понять въ ихъ обусловленности и необходимости... Теоретикъ видитъ въ самой цѣли слѣдствіе опредѣленной причины, нѣчто, долженствующее быть достигнутымъ въ будущемъ съ помощью воли. Сама же воля есть звено въ причинной цѣпи, охватывающей соціальныя явленія; но какова бы ни была ея необходимость, она всетаки составляетъ неотъемлемое субъективное свойство дѣйствующей личности. Если, такимъ образомъ, теоретикъ разсматриваетъ опредѣленные направленія воли, а вмѣстѣ съ ними опредѣленный ходъ развитія соціальной жизни въ ихъ необходимости, то это всегда происходитъ съ само собою подразумеваемымъ ограниченіемъ, при предположеніи, что дѣйствующая личность будетъ обладать энергіей принимать рѣшенія и стремиться къ ихъ осуществленію. Если же вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, хотя бы, напр., вслѣдствіе господства фаталистическаго взгляда, эта энергія уменьшится, то вмѣстѣ съ тѣмъ выпадетъ и важнѣйшее звено причинной цѣпи, и развитіе приметъ совершенно иное направленіе. Совершенно неправильно переносить понятіе естественнаго процесса природы на соціальныя явленія и утверждать, напримѣръ, что социализмъ неизбежно долженъ наступить съ „необходимостью закона природы“. Это невѣрно. Непонятно, напримѣръ: почему развитіе капитализма не можетъ привести къ гибели всей современной культуры? И оно дѣйствительно привело бы къ этому результату, если бы носители прогресса не проявили въ періодъ переворота соціальной жизни качествъ, необходимыхъ для новаго общественнаго строя, если бы они, положимъ, впали въ деморализующій квіетизмъ“ (ibid, 96—98).

Намъ такъ часто, такъ сердито говорили, что мы клеветаемъ на „учениковъ“, упрекая ихъ въ фатализмъ. Оказывается, однако, что этотъ грѣхъ водится и за европейскими марксистами, а тѣмъ болѣе за нашими, которые стараются копировать европейскихъ; это и отмѣчаетъ такой умный и безпристрастный поклонникъ—но не идолопоклонникъ—Маркса, какъ Зомбартъ. Какъ, впрочемъ, мы видѣли въ прошлый разъ, обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія г. Бердяева. Только онъ, по свойственной ему по отношенію къ правовѣрнымъ мягкости, выразился такъ: „Нѣкоторые ученики Маркса даютъ поводъ къ фаталистическому истолкованію своихъ воззрѣній“. На упреки въ фатализмъ „ученики“ обыкновенно отвѣчали либо голымъ отрицаніемъ: нѣтъ, молъ, мы не фаталисты, либо такимъ возраженіемъ: да кто же не знаетъ, что исторію дѣлаютъ люди?—Вѣрно, что это всѣ знаютъ, знаете и вы, но эта всѣмъ извѣстная истина не оказыватся (и вѣ а и не оказы-

вала) никакого влияния на ходъ вашей мысли. „Радостный прогноз“ г. Бердяева весь построенъ на вѣрѣ въ естественный ходъ вещей, который неизбежно приведетъ человѣчество къ счастью, хотя онъ и знаетъ, что „въ социальную законосообразность цѣликомъ входитъ волевая активность человѣчества, создающаго свою исторію“ (114). И вотъ почему (не только, поэтому, разумѣется) г. Бердяевъ недоволенъ моими взглядами: я „нигдѣ не говорю о томъ, можетъ ли личность рассчитывать на побѣду“, „скептическая нотка всюду звучитъ“ у меня, я „не ручаюсь за то, что именно личность побѣдитъ естественный ходъ вещей, а не наоборотъ“...

Да, я не ручаюсь. Подобно Зомбарту, я ввожу въ свой прогнозъ условный элементъ или, какъ онъ выражается, само собою подразумевающееся ограниченіе: если дѣйствующая личность будетъ обладать энергіей принимать рѣшенія и стремится къ ихъ осуществленію. „Если же вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, хотя бы, напримѣръ, вслѣдствіе (столь распространеннаго у марксистовъ) фаталистическаго взгляда, эта энергія уменьшится, то вмѣстѣ съ тѣмъ выпадетъ и важнѣйшее звено причинной цѣпи, и развитіе приметъ совершенно иное направленіе“. Подобно Зомбарту, я считаю теоретически возможнымъ, что развитіе капитализма приведетъ къ гибели всей современной культуры (нѣкоторый, правда, очень слабый намекъ на эту возможность есть и въ предисловіи къ „Капиталу“). И тѣ выросшіе на почвѣ капитализма кроваво-красные и ядовитые цвѣты звѣрства и грабежа, которые такъ пышно цвѣтутъ въ настоящую минуту въ Китаѣ и южной Африкѣ и которые не компенсируются, конечно, платоническими оваціями Крюгеру и безсильными словесными протестами противъ озвѣрелости европейскихъ солдатъ,—не таковы, я полагаю, чтобы позволительно было закрывать на нихъ глаза. А вѣдь это только отдѣльныя, хотя и экстренно яркія проявленія нѣ котораго общаго порядка вещей. Это необходимое, то есть причинно обусловленное явленіе. И я опять вспоминаю д-ра философіи М. М. Филиппова, который никакъ не можетъ понять конфликта между необходимостью и нравственнымъ чувствомъ. Счастливый онъ человѣкъ. У него сердце бьется акуратно въ тактъ исторіи, что бы въ этой исторіи ни дѣлалось... Да, я не могу предъявить безоблачно радостный прогнозъ. Но значить ли это, что я внушаю людямъ уныніе или безнадежное отчаяніе? Нѣтъ, я бужу въ людяхъ сознаніе необходимости и обязательности „борьбы за индивидуальность“...

Г. Бердяевъ богатъ вѣрой. Еще богаче ею былъ старикъ Бель, когда говорилъ на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 года: „Я убѣжденъ, что осуществленіе нашихъ послѣднихъ цѣлей такъ близко, что развѣ немногіе изъ присутствующихъ не доживутъ до дня торжества“. Честный старикъ давно призналъ свою ошибку

А Кауцкій заявилъ на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1898 г., что осуществленіе послѣднихъ цѣлей нѣмецкой социаль-демократіи было бы теперь величайшимъ несчастіемъ, потому что къ этому люди еще не готовы. Такимъ образомъ, Кауцкій признаетъ, какъ и Зомбартъ, „дѣйствующую личность“ важнымъ историческимъ факторомъ. И пора бы нашимъ „ученикамъ“ перестать безсмысленно издѣваться надъ лавровской теоріей „критически мыслящей личности“.

Русскіе субъективисты, которые такъ „надоѣли“ г. Бердяеву, никогда не отрицали причинной связи явленій и значенія внѣшнихъ объективныхъ силъ, каковы, напримѣръ, географическое положеніе той или другой страны, данный общественный строй и т. п. Не только не отрицали, а настаивали на этихъ истинахъ, когда нынѣшніе „ученики“ еще, можетъ быть, и въ гимназію не бѣгали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они настаивали и настаиваютъ на великомъ значеніи того, что Зомбартъ называетъ „неотъемлемымъ субъективнымъ свойствомъ дѣйствующей личности“ и въ чемъ „ученики“ видятъ или видѣли *une quantité négligeable*. Въ этомъ состоитъ первое и наиболѣе общее различіе между субъективистами и объективистами. Отсюда вытекаетъ и второе: субъективисты утверждаютъ право и обязанность личности судить о явленіяхъ исторіи и дѣйствительности не только въ ихъ причинной связи и съ объективной точки зрѣнія ихъ необходимости, а и съ субъективной точки зрѣнія своихъ идеаловъ, право и обязанность нравственнаго суда. Это право и эту обязанность г.г. Бердяевъ и Струве нынѣ вполне признаютъ. Но они недовольны „обыкновенной“ этической точкой зрѣнія, она имъ „надоѣла“. Они жаждутъ „необыкновеннаго“ и, разумѣется, находятъ его. Посмотримъ же, что удовлетворило ихъ жажду, что они нашли.

Г. Бердяевъ приводитъ три оправданія или „обоснованія“ своего идеала.

„Во-первыхъ, — говоритъ онъ, нашъ идеаль общественный *объективно необходимъ*; тенденціи социальнаго развитія таковы, что общественный строй, который мы считаемъ своимъ идеаломъ, непременно наступитъ, или будетъ неизбежнымъ результатомъ *имманентной законосообразности* историческаго процесса. Такимъ образомъ, идеаль получаетъ объективно логическую, научную санкцію, которая позволяетъ бодро смотрѣть впередъ“ (63).

Это обоснованіе мы уже видѣли. Точнѣе сказать, мы его не видѣли не видали, а слышали только фактически не оправданныя слова о научномъ прогнозѣ. Пойдемъ дальше.

„Во-вторыхъ, социальный матеріализмъ даетъ субъективно-психологическое обоснованіе идеала: идеаль общечеловѣчій, совпадающій съ научнымъ предвидѣніемъ, оказывается *субъективно-желательнымъ* для опредѣленнаго общественнаго класса, и этотъ классъ борется за его осуществленіе“.

На этомъ пунктѣ мы должны остановиться нѣсколько подольше. Онъ тѣсно связанъ съ извѣстнымъ положеніемъ о классовой борьбѣ, какъ сущности историческаго процесса. Положеніе это не то что не вѣрно, а требуетъ значительныхъ дополненій, съ одной стороны, и ограниченій, съ другой; столь значительныхъ, что совокупность ихъ отводитъ собственно борьбѣ классовъ сравнительно очень скромное мѣсто. Во-первыхъ, и въ нашей, и въ европейской литературѣ давно уже было указано, что рядомъ съ борьбой классовъ, и часто совершенно извращая ее, существуетъ борьба расъ, племенъ, націй. Если, напримѣръ, калифорнійскіе рабочіе всячески гонятъ иммигрирующихъ китайцевъ, принадлежащихъ къ тому же рабочему классу, или если французскіе рабочіе недовольны конкуренціей болѣе дешевыхъ итальянскихъ рабочихъ и т. п., то это, конечно, не классовая борьба. Далѣе, по признанію самихъ марксистовъ, было время, когда общество не дѣлилось на классы, и будетъ время, когда дѣленіе это исчезнетъ, и однако исторія не останавливалась и не останавливаетъ своего теченія, но она не была и не будетъ борьбой классовъ, за ихъ отсутствіемъ. Одинъ итальянскій писатель остроумно замѣчаетъ, что исторія есть несомнѣнно борьба классовъ, когда 1) классы есть, когда 2) ихъ интересы антагонистичны и когда 3) они сознаютъ этотъ антагонизмъ. А это,—прибавляетъ онъ,—„приводитъ насъ въ концѣ концовъ къ тому юмористическому уравненію, что исторія есть борьба классовъ... когда она есть борьба классовъ“ (Benedetto Croce. „Matérialisme historique et économie sociale“ Tr. par A. Bonnet. 138). Наконецъ, и внутри классовъ происходитъ борьба между соперничающими индивидуумами, часто становясь поперекъ дороги классовой борьбы. Въ цѣломъ изъ всего этого сплетается такая сложная сѣть, въ которой совсѣмъ ужъ не такъ часто можно усмотрѣть чистую сознательную классовую борьбу. Интересны въ этомъ отношеніи скорбныя замѣчанія Бебеля о ростѣ социаль-демократической партіи въ Германіи: „За послѣдніе годы (Бебель говорилъ въ 1894 г.) мы значительно увеличились количественно, но, говорю прямо, не улучшились качественно. Дѣло зашло такъ далеко, что въ нашихъ рѣшеніяхъ принимаютъ участіе элементы, хорошенько даже не знающіе, чего хочетъ наша партія и что значитъ социализмъ... Я не могу отрицать, что наша партія разжижается, что она вступаетъ въ оппортунистическій фарватеръ, что классовая борьба блѣднѣетъ... Дабы привлечь новыхъ сторонниковъ, дѣлаются уступки во всѣ стороны, затираютъ чисто пролетарскій характеръ партіи и часто прячутъ требованія классовой борьбы въ карманъ“. (См. Wl. Simkhowitsch „Die Krisis der Socialdemocratie“ 43).

Но не будемъ увлекаться въ сторону и вернемся ко второму обоснованію г. Бердяева. Какъ бы то ни было, оно вводитъ въ

его работу субъективный элементъ. И въ этомъ отношеніи г. Бердяевъ выражается столь опредѣленно, что одинъ изъ сотрудниковъ „Жизни“ имѣлъ, повидимому, право сказать, что онъ, равно какъ и г. Струве, „возвращается къ автору „борьбы за индивидуальность“... (Мимоходомъ сказать, нынче распространилась какая-то эпидемія „возвращенія“: „возвращаются“ или приглашаютъ возвратиться—кто къ Канту, кто къ Фихте, къ Лассалю, къ Ланге, это очень характерно въ томъ смыслѣ, что люди очевидно въ тупой переулочъ забрались). Въ самомъ дѣлѣ, г. Бердяевъ говоритъ, напримѣръ: „Вмѣстѣ съ г. Михайловскимъ мы принимаемъ субъективизмъ, психологическое а priori, какъ неизбѣжный фактъ; психологическій объективизмъ, безстрастный взглядъ на борьбу общественныхъ группъ мы считаемъ теоретической иллюзіей, фиговымъ листомъ, которымъ слишкомъ часто прикрывается „субъективизмъ“ самаго низменнаго сорта. Ни простой смертный, ни ученый не можетъ быть нравственной *tabula rasa*; такъ называемый общественный индифферентизмъ, которымъ теоретики любятъ иногда гордиться, это только вѣдь *façon de parler*, совершенно индифферентный человекъ—психологическій *non sens*, подъ индифферентизмомъ всегда скрываются опредѣленные чувства, симпатія и стремленія“ (46—47). И много еще подобныхъ словъ говоритъ г. Бердяевъ, и всѣ эти слова суть варьяціи на тему, много лѣтъ тому назадъ мною данную; варьяціи иногда немножко пересоленные, иногда недосоленные, а иногда представляющія собою почти дословное повтореніе... А! я, кажется, могу успокоиться, хотя г. Бердяевъ и утверждаетъ, что его критика „не оставляетъ камня на камнѣ въ моемъ міровоззрѣніи“. Но это тоже своего рода *façon de parler*,—кое какіе камешки всетаки остаются. И любопытна исторія вотъ этого камешка субъективизма. Мы ее сейчасъ увидимъ, а теперь насъ ждетъ третье обоснованіе идеала г. Бердяева.

Это третье обоснованіе онъ называетъ „объективно этическимъ“. „Необходимо показать, что нашъ общественный идеалъ не только объективно необходимъ (категорія логическая), не только субъективно желателенъ (категорія психологическая), но что онъ также объективно нравственъ и объективно справедливъ, что его осуществленіе будетъ прогрессомъ въ смыслѣ улучшенія, словомъ, что онъ общеобязателенъ, имѣетъ безусловную цѣнность, какъ должное (категорія этическая)“. — Здѣсь и лежитъ основаніе той необыкновенной этической точки зрѣнія, которую г. Бердяевъ желаетъ установить. Нельзя, однако, сказать, чтобы она была такъ ужъ необыкновенна, какъ это кажется г. Бердяеву. Въ исторіи мысли она заявлялась не разъ, заявлялась иногда съ чрезвычайнымъ шумомъ, и блескомъ, и затѣмъ шумъ утихалъ, блескъ меркнулъ. И г. Бердяеву приходится, какъ и многимъ уже не новымъ, а новѣйшимъ людямъ, „возвращаться“. Для своей

необыкновенной этики онъ ищетъ основанія въ „законодательствѣ сверхъиндивидуальнаго сознанія трансцендентальной апперцепціи“, въ той области, гдѣ лежитъ абсолютная истина, абсолютное добро и абсолютная красота, въ томъ, что „предшествуетъ всякому бытію“... Я не вхожъ въ эту область, я не знаю, что было до всякаго бытія (вѣроятно потому, что „изъ другого тѣста сдѣланъ“); да, признаюсь, меня туда и не тянетъ: по нашему ограниченному условіями бытія и, конечно, невѣрному представленію, тамъ, гдѣ никакого бытія, то-есть ровно ничего нѣтъ, должно быть ужасно холодно, темно и скучно. Притомъ же, еслибы я даже очень хотѣлъ проникнуть въ эту область, я всетаки не зналъ бы кого взять въ руководители: г. Бердяева или г. Струве.

Г. Бердяевъ противопоставляетъ субъективизму объективизмъ „абсолютнаго-трансцендентальнаго“, которое состоитъ въ логическихъ и этическихъ нормахъ, предшествующихъ всякому бытію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрицаетъ бытіе „абсолютнаго-трансцендентнаго“. По поводу одного моего разсужденія о гетевскомъ Фаустѣ онъ пишетъ: „Фаустъ былъ дѣйствительно разбитъ жизнью, его метафизическое мышленіе было мучительно и не привело къ удовлетворительнымъ результатамъ, но Фаустъ будущаго не поступится великими вопросами, онъ не станетъ воздерживаться отъ ихъ рѣшенія и не понизитъ качества своихъ исканій; сынъ лучшихъ временъ — онъ пойметъ, что неразрѣшимые вопросы, надъ которыми бился прежній Фаустъ, были просто неправильно поставлены, нелѣпы, фиктивны, что абсолютное-трансцендентное недоступно человѣку только потому, что его нѣтъ, что оно было созданіемъ человѣческой слабости“ (186). И на этой же страницѣ находимъ два примѣчанія. Одно изъ нихъ гласитъ: „Абсолютное-трансцендентальное (логическія и этическія нормы) мы, конечно, признаемъ, это совершенно соединимо съ отрицаніемъ онтологическаго абсолюта“. Въ другомъ примѣчаніи, между прочимъ, читаемъ: „Если вытравить дуалистическіе элементы изъ кантіанства, то мы приходимъ къ имманентной монистической философіи. Теорія познанія и этика Канта даютъ незыблемыя абсолютныя основанія для нашей познавательной и нравственной дѣятельности, но наше познаніе и наша нравственность примѣнимы только къ міру явленій, за которыми скрывается лишь абсолютное ничто. Трансцендентальная философія уничтожаетъ окончательно трансцендентную философію“.

Таковъ взглядъ г. Бердяева. Онъ рѣшительно не удовлетворяетъ г-на Струве. Г. Струве „указываетъ на слишкомъ узкое пониманіе объективизма у самого Бердяева“ (VIII). „Субъективному методу или, общее, субъективизму—говоритъ онъ далѣе—необходимо, на мой взглядъ, противопоставить рѣшительный объективизмъ, признающій объективность, т. е. обязательность не только за формальными элементами родового сознанія, но и за

его содержаніемъ“ (XV). Изложивъ затѣмъ свою „чисто аналитическую теорію познанія“, „рѣшительно отличающуюся отъ нормативной теоріи познанія большинства нѣмецкихъ критицистовъ, которая построена на формальной аналогіи объективнаго познанія и объективнаго долженствованія“,—г. Струве продолжаетъ: „Тогда какъ г. Михайловскій хочетъ возвести естественный субъективизмъ эмпирическаго субъекта познанія въ законъ и такимъ образомъ субъективировать познаніе, нормативная гносеологія насильственно объективируетъ нравственность, перенося на должное объективность, качество истиннаго или сущаго. Бердяевъ очень удачно критикуетъ субъективизмъ съ точки зрѣнія нормативной теоріи познанія, но его собственное построение объективной нравственности по аналогіи съ объективнымъ познаніемъ подпадаетъ всецѣло подъ нашу выше развитую критику“ (LI). И далѣе: „Заложенная въ самомъ нашемъ сознаніи самостоятельность должнаго указываетъ его источникъ внѣ опыта, его не имманентный, не эмпирический, а трансцендентный характеръ. Переходъ „отъ того, что люди считаютъ добромъ, къ тому, что есть добро“ (Бердяевъ 77) есть выходъ изъ области опыта и постулированіе трансцендентнаго. Я вообще не понимаю, какъ можетъ Бердяевъ, стоя на почвѣ апіоризма и идеализма, отмахиваться отъ метафизики трансцендентнаго. Неужели признаніе нравственнаго міропорядка, этой, какъ прекрасно выражается Бердяевъ, религіозной идеи, не есть метафизика трансцендентнаго?“ (LIII). И еще: „Здѣсь есть полная аналогія между религіознымъ сознаніемъ въ обычномъ смыслѣ слова и сознаніемъ этическимъ. Ни одинъ научно образованный человѣкъ не можетъ вѣрить въ опытную или логическую, вообще объективную доказуемость бытія личнаго Бога. Но тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ бытіи личнаго Бога есть одинъ изъ видовъ убѣжденія въ существованіи объективнаго и разумнаго міропорядка“ (LIV).

Итакъ, подождемъ пока г.г. Бердяевъ и Струве рѣшатъ про-межъ себя, что именно предшествуетъ всякому бытію, только ли абсолютное-трансцендентальное или и абсолютное-трансцендентное. Въ ожиданіи мы можемъ и въ предѣлахъ бытія выяснить кое-какія недоразумѣнія. Они есть, эти маленькія и доступныя разъясненію недоразумѣнія.

Г.г. Струве и Бердяевъ—рѣшительные объективисты, хотя и пре-пираются объ основаніяхъ объективизма. А между тѣмъ выше мнѣ довелось похвалиться, что они признаютъ мой субъективизмъ. Что-же это значитъ? Это значитъ, что въ моемъ субъективизмѣ заключаются „гносеологическая ложь и психологическая правда“, какъ выражается г. Струве. И любопытно, что это относится не только ко мнѣ, а и къ „ортодоксальному марксизму“. Г. Струве

говорить: „Г. Михайловскій всегда совершенно правильно отстаивалъ самозаконность этической совѣсти, о которой столь часто забываютъ ортодоксальные марксисты, но его субъективный методъ требуетъ сознательнаго подчиненія истиннаго (совѣсти интеллектуальной) должному (совѣсти этической), а такъ какъ этическая совѣсть общественнаго человѣка, какъ справедливо указывалъ еще до марксистовъ г. Михайловскій, въ общемъ есть продуктъ его общественно - классового положенія, то этимъ, черезъ посредство этической совѣсти, устанавливается та-же самая зависимость интеллектуальной совѣсти отъ „классовой точки зрѣнія“, на которую напиралъ ортодоксальный марксизмъ. Ошибка и г. Михайловскаго и ортодоксальнаго марксизма состоитъ въ возведеніи социальна - психологическаго факта въ гносеологическую норму.“ (XXIV).

Дѣйствительно, когда „ученики“ съ чрезвычайнымъ великолѣпиемъ поучали меня „классовой точкѣ зрѣнія“, противопоставляя ее моему „субъективному методу“, они, можно сказать, пальцемъ въ небо попадали. Но, думаю, что поучая меня теперь „внѣ-классовой, общечеловѣческой точкѣ зрѣнія“ (XXIV), г. Струве тоже пальцемъ, только въ другое небо попадаетъ.

Поразительно упорство, легкомысліе, тупость, — я не знаю, наконецъ, что, съ которымъ люди повторяютъ иногда другъ за другомъ одно и то-же обвиненіе, даже не упоминая о тѣхъ разъясненіяхъ, которыя были много разъ предъявлены. Вотъ хоть бы это утвержденіе г. Струве, что будто мой субъективный методъ требуетъ сознательнаго подчиненія истиннаго (совѣсти интеллектуальной) должному (совѣсти этической). Еще г. Струве милостивъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, признаетъ, что я указалъ несомнѣнный „социально - психологическій фактъ“. Другіе критики утверждали, что мой субъективизмъ имѣетъ смыслъ только „гносеологической нормы“. Напримѣръ, г. Слонимскій утверждалъ въ 1889 г., что, по моему мнѣнію, социологу нужны „только доброе сердце и нѣкоторая доля воображенія“, а, напримѣръ, ариметика, географія и вообще объективное знаніе совсѣмъ не нужно. Это было, разумеется, ужъ слишкомъ глупо, но та-же мысль въ той или другой, не столь нелѣпой формѣ, повторялась не разъ, и мнѣ приходилось разъяснять дѣло, — но тщетно... Г. Слонимскому мнѣ пришлось напомнить одну свою юношескую статью (которую теперь, въ старческомъ возрастѣ, я написалъ-бы, разумеется, иначе, не отказываясь, однако, отъ ея основныхъ положеній). Напомню ее опять вкратцѣ.

Я писалъ, между прочимъ: „Субъективный путь изслѣдованія употребляется всѣми тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей. Но характеръ научнаго метода онъ получаетъ тогда, когда примѣняется сознательно и систематически. Для этого изслѣдователь долженъ не забывать свои симпатіи и анти-

патіи, какъ совѣтуютъ объективисты, сами не исполняя своего совѣта, а только выяснять ихъ; прямо заявить: вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь, вотъ чьи чувства и мысли я способенъ представить себѣ въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей; вотъ что для меня, *кромя истины*, желательно и вотъ что не желательно... Субъективные разногласія однимъ сообщеніемъ свѣдѣній не устраняются, потому что и порождаются они не различіемъ въ количествѣ знаній, а различіемъ симпатій и антипатій, *различіемъ общественныхъ положеній, препятствующихъ людямъ представлять себѣ чужія мысли и чувства въ формѣ собственныхъ...* Разногласіе субъективныхъ заключеній представляетъ *весьма важное неудобство*. Неудобство это, однако, для социологін неизбежно, борьба съ нимъ лицомъ къ лицу, въ открытомъ полѣ, для науки невозможна. Не въ ея власти сообщить изслѣдователю тѣ или другія социологическія понятія, *такъ какъ они образуются всею его обстановкою*. Она можетъ сообщить знанія, но вліять на измѣненіе понятій можетъ лишь косвенно... Роль науки слишкомъ высока и почтенна, чтобы слѣдовало бояться указывать предѣлы ея компетенціи... Но изъ этого не слѣдуетъ, что наука должна сидѣть сложа руки и отложить всякія попеченія объ устраненіи или хотъ облегченіи такого *важнаго неудобства*, какъ разногласіе понятій о нравственномъ и безнравственномъ, справедливомъ и несправедливомъ, желательномъ или нежелательномъ... Социологъ долженъ прямо сказать: *я желаю познавать* отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но, *кромя познанія*, я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, посильное оправданіе которыхъ при семъ прилагаю... Для большей части социологовъ не ясенъ весь процессъ ихъ собственныхъ изслѣдованій. Нѣкоторые моменты этого процесса остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, что не мѣшаетъ, однако, имъ вліять на ходъ изслѣдованія... Иногда нѣкоторые моменты по *недобросовѣстности мысли* просто скрадываются. Наука можетъ и должна *открыть, что именно скрадено въ данномъ изслѣдованіи*" *).

Читатель благоволитъ обратить вниманіе на подчеркнутыя слова и выраженія. Ясно, кажется, во первыхъ, что ортодоксальные марксисты били мнѣ челомъ моимъ же добромъ, когда учили меня „классовой точкѣ зрѣнія“, которая есть лишь частный случай того, что я называю въ этой цитатѣ продуктомъ „всей обстановки“ и „различія общественныхъ положеній“ изслѣдователей. И надо обладать необычайнымъ простодушіемъ, чтобы отрицать субъективизмъ и хвалиться объективизмомъ, утвер-

*) Любопытно, что часть этой цитаты приводитъ и г. Бердяевъ (43), но не ту, гдѣ содержатся интереснѣйшія для насъ въ данномъ случаѣ мѣста.

ждая въ то-же время, что истина по необходимости представляется въ различномъ освѣщеніи представителямъ различныхъ классовъ общества. Ясно далѣе, во вторыхъ, что я, вопреки мнѣнію г. Струве, не подчинялъ „интеллектуальную совѣсть этической совѣсти“, а утверждалъ только, что *кроме познанія*, а отнюдь не вмѣсто его, социологу нужно еще нѣчто. Ясно также, что „недобросовѣстность мысли“ я такъ недобросовѣстностью и называлъ и не только не обращалъ несомнѣнный социально-психологическій фактъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности въ гносеологическую норму, а, напротивъ, рекомендовалъ нѣчто вроде того, что въ астрономіи называется приемомъ (а пожалуй и методомъ) „личнаго уравниенія“. Не извращать факты въ угоду идеалу, не подчинять интеллектуальную совѣсть этической совѣсти предлагалъ я изслѣдователямъ, а выяснять эту „этическую совѣсть“ себѣ и другимъ, регулировать — насколько это возможно, — въ интересахъ самого познанія, вліяніе того социально-психологическаго факта, неизбѣжность котораго признають и г. Струве, и г. Бердяевъ. Дѣйствительно ли это нужно, или можетъ быть совсѣмъ не нужно, — это другой вопросъ. Но нельзя же, даже послѣ неоднократныхъ разъясненій, утверждать, то, какъ г. Слонимскій, что я проповѣдую „доброе сердце“ и „чувствительность“, а географію и ариметику выкидываю за бортъ, то, какъ г. Струве, что я подчиняю интеллектуальную совѣсть этической совѣсти, то, какъ д-ръ философіи М. М. Филипповъ, что у меня „изслѣдованіе истины не только не отдѣляется отъ оцѣнки должнаго и желательнаго, но этический элементъ постоянно протестуетъ противъ истины“? И всѣ эти безобразія (потому что это, конечно, безобразія) совершаетъ „субъективный методъ“... Въ дѣйствительности, этотъ, столь жестоко обвиняемый, субъективный методъ никогда ни ариметику съ географіею не вычеркивалъ изъ списка знаній, необходимыхъ социологу, ни гносеологической лжи не проповѣдовалъ, ни противъ истины не протестовалъ. Втунѣ трудились всѣ эти господа, принимая на себя очень, впрочемъ, почетную роль защитниковъ арифметики, географіи, знанія, истины.

Приступая къ оцѣнкѣ моего субъективизма, г. Бердяевъ дѣлаетъ въ высокой степени лестное для меня замѣчаніе, что-я „безсознательно предвосхитилъ правильную точку зрѣнія“; онъ „видитъ положительную заслугу г. Михайловскаго въ томъ, что онъ такъ энергично и настойчиво подчеркивалъ эту (субъективизмъ) несомнѣнную истину.“ „Субъективизмъ г. Михайловскаго, — продолжаетъ онъ,—если и не рѣшаетъ, то, во всякомъ случаѣ, ставить вѣрно вопросъ, который совершенно игнорируется буржуазными социологами вроде Спенсера, Гумпловича и т. п., вообще оказывается мало доступнымъ для академической науки.“ Сдѣлавъ въ подтвержденіе рядъ выписокъ изъ моихъ сочиненій,

г. Бердяевъ заканчиваетъ ихъ заключеніемъ: „Точки соприкосновенія между взглядами г. Михайловскаго и нашими собственными бросаются въ глаза.“ Но это еще болѣе лестное для меня замѣчаніе относится только къ *субъективизму*, какъ указанію на несомнѣнный социально-психическій фактъ, съ которымъ нельзя не считаться, а отнюдь не къ субъективному методу...

Первое, чему г. Бердяевъ ставитъ отрицательный знакъ въ субъективномъ методѣ, это—логико-грамматическая нескладность термина: „въ нелѣпомъ словосочетаніи „субъективный методъ“—съ существительнымъ, имѣющимъ чисто-логическій смыслъ (методъ) согласуется прилагательное, —имѣющее смыслъ исключительно психологическій (субъективный)“. Указаніе это кажется г. Бердяеву столь важнымъ, что онъ его подчеркиваетъ—печатаетъ разрядкой. Позволительно, однако, сомнѣваться въ столь большой важности этой нескладности. Терминъ „субъективный методъ“ принадлежитъ Конту, котораго, кстати сказать, упрекали и за варварское сочетаніе греческаго и латинскаго языковъ въ словѣ „соціологія“, что не помѣшало, однако, этому слову войти во всеобщее употребленіе, и къ которому даже строгій г. Струве относится съ извѣстной, хотя и минимальной долей уваженія („третировать Конта въ качествѣ философскаго ничтожества и смѣшно, и несправедливо“, VII). Это, положимъ, еще ничего не значить. „Нелѣпости“ г. Бердяевъ находитъ даже у Канта, къ которому питаетъ глубочайшее уваженіе. Но вотъ, напримѣръ, г. Бердяевъ полагаетъ, что словосочетаніе „научный идеалъ“ логически не лучше „субъективнаго метода“ и, однако, разрѣшаетъ себѣ и своимъ единомышленникамъ сохранить его, „такъ какъ оно имѣетъ для насъ своеобразное значеніе“ (64). На этомъ самомъ основаніи, можетъ быть, и мнѣ не поставится въ незамолчимый грѣхъ употребленіе термина „субъективный методъ“. Да и что собственно нелѣпаго въ сочетаніи существительнаго, имѣющаго логическій смыслъ, съ прилагательнымъ, имѣющимъ смыслъ психологическій? Надо замѣтить, что терминъ „субъективный методъ“ употребляется не только Контомъ и русскими субъективистами (не всѣми,—г. Карѣевъ его не признаетъ). И самъ г. Бердяевъ, подивившись этой нелѣпости, черезъ нѣсколько страницъ пишетъ: „Существуетъ наука, въ которой „субъективный методъ“ получилъ право гражданства, это—психологія. Всѣ выдающіеся психологи нашего вѣка признаютъ недостаточность одного объективнаго метода для разработки психологической науки и необходимость метода субъективнаго, метода самонаблюденія“ (84). Какъ видите, здѣсь сочетаніе существительнаго „методъ“ съ прилагательными „субъективный“ и „объективный“ не шокируетъ г. Бердяева. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Бердяевъ безразлично употребляетъ выраженія „субъективный“ и „психологическій“ для обозначенія метода, обязательнаго для психологіи; но, я думаю, сказать, что въ психологін долженъ примѣняться психологическій

методъ,—значить сказать столь же мало, какъ потребовать для исторіи историческаго метода, для фізіологіи—фізіологическаго, для химіи—химическаго и т. д., то-есть ровно ничего не сказать.

Но дѣло, конечно, не только въ грамматическихъ соображеніяхъ. Приведа нѣсколько выписокъ изъ разныхъ мѣстъ моихъ сочиненій, г. Бердяевъ говоритъ: „Такое пониманіе субъективнаго метода можетъ имѣть методологическое значеніе“. И далѣе: „Психологическій (то-есть субъективный) методъ имѣетъ мѣсто и въ соціологіи и, поскольку г. Михайловскій намъ на это указываетъ, онъ совершенно правъ. Соціальныи процессъ долженъ быть истолкованъ психологически, т. е. въ терминахъ внутренняго опыта. Ни одно историческое явленіе не будетъ для насъ понятно, если мы не поймемъ той человѣческой психики, тѣхъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, которыя скрываются за всякимъ историческимъ явленіемъ“. Все это такъ, но—говоритъ г. Бердяевъ—все это „не имѣетъ ничего общаго съ нравственною оцѣнкою явленій... Субъективный методъ въ психологіи, съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, долженъ быть признанъ нравственно-индифферентнымъ и въ этомъ смыслѣ объективнымъ“ (84, 85).

Итакъ, субъективный методъ не только имѣетъ свой *raison d'être*, но прямо-таки необходимъ въ психологіи, а въ видѣ психологическаго метода необходимъ и въ соціологіи, но онъ не долженъ имѣть ничего общаго съ нравственною оцѣнкою явленій, онъ долженъ быть нравственно-индифферентнымъ. Меня очень радуешь, что г. Бердяевъ признаетъ обязательность субъективнаго или, пусть, психологическаго метода въ соціологіи. Имя вещи не мѣняетъ, и, становясь въ эту позицію, г. Бердяевъ вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ случаѣ становится въ ряды субъективистовъ въ томъ общемъ смыслѣ, что на ряду съ внѣшнею силою „имманентныхъ законовъ экономическаго развитія“ и т. п., признаетъ значеніе и человѣческой психики, значеніе мотивовъ человѣческой дѣятельности. А субъективистомъ въ смыслѣ признанія неизбѣжности „психологическаго а priori“ онъ уже раньше себя объявилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призналъ, при томъ въ чрезвычайно энергическихъ выраженіяхъ, обязательность нравственнаго суда надъ явленіями дѣйствительности прошедшей, настоящей и будущей, насколько мы можемъ въ нее проникнуть. И вотъ я не знаю, какъ сочетать все это съ его объективизмомъ. Если связь эта достигается въ сферѣ абсолюта, предшествующаго всякому бытію, то, какъ уже сказано, я туда не вхожъ. А въ предѣлахъ бытія дѣло стоитъ, мнѣ кажется, такъ: то „психологическое а priori“ или то „предвзятое мнѣніе“, съ которымъ мы неизбѣжно, какъ соглашается г. Бердяевъ, приступаемъ къ изученію явленій общественной жизни, содержитъ въ себѣ и этическіе элементы; давленіе этихъ этическихъ элементовъ на ходъ изслѣдованія опять же неизбѣжно, но это давленіе, часто происходящее

помимо сознанія, должно быть регулировано; и такъ какъ методъ есть путь, которымъ мы сознательно идемъ къ опредѣленной цѣли, такъ я называю это регулированіе субъективнымъ методомъ.

На этомъ я долженъ пока кончить. Мнѣ остается мѣсто только для того, чтобы помянуть только что умершаго рѣдко хорошаго человѣка.

13 февраля скончался Вячеславъ Авксентьевичъ Манасеинъ.

Не мнѣ судить о томъ, что потеряла въ немъ русская медицина, но я имѣю много данныхъ для сужденія о покойномъ, какъ о человѣкѣ. Я познакомился съ Манасеиномъ въ 1866 г., когда, въ качествѣ временнаго редактора маленькаго журнальчика „Книжный Вѣстникъ“, обратился къ нему, тогда еще, помнится, студенту, но уже пользовавшемуся извѣстностью, за сотрудничествомъ. „Книжный Вѣстникъ“ скоро прекратился, и я потерялъ Манасеина изъ виду, сохранивъ лишь воспоминаніе о немъ, какъ о пріятномъ собесѣдникѣ и товарищѣ и рѣдко начитанномъ молодомъ человѣкѣ съ громадной памятью. Слышалъ я, конечно, о томъ, что мой скромный сотрудникъ по скромному литературному дѣлу быстро поднимался въ общественномъ мнѣніи не только среди студентовъ медико-хирургической академіи, а и вообще. Но лично вновь встрѣтился я съ нимъ только лѣтъ черезъ 12 — 15 въ комитетѣ Литературнаго Фонда, членами котораго намъ не разъ доводилось быть вмѣстѣ. И тутъ я получилъ возможность оцѣнить необыкновенныя душевныя качества этого человѣка. Всѣ когда-либо бывшіе членами комитета, не сомнѣваюсь, единогласно признаютъ, что это былъ идеальный товарищъ и идеальный работникъ. Онъ бывалъ и секретаремъ, и председателемъ Литературнаго Фонда. Связанныя съ этими положеніями обязанности довольно сложны и подчасъ тяжелы, но Манасеинъ несъ ихъ съ какою-то упорною добросовѣстностью, охотно исполняя въ то же время и стороннія порученія комитета въ родѣ, напримѣръ, посѣщенія просителей для полученія свѣдѣній о ихъ положеніи или для оказанія имъ медицинской помощи. Конечно, многіе и многіе писатели съ благодарностью, а можетъ быть и съ умиленіемъ вспоминаютъ его отзывчивость къ ихъ нуждѣ, ту мягкость и деликатность, съ которыми онъ къ нимъ относился.

Дѣла Литературнаго Фонда были, разумѣется, далеко не самою значительною подробностью въ жизни Вячеслава Авксентьевича. Отказавшись отъ частной практики, онъ, однако, принималъ у себя въ опредѣленные дни больныхъ. Затѣмъ профессура, клиника, приватное руководство занятіями студентовъ и вообще всѣхъ обращающихся къ нему за указаніями (его называли ходячей библіотекой), затѣмъ предсѣдательство въ студенческой кассѣ, изданіе журнала „Врачъ“, который онъ поставилъ на невиданную въ нашей специальной литературѣ высоту. Но и этого мало.

Нѣкоторыя черты характера Манасеина предоставили ему еще одну общественную роль. И я часто задумывался, какъ онъ находить время для всѣхъ этихъ многочисленныхъ занятій, откуда берутся эти, право иногда казалось, почти нечеловѣческія силы?

Бархатная мягкость отношенія ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ не была въ Манасеинѣ только внѣшностью, манерой,—она была въ его душѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ твердыхъ убѣждений, ненавидѣвшій компромиссы и разладъ между словомъ и дѣломъ. Нагляднымъ для всѣхъ образомъ онъ показалъ это, отказавшись отъ каѳедры послѣ двадцатипятилѣтняго на ней пребыванія, въ силу того, что, по его убѣжденію, профессоръ долженъ уступить послѣ этого срока мѣсто молодымъ силамъ. По отношенію къ нему это было неосновательно, потому что онъ самъ былъ еще настоящей силой, но никакіе уговоры и просьбы не могли убѣдить его отказаться отъ своей мысли, облеченной въ слово. Среди студентовъ академіи онъ пользовался большою популярностью, но это не мѣшало ему быть требовательнымъ и строгимъ профессоромъ и экзаменаторомъ. Онъ былъ популяренъ, но никогда не популярничалъ. Мнѣ случалось видѣть не молодыхъ уже, бородатыхъ врачей, державшихъ экзаменъ на степень доктора медицины, которые боялись экзамена у Вячеслава Авксентьевича. Его высокое понятіе объ обязанностяхъ врача сказалось въ его журналѣ-газетѣ: „Врачъ“ жестоко преслѣдовалъ всякое нарушеніе врачебной этики, чѣмъ, конечно, нажилъ много враговъ, но едва ли кто изъ этихъ враговъ въ душѣ, по крайней мѣрѣ, отказывалъ въ своемъ уваженіи этому безпощадному обличителю. Такъ же суровъ былъ онъ и въ Литературномъ Фондѣ въ случаяхъ, называющихся въ отчетахъ комитета „отказами по имѣющимся въ комитетѣ свѣдѣніямъ“. И вотъ это-то сочетаніе бархатной мягкости ко всѣмъ оскорбленнымъ людьми или судьбой съ непреклонною твердостью убѣждений и суровостью по отношенію къ нарушительнымъ правиламъ, какъ специально-врачебной, такъ и обще-житейской этики,—это-то, говорю, сочетаніе и предоставило ему роль, можно сказать, перманентнаго третейскаго судьи. Задолго до учрежденія Союза писателей съ его Судомъ чести, къ Манасеину постоянно обращались съ просьбами разобрать, въ качествѣ третейскаго судьи, то или другое недоразумѣніе. Вышеуказанное сочетаніе служило гарантіей его безпристрастія. И когда образовался Союзъ писателей, Манасеинъ былъ единогласно выбранъ однимъ изъ судей чести, каковымъ и избирался каждый годъ вплоть до своей смерти. И говорятъ, что даже г. Буренинъ въ своихъ старчески-злыхыхъ и неблаговоныхъ выходкахъ противъ Суда чести не осмѣлился коснуться этого чистаго человѣка своимъ грязнымъ перомъ.

Много хорошихъ людей пришлось мнѣ на своемъ вѣку хоронить, и между ними были и большіе люди. И естественно, что

всякій разъ скорбь о потерѣ большого или даже просто хорошаго человѣка затушевывала тѣ неприглядныя черты, которыя были у покойниковъ: у кого, при всѣхъ часто огромныхъ достоинствахъ, легкомысліе, у кого — жесткость, у кого — слабость къ житейскимъ благамъ и т. п. Манасеинъ же представляется мнѣ цѣльнымъ и чистымъ кристаломъ, безъ единой трещины, безъ одинаго пятна. Покрайней мѣрѣ, таковъ онъ былъ съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ я его видѣлъ.

Ник. Михайловскій.

П о л и т и к а.

Политическая эволюція XIX в.

Консервативная Европа.

VII.

Резюмируя все разнообразіе политическаго строенія Европы въ XIX в., мы сказали: Если двѣ передовыхъ изъ числа великихъ націй Европы въ началѣ истекшаго XIX в. отличались другъ отъ друга по формулѣ „политическая свобода безъ демократизма“ въ одной и „демократизмъ безъ политической свободы“ въ другой, то объ остальныхъ великихъ націяхъ Европы приходится сказать, что ихъ политическое строеніе сто лѣтъ тому назадъ не заключало ни политической свободы, ни демократизма. Это были абсолютныя монархіи, управлявшія аристократически сложенными народами, изъ которыхъ два, Германія и Италія, были раздроблены между многими отдѣльными государствами, и одинъ, Россія, составлялъ объединенную и централизованную державу. Второстепенныя націи Европы дѣлились на тѣ же двѣ группы: *либеральную*, гдѣ господствовала или подобно Франціи демократія безъ политической свободы (Бельгія, Норвегія, Данія), или подобно Англіи политическая свобода безъ демократизма (Швейцарія, Голландія, Швеція); и *консервативную*, гдѣ націи или были раздроблены, иногда подчинены при этомъ чужеземцамъ, подобно Италіи и Германіи (австрійскія и балканскія народности), или представляли объединенныя и централизованныя (политически) абсолютныя монархіи, подобно Россіи (Испанія и Португалія). Обозрѣвъ въ предыдущихъ главахъ политическую исторію двухъ либеральныхъ группъ европей-

скихъ націй, теперь обратимся къ исторіи въ XIX в. двухъ консервативныхъ группъ.

Что такое была Германія 1800—1801 годовъ? Прежде всего и первѣе всего, это уже была *нація*. До половины XVIII в. Германію едва-ли было бы справедливо назвать націей, т. е. группою населенія, объединеннаго однородною и самобытною культурою и сознающаго свое единство. Средневѣковая Германія была собраніемъ племенъ, отличавшихся по языку, быту и культурѣ и глубоко враждебныхъ другъ другу. Последнее слѣдуетъ въ особенности сказать о двухъ самыхъ многочисленныхъ и могущественныхъ народностяхъ, о франкахъ на западѣ и югѣ и о саксахъ на востокѣ и сѣверѣ. Къ первымъ примыкали аллеманы, швабы, баварцы; ко вторымъ—туринги, фризъ. Борьба между франками и саксами (первые большею частью гибеллины, вторые—гвельфы) проходитъ красною нитью черезъ всю исторію средневѣковой Германіи. Въ новыя времена эта борьба приняла форму религіозной распри. Саксонцы, туринги и фризъ послѣдовали за Лютеромъ, тогда какъ во Франконіи сначала увлекались Кальвиномъ, а послѣ, вмѣстѣ со швабами, аллеманами и баварцами, остались вѣрны католицизму. XVI и XVII столѣтія полны этою братоубійственною борьбою племенъ, завершившеюся тридцатилѣтней войною. Разоренною, обезлюженною и впавшею въ варварство, вышла Германія изъ этого тяжелаго испытанія. Духовно и политически она замерла. Безъ малаго полтораста мелкихъ деспотовъ властвовали надъ ея подавленнымъ и невѣжественнымъ населеніемъ. Болѣе сильныя государства, Австрія и Пруссія, черпали свою силу изъ негерманскихъ наслѣдственныхъ земель, находившихся подъ ихъ властью. Французы, англичане, голландцы, датчане, шведы, поляки властвовали надъ болѣе или менѣе значительными территоріями, населенными нѣмцами, которые не сознавали своего единства и обладали вполнѣ зачаточною культурою. Интеллектуальные верхи, очень сократившіеся послѣ тридцатилѣтней войны, говорили и писали по латыни или по французски. Литература была жалкою пародіей итальянской и французской. Геній нѣмецкаго народа, обезсиленный племенными междоусобіями, тиранніей мелкихъ деспотовъ и чужеземцевъ и сословнымъ, почти кастовымъ строемъ, не проявлялся ни въ чемъ. Никто не могъ бы сказать тогда, не умеръ-ли онъ совѣмъ? или не дремлетъ-ли въ ожиданіи добраго и плодотворнаго пробужденія? По счастью для нѣмецкаго народа и для всего человѣчества; оказалось послѣднее. Къ половинѣ и особенно къ концу XVIII в. геній нѣмецкаго народа пробудился съ чудною силою и проявился во всѣхъ сферахъ культурной и политической жизни раздробленнаго политически, но уже объединяемаго великою культурою великаго народа.

Фридрихъ II и Іосифъ II въ политикѣ, Лессингъ, Гете, Шил-

леръ, Бюргеръ, Шлегели, Жанъ Поль въ литературѣ, Вернеръ, Ал. Гумбольдтъ, Леоп. Бухъ въ естествознаніи, Боппъ, братья Гриммы въ филологіи, Кантъ, Фихте въ философіи, Себастьянъ Бахъ, Моцартъ въ музыкѣ и т. д. и т. д., и какой разносторонній расцвѣтъ германскаго генія! Это широкое просвѣтительное и культурное движеніе уже не принадлежало ни франконцамъ, ни саксонцамъ, ни католикамъ, ни лютеранамъ, ни австрійцамъ, ни пруссакамъ. Оно принадлежало всему нѣмецкому народу. Оно объединяло его въ націю и пробуждало сознаніе національнаго единства. Четвертая великая культурная нація Европы (послѣ итальянской, французской и англійской) была уже готова, но она была, какъ сказано, раздроблена между болѣе, чѣмъ сотнею, мелкихъ деспотовъ, частью находилась подъ властью чужеземцевъ, презиравшихъ языкъ и нравы страны; значительная часть народа несла гнетъ крѣпостного права, всѣ—гнетъ феодализма, клерикализма, полицейской бюрократіи и политическаго безправія. Культурное величіе націй находилось въ невыносимомъ противурѣчьи съ этимъ политическимъ униженіемъ. Ни національнаго единства, ни политической свободы, ни демократизма,—такова Германія 1800—1801 годовъ. Национально объединенная, свободная и демократическая—это Германія 1900—1901 годовъ. Длинною тягостною эволюціей, она достигла этого успѣха. Она, конечно, не успѣла его осуществить въ той же мѣрѣ, какъ Франція и Англія. На главные этапы этой въ высокой степени поучительной эволюціи мы теперь взглянемъ.

Европейская исторія XIX в. (политическая, разумѣется) сама собою удобно дѣлится на нѣсколько довольно рѣзко другъ отъ друга разграниченныхъ періодовъ, по которымъ мы обозрѣвали уже исторію Франціи и Англіи и по которымъ будетъ удобно обозрѣть и германскую исторію. Это:

Періодъ 1800—1815, первая французская гегемонія, окончательная демократизація, бюрократизація и централизація Франціи и распространеніе этихъ началъ вмѣстѣ съ успѣхами французскаго оружія.

Періодъ 1815—1830, реставрація, повсемѣстное стремленіе отречься отъ началъ предыдущаго періода, политическое главенство Россіи.

Періодъ 1830—1848, продолженіе политическаго главенства Россіи, образованіе оппозиціонной группы западныхъ либеральныхъ державъ, повсемѣстное оживленное политическое и литературное движеніе въ направленіи прогрессивныхъ идей.

Періодъ 1848—1856, продолженіе русской гегемоніи, борьба за нее и ея устраненіе, реакція прогрессивному движенію предыдущаго періода.

Періодъ 1856—1870 гг., вторая французская гегемонія, быстрое распространеніе конституціонализма по всей Западной

Европѣ, національное объединеніе Германіи, Італіи, Румыніи, возрожденіе національной политической жизни Венгріи, обширныя реформы, демократизовавшія Россію.

Періодъ 1870—1890 гг.. германская гегемонія, опирающаяся на тройственный союзъ и на изолированность Франціи и Россіи, крайнее преобладаніе націонализма и реакція самымъ существеннымъ прогрессивнымъ приобрѣтеніемъ предыдущаго періода, сопровождаемая порою очень ожесточенною политическою борьбою со стороны противниковъ новаго курса.

Періодъ 1890—1901 гг., нынѣ продолжающійся и недостаточно выяснившійся.

По этимъ семи основнымъ подраздѣленіямъ всей европейской исторіи XIX в. мы осмотримъ бѣгло и германскую исторію этого вѣка. Первый періодъ (1800—1815) былъ для Германіи періодомъ упраздненія мелкихъ деспотовъ и ихъ замѣны владычествомъ французскаго императора, частью прямо присоединившаго значительную часть Германіи къ Франціи, частью включившаго другую тоже значительную часть во французское по династіи, правительству и культурѣ королевство Вестфальское, частью властвовавшего черезъ нѣкоторое число пощаженныхъ имъ туземныхъ владѣтельныхъ князей, вполне ему подчиненныхъ. Австрія была выброшена изъ Германіи, Пруссія раздавлена, обезсилена и подчинена. Установленіе чужеземнаго владычества въ формѣ военной диктатуры, неограниченная тираннія Наполеона и его ставленниковъ, презрѣніе этой чужеземной солдатчины къ языку, правамъ, традиціямъ и культурѣ покоренной, еще безсильной, но уже сознающей свое величіе націи, наконецъ, непрерывныя войны, рекрутскіе наборы и контрибуціи, разорявшія населеніе несчастной страны, все соединилось, чтобы пробудить дремавшее дотошъ національное самосознаніе нѣмецкаго народа. Оно сказалось общимъ могучимъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ освободительной войны 1813 года. Продолженная въ 1814 году въ предѣлахъ Франціи и въ 1815 г. для недопущенія Наполеона къ восстановленію власти, эта грандіозная борьба всей консервативной Европы съ Франціей закончилась для Германіи ея освобожденіемъ отъ чужеземнаго владычества. Это владычество разъ навсегда упразднило около сотни мелкихъ владѣльцевъ, уничтожило въ западной, частью и южной Германіи крѣпостное право и всяческіе его пережитки и значительно демократизовало общественный строй этой части страны. Пробужденіе національнаго самознанія было послѣднимъ заключительнымъ даромъ періода французской гегемоніи. Теперь Германія должна была уже сама позаботиться устроиться нѣсколько лучше, нежели то было до французскаго нашествія.

VIII.

Кто побѣдилъ Наполеона и освободилъ Германію отъ чужеземнаго владычества? Прежде всего и главнѣе всего арміи русская, англійская, прусская и австрійская, поддержанныя народными движеніями и второстепенными государствами. Поэтому, и главную выгоду изъ торжества извлекли великія державы коалиціи. Англія овладѣла всею былою колониальною имперіей Франціи, значительною частью голландскихъ колоній, архипелагомъ Мальты и окончательно укрѣпила свое морское всемогущество. Россія присоединила Польшу (Царство Польское); Австрія — Ломбардо-Венецію, Далмацію, отнятыя было провинціи на западѣ и востокѣ; Пруссія — Познань, Померанію, саксонскую провинцію, рейнскую провинцію и Вестфалію. Изъ второстепенныхъ государствъ Швеція получила Норвегію, Голландія — Бельгію; частью сохранено, частью восстановлено около 30 нѣмецкихъ и 8 итальянскихъ мелкихъ государей; восстановлена прежняя династія и въ Испаніи. Освобожденные же народы, всѣ эти нѣмцы, испанцы, итальянцы, сражавшіеся съ французскимъ нашествіемъ, должны были удовлетвориться фактомъ изгнанія чужеземныхъ властителей и восстановленія туземныхъ. Народы же, выведенные изъ политической инерціи призывомъ къ борьбѣ за свободу отечества, ожидали, что и на ихъ долю выпадетъ сколько нибудь этой столь тяжело добытой свободы. Въ томъ числѣ и народъ нѣмецкій питалъ эти надежды. Они не оправдались ни въ малѣйшей мѣрѣ. Германія получили 33 правительства, одинаково самовластныхъ и одинаково опирающихся на привилегированныя сословія, въ томъ числѣ двѣ великія державы (Австрія и Пруссія), четыре довольно сильныхъ королевства (Баварія, Вюртембергъ, Ганноверъ и Саксонія), шесть сравнительно слабыхъ герцогствъ (Баденъ, два Гессена, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксенъ-Веймаръ и Ольденбургъ), четыре вольныхъ города (Бременъ, Гамбургъ, Любекъ и Франкфуртъ, управлявшихся малочисленнымъ привилегированными корпораціями), пятнадцать совершенно ничтожныхъ герцогствъ и княжествъ (Ангальтъ, Брауншвейгъ, Вальдекъ, два Липпе, Лихтенштейнъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Нассау, два Рейсса, три Саксенъ и два Шварцбурга) и двѣ области, подчиненныя чужеземному господству (Люксембургъ голландцамъ и Голштинія датчанамъ). Всѣ ихъ правители признавались суверенными владѣтелями своихъ частицъ нѣмецкой земли и неограниченными повелителями своихъ долей нѣмецкаго народа. Частью для удовлетворенія національнаго чувства, но болѣе изъ страха передъ Франціей, всѣ 33 государства заключили вѣчный союзъ, Deutsches Bund, освященный международнымъ актомъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Цѣлью Союза было „под-

держаніе внѣшней и внутренней безопасности, а такъ же независимости и цѣлости отдѣльныхъ государствъ“. Органомъ Союза былъ сдѣланъ Союзный Сеймъ, засѣдавшій въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ и состоявшій изъ *дипломатическихъ* представителей нѣмецкихъ правительствъ. Это не были делегаты, свободно подававшіе свои голоса, но чиновники, дѣйствовавшіе по инструкціямъ правительствъ и сносившіеся съ ними по каждой мелочи обсуждаемаго вопроса. „Сеймъ часто собирався на засѣданія, назначалъ много комиссій (ихъ было порою до тридцати) и, подобно прежнему имперскому Сейму, обставлялъ свои засѣданія большою торжественностью; но онъ не имѣлъ никакой власти и сталъ посмѣшищемъ Германіи и всей Европы“ (Сеньобосъ, 371).

Германіи, какъ государства, не было въ этотъ періодъ. Были только нѣмецкія государства, но была, однако, нѣмецкая нація съ высокою самостоятельною культурою и съ пробудившимся стремленіемъ къ политической жизни. Уступая этому стремленію, въ актъ о Германскомъ Союзѣ была внесена статья 13, гласившая, что въ государствахъ Союза „будутъ учреждены собранія земскихъ чиновъ“. Это неопредѣленное обѣщаніе, не имѣвшее даже срока выполненія, ничѣмъ не связывало правительствъ, но давало поводъ къ разнымъ ожиданіямъ и иллюзіямъ, скоро приведшимъ къ броженію и отдѣльнымъ вспышкамъ недовольства, очень слабымъ вначалѣ, но укрѣпившимъ правительства въ консерватизмѣ. Признавалось, что верховная власть принадлежала только государямъ, которые однако имѣли право привлечь „земскіе чины“ (Landstände) къ участию въ управленіи. Словомъ, политическій строй разныхъ частей Германіи зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли тридцати трехъ ничѣмъ не ограниченныхъ правительствъ. Это разнообразіе режимовъ можно сгруппировать въ три болѣе или менѣе между собою сходныхъ разряда.

Абсолютизмъ безъ всякаго компромисса господствовалъ въ обѣихъ великихъ державахъ и въ приблизительно дюжинѣ мелкихъ владѣній, изъ которыхъ особенно прославился Кур-Гессенъ, владѣтель котораго, изгнанный французами и возстановленный вѣнскимъ конгрессомъ, объявилъ ни болѣе ни менѣе, что время въ его отсутствіе остановило свое теченіе: онъ возстановилъ старые законы, натуральныя феодальныя повинности, сенъеріальныя права, привилегированныя корпораціи; смѣстилъ всѣхъ чиновниковъ, назначивъ всѣхъ прежнихъ на прежнія мѣста: офицерамъ вернулъ прежнія чины; отобралъ безъ вознагражденія распроданныя государственныя имущества и т. д., и т. д. Деспотизмъ этихъ мелкихъ самодуровъ особенно тягостно чувствовался населеніемъ средней и западной Германіи, болѣе развитымъ и просвѣщеннымъ, чѣмъ подданные прусскаго короля и австрійскаго императора. *Тотъ же абсолютизмъ, дополненный „земскими чинами“*—это вторая группа. Изъ болѣе значительныхъ государствъ—это Ган-

новеръ и Саксонія, затѣмъ Ольденбургъ, Мекленбургъ и др. Это были большею частію собранія дворянъ, съ немногими депутатами отъ городовъ, въ родѣ ландтаговъ нашихъ остзейскихъ губерній. Засѣданія были секретны, голосованія не имѣли для правительства обязательной силы. Одинъ лишь великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, другъ Гете, рѣшилъ съ самого начала дать своему маленькому государству нѣчто въ родѣ *маленькой конституціи*. Позднѣе за нимъ послѣдовала Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, образовавъ третью группу, полуконституционную. Здѣсь собирались палаты, вотировали налоги и законы, но избирательный корпусъ былъ немногочисленный, привилегированный, засѣданія не публичные, палаты безъ инициативы, государь вездѣ сохранялъ право законодательствовать именными повелѣніями, печать всюду была несвободна, равенство передъ закономъ было только теоретическое. Это положеніе даже въ лучшихъ случаяхъ не соответствовало культурному росту націи, а въ худшихъ случаяхъ было прямо возмутительно и невыносимо. То обстоятельство, что этотъ режимъ явился какъ бы продолженіемъ, чужеземной тиранніи и что онъ сопровождался раздробленіемъ отечества на тридцать три части съ своими особыми деспотами, привело къ тому, что жажда лучшаго режима отлилась въ форму національнаго чувства и стремленія къ объединенію. Всѣ бѣды и неполадки относили къ раздробленію и *Einheit* считалась первымъ и необходимымъ условіемъ для *Freiheit*. Прогрессивное движеніе слилось съ національнымъ, лучше сказать, было вытѣснено національнымъ и всѣ силы, служившія дѣлу свободы и прогресса, думали служить этимъ задачамъ, страстно предавшись идеѣ національнаго единства, идеѣ общенѣмецкаго отечества, свободнаго и могущественнаго. Историческія обстоятельства въ Германіи, какъ и въ Италіи, либерализмъ обратили въ націонализмъ, который мало-по-малу пропиталъ своимъ упорнымъ ядомъ всѣ культурные и полукультурные слои нѣмецкаго народа, его интеллектуальные верхи и его средніе классы.

Национально-либеральное броженіе, послѣ освобожденія отъ французскаго владычества, сказалось въ видѣ гимнастическихъ обществъ и общестуденческаго союза (*Burschenschaft*). Гимнастическія общества были основаны Яномъ еще въ эпоху наполеоновскаго ига. Они были ярко націоналистическими и французо-ненавистническими. *Burschenschaft* былъ союзомъ студентовъ разныхъ университетовъ, имѣвшимъ цѣлью „поддерживать въ своихъ членахъ религіозное чувство, добродѣтель и преданность отечеству“. Кажется, чего бы лучше? Однако, бурши полагали своимъ отечествомъ не Гессенъ, не Саксонію, даже не Пруссію или Австрію, а, такъ сказать, цѣлокупную Германію. Это считалось неблагонамѣреннымъ и даже опаснымъ. Однако, покровительствуемый въ Саксенъ-Веймарѣ и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ княже-

ствахъ, Burschenschaft объединялъ довольно значительное число учащейся молодежи и пользовался сочувствіемъ профессоровъ и писателей. На этой почвѣ неопредѣленно-націоналистическихъ чувствъ съ одной стороны и подозрительности съ другой разыгралась Вартбургская исторія. 17 октября 1817 г. профессора, журналисты, студенты, члены гимнастическаго общества собрались для празднованія годовщины лейпцигской побѣды. Это было официальное празднество съ патріотическими цѣлями и съ разрѣшенія веймарскаго правительства. Празднество прошло спокойно, профессорскія рѣчи были патріотичны и благонамѣренны, порядокъ былъ образцовый. Вечеромъ студенты зажгли праздничные костры. Все кончалось такъ же благонамѣренно, какъ и началось, когда нѣкоторое число молодежи, собравшись вокругъ одного изъ костровъ, бросили въ него, при торжественномъ пѣніи „regeat!“, экземпляры сочиненій Коцебу и Галлера, наполеоновскаго кодекса, прусскаго жандармскаго устава, а такъ же прусскую португезу и австрійскую капральскую палку. Эта манифестація была принята правительствами, какъ бунтъ студентовъ противъ установленнаго порядка. Burschenschaft былъ запрещенъ; герцога Веймарскаго вынудили возстановить упраздненную имъ цензуру. Не мало профессоровъ и студентовъ пострадали изъ за этого праздника. Эти репрессаліи послужили поводомъ для студента Занда убить Коцебу, котораго считали вдохновителемъ гоненій. Было произведено покушеніе и на герцога Нассаускаго. Тогда Меттернихъ созвалъ уполномоченныхъ нѣмецкихъ правительствъ въ Карлсбадѣ и добился драконовскихъ мѣръ. Эти такъ называемыя „карлсбадскія постановленія“ (1819 г.) обязали всѣ нѣмецкія правительства запретить буршеншафтъ и гимнастическія общества, установить строгую цензуру и учредить въ университетахъ полицейскій надзоръ за профессорами и студентами, которыхъ сотнями, особенно въ Пруссіи, увольняли и бросали въ крѣпости и тюрьмы. Пѣніе патріотическихъ пѣсенъ, ношеніе значковъ имперскихъ цвѣтовъ (черно-красно-золотыхъ), самое слово Vaterland стали преступными дѣяніями, влекущими за собою преслѣдованіе и беспощадныя взысканія.

Эта политика вызывала неудовольствіе не только среди университетскихъ корпорацій и молодежи. Правительства болѣе либеральныхъ государствъ Германіи были недовольны. Попытку объединить эту либеральную оппозицію сдѣлалъ Вюртембергъ или вѣрнѣе вюртембергскій министръ Вагенгеймъ. Онъ проводилъ ту мысль, что подлинная Германія занимаетъ бассейны Рейна и Эльбы и пространство между ними. Восточнѣе лежатъ колоніи съ нѣнѣмецкимъ, лишь онемеченнымъ и культурно-отсталымъ населеніемъ. Но эти области, лежащія восточнѣе, и были Австріей и Пруссіей, которыхъ преобладаніе въ Германіи было несправедливо. Во всякомъ случаѣ, ихъ вліяніе должно быть

уравновѣшено союзомъ второстепенныхъ государствъ. За Вюртембергомъ послѣдовали Баварія, Баденъ, Веймаръ. Вюртембергъ опротестовалъ въ Сеймѣ дѣйствія слѣдственной коммиссіи, назначенной для исполненія карлсбадскихъ постановленій, и предложилъ обязать курфюрста Гессенскаго признать теченіе времени и въ его отсутствіе. Австрія и Пруссія рѣшились дѣйствовать, чтобы предупредить наростаніе этой опасной силы. Они прекратили дипломатическія сношенія съ Вюртембергомъ и готовились силою устранить оппозицію. Вѣчно враждебныя другъ другу, эти державы выказали теперь трогательное единомысліе и единодушіе. Начавшаяся было оппозиція была уничтожена. Вагенгеймъ удаленъ и южно-германскія правительства подчинились волѣ великихъ нѣмецкихъ державъ. На сѣздѣ уполномоченныхъ въ Іоганисбергѣ были приняты резолюціи, во всемъ подтвердившія карлсбадскія постановленія, еще усилившія надзоръ за университетами и печатью, совершенно исключившія политику изъ сферы печати и обязавшія Союзный Сеймъ „наблюдать за собраніями земскихъ чиновъ (гдѣ таковыя были), чтобы помѣшать имъ подрывать монархическій принципъ“ (1824 г.). Политическая жизнь совершенно замерла и не проявляла никакихъ признаковъ существованія до самаго 1830 года, когда французская революція снова пробудила и у нѣмцевъ стремленіе къ свободѣ и національному единству, двумъ предметамъ, въ это время до неразличимости смѣшавшимся въ головахъ нѣмцевъ (не только сторонниковъ свободы, но и ея противниковъ, до Меттерниха включительно).

Французская революція оживила надежды нѣмецкихъ либераловъ и націоналистовъ. Успѣхъ послѣдовавшей затѣмъ бельгійской революціи и возстаніе въ Царствѣ Польскомъ съ одной стороны обезкуражили правительства, а съ другой еще болѣе оживили надежды общества. Нѣкоторые правительства (Гессенъ, Ганноверъ, Саксонія и др.) даровали умѣренныя конституціи, другія отмѣнили цензуру (Баденъ). Въ Гамбахѣ (Баварія) собрался сѣздъ либераловъ и націоналистовъ (1832). Программа сѣзда была изъ самыхъ умѣренныхъ, но на устроенномъ празднествѣ было выкинута гонимое черно-красно-золотое знамя и провозглашались тосты въ честь отечества (!) и германскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Этого было достаточно, чтобы снова выступили на сцену великія нѣмецкія державы. Австрія, при поддержкѣ Пруссіи, внесла въ Союзный Сеймъ рядъ рѣшительныхъ предложеній и заставила Сеймъ вотировать, такъ называемые, декреты 1832 года. Торжественно подтвердивъ карлсбадскія постановленія 1819 года и іоганисбергскія 1824 года и вмѣнивъ ихъ исполненіе въ обязанность всѣмъ союзнымъ правительствамъ, Сеймъ учредилъ коммиссію для надзора за всѣми нѣмецкими палатами депутатовъ; объявилъ недѣйствительными всѣ постановленія дарованныхъ нѣкоторыми государями конституцій, посягавшія, по его мнѣнію,

на монархическій принципъ; отмѣнилъ баденскій законъ о печати; предписалъ Вюртембергу, Гессену и Нассау распустить палаты, заключавшія въ себѣ либеральные элементы; предписалъ запрещеніе цѣлаго ряда газетъ; и объявилъ, что ослушные будутъ принуждены исполнить эти декреты вооруженною силою. Австрія и Пруссія взялись быть исполнителями этого приговора надъ болѣе либеральными правительствами, нѣкоторые изъ которыхъ думали сопротивляться и обратились за помощью къ Франціи. Луи-Филиппъ отказалъ, послѣ чего пришлось покориться и безпрекословно исполнить австро-прусскую реакціонную программу. Въ нѣмецкомъ обществѣ продолжалось броженіе; возникли тайныя общества, состоявшія преимущественно изъ студентовъ. Около полусотни такихъ заговорщиковъ въ апрѣлѣ 1833 года попыталось устроить революцію во Франкфуртѣ и завладѣть Сеймомъ. Попытка не удалась и только послужила поводомъ для новыхъ репрессалій. Въ Ганноверѣ король отмѣнилъ (1837 г.) раньше дарованную имъ конституцію и отрѣшилъ отъ должности семь профессоровъ, осуждавшихъ эту произвольную мѣру. Въ Гессенѣ вождь либераловъ Гордонъ былъ посаженъ въ тюрьму и продержанъ въ заключеніи шесть лѣтъ безъ суда. Четыре года безъ суда былъ продержанъ въ заключеніи одинъ журналистъ въ Баваріи. Всюду увольнялись либеральные и націоналистическіе профессора, а студенты изгонялись и заточались сотнями. Въ Пруссіи тридцать девять студентовъ были приговорены къ смертной казни, замѣненной пожизненною крѣпостью. Въ Пруссіи же, авторъ патріотической пѣсни „Wacht am Rhein“, теперь ставшей національнымъ гимномъ, проф. Арндтъ былъ лишенъ каеэдры. Патріота Яна, основателя гимнастическихъ обществъ, прусское правительство арестовало и посадило въ тюрьму. Къ 1840 году [всѣ] проявленія броженія и всякая политическая жизнь снова прекратились. Движеніе стало чисто литературнымъ, гдѣ дѣйствовали въ это время Берне, Гейне, Гуцковъ, Фрейлитратъ, Шамиссо, воспитывая нѣмецкое политическое сознаніе и подготавливая нѣмецкому народу лучшее будущее.

IX.

Въ 1840 году умеръ старый прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, свидѣтель французской революціи и наполеоновскаго ига, страстно ненавидѣвшій французскія идеи и вполнѣ преданный идеямъ Священнаго Союза. При его жизни вся Пруссія и даже вся Германія много надѣялись отъ наслѣдника престола, о которомъ существовало мнѣніе, какъ объ очень либеральномъ принцѣ. Въ 1840 году онъ сталъ королемъ, освободилъ Яна и другихъ политическихъ заключенныхъ, вернулъ каеэдру Арндту и этими

своими милостями заслужилъ восторженное поклоненіе со стороны добродушныхъ нѣмцевъ, не смотря на скептическія предостереженія Гейне.

Пруссія была изъ числа нѣмецкихъ государствъ, наиболѣе пострадавшихъ и униженныхъ въ эпоху французскаго владычества, низведенная волею Наполеона до положенія въ родѣ Баваріи или Саксоніи. Пруссія не хотѣла, однако, выйти изъ состава великихъ державъ. Всеобщая воинская повинность, трехлѣтній срокъ службы и организація ландвера и ландштурма явились въ періодъ 1806—1812 гг., выраженіемъ этого стремленія сохранить себя въ рангѣ великихъ державъ. Надежды эти вполне оправдались въ 1813 году, когда Пруссія для борьбы съ Наполеономъ выставила могущественную армію и, присоединившись къ Россіи и Англіи, доставила такой перевѣсъ союзникамъ, что устранила колебанія Австріи и тѣмъ рѣшила участь Наполеона. Подъ Ватерло пруссаки спасли англичанъ отъ разгрома и содѣйствовали полному пораженію Наполеона. Вѣнскій конгрессъ вернулъ ей Познань, Саксонскую провинцію, а взамѣнъ отошедшаго къ Россіи Царства Польскаго, она получила шведскую Померанію, Вестфалію и Рейнскія провинціи, что снова и по величинѣ ее включило въ число великихъ державъ. Распространивъ свою военную систему на все государство, прусское правительство подготовило для Пруссіи преобладаніе, чтобы не сказать владычество, во всей Германіи. Эта новая военная организація, составлявшая съ 1806 по 1866 гг. исключительную особенность Пруссіи, является главнымъ дѣломъ въ правленіе Фридриха-Вильгельма III. При немъ же начато освобожденіе крестьянъ (тоже въ эпоху наполеоновскаго ига). Помѣщичьи крестьяне были объявлены лично свободными, но простыми арендаторами земли, которою до тѣхъ поръ пользовались. Часть этой земли у нихъ была отобрана и присоединена къ владѣльческому хозяйству. Крестьяне были обязаны обрабатывать помѣщичью землю, а молодые парни и дѣвушки обязаны были извѣстное число лѣтъ отбывать въ помѣщичьихъ хозяйствахъ рабочую повинность въ качествѣ батраковъ и прислуги. Вотчинная полиція и вотчинный судъ остались въ рукахъ помѣщика, которому предоставлялось право наказывать арестомъ, принудительными работами, штрафами и розгами. Наказанію розгами подлежали такъ-же дворовые и батраки, по усмотрѣнію помѣщика и его довѣренныхъ. Такое „освобожденіе“, конечно, только съ очень большою натяжкой можно назвать этимъ именемъ. Это было облегченіе барщины, право перехода отъ одного помѣщика къ другому и уменьшеніе земельного надѣла. Въ это же время дана бюрократіи та образцовая организація, которая такъ прославила прусское чиновничество. Учреждены жандармы и нѣкоторымъ городамъ дарованы выборные магистраты, хотя съ весьма ограниченою компетенціей. Наконецъ, въ 1825

году, въ исполненіе 13 статьи союзнаго акта (см. выше), были созваны провинціальныя земскіе чины (Landstände). Эти земскія собранія были сословными и состояли изъ представителей дворянства (высшее дворянство засѣдало лично), городовъ и крестьянъ. Большинство было дворянское. Собственная компетенція собраній распространялась только на завѣдываніе грунтовыми дорогами и общественною благотворительностью, но они имѣли право петиціи и подавали отзывъ о законахъ, касающихся ихъ провинціи. Собранія были, не періодичны и созывались или нѣтъ, по усмотрѣнію правительства. Присоединивъ вышеупомянутыя уже репрессіи противъ націоналистовъ и либераловъ, профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, мы въ существенныхъ чертахъ исчерпаемъ прусскую исторію первыхъ четырехъ десятилѣтій XIX в. Фридрихъ-Вильгельмъ IV получилъ именно эту Пруссію.

Романтикъ по натурѣ, нерѣшительный и мечтательный, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ, въ своемъ родѣ и вкусѣ, нѣмецкимъ „славянофиломъ“, носился съ мыслью о какой-то особой германской идеѣ, о какихъ-то нѣмецкихъ самобытностяхъ, возвышающихъ нѣмецкій народъ надъ жалкимъ либерализмомъ французовъ и англичанъ. Писанныя хартіи по его мнѣнію—и мнѣнію его друзей (Нибуръ, Савиньи и др.), не соответствовали исконному „духу нѣмецкаго народа“. „Фридрихъ-Вильгельмъ ненавидѣлъ демократическую и рационалистическую французскую революцію, принципъ народнаго суверенитета и бумажныя конституціи. Его идеаломъ было германское государство среднихъ вѣковъ, какимъ его представляли себѣ романтики: король, отвѣтственный передъ однимъ Богомъ и управляющій, согласно обычаямъ, при содѣйствіи подданныхъ, сгруппированныхъ въ традиціонныя общественныя классы, лично любимый и уважаемый всѣми, распространяющій на всѣхъ свою отеческую любовь и руководящійся внушеніемъ Бога“ (Сеньобосъ, 43 г.). Общество, однако, уже не удовлетворялось этимъ романтизмомъ и желало гарантій. Провинціальныя земскіе чины, одно собраніе за другихъ, стали подавать петиціи о дарованіи представительныхъ учреждений. Король сдѣлалъ нѣсколько уступокъ, ослабилъ цензуру, объявилъ періодичность собранія провинціальныхъ чиновъ (каждые два года) и созвалъ „соединенную комиссію провинціальныхъ чиновъ“, для обсужденія нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ. Онъ даже назначилъ комиссію для обсужденія конституціи. Общество, однако, не желало проволочекъ. Вмѣстѣ съ петиціями, началась ожесточенная критика въ печати и съ каеэдры, а съ этимъ вмѣстѣ и возобновилось гоненіе на печать и университеты. Началось запрещеніе газетъ, смѣщеніе профессоровъ, изгнаніе студентовъ, но на этотъ разъ задавить движеніе оказалось уже невозможнымъ. Король, однако, не сразу уступилъ и сначала пошелъ на полумѣру, какою и явился „патентъ 1847 года“.

„Патентъ“ учреждалъ „соединенный ландтагъ“ въ Берлинѣ, который состоялъ изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ чиновъ. Соединенный ландтагъ созывался по усмотрѣнію правительства (не былъ періодическимъ); ему было предоставлено утверждение *новыхъ* налоговъ и обсужденіе тѣхъ законовъ, о которыхъ король пожелаетъ узнать мнѣніе ландтага. Созванный весною 1847 года „соединенный ландтагъ“ оказался, однако, не послушнымъ. Онъ вотировалъ необходимость свободы печати и потребовалъ для себя періодичности созыва и вотирования бюджета. Король рѣзко отказалъ. Тогда ландтагъ отказалъ правительству гарантировать проэктированные займы и разошелся въ конфликтъ съ короною. Въ слѣдующемъ (1848) году король пошелъ на требуемыя уступки, но теперь этого уже было недостаточно. Началась прусская революція.

Австрійская исторія, какъ части Германіи, была еще проще прусской въ эти первые сорокъ лѣтъ XIX в. Хотя и сильно пострадавшая отъ Наполеона, Австрія не была завоевана и не перенесла періода французскаго владычества. Ей не надо было ничего реставрировать. Приходилось только сохранить и укрѣпить порядки „добраго стараго времени“. О націоналистической оппозиціи въ нѣмецкихъ областяхъ мы скажемъ особо. Историческое движеніе въ нѣмецкихъ областяхъ сказывалось въ постепенномъ вырожденіи полицейско-бюрократическаго режима и въ такомъ же постепенно возрастающемъ броженіи либеральныхъ идей въ обществѣ и университетскихъ кругахъ, среди профессоровъ и студентовъ. „Система Меттерниха“ медленно умирала естественною смертію. Правительство, занятое обузданіемъ мелкихъ государствъ Германіи, порою осмѣливавшихся имѣть свое сужденіе, и озабоченное подавленіемъ націоналистическихъ движеній среди мадьяровъ, славянъ и итальянцевъ, не замѣчало, какъ въ нѣмецкихъ областяхъ и въ самой столицѣ императора росла оппозиція и подготовлялось революціонное движеніе, въ 1848 году потрясшее непоколебимое, казалось, спокойствіе и величавую, какъ думали, неподвижность австрійской политической жизни.

Такимъ образомъ, такъ или иначе, движеніе уже охватывало всю Германію. По причинамъ, о которыхъ сказано выше, эти движенія были по преимуществу націоналистическія. Объединеніе отечества было главною задачею всѣхъ вовлеченныхъ въ движеніе. Въ 1846 году съѣздъ ученыхъ филологовъ-германистовъ (во Франкфуртѣ) послужилъ поводомъ для грандіозной патріотической манифестаціи. На банкетахъ и на самихъ засѣданіяхъ ученаго конгресса произносились рѣчи объ единствѣ великаго германскаго отечества и о необходимости общегерманскаго парламента. Возбужденіе это отразилось на упомянутомъ выше поведеніи прусскаго „Соединеннаго ландтага“. Аналогичныя постановленія и подобная же прежде неизвѣстная твердость сказались

и въ южно-германскихъ парламентахъ, гдѣ либеральная оппозиція входила въ сношеніе между собою и съ прусскою. Послѣдствіемъ этихъ событій первой половины 1847 года явилось собраніе двухъ политическихъ съѣздовъ во второй его половинѣ. Болѣе радикальная оппозиція собралась въ Оффенбургѣ въ сентябрѣ. Въ октябрѣ въ Геппенгеймѣ собрались умѣренныя. Тѣ и другіе вотировали настоятельную необходимость созванія германскаго парламента. Сессіи 1848 года обѣщали быть историческими, когда февральская революція въ Парижѣ и національно-либеральные успѣхи въ Италіи дали новый сильный толчокъ нѣмецкому движенію.

X.

Событія во Франціи и Италіи, движеніе въ Венгріи и Польшѣ, чартизмъ въ Англіи, преобразованія въ Швейцаріи и Голландіи совершенно обезкуражили нѣмецкія правительства. Во Франкфуртѣ безъ всякаго официального созыва собрался такъ называемый *Vorparlament*, въ которомъ участвовало около 600 членовъ разныхъ нѣмецкихъ парламентовъ. Перепуганный Союзный Сеймъ утвердилъ всѣ постановленія „форпарламента“ и предложилъ правительствамъ привести ихъ въ исполненіе. Гонимое черно-красно-золотое знамя было объявлено національнымъ и созванъ парламентъ во Франкфуртѣ для изданія общегерманской конституціи. Парламентъ началъ съ того, что распустилъ союзный сеймъ и замѣнилъ его временнымъ союзнымъ правительствомъ, во главѣ котораго поставилъ „Блюстителя Имперіи“. Этимъ на-мѣстникомъ еще не существующаго императора былъ избранъ австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, принявшій власть отъ разошедшагося Союзнаго Сейма и составившій парламентское министерство. Затѣмъ парламентъ, послѣ очень долгой работы и бурныхъ преній, выработалъ наконецъ конституцію, возстановилъ имперію и прусскаго короля избралъ императоромъ. Однако, парламентъ опоздалъ. Событія его опередили. Правительства оправились отъ перепуга, а великія нѣмецкія державы справились съ своими подданными и снова явились блюстителемъ превосходныхъ „добраго стараго времени“ (Австрія) и „нѣмецкаго духа“ (Пруссія), что въ сущности было одно и то же.

Одно время, однако, и австрійское правительство должно было какъ будто отречься отъ добраго стараго времени, а прусскій король отъ нѣмецкаго духа. Въ мартѣ 1848 года произошли революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Австрійское правительство было такъ перепугано французскими, итальянскими, венгерскими и польскими дѣлами, что уступило горсти возставшихъ студентовъ и бюргеровъ безъ боя, уволило Меттерниха, передало власть надъ Вѣною возставшимъ и созвало учредительное собраніе.

Национальные распри между народами Австрии, поражение итальянской революции и русская помощь против революции венгерской скоро вернули австрийскому правительству самообладание. Надававший разных обещаний императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола, а молодой императоръ Францъ Иосифъ безъ труда справился съ вѣнцами и возстановилъ свою абсолютную власть.

Нѣсколько сложнѣе дѣло было въ Берлинѣ. Здѣсь движеніе было сильнѣе и бюргеры цѣлый день сражались на баррикадахъ противъ регулярной арміи короля. Ночь прекратила битву, не давъ побѣды правительству. На утро бой долженъ былъ возобновиться. Сомнѣваясь въ его исходѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ не возобновилъ борьбы, вывелъ войска изъ столицы и уступилъ всѣмъ требованіямъ возставшаго народа. 21 марта онъ издалъ манифестъ, которымъ признавалъ „истинныя конституціонныя учрежденія съ отвѣтственными министерствами, гласнымъ судопроизводствомъ, свободой печати, равенствомъ гражданъ“. Затѣмъ была обнародована „писанная конституція“ съ парламентомъ, вотирующемъ бюджетъ и законы и выбираемымъ всеобщей подачею голосовъ. „Соединенный ландтагъ“ утвердилъ эту конституцію и на нѣкоторое время она стала закономъ прусской политической жизни, хотя и не соотвѣтствовала „нѣмецкому духу“. Этотъ таинственный „духъ“ не допускалъ никакой „бумаги“ между королемъ и народомъ и никакихъ „гарантій“, придуманныхъ „жалкимъ либерализмомъ“ западныхъ народовъ. Собранный парламентъ занялся детальною выработкою конституціи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ закончилъ освобожденіе крестьянъ, отмѣнилъ всякую обязательную рабочую повинность, отнялъ у помѣщиковъ вотчинную полицію и судъ, сдѣлалъ постановленіе о выкупѣ земли сохранившими надѣлы крестьянами. Это было серьезное завоеваніе. Вотирированная же конституція никогда не была приведена въ исполненіе. Когда же парламентъ попробовалъ настаивать и даже отказалъ правительству въ налогахъ, были призваны войска, обезоружившія бюргерскую гвардію и разогнавшія непослушную палату, которая была объявлена распущенною. Вмѣсто вотирированной конституціи, король обнародовалъ собственную, но и эта въ сущности не была приведена въ исполненіе, а замѣнена другою въ 1850 г. Эта конституція и понынѣ дѣйствуетъ въ Пруссіи. Хотя и очень искаженная сравнительно съ проектомъ парламента 1848 года, эта конституція все такъ даровала Пруссіи политическую жизнь и являлась основою для дальнѣйшаго развитія германской политической жизни.

Пораженіе либераловъ и націоналистовъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ привело къ нулю и дѣятельность франкфуртскаго парламента. Онъ былъ безсиленъ осуществить свои постановленія. Прусскій король отказался принять императорскую корону, а прусскіе войска вооруженною силою подавили народныя движенія въ Саксоніи,

Баденъ и пр. Реакція воцарилась во всей Германіи и на пять—шесть лѣтъ снова замерла политическая жизнь. Ее опять пробудили крымская война, распаденіе священнаго союза и пораженія Австріи въ Италіи. Это время совпало съ сумасшествіемъ, а вскорѣ и съ кончиною короля Фридриха Вильгельма IV, котораго заступилъ сначала въ качествѣ регента, потомъ короля, его братъ Вильгельмъ. Съ этого момента исторія Германія какъ бы сливается съ біографіею ея перваго министра, потомъ канцлера Оттона Бисмарка.

Бисмаркъ, помѣщикъ померанской и саксонской провинціи прусскаго королевства, въ 1845 году, тридцати лѣтъ отъ роду (род. 1815 г.) былъ избранъ въ депутаты саксонскаго провинц. ландтага, а какъ таковой, сдѣлался въ 1847 членомъ *Соединеннаго Ландтага*. Въ ландтагѣ и послѣ онъ всегда энергично выступалъ противъ либеральныхъ взглядовъ и ревниво охранялъ положеніе королевской власти. Онъ высказался противъ допущенія евреевъ къ публичнымъ должностямъ, сознался, что принадлежитъ къ той массѣ, которая держится направленіи, либералами называемаго средневѣковымъ обскурантизмомъ. Въ 1849 избранъ былъ во вторую палату, въ которой онъ добился составленія сильной преданной королю партіи. Бисмаркъ считалъ возстановленіе неограниченной королевской власти первымъ условіемъ рѣшенія германскаго вопроса. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV назначилъ его въ 1851 во Франкфуртъ посланникомъ бундестага. Тамъ онъ увидѣлъ ничтожество германскаго союза и убѣдился въ томъ, что Пруссіи нечего бояться своихъ германскихъ союзниковъ. Въ 1859 ему показалось, что насталъ моментъ для Пруссіи измѣнить союзу съ Австріей. Между тѣмъ министерству не хотѣлось освободиться отъ своихъ союзническихъ обязательствъ; поэтому Бисмаркъ былъ въ 1859 отозванъ изъ Франкфурта и переведенъ посланникомъ, въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ пробылъ три года, приобрѣлъ расположеніе императора Александра II и кн. Горчакова, ученикомъ котораго называлъ себя, чтобы польстить старому канцлеру. Въ 1862 былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ, но вскорѣ отозванъ и ему было поручено предсѣдательство министерства. Положеніе дѣлъ въ Пруссіи было тяжелое, вслѣдствіе того, что король не хотѣлъ взять назадъ указъ о преобразованіи войска, а палата не хотѣла разрѣшить его, чтобы не нарушить бюджета. Бисмаркъ взялся провести преобразование, высказавъ откровенно мнѣніе, что великіе вопросы времени рѣшаются не рѣчами и мнѣніями большинства, а „желѣзомъ и кровью“. Однако, эта политика „желѣза и крови“ вызвала лишь недовѣріе. Подавляющее большинство палаты приняло предложеніе о полномъ сохраненіи за ландтагомъ права составленія бюджета. Тогда Бисмаркъ отказался отъ попытки примиренія и, послѣ того, какъ послушная ему па-

лата господь утвердила бюджетъ, рѣшился обойтись безъ утвержденія бюджета 2-ю палатою.

Между тѣмъ Бисмаркъ приступилъ къ рѣшенію германскаго вопроса въ пользу Пруссіи. Попыткѣ Австріи разрѣшить этотъ вопросъ на франкфуртскомъ конгрессѣ государей (1863) Пруссія помѣшала. Однако она вслѣдъ за тѣмъ соединилась съ Австріей для нападенія на Данію и захвата Шлезвигъ-Гольштейна (1864). Отдаленіе столкновения съ Австріей путемъ Гастейнскаго договора, который Бисмаркъ заключилъ въ 1865, было уступкой миролюбивымъ стремленіямъ короля, за что Бисмаркъ получилъ графскій титулъ. Между тѣмъ эти уступки утвердили Австрію и среднегерманскія государства въ ихъ заблужденіи относительно военной силы Пруссіи; обманули также и Наполеона III, который сохранилъ нейтралитетъ и даже далъ Пруссіи союзника въ Италіи. Послѣ побѣды надъ Австріей (1866 г.), Бисмаркъ исключилъ Австрію изъ Германіи, присоединилъ къ Пруссіи Шлезвигъ-Гольштейнъ, Ганноверъ, курфюршество Гессенское, Нассау и Франкфуртъ и положилъ основаніе гегемоніи Пруссіи надъ сѣверной Германіей. Посредствомъ тайныхъ договоровъ онъ связалъ южно-германскія государства съ сѣверными. Новые выборы въ прусскую палату депутатовъ (1866) увеличили число сторонниковъ правительства; къ тому-же блестящіе военные и дипломатическіе успѣхи произвели радикальный переворотъ въ общественномъ мнѣніи народа. Тогда Бисмаркъ завершилъ примиреніе съ народнымъ представительствомъ, признавъ его право составленія бюджета. Съ этой минуты большинство прежней оппозиціи оказалось на его сторонѣ. Теперь онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Франціей, которая постоянно дѣлала ему предложенія союза. Бисмаркъ не принималъ этихъ предложеній, но и не отклонялъ ихъ. Такимъ образомъ ему удалось подготовить войну и до такой степени возбудить французскихъ политиковъ, что послѣдніе ухватились за кандидатуру Гогенцоллерна на испанскій престолъ, какъ за поводъ къ объявленію войны. Благодаря Россіи, Германія отстранила всякое постороннее вмѣшательство въ переговоры о мирѣ. Съ договорами о присоединеніи южно-германскихъ государствъ къ германской имперіи Бисмаркъ покончилъ въ Версали. Франкфуртскій миръ заключилъ онъ самолично, 10 мая 1871, отнявъ у Франціи двѣ провинціи и 5 миллиард. франковъ. Съ утвержденіемъ Германской имперіи онъ получилъ постъ импер. канцлера и титулъ князя. Послѣ франко-германской войны Бисмаркъ посвятилъ себя такъ наз. *культуркампфу*, т. е. преслѣдованію католической церкви. Но преслѣдуя затѣмъ новую таможенную и экономическую политику, возвращавшую Пруссію къ забытымъ временамъ монополіи и сословнаго покровительства, въ 1879 Бисмаркъ разошелся съ національ-либералами и чтобы имѣть на своей сторонѣ ультрамонтановъ, прекратилъ культуркампфъ. Во

время русско-турецкой войны всѣ усилія Бисмарка были устремлены на изолированіе Россіи и заслуга его въ этомъ отношеніи оцѣнена въ Англіи и Австріи и вознаграждена тѣмъ, что мѣстомъ конгресса 1878 г. былъ назначенъ Берлинъ, а Бисмаркъ избранъ его президентомъ. Отъ Россіи онъ отдалялся все болѣе и болѣе и переносилъ свои симпатіи на Австрію, съ которой и заключилъ союзъ въ 1879. Этотъ союзъ былъ возобновленъ въ 1883. Италія примкнула къ нему и составилъ такъ наз. „тройственный союзъ“. Опираясь на эти добрыя отношенія, Бисмаркъ предпринялъ въ 1884 пріобрѣтеніе нѣмецкихъ колоній. При выборахъ 1887 г. послѣ распущенія парламента, онъ одержалъ блестящую побѣду. Достигнутое имъ наконецъ консервативно-національное большинство согласилось на всѣ требованія относительно усиленія вооруженій. Послѣ смерти императора Вильгельма I (1888) Бисмаркъ остался на своемъ посту, хотя гуманныя идеи императора Фридриха III далеко не совпадали съ его идеями. Вильгельмъ II сначала слѣдовалъ политикѣ Бисмарка, но вскорѣ между ними произошелъ разрывъ. Бисмаркъ получилъ въ 1890 отставку.

XI.

Такова внѣшняя канва бисмарковского періода (1860—1890 года). Нѣкоторое вниманіе съ вышитымъ на ней узоромъ выяснитъ намъ смыслъ политической эволюціи Германіи въ этотъ періодъ.

Фигура „великаго“ Наполеона, вводящая въ XIX в., и фигура „великаго“ Бисмарка, завершающая собою галерею госуд. дѣятелей вѣка, въ своей кровавой и жестокой совокупности безпощадно обличаютъ оборотную сторону великаго столѣтія. Сопоставленіе Наполеона и Бисмарка, кровавыхъ дѣяній одного и жестокой дѣятельности другого, разоренія Европы въ началѣ вѣка и ея разоренія въ концѣ, само собою предписывается исторіей вѣка, славнаго и благословеннаго не за эти величія. Оцѣнку Наполеона уже дала безпощадная историческая логика; оцѣнка Бисмарка еще подлежитъ суду человѣческому прежде, нежели будетъ произнесенъ судъ событій. Каковы „великія“ дѣянія Бисмарка? Торжество Германіи надъ Франціей, торжество Пруссіи надъ Австріей, разрушеніе русско-прусской дружбы, образованіе тройственного союза—таковы главные плоды внѣшней политики великаго канцлера. Они и подлежатъ суду и оцѣнкѣ. Средніе вѣка не знали франко-германской борьбы. Изъ-за соперничества въ Италіи и Нидерландахъ начались первыя столкновенія между великими сосѣдними націями, продолжаясь съ XV в. до XIX в. Наполеонъ и Бисмаркъ суть только два эпизода этой борьбы. Именемъ Карла V, Рихелье, Людовика XIV и Фридриха II отмѣчены другіе, столь же кровавые и столь же безрезультатные эпи-

зоды несчастной вражды. Торжества Карла V не помѣшали французамъ при Ришелье овладѣть берегами Рейна и Пиренеями. Кровавые успѣхи Людовика XIV не удержали за Франціей Бельгій. Побѣды Фридриха II не ослабили Франціи и даже безпримѣрные успѣхи Наполеона завершились полнымъ fiasco... Успѣхи Бисмарка будутъ ли прочнѣе успѣховъ Карла V, Людовика XIV, Наполеона и другихъ завоевателей и поработителей? Отторгнутыя провинціи тяготѣютъ къ Франціи, которая не отказалась отъ намѣренія ихъ возвратить. Когда рядомъ живутъ сильныя и цивилизованныя націи, граница между ними можетъ быть установлена только сознаниемъ и желаніемъ пограничнаго населенія. Куда оно тяготѣетъ, тамъ и находится его отечество и попытки выйти за эти предѣлы и несправедливы и непрочны. Выходили за нихъ и Карлъ V, и Людовикъ XIV, и Наполеонъ, исторія отмѣняла эти попытки. Вышелъ за нихъ и Бисмаркъ, не понимая, какую тяжкую историческую отвѣтственность возложилъ онъ на Германію. Пять столѣтій „великіе“ люди обонихъ народовъ не могутъ понять этой простой истины. Самый послѣдній изъ нихъ по времени, Бисмаркъ, остался вѣренъ этому направленію и видѣлъ свое величіе въ томъ, что вывелъ свое германское отечество за предѣлы германскаго сознанія. Франко-германская вражда, пять вѣковъ разоряющая Европу, не есть дѣло рукъ Бисмарка; не есть его дѣяніе и слабость жалкаго режима Наполеона III. И прусская военная организація создана не имъ. Эти элементы торжества созданы не Бисмаркомъ. Его задача была извлечь изъ торжества наилучшіе результаты. Что же онъ извлекъ? Онъ основалъ имперію съ прусскимъ королемъ во главѣ. Онъ не могъ этого не сдѣлать. Еще въ 1849 г. это постановилъ франкфуртскій парламентъ, а со времени пораженія Австріи въ 1866 г. это стало мечтою громаднаго большинства германскаго народа. Бисмаркъ раздѣлялъ это желаніе, но было бы преувеличеніемъ назвать осуществленіе этого желанія его дѣяніемъ. За то присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи, удержаніе датскаго Шлезвига, пять милліардовъ контрибуціи и рядъ дальнѣйшихъ покушеній (1875—1887 гг. и друг.) на униженіе и разгромъ Франціи были дѣйствительно его дѣяніемъ, были тою формою, въ которую онъ отлил герман. побѣду и которая является неотмѣнимымъ условіемъ страшныхъ матеріальныхъ жертвъ, разоряющихъ и нѣмцевъ, и французовъ. Не менѣе тягостно постоянное присутствіе за западною границею искуснаго и могущественнаго врага, готоваго воспользоваться каждою благопріятною комбинаціей для возобновленія борьбы; оно парализуетъ могущество имперіи и не дозволяетъ извлекать должныя выгоды изъ этого могущества, дѣлая и интересы и достоинство Германіи далеко не столь признанными и удовлетворенными, какъ того требовала бы сила Германіи. Другіе народы извлекаютъ изъ этого выгоды и теченіе всемірной исторіи далеко не есть

равнодѣйствующая историческихъ силъ, потому что часть этихъ силъ взаимно связана и парализована. Таково историческое значеніе и смыслъ самаго великаго дѣянія Бисмарка.

Ранѣе этого Пруссія разгромила Австрію и здѣсь отъ Бисмарка зависѣло извлечь необходимыя выгоды и опереть на нихъ новое зданіе будущаго величія Германіи. Послѣ побѣды надъ Франціей Бисмаркъ понялъ свою задачу въ томъ смыслѣ, что перенесъ германскія границы за предѣлы герм. самосознанія. Послѣ побѣды надъ Австріей онъ понялъ свою задачу какъ разъ наоборотъ, исключивъ изъ предѣловъ Германіи 8 миліоновъ австр.-нѣмцевъ. Включать французовъ въ число нѣмцевъ, насилуя ихъ національное самознаніе, а съ другой стороны австрійцевъ исключать изъ числа нѣмцевъ, такъ же болѣзненно насилуя ихъ самосознаніе, можетъ, впрочемъ, казаться противорѣчіемъ на Рейнѣ и на Эльбѣ, но не въ Вѣнѣ и не въ Берлинѣ. Здѣсь всегда еле мерцала идея германской націи и преуспѣвала лишь идея австрійской или прусской государственности. Австрійцы мечтали исключить пруссаковъ, пруссаки счумѣли исключить австрійцевъ. Бисмаркъ и здѣсь былъ выразителемъ традиціи и не счумѣлъ стать не только выше своего вѣка, но и въ уровень съ нимъ. Постоянно угрожаемая съ запада, благодаря включенію Эльзаса, герм. нація постоянно теряетъ почву на юго-вост., благодаря исключенію Австріи, гдѣ нѣмцы все съ большимъ трудомъ ведутъ борьбу за свою былую безспорную руководящую роль. И эти опасности съ з., и эти утраты на ю.-в. продиктованы Бисмаркомъ въ трактатахъ, пражскомъ 1866 г. и франкф., 1871.

Политика Бисмарка въ вост. вопросѣ и его роль на конгрессѣ въ Берлинѣ разрушили традиционную прусско-русскую дружбу. Бисмаркъ продолжалъ это охлажденіе между Берлиномъ и Петербургомъ походомъ противъ русскихъ цѣнностей, таможенною войною и другими проявленіями непріязни. Все это постепенно подготовляло франко-русскій союзъ, положившій конецъ германскому преобладанію и ставшій возможнымъ, единственно благодаря политикѣ постоянныхъ вызововъ на востокъ и на западъ. Хороша или дурна франко-русская комбинація для другихъ народовъ, она очень невыгодна для Германіи, которая и за нее должна благодарить своего великаго канцлера. Не Бисмаркъ возвысилъ Пруссію надъ Австріей, Германію надъ Франціей, но онъ повліялъ на опасную и не выгодную форму, въ которую вылились эти историческія событія; онъ же создалъ возможность могущественной международной комбинаціи, явно не выгодной Германіи. Таковы главныя его дѣянія во внѣшней политикѣ.

Во внутренней политикѣ Бисмарка надлежитъ остановиться на его участіи въ объединеніи Германіи и на его руководствѣ жизнью объединенной націи, покуда та соглашалась идти по указываемому имъ курсу. Единство Германіи какъ выше ука-

зано, давнишняя мечта германскаго народа. Племенные антагонизмы, затѣмъ облекшіеся еще въ форму антагонизмовъ вѣроисповѣдныхъ, постоянно поддерживаемые династическими распрями и чужеземными интригами, долго препятствовали объединенію. Совершили его, мы уже сказали выше, великіе нѣмецкіе писатели, мыслители, ученые и художники второй половины XVIII и первой половины XIX в. Лессингъ, Гете и Шиллеръ, Кантъ, Фихте и Гегель. Гумбольдты и Гриммы, Моцартъ и Бетховенъ принадлежали не франконцамъ, не саксонцамъ, швабамъ или турингамъ, не лютеранамъ, реформатамъ или католикамъ, не Габсбургамъ, Вельфамъ или Гогенцоллернамъ. Они принадлежали нѣмцамъ; они составляли достояніе, гордость и силу всей Германіи. Передъ силою и славою этой общенѣмецкой культуры блѣднѣли и исчезали племенные и вѣроисповѣдные антагонизмы; германскія племена слились въ германскую націю. Послѣ этого, политическое объединеніе стало вопросомъ времени, и времени близкаго. Выше мы рассказали какъ южно-герм. государства, по инициативѣ вюртемб. министра Вагенгейма, сдѣлали попытку объединенія, но Пруссія и Австрія тому воспрепятствовали. Второй такой же попыткѣ въ бурные 1848—49 помѣшала Австрія; третьей въ 1863 воспротивилась Пруссія, уже руководимая Бисмаркомъ. Объединеніе Германіи, сохраненіе мѣстныхъ автономій, общее правительство въ видѣ союзнаго совѣта и министерства, общегерманскій парламентъ,—таковы были основы организаціи, выработанныя и въ 1849, и 1863, и снова въ 1871. Все это не есть дѣяніе Бисмарка, все это создано помимо него. Онъ только модифицировалъ эти основы и приспособилъ ихъ къ собственнымъ идеямъ. Эти приспособленія заключаются въ слѣдующемъ: Гогенцоллерны поставлены вмѣсто Габсбурговъ; восемь милл. австрийцевъ исключены изъ общегерман. отечества; съ ними исключены Лихтенштейнъ и Люксембургъ; сѣв. Шлезвигъ, вопреки обязательствамъ, удержанъ за Пруссіей; королевство Ганноверское, курфюршество Гессенъ-Кассель, вел. герцогство Нассау и вольный городъ Франкфуртъ насильно присоединены къ Пруссіи и лишены автономіи; присоединены Эльзасъ и Лотарингія,—все нововведенія, или имѣющія специально прусское значеніе, или же искажающія справедливость и логичность идеи единой Германіи и потому опасныя для ея будущности.

Послѣ объединенія Германіи 20 лѣтъ стоялъ Бисмаркъ во главѣ правительства. Онъ не бездѣйствовалъ въ эти годы. Онъ ихъ наполнилъ кипучею дѣятельностью, громаднымъ трудомъ, неустанною борьбою за осуществленіе своихъ предначертаній, изъ которыхъ важнѣе другихъ: обуздать католическую церковь и подчинить ее государству; обуздать автономистовъ Ганновера и Франкфурта, которые желали быть нѣмцами, но не соглашались стать пруссаками; обуздать поляковъ, которые желали быть вѣрными

подданными Гогенцоллерновъ, но не соглашались стать нѣмцами, обуздать датчанъ сѣв. Шлезвига за любовь къ своему отечеству; за тоже обуздать Эльзасъ-лотарингцевъ; обуздать социаль-демократовъ; обуздать имѣющихъ свое мнѣніе сановниковъ (напримѣръ, Арнима); обуздать евреевъ за простой фактъ ихъ существованія на бѣломъ свѣтѣ, особенно же въ Германіи, и т. д. и т. д. Эта вакханалія обузданій длилась всѣ 20 лѣтъ канцлерства Бисмарка, обузданіе это не останавливалось ни передъ чѣмъ, ни передъ саномъ, ни передъ совѣстью, ни передъ коронами германскихъ государей, ни даже передъ особою собственныхъ государей (оппозиція Фридриху III и нападки на императрицу Викторію). Обузданіе наполняло собою всю политическую программу Бисмарка. Все остальное являлось лишь придаткомъ. Законы о народномъ образованіи и гражданскомъ бракѣ были нужны для обузданія католической церкви. Законы въ пользу рабочихъ для обузданія социаль-демократовъ. Культурные люди Германіи дѣлали культурное дѣло, получая содѣйствіе Бисмарка каждый разъ, когда ихъ культурныя начинанія могли послужить князю для какого-нибудь обузданія. Было бы ошибочно считать все это дѣяніями Бисмарка. Творческая сторона дѣла принадлежала другимъ, ему только репрессивная. Чужими идеями и проектами Бисмаркъ пользовался въ своей неустанной борьбѣ со всѣмъ самостоятельно мыслящимъ и самостоятельно дѣйствующимъ въ Германіи. но собственная его внутренняя политика и заключалась единственно въ этомъ неутомимомъ стремленіи подавить проявленіе всякой самостоятельности и самодѣятельности. Германская нація, однако, переросла эту политику и Бисмаркъ потерпѣлъ fiasco, что видно, если сравнить составъ перваго рейхстага (1871) и послѣдняго, избраннаго при Бисмаркѣ (1890). Онъ неутомимо подавлялъ, не стѣсняясь никакими средствами, клерикаловъ, социалистовъ, автономистовъ, поляковъ, датчанъ и эльзасцевъ, всѣхъ этихъ, по его заявленію, враговъ Германіи. Германскій рейхстагъ состоитъ изъ 397 членовъ, въ ихъ числѣ было избрано:

	1871 г.	1890 г.
Клерикаловъ	61	106
Соціалистовъ	2	35
Автономистовъ	9	11
Поляковъ.	13	16
Датчанъ	1	1
Эльзас.-лотарингцевъ	15	10
	S=101	179

Неудача очевидная. По мѣрѣ силъ своихъ изуродовавъ организацію возрожденной имперіи, Бисмаркъ и дальше употребилъ всѣ недюжинныя силы свои для уродованія политической жизни молодого государства. Онъ много успѣлъ въ этомъ направленіи,

но здоровая жизненность нѣмецкаго народа вынесла это испытаніе. Тяжелое наслѣдство оставилъ Бисмаркъ своему отечеству, и въ видѣ своего громаднaго авторитета, который еще долго будетъ освящать всяческую неправду, и въ видѣ глубокой внутренней вражды, разогрѣтой и раздутой всеокрушительною дѣятельностью великаго человѣка, и въ видѣ печальныхъ распрей съ сосѣдями, которыя созданы агрессивною и вызывающею политикою знаменитаго канцлера. Такіе великіе люди, какъ Наполеонъ и Бисмаркъ, дорого обходятся всему человѣчеству, но дороже всего своему отечеству. Французы уже могли подвести итоги великимъ дѣяніямъ своего героя. Нѣмцамъ предстоитъ еще эта задача.

Политика Бисмарка имѣла громаднѣйшій успѣхъ и кончилась неудачею. Въ этомъ главный смыслъ бисмарковскаго періода германской исторіи. Униженія и страданія, вынесенныя великою націею въ теченіе первыхъ двухъ третей истекшаго XIX в. слились въ ея представленіи съ ея раздробленіемъ между тридцатью-тремя тираническими правительствами. Отсюда страстное желаніе къ объединенію. Отсюда прямо болѣзненное переразвитіе національнаго чувства, подготовившее торжество бисмарковскому режиму. Онъ принесъ много вреда и еще принесетъ его не мало, но именно его эксцессы постепенно отрезвляли народъ и въ настоящее время нѣмцы уже безконечно далеки отъ того чудовищнаго опыненія націонализмомъ, которое ихъ позорило въ семидесятые годы. А то обстоятельство, что невозможно было покорить и присоединить къ Пруссіи всѣ государства Германіи, указало на парламентъ, какъ на единственную форму объединенія. Это содѣйствовало утвержденію демократическихъ учреждений, хотя, какъ мы видѣли, вся исторія Германіи къ нимъ склонялась въ теченіе всего вѣка.

Бисмарковскій періодъ кончился десять лѣтъ тому назадъ. Новый еще недостаточно обозначился. Милитаризмъ и націонализмъ по прежнему господствуютъ въ германской политической жизни. Противъ нихъ стоятъ съ одной стороны клерикализмъ и партикуляризмъ, социализмъ съ другой. Послѣдній составляетъ крупную силу современной Германіи, при томъ все растущую, но еще далекую отъ возможности получить руководящую роль. Поэтому еще невозможно составить мнѣніе о направленіи эволюціи въ этотъ періодъ. Ослабленіе націонализма и милитаризма и борьба съ этими главными факторами бисмарковскаго періода, доселѣ омрачающими нѣмецкую политическую жизнь, составляютъ, несомнѣнно, одну изъ важнѣйшихъ сторонъ этой жизни въ текущей періодъ.

Национализмъ, весьма незначительный въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка и захватившій подъ свое владычество могущественные слои вѣхъ цивилизованныхъ націй въ концѣ вѣка, обязанъ этимъ успѣхомъ преимущественно германской политической эволюціи и

воцарился вмѣстѣ съ торжествомъ Германіи. Необыкновенная важность этого явленія въ современной исторіи цивилизованнаго міра заставила меня остановиться на политической исторіи Германіи нѣсколько подробнѣе. Результатъ этой эволюціи за столѣтіе: демократизація, хотя менѣе полная, нежели въ Англіи и Франціи, политическая свобода, тоже менѣе полная; ограниченное народо-властіе; и продолжающееся господство націонализма. Отставая отъ Франціи и Англіи по первымъ тремъ пунктамъ, Германія далеко превосходитъ ихъ по четвертому.

С. Юмаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1901 годъ. — II. Правительственное сообщеніе и частныя вѣсти о голодѣ. — Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ. — III. Циркуляръ министра юстиціи. — Приостановка газеты «Новости Дня». — Сообщеніе «Финляндской Газеты». — Покушеніе на жизнь министра народного просвѣщенія. — Поправка.

I.

Официальные руководители русской государственной жизни сравнительно рѣдко выступаютъ передъ обществомъ съ болѣе или менѣе дѣльнымъ изложеніемъ программы своей дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ заявленія програмнаго характера, исходящія изъ официальныхъ сферъ, появляются у насъ по какимъ-либо экстреннымъ поводамъ и бываютъ приурочены лишь къ тѣмъ или инымъ частнымъ фактамъ. Выясняя обществу взгляды правящихъ сферъ на отдѣльные вопросы, подобныя заявленія во всякомъ случаѣ далеки отъ тѣхъ задачъ, какія преслѣдуетъ изложеніе сколько-нибудь широкой программы правительственной дѣятельности. Однакоже существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна группа вопросовъ, въ предѣлахъ которой и у насъ признается необходимымъ ознакомленіе общества съ общою программой предполагаемой политики правительства. Такова именно область финансовой и отчасти экономической политики государства. Роль программы въ этомъ случаѣ выполняетъ публикуемая въ началѣ каждого года роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ и такое значеніе этой росписи обыкновенно еще усугубляется сопровождающими ее объясненіями, облеченными въ форму всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ и заключающими въ себѣ указанія на тѣ взгляды, какіе финансовое вѣдомство полагаетъ въ основу своей дѣятельности. За послѣдніе годы эти объясненія къ росписи нерѣдко выходили къ тому же за пре-

дѣлы вопросовъ собственно государственнаго хозяйства, тѣмъ самымъ пріобрѣтая еще болѣйшій интересъ и получая еще болѣе правъ на вниманіе со стороны общества. Объясненія, сопровождающія вновь опубликованную роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1901 годъ, вращаются, правда, въ болѣе узкомъ кругу вопросовъ, почти не выходя изъ сферы финансовой политики государства. Въ свою очередь, содержаніе росписи не предсказываетъ какихъ-либо серьезныхъ перемѣнъ въ направленіи этой политики въ текущемъ году сравнительно съ предъидущимъ періодомъ. Тѣмъ не менѣе и самая роспись, и поясняющій ее докладъ министра финансовъ представляютъ немалый интересъ, давая возможность, по крайней мѣрѣ, приблизительно, опредѣлить и оцѣнить тотъ курсъ, по которому направляется государственный корабль Россіи.

При первомъ взглядѣ на цифры росписи общее состояніе нашего государственнаго хозяйства представляется въ блестящемъ видѣ. Обыкновенные доходы на 1901 годъ исчислены въ ней въ суммѣ 1.730.096.006 р., на 136.350.346 р. болѣе противъ смѣтныхъ предположеній 1900 года, обыкновенные расходы — въ суммѣ 1.656.652.566 р., и, такимъ образомъ, обыкновенный бюджетъ сводится съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 73,4 милліона рублей. Въ этомъ отношеніи, по компетентному въ данномъ случаѣ отзыву самого министра финансовъ, „государственная роспись на 1901 годъ сохраняетъ тотъ же характеръ, который присущъ былъ всѣмъ нашимъ росписямъ, начиная съ 1888 года“, съ тою лишь разницей, что въ прежніе годы излишекъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами колебался въ предѣлахъ отъ 6,4 милл. р. до 33,5 милл. р., тогда какъ на 1901 годъ онъ опредѣляется гораздо болѣе значительной суммой. Сходство настоящей росписи съ росписями предъидущихъ лѣтъ не ограничивается, однакоже, лишь обыкновеннымъ бюджетомъ, но распространяется и на чрезвычайный. Послѣдній при этомъ носитъ характеръ, прямо противоположный характеру перваго. Чрезвычайныхъ доходовъ въ 1901 г. предположено къ поступленію 1.500.000 р., чрезвычайные же расходы исчислены въ размѣрѣ 131.829.450 р. Получающійся дефицитъ въ 130,3 милл. р. предположено покрыть излишкомъ доходовъ по обыкновенному бюджету и позаймствованіемъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства въ суммѣ 56,8 милл. р. Такимъ образомъ общая сумма расходнаго бюджета на 1901 годъ достигаетъ 1.788,4 милл. р., причѣмъ вся она покрывается ожидаемыми текущими доходами и имѣющимся запасомъ свободной наличности, которая и послѣ того остается далеко еще не исчерпанною. По крайней мѣрѣ, по расчетамъ финансоваго вѣдомства, и за покрытіемъ указанныхъ расходовъ, еще „сумма не менѣе 66 милл. р. остается вполнѣ свободною“ и можетъ быть употреблена на чрез-

вычайные расходы, вызываемые военными обстоятельствами, предупреждая и въ будущемъ необходимость обращенія къ ресурсамъ государственнаго кредита. Эти разсчеты и ожиданія, въ успѣхъ которыхъ нѣтъ серьезныхъ основаній сомнѣваться, даютъ поводъ министру финансовъ въ его докладѣ засвидѣтельствовать прочность и цѣлесообразность практикуемой у насъ финансовой системы. „Трудный 1900 годъ, по словамъ этого доклада, пережить Россіею не только безъ заключенія новаго займа для бюджетныхъ цѣлей, но съ сохраненіемъ запаса, достаточнаго для покрытія части чрезвычайныхъ издержекъ, не покрываемой превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами и дающаго еще значительный избытокъ какъ для производства предстоящихъ, сравнительно небольшихъ, расходовъ на дальнемъ Востокѣ, такъ и на другія, могущія обнаружиться въ 1901 году, потребности“.

Внимательнѣе вглядываясь въ эту картину финансоваго благополучія, нетрудно однакоже подмѣтить въ ней и нѣкоторыя тѣневныя стороны. Указанныя выше черты росписи 1901 года воспроизводятъ передъ нами, лишь въ нѣсколько видоизмѣненныхъ комбинаціяхъ, давно уже знакомую, изъ года въ годъ повторяющуюся картину. Быстрый ростъ бюджета, сопровождаемый накопленіемъ значительныхъ остатковъ по обыкновенному бюджету, идущихъ на образованіе т. н. свободной наличности государственнаго казначейства, и крупными недочетами по бюджету чрезвычайному, поглощающими большую часть этой наличности, давно уже сдѣлался характернымъ явленіемъ нашего государственнаго хозяйства. Еще въ 1881 г. всѣ расходы государства, обыкновенные и чрезвычайные, равнялись 867,5 милл. р. Къ 1890 г. они поднялись до 1.030,2 милл. р., увеличившись на 162,7 милл. р. или на 18,8%. По смѣтѣ 1901 г. расходы достигаютъ уже 1.788,4 милл. р., увеличившись, такимъ образомъ, противъ цифры 1890 г. на 758,2 мил. р. или на 73,6%. Съ другой стороны, въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія, съ 1890 по 1899 годъ, обыкновенные доходы значительно превышали обыкновенные расходы, но лишь за одинъ годъ изъ этого десятилѣтія чрезвычайныя поступленія оказались выше чрезвычайныхъ расходовъ, во всѣ же остальные годы дѣло стояло какъ разъ наоборотъ. Благодаря этому за упомянутыя десять лѣтъ по чрезвычайному бюджету образовался недочетъ въ 1.324 милл. р., на пополненіе котораго и ушли почти всѣ излишки, оставшіеся отъ исполненія обыкновеннаго бюджета. Итакъ, обыкновенные доходы въ нашей финансовой системѣ служатъ источникомъ удовлетворенія не только текущихъ, но и чрезвычайныхъ нуждъ государства. Такихъ результатовъ оказывается возможнымъ достигнуть благодаря тому, что ростъ обыкновенныхъ доходовъ изъ года въ годъ значительно превосходитъ смѣтныя предположенія, и изъ получающихся излишковъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтами, слагается запасъ свободной наличности,

позволяющій производить серьезные экстренные расходы и тѣмъ не менѣе заключать роспись безъ дефицита. По преимуществу этимъ путемъ и осуществляется задача сведенія бюджета безъ дефицита, со времени министерства Вышнеградскаго сдѣлавшаяся главною цѣлью стремленій нашего финансоваго вѣдомства.

При разсмотрѣннн приведенныхъ цифръ естественно прежде всего возникаетъ вопросъ о происхожденнн упомянутыхъ выше излишковъ обыкновенныхъ доходовъ противъ смѣтныхъ предположеннн. Являются ли эти крупныя сверхъ-смѣтныя излишки, образующн базисъ чрезвычайнаго бюджета, результатомъ такого быстрого и неожиданнаго роста производительныхъ силъ страны, который не можетъ быть заранѣе учтенъ финансовымъ вѣдомствомъ, или же они имѣютъ какое-либо иное происхожденн? Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ далеко не безразличенъ для опредѣленн истиннаго положенн нашего государственнаго хозяйства. Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на него не разъ къ тому же уже и давался въ нашей литературѣ, и цифры росписи 1901 г. даютъ лишь возможность еще разъ повторить его.

Какъ мы видѣли ранѣе, эта роспись предвидитъ увеличенн обыкновенныхъ доходовъ въ 1901 г., сравнительно съ росписью предшествовавшаго года, въ размѣрѣ 136,3 милл. р. Серьезное уменьшенн предполагается только по таможенному доходу, который ожидается къ поступленн въ суммѣ, на 21 миллионъ рублей меньшей противъ назначенн 1900 года. Хотя возвышенн тарифныхъ ставокъ, произведенное указомъ 21 юля 1900 г.—говорится по этому поводу въ докладѣ министра финансовъ,—„и можетъ повести къ увеличенн дохода на сумму до 5 милл. р.; но въ общемъ, съ развитиемъ внутренней промышленности и съ сокращеннмъ устройства новыхъ заводовъ, оборудованн коихъ требовало предметовъ заграничнаго производства, слѣдуетъ ожидать сокращенн ввоза чугуна, желѣза, машинъ и пр.“. Ростъ поступленн ожидается за то отъ казенной продажи питей—на 51 милл. руб., отъ питейнаго дохода—на 25,8 милл. р., отъ эксплуатацн казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—на 29,7 мил. р., отъ выкупныхъ платежей—на 11,2 милл. р., отъ лѣснаго дохода—на 8,1 милл. р. и т. д. При этомъ, по словамъ министра финансовъ, „исчисленн доходовъ произведено было департаментомъ государственной экономн государственнаго совѣта съ обычною въ этомъ дѣлѣ осторожностью“. Возможно даже думать, что въ данномъ случаѣ осторожность зашла слишкомъ далеко за предѣлы необходимости. Дѣло въ томъ, что исчисленные на 1901 годъ доходы превышаютъ лишь смѣту доходовъ предыдущаго года, но никакъ не дѣйствительное ихъ поступленн. Последнее въ истекшемъ году оказалось, по обыкновенн, гораздо выше смѣты, и, согласно расчету самого финансоваго вѣдомства, за весь 1900 годъ должно составить не менѣе 1.722,8 милл. р. Эта цифра получается къ тому же

только въ такомъ случаѣ, если предположить, что доходы за ноябрь и декабрь минувшаго года, относительно которыхъ еще не имѣется соотвѣствующихъ кассовыхъ свѣдѣній, „опредѣляются лишь въ тѣхъ же суммахъ, какъ и въ 1899 году, безъ всякаго превышенія“. Но такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что два послѣднiе мѣсяца 1900 года составятъ въ указанномъ смыслѣ рѣзкое исключенiе изъ всего остального года, то дѣйствительное поступленiе доходовъ за этотъ годъ слѣдуетъ опредѣлить еще болѣе высокой цифрой. Итакъ, роспись на 1901 годъ, предвидя увеличенiе обыкновенныхъ доходовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исчисляетъ ихъ въ суммѣ, нѣсколько даже меньшей противъ той, въ какой они были получены въ предшествовавшемъ году. Не трудно предсказать, что въ результатѣ исполненiя этой росписи на лицо окажется довольно значительный излишекъ доходовъ противъ смѣтныхъ назначенiй, который, подъ именемъ свободной наличности, и перейдетъ на нужды чрезвычайнаго бюджета въ этомъ или въ слѣдующихъ годахъ. Подобный приемъ, только въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, практиковался и при составленiи смѣтъ на предъидущiе годы и неизмѣнно давалъ соотвѣтствующiе результаты. Для иллюстрацiи ихъ ограничимся справкою со смѣтами трехъ послѣднихъ лѣтъ. За 1897 годъ дѣйствительное поступленiе обыкновенныхъ доходовъ равнялось 1.416 милл. руб. Однако въ росписи на 1898 г. обыкновенные доходы были исчислены лишь въ 1.364 милл. р. и при исполненiи этой росписи поступленiе доходовъ превысило смѣтныя предположенiя на 220 м. руб., а избытокъ доходовъ надъ расходами достигъ 237,8 милл. р., тогда какъ роспись предполагала его равнымъ всего 14,3 м. р. При 1.584 милл. р. дѣйствительнаго поступленiя въ 1898 г. роспись на 1899 г. исчисляла обыкновенные доходы въ 1.469 м. р. Въ дѣйствительности ихъ получилось на 204 милл. р. больше, а избытокъ доходовъ надъ расходами составилъ въ этомъ году 217,6 милл. р. Наконецъ, роспись на 1900 годъ предполагала обыкновенные расходы въ размѣрѣ 1.593 милл. р., хотя въ предъидущемъ году ихъ поступленiе дошло до 1.673 милл. р. Исполненiе этой росписи дало превышенiе обыкновенныхъ доходовъ надъ исчисленiемъ смѣты не менѣе, какъ въ 129 милл. р., и излишекъ доходовъ надъ расходами въ 158 милл. р., тогда какъ роспись предполагала послѣднiй въ суммѣ 29,3 милл. руб.

Приведенныя цифры достаточно ясно вскрываютъ происхожденiе тѣхъ громадныхъ сверхъ-смѣтныхъ излишковъ обыкновенныхъ доходовъ, какiе въ послѣднiе годы составляютъ характерное отличiе нашего государственнаго бюджета. Эти излишки, по крайней мѣрѣ, въ главной своей массѣ, являются результатомъ не какого-либо непредвидѣннаго увеличенiя платежныхъ силъ страны, а способа составленiя самой росписи, въ которой ожидаемые доходы исчисляются съ чрезмѣрно преувеличенной осторожностью, ве-

дущей къ сильному пониженію истинной ихъ суммы. Составляемыя на этихъ основаніяхъ росписи не отражаютъ съ достаточною точностью дѣйствительнаго состоянія финансоваго хозяйства страны, но за то онѣ служатъ другимъ цѣлямъ. Такимъ путемъ значительная часть получаемыхъ казною доходовъ ускользаетъ изъ сферы дѣйствія обыкновеннаго бюджета и, въ качествѣ непредвидѣнныхъ остатковъ, поступаетъ въ запасъ свободной наличности, а изъ него переходитъ въ чрезвычайный бюджетъ. Въ конечномъ итогѣ послѣдній и поглощаетъ этотъ неучтенный своевременно приростъ обыкновеннаго бюджета, иначе говоря, крупные чрезвычайные расходы, результаты которыхъ будутъ получены лишь послѣдующими поколѣніями, покупаются сокращеніемъ удовлетворенія неотложныхъ текущихъ нуждъ государства.

Такое заключеніе, повидимому, стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ быстрымъ и непрерывнымъ ростомъ общаго количества расходовъ государства, наблюдаемымъ за послѣднее время. Этотъ ростъ обнаружился и въ росписи расходовъ на 1901 годъ. Сравнивая ее съ росписью предшествующаго года, можно, однако, отмѣтить, наряду съ ростомъ общей суммы расходовъ, и неравномѣрное распредѣленіе его между отдѣльными статьями бюджета. Платежи по государственнымъ займамъ увеличились, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, на 183 тыс. р. Затѣмъ увеличеніе расходовъ произошло по смѣтамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

				въ тысячахъ рублей:
по смѣтѣ	министерства	финансовъ	24.345
"	"	"	путей сообщенія . . .	17.097
"	"	"	морского	6.969
"	"	"	внутреннихъ дѣлъ . .	1.711
"	"	"	вѣдомства Синода . .	217
"	"	вѣдомства	высшихъ государственныхъ учреждений . .	147
"	"	министерства	иностранныхъ дѣлъ .	21
				всего на 50.694

Уменьшены же, сравнительно съ росписью 1900 года, расходы по слѣдующимъ смѣтамъ:

				въ тысячахъ рублей:
вѣдомства	государственного	контроля	. . .	на 604
военнаго	министерства	"	318
министерства	юстиціи	"	289
главнаго	управленія	государственного конно-заводства	"	278
министерства	землед. и государств. имуществъ.	"	253
экстренныхъ	расходовъ	"	200
министерства	двора	"	184
"	народнаго просвѣщенія	"	112
				всего на 2.241

Въ общемъ, стало быть, бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ 1901 года превышаетъ такой же бюджетъ 1900 года на 48,4 милл. р. Въ бюджетъ чрезвычайномъ наблюдается, наоборотъ, уменьшеніе расходовъ. Общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ, предполагаемыхъ въ 1901 г.,—131,8 милл. р., складывается изъ расходовъ на сооруженіе сибирской желѣзной дороги и на связанныя съ нею вспомогательныя предпріятія (10,3 м. р.), на постройку другихъ желѣзныхъ дорогъ (31,9 м. р.), на ссуды желѣзнодорожнымъ обществамъ (82 м. р.) и на выкупъ пропинаціоннаго права у частныхъ лицъ и учреждений (7,5 м. р.). Такъ какъ по росписи 1900 года чрезвычайные расходы были опредѣлены въ суммѣ 149,1 милл. р. то въ настоящемъ году они представляются уменьшенными на 17,3 милл. р. Общій же итогъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ по росписи текущаго года превышаетъ итогъ росписи 1900 года на 31 милл. р. Такой результатъ достигнутъ росписью, по словамъ министра финансовъ, „не смотря на то, что при составленіи и разсмотрѣніи смѣтъ приняты были мѣры къ ограниченію роста расходовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это оказывалось возможнымъ безъ ущерба для государственныхъ интересовъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ докладъ министра финансовъ отмѣчаетъ, какъ общій фактъ, то обстоятельство, что „за послѣднее время государственнымъ казначействомъ удѣляются все большія и большія средства на удовлетвореніе государственныхъ потребностей“. За двадцать лѣтъ, съ 1881 г. по 1900 г., общая сумма расходовъ государства, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, поднялась съ 867,5 м. р. до 1.897,3 м. р., причемъ это повышение шло съ теченіемъ времени все болѣе быстрымъ темпомъ. Съ 1881 по 1886 годъ среднее годовое возрастаніе расходовъ составляло 15,5 м. р. съ 1887 по 1892 годъ—29 м. р., съ 1893 по 1900 годъ—97,3 м. р.; если же взять лишь послѣднія шесть лѣтъ этого двадцатилѣтія, съ 1895 по 1900 годъ, то возрастаніе расходовъ опредѣлится въ размѣрѣ 125,1 м. р. въ годъ. Еще болѣе наглядными представляются среднія цифры произведенныхъ въ эти періоды расходовъ: за время съ 1881 по 1886 г. средній годовой расходъ составлялъ 883,8 м. р., съ 1887 по 1892 г.—1.006 м. р., съ 1893 по 1900 г.—1.515,1 м. р. и съ 1895 по 1900 г.—1.655 м. р. Эта картина мало измѣнится и въ томъ случаѣ, если изъ итоговъ расходовъ исключить сильно возрастающіе за послѣднее время расходы по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и по казенной продажѣ питей, какъ возмѣщаемые соотвѣтствующими доходами и, слѣдовательно, имѣющіе до нѣкоторой степени значеніе оборотныхъ. Съ исключеніемъ этихъ издержекъ среднее ежегодное возрастаніе остальныхъ расходовъ выразится въ такихъ цифрахъ: за 1881—1886 гг.—13,1 м. р., за 1887—1892 гг.—22,8 м. р., за 1893—1900 гг.—59,3 м. р. и за 1895—1900 гг.—80 м. р. Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ даетъ поводъ министру финансовъ выска-

затѣ рѣшительное заключеніе, что „государственныя потребности Россіи, при всей непрерывности и быстротѣ ихъ нарастанія, во всякомъ случаѣ не останутся безъ удовлетворенія въ весьма серьезныхъ размѣрахъ, дальнѣйшее быстрое увеличеніе которыхъ едва-ли соответствовало бы необходимой въ этомъ дѣлѣ осторожности“.

Быстрый ростъ расходовъ государства за послѣднее время, нашедшій себѣ столь яркое изображеніе въ только что приведенныхъ цифрахъ, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію. Мало того, онъ является общезвѣстнымъ и едва-ли нуждался въ новыхъ подтвержденіяхъ. Но самъ по себѣ фактъ этого роста ничего не говоритъ еще о цѣлесообразномъ удовлетвореніи потребностей страны средствами государственнаго хозяйства. Для того, чтобы опредѣлить степень такого удовлетворенія, необходимо не только констатировать болѣе или менѣе значительный ростъ издержекъ государства, но и указать характеръ распределенія ихъ между различными областями государственной дѣятельности. Обращаясь съ этою послѣднею цѣлью къ расходному бюджету 1901 г., мы найдемъ въ немъ слѣдующее распределеніе расходовъ. На платежи по государственнымъ долгамъ въ 1901 г. предназначены 275 милл. р., составляющіе 15% всего бюджета. Расходы по министерству иностранныхъ дѣлъ предположены въ 5 милл. р., по военному — въ 324 милл. р. и по морскому — въ 93 милл. р.; такимъ образомъ, издержки на дипломатію, армію и флотъ въ общей сложности составляютъ 422 милл. р., или 23% всѣхъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, расходовъ государства. Слѣдующее мѣсто занимаютъ расходы по министерству путей сообщенія, достигающіе суммы 383 милл. р., или 21% государственнаго бюджета. Расходы по министерству финансовъ равняются 305 милл. р., или 17% бюджета. Сюда же, наконецъ, слѣдуетъ отнести и чрезвычайные расходы, почти цѣликомъ поступающіе на нужды желѣзнодорожнаго строительства и предположенные въ количествѣ 131 милл. р., или 7% всего бюджета. Итакъ, на платежи по долгамъ и на внѣшнюю оборону государство употребляетъ 38% или около $\frac{2}{5}$ всѣхъ своихъ расходовъ; на устройство путей сообщенія, и въ томъ числѣ главнымъ образомъ на желѣзнодорожное строительство, оно затрачиваетъ 28% или болѣе $\frac{1}{4}$ бюджета; наконецъ, на нужды финансоваго вѣдомства уходитъ немногимъ менѣе $\frac{1}{5}$ бюджета. Взятые всѣ вмѣстѣ, указанные расходы поглощаютъ 84% всѣхъ издержекъ государства, предположенныхъ въ 1901 г., а на всѣ остальные потребности страны, удовлетворяемыя изъ средствъ государственнаго хозяйства, предназначается приблизительно лишь 16% бюджета. Распределеніе этой части бюджета между отдѣльными вѣдомствами въ свою очередь представляетъ не менѣе любопытныя черты. Расходы по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ со-

ставляютъ 4,8% общаго бюджета, по смѣтѣ министерства юстиціи 2,5% бюджета. Иначе говоря, издержки на общую администрацію и судъ достигаютъ 7,3% всей суммы тратъ государства. Затѣмъ расходы на всѣ другія вѣдомства являются уже сравнительно незначительными: расходы по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ равняются 2,2% общаго бюджета, по министерству народнаго просвѣщенія—1,8%, по синодальному вѣдомству—1,3%, по министерству двора—0,7%, по вѣдомству государственнаго контроля—0,4% и т. д.

Имѣя передъ глазами эти цифры, не приходится говорить о равномерномъ распредѣленіи средствъ государственнаго хозяйства на различныя потребности страны. Весьма существенныя нужды внутренней жизни страны при дѣйствующей системѣ государственнаго хозяйства привлекаютъ къ себѣ лишь малую, чтобъ не сказать, ничтожную часть его средствъ, тогда какъ большая часть послѣднихъ поглощается системою государственнаго кредита, организаціей внѣшней обороны государства и расходами на нужды финансоваго вѣдомства и желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи 1901 годъ не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ отличій по сравненію съ непосредственно предшествовавшимъ ему періодомъ. Согласно свѣдѣніямъ, заключающимся въ послѣднемъ отчетѣ государственнаго контроля, за время съ 1890 по 1899 годъ сумма обыкновенныхъ расходовъ государства составила 11.089 милл. р., а чрезвычайныхъ—2.199,8 милл. р., общій же итогъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ равнялся 13.288,8 милл. р. Изъ этой громадной суммы 24,5% были употреблены на нужды внѣшней обороны, 23,9%—на желѣзнодорожное строительство, 20%—на расходы по системѣ государственнаго кредита и 13,8%—на нужды министерства финансовъ. Въ общей сложности четыре указанныя статьи расходовъ составили 79,2% или почти $\frac{4}{5}$ всѣхъ издержекъ государства въ теченіе названнаго десятилѣтія. Остальные болѣе крупныя расходы государства за это десятилѣтіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на министерство внутреннихъ дѣлъ пришлось 6,4% общей суммы расходовъ, на министерство юстиціи—3,6%, на министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ—2,6%, на министерство народнаго просвѣщенія—2,1% и на синодальное вѣдомство—1,3%. Какъ видно изъ этихъ цифръ, расходный бюджетъ 1901 года не уклоняется сколько-нибудь рѣшительно въ сторону отъ политики предъидущихъ лѣтъ и не вноситъ съ собою ничего новаго въ принятую систему распредѣленія средствъ государственнаго хозяйства.

Ближе присматриваясь къ этой системѣ, нельзя не видѣть, что она парализуетъ тѣ выгоды, какія могло бы дать населенію возрастаніе общей суммы государственныхъ расходовъ. При всей быстротѣ роста расходовъ государства въ послѣднее

время главная доля средствъ, получаемыхъ казною отъ населенія, употребляется на такіе расходы, которые имѣютъ мало общаго съ потребностями внутренняго развитія страны или же общаются содѣйствовать этому развитію лишь въ будущемъ. Наряду съ этимъ на важнѣйшія и неотложныя культурныя потребности страны затрачивается лишь крайне небольшая доля средствъ, расходуемыхъ государствомъ. Особенно знаменательно въ этомъ отношеніи количество расходовъ, удѣляемыхъ на нужды народнаго образованія. Какъ мы видѣли уже выше, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія въ текущемъ году подвергся нѣкоторому сокращенію, уменьшившись, сравнительно со смѣтою 1900 г., на 112.516 р. Въ общей суммѣ всего государственнаго бюджета такое сокращеніе является, конечно, едва замѣтной песчинкой, но въ этой общей суммѣ невелика роль и всѣхъ расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія. Обращаясь же къ спеціальной смѣтѣ послѣдняго, мы встрѣчаемъ въ ней, наряду съ увеличеніемъ издержекъ по нѣкоторымъ статьямъ, и такое сокращеніе расходовъ по другимъ статьямъ, о какомъ приведенная общая цифра не даетъ еще достаточно полнаго представленія. Согласно этой смѣтѣ, въ бюджетѣ министерства на 1901 годъ увеличиваются слѣдующіе расходы: на среднія учебныя заведенія—на 278 т. р., расходы разнаго рода—на 259 т. р., расходы на уѣздныя, городскія, приходскія, начальныя и народныя училища—на 230 т. р., на особыя учебныя заведенія — на 177 т. р., на центральную администрацію—на 17 т. р., и на управленіе учебными округами—на 5 т. р. Всего же увеличеніе расходовъ дало 973 т. р. Одновременно съ этимъ уменьшились: строительные расходы на 762 т. р., расходы на пособія по ученой и учебной частямъ и на приготовленіе профессоровъ и учителей—на 162 т. р., расходы на университеты—на 150 т. р., и расходы на ученыя учрежденія — на 11 т. р., а всего уменьшеніе расходовъ составило сумму въ 1.086 т. р. Слѣдовательно, наблюдавшійся было за послѣдніе два года нѣсколько болѣе быстрый ростъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія въ 1901 г. смѣняется не только застоємъ, но даже нѣкоторымъ попятнымъ движеніемъ. Серьезное сокращеніе строительныхъ расходовъ знаменуетъ собою приостановку въ дѣлѣ открытія новыхъ учебныхъ заведеній вѣдомства названнаго министерства. Съ другой стороны, если расходы на среднюю и низшую школу продолжаютъ возрастать и въ этомъ году, хотя и въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, то ассигнованія на нужды университетовъ и ученыхъ учреждений подверглись замѣтному уменьшенію. И это уменьшеніе, нужно замѣтить, совершилось какъ разъ послѣ цѣлаго ряда официальныхъ заявленій, въ которыхъ шла рѣчь о необходимости развитія болѣе энергической педагогической дѣятельности въ стѣнахъ высшей общей школы. Но, даже и минуя эти заявленія, сокращеніе бюджета, предназ-

наченнаго на нужды высшаго образованія, трудно признать мѣрой, сколько-нибудь соответствующей дѣйствительному положенію нашей высшей школы. Наши университеты и немногочисленны, и небогаты. Первое обстоятельство вызываетъ переполненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ учащимися, второе — не даетъ имъ возможности привлечь къ себѣ достаточное количество учебныхъ силъ и поставить дѣло научнаго преподаванія на должную высоту. Въ послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія, признавъ неудобнымъ существующее переполненіе столичныхъ университетовъ, рѣшило бороться противъ него путемъ приписки оканчивающихъ курсъ гимназистовъ къ университетамъ ихъ учебныхъ округовъ. Но такая мѣра представляетъ значительныя неудобства... Единственными же вѣрными средствами борьбы съ переполненіемъ существующихъ университетовъ было бы снабженіе ихъ болѣе значительными средствами и открытіе новыхъ учебныхъ заведеній того же типа. Замѣчаемое до сихъ поръ переполненіе нѣкоторыхъ университетовъ является неудобнымъ лишь при условіи слабости ихъ матеріальныхъ средствъ, но открытіе новыхъ университетовъ необходимо и внѣ зависимости отъ факта такого переполненія. Девять университетовъ, считая въ томъ числѣ дерптскій и варшавскій,—это слишкомъ мало на страну съ болѣе, чѣмъ 130 миллионнымъ населеніемъ. Однакоже существующій бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не даетъ возможности измѣнить такое положеніе вещей, какъ не позволяетъ онъ принять сколько-нибудь энергичныя мѣры и къ удовлетворенію той настоятельной потребности въ увеличеніи числа среднихъ и низшихъ школъ, на которую намъ не разъ уже приходилось указывать.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, впрочемъ, еще не включаетъ въ себя всѣхъ затратъ государства на дѣло народнаго образованія. Такія затраты производятся у насъ и другими вѣдомствами и, чтобы получить общую ихъ сумму, необходимо соединить всѣ соответствующія части росписи. При этомъ встрѣчается, однако, и нѣкоторое затрудненіе, заключающееся въ томъ, что въ росписи расходовъ военнаго министерства расходы по учебной и технической части показаны вмѣстѣ въ одной и той же статьѣ, а въ смѣтѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ такимъ же образомъ слиты въ одной статьѣ расходы на ученія, учебныя и образцовыя заведенія по лѣсной, сельско-хозяйственной и горной частямъ. Если, не придавая значенія этому обстоятельству, сравнить показанные въ росписи расходы различныхъ вѣдомствъ на образовательныя дѣла въ 1900 г. и въ 1901 году, то окажется, что въ послѣднемъ пониженіе такихъ расходовъ произошло, кромѣ смѣты министерства народнаго просвѣщенія, еще въ двухъ случаяхъ: по смѣтѣ министерства финансовъ на пособія дворянскимъ пансіонамъ-пріютамъ—на 1.000,000 р. и

по смѣтѣ морского министерства—на 15 тыс. р. Всѣ другіе расходы на образовательныя цѣли въ 1901 г. нѣсколько увеличились, причемъ это увеличеніе по смѣтамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: по смѣтѣ министерства финансовъ—на 790 тыс. р., военного министерства—на 468 тыс. р., морского—на 140 тыс. р., министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—на 93 тыс. р., министерства внутреннихъ дѣлъ—на 37 тыс. р., путей сообщенія—на 15 т. р. и духовнаго вѣдомства—на 5 т. р. Общая сумма расходовъ государства на нужды народнаго образованія, такимъ образомъ, нѣсколько поднялась: въ 1900 г. она равнялась 58,2 милл. р., по смѣтамъ же текущаго года достигла 61,6 милл. р. Небольшой абсолютно, этотъ приростъ невеликъ и относительно: въ прошломъ году расходы на народное образованіе составляли 3,3% всѣхъ вообще расходовъ государства, въ настоящемъ они составляютъ 3,4% всего государственнаго бюджета.

При такихъ условіяхъ, когда даже настоящая нужда въ распространеніи просвѣщенія среди народныхъ массъ изъ года въ годъ удовлетворяется лишь крайне скупо, очевидно, нѣтъ возможности говорить объ удовлетвореніи всѣхъ существенныхъ потребностей страны средствами государственнаго хозяйства въ такихъ серьезныхъ размѣрахъ, которые исключали бы необходимость дальнѣйшаго быстраго увеличенія обыкновенныхъ расходовъ государства. Казалось бы, не можетъ возникнуть и большихъ сомнѣній насчетъ средствъ такого увеличенія расходовъ. Въ настоящее время, какъ показываютъ бюджетныя данныя, казна беретъ съ населенія гораздо болѣе, нежели затрачиваетъ на текущія нужды государственнаго хозяйства. Тѣ громадные излишки, которые получаютъ при этомъ въ итогѣ обыкновеннаго бюджета и, будучи куплены цѣною серьезнаго обремененія платежныхъ силъ населенія, идутъ на образованіе запаснаго фонда, расходуемаго на чрезвычайныя нужды, могли бы, несомнѣнно, съ большею пользою быть употреблены въ рамкахъ того же обыкновеннаго бюджета. Съ большою долею вѣроятности можно предполагать, что таково и было бы назначеніе, по крайней мѣрѣ, части этихъ излишковъ, еслибы они своевременно учитались въ полномъ размѣрѣ, чего, какъ мы видѣли выше, не существуетъ при практикуемой въ послѣдніе годы системѣ составленія бюджетныхъ росписей. Не такъ однако смотреть на это дѣло наше финансовое вѣдомство... Въ сопровождающемъ настоящую роспись докладѣ министра финансовъ удовлетворительные результаты исполненія прошлогодней росписи и возможность благоприятныхъ предвидѣній на текущій годъ объясняются „исключительно тѣмъ, что за это время и за рядъ предшествовавшихъ лѣтъ государственное хозяйство Россіи, не смотря на быстрый ростъ издержекъ, велось со строгимъ соблюденіемъ осторожности въ исчис-

лении доходов и безъ излишества въ расходахъ“. Соответственно этому министр финансовъ въ своемъ докладѣ выступаетъ съ принципиальной защитой дающей столь благіе результаты системы государственнаго хозяйства отъ возможныхъ и неоднократно уже предъявлявшихся къ ней возраженій. Отмѣчая существованіе и такого взгляда, согласно которому „роспись должна быть составляема такъ, чтобы доходы примѣнялись къ расходамъ, значительные же избытки доходовъ представляютъ излишнее бремя для населенія и поэтому въ случаѣ полученія такихъ избытковъ надлежитъ или пользоваться ими для болѣе широкаго удовлетворенія государственныхъ потребностей, или уменьшить налоги“, онъ съ своей стороны заявляетъ рѣшительное несогласіе съ этимъ взглядомъ. Въ основѣ послѣдняго лежитъ то соображеніе, что текущіе доходы должны служить текущимъ же нуждамъ государства, тогда какъ расходы на предпріятія, выгодами которыхъ воспользуются по преимуществу будущія поколѣнія, предпочтительнѣе разсрочивать на болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ, что всего удобнѣе достигается при помощи государственныхъ займовъ. Выгоды данной системы заключаются въ томъ, что при ней государство, не отказываясь отъ чрезвычайныхъ расходовъ, не возлагаетъ однакоже всей ихъ тяжести на современныхъ поколѣній плательщиковъ и, не имѣя нужды въ сокращеніи удовлетворенія неотложныхъ текущихъ потребностей, тѣмъ самымъ не приноситъ интересовъ настоящаго въ жертву болѣе или менѣе далекому будущему. Докладъ министра финансовъ не признаетъ однако безусловной правильности приведеннаго соображенія и въ всякомъ случаѣ отрицаетъ его примѣнимость въ условіяхъ русскаго государственнаго хозяйства. Страны съ малою задолженностью, или хотя бы и съ крупными долгами, но помѣщенными внутри страны, еще могутъ, по мнѣнію руководителя нашей финансовой политики, руководиться этимъ соображеніемъ и покрывать свои чрезвычайныя издержки, особенно производительныя, путемъ займовъ. Но для Россіи, обремененной крупнымъ долгомъ, немалая доля котораго размѣщена за границею и который въ значительной части своей былъ заключенъ не для производительныхъ цѣлей, а для покрытія расходовъ военнаго времени, „подобный образъ дѣйствій былъ бы неблагоприятенъ“. „Увеличеніе задолженности, безъ серьезной къ тому необходимости, поставило бы наше государственное хозяйство на опасный путь“,—говоритъ г. министр финансовъ и ссылается на программу своего предшественника, покойнаго Вышнеградскаго, согласно которой въ Россіи финансовая задача не можетъ считаться разрѣшенной удовлетворительно, до тѣхъ поръ, „пока въ обыкновенномъ бюджетѣ не получится такое превышеніе доходовъ, которое, вмѣстѣ съ чрезвычайными поступленіями, помимо кредитныхъ операцій, могло бы покрывать полностью ежегодные чрез-

вычайные расходы“. Но разъ обыкновенные доходы государства признаются источникомъ для покрытія не только текущихъ, но и чрезвычайныхъ расходовъ, тѣмъ самымъ ставится задача накопленія свободныхъ запасныхъ средствъ, такъ какъ чрезвычайныя издержки, по самому существу своему, возникаютъ иногда неожиданно и достигаютъ весьма солидныхъ размѣровъ, доходы же, при неблагоприятныхъ условіяхъ, могутъ поступить и въ меньшемъ количествѣ противъ предполагающаго.

Министръ финансовъ указываетъ и другія соображенія, заставляющія наше финансовое вѣдомство стремиться къ накопленію свободныхъ средствъ. При громадномъ пространствѣ имперіи и разнообразіи составляющихъ ее областей и условій быта ихъ населенія правительству всегда надо быть готовымъ къ встрѣчѣ какой-либо мѣстной невзгоды. Даже въ моментъ процвѣтанія страны отдѣльныя ея части могутъ постигнуть какое-либо бѣдствіе, и тогда—„гдѣ же найти средства для помощи населенію, если вести хозяйство въ обрѣзъ, не имѣя сбереженій на черный день“? Въ 1891—2 гг. вызванные неурожаемъ экстренные расходы достигли 162 милл. р., въ 1898 г. такіе же расходы превысили 35 милл. р., и эти случаи „показали, въ какихъ широкихъ размѣрахъ государство должно располагать запасными средствами на удовлетвореніе потребностей, не поддающихся предвидѣнію“. Сверхъ того политическое положеніе Россіи, какъ міровой державы, ставитъ ея жизнь въ тѣсную связь съ жизнью другихъ странъ и ближайшимъ послѣдствіемъ этой связи является необходимость изыскать средства для поддержанія и сохраненія такого мірового значенія государства. „Самый бѣглый подсчетъ памятныхъ всѣмъ издержекъ этого рода лишь за послѣднее время указываетъ, что среди глубокаго мира, которымъ пользуется Россія, совокупность подобныхъ расходовъ достигла чрезвычайно крупной цифры“. При условіи отсутствія запасныхъ средствъ въ такихъ случаяхъ приходилось бы или поступаться политическими интересами, или обращаться къ займамъ. Но „государство, какъ и частное лицо, нерѣдко получаетъ выгодныя предложенія займовъ, когда оно въ нихъ не нуждается, и напротивъ того, при всей своей кредитоспособности, не находитъ капиталовъ на соответственныхъ условіяхъ именно въ пору дѣйствительной и притомъ обостренной необходимости“, и въ такихъ обстоятельствахъ отсутствіе запаса средствъ могло бы повести къ политическому ущербу для государства. Между тѣмъ практикуемая система накопленія запасовъ дала государству возможность въ послѣдніе годы, не прибѣгая къ заключенію займовъ, почти окончить постройку Сибирской желѣзной дороги, усилить новыми судами флотъ и перевооружить армію, дважды поддержать населеніе въ голодные годы, упорядочить денежное обращеніе и произвести

въ прошломъ году уплату экстренныхъ расходовъ въ 61,9 милл. р., вызванныхъ военными событіями на дальнемъ Востока.

Всѣ эти соображенія приводятъ министра финансовъ къ категорическому заключенію, что „къ финансамъ Россіи не примѣнима система, согласно которой государство не должно, во избѣжаніе обремененія плательщиковъ налоговъ, допускать сколько-нибудь значительное превышеніе доходовъ надъ расходами, въ особенности же сосредоточивать въ своемъ распоряженіи запасныя средства. Эта система привела бы въ разстройство государственное хозяйство имперіи, затруднила бы въ случаяхъ бѣдствій правительственную помощь населенію и явилась бы шагомъ къ политическому ослабленію нашего отечества. Что касается соображенія объ обремененіи плательщиковъ налоговъ, то и оно едва ли правильно: нѣкоторые приплаты изъ годъ въ годъ, по существу своему, сходны съ платежомъ страховой преміи, обезпечивающей населеніе отъ неизбежнаго весьма крупнаго увеличенія бремени налоговъ въ случаѣ разстройства государственныхъ финансовъ и предоставляющей возможность своевременной помощи тому же населенію при непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ“.

Приведеннаго разсужденія далеко не всѣ аргументы, входящіе въ составъ, представляются въ равной мѣрѣ безспорными и убѣдительными. Необходимость существованія въ государственномъ хозяйствѣ такихъ финансовыхъ резервовъ, которые могли бы послужить для него серьезною опорой на черный день, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію. Государственное хозяйство считается съ слишкомъ сложными и разнообразными интересами, чтобы можно было вести его, соображаясь исключительно съ нуждами текущей минуты и не заглядывая впередъ. Другой вопросъ, однако, должны ли предполагаемые резервы непременно быть облечены въ форму свободной денежной наличности государственнаго казначейства. Несравненно болѣе надежною опорой финансовъ государства на случай крайности является наличность неистощенныхъ платежныхъ средствъ населенія, обезпечивающая кредитоспособность государства и позволяющая ему въ моментъ острой нужды съ полной надеждой на успѣхъ прибѣгнуть къ временному повышенію налоговъ или къ заключенію займа. Указаніе на то, что не всегда можно найти достаточно выгодныя условія кредита, едва-ли является серьезнымъ аргументомъ въ пользу накопленія запасовъ свободной наличности, такъ какъ самая операція такого накопленія въ свою очередь сопровождается довольно значительными финансовыми неудобствами. Удерживая въ своихъ кладовыхъ болѣе или менѣе серьезные запасы денежныхъ средствъ, государственное казначейство неизбежно несетъ потери въ видѣ процентовъ на безплодно лежащемъ капиталѣ, и эти потери, тѣмъ болѣе крупныя, чѣмъ болѣшихъ размѣровъ достигаетъ запасъ свободной наличности, надо думать, способны уравниваться зна-

ченіе несовсѣмъ выгодныхъ кредитныхъ сдѣлокъ. И во всякомъ случаѣ, условія, на какихъ государство можетъ заключить заемъ, зависятъ не столько отъ имѣющихся въ его распоряженіи денежныхъ запасовъ, сколько отъ общей его кредитоспособности. Съ другой стороны, для населенія постоянныя переплаты въ пользу фиска могли бы еще не имѣть особеннаго значенія въ томъ случаѣ, если бы экономическое благосостояніе главной массы плательщиковъ податей стояло на высокомъ уровнѣ. Но, какъ извѣстно, наша дѣйствительность представляетъ въ этомъ отношеніи прямо противоположную картину... Въ сущности, этого факта не отрицаетъ и докладъ министра финансовъ, скорѣе заключающій въ себѣ косвенное его подтвержденіе. При такихъ условіяхъ, тѣ переплаты, путемъ которыхъ образуются свободные запасы государственнаго казначейства, въ жизни массы населенія являются серьезнымъ факторомъ дальнѣйшаго разстройства ея хозяйства.

Трудно безъ оговорокъ принять и то мнѣніе, согласно которому подобныя переплаты представляютъ для населенія нѣчто вродѣ платежа страховой преміи, обеспечивающей населеніе отъ безпомощности передъ неожиданными бѣдствіями и отъ дальнѣйшихъ экстренныхъ жертвъ на пользу государства при возможныхъ осложненіяхъ. Едва-ли кто-либо рѣшится утверждать, что помощь, оказанная изъ государственныхъ средствъ населенію въ тѣ неурожайные годы, которыми такъ богато было послѣднее десятилѣтіе, была равносильна полученію страховой суммы. Не менѣе выясненной можно въ настоящее время считать и другую сторону этого вопроса. Небольшая сравнительно опасность, созданная въ прошломъ году осложненіями, вспыхнувшими на дальнемъ Востокѣ, вынудила государство прибѣгнуть, для покрытія военныхъ расходовъ, не только къ позаймствованію средствъ изъ запаса свободной наличности, но и къ повышенію таможенныхъ пошлинъ и нѣкоторыхъ налоговъ и, какъ мы уже указывали въ свое время, создала пріостановку цѣлаго ряда подготовленныхъ уже правительствомъ къ осуществленію мѣропріятій и реформъ. На основаніи этого примѣра можно безошибочно предсказать, что всякія сколько-нибудь болѣе значительныя осложненія государственной жизни неизбѣжно повлекутъ за собою и болѣе крупныя экстренныя жертвы со стороны населенія. Между тѣмъ ослабленное чрезмѣрными платежами народное хозяйство постепенно утрачиваетъ способность выносить рѣзкое повышеніе налоговой тяжести, хотя бы такое повышеніе было лишь временнымъ, и въ такихъ условіяхъ спасительное значеніе, приписываемое факту существованія запаснаго фонда, становится сомнительнымъ.

Нельзя, наконецъ, обойти молчаніемъ и еще одного пункта. Когда министръ финансовъ въ своемъ докладѣ высказываетъ мысль объ опасности, заключающейся въ увеличеніи, безъ серьезной къ

тому надобности, задолженности страны, съ нимъ можно безусловно согласиться. Но едва-ли изъ этой вполнѣ правильной мысли неизбежно слѣдуетъ выводъ о необходимости производить всѣ чрезвычайные расходы государства за счетъ текущихъ его средствъ. Дѣло въ томъ, что сами чрезвычайные расходы крайне разнообразны по своему значенію. Конечно, едва-ли было бы правильно заставить будущія поколѣнія расплачиваться за пособія, выданныя населенію въ голодные годы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно признать вполнѣ цѣлесообразнымъ и такой порядокъ, при которомъ на современныхъ плательщиковъ податей полностью возлагается громадная тяжесть такихъ предпріятій, какъ, на примѣръ, постройка Сибирской желѣзной дороги, всѣ выгоды отъ которой ожидаются въ будущемъ. Между тѣмъ при практикуемой у насъ въ послѣднее время системѣ государственнаго хозяйства большую часть чрезвычайнаго бюджета составляютъ расходы именно на такія предпріятія, и, слѣдовательно, современный плательщикъ податей, далеко не могущій похвалиться избыткомъ благосостоянія, переплачиваетъ государству значительные излишки не столько ради своихъ собственныхъ нуждъ, сколько въ интересахъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго...

II.

Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца нами были уже сгруппированы нѣкоторые свѣдѣнія, обрисовывающія то печальное положеніе, какое приходится переживать въ этомъ году населенію постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностей. Съ той поры это положеніе выяснилось еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ теперь возможность отмѣтить въ немъ нѣкоторые перемѣны.

Въ концѣ января въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе, имѣющее свою цѣль разъяснить размѣры бѣдствія и характеръ мѣръ, принятыхъ для борьбы съ нимъ. Какъ указываетъ это сообщеніе, неурожай хлѣбовъ и травъ въ минувшее лѣто охватилъ губерніи Херсонскую, Таврическую, Бессарабскую, Подольскую и Кіевскую, губерніи Томскую и Тобольскую и области Акмолинскую, Семипалатинскую и Забайкальскую. Среди всѣхъ этихъ пострадавшихъ мѣстностей на первомъ мѣстѣ „по степени неурожая, размѣрамъ охваченнаго имъ пространства и тяжести послѣдствій онаго для мѣстнаго сельскаго населенія“, должны быть поставлены губерніи Херсонская и Томская и область Акмолинская. Въ первой изъ нихъ, при весьма плохомъ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, болѣе важные для населенія яровые хлѣба были поражены повсемѣстнымъ неурожаемъ, и въ общемъ населеніе губерніи не дополучило въ 1900 г., сравнительно съ нормальнымъ сборомъ хлѣбовъ, болѣе 45 милліоновъ пудовъ зерна.

Между тѣмъ „не только мѣстные общественные натуральные запасы и капиталы, а равно губернский капиталъ въ этой губерніи, но и всѣ частные сбереженія отдѣльныхъ сельскихъ обывателей нѣкоторыхъ мѣстностей совершенно истощены борьбою съ послѣдствіями недорода предшествующихъ лѣтъ и особенно 1899 г.“. Въ Томской губерніи неурожай былъ „такъ великъ, что, не смотря на наличность общественныхъ натуральныхъ запасовъ въ установленномъ законѣ размѣрѣ, ихъ оказалось недостаточно для удовлетворенія даже продовольственной нужды, а на сѣмена они вдобавокъ оказались и не годными. Точно также и въ Акмолинской области крестьянское ея населеніе въ результатѣ неурожая оказалось „не въ состояніи обойтись безъ весьма значительной продовольственной помощи со стороны правительства“, тогда какъ нужды кочующихъ киргизовъ могутъ быть удовлетворены изъ принадлежащихъ имъ мѣстныхъ общественныхъ капиталовъ. Изъ всѣхъ остальныхъ, менѣе пострадавшихъ, мѣстностей, по словамъ правительственнаго сообщенія, лишь въ губерніяхъ Таврической, Бессарабской и Тобольской продовольственные потребности превысили имѣющіяся для удовлетворенія ихъ мѣстные средства, прочія же обойдутся безъ особой продовольственной помощи отъ правительства, средствами мѣстныхъ натуральныхъ запасовъ и капиталовъ, губернскихъ и общественныхъ.

Переходя къ вопросу о средствахъ, необходимыхъ для веденія продовольственной кампаніи въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ объ отпускѣ правительствомъ этихъ средствъ слѣдующія свѣдѣнія. Послѣ доставленія губернаторами предварительныхъ свѣдѣній о размѣрахъ необходимаго пособія мѣстнымъ средствамъ отъ правительства, министерство ассигновало изъ имперскаго капитала въ распоряженіе херсонскаго губернскаго земства—500.000 р. и таврическаго земства—100.000 р., а изъ губернскихъ капиталовъ: тобольскому губернатору—122,000 р., томскому—363.000 р. и подольскому—100.000 р. Выстѣ съ тѣмъ въ Таврической и Бессарабской губерніяхъ разрѣшено было расходовать на мѣстные продовольственные нужды остатки продовольственныхъ ссудъ, выданныхъ въ прошломъ году; въ первой этихъ остатковъ оказалось 52.000 р., во второй—33.000 р. На продовольственные же нужды Акмолинской области, населеніе которой, согласно закону, можетъ получать пособія только изъ средствъ казны, было ассигновано заимобразно изъ общаго продовольственнаго капитала 300.000 р., изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій сибирской желѣзной дороги 25.000 р. и изъ остатковъ земскихъ сборовъ Семипалатинской области 25.000 р., а всего 350.000 р. Впослѣдствіи, на основаніи болѣе подробныхъ расчетовъ, доставленныхъ земскими учрежденіями и мѣстной губернской и областной администраціей, размѣры необходимой правительственной помощи пострадавшему

отъ неурожая населенію опредѣлились въ значительно болѣе крупныхъ цифрахъ. Для Херсонской губерніи размѣръ пособія былъ установленъ министерствомъ, по ходатайству мѣстнаго земства, въ 1.542.574 р., для Таврической—въ 448.000 р., для Бессарабской—въ 443.000 р. и, сверхъ того, специально для Измаильскаго уѣзда—въ 8.700 р. По Tobольской губерніи размѣръ ссуды на продовольствіе исчисленъ въ 468.000 р. и на обмѣненіе—не менѣе 99.000 р. Затѣмъ для Томской губерніи, ссуда испрашивалась въ размѣрѣ 1.353.000 р., для Акмолинской области—въ 998.000 р., для Семипалатинской—въ 17.245 р. и для Забайкальской въ 30.000 р. Въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, по словамъ сообщенія, оказалось достаточно мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ и лишь для Балтскаго уѣзда потребовалось ассигновать изъ губернскаго капитала Подольской губерніи 100.000 р. Слѣдовательно, вся сумма, предназначенная на продовольственную помощь отъ правительства пострадавшему населенію, опредѣлилась въ 5.529.519 р. и изъ этой суммы до сихъ поръ, по заявленію министерства, отпущено 5.014.519 р. При этомъ, такъ какъ имперскій продовольственный капиталъ, на счетъ котораго изъ перечисленныхъ ассигновокъ отнесено было 3.632.274 р., уже къ январю текущаго года оказался почти совершенно истощеннымъ, признано было необходимымъ пополнить его путемъ заимообразнаго отпуска 2.000.000 р. изъ казны; изъ этихъ денегъ 1½ милліона рублей уже поступили въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ и имъ въ свою очередь ассигнованы мѣстными учрежденіями. Приведенныя данныя, по мнѣнію министерства, „свидѣтельствуютъ о томъ, что въ средствахъ для борьбы съ послѣдствіями недорода мѣстныя, завідующія продовольственнымъ дѣломъ, учрежденія не встрѣчаютъ недостатка и что средства эти безъ замедленія отпускаются въ ихъ распоряженіе по мѣрѣ требованія, согласно съ произведенными на мѣстахъ, на основаніи мѣстныхъ изслѣдованій, расчетами, безъ сокращенія размѣра испрашиваемыхъ у правительства на продовольственную помощь ссудъ“.

Что касается самой организаціи помощи голодающему населенію, то въ губерніяхъ не-земскихъ она была поручена крестьянскимъ учрежденіямъ, въ земскихъ же губерніяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ признало нужнымъ „веденіе продовольственной кампаніи, какъ начатой земствомъ до введенія въ дѣйствіе временныхъ правилъ по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей возложить на обязанности и отвѣтственность мѣстныхъ земскихъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ губернаторовъ и съ непремѣннымъ участіемъ земскихъ начальниковъ въ повѣркѣ списковъ нуждающихся въ продовольственной помощи домохозяевъ и въ наблюденіи за выдачею продовольственныхъ ссудъ заемщикамъ“.

Сверхъ того, въ Херсонской губерніи устраиваются бесплатныя столовыя общества Краснаго Креста, и дѣятельность этого послѣдняго учрежденія предполагается въ случаѣ необходимости распространить и на пострадавшія мѣстности азіатской Россіи. Въ губерніяхъ же: Таврической, Бессарабской и Подольской для организаціи помощи отъ Краснаго Креста, по отзывамъ мѣстныхъ губернаторовъ, „не имѣется пока достаточныхъ основаній, такъ какъ борьба съ послѣдствіями недорода ведется успѣшно на состоящіхъ въ распоряженіи мѣстныхъ учреждений продовольственныя средства“.

Въ общемъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какими располагаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, продовольственная кампанія идетъ въ этомъ году вполне удачно. Даже въ наиболѣе тяжело пострадавшей „Херсонской губерніи, по доставленнымъ губернаторомъ свѣдѣніямъ, такая кампанія ведется успѣшно, хлѣбъ покупается и записывается долгомъ на населеніе по невысокимъ цѣнамъ (70 к.), острая продовольственная нужда удовлетворяется безъ замедленія повсемѣстно, число заболѣвавшихъ тифомъ въ наиболѣе пострадавшихъ волостяхъ незначительно, а во врачебной помощи недостатка нѣтъ; причемъ земство снабдило пунктовыхъ врачей особыми денежными средствами для оказанія помощи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ потребность въ таковой будетъ замѣчена самими врачами“. Правда, въ прессѣ сообщалось немало свѣдѣній о сильной нуждѣ и безпомощности населенія, но — „попадающіяся въ мѣстной печати, довольно часто, извѣстія о бѣдствующихъ отъ недостатка продовольственной помощи селеніяхъ Херсонской губерніи,—по удостовѣренію въ должности шталмейстера князя Оболенскаго, — при повѣркѣ ихъ до сихъ поръ оказывались всегда лишеными основанія и объясняются, повидимому, стремленіемъ нѣкоторыхъ элементовъ мѣстнаго населенія преувеличить дѣйствительные размѣры бѣдствія въ интересахъ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ или съ иными цѣлями“.

Съ своей стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ, что ассигнуемыя правительствомъ продовольственныя ссуды, вмѣстѣ съ затратами, производимыми для той же цѣли изъ мѣстныхъ общественныхъ и губернскихъ капиталовъ и запасовъ, не могутъ ни возмѣстить населенію всѣхъ убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе неурожая, ни даже устранить такихъ тяжелыхъ послѣдствій его, какъ сильное паденіе цѣнъ на рабочія руки, невыгодность для крестьянъ заключаемыхъ ими договоровъ на лѣтнія работы, сокращеніе потребленія продуктовъ первой необходимости, сбытъ всякаго излишка хозяйственного инвентаря и уменьшеніе площади арендуемой и приобретаемой въ собственность крестьянами внѣ-надѣльной земли. Тѣмъ менѣе основаній усматриваетъ министерство для надежды, чтобы принятые мѣры „предотвратили всѣ, безъ исключенія, случаи естественнаго въ

подобное время разоренія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, особенно слабыхъ, крестьянскихъ хозяйствъ, неспособныхъ, по составу рабочихъ силъ или инымъ условіямъ, къ перенесенію хотя бы и кратковременнаго экономическаго кризиса, или чтобы мѣры эти устроили нужду и нищету въ средѣ того бѣднаго люда, который въ извѣстномъ числѣ найдется во всякомъ, даже зажиточномъ, сельскомъ обществѣ“. Въ виду этого министерство считаетъ неосторожнымъ отрицать цѣлесообразность привлеченія къ дѣлу продовольственной помощи частной благотворительности и полагаетъ, наоборотъ, что „въ случаѣ направленія частныхъ пожертвованій въ мѣстныя учрежденія общества Краснаго Креста, въ организованныя губернаторами на мѣстахъ попечительства или въ распоряженіе завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ учреждений, пожертвованія эти будутъ столь же умѣстны, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ общественной жизни, открывающихъ почву для примѣненія частной благотворительности“. При этомъ, однако, министерство высказываетъ твердую увѣренность въ томъ, что тѣ, сравнительно болѣе узкія, задачи, которыя, по закону, являются цѣлью правительственныхъ мѣропріятій по продовольственной части и заключаются въ предотвращеніи лишь случаевъ острой продовольственной нужды, въ предупрежденіи развитія эпидемическихъ заболѣваній и въ обезпеченіи населенія запасомъ зерна для предстоящаго ярового посѣва, будутъ выполнены во всѣхъ пострадавшихъ отъ неурожая 1900 года мѣстностяхъ, — независимо отъ привлеченія къ этому дѣлу частной благотворительности, — на средства, имѣющіяся нынѣ въ распоряженіи мѣстныхъ учреждений, завѣдывающихъ сельскою продовольственною частью.

Такова картина продовольственной кампаніи нынѣшняго года, рисуемая официальнымъ сообщеніемъ. Частныя извѣстія, въ довольно большомъ количествѣ приходяція изъ пораженныхъ бѣдствіемъ мѣстностей, позволяютъ во многомъ дополнить эту картину и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрить основанныя на ней предвидѣнія. Всего менѣе такихъ извѣстій имѣется относительно борьбы съ голодомъ въ Сибири, гдѣ дѣло помощи населенію сосредоточено исключительно въ административныхъ учрежденіяхъ, не считающихъ, повидимому, нужнымъ прибѣгать къ услугамъ широкой гласности. За то по отношенію къ большинству мѣстностей европейской Россіи, въ которыхъ земство пока принимаетъ еще участіе въ борьбѣ съ голодомъ, главные моменты продовольственной кампаніи могутъ быть возстановлены съ достаточною полнотою. И это тѣмъ болѣе важно, что они заключаютъ въ себѣ немало поучительнаго на будущее время.

Намъ случалось уже упоминать, что въ настоящемъ году энергія земствъ была въ немалой мѣрѣ подкошена предстоящимъ изъятіемъ продовольственнаго дѣла изъ ихъ компетенціи. Срокомъ такого изъятія назначено было 1 января 1901 г. и потому въ

земскихъ сферахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ осенью 1900 года проявились признаки грозящаго населенію голода, наступило большое смятеніе. Предстояло, повидимому, начать продовольственную кампанію съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы бросить ее на полпути. Въ первый моментъ растерянность, воцарившаяся подъ вліяніемъ этихъ ожиданій, была такъ велика, что въ херсонскомъ и одесскомъ уѣздахъ осеннія земскія собранія постановили даже ходатайствовать передъ правительствомъ о скорѣйшей передачѣ всего продовольственного дѣла въ руки крестьянскихъ учреждений *). Вслѣдъ затѣмъ, однако, земства пострадавшихъ уѣздовъ и губерній взялись за организацію помощи крестьянскому населенію. Въ свою очередь и правительство не рѣшилось въ моментъ острой нужды приступить къ коренной ломкѣ всего сложнаго механизма продовольственного дѣла и на текущій годъ оставило нѣкоторое участіе въ этомъ дѣлѣ за земствомъ, подчинивъ, однако, его дѣйствія контролю мѣстныхъ губернаторовъ и передавъ главную роль въ продовольственныхъ операціяхъ земскимъ начальникамъ. Въ дальнѣйшемъ земства встрѣтили еще одно и притомъ не менѣе серьезное затрудненіе. Въ пострадавшихъ губерніяхъ юга Россіи, особенно въ Херсонской и Бессарабской, мѣстныя средства были уже совершенно истощены прошлогоднею борьбою съ голодомъ, а между тѣмъ, просьбы земствъ о правительственномъ пособіи не сразу нашли себѣ удовлетвореніе. О судьбѣ земскихъ ходатайствъ Херсонской губерніи мы говорили уже въ предыдущей хроникѣ. Въ Бессарабской губерніи губернаторъ при открытіи земскаго собранія указалъ ему на необходимость обойтись безъ ссуды изъ имперскаго капитала, а когда собраніе все же постановило ходатайствовать о такой ссудѣ въ полмилліона рублей, начальникъ губерніи опротестовалъ это постановленіе **). Въ концѣ концовъ въ исходѣ января на нужды Бессарабіи было ассигновано изъ имперскаго капитала 350,000 р., а нѣсколько ранѣе на нужды Херсонской губерніи—около полутора милліона, но въ этихъ колебаніяхъ прошло немало драгоцѣннаго времени, въ теченіе котораго нужда развивалась среди населенія почти безпрепятственно.

Въ дѣлѣ самаго веденія на эти средства продовольственной операціи на долю земства выпала въ концѣ концовъ довольно скромная роль. Всѣ ходатайства о ссудахъ поступаютъ въ земскія управы черезъ посредство земскихъ начальниковъ, дающихъ по каждому ходатайству свое заключеніе и повѣряющихъ всѣ списки нуждающихся лицъ и обществъ, ходатайствующихъ о ссудѣ. Равнымъ образомъ земскіе начальники распоряжаются пріемкой хлѣба, распределеніемъ и перевозкой его въ предѣлахъ своего

*) «Сѣв. Кур.», 14 авг.; «Од. Нов.», 17 авг. 1900 г.

**) «Рус. Вѣд.», 14 янв. 1901 г.

участка и наблюдают за правильностью выдачи ссудъ. Каждое ходатайство сопровождается, сверхъ того, отмѣткой земскаго начальника о томъ, не находятъ ли данное сельское общество болѣе удобнымъ не поручать заготовленіе хлѣба управѣ, а взять его на себя, причемъ въ послѣднемъ случаѣ сообщается, гдѣ и по какой цѣнѣ предполагаютъ крестьяне приобрести нужное имъ количество хлѣба. На долю земскихъ управъ остается при этомъ порядкѣ лишь храненіе продовольственнаго капитала и веденіе счетоводства, причемъ онѣ оказываются почти лишенными и возможности ускорить теченіе продовольственной операціи. „Доселѣ—писали въ началѣ января „Р. Вѣдомостямъ“ изъ Одесскаго уѣзда—не составлены еще земскими начальниками списки нуждающихся и не опредѣлено, сколько нужно закупать хлѣба на продовольствіе. Когда эта сложная процедура будетъ закончена въ уѣздѣ, неизвѣстно“ *). При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, и главная доля отвѣтственности за тотъ или иной исходъ продовольственной кампаніи должна въ сущности лежать не на земствѣ. Въ свою очередь, и тамъ, гдѣ закупка хлѣба была произведена скорѣе, она также не всегда прошла успѣшно. Изъ Оргѣвскаго уѣзда Бессарабской губерніи, гдѣ закупка хлѣба равнымъ образомъ производилась по преимуществу сельскими обществами подъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ, приходили сообщенія о недоброкачественности поставляемой на продовольственные нужды кукурузы, а въ послѣдніе дни появилось извѣстіе о привлеченіи въ названномъ уѣздѣ прокурорскимъ надзоромъ одного изъ такихъ поставщиковъ кукурузы къ уголовной отвѣтственности за недоброкачественность его продукта **).

Указанныя условія не мало способствовали, конечно, обостренію бѣдствія голодовки, которое и само по себѣ было достаточно серьезно. Съ особенною силою разыгралось это бѣдствіе въ истощенныхъ уже предыдущимъ неурожайнымъ годомъ Бессарабской и Херсонской губерніяхъ. Среди изголодавашагося населенія этихъ губерній за послѣднее время упорно растутъ и ширятся различные эпидемическія заболѣванія. „Условія, въ которыхъ сейчасъ находятся девять десятыхъ населенія уѣзда—писали еще въ декабрѣ „Южному Обозрѣнію“ изъ Елисаветграда—крайне тяжелы. То здѣсь, то тамъ свирѣпствуютъ въ ужасной формѣ разныя инфекціонныя болѣзни, являющіяся прямымъ слѣдствіемъ крайней нужды. Есть пункты въ уѣздѣ, какъ, напримѣръ, Еланецкая волость, въ которыхъ чуть ли не три четверти населенія болѣютъ то брюшнымъ, то сыпнымъ тифомъ, то скарлатиной. Средствъ борьбы съ болѣзнями населеніе совсѣмъ не имѣетъ, ибо все имущество большинства крестьянъ продано и масса лишена пропи-

*) «Од. Нов.», 6 дек. 1900 г.; «Р. Вѣд.», 15 янв. 1901 г.

**) «Россія», 14 ф. 1901 г.

но здоровая жизненность нѣмецкаго народа вынесла это испытаніе. Тяжелое наслѣдство оставилъ Бисмаркъ своему отечеству, и въ видѣ своего громаднaго авторитета, который еще долго будетъ освящать всяческую неправду, и въ видѣ глубокой внутренней вражды, разогрѣтой и раздутой всеокрушительною дѣятельностью великаго человѣка, и въ видѣ печальныхъ распрей съ сосѣдями, которыя созданы агрессивною и вызывающею политикою знаменитаго канцлера. Такіе великіе люди, какъ Наполеонъ и Бисмаркъ, дорого обходятся всему человѣчеству, но дороже всего своему отечеству. Французы уже могли подвести итоги великимъ дѣяніямъ своего героя. Нѣмцамъ предстоитъ еще эта задача.

Политика Бисмарка имѣла громаднѣйшій успѣхъ и кончилась неудачею. Въ этомъ главный смыслъ бисмарковскаго періода германской исторіи. Униженія и страданія, вынесенныя великою націею въ теченіе первыхъ двухъ третей истекшаго XIX в. слились въ ея представленіи съ ея раздробленіемъ между тридцатью-тремя тираническими правительствами. Отсюда страстное желаніе къ объединенію. Отсюда прямо болѣзненное переразвитіе національнаго чувства, подготовившее торжество бисмарковскому режиму. Онъ принесъ много вреда и еще принесетъ его не мало, но именно его эксцессы постепенно отрезвляли народъ и въ настоящее время нѣмцы уже безконечно далеки отъ того чудовищнаго опьяненія націонализмомъ, которое ихъ позорило въ семидесятые годы. А то обстоятельство, что невозможно было покорить и присоединить къ Пруссіи всѣ государства Германіи, указало на парламентъ, какъ на единственную форму объединенія. Это содѣйствовало утвержденію демократическихъ учреждений, хотя, какъ мы видѣли, вся исторія Германіи къ нимъ склонялась въ теченіе всего вѣка.

Бисмарковскій періодъ кончился десять лѣтъ тому назадъ. Новый еще недостаточно обозначился. Милитаризмъ и націонализмъ по прежнему господствуютъ въ германской политической жизни. Противъ нихъ стоятъ съ одной стороны клерикализмъ и партикуляризмъ, социализмъ съ другой. Послѣдній составляетъ крупную силу современной Германіи, при томъ все растущую, но еще далекую отъ возможности получить руководящую роль. Поэтому еще невозможно составить мнѣніе о направленіи эволюціи въ этотъ періодъ. Ослабленіе націонализма и милитаризма и борьба съ этими главными факторами бисмарковскаго періода, доселѣ омрачающими нѣмецкую политическую жизнь, составить, несомнѣнно, одну изъ важнѣйшихъ сторонъ этой жизни въ текущій періодъ.

Национализмъ, весьма незначительный въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка и захватившій подъ свое владычество могущественные слои всѣхъ цивилизованныхъ націй въ концѣ вѣка, обязанъ этимъ успѣхомъ преимущественно германской политической эволюціи и

воцарился вмѣстѣ съ торжествомъ Германіи. Необыкновенная важность этого явленія въ современной исторіи цивилизованнаго міра заставила меня остановиться на политической исторіи Германіи нѣсколько подробнѣе. Результатъ этой эволюціи за столѣтіе: демократизація, хотя менѣе полная, нежели въ Англіи и Франціи, политическая свобода, тоже менѣе полная; ограниченное народо-властіе; и продолжающееся господство націонализма. Отставая отъ Франціи и Англіи по первымъ тремъ пунктамъ, Германія далеко превосходитъ ихъ по четвертому.

С. Южановъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1901 годъ. — II. Правительственное сообщеніе и частныя вѣсти о голодѣ. — Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ. — III. Циркуляръ министра юстиціи. — Приостановка газеты «Новости Дня». — Сообщеніе «Финляндской Газеты». — Покупеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія. — Поправка.

I.

Официальные руководители русской государственной жизни сравнительно рѣдко выступаютъ передъ обществомъ съ болѣе или менѣе дѣльнымъ изложеніемъ программы своей дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ заявленія програмнаго характера, исходящія изъ официальныхъ сферъ, появляются у насъ по какимъ-либо экстреннымъ поводамъ и бываютъ приурочены лишь къ тѣмъ или инымъ частнымъ фактамъ. Выясняя обществу взгляды правящихъ сферъ на отдѣльные вопросы, подобныя заявленія во всякомъ случаѣ далеки отъ тѣхъ задачъ, какія преслѣдуетъ изложеніе сколько-нибудь широкой программы правительственной дѣятельности. Однакоже существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна группа вопросовъ, въ предѣлахъ которой и у насъ признается необходимымъ ознакомленіе общества съ общою программой предполагаемой политики правительства. Такова именно область финансовой и отчасти экономической политики государства. Роль программы въ этомъ случаѣ выполняетъ публикуемая въ началѣ каждого года роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ и такое значеніе этой росписи обыкновенно еще усугубляется сопровождающими ее объясненіями, облеченными въ форму всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ и заключающими въ себѣ указанія на тѣ взгляды, какіе финансовое вѣдомство полагаетъ въ основу своей дѣятельности. За послѣдніе годы эти объясненія къ росписи нерѣдко выходили къ тому же за пре-

себѣ очень мало и людей, и средствъ. Дошло до того, что въ Херсонѣ городской благотворительный комитетъ, по предложенію полицейскаго пристава, рѣшилъ привлечь къ участию въ своихъ работахъ участковыхъ городскихъ, поручивъ имъ провѣрку поступающихъ заявленій о нуждѣ *). Можно думать, однако, что бѣда заключается не столько въ дѣйствительномъ недостаткѣ силъ для частной благотворительности, сколько въ неправильномъ выборѣ дороги, по которой направляются поиски за такими силами. По крайней мѣрѣ, объ этомъ заставляютъ догадываться нѣкоторыя сообщенія изъ тѣхъ же пораженныхъ нуждою мѣстностей. „Наши крестьяне и разночинцы, которые сами пробиваются пока кое-какъ,—писали въ половинѣ января изъ пос. Ново-Архангельска Елисаветградскаго уѣзда,—охотно откликнулись на призывъ мѣстнаго попечительства и жертвуютъ кто чѣмъ можетъ: одинъ — кусочекъ сала, другой — кусочекъ хлѣба, бурачка, капусты; жертвуютъ и грошами; въ общемъ получается прокормъ для 10—15 человекъ сверхъ положенной нормы, которые и приняты въ столовую“. Иные результаты дало обращеніе къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ. Двое изъ нихъ пожертвовали въ столовую 80 п. муки, „а отъ остальныхъ приходилось слышать такія фразы: „я не только пуда хлѣба, но зернышка не жертвую для этихъ лѣнтяев“, или: „они меня подожгли, корову у меня украли, не дамъ ничего, и не просите“... И нѣтъ ничего удивительнаго въ этихъ отказахъ—прибавляетъ корреспондентъ:—вѣдь продовольственная помощь и помощь „Краснаго Креста“ составляетъ бѣльмо въ глазу для тѣхъ господъ, которые въ минуту безысходной нужды, постигшей рабочій классъ населенія, не могутъ эксплуатировать эти несчастныя жертвы“. Подобныя же сообщенія идутъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Въ м. Новоукраинкѣ Елисаветградскаго уѣзда образовался благотворительный комитетъ при церковно-приходскомъ попечествѣ; средства этого комитета „слагаются изъ взносовъ членовъ мѣстной интеллигенціи, а также болѣе имущихъ крестьянъ, взносы которыхъ равняются 10—20 к.“ Равнымъ образомъ и въ Одесскомъ уѣздѣ „сами крестьяне, по собственному почину, устраиваютъ въ складчину столовыя для безпріютныхъ, для калѣкъ, для голодающихъ дѣтей; такъ, въ селеніи Буялыкъ зажиточные поселяне собрали 100 р. и устроили столовую, въ которой кормится 50 человекъ“ **). Количественный успѣхъ всѣхъ подобныхъ попытокъ, не выходящихъ въ настоящее время за предѣлы самихъ пострадавшихъ мѣстностей, остается пока ничтожнымъ. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ нихъ, можно правильно опредѣлить тотъ путь, на которомъ слѣдуетъ искать общественныя силы, способныя го-

*) «Од. Нов.», 9 янв. 1901 г.

**) «Од. Нов.», 12 и 23 янв., «Р. Вѣд.», 15 янв. 1901 г.

рячо откликнуться на голос народной нужды. Но для того, чтобы такой отклик осуществился на дѣлѣ и эти не разбуженные еще силы сдѣлались активными участниками борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ, необходимо, конечно, прежде всего обезпечить возможность широкой и безпрепятственной организаціи частной благотворительности. То положеніе, въ какомъ находятся теперь пострадавшія отъ неурожая мѣстности, грозитъ серьезными осложненіями и въ виду этого всякія препятствія, которыя могла бы встрѣтить подобная организація, являются крайне нежелательными и несвоевременными.

Въ періоды острой продовольственной нужды, вызываемой послѣдствіями неурожая, вполне естественно прежде всего заботиться о борьбѣ съ этою нуждою путемъ экстренныхъ мѣръ помощи населенію. Голодающихъ людей надо кормить, заболѣвающихъ — лѣчить, разоряющееся хозяйство — постараться поддержать. Но нельзя забывать, что все это не болѣе, какъ палліативы, по самому существу своему неспособные повліять на причину того явленія, съ послѣдствіями котораго они считаются. Случайныя невзгоды возможны всегда и вездѣ, но въ нормальныхъ условіяхъ жизни онѣ и проходятъ болѣе или менѣе благополучно, не оставляя по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Русскую же деревню въ послѣдніе годы, всякая налетѣвшая невзгода валитъ съ ногъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ конца такимъ невгодамъ не предвидится, такъ какъ каждая изъ нихъ подготавливаетъ почву для послѣдующей. За послѣднее время неурожай у насъ перестали быть чѣмъ-то случайнымъ: они слѣдуютъ другъ за другомъ почти непрерывною цѣпью, и при этомъ почти всякій изъ нихъ, даже не особенно значительный по своимъ размѣрамъ, ведетъ за собою жестокую голодовку населенія. Это обстоятельство само по себѣ уже какъ нельзя болѣе убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ жизни нашей деревни существуетъ органическое разстройство, на почвѣ котораго развивается серьезное истощеніе силъ земледѣльческаго населенія.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда совершалась крестьянская реформа, мало кто предвидѣлъ возможность такого будущаго для хозяйства освобожденнаго крестьянина...

III.

Въ газетахъ опубликовано слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 1 февраля с. г.: „на основаніи ст. 154 устава о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: приостановить изданіе газеты „Новости Дня“ на три мѣсяца“.

Въ „Финляндской Газетѣ“ опубликовано слѣдующее сообщеніе:

„5 февраля въ Гельсингфорсѣ, въ годовщину объявленія Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ Высочайшаго манифеста 3-го февраля 1899 года, былъ произведенъ рядъ манифестацій. Около 5 часовъ вечера на электрическомъ проводѣ черезъ Эспланадную улицу отъ дома Гренквиста къ Вазаскому банку было вывѣшено черное полотно съ именами сенаторовъ, подавшихъ голосъ за опубликованіе манифеста; тѣ же имена были изображены и на выставленномъ въ окнѣ магазина „Crescent“ транспарантѣ, на которомъ, кромѣ того, читались надписи: „Законъ выше всего“, „Страна должна управляться закономъ“ и т. п.

„Въ началѣ восьмого часа вечера окна домовъ, выходящія на улицы, были тщательно завѣшаны темными шторами; магазины заперты, и огни въ нихъ погашены. Остались освѣщенными нѣсколько русскихъ магазиновъ, квартиры большинства русскихъ жителей Гельсингфорса и лишь весьма немногіе изъ магазиновъ и квартиръ мѣстныхъ обывателей. Столь несвоевременное и согласное тушеніе огней во всемъ городѣ очевидно объяснялось во множествѣ разбрасываемыми и разносимыми по квартирамъ за нѣсколько дней передъ 5-мъ февраля объявленіями, приглашающими потушить въ этотъ день огни съ 7 час. вечера.

„Въ половинѣ восьмого большая толпа, преимущественно молодежи и интеллигентовъ, собралась у памятника императору Александру II, къ подножію котораго возложена была группою женщинъ траурная лента съ надписью; лента была вскорѣ убрана.

„Въ то же время значительная толпа народа, не малую часть которой составляла молодежь, сновала по улицамъ города, заставляя освѣщенные еще магазины потушить огни, причемъ нѣкоторые лица позволяли себѣ даже врываться въ магазины и лично тушить огни. Такъ, принуждены были погасить огни магазины: Перлова, Воробьева, Аладына, табачная лавка на Уніонской улицѣ д. № 27, булочная на Генриковской улицѣ въ домѣ „Kaleva“, университетская аптека, греческій магазинъ Куллиаса и другіе.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ толпа собиралась также противъ нѣкоторыхъ освѣщенныхъ квартиръ русскихъ, а отдѣльные манифестанты, не довольствуясь этимъ, позволяли себѣ даже звонить въ квартиры двухъ штабъ-офицеровъ, живущихъ въ центрѣ города, шумѣть на лѣстницахъ, грозить, и только участіе приглашенной квартирантами полиціи предотвратило вторженіе въ квартиры. Въ то же время и съ тою же цѣлью толпа собралась у книжнаго магазина Н. Т. Рѣзвого. Наконецъ, ею же былъ устроенъ кошачій концертъ у квартиръ нѣкоторыхъ сенаторовъ. Въ одного изъ нихъ толпа, кромѣ того, бросала комьями снѣга. Сенаторами были получены угрожающія письма за подписью „Тайнаго патріотическаго союза“.

На жизнь министра народнаго просвѣщенія произведено было покушеніе. Въ среду 14 февраля, во второмъ часу дня,—„Прав. Вѣстникъ“ — въ приѣмной комнатѣ министра народнаго просвѣщенія, въ зданіи министерства, во время обхода т. с. Боголюбовымъ просителей одинъ изъ нихъ, Петръ Карповичъ, бывшій студентъ, исключенный за участіе въ безпорядкахъ изъ московскаго и юрьевскаго университетовъ, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ министру рану въ шею.

Р. С. Считаеь необходимымъ исправить невольную ошибку вкрадшуюся въ ноябрьскую хроникку „Русскаго Богатства“ за минувшій годъ. Характеризуя земскихъ дѣятелей новой формации, мы процитировали, между прочимъ, напечатанную въ № 8610 „Новаго Времени“ бесѣду г. Глинки съ членомъ тамбовской губернской управы кн. Кугушевымъ. Въ дѣйствительности эту бесѣду г. Глинка велъ не съ кн. Кугушевымъ, а съ В. М. Андреевскимъ, каковая поправка была указана въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты, но, будучи сдѣлана не въ надлежащемъ мѣстѣ, осталась незамѣченной нами?

Крестьянскій вопросъ.

(По поводу его сорокалѣтія).

Крестьянскаго вопроса у насъ теперь нѣтъ. Есть дворянскій вопросъ, есть сельскохозяйственный, даже рабочій (чаще всего въ специфической окраскѣ), но крестьянскаго нѣтъ. Казалось-бы, еще недавно онъ заполнялъ газетные столбцы, не сходилъ со страницъ журналовъ, составлялъ неотвязную думу и заботу всей мыслящей части русскаго общества. Отъ него не могли или, лучше сказать, не смѣли убѣждать даже самые тупые и черствые люди. На зарѣ своей сознательной жизни—это было въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ—мы, подростки, свои занятія въ „кружкѣ самообразованія“, помню, начали чтеніями „по крестьянскому вопросу“. Даже для насъ—зеленой молодежи—это былъ основной вопросъ. Съ нимъ и для него готовились мы жить, надъ нимъ работать...

И вотъ теперь нѣтъ этого вопроса. Его нѣтъ не только среди „поставленныхъ на очередь“ для переписки разныхъ канцелярій между собою; его нѣтъ—что несравненно важнѣе—въ умахъ и сердцахъ современнаго поколѣнія. Избавившись отъ труднаго во-

зданіе, складывавшееся вѣками. Послѣдствія не замедлили обнаружиться, что сдѣланнаго далеко недостаточно, чтобы обезпечить интересы трудящейся массы. Крестьянинъ, освобожденный отъ крѣпостной власти помѣщика, по прежнему остался закрѣпощеннымъ государству. Не говоря объ общихъ условіяхъ положенія личности въ русскомъ обществѣ, по отношенію къ крестьянству сохранили свою силу самые подлинныя крѣпостныя институты, вродѣ круговой поруки, тѣлеснаго наказанія, административной ссылки. Органы крестьянскаго самоуправленія съ самаго начала оказались почти въ полномъ подчиненіи полиціи. Крестьянскіе надѣлы, вообще недостаточныя, а во многихъ случаяхъ и прямо „нищенскіе“, усѣянныя „западными“ и обремененныя непосильными платежами открыли путь въ деревню самымъ грубымъ формамъ экономической эксплуатаціи и заставили значительную часть крестьянства жить и оплачивать подати продажей своего труда. Еще хуже оказались обезпеченными интересы трудящейся массы въ тѣхъ сферахъ жизни, которыхъ не коснулась крестьянская реформа и сопровождавшіе ее акты болѣе общаго характера. Вся тяжесть податной системы, усиленная еще крупными изъятиями податной организаціи, оказалась лежащей на крестьянскихъ плечахъ. Всѣ ресурсы, какими располагаетъ экономическая политика, въ ущербъ исконнымъ формамъ народнаго труда, были направлены на развитіе денежнаго хозяйства и поощреніе крупной промышленности. Техника производства, не смотря на купленное дорогою цѣною содѣйствіе джентльмена-капитала, прогрессировала крайне медленно, далеко отставая отъ не въ мѣру развитыхъ имъ аппетитовъ. Удовлетвореніе духовныхъ потребностей населенія было обставлено крайне неудовлетворительно. Казна по прежнему удѣляла на этотъ предметъ ничтожныя средства, а правительство не рѣшалось заботу о немъ всецѣло предоставить самодѣятельности населенія.

Недодѣланное или плохо сдѣланное въ началѣ и потомъ не было восполнено и исправлено.

Всякое долго употреблявшееся средство, особенно такое, которое имѣетъ тысячелѣтную давность, легко можетъ сдѣлаться самодовлѣющею цѣлью. Въ пониманіи нашихъ охранителей, вродѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, проникавшая крѣпостной строй тенденція и выработанныя ею формы общежитія, которыя имъ хотѣлось-бы возстановить во всей ихъ полнотѣ, являются какимъ-то благомъ въ себѣ, высшимъ, чѣмъ благо населенія, ради котораго онѣ были нужны.

Эти охранители не видятъ, что дальнѣйшее расширеніе предѣловъ государства, на которомъ они настаиваютъ при всякомъ удобномъ случаѣ, важное для кореннаго населенія прежде, ло-

жится теперь лишь тяжкимъ бременемъ на его плечи, не давая ему никакихъ выгодъ. Они не понимаютъ, что производимая ими травля инородцевъ и пропагандируемое ими обрусѣніе окраинъ, вмѣсто когда-то нужнаго для безопасности и вполне уже достигнутаго замиренія, будятъ лишь чувства вражды и ненависти. Они по прежнему противопоставляютъ интересы государства—интересамъ населенія, доказывая, напримѣръ, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“, непригодность крестьянской выборной администраціи тѣмъ, что она больше служитъ населенію, чѣмъ государству, какъ будто у послѣдняго могутъ быть какія-либо инныя задачи, чѣмъ обслуживать интересы народа. Они хотѣли-бы всю хозяйственную и культурную жизнь населенія взять подъ самую строгую и мелочную опеку, забывая, что безъ свободнаго народнаго творчества нѣтъ развитія, а есть только застой и запустѣніе.

Они—эти охранители—слѣпы къ знаменіямъ времени, глухи къ запросамъ жизни и не могутъ осмыслить историческаго момента, въ который имъ суждено жить. Но дѣло не въ рутинѣ, не въ косности, не въ невѣжествѣ только. Подъ охраннымъ знаменемъ нашли себѣ мѣсто и другіе элементы, болѣе чуткіе, но вовсе чуждые какому-либо — истиннымъ или призрачнымъ — государственнымъ интересамъ.

Крѣпостное право пало не сразу. Нѣкоторые сословія успѣли освободиться отъ крѣпостной опеки почти на 100 лѣтъ раньше, чѣмъ трудящаяся масса. Занявъ привилегированное положеніе, они получили свою — и очень большую — долю выгодъ отъ крѣпостнаго права. Крестьянская реформа лишила ихъ нѣкоторыхъ существенныхъ привилегій, и многіе изъ нихъ до сихъ поръ не хотятъ или не могутъ примириться съ этой утратой.

Въ пореформенное время успѣли выдѣлиться другіе интересы, столь же рѣзко расходящіеся съ интересами трудящейся массы. Правда,

...на мѣстѣ сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много другихъ.

Но пока собственныя сѣти капитализма еще недостаточно прочны и обширны, онъ охотно и умѣло пользуется крѣпостными.

Какъ бы то ни было, силъ оказалось съ излишкомъ достаточно, чтобы не только затормозить рѣшеніе крестьянскаго вопроса, но и повернуть вспять колесо исторіи.

Какимъ образомъ мы избавились отъ мужика—это у многихъ еще на памяти. Чтобы освѣжить воспоминанія, перечитайте очеркъ Гл. Успенскаго: „Наконецъ — нашли виноватаго!“ Явилась „смѣлость быть глупымъ, смѣлость не стыдиться этой глупости, даже

стремленіе щеголять ею“. „Всѣ, казалось, рѣшили не платить долговъ своей совѣсти, хвастаться тѣмъ, что ихъ не удивить никакими упреками“. Однимъ словомъ были „предъявлены свои, наши, не-мужицкія требованія“.

Совсѣмъ избавиться отъ мужика, однако, было уже нельзя. То упорной недоимкой, то острымъ голодомъ его особа заявляла о своемъ существованіи и требовала вниманія къ себѣ. Крестьянскій вопросъ исчезъ не безслѣдно. Онъ раскололся на массу мелкихъ, частныхъ, неизвѣстно откуда появившихся и неизвѣстно куда исчезающихъ, несоизмѣримыхъ и почти всегда неразрѣшимыхъ.

Настало „наше время — не время великихъ задачъ“. Часть объединявшейся крестьянскимъ вопросомъ интеллигенціи разбрелась по канцеляріямъ въ надеждѣ что-то защитить, что-то двинуть, что-то оживить. И ничего не отстояла, кромѣ жалкихъ остатковъ уже имѣвшагося, ничего не двинула, кромѣ премій сахарозаводчикамъ, ничего не оживила, если не считать знаменитаго мамонтовскаго „оживленія Сѣвера“. Другіе поспѣшили уйти отъ жизни, не особенно задумываясь при этомъ, куда направиться: въ Нирвану или въ нравственное самосовершенствованіе, за соху или въ статистику. Третьи — можетъ быть, самые живые — съ головой ушли въ культурную работу, начали печатать и издавать копеечныя книжки, устраивать сельскохозяйственные и кустарные склады, а въ минуты особаго одушевленія обманывать себя и другихъ возможностью рѣшить проблему всеобщаго образованія.

Впрочемъ, не образованія, а грамотности... Вопросы теряли не только глубину, но подъ часъ и смыслъ. Развился тотъ ужасающій поессибилизмъ, девизъ котораго: „хоть что-нибудь, хоть какъ-нибудь“. Припомните столь популярную, сколько и фальшивую связь, которая объединила вопросы о тѣлесномъ наказаніи и грамотности. Помню мнѣніе одного школьнаго дѣтеля — оно, если не ошибаюсь, высказывалось и печатно, — что нѣтъ худа безъ добра, что и голодъ имѣлъ хорошую сторону: вѣдь столько ребятишекъ загналъ онъ въ школу за даровыми завтраками! Грамотность сама по себѣ, голодъ самъ по себѣ, — и все это внѣ связи съ живою личностью, съ многомилліонной массой чувствующихъ и думающихъ людей. Въ погонѣ за „чѣмъ-нибудь“ компромиссамъ нѣтъ предѣла: за цѣной стоять не приходится. И общественное достоинство, и права личности, и высокіе идеалы — поессибилизмъ все готовъ принести на алтарь маленькаго дѣла.

Но пока что, среди мелкихъ осколковъ культурной работы вы не найдете крестьянскаго вопроса во всей его былой огромности.

Общественная мысль не могла и не может надолго примириться съ этою безъ-или многопринципностью, съ этою безъ-или многопрограммностью. Она уже начала поиски идеи, которая обобщила бы жизнь, обратившуюся въ калейдоскопъ, и дѣятельность, почти потерявшую смыслъ. Считая крѣпостной строй отжившимъ, она сосредоточила свое вниманіе лишь на классовыхъ противорѣчіяхъ, которыми обогатилась жизнь, главнымъ образомъ, въ пореформенное время. Чтобы охватить идей о нихъ всѣ задачи современности, ей пришлось выбросить за бортъ крестьянство, какъ не имѣющій значенія обломокъ прошлаго, и сосредоточить свое заботливое вниманіе лишь на небольшой части трудящейся массы.

Но этотъ обходъ оказался осуществимымъ лишь въ теоріи. Острыя грани крѣпостного строя, выступающія изъ-подъ классовыхъ противорѣчій, слишкомъ больно даютъ о себѣ знать, чтобы ихъ можно было игнорировать. Крестьянство слишкомъ многочисленно, чтобы въ практической дѣятельности можно было не считаться съ его интересами. И то и другое пришлось включить въ стройную и, казалось, вполне закругленную программу.

Правда, крестьянство фигурируетъ пока еще въ качествѣ „экономической категоріи“, болѣе или менѣе спорной, болѣе или менѣе переваримой съ точки зрѣній основной идеи. Но крестьянство—не категорія только. Это прежде всего стомилліонная масса живыхъ людей.

И только тогда, когда интересы этой массы опять найдутъ свою обобщающую идею, теоретическая мысль выберется изъ доктринерскихъ закоулковъ на прямую дорогу, а силы, расточаемыя на малыя дѣла, сомкнутся около одного большаго дѣла.

А такой идеей въ настоящее время можетъ быть лишь та, которая лежала въ основѣ крестьянскаго вопроса.

А. Пѣшихоновъ.

Наша текущая жизнь.

(Журнально-газетное обозрѣніе).

«Жизнь», ноябрь и декабрь 1900 г.—«Міръ Божій», декабрь 1900 г. и январь 1901 г.—«Вѣстникъ Европы», декабрь 1900 г. и январь 1901 г. (Разбитое зеркало литературы: мелочи беллетристики.—Новыя вѣянія среди «русскихъ учениковъ»: метафизическое опьяненіе и исканіе «вѣчнаго».—Зигзаги критическаго Пегаса).

Прошлый разъ я обѣщаль заняться нашей ежедневной печатью, особенно же „Московскими Вѣдомостями“ и „Новымъ Временемъ“. Обстоятельства заставляютъ меня отложить этотъ разговоръ...

Просматривая лежащія передо мною книжки „Жизни“, „Міра Божія“, „Вѣстника Европы“, я все больше и больше прихожу къ тому заключенію, что, если считать литературу за зеркало общества, зеркало это теперь разбито на мелкія части и каждый кусокъ отражаетъ лишь маленькую сторону дѣйствительности. Особенно это видно на беллетристикѣ. Приходится отмѣчать поэтому по возможности кратко мелкія, но почему-либо интересныя произведенія; а покончивъ съ ними, подробнѣе остановиться лишь на томъ, что заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора.

Въ ноябрьской книжкѣ „Жизни“ г. Танъ набрасываетъ нѣсколько недурныхъ сценокъ, происходящихъ преимущественно между американцами, на заатлантическомъ пароходѣ при самомъ приближеніи къ Нью-Йорку или, какъ озаглавливаетъ авторъ этотъ отрывокъ изъ „путевыхъ очерковъ“, „У входа въ Новый Свѣтъ“. Въ декабрьской книжкѣ „Жизни“ же г. Ник. Апешовъ изображаетъ съ любовью и паэосомъ маленькую, но жизненную трагикомедію, приключившуюся на „Первыхъ ступеняхъ“ съ мальчикомъ-гимназистомъ изъ той мелкой и трудолюбивой среды, на которую обрушились въ свое время административные перуны циркуляра, направленнаго противъ „сыновей прачекъ и кучеровъ“. „Подаяніе. Картинка изъ тюремной жизни“ г. А. Свирскаго представ-

ляетъ, наоборотъ, мелодраму, не безъ таланта написанную, но въ которой витѣватость и стремленіе къ театральному контрасту значительно перевѣшиваютъ художественную правду.

Въ декабрьскомъ № „Міра Божія“ можно отмѣтить недурныя „Деревенскія картинки“ г. А. Яблоновскаго, или, точнѣ говоря, первую картинку, изображающую мытарство мужика въ погонѣ „За докторомъ“ въ современной деревнѣ, тогда какъ вторая картинка „Ребятишки“, рисующая жестокихъ крестьянскихъ мальчугановъ и чувствительную старуху-барыню, въ состояніи вызвать у читателя лишь недоумѣніе и вопросъ: что сей сонъ значить, и что специально деревенскаго и мужицкаго заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о мучительныхъ инстинктахъ ребятишекъ?

Еще большее недоумѣніе въ томъ же смыслѣ можетъ возбудить начало „деревенскихъ очерковъ“ г-жи Л. Нелидовой—начало, появившееся въ январьской книжкѣ „Міра Божія“ и повѣствующее о томъ, что терпятъ отъ мужиковъ „Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство“. Выходить, дѣйствительно, что помѣстѣ писательницы-хозяйки мужики готовы растащить, а самого почтеннаго автора автобіографіи пришить. Я нисколько не удивлюсь, если наши реакціонные органы будутъ съ большимъ восторгомъ распространяться о талантѣ и правдивости г-жи Коробочки-Нелидовой и отведутъ ей приличное мѣсто въ Пантеонѣ сочинителей, публицистовъ и корреспондентовъ, вошющихъ о безнравственности и разнузданности современнаго крестьянства. А между тѣмъ жалъ такой перспективы для автора, который не лишень нѣкоторой наблюдательности и, какъ можно заключить изъ кой-какихъ штриховъ набросанной имъ картины, отнюдь не принадлежитъ къ числу „охранителей“ и крѣпостниковъ, но который, не взвѣсивъ своихъ силъ, принялся за изображеніе очень сложныхъ и очень обоюдоострыхъ явленій русской деревни.

Мнѣ противно, конечно, размалевываніе нашего мужика, живущаго зачастую среди ужасныхъ условій, въ небесно-голубой цвѣтъ невинности и ничѣмъ непоколебимой добродѣтели. Но надо обладать колоссальнымъ талантомъ Глѣба Успенскаго для того, чтобы разобраться въ мужицкой психологіи и уяснить прежде всего себѣ самому, а потомъ и читателю свѣтъ и тѣни крестьянской души, происхожденіе и смыслъ ея положительныхъ и отрицательныхъ качествъ. То, что Н. К. Михайловскій такъ удачно называетъ „безстрашіемъ“ знаменитаго изобразителя народной жизни, связывалось, напр., у него съ необыкновенно тщательнымъ, мучительно вдумчивымъ анализомъ наблюдаемыхъ явленій, исключавшимъ на этой ступени подготовительной работы всякую самоувѣренность, всякое отношеніе къ вопросу скопдачка. И тотъ, кто имѣлъ счастье быть знакомымъ съ этимъ удивительно умнымъ писателемъ, вспомнить, какое искреннее, подчасъ тяжелое недоумѣніе возбуждали въ Успенскомъ сложные вопросы об-

щественной жизни, и съ какимъ рѣдкимъ смиреніемъ, съ какою скромностью и добросовѣстностью Глѣбъ Ивановичъ обращался за разрѣшеніемъ сомнѣній къ людямъ, даже гораздо ниже стоявшимъ его по уму, пока, наконецъ, внутренняя работа творческаго синтеза не выливалась у него въ яркую конкретную форму, и художественное чутье этого таланта, стоявшаго на границѣ гениальности, не отвѣчало созданными имъ же самимъ образами на запросы анализирующаго ума,—но опять таки до новой встрѣчи со свѣжими явленіями, до новой мучительной работы вопрошанія... Эту рѣчь я повелѣлъ къ тому, чтобы внушить г-жѣ Нелидовой сознание всей сложности задачи, за которую она взялась, и мысль семь разъ примѣрить, а потомъ ужъ отрѣзать. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее изложеніе злоключеній, происходящихъ съ „Современной помѣщицей Коробочкой и ея хозяйствомъ“, дастъ автору возможность лучше выяснитъ свою точку зрѣнія и отграничить ее отъ міросозерцанія ненавистниковъ мужика: нѣкоторыя сцены, нѣкоторыя замѣчанія г-жи Нелидовой даютъ намъ право на такую надежду.

Начатая въ январьской же книжкѣ „Міра Божія“ повѣсть г. Альбова „Сирота. Изъ исторіи одной сѣренькой жизни“ недостаточно еще продвинулась, чтобы можно было дать ей окончательную оцѣнку. Манера г. Альбова въ этой повѣсти вкладывать юмористическія рѣчи въ уста—sit venia verbo!—домовъ, статуй и прочихъ неодушевленныхъ предметовъ, равно какъ самый способъ художественнаго трактованія героевъ „сѣренькой жизни“ напоминаютъ не то нашего Гоголя, не то Диккенса и Альфонса Додэ, не совсѣмъ затушевывая, впрочемъ, собственную ипохондрическую нотку автора. „Исторія сѣренькой жизни“ чересчуръ топчется на мѣстѣ на первыхъ страницахъ и становится интереснѣе, когда, наконецъ, всѣ эти разговоры, если не въ царствѣ мертвыхъ, то между неодушевленными предметами покончены, и начинается біографія средней руки чиновника, нѣкоего Павла Ивановича Елкина, съ историческими экскурсіями героя въ область прошлаго при помощи сновидѣній à la Обломовъ. Подождемъ продолженія повѣсти.

Очень живое, а мѣстами и сильное впечатлѣніе производятъ „Записки врача“ г. В. Вересаева. Авторъ, не мудрствуя лукаво, рассказываетъ, что ему—„обыкновеннѣйшему среднему врачу, съ среднимъ умомъ и средними знаніями“—пришлось испытать и какія впечатлѣнія вынести изъ семилѣтней практики. И психологія этого средняго врача, равно какъ сцены, свидѣтелемъ, а порою и участникомъ въ которыхъ ему приходилось бывать, изображены настолько рельефно и интересно, что читатель совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, сколько здѣсь есть въ точности скопированнаго съ дѣйствительности, и сколько прибавилъ въ интересахъ художественности самъ авторъ, за что, конечно,

и нельзя быть на него въ претензіи: Dichtung здѣсь не мѣшает Wahrheit'у, и не дѣло литературной критики рѣшать задачу, насколько эти „записки“ представляютъ собою автобіографію совершенно конкретнаго лица, и насколько онѣ—художественное произведение, имѣющее дѣло съ явленіемъ—типомъ. Во всякомъ случаѣ, безыскусственный, порою публицистическій, порою чисто повѣствовательный слогъ „записокъ“ заставляетъ меня думать, что правды, и даже конкретной правды, здѣсь гораздо больше сочинительства. Но это меня, по крайней мѣрѣ, еще больше привлекаетъ къ хорошо написанному „документу“ изъ заправской жизни, и я съ гораздо большимъ волненіемъ и сочувствіемъ дожидаясь дальнѣйшаго повѣствованія автора о своихъ приключеніяхъ, чѣмъ если бы дѣло ошло о герояхъ, существующемъ только въ воображеніи художника и являющемъ лишь орудіемъ эстетическаго „очищенія чувствъ“, о которомъ говоритъ старикъ Аристотель.

Беллетристика декабрьской книжки „Вѣстника Европы“ сводится, въ сущности, къ двумъ большимъ рассказамъ: „Солдатка“ г. Александра Новикова и „Ее всѣ знаютъ. Изъ замѣтокъ земскаго врача“ г-жи В. І. Дмитріевой. Авторъ „Солдатки“ не безъ успѣха разыгрываетъ нѣсколько варіацій на столь извѣстный трагическій мотивъ нашей деревни, каково снохачество. Гуманный и симпатичный талантъ г-жи Дмитріевой ставитъ на этотъ разъ передъ читателями еще одинъ типъ изъ категоріи „золотыхъ сердецъ“, простую крестьянскую бабу, скрывающую подъ своей грубой и вульгарной оболочкой самоотверженную душу.

Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ заинтересовало меня начало повѣсти г. П. Д. Боборыкина „Однокурсники“, и я останавлиюсь на ней нѣсколько подробнѣе на ряду съ двумя другими вещами, о которыхъ мнѣ хотѣлось бы поговорить особо и которыя я выдѣляю изъ прочихъ беллетристическихъ вещей не по одному только таланту, а и въ силу поднимаемыхъ ими общихъ вопросовъ: я говорю о напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Жизни“ и еще неконченной повѣсти „Трое“ г. М. Горькаго и о рассказѣ „Октава“ г. Скитальца въ ноябрьской книжкѣ „Жизни“ же.

Я начну съ повѣсти г. Горькаго. Отъ меня далека педантичная мысль оцѣнивать, на подобіе педагога, баллами размѣры этого молодого таланта. Но что г. Горькій—талантъ и талантъ несомнѣнный, согласны и друзья, и враги писателя. Различіе въ оцѣнкахъ творческой силы автора почти цѣликомъ объясняется, по моему мнѣнію, отношеніемъ критиковъ къ общему міровоззрѣнію, которое они предполагаютъ въ г. Горькомъ,—замѣтьте „предполагаютъ“, но не больше. Ибо, нисколько не думая оскорбить г. Горькаго, къ которому меня влечетъ чувство симпатіи, какъ ко всякой живой силѣ, ко всякому проявленію зиждущей энергіи, я

полагаю, что объ общемъ міровоззрѣніи нашего автора можно говорить лишь съ натяжкою. Общее міровоззрѣніе, по крайней мѣрѣ у писателя, у человѣка, обращающагося съ печатнымъ словомъ къ обширной аудиторіи, предполагаетъ предварительную работу критической мысли, сознательное отношеніе къ своимъ идеаламъ. Не думаю, чтобы извѣстныя намъ условія личнаго развитія г. Горькаго благопріятствовали и этой предварительной работѣ, и этому сознательному отношенію. Можно лишь говорить о тѣхъ или другихъ инстинктахъ, чувствахъ и преобладающихъ настроеніяхъ, которые фатально возникаютъ въ извѣстной средѣ и, наслояся въ душѣ живущаго здѣсь человѣка, придаютъ нѣкоторый общій колоритъ взглядамъ и вкусамъ автора.

Съ другой стороны, художнику и не обязательно (говоря это въ смыслѣ фактической, а не нравственной обязательности) имѣть общее міровоззрѣніе для того, чтобы проявлять крупную творческую силу, создавать могучіе образы и волновать сердца читателей, мало того—давать толчокъ работѣ сознательной мысли. Научныя изслѣдованія въ области психологіи все болѣе и болѣе подкрѣпляютъ идею, высказывавшуюся уже не разъ мыслящими критиками, относительно того, что художникъ зачастую работаетъ безсознательно, самъ не отдавая порою себѣ отчета въ громадномъ значеніи результатовъ своего творческаго процесса, и что дѣло критики объяснить, выразить въ формѣ логическихъ мыслей то, что у художника было лишь геніальнымъ предвидѣніемъ инстинкта и чутья. Но, давая пищу критикѣ, анализу, сознательной работѣ мысли, художникъ, въ свою очередь, подвергается воздѣйствію анализа и критики, этому, такъ сказать, обратному удару электричества, имъ же самымъ развитаго въ художественной сферѣ. И вотъ тутъ-то нерѣдко начинается процессъ прилаживанія художника къ міровоззрѣнію тѣхъ истолкователей, которые по той или другой причинѣ больше приглянулись ему разъясненіемъ его же собственнаго творчества; и дальнѣйшая дѣятельность артиста окрашивается заимствованнымъ у критика готовымъ міросозерцаніемъ.

Я думаю, эта общая—схема взаимодѣйствія въ извѣстныхъ случаяхъ—творца и комментатора отчасти напоминаетъ личную исторію г. Горькаго. Онъ выступилъ съ изображеніемъ міра „босакъ“; и, благодаря знакомству автора съ этимъ міромъ, а главное его свѣжему и незаурядному таланту, изображение это вышло сильно и рельефно и возбудило большой интересъ въ публикѣ. Но выступленіе г. Горькаго въ качествѣ писателя совпало у насъ съ тѣмъ идейнымъ теченіемъ, которое отойдетъ въ исторію подъ названіемъ „русскаго марксизма“, и совпало именно съ тѣмъ моментомъ, съ той волной этого теченія, которая заключалась въ пренебрежительномъ отношеніи къ интеллигенціи во имя исключительной вѣры въ рабочія массы. Само по себѣ это отношеніе къ интеллигенціи не представляетъ ничего новаго, и въ народ-

нической литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ можно найти очень поучительныя аналогіи ему, съ той разницей, что въ ту эпоху процессъ идеализаціи былъ направленъ на деревню, а теперь онъ устремился на городъ. Въ послѣднее время, правда, эта новая форма народничества идетъ на убыль, и крайняя лѣвая нашего марксизма начинаетъ находить, что въ заушеніи интеллигенціи она зашла чрезчуръ далеко и потому принуждена бить отбой на нѣкоторыхъ пунктахъ своего воинствующаго лагеря. Но еще недавно интеллигенція была окончательно, повидимому, сброшена въ мировоззрѣніи марксистовъ со счетовъ русскаго активнаго прогресса, и въ пику ей, ей, раздавленной непосильными условіями, возлагались очень сангвиническія надежды только на городскія массы.

И вотъ именно, если г. Горькаго критика встрѣтила вообще сочувственно, то критика марксистскаго лагеря постаралась возвести его на пьедесталъ генія, постаралась комплиментами „перевосхитить черезъ амбаръ“ по выраженію Успенскаго, потому только, что нашъ авторъ вводилъ читателей, главнымъ образомъ, въ міръ городскихъ золоторотцевъ. Въ противоположность интеллигенціи, которая, молъ, дрябла, безсильна, годится лишь на историческую живодерню, босякъ г. Горькаго въ комментаріяхъ нашихъ марксистовъ являлся положительно какимъ-то титаномъ непреклонной воли и могучаго желанія, своего рода сверхъ-человѣкомъ, а рассказы г. Горькаго своеобразнымъ національнымъ эпосомъ нашей золотой команды на манеръ цикла короля Артура и „Пѣсни Нибелунговъ“. И курьезно, что при этомъ процессъ идеализаціи босячества никто, если не ошибаюсь, изъ представителей нашего марксизма не замѣтилъ, что дѣло-то, вѣдь, идетъ именно о босякѣ, а не о рабочемъ, о Lumpenproletariat'ѣ, о „пролетаріатѣ оборванцевъ“, а не о пролетаріатѣ трудящемся; и что восторгаться сверхъ-человѣками въ опорахъ пристало бы приверженцамъ анархиста Бакунина, а не ученикамъ Маркса и Энгельса, отъ которыхъ такъ доставалось именно Lumpenproletariat'у и именно потому, что для нихъ онъ являлся продуктомъ разложенія современнаго строя, а отнюдь не элементомъ созиданія будущаго.

Какъ бы то ни было, г. Горькій, сбитый съ толку неумѣренными похвалами своему, хотя и далеко незаурядному—еще разъ повторяю это—таланту, заплатилъ дань увлеченія идейной модѣ минуты; и у него вы найдете немало не только искусственно-лирическаго возвеличенія энергичной „свободной“ души золоторотцевъ, но и карикатурнаго шаржа ни къ чему, молъ, негодной интеллигенціи (которую онъ, кстати сказать, очень плохо знаетъ, если судить по курьезнымъ соображеніямъ, которыя онъ ей влагасть). Художественное чутье правды нерѣдко, впрочемъ, стало у него верхъ надо подсказываніемъ критиковъ и мстило

ника, обладавшего замѣчательнымъ голосомъ и попавшаго въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, завертѣвшагося въ омутъ шальной городской жизни этихъ своеобразныхъ „босяковъ“, изнемогшаго подъ бременемъ нахлынувшихъ на него вопросовъ о существованіи и „смыслѣ“ его и, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, снова возвратившагося въ деревню, чтобы здѣсь мирно доживать надломанный, надломанный, какъ самая „октава“, вѣкъ свой. Мѣстами эта повѣсть не лишена нѣкоторыхъ курьезовъ, мѣстами напоминаетъ отдѣльные эпизоды не то изъ „Пѣвцовъ“ Тургенева, не то изъ „Очерковъ бursы“ Помяловскаго — вспомните хотя бы поэтическое описаніе великопостной службы и состязаніе дискантовъ и басовъ у послѣдняго; но въ общемъ отмѣчена несомнѣнною печатью дарованія, и дарованія, которое успѣваетъ соединить знаніе изображаемой среды и художественную обработку сюжета... И вотъ, что же, по словамъ автора, заставило „Октаву“ бѣжать изъ города? Противорѣчіе между безпутнымъ городомъ и идиллической деревней, между новой обстановкой и прежними традиціонными взглядами пѣвца:

Въ деревнѣ все было просто, ясно и непоколебимо, а здѣсь онъ ничего не понималъ, все кругомъ было полно противорѣчій... Хорошіе и образованные люди пресмыкаются въ пѣвчихъ, живутъ нехорошо въ пьянствѣ и бѣдности, и заражены невѣріемъ въ Бога. Не вѣрятъ въ Бога, а души добрыя. Невѣжда и грабитель купецъ Понедѣльниковъ — нехорошій человекъ... живетъ хорошо, въ почетѣ, богатствѣ и благочестіи. Онъ вѣритъ въ Бога, сердце же имѣетъ звѣриное.

Заключительныя строки разсказа проливаютъ радужно-оптимистическій свѣтъ на состояніе души, „октавы“ — Захарыча, нравственный кризисъ котораго разрѣшился въ концѣ концовъ тѣмъ, что онъ, какъ мы видѣли, возвратился въ деревню, а возвратившись, снова взялся за топоръ. Здѣсь авторъ встрѣтился съ героемъ, и вотъ какой діалогъ произошелъ между ними:

— Что же ты изъ города-то ушелъ? Вѣдь тамъ ты голосомъ впятеро больше заработаешь, чѣмъ здѣсь топоромъ!..

— А наплевать мнѣ на ваше «впятеро»! — отвѣчалъ онъ. — Ты посмотри только отсюда на Волгу, на горы! Здѣсь душа отъ всей вашей скверны покоя не находится, а тамъ она мятется по пусту!..

— По вѣдь красота и въ пѣніи есть, Захарычъ! — возразилъ я. — Отчего ты не поешь въ оперѣ въ хору или у Славянскаго?

Захарычъ съ презрѣніемъ усмѣхнулся, помолчалъ, словно ему приходилось отвѣчать на ребяческій вопросъ, и затѣмъ сказалъ строго и внушительно:

— Я пою Богови моему!..

Эти новыя ноты не только въ прошедшей черезъ городскія мытарства „октавѣ“, но и въ самой „Жизни“, можетъ быть, показываютъ лишній разъ, что русскій марьясизмъ пытается отрѣшиться отъ своей односторонности. И если идеализація деревни

сама по себѣ столь же мало удовлетворяетъ насъ, какъ и идеализація города,—мало удовлетворяетъ хотя бы уже потому, что общія основанія современнаго строя исключаютъ и здѣсь и тамъ сплошное оптимистическое окрашиваніе,—то все же мы привѣтствуемъ появленіе Захарыча на Волгѣ и на страницахъ „Жизни“, какъ симптомъ внутренней работы среди русскаго марксизма, симптомъ его желанія кое-что устранить, кое-что принять и бросить здоровое зерно, заключенное въ немъ, снова на историческую почву прогрессивнаго развитія, на почву идейныхъ традицій, характеризовавшихъ водораздѣль 70-хъ и 80-хъ годовъ. Эта внутренняя работа нашего марксизма сказывается пока, какъ на броженіи и междоусобной войнѣ между различными оттѣнками этого міровоззрѣнія, такъ и на попыткахъ сближенія наиболѣе живыхъ элементовъ марксизма съ другими прогрессивными теченіями. Относительно сближенія я позволю себѣ сослаться въ чисто литературной сферѣ на слѣдующее мѣсто изъ „Однокурсниковъ“ г. П. Д. Боборыкина, который, какъ извѣстно, пользуется у насъ репутаціей, если не особенно глубокаго, то всегда чуткаго наблюдателя, улавливающаго различныя „моменты“ общественной жизни, можно сказать, *in statu nascenti*, при самомъ ихъ рожденіи. Вотъ какой разговоръ ведутъ между собой въ трактирѣ двое изъ героевъ новой повѣсти нашего плодовитаго романиста:

—Такъ и теперь. Я не говорю про всѣхъ. Не похаю и того, что стали въ самую суть вдумываться, доходить до корня въ социальныхъ вопросахъ, не повторяютъ прежнихъ слащавыхъ фразъ...

— Насчетъ чего?—остановилъ Заплатинъ, жадно слушавшій.—Насчетъ народа и деревни?

— Перепустили и тутъ мѣру. Вы вѣдь, небось, читаете?—Тамъ, въ Питерѣ, произошло нѣкоторое если и не примиреніе вплотную, то признаніе того, что и семидесятниковъ нельзя было такъ травить.

— Я это всегда говорилъ, Сергѣй Петровичъ!—И сколько окриковъ на меня было! Разъ чуть не выгнали изъ одного синедріона. Честное слово!

— Вѣрно. Теперь полегче. И я той вѣры, что соглашеніе состоится не сегодня, такъ завтра. Главное дѣло: знанія нѣтъ жизненнаго, изъ первыхъ рукъ. Я кое-кому, изъ самыхъ заядлыхъ, говорю при случаѣ: побѣдили бы вы хоть съ мое, потолкались промежду рабочаго люда—вы бы и поняли, что на Руси нельзя еще дѣликомъ прикладывать аглицкій аршинъ. Нѣтъ еще его, настоящаго фабричнаго пролетаріата. Деревня отъ фабрики уже сильно зависитъ—это вѣрно; и она ею питается, но и фабрика безъ деревни не можетъ работать...

Я принужденъ прервать здѣсь за недостаткомъ мѣста эту интересную цитату, но прошу читателя заглянуть въ самую повѣсть, чтобы видѣть, какой новый процессъ происходитъ среди рабочаго люда. Во всякомъ случаѣ фонографъ г. Боборыкина, или, если хотите, художественное „эхо“ нашего романиста уже подхватило разговоры о примиреніи и соглашеніи, въ скоромъ времени, можетъ быть, повѣдаетъ намъ и о совмѣстной дѣятельности примирившихся и согласившихся. Я оставляю до окончанія

повѣсти разборъ ея и соображенія по поводу выведенныхъ въ ней различныхъ типовъ современной интеллигенціи, начиная отъ „пострадаваго“ за общественные инстинкты студента Заплата и кончая миллионеромъ Эліодоромъ Пятовымъ, „главою капиталнѣйшей фирмы“ и вмѣстѣ претенціознымъ декадентомъ, сибаритомъ и ловеласомъ. А теперь перехожу къ проявленіямъ внутренняго броженія и разслойки среди марксизма.

При этомъ я не буду на сей разъ даже и останавливаться на тѣхъ мелкихъ перебранкахъ, которыя важны лишь для самихъ участвующихъ „въ числѣ драки“ и свидѣлствуютъ лишь о взаимномъ желаніи полемистовъ утопить другъ друга въ стиксовыхъ водахъ простой чернильницы (см., напр., „Письмо въ редакцію“ г. Нежданова противъ г. Филиппова въ ноябрьской книжкѣ „Жизни“, стр. 440—443). Меня въ гораздо большей степени интересуетъ серьезный процессъ внутренней ломки въ міровоззрѣніи русскихъ марксистовъ, и прежде всего все болѣе и болѣе сильное проникновеніе его идеалистической метафизикой. И смѣю увѣрить моихъ братьевъ-враговъ, что къ этому послѣднему явленію я отношусь не только безъ злорадства, но съ искреннимъ огорченіемъ, хотя и вижу въ этомъ процессѣ естественную реакцію противъ чрезмѣрной односторонности недавняго направленія „русскихъ учениковъ“.

Дѣло стояло, дѣйствительно, такъ: люди, возстававшіе противъ этой односторонности, готовы были признать въ „монизмѣ“ наиболѣе цѣльное и логическое міросозерцаніе; они нисколько не умаляли значенія и „экономическаго матеріализма“, какъ одной изъ важнѣйшихъ точекъ зрѣнія соціологическаго изслѣдованія; они просили лишь русскихъ марксистовъ расширить понятіе „реальныхъ потребностей“ и включить въ нихъ и другія побужденія, кромѣ экономическихъ, что, кстати сказать, нисколько не подрывало всей могучей реальности человѣческихъ потребностей. Не тутъ-то было: „русскіе ученики“ съ необыкновеннымъ упорствомъ распространялись въ прозѣ, а порою даже и въ стихахъ относительно „экономическаго фактора“ и „условій производства“, „ядра“ и „оболочки“, „фундамента“ и „надстроекъ“; и въ „послѣднемъ счетѣ“ (очень удобное слово!) выводили всю сложную и пеструю психологію личности и общества изъ развитія техники. Они выбросили изъ этой психологіи всѣ побужденія чловѣка, кромѣ экономическихъ, какъ побужденія въ самомъ лучшемъ случаѣ отраженныя и второстепенныя. Но гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно, и такъ какъ наши марксисты закрыли подвергшимся остракизму потребностямъ именно нормальный ходъ въ соціологію, то избрать необычный и воздушный путь окошка могли только тѣ изъ нихъ, этихъ потребностей, которыми по онтологическому штату полагается обладать наибольшею безтѣлесностью, наибольшею прозрачностью, и вотъ хранина

марксистскаго міровоззрѣнія наполнилась созданіями не здоровыхъ идеальныхъ—и, стало быть, въ этомъ смыслѣ глубокореальныхъ—потребностей человѣка, а болѣзненныхъ стремленій къ мистикѣ и метафизикѣ.

Я съ грустію принужденъ констатировать тотъ фактъ, что по этой части всего усерднѣе подвизается мой огорчитель г. Струве,—говорю „огорчитель“, потому что никакъ не могу отдѣлаться отъ симпатіи къ этому правдоискательствующему писателю, а каково смотрѣть на ложные шаги и опасныя увлеченія симпатичныхъ намъ людей? Мнѣ все кажется, что г. Струве употребить порывы своего пробудившагося отъ догматизма духа на что-нибудь болѣе здоровое, болѣе человѣчное, чѣмъ на восхищеніе мистицизмомъ и ничшеанствомъ. А вѣдь мы съ моимъ огорчителемъ до этого дошли, читатель! Совѣтую вамъ, дѣйствительно, познакомиться съ небольшой, но очень знаменательной замѣткой г. Струве, появившейся подъ заглавіемъ „На разные темы“ въ январьской книжкѣ „Міра Божія“. За недостаткомъ мѣста я позволю себѣ взять изъ нея лишь нѣсколько слѣдующихъ строкъ:

Мистицизмъ Гауптмана не новость. Онъ достаточно сказался въ «Ганнеле». Я помню, какъ за этотъ мистицизмъ бѣдному Гауптману досталось въ свое время отъ театральнаго критика «Neue Zeit», извѣстнаго Франца Меринга. Сколько буржуазной пошлости было, однако, въ этой передовой и позитивной критикѣ, которая не могла простить Гауптману, что онъ въ душу бѣдной дѣвочки вложилъ религіозную мечту. Какъ эта мечта компрометировала и Ганнеле, и ея творца въ глазахъ положительныхъ людей, которые все «научно» рѣшили и побѣдоносно упразднили всѣ тайны...

Эхъ, другъ-читатель! вотъ что значить

Праздникъ жизни, молодости годы
Провести подъ бременемъ труда, —

работы мысли въ рамкахъ узкой и самоувѣренной доктрины, въ кругу „русскихъ учениковъ“, которые, дѣйствительно, слова не могли сказать, чтобы не пристегнуть къ нему такъ или иначе „научности“, и которые во истину по части „побѣдоноснаго“ упраздненія всѣхъ тайнъ при помощи единоспасющей формулы превзошли всѣ наши школы и направленія. Поневолѣ въ душѣ человѣка, который жадно ищетъ правды и живетъ, и мыслить, и дѣйствуетъ во имя личнаго убѣжденія, возникнетъ реакція; поневолѣ вырвешься изъ ежовыхъ рукавицъ „экономическаго фактора“ и ударишься съ горя, на подобіе Мармеладова, въ пьянство, — метафизическое, конечно, пьянство — и поневолѣ, какъ Мармеладовъ же, „возропщешь“. Этимъ настроеніемъ только и можно объяснить сальто-мортале моего огорчителя въ эфиръ ужащающей метафизики, — иначе какъ же онъ не остановился хотя бы на томъ соображеніи, что если далеко не все рѣшено научно, да и будетъ ли когда-нибудь время, когда всѣ тайны будутъ упразд-

нены, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы мы критическую мысль должны были повергнуть ницъ у подножія идола мистицизма, и чтобы мы стали окружать себя лишними таинствами, стремясь къ особому идейному наркозу. Можно, конечно, находить узость и односторонность хотя бы у позитивизма, и никто вамъ не мѣшаетъ дѣлать необходимыя поправки къ положительному міросозерпанію; но мнѣ думается, что если существуетъ нѣчто высокоцѣнное и прогрессивное въ этомъ міровоззрѣніи, такъ это требованіе—и требованіе не только научное, но въ извѣстномъ смыслѣ моральное—отказаться отъ изслѣдованія первыхъ причинъ и всѣхъ этихъ метафизическихъ сущностей, лежащихъ „по ту сторону“ критической мысли. У насъ есть черезчуръ много реальныхъ, глубоко жизненныхъ и еще нерѣшенныхъ вопросовъ на землѣ, — напр., вопросовъ о безпрепятственномъ развитіи личности и его необходимой предпосылки, осуществленія лучшаго строя для всего человѣчества,—для того, чтобы мы имѣли право витать надъ грѣшною юдолью плача въ пространствѣ трансцендентальнаго эфира и гоняться за уловленіемъ разныхъ вѣчныхъ абсолютовъ.

Интересно, что даже у тѣхъ изъ кающихся марксистовъ, которые не заходятъ такъ далеко, какъ г. Струве; по части метафизики и мистицизма, все же это стремленіе къ „вѣчнымъ“ идеямъ принимаетъ такія формы, которыя заставляютъ все сильнѣе и сильнѣе задумываться относительно ближайшаго будущаго русской прогрессивной мысли. Совѣтую читателю вдуматься хотя бы въ смыслъ статьи г. Лозинскаго „Нео-кантіанское теченіе въ марксизмъ“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Жизни“ и носящей характерное подзаглавіе „Къ исторіи современныхъ этическихъ исканій“. Это очень любопытная страничка изъ психологіи тѣхъ „русскихъ учениковъ“, которые „возроптали“ противъ недавней еще ужасающей узости и сухости своего міровоззрѣнія и, по закону реакціи, съ двухвершковой высоты своего „фундамента“ скакнули превыше всякихъ надстроекъ прямо въ міръ вѣчныхъ истинъ. Слушайте, напримѣръ:

Мы лично (курсивъ г. Лозинскаго) вѣримъ, что въ концѣ концовъ результатомъ настоящаго броженія не только наши общественные идеалы приобретутъ большую яркость и внушительность, но и наши религіозно-нравственныя вѣрованія освѣтятъ всю нашу жизнь новымъ свѣтомъ, согрѣютъ новымъ смысломъ — вѣчнымъ и неизсякаемымъ. И тогда та самая «идеологическая надстройка», которая до послѣдняго времени находилась въ такомъ пренебреженіи, получивъ свое обновленное содержаніе, вдохнетъ новыя и тогда ужъ дѣйствительно непреодолимыя силы въ историческое движеніе. Матеріальные факторы общественной динамики имѣютъ, конечно, неоспоримое значеніе въ историческомъ процессѣ, но тотъ же самый историческій процессъ насъ учитъ, что и идеологическіе факторы создавали грандіозныя духовныя теченія... Элементарная дѣйствительность... никогда, однако, не можетъ надолго заглушить коренной потребности человѣческой души, потребности чисто идеалистической—знать, что есть въ томъ пестромъ хаосѣ дѣйствительности *этично, непреходя-*

чаго (всѣ эти курсивы г. Лозинскаго) и въ то же время *доброю*, ради чего стоило бы жить, бороться, приносить жертвы,—словомъ «вѣрить, надѣяться и любить».

Приходится и радоваться, и плакать, и пожалуй даже больше плакать, чѣмъ радоваться, читая признанія этой истомившейся по идеаламъ души недавнихъ догматиковъ марксизма. Дѣйствительно, въ приведенномъ хотя бы отрывкѣ здоровыя стремленія и вѣрныя соображенія въ такой степени переплетены съ чисто-метафизическими и вредными для прогрессивной мысли тенденціями, что друзьямъ активнаго русскаго развитія предстоитъ, вѣроятно, немало усилій, чтобы направить идеалистическіе порывы нашихъ „нео-кантіанцевъ“ по руслу нормальнаго общественнаго творчества. И не будь я неисправимымъ оптимистомъ, я бы могъ по этому случаю предаться горестнымъ размышленіямъ въ родѣ слѣдующихъ: давно-ли „русскіе ученики“ подвергали жесточайшему порицанію всѣхъ тѣхъ, кто не клялся „фундаментомъ“? Давно-ли презрительная кличка „идеологъ“ давалась людямъ, которые указывали на значеніе личности и ея идеаловъ въ процессѣ исторической жизни? Давно-ли поражался „субъективный методъ“ хотя бы Н. К. Михайловскаго, который, молъ, свои фантазіи выдавалъ за строгія научныя истины? И, однако, что иное говорилъ этотъ мыслитель, защищая примѣненіе упомянутаго метода въ социологіи, какъ не то, что нѣтъ абсолютныхъ истинъ, а есть только относительныя, и что истина есть удовлетвореніе, насыщеніе познавательной потребности человѣка въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, въ рамкахъ извѣстнаго слоя, класса, общества, эпохи? Это, видите ли, было не научно. И вотъ, въ настоящее время „русскіе ученики“ исправили эту ненаучность: ниспровергнувъ свой прежній марксистскій догматизмъ, они теперь заняты тѣмъ, что въ области четвертаго измѣренія и трансцендентальнаго эфира стараются — въ тысячный разъ въ исторіи человѣческой фантастической мысли—сорвать Изидино покрывало съ „вещи самой по себѣ и въ себѣ“.

Но объ этомъ мы поговоримъ при случаѣ поподробнѣе, а теперь не угодно-ли будетъ читателю послѣ огорчительныхъ соображеній о вѣчности позабавиться болѣе веселыми сюжетами текущей жизни и „текущей русской литературы“ г. Андреевича. Въ своей статьѣ о „Литературномъ мѣщанствѣ“, помѣщенной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Жизни“, нашъ славный „присяжный рецензентъ“ — таковъ титуль, данный имъ себѣ самому — опять ходитъ веселыми ногами къ кабочару, или, выражаясь болѣе возвышеннымъ слогомъ, причлещствующимъ самому предмету — по-двигамъ не столько пѣхотинца, сколько наѣздника, — выписываетъ зигзаги по полямъ изящной словесности на своемъ скоропалительномъ и скорописательномъ Пегасѣ, вдохновляя его лирическими понуканіями:

Ты неси меня, какъ хочешь,
По крутымъ нагорнымъ высямъ,
Гдѣ бушуютъ водопады,
Низвергаясь въ бездны вадора!...

Г. Андреевичъ задался скромною цѣлью представить общественную психологію буржуазіи на основаніи созданной ею же литературы и въ связи съ социальными-политическими условіями ея происхожденія. Если бы „присяжный рецензентъ“ ограничился Россією, то можно было бы лишь пожать плечами, присутствуя при томъ экзаменѣ, который онъ производитъ писателямъ и литературнымъ группамъ съ точки зрѣнія „классового міросозерцанія“, напр., важно сообщая читателю, что Щедринъ былъ „слишкомъ баринъ“, а „Отечественныя Записки“ „третировали мѣщанство“. Но г. Андреевича смущали лавры обозрѣвателя всемірной литературы, и вотъ онъ рѣшилъ бросить взглядъ и нѣчто на западноевропейскую буржуазію или, собственно говоря, французскую, пробѣжавши, очевидно съ наскоку, главнымъ образомъ русскій переводъ исторіи новѣйшей французской литературы Птиде-Жюльвиля, что избавило его отъ труда прочитать и продумать авторовъ, о которыхъ онъ говоритъ по обыкновенію съ чрезвычайнымъ апломбомъ.

Такъ, запасшись формулой „классового пониманія“ и мужествомъ характеризовать нечитанныхъ имъ писателей, г. Андреевичъ докторальнымъ тономъ зачисляетъ одинаково въ ряды „мѣщанъ-теоретиковъ“ и „мѣщанъ-поэтовъ“, питавшихъ иллюзію, что третье сословіе это весь народъ-господинъ, безъ различія классовъ, зачисляетъ, говорю я, одинаково такихъ авторовъ, какъ

«Поль-Луи-Курье, Беранже, отчасти Барбье, Леру, Жоржъ-Зандъ. Они мечтали о мирѣ внутри народа, о его единеніи, и всѣ одинаково искренно ненавидѣли старый порядокъ. Нечего и прибавлять, конечно, что крестьяне и крестьянская жизнь давали имъ особенно богатый матеріалъ для построенія своихъ утопій «единого и нераздѣльнаго народа-господина».

И сейчасъ же дальше г. Андреевичъ цитируетъ, „напримѣръ“, такое мѣсто изъ Курье, въ которомъ знаменитый памфлетистъ строить отнюдь не крестьянскую утопію, а сатиру противъ феодальнаго строя. Но это показываетъ лишь обычную торопливость и небрежность критика, хотя благодаря этимъ свойствамъ читатель, незнакомый съ Курье, и можетъ принять ироническую картину, набросанную памфлетистомъ, за идиллію „народа-господина“... Главный-то курьезъ заключается въ томъ, что нашъ „присяжный рецензентъ“ присоединилъ къ мѣщанамъ, питавшимся иллюзією насчетъ буржуазіи, охватывающей весь народъ; и социалиста Пьера Леру, который, какъ извѣстно, подчеркивалъ противорѣчіе въ интересахъ буржуазіи и пролетаріата и написалъ, „напримѣръ“, цѣлое сочиненіе о „Плутократіи“ противъ классового господства владѣльцевъ капитала.

Андреевича есть, впрочемъ, и не одни промахи, но и очеловѣченія страницы. Мнѣ особенно понравилось на стр. 356—358 (въ изображеніе исторіи европейскаго мѣщанства и его псих.). Понравилось, однако, согласно латинскому изреченію *bis est placet*, т. е. „вещи, два раза повторенныя, нравятся“. Эти дѣлительно наилучшія мѣста въ статьѣ г. Андреевича представл. собою — за исключеніемъ кой-какихъ фіоритуръ критика — и буквально воспроизведеніе нѣкоторыхъ страницъ изъ о. очень извѣстнаго документа, написаннаго въ 1847 г. и переннаго на всѣ европейскіе языки. Я, конечно, не буду по-этому поводу дѣлать трагическихъ жестовъ, воздѣвать руки къ небу въывать громы на голову плагиатора: въ своемъ стремительнозгѣ г. Андреевичъ просто забылъ, что эти мысли и даже эквиваленты выраженія не принадлежатъ ему.

Какъ то ни было, подхватывая съ такою скоропалительностію ончикъ своего бойкаго пера все, что попадется по дорогѣ, Андреевичъ зачастую не давалъ себѣ труда примирить между собою мысли различнаго происхожденія и различнаго характера, хотя бы объясняется, что списавъ (на стр. 357) съ упомянуто уже мною документа блестящую и энергичную фразу: „молодой водѣ эгоистическаго разсчета мѣщанство по-топило свѣчи набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія“, — Андреевичъ всего пятью страницами далѣе говорить о „мѣщанскій литературѣ“, что „неясная жажда дѣйствительно прекрасныхъ (овѣческихъ) отношеній, исполненныхъ рыцарскаго благородства томить ее, наполняетъ недовольствомъ“ (стр. 362). Конечно, эспротиворѣчіе не непримиримо, но все же его нужно было устрани, при посредствѣ нѣкоторыхъ промежуточныхъ звеньевъ. Ибо тѣмъ примиреніемъ нельзя считать указаніе, во вкусѣ „классовой теоріи, на присутствіе въ этой литературѣ еще нѣкоторыхъ феодально-аристократическихъ традицій и въ „самой средѣ“ ея еще сликомъ большого числа „аристократовъ“. Кстати, съ свойственною ему приткостью г. Андреевичъ истолковываетъ „жалобы на мѣ городовъ, на грозы революцій“ въ одномъ изъ стихотвореній аристократа „де-Виньи, какъ „голосъ оставшагося не у дѣлъ аристократизма жизни“ (стр. 363); и не подозреваетъ, очевидно, то, что тотъ же самый „аристократъ“ воспѣваетъ въ одномъ изъ своихъ патетическихъ стихотвореній именно великое значеніе шумнаго революціоннаго Парижа, какъ „колеса всего міра“, прославляетъ, въ числѣ другихъ великихъ идей, поставленныхъ человечеству этимъ всемірнымъ городомъ, ученіе сен-симонистовъ“.

Вотъ что значить злоупотреблять приткостью критическаго Пегаса:

Думы съ вѣтромъ носятся,—
Вѣтру не догнать!...

В. Г. Подарскій.

З а м ѣ т к а.

Въ отзывѣ г. Суркова о моей статьѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“: „Къ вопросу о рынкахъ“—отзывѣ, помѣщенномъ въ октябрьской книжкѣ „Жизни“ за 1900 г. и мало интересномъ для меня существу, такъ какъ г. Сурковъ совсѣмъ не касается въ своихъ возраженіяхъ на новую теорію рынковъ, мое вниманіе невольно остановлено тѣми чисто фактическими неточностями, которыя допущены авторомъ по отношенію къ критикуемой статьѣ.

Въ виду этого, я обратился къ редакціи „Жизни“ съ просьбой, въ которомъ просилъ ее напечатать въ ближайшей книжкѣ журнала мое опроверженіе этихъ неточностей фактического характера. Мнѣ казалось, что я имѣю безспорное право на то, чтобы мое опроверженіе было напечатано на страницахъ именно этого журнала, гдѣ была нарушена возстановляемая мною истинная правда.

Но вотъ съ тѣхъ поръ уже вышли въ свѣтъ тридцать три книжки „Жизни“ безъ всякаго упоминанія о моемъ возраженіи. Дѣлая отсюда тотъ естественный выводъ, что мое возраженіе не встрѣтило надлежащаго признанія со стороны редакціи „Жизни“, я долженъ удовольствоваться теперь запоздалымъ извѣщеніемъ вышеупомянутыхъ фактическихъ поправокъ на страницахъ „Русскаго Богатства“ (ни мало неповиннаго между тѣми погрѣшностями г. Суркова). Вотъ о какихъ неточностяхъ я говорю.

I. На стр. 323 г. Сурковъ пишетъ: „Г. Б.—вытравиваетъ тему очень интересную, тему нашумѣвшую на всѣмъ Россію. Къ сожалѣнію, г. Б.—въ силу своей доброй воли суживаетъ эту обширнѣйшую тему до размѣровъ ознакомленія читателей „Русскаго Богатства“ съ сущностью всего вопроса, руководясь исключительно книгой г. Булгакова „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“, вышедшей притомъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ.“

Желаніе ознакомить читателей „съ сущностью всего вопроса“ о рынкахъ, руководствуясь исключительно книгой г. Булгакова, можетъ справедливо показаться плохой рекомендаціей для писателя. Но вотъ мое заявленіе въ его настоящемъ видѣ:

Указавъ на чрезвычайную важность для спора о возможныхъ

размѣрахъ капиталистическаго производства въ Россіи новой теоріи рынковъ, отрицающей потребность въ таковыхъ для успѣшнаго развитія капитализма, мы заявляемъ о необходимости остановиться съ нѣкоторою подробностью на этой теоріи и говоримъ, что „для этого намъ приходится прежде всего изложить вкратцѣ сущность новаго ученія, причемъ мы будемъ руководствоваться исключительно книгой г. Булгакова“ (стр. 41). Выборъ этой книги мотивированъ нами тѣмъ, что изложеніе г. Булгакова признано наиболѣе научнымъ самими сторонниками новой теоріи (стр. 49).

Итакъ, въ чемъ же дѣло? Г. Туганъ-Барановскій изобрѣтаетъ новую теорію рынковъ; г. Булгаковъ излагаетъ эту теорію въ дополненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Мы же, желая показать ея несостоятельность, заявляемъ въ нашей статьѣ о необходимости познакомить предварительно и вкратцѣ читателей съ сущностью новаго ученія по руководству его лучшаго истолкователя. Г. Сурковъ замѣняетъ въ нашемъ заявленіи слова „сущность новаго ученія“ словами „сущность всего вопроса“ и [затѣмъ присоединяетъ къ этимъ словамъ, въ кавычкахъ, остальную часть нашей фразы: „руководствуясь исключительно книгой г. Булгакова.“ Выходитъ, что мы задаемся цѣлью познакомить читателей съ сущностью всего вопроса о рынкахъ по книгѣ г. Булгакова. Спрашивается: развѣ можно назвать чрезмѣрной нашу претензію видѣть на страницахъ „Жизни“ исправленіе этой неточности г. Суркова?

II. Но г. Сурковъ не останавливается на этомъ. Построивъ на извращенной имъ цитатѣ предположеніе о нашемъ маломъ знакомствѣ съ затронутой темой, онъ продолжаетъ: „Это подозрѣніе подкрѣпляется еще и другими соображеніями, напримѣръ: г. Б—въ полагаетъ, что терминъ „агрикультурно-мануфактурныя страны“ принадлежитъ самому г. Булгакову...“ и позволяетъ себѣ „напомнить г. Б—ву, что невящаяся ему терминъ принадлежитъ Фридриху Листу...“

На этотъ разъ г. Сурковъ вовсе не приводитъ тѣхъ моихъ словъ, изъ которыхъ было бы видно, что я приписываю г. Булгакову данный терминъ. Но вотъ единственная фраза моей статьи, гдѣ я упоминаю объ этомъ терминѣ: „.... г. Булгаковъ настаиваетъ на различіи между промышленными и земледѣльческими или „агрикультурно-мануфактурными“ странами, приурочивая свои выводы преимущественно къ этимъ послѣднимъ“ (стр. 53). И только. Ясно, что утвержденіе г. Суркова совершенно произвольно. Я ничего не говорю о томъ, кому принадлежитъ поставленный въ кавычки терминъ. Мнѣ не пришло въ голову упомянуть объ этомъ просто потому, что г. Булгаковъ самъ говоритъ въ своей книгѣ о принадлежности этого термина Листу. Вотъ его слова:

...„Въ сущности, для настоящаго времени нужно было бы

создать классификацію, не предусмотрѣнную Листомъ, который различалъ *Agriculturstand* и *Agriculturmanufacturstand* "... (стр. 193).

Ясно, что, останавливаясь въ своей статьѣ на этомъ именно соображеніи г. Булгакова, я не могъ приписать ему ту классификацію Листа, которую онъ желаетъ дополнить.

III. На стр. 325, г. Сурковъ пишетъ: „Конечно, г. Булгаковъ не ахти какой противникъ, и только плохое знакомство г. Б—ва съ экономической литературой заставило его полемизировать съ нимъ“...

Этой фразой г. Сурковъ снова желаетъ подтвердить свое первое предположеніе, построенное имъ на извращенной цитатѣ. Основательность или неосновательность этого новаго доказательства, очевидно, связаны съ основательностью или неосновательностью презрительнаго отзыва г. Суркова о г. Булгаковѣ. Но г. Сурковъ — экономическій обозрѣватель „Жизни“; высказываемое имъ мнѣніе о г. Булгаковѣ подтверждается въ глазахъ читателя тѣмъ фактомъ, что онъ выступаетъ отвѣтственнымъ сотрудникомъ въ журналѣ съ опредѣленнымъ экономическимъ направленіемъ; въ глазахъ читателя, вышеприведенное заявленіе г. Суркова, очевидно, равносильно тому заявленію, что, съ точки зрѣнія экономическаго направленія „Жизни“, г. Булгаковъ — писатель, не заслуживающій того, чтобы съ нимъ полемизировали. Но въ такомъ значеніи это заявленіе совершенно извращаетъ фактическую правду. Въ доказательство этого намъ достаточно будетъ привести нѣсколько цитатъ изъ другихъ статей того же журнала.

Г. Изгоевъ, *Теорія рынковъ въ нашей литературѣ* (апрѣль, 1899 г., стр. 291 — 293 *passim*.): „Съ выходомъ въ свѣтъ книги М. И. Туганъ-Барановскаго: „Промышленные кризисы въ Англіи“, вопросъ о рынкахъ былъ поставленъ на вполне научную почву... Въ концѣ 1897 г. С. Н. Булгаковъ выпустилъ въ свѣтъ свой талантливо написанный этюдъ „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“... Теорія Булгакова есть только распространенное и талантливо изложенное ученіе Туганъ-Барановскаго, выведенное тѣмъ и другимъ изъ марксовскаго анализа обращенія товарныхъ капиталовъ... Критика Туганъ-Барановскаго и Булгакова не оставила отъ всего зданія народнической „теоріи рынковъ“ камня на камнѣ“.

Неждановъ, *Къ вопросу о рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ* (апрѣль, 1899 г., стр. 299): „Заслуга другихъ писателей, возставшихъ противъ теоріи третьихъ лицъ, — именно г. Ильина и въ особенности г. Булгакова, заключалась въ томъ, что они освободили постановку вопроса г. Туганъ-Барановскаго отъ нѣкоторыхъ частныхъ противорѣчій, въ которыя онъ впалъ, и болѣе ярко и отчетливо отбѣнили нѣкоторыя основныя положенія Маркса“...

В. Денъ, *Новая книга о рынкахъ* (іюнь, 1900 г., стр. 374—375): ...„Этотъ взглядъ былъ впервые высказанъ г. Туганъ-Барановскимъ..., а затѣмъ г. Булгаковымъ... Его неоднократно высказывалъ и г. Ильинъ.—Мы всецѣло присоединяемся ко второй изъ спорящихъ сторонъ, громадная заслуга которой, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что она разъ навсегда покончила съ доморощенной теоріей рынковъ... Другими словами, теорія гг. Туганъ-Барановскаго и Булгакова, по нашему мнѣнію, представляетъ значительный шагъ впередъ“...

Мы могли бы продолжить эти выписки, но думаемъ, что для нашей цѣли достаточно и вышеприведенныхъ.

Теперь мы спрашиваемъ г. Суркова: что слѣдуетъ думать о критикѣ, который на основаніи извращенной цитаты, произвольнаго предположенія и презрительнаго отзыва о писателѣ, высокоцѣннымъ въ его же собственномъ журналѣ, дѣлаетъ до неприличія грубый отзывъ объ авторѣ критикуемой имъ статьи?

П. Батинъ.

Новыя изданія Книгоиздательскаго Т-ва «Просвѣщеніе» СПб., Невскій пр., 50.
Вышли и рассылаются: I, II, III и IV томы

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія.

Изданіе Библиографическаго Института (Мейеръ) и Т-ва «Просвѣщеніе».

Подъ общей редакціей

С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Биологическія науки, кромѣ ботаники,—прив.-доц. **А. М. Никольскій**.—Ботаника и сельское хозяйство — проф. **В. Я. Добровольскій**. — Военный отдѣлъ — проф. **А. С. Лыкошинъ**.—Географія, геологія и минералогія—**С. Н. Никитинъ**.—Древнерусскія письменныя и славянскія литературы—прив.-доц. **А. Н. Бороздинъ**.—Иностранныя литературы—проф. **Ө. А. Браунъ** и **П. И. Вейнбергъ**.—Исторія—проф. **П. Н. Милюновъ**.—Русск. литерат. XIX в. и социологія—**С. Н. Юнаковъ**.—Классическія древности—прив. доц. **М. А. Ростовцевъ**.—Музыка—проф. **Л. А. Саньетти**.—Лингвистика—проф. **Д. Н. Овсяннико-Куликовскій**.—Физика, химія и техника—прив.-доц. **М. Ю. Гольдштейнъ**.—Философія—**П. Ө. Наптеревъ**.—Экономическій отдѣлъ—проф. **В. Г. Яроцкій**.—Юридическій отдѣлъ—прив.-доц. **В. М. Гессенъ**.

150,000 статей и указаній на 16,000 страницахъ текста, 10,000 иллюстрацій картъ и плановъ, въ текстѣ и на 1,000 таблицъ, изъ которыхъ 60 хромолитографій, и болѣе 120 картъ въ краскахъ. Всего приблизительно **20.000** страницъ.

Все изданіе составитъ 200 выпусковъ по 50 к. или 20 томовъ въ роскошн. полукож. перепл. по 6 р.

Двойной (пробный) выпускъ высылается за 1 р. (можно почтов. марками). Допускается разсрочка отъ 2-хъ руб. въ мѣс. Выдается все вышедшее.

Серія сочиненій по исторіи литературъ.

Закончено
изданіе:

„Исторія нѣмецкой литературы“.

Отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

Проф. д-ра Фридриха Фогта и проф. д-ра Макса Коха.

Переводъ съ разрѣшенія издателей оригинала, приватъ-доцента Спб. универс. **А. Л. Погодина**. 15 выпусковъ ок. 820 стран. больш. формата и уборист. печати на веленовой бумагѣ, 72 художественно исполненными рисунками въ текстѣ, 2 гравюрами, 18 хромолитографіями и 6 черн. картинами. Цѣна: 15 выпусковъ по 50 к., въ роскошн. шагрен. перепл. 8 р. 60 к. Допускается разсрочка отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

I и II т. т.
вып. 1—40

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Полный пер., подъ редакціей проф. Спб. универс. **А. С. Догеля** (1 т. проф. **П. Ф. Лесгафта**) 60 выпуск. (3 тома), около 3,000 стран. большого формата и убористой печати съ 1.179 рисунк. въ текстѣ, 30-ю хромолитографіями, 50 черными рѣзанными на деревѣ картинками и 1 карт. въ краскахъ. Цѣна каждого выпуска 35 коп.

Закончено изданіе

НАРОДОВѢДНІЕ.

Соч. проф. Фридр. Ратцеля. Полный переводъ со 2-го совершенно переработаннаго и дополненнаго изданія, съ обширн. оригинальными дополненіями и библиографич. указателемъ по русской литературѣ прив.-доц. Д. А. Коропчевскаго. 36 вып. (2 тома), около 1800 страницъ большого формата и убор. печати съ 1,103 рисун. въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ, 30 хромолитогр и 26 черными картинами. Цѣна каждого выпуска по 35 к.

Вып. 6—8 новаго роскошно иллюстрированнаго популярно-научнаго сочиненія

ГОРНОЕ ДѢЛО И МЕТАЛЛУРГІЯ.

Полный переводъ съ значительными дополненіями для Россіи, съ IX нѣмецкаго изданія, подъ редакціей профессоровъ Горнаго Института

И. В. МУШКЕТОВА и В. И. БАУМАНА.

10 выпусковъ (около 700 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ предметнымъ и именнымъ указателемъ), 900 рисунковъ въ текстѣ и 12 приложений (цвѣтныхъ и черныхъ картинъ).

10 выпусковъ по 50 коп. Въ роскошн. полукож. пер. 6 р.

1-й выпускъ роскошно иллюстриров. популярно-научн. соч.

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА СТРОИТЕЛЬ-
НАГО ИСКУССТВА.**

Полный переводъ подъ редакціей и съ значительными дополненіями по русскому зодчеству съ 9-го нѣмецкаго изданія

профессора Института Гражданскихъ Инженеровъ

В. В. ЭВАЛЬДА.

10 вып. (свыше 800 стр. больш. формата и убористой печати, съ подробнымъ предметнымъ и именнымъ указателемъ) съ 900 рисунковъ въ текстѣ и 13 отдѣльными приложениями (хромолитографіями и черными картинами).

10 выпусковъ по 50 коп.

Всѣ рисунки, картины и планы исполнены извѣстной фирмой Отто Шпамеръ въ Лейпцигѣ. Одновременно принимается подписка и на все роскошно иллюстрированное популярное изданіе, въ которое послѣднія два сочиненія войдутъ самостоятельными частями.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

100 выпусковъ по 50 коп.

Подробный иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно. Первый (пробный) выпускъ каждого сочиненія высылается за 6 семи коп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются. Обращаться въ Т-во «Просвѣщеніе», С.-Петербургъ, Невскій 50.

Изданія Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

Масперо. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Гиро.** Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—**Гиро.** Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.—**Томъ, Э.** Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.—**Ланглау.** Исторія Среднихъ вѣковъ (805—1270 г.), съ 81 рис. Ц. 3 р. 50 к.—**Марьёжоль.** Исторія Средн. вѣковъ и Нового времени (1270—1610 г.), съ 111 рис. Ц. 2 р.—**Лануър-Гайе.** Исторія Нового времени (1610—1789 г.), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.—**Бецольдъ.** Исторія реформаціи въ Германіи. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Штраусъ, Ф.** Ульрихъ ф.-Гуттенъ. Ц. 3 р.—**Гаусратъ.** Абельяръ. Арнольдъ Брешіанскій. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное евангеліе. Сегарелли. Доличино. 2 т. Ц. 4 руб. 50 к.—**Мюллеръ.** Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. 4 т. Ц. 10 р.—**Нуглеръ.** Исторія крестовыхъ походовъ, съ рис. и планами. Ц. 3 р.—**Шанль.** Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.—**Додю.** Исторія монархическихъ учрежденій латинно-иерусалимскаго королевства. Ц. 2 р.—**Грегоровіусъ.** Исторія города Афинъ въ средніе вѣка. Ц. 3 р. 50 к.—**Штернъ.** Исторія революціи въ Англіи. Ц. 3 р.—**Сорель.** Европа и французская революція, 4 т. Ц. 11 р. 50 к.—**Бобринскій.** Очеркъ исторіи Польши. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Е. Бѣловъ.** Русская исторія до реформы Петра В. Ц. 3 р.—**Мерцаловъ.** Очерки изъ исторіи смутнаго времени Россіи. Ц. 1 р.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Цѣна 1 р. 50 к.—**Метень.** Соціализмъ въ Англіи. Ц. 1 р. 50 к.—**Джорджъ.** Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.—**Вотъ.** Мѣстное управленіе въ Англіи. Ц. 2 р.—**Мануйловъ.** Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.—**Фриманъ.** Сравнительная политика. Цѣна 2 р. 50 к.—**Дарестъ.** Изслѣдованія по исторіи права. Цѣна 2 руб. 50 коп.—**Монтескье.** Духъ законовъ. Ц. 4 р.—**Бартъ.** Философія исторіи какъ соціологія. Ц. 1 р. 75 к.—**Морганъ.** Первобытное общество. Ц. 3 р.—**Нидерле.** Люди въ доисторическую эпоху. Ц. 5 р.—**Дриль.** Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.—**Истияковский, А.** Изслѣдованіе о смертной казни.

Поль-Луи-Нурье. Политическіе памфлеты (сочиненія 1 ч.) Ц. 2 р.—**Ларра.** Общественные очерки Испаніи. Ц. 2 р. 50 к.—**Паскаль.** Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р. 50 к.—**Лихтенбергъ.** Афоризмы. Ц. 1 р. 50 к.—**Лесамъ.** Исторія Жиль Блаза де-Саянтильяна. Ц. 2 р. 50 к.—**Лозарилло** изъ Тормезъ, пер. съ испанскаго. Ц. 75 к.—**Рейбо.** Жеромъ Патноръ въ поискахъ социальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.—**Апулей.** Золотой Оселъ. Ц. 1 р. 50 к.—**Строшевскій.** На краю гѣсовъ. Ц. 1 р. 25 к.—**Діонео.** На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.—**Ненетъ Грэмъ.** Золотой возрастъ. Ц. 75 к.—**Дни грезъ.** Ц. 65 к.—**Симонъ.** Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Ц. 2 р.—**П. Леруа Болье.** Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалу). Ц. 2 р.

Нохъ. Исторія нѣмецкой литературы (сжатый курсъ). Ц. 1 р. 25 к.—**Шереръ.** Исторія нѣмецкой литературы, 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Тень-Бринъ.** Шекспиръ. Ц. 75 к.—**Бойезень.** «Фаустъ» Гете. Комментарій въ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.—**Левесъ.** Женскіе типы Шекспира. Ц. 2 р.—**Бельшовскій.** Жизнь Гете. 1 т. Ц. 2 р. 50 к.—**Гюйо.** Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Ц. 2 р. 50 к.—**Сейаль.** Леонардо да-Винчи. Ц. 2 р.—**Л. Н. Майновъ.** Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.—**Ждановъ.** Русскій былевой эпосъ. Ц. 5 р.—**Бѣлозерская Н. А.** Нарѣзанный. Ц. 1 р. 75 к.—**Спиноза.** Этика. Ц. 1 р. 50 к.—**Спенсеръ.** Основныя начала (полное изданіе, пер. Н. Г. Чернышевскаго). Ц. 2 р.—**Ригголамъ.** Соціологія Конта (сжатое изложженіе). Ц. 2 р. 50 к.—**Ланге.** Исторія материализма. 2 т. Ц. 1 р. 50 к.—**Ибервергъ-Гейнце.** Исторія новой философіи. Ц. 6 р. Складъ изданій: книжные магазины Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Вильна, Варшава.

Редакторы-Издатели:

{ **Вл. Г. Короленко.**
Н. К. Михайловскій.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY